

Пушкинъ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Сиб.

Статуя А. С. Пушкина.

Сочиненія и письма
А. С. Пушкина.

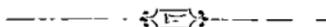
Томъ шестой.

Всемирная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

До 1904 г. въ эту серію вошли слѣдующія
полныя собранія сочиненій:

- А. С. Пушкина,**
подъ редакціей П. О. Морозова;
- М. Ю. Лермонтова,**
подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
- И. А. Крылова,**
подъ редакціей В. В. Каллаша;
- А. Н. Островскаго,**
подъ редакціей М. И. Писарева, арт. Императорскихъ театровъ;
- Н. Г. Помяловскаго,**
съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
- А. А. Потѣхина,**
подъ наблюденіемъ автора.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.
Городская контора: Невскій, 50.

Сочиненія и письма
А. С. Пушкина.

Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ издание, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаніями и художественными приложениями,

подъ редакціей

П. О. Морозова.

Томъ шестой.

**Журнальныя и другія статьи и замѣтки.—
Статьи автобіографическія (1819—1837).**

1-ый и 2-ой томы настоящаго изданія допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

С.-Петербургъ.

Типографія Товарищества „Просвѣщеніе“.

7 рота, 20.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая)

Оглавленіе.

	Стр.		Стр.
Отъ редактора	1	5. О романѣ Загоскина „Юрій Милославскій“	49
I. Журнальныя статьи (1824—1837):		6. О запискахъ Самсона	51
I. Письмо къ издателю „Сына Отечества“	5	7. О „Разговорѣ у княгини Халдиной“ Фонвизина	53
II. О г-жѣ Сталь и о г. А. М-вѣ	6	8. О статьяхъ кн. Вяземскаго	54
III. О предисловіи г. Лемонте	10	9. О карикатурѣ въ Англии	55
IV. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія	16	10. О гекзаметрѣ Мерзлякова	56
V. Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей	24	11. Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ	58
VI. Ромео и Юлія, Шекспира	31	12. О запискахъ Видока	59
VII. Статьи и замѣтки изъ „Литературной Газеты“:		13. О личностяхъ въ критикѣ	61
1. О некрологѣ Раевского	32	14. О неблаговидности нападокъ на дворянство	62
2. О выходѣ Иліады въ перев. Гнѣдича	32	15. О выходкахъ противъ литературной аристократіи	63
3. О литературной критикѣ	33	VIII. Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орловъ	64
4. Объ Исторіи Русскаго Народу, Полевого	34		

	Стр.		Стр.
IX. Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина	74	сборникъ кн. Вяземскаго . . .	171
X. О сочиненіяхъ П. А. Катенина	80	19. О книгѣ „Кавалеристъ-дѣвица“	172
XI. Статьи и замѣтки изъ „Современника“:		20. Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго	173
1. О сочиненіяхъ Георгія Кони-скаго	82	21. Къ запискѣ о древней и новой Россіи . . .	173
2. Вастола, или желанія	88	22. О Мильтонѣ . . .	174
3. Вечера на хуторѣ	89	23. Послѣдній изъ родственни-ковъ Іоанны д'Аркъ	183
4. Къ разсказу „Долина Ажитугай“	90	24. Желѣзная маска	187
5. Россійская Академія	91	25. Записки бригадира Мороде-Бразе	190
6. Записки Н. А. Дуровой	97		
7. Мелкія замѣтки	98	II. Статьи и замѣтки критическія и историко-литературныя (1819—1836):	
8. Мнѣніе М. Е. Лобанова	100	I. Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ	245
9. Вольтеръ	110	II. О народномъ воспитаніи	252
10. Джонъ Теннеръ	119	III. О Байронѣ	259
11. Фракійскія элегіи Теплякова	155	IV. Литературное общество	261
12. Объ обязанностяхъ человѣка, Сильвіо Пеллико	162	V. Отрывки изъ разговоровъ	263
13. Словарь о святыхъ	165	VI. Критическія замѣтки	265
14. Новый романъ	169	VII. Альманашикъ, сценны	287
15. Замѣтка къ повѣсти „Ночь“	169	VIII. Дѣтскія сказочки	293
16. Замѣтка о статьѣ Гоголя	169	IX. О драмѣ	295
17. Замѣтки отъ редакціи	170	X. Баратынскій	305
18. Замѣтка о		XI. Дельвигъ	311
		XII. О книгѣ А. Н. Муравьева: „Путе-	

	Стр.		Стр.
шествіе къ св. мѣстамъ	314	писателяхъ	431
XIII О книгѣ И. И. Дмитріева: „Путешествіе NN“ .	315	XIII. Шейлокъ, Анджело и Фальстафъ, Шекспира	432
XIV. Замячанія на пѣснь о Полку Игоревѣ	317	XIV. Переводы изъ Байрона и Сафо	434
XV. Мысли на дорогѣ .	325	XV. Выписки изъ Четиминей и Пролога	436
XVI. Лордъ Байронъ .	382	IV. Статьи автобиографическія (1815—1835):	
XVII. О повѣстяхъ Павлова	387	I. Отрывки изъ лицейскихъ записокъ	443
XVIII. Александръ Радищевъ	388	II. Изъ Кишиневскаго дневника	452
XIX. Объ „Исторіи поэзіи“ Шевырева .	403	III. Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ	454
III. Мелкія замѣтки (1821—1835):		IV. Воображаемый разговоръ съ императоромъ Александромъ I	454
I. Изъ записной книжки 1821	407	V. Остатки автобиографіи	457
II. Программа ненаписанной поэмы	408	VI. Встрѣча съ Кюхельбекеромъ	460
III. О слогѣ	410	VII. Путешествіе въ Арзрумъ	461
IV. О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности	411	VIII. Записка о Сухоруковѣ	521
V. О вдохновеніи и восторгѣ	413	IX. Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ	523
VI. О народности въ литературѣ	413	X. Программа записокъ	529
VII. Замѣтки при чтеніи книгъ	415	XI. Изъ записной книжки 1831	530
VIII. О смѣлости выраженій	419	XII. Державинъ	537
IX. Разныя замѣтки	420	XIII. Отрывки изъ дневника	538
X. Объ А. Шенье, какъ классикѣ	429	Примѣчанія	575
XI. О приличіи въ литературѣ	430		
XII. О современныхъ французскихъ			

Списокъ иллюстрацій.

	Стр.
Статуя А. С. Пушкина, работы А. М. Опекушина. Памятникъ въ Москвѣ	1
Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, отецъ поэта († 1848 г.).	256
Надежда Осиповна Пушкина, мать поэта, рожд. Ганнибаль. Портретъ съ натуры, рисованный аква- релью графомъ де-Мэстромъ. Воспроизведенъ непо- средственно съ оригинала	416
Молодой парень съ боченкомъ. Лицейскій ри- сунокъ А. С. Пушкина, исполненный итальянскимъ карандашомъ 26 июня 1813 г. Принадлежить Пушкин- скому музею Императорскаго Александровскаго лица. Вос- произведенъ непосредственно съ оригинала	448
Виньетка къ 1-му т. „Новоселья“ 1833 года. Рисунокъ К. П. Брюллова, гравированный Галактіо- новымъ	560

Въ настоящемъ томѣ собраны статьи и замѣтки весьма разнообразнаго содержанія, — историко-литературныя, критическія, полемическія, автобіографическія, бѣглыя замѣтки при чтеніи книгъ, афоризмы, наброски программъ для разныхъ задуманныхъ Пушкинымъ работъ, выписки и т. п. Значительная часть всего этого матеріала при жизни поэта не была напечатана, да и не предназначалась имъ для печати; многое осталось въ его бумагахъ въ совершенно черновомъ, неотдѣланномъ видѣ. Точное хронологическое приуроченіе и распредѣленіе всѣхъ этихъ статей и набросковъ, часто мелкихъ и случайныхъ, представляется совершенно невозможнымъ; попытки прежнихъ изданій (Литературнаго Фонда, г. Ефремова и др.) размѣстить ихъ въ приблизительномъ хронологическомъ порядкѣ дали въ результатѣ только крайнюю пестроту, затрудняющую разыскиваніе той или другой статьи въ этой массѣ разнороднаго матеріала. Вотъ почему мы рѣшились въ настоящемъ томѣ отступить отъ прежняго порядка и раздѣлить всѣ вошедшія въ него статьи, по ихъ содержанію, на четыре большихъ отдѣла: I) журнальныя статьи-напечатанныя при жизни Пушкина; II) статьи и замѣтки критическія, полемическія, историко-литературныя, оставшіяся, по разнымъ причинамъ, не напечатанными при жизни поэта; III) разные, извлеченныя изъ его бумагъ, мелкія замѣтки, наброски программъ, выписки, переводы и т. п. и IV) статьи

автобіографическаго содержанія, — обрывки записокъ, дневникъ, Путешествіе въ Арзрумъ. Въ каждомъ изъ указанныхъ отдѣловъ статьи размѣщены въ порядкѣ хронологическомъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ подлинники сохранились въ доступныхъ намъ рукописяхъ, вновь свѣрены съ этими рукописями, исправлены и отчасти дополнены; такъ, на примѣръ, болѣе или менѣе существенныя исправленія сдѣланы въ статьяхъ: „Мысли на дорогѣ“, „Замѣчанія объ русскомъ театрѣ“, „Критическія замѣтки“; въ первый разъ напечатаны, по подлинникамъ, переводы изъ Байрона и Сафо; въ „Дневникъ“ внесены дополненія, уже обнародованныя гг. Ефремовымъ и Якушкинымъ, и проч. Необходимыя бібліографическія указанія и историко-литературный комментарий къ каждой статьѣ даны въ примѣчаніяхъ.

I.

Журнальные статьи

1824 — 1837.

I.

Письмо къ издателю „Сына Отечества“.

(1824).

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случилось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣшей благодарностью читалъ изрѣдка лестныя похвалы и ободренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружескаго любія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго Фонтана, присоединилъ къ оному „Разговоръ между издателемъ и антиромантикомъ“ — разговоръ, вѣроятно, вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ классикомъ Выборгской стороны,

то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей словесности. Онъ напечаталъ въ 5-мъ № Вѣстника Европы второй разговоръ между издателемъ и классикомъ, гдѣ, между прочимъ, прочелъ я слѣдующее:

„Изд. Итакъ, разговоръ мой вамъ не нравится? Класс. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина; думаю, и самъ авторъ объ этомъ пожалѣетъ“.

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова“ писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу, или не имѣю права, жаловаться по дружому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы извѣстнаго критика. —

Одесса.

Александръ Пушкинъ.

II.

О г-жѣ Сталь и о Г. А. М. — вѣ.

(1825).

Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь книга: „Десятилѣтнее изгнаніе“ должна была преимущественно обратить на себя вниманіе русскихъ. Взглядъ быстрый и проницательный, замѣчанія разительныя по

своей новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ сочинительницы — все приносить честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вотъ что сказано объ ней въ одной рукописи: „Читая ея книгу *Dix ans d'exil*, можно видѣть ясно, что тронутая ласковымъ пріемомъ русскихъ бояръ, она не высказала всего, что бросалось ей въ глаза *). Не смѣю въ томъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ“. Эта снисходительность, которую не смѣетъ порицать авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россію какъ священное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣренностію и радушіемъ. Исполняя долгъ благороднаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностію, съ полнотою душевною хвалить, порицаетъ осторожно, не выносить сора изъ избы. Будемъ же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостепріимство наше...

Изъ Россіи г-жа Сталь ѣхала въ Швецію по печальнымъ пустынямъ Финляндіи. Въ преклонныхъ лѣтахъ, удаленная отъ всего милаго ея сердцу, семь лѣтъ гонимая дѣятельнымъ деспотизмомъ Наполеона, принимая мучительное участіе въ политическомъ состояніи Европы, она не могла, конечно, въ сіе время (въ осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслажденія красотами природы. Немуд-

*) Рѣчь идетъ о большомъ обществѣ петербургскомъ прежде 1812 г. Соч.

рено, что почернѣлыя скалы, дремучіе лѣса и озера наводили на нее уныніе.

Недоконченныя ея записки останавливаются на мрачномъ описаніи Финляндіи...

Г. А. М. („Сынъ От.“ № 10), пробѣгая снова книжку г-жи Сталь, набрелъ на сей послѣдній отрывокъ и перевелъ его довольно тяжелою прозою, присовокупивъ къ оному слѣдующія замѣчанія на грезы г-жи Сталь: „Не говоря уже о обличеніи вѣтренаго легкомыслія, отсутствія наблюдательности и совершеннаго невѣдѣнія мѣстности, невольно поражающихъ читателей, знакомыхъ съ твореніями автора книги о Германіи, я въ свою очередь былъ пораженъ самимъ разсказомъ, во всемъ подобнымъ пошлому пустомельству тѣхъ щепетильныхъ французиковъ, которые, немного времени тому назадъ, являясь съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и богатыми надеждами въ Россію, такъ радостно принимались щедрыми и подчасъ неумѣстно-добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)“.

Что за слогъ и что за тонъ! Какое сношеніе имѣють двѣ страницы „Записокъ“ съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на французскую революцію и проч., и что есть общаго между щепетильными (?) французиками и дочерью Неккера, гонимую Наполеономъ и покровительствуемую великодушіемъ русскаго императора?

„Кто читалъ творенія г-жи Сталь“, продолжаетъ г. А. М. „въ коихъ такъ часто ширяется она и пр... гому точно покажется страннымъ, какъ безпредѣльные лѣса и проч.... не сдѣлали другого впечатлѣнія на автора Коринны, кромѣ скуки отъ единообразія!“ —

За симъ г. А. М. ставитъ въ примѣръ самого себя. „Нѣтъ! никогда“, говоритъ онъ, „не забуду я волненія души моей, расширявшейся для вмѣщенія столь сильныхъ впечатлѣній. Всегда буду помнить утра...“ и проч. — Слѣдуетъ описаніе сѣверной природы слогомъ, совершенно отличнымъ отъ прозы г-жи Сталь.

Далѣе совѣтуетъ онъ покойной сочинительницѣ, посредствомъ какого либо толмача, разспросить извощиковъ своихъ о точной причинѣ пожаровъ и пр.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ абовскому университету отмѣнно не понравилась г-ну А. М., но г. А. М. и самъ расшутился. „Ужели“, говоритъ онъ, „400 студентовъ, тамъ воспитывающихся, готовятъ себя въ звѣроловы? Въ этомъ случаѣ академію сію могла бы она точнѣе назвать псарнымъ дворомъ? Ужели г-жа Сталь не нашла другого способа отыскивать причинъ, замедляющихъ ходъ просвѣщенія, какъ перерядившись Діаной, заставить читателя рыскать вмѣстѣ съ собою въ лѣсахъ финляндскихъ, по порошамъ, за медвѣдями и волками,— и зачѣмъ ихъ искать въ берлогахъ?.. Наконецъ, отъ страха, наведеннаго на робкую душу нашей барыни“ и проч.

О сей барынѣ должно было говорить языкомъ вѣжливымъ образованнаго человѣка. Эту барыню удостоилъ Наполеонъ гоненія, монархи довѣренности, Европа своего уваженія, а г. А. М.— журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной.

Уважень хочешь быть, умѣй другихъ уважить.

Ст. Ар.

Ш.

О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басень И. А. Крылова.

(1825).

Любители нашей словесности были обрадованы предпріятіемъ графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода, столь блестящій и столь недостаточный, нанесетъ нѣсколько вреда баснямъ неподражаемаго нашего поэта. Многіе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали предисловія г-на Лемонте; оно въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательно, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. Вообще тамъ, гдѣ авторъ долженъ былъ необходимо писать по наслышкѣ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственныя догадки и заключенія удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся до такихъ предметовъ, о коихъ мнѣнія его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью *) съ невольной досадою, какъ иногда слушаешь разговоръ очень умнаго человѣка, который, будучи связанъ какими-то приличіями, слишкомъ многого не договариваетъ и слишкомъ часто отмалчивается.

Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію нашей словесности, авторъ говоритъ нѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаетъ его первобытнымъ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ способенъ къ усовершенствованію и, ссылаясь на увѣренія русскихъ, предпо-

*) По крайней мѣрѣ — въ переводѣ, напечатанномъ въ „Сынѣ Отечества“. Мы не имѣли случая видѣть французскій подлинникъ.

лагаеть, что онъ богатъ, сладкозвучень и обилень разнообразными оборотами.

Мнѣнія сіи не трудно было оправдать. Какъ матеріаль словесности, языкъ славяно-русскій имѣеть неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, дароваль ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.

Г. Лемонте напрасно думаетъ, что владычество татаръ оставило ржавчину на русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и превосходствомъ. Какія же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ въ языкѣ образованныхъ китайцевъ, и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ стоная подъ татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сѣтованія. Таковой же примѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣеть на поработенный народъ сохраненіе его языка? Разсмотрѣніе сего вопроса завлекло бы насъ

слишкомъ далеко. Какъ бы то ни было, едва ли полсотни татарскихъ словъ перешло въ русскій языкъ. Войны литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка; онъ одинъ оставался неприкосновенною собственностію несчастнаго нашего отечества.

Въ царствованіе Петра I началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія голландскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ словъ. Сія мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ государями и вельможами; къ счастію явился Ломоносовъ.

Г. Лемонте въ одномъ замѣчаніи говоритъ о всеобъемлющемъ геніи Ломоносова; но онъ взглянулъ не съ настоящей точки на великаго сподвижника Великаго Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ... Первый углубляется въ исторію отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ машины, даритъ художества мозаическими произведеніями и, наконецъ, открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываетъ исключительно страстію немногихъ, родившихся поэтами; она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни; но если мы станемъ излѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда

главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же — иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтушій и живописный, заимлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго слиянія онаго съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему преложенія псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзій священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія *). Они останутся вѣчными памятниками русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ челоувѣкъ, умершій семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мелочныя почести моднаго писателя!

Упомянувъ объ исключительномъ употребленіи французскаго языка въ образованномъ кругу нашихъ обществъ, г. Лемонте, столь же остроумно, какъ и справедливо, замѣчаетъ, что русскій языкъ чрезъ то долженъ былъ непременно сохранить драгоцѣнную свѣжесть, простоту и, такъ сказать, чистосердечность выраженій. Не хочу оправдывать нашего равнодушія къ успѣхамъ отечественной литературы, но нѣтъ сомнѣнія, что если наши писатели чрезъ то теряютъ много удовольствія, по крайней мѣрѣ языкъ и сло-

*) Любопытно видѣть, какъ тонко насмѣхается Тредьяковскій надъ славянщицами Ломоносова, какъ важно совѣтуетъ онъ ему перенимать легкость и шеголеватость рѣченій изрядной компаніи! Но удивительно, что Сумароковъ съ большою точностію опредѣлялъ въ одномъ полустижіи достоинство Ломоносова-поэта:

Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ!
Enfin Matherbe vint et le premier en France etc. —

весность много выигрываютъ. Кто отклонилъ французскую поэзію отъ образцовъ классической древности? Кто напудрилъ и нарумянилъ Мельпомену Расина и даже строгую музу стараго Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоскъ вѣжливости и остроумія на всѣ произведенія писателей XVIII столѣтія? Общество M-mes du Deffand, Boufflers, d'Erinau, очень милыхъ и образованныхъ женщинъ. Но Мильтонъ и Данте писали не для благосклонной улыбки прекраснаго пола.

Строгій и справедливый приговоръ французскому языку дѣлаетъ честь безпристрастію автора. Истинное просвѣщеніе безпристрастно. Приводя въ примѣръ судьбу сего прозаическаго языка, г. Лемонте утверждаетъ, что и нашъ языкъ не столько отъ своихъ поэтовъ, сколько отъ прозаиковъ долженъ ожидать европейской своей общежительности. Русскій переводчикъ оскорбился симъ выраженіемъ; но если въ подлинникѣ сказано *civilisation européenne*, то сочинитель чуть ли не правъ.

Положимъ, что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по-русски не изъяснялись; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣнность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны.

Г. Лемонте, входя въ нѣкоторыя подробности касательно жизни и привычекъ нашего Крылова, ска-

заль, что онъ не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ и только понимаетъ по-французски. Неправда! рѣзко возражаетъ переводчикъ въ своемъ примѣчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Крыловъ знаетъ главные европейскіе языки и, сверхъ того, онъ, какъ Альфіери, пятидесяти лѣтъ выучился древнему греческому. Въ другихъ земляхъ таковая характеристическая черта извѣстнаго человѣка была бы прославлена во всѣхъ журналахъ; но мы въ біографіи славныхъ писателей нашихъ довольствуемся означеніемъ года ихъ рожденія и подробностями послужного списка, да сами же потомъ и жалуемся на невѣдѣніе иностранцевъ о всемъ, что до насъ касается.

Въ заключеніе скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшаго истинно-народнаго поэта, дабы познакомить Европу съ литературою Сѣвера. Конечно, ни одинъ французъ не осмѣлится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (*païveté*, *bonhomie*) есть врожденное свойство французскаго народа; напротивъ того, отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ — представители духа обоихъ народовъ.

Н. К.

12 августа.

Р. S. Мнѣ показалось излишнимъ замѣчать нѣкоторыя явныя ошибки, простительныя иностранцу, напримѣръ сближеніе Крылова съ Карамзинымъ (сближеніе, ни на чемъ не основанное), мнимая неспособность языка нашего къ стихосложенію совершенно метрическому и проч.

IV.

Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

(1827).

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого - то слова, такого - то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности. ¹

*

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магометора.

*

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хотъ, можетъ быть, и глубокомысленнаго.

*

Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѐму. Вслушайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки. ²

*

„Мнѣ пришла въ голову мысль“, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, N. N., вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не такъ.

*

Чѣмъ болѣе мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ. Однако есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностію, удивляются своему гению съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

*

Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.³

*

Примѣры невѣжливости. — Въ нѣкоторомъ азіатскомъ народѣ мужчины каждый день, возставъ отъ сна, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ не женщинами.

Магометъ оспариваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ, прославленной своею учтивостію, грамматика торжественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Стихотворецъ отдалъ свою трагедію на разсмотрѣніе извѣстному критику. Въ рукописи находился стихъ:

Я человѣкъ и шла путями заблужденій...

Критикъ подчеркнулъ стихъ, усомнясь, можетъ ли женщина называться человѣкомъ. Это напоминаетъ

извѣстное рѣшеніе: женщина не человѣкъ, курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и приноравливаясь къ слабости ихъ понятія, издаютъ ученые книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и т. п.

*

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. „Ваше высокопревосходительство! меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ.“ — Какъ же, братецъ? — отвѣчалъ ему Шуваловъ: у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую. — „Ахъ, ваше высокопревосходительство, вы имѣете резонъ“, отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть битымъ. Въ дѣлѣ Волинскаго сказано, что сей однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго пѣвца Василія Тредьяковскаго; но ода была не готова, и пылкій статсъ-секретарь наказалъ тростію оплошнаго стихотворца.

*

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется бессмыслица, за то ужъ прозы не найдется. Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами; другая — отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

*

„Все, что превышаетъ геометрію, превышаетъ

нась“, сказалъ Паскаль — и вслѣдствіе того написалъ свои философическія мысли.

*

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. ⁴
Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи... Что это значить? Можно ли сказать, что хорошій завтракъ лучше дурной погоды?

*

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux.
Хорошо было сказать это въ первый разъ; но какъ можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служитъ основаньемъ поверхностной критикѣ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ, ⁵ во всякомъ случаѣ, есть только первый шагъ умствования. Впрочемъ, нѣкто замѣтилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: également bons. ⁶

*

Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра и еще не игранный и не напечатанной. Забавная словесность! ⁷

*

Л., состарѣвшійся волокита, говоритъ: „Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.“

*

Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзи.

*

Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (*point d'honneur*), очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности пожертвовать всѣмъ для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Феодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могущій Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ. ⁸

*

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе. „Государственное правило“ — говорить Карамзинъ — „ставить уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному.“ Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое и тѣмъ самымъ уже были достойны своего освобожденія... Можетъ ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической завистію нѣкоторыхъ философовъ, служитъ только къ распространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage! ⁹

*

Сказано: *les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples.* Но какой же народъ ввѣрять права

свои тайнымъ обществамъ, и какое правительство, уважающее себя, войдетъ съ оными въ переговоры?

*

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видалъ бы собственными глазами. Однакожь въ Донъ-Жуанѣ описываетъ онъ Россію; за то примѣтны нѣкоторыя погрѣшности противу мѣстности. Напримѣръ, онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила; Донъ-Жуанъ отправляется въ Петербургъ въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной, каменистой дорогѣ. Измаиль взятъ былъ зимою, въ жестокой морозъ. На улицахъ непріятельскіе трупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдитель ѣхалъ по нимъ, удивляясь опрятности города: „Помилуй Богъ, какъ чисто!..“ Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки, болѣе важныя. — Байронъ много читалъ и спрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую карикатуру, изданную въ Варшавѣ во время суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.

*

Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ гениемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
 Достопочтенный лордъ Мидасъ ¹⁰,
 Съ душой посредственной и низкой,
 Чтобъ не упасть дорогой склизкой,
 Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
 И сталъ извѣстный господинъ.
 Еще два слова объ Мидасѣ:
 Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
 Глубокихъ замысловъ и думъ;
 Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
 Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
 За то былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
 Лъстецы героя моего,
 Не зная, какъ хвалить его,
 Провозгласить рѣшились тонкимъ, и проч.

Пушкинъ.

*

Coquette, rûde. Слово кокетка обрусѣло, но rûde не переведено и не вошло еще въ употребленіе. Слово это означаетъ женщину, чрезмѣрно щекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести (женской), — недотрогу. Такое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилыя женщины позволяютъ многое знать и многого опасаться; но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, прюдство или смѣшно, или несносно. ¹¹

*

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени князя Потемкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о статистикѣ только той губерніи, въ которой находятся ихъ помѣстья; со всѣмъ тѣмъ почитаютъ

себя патриотами, потому что любятъ ботвинью и что дѣти ихъ бѣгають въ красной рубашкѣ.

*

Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

*

Появленіе Исторіи Государства Россійскаго (какъ и надлежало быть) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. 3000 экз. разошлись въ одинъ мѣсяць, чего не ожидалъ и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди бросились читать исторію своего отечества. Она была для нихъ новымъ открытіемъ Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка — Колумбомъ. Нѣсколько времени ни гдѣ ни о чемъ не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать; они были въ состояніи отучить хоть кого отъ охоты къ славѣ. Одна дама (впрочемъ очень милая), при мнѣ, открывъ вторую часть прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... „Однако! зачѣмъ не но? Однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?“ ¹¹ Въ журналахъ его не критиковали; у насъ никто не въ состояніи изслѣдовать, оцѣнить огромное созданіе Карамзина. Каченовскій бросился на предисловіе. Никита Муравьевъ, молодой человекъ умный и пылкій, разобралъ предисловіе (предисловіе!). Михаилъ Орловъ, въ письмѣ къ Вяземскому, пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего творенія не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т. е. требовалъ отъ историка не исторіи, а чего-то другого. Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина; за то почти никто

не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Примѣчанія къ русской исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ, и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Многіе забывали, что Карамзинъ печаталъ свою исторію въ Россіи. Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

*

Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила.

—

V.

Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей.

(1829).

Tantæne animis scholasticis irael ¹

Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму. — Постараемся изложить исторически все дѣло, *sine ira et studio*.

Въ концѣ минувшаго года редакторъ „Вѣстника Европы“, желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя учеными званіями. Убѣдившись

единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости Вѣстника Европы, сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщаль употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ бесплодныхъ ². „Предполагаю работать самъ“, говорилъ почтенный редакторъ, „не отказывая, однакожь, и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ“. Сія позднія, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія похвальная заботливость о русской литературѣ, сія скромная снисходительность къ своимъ сотрудникамъ тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора Вѣстника Европы. Его глубокія знанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣтильникъ исторической его критики озаритъ вышеупомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ Исторіи Государства Россійскаго, или даже разсужденіями о куньихъ мордкахъ ³, но вѣрнымъ взоромъ обниметь наконецъ твореніе Карамзина, оцѣнитъ систему его разысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній,

дополнить недосказанное. Въ критикахъ собственно-литературныхъ мы не будемъ слышать то брюзгливаго ворчанья какого-нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ статьяи, наполненными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами. Писатели извѣстные не будутъ ими презирать, ибо услышать не жалкія шуточки журнальнаго гаера, но окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на Вѣстникъ Европы. Но г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей - журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20-й книжкѣ Московскаго Телеграфа прошедшаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора Вѣстника Европы. Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ, вѣроятно неумышленно, г. Каченовскимъ, онъ говоритъ:

„Если бы онъ (Вѣстникъ Европы), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія; мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно сжали бы слушать его“.

Странныя требованія! Въ лѣтахъ Вѣстника Европы уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ законѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная; а если сознанія, требуемая г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

„Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы?“ продолжаетъ г. Полевой. „Гдѣ его права, и на какой воздѣланной его трудами землѣ онъ водрузить свои знамена: гдѣ, за какимъ океаномъ, эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя Вѣстника Европы, не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель Вѣстника Европы засѣлъ на одномъ мѣстѣ, и неподвижно просидѣлъ болѣе двадцати лѣтъ. Дивиться ли, что теперь Вѣстнику Европы видятся чудныя распри, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдь звенящая?“

На сіе отвѣтствуемъ:

Если г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, въ теченіе двадцати шести лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однакожь себѣ безсмертную славу, то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ оиъ примется за дѣло не на шутку?

Г-нъ Каченовскій просидѣлъ двадцать шесть лѣтъ на одномъ мѣстѣ — согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго — но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевелъ „Терезу и Фальдони“ ⁴ — что за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что г. Полевой не правъ.

ибо обнаруживается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходы нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № Вѣстника Европы слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника, г. Надоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку, и журналу, въ коемъ они участвуютъ) ⁵.

„Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигнуо ⁶ я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ бесплодной полемики; а теперъ не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, если бъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастье продолжать оную. Рдръ.“

Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола г. Бенигны предпринялъ почтенный редакторъ? что значить игривый произволъ г. Бенигны? что такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста? (Впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы донинѣ остается темень, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи). Многочисленные почитатели Вѣстника Европы затрепетали, прочитавъ сіи мрачныя, грозныя, безпорядочныя строки.

Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Міхаила Трофімовича. Къ счастью, скоро все объяснилось. Оскорбленный, какъ издатель „Вѣстника Европы“, г. Каченовскій рѣшился требовать защиты законовъ, какъ ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ цензурный комитетъ съ жалобой на цензора, пропустившаго статью г. Полевого.

Успокоясь насчетъ ужаснаго смысла вышеупомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о бесполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ г. Полевого личная честь г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель Московскаго Телеграфа не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души. Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружились въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердце краснорѣчіемъ сердца и, вопреки чувству уваженія и преданности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику, ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрымъ и благодѣтельнымъ уставомъ. В. В. Измайловъ, которому отечественная словесность уже многимъ обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія столь же умѣреннаго, какъ и справедливаго.

Между тѣмъ, ожесточенный издатель Московскаго Телеграфа напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. Каченовскаго

была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донынѣ, кромѣ переводовъ съ переводовъ и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ сгатеекъ, ничего не произвелъ. Скучность, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Михаилъ Трофімовичъ нѣсколько разъ позволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ издателя Телеграфа винымъ заводомъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!); что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній — купецъ (другое, столь же ужасное обвиненіе!), и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго, родового дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ — какое намъ дѣло до гербовъ и пыльных грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны предъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

Однакожь, — таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! — и тутъ мы укоряли г. Полевого въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ русскому бук-

варю и преобразовать оный такъ, что что свѣдѣнія Міхаила Трофімовича въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію ⁷.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ рѣшеніе главнаго управленія цензуры водворило спокойствіе въ области словесности и прекратило распрю миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ.

VI.

Ромео и Юлія, Шекспира.

(1829).

Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ поправлены. Трагедія Ромео и Джульета, хотя слогомъ своимъ и совершенно отдѣляется отъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ явно входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ вольной и широкой его кисти, что ее должно почестъ сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилась Италія, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, нѣгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и concetti. Такъ понялъ Шекспиръ драматическую мѣстность. Послѣ Джульеты, послѣ Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданій шекспировской граціи, Меркутіо, образецъ молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутіо, есть замѣчательнѣйшее лицо изъ всей трагедіи. Поэтъ избралъ его въ представители итальянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, французами XVI вѣка.

VII.

**Статьи и замѣтки изъ Литературной
Газеты.**

(1830).

1. О некрологіи Раевского.

Въ концѣ истекшаго года вышла въ свѣтъ „Некрологія генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевского“, умершаго 16 сентября 1829 года. Сіе сжатое обзорѣніе, писанное, какъ намъ кажется, человѣкомъ свѣдушимъ въ военномъ дѣлѣ, отличается благородною теплою слога и чувствъ. Желательно, чтобы то же перо описало пространнѣе подвиги и частную жизнь героя и добродѣтельнаго человѣка. Съ удивленіемъ замѣтили мы непонятное упущеніе со стороны неизвѣстнаго автора некролога: онъ не упомянулъ о двухъ отрокахъ, приведенныхъ отцомъ на поля сраженій въ кровавомъ 1812-мъ году!.. Отечество того не забыло.

2. О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича.

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе, — съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо

лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единого, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность.

3. О литературной критикѣ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ даютъ замѣтить, что „Литературная Газета“ у насъ не можетъ существовать по весьма простой причинѣ: у насъ нѣтъ литературы. Еслибъ это было справедливо, то мы не нуждались бы и въ критикѣ; однакожь, произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненные по достоинству. Критика въ нашихъ журналахъ или ограничивается сухими библиографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ и проч. — „Очистите мѣсто для новой статьи моей“, пишетъ сотрудникъ. „Съ удовольствіемъ“, отвѣчаетъ издатель. И это все напечатано. Недавно въ одномъ журналѣ было упомянуто о порохѣ. „Вотъ ужъ вамъ будетъ порохъ!“ сказано въ замѣчаніи наборщика, а самъ издатель возражаетъ на сіе:

„Могущему пороку — брань,
Безильному — презрѣнье“.

Эти семейныя шутки должны имѣть свой ключъ и, вѣроятно, очень забавны; но для насъ онѣ пока мѣсть не имѣютъ никакого смысла.

Скажутъ, что критика должна единственно заниматься произведеніями, имѣющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію, и въ семь отношеніи нравственныя наблюденія важнѣе наблюденій литературныхъ. Въ прошломъ году напечатано нѣсколько книгъ (между прочими Иванъ Выжигинъ), о коихъ критика могла бы сказать много поучительнаго и любопытнаго. Но гдѣ же онѣ были разобраны, пояснены? Не говоря уже о живыхъ писателяхъ, — Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ ожидаютъ еще египетскаго суда. Высокопарныя прозвища, безусловныя похвалы, пошлыя восклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ. Впрочемъ, „Литературная Газета“ была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ.

4. Объ Исторіи Русскаго Народа, Полевого.

статья 1.

Мы не охотники разбирать заглавія и предисловія книгъ, о коихъ обязываемся отдавать отчетъ публикѣ; но передъ нами первый томъ Исторіи Русскаго Народа, соч. г. Полевымъ, и поневолѣ должны мы остановиться на первой строкѣ посвященія: Г-ну Нибуру, первому историку нашего вѣка. Спрашивается: кѣмъ и какимъ образомъ г. Полевой уполномоченъ назначать мѣста писателямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность? Долженъ ли г. Нибуръ быть благодаренъ г. Полевому за милостивое производ-

ство въ первые историки нашего вѣка, не въ примѣръ другимъ? Нѣтъ ли тутъ, со стороны г. Полевого, излишней самонадѣянности? Зачѣмъ съ первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недовѣрчиваго къ выходкамъ авторскаго самолюбія и предубѣжденнаго противъ нескромности? Самое посвященіе, вѣроятно, не помирить его съ г. Полевымъ. Въ немъ господствуетъ единая мысль, единое слово: Я, еще болѣе неловкое, чѣмъ ненавистное Я. Послушаемъ г. Полевого: „Въ то время, когда образованность и просвѣщеніе соединяють всѣ народы союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи жребія человѣчества, когда высокія помысленія, плоды философскихъ наблюденій, и великія истины прошедшаго и настоящаго составляютъ общее наслѣдіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ...“ тогда — что бы вы думали? „я осмѣливаюсь поднести вамъ мою Исторію Русскаго Народа“.

Belle conclusion et digne de l'exordel

Далѣе: „Я не поколебался писать Исторію Россіи послѣ Карамзина: утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи; я зналъ подробности событій, я чувствовалъ ихъ, какъ русскій; я былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра...“ Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачѣмъ терять хоть единый голосъ въ собственную пользу? Но есть мѣра всему. Далѣе: „Она (картина г-на Полевого) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношеніе мое покажетъ вамъ, что въ Россіи столько же умѣють цѣнить и почитать васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра“. Опять! Какъ

можно самому себя выдавать за представителя всей Россіи! За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе. Вступленіе въ оное писано темнымъ, изысканнымъ слогомъ и своими противорѣчіями и многословіемъ напоминаетъ философическую статью о Русской Исторіи, напечатанную въ Московскомъ Телеграфѣ и разобранную съ такою оригинальною веселостію въ Славянинѣ. ¹

Приемлемъ смѣлость замѣтить г-ну Полевому, что онъ постуилъ по крайней мѣрѣ неискусно напавъ на Исторію Государства Россійскаго въ то самое время, какъ начиналъ печатать Исторію Русскаго Народа. Чѣмъ полнѣе, чѣмъ искреннѣе отдалъ бы онъ справедливость Карамзину, чѣмъ смиреннѣе отозвался бы онъ о самомъ себѣ, тѣмъ охотнѣе были бы всѣ готовы привѣтствовать его появленіе на поприщѣ, ознаменованномъ безсмертнымъ трудомъ его предшественника. Онъ отдалилъ бы отъ себя нареканія, правдоподобныя, если не совсѣмъ справедливыя. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, не есть подлость (какъ осмѣлился кто-то напечатать), но первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству, какъ нѣкогда, по указу эфоровъ, однимъ хіосскимъ жителямъ дозволено было пакостить всенародно.

Карамзинъ есть первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своею критикой онъ принадлежитъ исторіи, простодушіемъ и апофѳегмами — хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единого важнаго происшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ рассказъ его неудовлетворителенъ, тамъ недоставало

ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его размышленія, своею иноческою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употреблялъ какъ краски, но не полагалъ въ нихъ никакой существенной важности. „Замѣтимъ, что сіи апофеегмы“, говоритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, „бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ“. Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственного направленія повѣствованія къ какой нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, г-нъ Полевой,—никакого: вольному воля, какъ говорили наши предки.

Г. Полевой замѣчаетъ, что 5-я глава XII тома была еще недописана Карамзинымъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати, и дѣлаетъ вопросъ: „Когда жѣ думалъ историкъ?“

На сіе отвѣствуемъ:

Когда первые труды Карамзина были съ жадностію принимаемы публикою, имъ образуемою, когда лестный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ исторіи Россіи и мысленно обнималъ свое будущее созданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ имъ еще начатъ, а уже историкъ думалъ о той страницѣ, на которой смерть застала послѣднюю его мысль... Г-нъ Полевой, немного подумавъ, конечно, самъ удивится своему легкомысленному вопросу.

СТАТЬЯ 2.

Дѣйствіе Вальтеръ Скотта ощутительно во всѣхъ отрасляхъ ему современной словесности. Новая школа французскихъ историковъ образовалась подѣ вліяніемъ шотландскаго романиста. Онъ указалъ имъ источники совершенно новые, неподозрѣваемые прежде, не смотря на существованіе исторической драмы, созданной Шекспиромъ и Гете.

Г-нъ Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри² и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодого неопита. Плѣняясь романическою живостію истины, выведенной передъ насъ въ простодушной наготѣ лѣтописи, онъ фанатически отвергнулъ существованіе всякой другой исторіи. Судимъ не по словамъ г-на Полевого, ибо изъ нихъ невозможно вывести никакого положительнаго заключенія; но основываемся на самомъ духѣ, въ которомъ вообще писана Исторія Русскаго Народа, на стараніи г-на Полевого сохранить драгоценныя краски старины и частыхъ его заимствованій у лѣтописей. Но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ г-нѣ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія Исторіи Государства Россійскаго, такъ и разсказъ г-на Полевого слишкомъ часто — не что иное, какъ пародія разсказа исторіографа.

Исторія Русскаго Народа начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи и нравовъ дикихъ ея обитателей (подражаніе Тьерри); но, переходя къ описанію странъ, Россією нынѣ именуемыхъ, и народовъ, нѣкогда тамъ обитавшихъ, г-нъ Полевой становится столь же теменъ въ изло-

женіи своихъ этнографическихъ понятій, какъ въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ исторіи русскаго народа, и, утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: „Итакъ мы видимъ... Изъ сего слѣдуетъ... Мы въ нѣсколькихъ словахъ означили главныя черты великой картины...“ между тѣмъ какъ мы ничего не видимъ, какъ изъ этого ничего не слѣдуетъ и какъ г-нъ Полевой въ весьма многихъ словахъ означилъ не главныя черты великой картины.

Желаніе противорѣчить Карамзину поминутно увлекаетъ г-на Полевого въ мелочныя придирки, въ пустыя замѣчанія, большею частію несправедливыя. Онъ то соглашается съ Татищевымъ, то ссылается на Розенкампа, то утвердительно и безъ доказательства повторяетъ нѣкоторые скептическіе намеки г-на Каченовскаго. Признавъ уже достовѣрность похода къ Царьграду, онъ сомнѣвается, имѣлъ ли Олегъ съ собою сухопутное войско. „Гдѣ могли пройти его дружины“, говоритъ г-нъ Полевой: „не чрезъ Булгарію по крайней мѣрѣ“. Почему же нѣтъ? Какая тутъ физическая невозможность? Оспаривая у Карамзина смыслъ выраженія: на ключъ, онъ пускается въ догадки, ни на чемъ не основанныя. Быть можетъ, и Карамзинъ ошибся въ примѣненіи своей догадки: ключъ (символь хозяйства), какъ котель у казаковъ, означалъ, вѣроятно, общее хозяйство, артель.*) Въ древнемъ договорѣ Карамзинъ читаетъ: милымъ ближникамъ, ссылаясь на сгорѣвшій Троицкій списокъ. Г-нъ Полевой, признавая, что въ

*) Стряпчій съ ключемъ вѣдалъ хозяйственною частію двора. Въ Малороссіи ключевать значитъ управлять хозяйствомъ.

другихъ спискахъ поставлено *ad libita librarii* милымъ и малымъ, подчеркиваетъ однакожь слово сгорѣвшій, читаетъ малымъ (малолѣтнимъ, младшимъ) и и переводитъ: дальнимъ (дальнимъ ближнимъ!) Не говоримъ уже о довольно смѣшномъ противорѣчии; но что за мысль отдавать наслѣдство дальнимъ родственникамъ мимо ближайшихъ?

Первый томъ Исторіи Русскаго Народа писанъ съ удивительною опрометчивостію. Г-нъ Полевой утверждаетъ, что дикая поэзія согрѣвала душу скандинава, что пѣснопѣнія скальда воспламеняли его, что религія усиливала въ немъ врожденную склонность къ независимости и презрѣнію смерти (склонность къ презрѣнію смерти!), что онъ гордился названіемъ берсеркера и пр.; а черезъ три страницы г-нъ Полевой увѣряетъ, что не слава вела его въ битвы; что онъ ея не зналъ; что недостатокъ пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походовъ. Г-нъ Полевой не видитъ еще государства російскаго въ начальныхъ княженіяхъ скандинавскихъ витязей, а въ Ольгѣ признаетъ уже мудрую образовательницу системы скрѣпленія частей въ единое цѣлое, а у Владиміра — стремленіе къ единовластію. Въ удѣлахъ г-нъ Полевой видитъ то образъ восточнаго самодержавія, то феодальную систему, общую тогда въ Европѣ. Промахи, указанные въ Московскомъ Вѣстникѣ, почти невѣроятны. ³

Г-нъ Полевой въ своемъ предисловіи весьма искусно даетъ замѣтить, что слогъ въ исторіи есть дѣло весьма второстепенное, если уже не совсѣмъ излишнее; онъ говоритъ о немъ почти съ презрѣніемъ.

Maître renard, peut-être ou vous croirait...

По крайней мѣрѣ, слогъ есть самая слабая сторона Исторіи Русскаго Народа. Невозможно отвергать у г-на Полевого ни остроумія, ни воображенія, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что въ его сочиненіи картины, мысли, слова—все обезображено, перепутано и затемнено.

Р. С. Сказавъ откровенно нашъ образъ мыслей на счетъ Исторіи Русскаго Народа, не можемъ умолчать о критикахъ, которымъ она подала поводъ. Въ журналѣ, издаваемомъ ученымъ, извѣстнымъ профессоромъ,⁴ напечатана статья, въ коей брань доведена до изступленія; болѣе чѣмъ на тридцати страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательства нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого издателя, мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной исторіи. *) Московскій Вѣстникъ... (et tu autem, Brutel!) сказалъ свое мнѣніе на счетъ г-на Полевого еще съ большимъ, непростительнѣйшимъ забвеніемъ своей обязанности,—непростительнѣйшимъ, ибо издатель Московскаго Вѣстника доказалъ, что чувство приличія ему сродно, и что, слѣдственно, онъ добровольно пренебрегаетъ онымъ. Ужели такъ трудно нашей братьѣ критикамъ сохранять хладнокровіе? Какъ не вспомнить, по крайней мѣрѣ, совѣта старинной сказки:

То же бы ты слово,
Да не такъ бы молвилъ.

*) Выписки, коими наполнена сія статья, въ самомъ дѣлѣ пойдутъ въ примѣръ галиматъи; но самый текстъ почти отъ нихъ не отличается.

ПРОГРАММА 3-Й СТАТЬИ.

I.

Феодальное право, основанное на правѣ завоеванія.

Что были предводители?

Что былъ народъ?

Тѣлохранители.

Власть королевская.

Продажа вольности городамъ.

Парламенты.

Vénalité des charges.

Ришелье.

Споры аристократіи съ парламентами.

Уничтоженіе феодализма.

1) Феодальное правленіе — система простая и сильная, было основано на правѣ завоеванія. Побѣдители, присвоивъ себѣ землю и собственность побѣжденныхъ, обратили ихъ самихъ въ рабство и раздѣлили все между собою. Предводители получили большіе участки. Слабые прибѣгнули къ покровительству сильнѣйшихъ, и феодальная іерархія установилась.

2) Каждый владѣлецъ управлялъ въ своемъ участкѣ по своему, устанавливая свои законы, соблюдая свои выгоды и стараясь окружить себя достаточнымъ числомъ приверженцевъ, для удержанія въ повиновеніи своихъ вассаловъ или для отраженія хищныхъ сосѣдей. Для сего избирались большею частію вольные люди, составлявшіе нѣкогда войско завоевателей. Со временемъ они смѣшались съ побѣжденными, и такимъ образомъ установились взаимныя обязательства между владѣльцами и вассалами.

3) Короли, избираемые вначалѣ владѣльцами, были властителями только въ собственномъ своемъ участкѣ. Въ случаѣ войны съ непріателемъ, новыхъ налоговъ или споровъ между двумя могущими сосѣдами, они созывали сеймы. Сеймы сіи составляли сначала одни знатные владѣльцы и военные люди. Духовенство было призвано вполсѣдствіи властолюбивыми палатными мерами (*Maire du Palais*), а народъ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противупоставить новую силу дворянству, соединенному съ духовенствомъ.

4) Судопроизводство находилось въ рукахъ владѣльцевъ. Для записыванія ихъ постановленій избирались грамотеи изъ простолюдиновъ, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умѣли читать. Когда же война призывала бароновъ къ защитѣ королевскихъ владѣній или собственныхъ замковъ, то въ ихъ отсутствіи сіи грамотеи чинили судъ и расправу, сначала отъ имени бароновъ, а вполсѣдствіи сами отъ себя. Продолжительныя войны дали имъ время основать свою самобытность. Такимъ образомъ родились парламенты.

5) Нужда въ деньгахъ заставила бароновъ и епископовъ продавать вассаламъ права, нѣкогда присвоенныя завоевателями. Сначала откупились рабы отъ вассаловъ, затѣмъ общины приобрѣли привилегіи. Въ послѣдствіи времени, короли, для уничтоженія власти сильныхъ владѣльцевъ, непрестанно покровительствовали общины, и когда мало-по-малу народъ откупился, владѣльцы обѣднѣли и стали проситься на жалованье королей. Они выбрались изъ феодальныхъ своихъ вертеповъ...

6) Короли почувствовали всю выгоду новаго положенія. Дабы покрыть новые, необходимые рас-

ходы, они прибѣгнули къ продажѣ судебныхъ мѣстъ, ибо доходы отъ правъ, покупаемыхъ городами, начали истощаться и казались уже опасными. Сія мѣра утвердила независимость гражданскихъ чиновниковъ (de la Magistrature), и сіе сословіе вошло въ соперничество съ дворянствомъ, которое возненавидѣло его.

7) Продажа гражданскихъ мѣстъ упрочила вліяніе достаточной части народа, слѣдовательно столь же благоразумна, какъ и другіе законы. Напрасно пошли противъ сей мѣры, будто бы варварской и нелѣпой.

8) Но вскорѣ замѣтили, до какой степени сія мѣра укрѣпила независимость чиновниковъ. Ришельё установилъ комиссаровъ, т. е. временныхъ сановниковъ, уполномоченныхъ королемъ. Законники возроптали, какъ на нарушеніе правъ своихъ и злоупотребленіе общественной довѣренности. Ихъ не послушали, и могущество министра подавило и ихъ, и феодализмъ.

II.

[Не смотря на то, что Исторія Русскаго Народа писана наобоумъ], ошибки и промахи, указанные въ разныхъ журналахъ, доказываютъ, конечно, не невѣжество г-на Полевого (ибо онъ могъ бы ихъ избѣжать, давъ себѣ время подумать и справиться), но только непростительную опрометчивость и поспѣшность. Презрѣніе, съ какимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но сія опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онѣ поколебали,

или и вовсе уничтожили, довѣренность, которую онъ способенъ былъ внушить. Теперь мы читаемъ Исторію Русскаго Народа, не полагаясь на добросовѣстность труда и вѣрность разысканій, но на каждое слово невольно требуемъ подтвержденія повтореннаго, если не имѣемъ терпѣнія или способовъ справляться сами. — Исторія Русскаго Народа состоитъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ, часто не имѣющихъ между собой связи по духу, въ коемъ они писаны, и походить болѣе на журнальныя статьи, чѣмъ на книгу, обдуманную однимъ человѣкомъ и проникнутую единствомъ духа.

Не смотря на сіи недостатки, Исторія Русскаго Народа заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ. (NB. Остроуміемъ мы называемъ вовсе не шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ, но способность сближать понятія и выводить изъ нихъ новыя и правильныя заключенія), по своей живости, хоть и неправильной, по взглядамъ и воззрѣніямъ, недалкимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

Второй томъ, нынѣ вышедшій изъ печати, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое преимущество передъ первымъ.

1) Въ немъ нѣтъ сбивчиваго предисловія и гораздо менѣе болтовни и противорѣчій.

2) Тонъ нападенія на Карамзина уже гораздо благопрістойнѣе.

3) Самый разсказъ не есть уже пародія разсказа Карамзина, но нѣчто собственно принадлежащее г. Полевому.

II-й томъ начинается взглядомъ на всеобщее состояніе Европы въ XI столѣтіи.

III.

Г. Полевой предчувствуетъ присутствіе истины, но не умѣетъ ее отыскать и вѣтается около. Онъ чувствуетъ, что Россія была совершенно отдѣлена отъ западной Европы. Онъ предчувствуетъ тому причину, но вскорѣ желаніе приноровить систему новѣйшихъ историковъ къ Россіи увлекаетъ его. Онъ видитъ опять феодализмъ (называетъ его семейственнымъ феодализмомъ) и въ семъ феодализмѣ — средство задуть феодализмъ-же, полагаетъ его необходимымъ для развитія силъ юной Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи не было еще феодализма, а были удѣлы, князья и ихъ дружина; что въ древнихъ удѣльныхъ княжествахъ не было никакой силы (доказательство — нашествіе татаръ); что Россія не окрѣпла и не развилась въ удѣльныя междоусобія, но, напротивъ, ослабѣла и сдѣлалась легкою добычею татаръ; что боярство не есть феодализмъ; феодализмъ — частность, аристократія — общность.

Феодализма въ Россіи не было. Одна фамилія, варяжская, властвовала независимо, добываясь великаго княжества.

Бояре жили въ городахъ, при дворѣ княжескомъ,
не укрѣпляя своихъ помѣстій,
не сосредоточиваясь въ маломъ семействѣ,
не враждуя противу королей,
не продавая своей помощи городамъ;
они были вмѣстѣ придворные и товарищи, но
составляли союзы,
считались старшинствомъ,
крамольничали.

Великіе князья не имѣли нужды соединяться съ народомъ, дабы ихъ усмирять.

Феодализма у насъ не было — и тѣмъ хуже.

Освобожденія городовъ не существовало въ Россіи. Новгородъ на краю Россіи и сосѣдній ему Псковъ были истинныя республики, а не общины (communes), удаленныя отъ великаго княжества и обязанныя своимъ бытіемъ сперва хитрой покорности, а потомъ — слабости враждующихъ князей. Феодализмъ могъ бы, наконецъ, развиваться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины были бы второй), но онъ не успѣлъ. Онъ разсѣялся во времена татаръ, былъ подавленъ Иваномъ III, гонимъ, истребляемъ Иваномъ IV. — Мѣсто феодализма заступила аристократія, и могущество ея въ междуцарствіе возросло до высочайшей степени. Она была наследственная — отсель мѣстничество, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ. Не Феодоръ, а Языковъ и меньшее дворянство уничтожили мѣстничество и боярство. Съ Феодора и Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сего дня.

Что составляло въ Россіи древнюю аристократію? — Варяги, богатые военные славяне, воинство и пришельцы. — Какія были права ихъ? — Равныя княжескимъ, ибо они были малые князья, имѣли свои дружины и переходили отъ одного государя къ другому. — Отчего г. Полевой говоритъ, что они были наравнѣ со смердами? — Не знаю; но самое молчаніе лѣтописцевъ о ихъ правахъ показываетъ, что права сіи были неограничены.

Какое время силы нашего боярства? — Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами. — Когда пало боярство? — При Юаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться. — Были ли дворянскія грамоты? — Ми-

нинь! — Было ли зло мѣстничество? Естественно ли оно?.. Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено? — Петръ. Уничтоженіе дворянства чинами. Майоратства, уничтоженныя мотовствомъ Анны Ивановны. — Паденіе постепенное дворянства. Что изъ того слѣдуетъ? — Восшествіе Екатерины II, 14-е декабря и т. д.

Исторія древняя кончилась Богочеловѣкомъ, говоритъ г. Полевой. Справедливо. Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной стихіи исчезъ и обновился міръ. Исторія древняя есть исторія Египта, Персіи, Греціи, Рима, — исторія новѣйшая есть исторія христіанства. Горе странѣ, находящейся внѣ его! Зачѣмъ же г. Полевой за нѣсколько страницъ выше повторилъ пристрастное мнѣніе XVIII столѣтія и призналъ концомъ древней исторіи паденіе Западной римской имперіи, — какъ будто самое распаденіе оной на Восточную и Западную не есть уже конецъ Рима и ветхой системы его?

Гизо объясняетъ одно изъ событій христіанской исторіи, — европейское просвѣщеніе. Онъ обрѣтаетъ его зародышъ, описываетъ постепенное развитіе и, отклоняя все отдаленное, случайное и постороннее, доводитъ до насъ сквозь рядъ темныхъ и кровавыхъ, тяжелыхъ и расцвѣтающихъ вѣковъ.

Вы поняли всѣ достоинства французскаго историка; поймите-жь и то, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго Запада. Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историкъ

быль бы астрономъ, и событія жизни челоуѣческой были бы предсказаны въ календаряхъ, какъ затменія солнечныя. Но провидѣніе — не алгебра; умъ челоуѣческій, по простонародному выраженію — не пророкъ, а угадчикъ. Онъ видитъ общій ходъ вещей и можегъ выводить изъ онаго глубокія предположенія, часто оправданныя временемъ, но невозможно предвидѣть ему случая. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей XVIII столѣтія предсказалъ камеру депутатовъ ^б, но никто не могъ предсказать ни Наполеона, ни Полиньяка.

5. О романѣ Загоскина: Юрій Милославскій.

Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя! Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, осянненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV проглядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у madame Campan, а государственные люди XVI столѣтія читають Times и Journal des Débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мелочей, важныхъ упущеній! сколько изысканности, а сверхъ всего — какъ мало жизни! Однакожь сіи бѣдныя произведенія читаются въ Европѣ

Потому ли, что люди, какъ утверждала madame de Staël, знаютъ только исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романическихъ анахронизмовъ? Потому ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются „Юрія Милославскаго“. Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши — все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ рассказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ престопающъ) облачаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе г. Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на нижегородской площади слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два-три легкіе анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противъ языка и костюма. Напр., новѣйшее выраженіе: столбовой дворянинъ, употреблено въ смыслѣ челоуѣка знатнаго рода (мужа честна, какъ гово-

рять лѣтописцы); охотиться, вмѣсто: ѣздить на охоту; пользоваться, вмѣсто лѣчить. Эти два послѣднія выраженія — не простонародныя, какъ, видно, полагаетъ авторъ, но просто принадлежать языку дурного общества. Быть въ отвѣтѣ, значило въ старину: быть въ посольствѣ. Нѣкоторыя пословицы употреблены авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: изъ сказки слова не выкинешь, вмѣсто изъ пѣсни. Въ пѣснѣ слова составляютъ стихъ, и слова не выкинешь, не испортишь склада; сказка — дѣло другое. Но сіи мелкія погрѣшности и другія; замѣченныя въ 1-мъ № „Московского Вѣстника“ нынѣшняго года *), не могутъ повредить блистательному, вполне заслуженному успѣху „Юрія Милославскаго.“

6. О запискахъ Самсона.

Французскіе журналы извѣщаютъ насъ о скоромъ появленіи Записокъ Самсона, парижскаго палача. Этого должно было ожидать. Вотъ до чего довела насъ жажда новизны и сильныхъ впечатлѣній!

Послѣ соблазнительныхъ исповѣдей философін XVIII вѣка явились политическія, не менѣе соблазнительныя откровенія. Мы не довольствовались видѣть людей извѣстныхъ въ колпакѣ и въ шлафрокѣ, мы захотѣли послѣдовать за ними въ ихъ спальню и далѣе. Когда намъ и это надоѣло, — явилась толпа людей темныхъ, съ позорными своими сказаніями. Но мы не остановились на безстыдныхъ запискахъ

*) „Московскій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ нынѣшнемъ году въ томъ видѣ, въ какомъ издавался онъ въ 1827 и 1828. Сей журналъ почти постоянно отличается статьями любопытными, дѣльными критиками и благонамѣренностію. Прежніе сотрудники продолжаютъ участвовать въ семъ изданіи. (Прим. Лит. Газ.)

Генриетты Вильсонъ, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовскія признанія полицейскаго шпіона и на поясненія оныхъ клейменаго каторжника. Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи. Недоставало палача въ числѣ новѣйшихъ литераторовъ. Наконецъ, и онъ явился, и къ стыду нашему скажемъ, что успѣхъ его Записокъ кажется несомнительнымъ.

Не завидуемъ людямъ, которые, основавъ свои расчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторенію сказаній, вѣроятно, безграмотнаго Самсона. Но признаемся же и мы, живущіе въ вѣкъ признаній: съ нетерпѣливостію, хотя и съ отвращеніемъ, ожидаемъ мы Записокъ парижскаго палача. Посмотримъ, что есть общаго между нимъ и людьми живыми? На какомъ звѣрномъ ревѣ объяснить онъ свои мысли? Что скажетъ намъ сіе твореніе, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? что скажетъ намъ сей человѣкъ, въ теченіе сорока лѣтъ кровавой жизни своей присутствовавшій при послѣднихъ содроганіяхъ столькихъ жертвъ, и славныхъ, и неизвѣстныхъ, и священныхъ, и ненавистныхъ? Всѣ, всѣ они — его минутные знакомцы — чредой пройдутъ передъ нами по гильотинѣ, на которой онъ, свирѣпый фигляръ, играетъ свою однообразную роль. Мученики, злодѣи, герои — и царственный страдалецъ, и убійца его, и Шарлотта Кордѣ, и прелестница Дю-Барри, и безумецъ Лувель, и мятежникъ Бертонъ, и лекаръ Кастенъ, отравлявшій своихъ ближнихъ, и Папавуанъ, рѣзавшій дѣтей: мы ихъ увидимъ опять въ послѣднюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западаютъ передъ нами, произнося

каждая свое послѣднее слово... И, насытивъ жестокое наше любопытство, книга палача займетъ свое мѣсто въ библіотекахъ, въ ожиданіи ученыхъ справокъ будущаго историка.

7. О Разговорѣ у княгини Халдиной, Фонвизина.

Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ изъяснили сомнѣніе: точно ли „Разговоръ у княгини Халдиной“, напечатанный въ 3-мъ № „Литературной Газеты“, есть сочиненіе Фонвизина. Во-первыхъ, родной племянникъ покойнаго автора ручается въ достовѣрности онаго; во-вторыхъ, не такъ легко, какъ думаютъ, поддѣлаться подъ руку творца Недоросля и Бригадира: кто хотя немного изучалъ духъ и слогъ Фонвизина, тотъ узнаетъ тотчасъ ихъ несомнѣнные признаки и въ „Разговорѣ.“ Статья сія замѣчательна не только какъ литературная рѣдкость, но и какъ любопытное изображеніе нравовъ и мнѣній, господствовавшихъ у насъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Княгиня Халдина говоритъ Сорванцову ты, онъ ей также. Она бранитъ служанку, зачѣмъ не пустила она гостя въ уборную. „Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?“ — Да вѣдь стыдно, В. С., отвѣчаетъ служанка. — „Глупа, радость“, возражаетъ княгиня. Все это, вѣроятно, было списано съ природы. Мы и тутъ узнаемъ подражаніе нравамъ парижскимъ. Изображеніе Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковыхъ. Онъ записался въ службу, чтобы ѣздить цугомъ. Онъ проводитъ ночи за картами — и спитъ въ присутственномъ мѣстѣ во время чтенія запутаннаго дѣла. Онъ чувствуетъ нелѣпость дѣловой бумаги — и соглашается съ мнѣніемъ прочихъ изъ лѣности и без-

печности. Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты — и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія — и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взятокбрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. Здравомысль напоминаетъ Правдина и Стародума, хоть въ немъ и менѣе педанства. Прочитавъ „Разговоръ у княгини Халдиной“, пожалѣешь неволью, что не Фонвизину досталось изображать новѣйшіе наши нравы.

8. О статьяхъ кн. Вяземскаго.

Нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на кн. Вяземскаго, какъ на зачинщика брани, господствующей въ нашей литературѣ. Указаніе не искреннее. Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостію самаго софизма. Эпиграмматическіе разборы его могутъ казаться обидными самолюбію авторскому, но кн. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена: они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній и поминутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія

и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ растолкуете вы мирному алеуту поединокъ двухъ французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть ли не будетъ правъ.

Доказательствомъ, что журналы наши никогда не думали выходить изъ границъ благопристойности, служить ихъ добродушное изумленіе при таковыхъ обвиненіяхъ и ихъ единогласное указаніе на того, чьи произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго и тонкаго знанія общежитія.

9. О карикатурѣ въ Англии.

Англія есть отечество карикатуры и пародіи. Всякое замѣчательное происшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, означенное успѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англии до совершенства. Вальтеръ-Скотту показывали однажды стихи, будто бы имъ сочиненные. „Стихи, кажется, мои“, отвѣчалъ онъ, смѣясь: „я такъ много и такъ давно пишу, что не смѣю отречься отъ этой бессмыслицы!“ — Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ московскихъ журналовъ. Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ — едва ли и однимъ. Впрочемъ, и у насъ есть очень удачный опытъ: г-нь Полевой очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри.

10. О гекзаметрах Мерзлякова.

Въ третьемъ номерѣ Московскаго Вѣстника на нынѣшній годъ мы прочли слѣдующее замѣчаніе: „Въ предисловіи къ переводу Иліады, которымъ подарилъ русскую словесность г. Гнѣдичъ, говорится объ опытахъ гекзаметрами Жуковскаго и Дельвига— и ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, который прежде всѣхъ въ наше время ввелъ эту мѣру. Не понимаемъ, что значить такое упущеніе, и въ слѣдующемъ номерѣ предложимъ документы въ подтвержденіе истины нашихъ словъ, въ пособіе будущему историку русской словесности.“ Странно, подумали мы, обвинять Гнѣдича въ проступкѣ, имъ не сдѣланномъ! Въ предисловіи въ Иліадѣ не говорится, кто у насъ первый по возобновленіи началъ слагать гекзаметры, а именуется два писателя, которыхъ стихи нравятся переводчику Гомера. Можно не раздѣлять съ человѣкомъ образа мыслей, даже осуждать вкусъ его; но требовать, чтобы онъ чувствовалъ какъ мы, или еще болѣе, — укорять его, какъ сдѣлано въ Московскомъ Вѣстникѣ, зачѣмъ онъ не говоритъ, чего мы желаемъ, — несправедливо. Тѣмъ не менѣе, ожидали мы четвертаго номера сего журнала, надѣясь найти въ немъ, для повѣрки нашего мнѣнія о трудахъ г. Мерзлякова, исчисленіе его гекзаметрическихъ пьесъ и хотя поверхностное сужденіе объ оныхъ. Ожидали съ любопытствомъ, потому что знали изъ числа ихъ только двѣ-три небрежныя попытки въ переводахъ съ древнихъ, и читали въ „Трудахъ московскаго общества любителей словесности“ его мнѣніе, что гекзаметръ у насъ существовать не можетъ, ибо русскій языкъ не пѣвучій.

Наконецъ, желанный нумеръ вышелъ, и въ длинной, ученической диссертациі о старикѣ Гомерѣ мы прочли, что „честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище русской словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго профессора и поэта, подарившаго намъ прекраснымъ переводомъ изъ Одиссеи и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гекзаметрахъ, задолго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго переложенія Иліады“. Признаемся, къ стыду нашему, мы не знаемъ ни одного оригинальнаго гекзаметрическаго стихотворенія г. Мерзлякова; на переводъ же Одиссеи сослаться нельзя, хотя при первомъ изданіи его и было сказано, что онъ переведенъ размѣромъ подлинника. Всякій, умѣющій скандовать стихъ, увидитъ, что помянутый отрывокъ переведенъ не древними гекзаметрами, а неровными амфибрахіями: то шестистопными, то пятистопными, и даже есть одинъ стихъ четырехстопный. Такъ неотчетливо привыкли и осуждать и хвалить въ нашихъ журналахъ! Такъ, въ Московскомъ же Вѣстникѣ прошлаго года, укоряли барона Дельвига, зачѣмъ онъ иногда въ пятой стопѣ гекзаметра замѣняетъ дактиль хореемъ. Баронъ Дельвигъ виноватъ въ этомъ только тѣмъ, что, не зная правилъ своего критика, слѣдовалъ примѣру Гомера, Виргилія, Горация, Фосса, и правиламъ, изложеннымъ Германомъ и другими европейскими учеными. Обратимся къ переводамъ г. Мерзлякова. Гекзаметрами онъ переложилъ: изъ Иліады начало пѣсни VII-й, единоборство Аякса и Гектора; изъ Каллимаха — Гимнъ Аполлону; изъ идиллій Мѡсха — Европа; изъ Овидіевыхъ Превращеній — Дафна и Пирамъ и Тизбе. Если произведенія каждаго искусства въ началѣ должны носить на себѣ печать несовершенства, то

сіи пьесы имѣютъ неотъемлемое право на первородство. Въ нихъ напрасно вы будете искать важной и вѣрной гармоніи Гомера, роскошнаго благозвучія Мосха и до изысканности щеголеватыхъ стиховъ Овидія; въ нихъ вы замѣтите одно намѣреніе кое-какъ высказать нечистымъ, прозаическимъ языкомъ поэзію подлинника. Словомъ, если г. Гнѣдичъ и зналъ о сихъ опытахъ, то умолчалъ о нихъ по причинамъ понятнымъ. Онъ первый изъ русскихъ переводчиковъ съ древнихъ — чувствовалъ все достоинство своего подлинника и все неприличіе шутить надъ искусствомъ и своими читателями.

11. Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ.

Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ выписываютъ объявленіе объ „Иліадѣ“, напечатанное во 2-мъ № „Литературной Газеты“, и говорятъ, что сіе воззваніе на счетъ (?) труда г-на Гнѣдича обнаруживаетъ духъ партіи, которая въ литературѣ не должна быть терпима. Въ доказательство чего даютъ замѣтить, что въ „Литературной Газетѣ“ сказано: „Русская Иліада должна имѣть важное вліяніе на отечественную словесность“; а что въ предисловіи къ своему переводу Н. И. Гнѣдичъ похвалилъ гексаметры барона Дельвига.

Вотъ лучшее доказательство правила, слишкомъ пренебрегаемаго нашими критиками: ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшивая къ онымъ догадокъ на счетъ постороннихъ обстоятельствъ, догадокъ, большею частію столь же несправедливыхъ, какъ и неблагопристойныхъ. Объявленіе о переводѣ „Иліады“ писано мною и напечатано во время отсутствія барона Дельвига. Принужденнымъ

нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу не суть дружескія: но, какъ бы то ни было, это не можетъ повредить ихъ взаимному уваженію. Н. И. Гнѣдичъ, по благородству чувствъ, ему свойственному, откровенно сказалъ свое мнѣніе на счетъ таланта барона Дельвига, похваливъ произведенія музы его. Примѣръ утѣшительный въ нынѣшнюю эпоху русской литературы.*)

Александръ Пушкинъ.

12. О запискахъ Видока.

Въ одномъ изъ номеровъ Литературной Газеты упоминали о Запискахъ парижскаго палача; нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣ отвратительное, не менѣ любопытное.

Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуеть себя патриотомъ, кореннымъ французомъ (un bon français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь отечество! Онъ увѣряеть, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и

*) Ужели переводъ „Илиады“ столь незначителенъ, что Н. И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы? Если же нѣтъ, то неужели критикъ, по предполагаемой пріязни съ переводчикомъ, долженъ непременно бранить трудъ его, чтобы показать свое безпристрастіе? — А. П.

предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона, возбуждая въ кофейныхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (*officiers à la demi-solde*). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важностью толкуетъ о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по расчету: сужденія Видока о Казимирѣ де-ля-Винѣ, о Б. Констанѣ должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ. Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (слогъ г-на Видока!). Онъ при семь случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуетъ (не въ шутку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность, смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода.

Предлагается важный вопросъ:

Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляютъ ни господствующей религіи, ни правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; со всѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратить

мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?

13. О личностяхъ въ критикѣ

Требуешь ли публика извѣщенія, что такой-то журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ-то поэтомъ или прозаикомъ? Конечно, нѣтъ; но журналистъ объ этомъ публикуетъ, чтобъ его товарищъ, получающій, по пріязни, даромъ листки его (къ которому бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ), узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ, такія извѣщенія излагаютъ иногда съ нѣкоторою дипломатическою важностію. Въ одномъ московскомъ журналѣ вотъ какъ отзываются о книгѣ, въ которой собраны статьи разныхъ писателей: „Она не блеститъ именами знаменитаго созвѣздія русскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Жалѣть ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ мы не пожалѣемъ.“ Эти господа *мы* другъ друга, вѣрно, понимаютъ, но до вѣрчивому, скромному благомыслящему читателю понять здѣсь нечего. Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной статьи, написанной человекомъ съ отличнымъ талантомъ? Наконецъ, всего смѣшнѣе, что и самъ критикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признается послѣ, что въ этой книгѣ, которой ему не хотѣлось бы осуждать, нѣтъ ни одной статьи путной: въ 1-й статьѣ нѣтъ общности; во 2-й авторъ не умѣетъ рассказывать; 3-ю читать скучно; 4-я старая пѣсня; въ 5-й надоѣдаютъ офицеры съ своимъ питьемъ, ѣдою, чаемъ и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже, и такъ далѣе. Вотъ до какого противорѣчія доводятъ личности. Ужели названія

порядочнаго и здравомыслящаго человѣка лишились въ наше время цѣны своей?

14. О неблаговидности нападокъ на дворянство.

Съ нѣкоторыхъ поръ журналисты наши упрекаютъ писателей, которымъ неблагосклонствуютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и литературною извѣстностію. Французская чернь кричала когда-то: *les aristocrates à la lanterne!* Замѣчательно что и у французской черни крикъ этотъ былъ двусмысленъ и означалъ въ одно время аристократію политическую и литературную. Подражаніе наше не дѣльно. У насъ въ Россіи государственныя званія находятся въ такомъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство въ особенности, кажется, ни въ комъ не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетскіе легко выводятъ въ оное людей прочихъ званій. Ежели негодующій на преимущества дворянскія не способенъ ни къ какой службѣ, ежели онъ не довольно знающъ, чтобы выдержать университетскіе экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его, конечно, извинительно, ибо необходимо соединено съ сознаніемъ собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной извѣстности, — упреки въ оной отиѣнно простодушны. Извѣстный баснописецъ, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ човѣческаго сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою-нибудь личиною, написалъ слѣдующую басню:

Со свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаеъ.

„Убійца!“ онъ вскричалъ: „за что погибнулъ я?“
— Ты свѣтишь! — отвѣчаетъ.

Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій, и червяковъ и козявокъ замѣнить лицами болѣе выразительными. Все это напоминаетъ эпиграмму, помѣщенную въ 32-мъ № Литературной Газеты:

„Онъ вамъ знакомъ. Скажите, кстати:
„Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати?“
— Затѣмъ, что онъ не дворянинъ.
„Ага! нѣтъ дѣйствій безъ причинъ!
„Но почему чужая слава
„Его такъ бѣситъ?“ — Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права;
Что не хвалилъ его никто,
Что плоскій авторъ онъ. — „Вотъ что!“

15. О выходкахъ противъ литературной аристократіи.

Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ, будто бы, этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, Сѣверная Пчела помнить, кто упрекалъ поминутно г-на Полевого тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостію нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей — дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если же бы званіе

дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полевого, Греча и Булгарина, — непохвально, а не дорожить своими правами и преимуществами — глупо. Недворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шулки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) приуготовили крики: „аристократовъ къ фонарю“, и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: „повѣсимъ ихъ, повѣсимъ“. *Avis au lecteur.*

VIII.

Торжество дружбы,

или оправданный Александръ Анѣимовичъ Орловъ.

*In arenam cum aequalibus descendit.
Cic.*

Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность, Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ болѣе десяти лѣтъ подаютъ утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. Ѳаддей Венедиктовичъ скромно призналъ себя ученикомъ Николая Ивановича; Николай Ивановичъ поспѣшно провозгласилъ Ѳаддея Венедиктовича ловкимъ своимъ товарищемъ; Ѳаддей Венедиктовичъ посвятилъ Николаю Ивановичу своего „Димитрія Са-

мозванца“; Николай Ивановичъ посвятилъ Фаддею Венедиктовичу свою „Поѣздку въ Германію“; Фаддей Венедиктовичъ написалъ для „Грамматики“ Николая Ивановича хвалебное предисловіе *); Николай Ивановичъ въ Сѣверной Пчелѣ (издаваемой гг. Гречемъ и Булгаринымъ) напечаталъ хвалебное объявленіе объ „Иванѣ Выжигинѣ“. Единодушіе истинно трогательное!

Нынѣ Николай Ивановичъ, почитая Фаддея Венедиктовича оскорбленнымъ въ статьѣ, напечатанной въ № 9 Телескопа, заступился за своего товарища со свойственнымъ ему прямодушіемъ и горячностію. Онъ напечаталъ въ Сынѣ Отечества (№ 27) статью, которая, конечно, заставитъ молчать дерзкихъ противниковъ Фаддея Венедиктовича, ибо Николай Ивановичъ доказалъ неоспоримо:

- 1) Что М. И. Голенищевъ-Кутузовъ возведенъ въ княжеское достоинство въ іюнѣ 1812 г. (стр. 64).
- 2) Что не сраженіе, а планъ сраженія составляетъ тайну главнокомандующаго (с. 65).
- 3) Что священникъ выходитъ на встрѣчу подступающему непріятелю со крестомъ и святою водою (с. 65).
- 4) Что секретарь выходитъ изъ дому въ статскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, со шпагою, въ бѣломъ изношенномъ исподнемъ платьѣ (с. 65).
- 5) Что пословица: vox populi — vox Dei есть пословица латинская, и что она есть истинная причина французской революціи (с. 65).
- 6) Что „Иванъ Выжигинъ“ не есть произведеніе об-

*) См. Грамматику Греча, напечатанную въ типографіи Греча — Авт.

разцовое, но относительно — явленіе пріятное и полезное (с. 62).

- 7) Что Ѳаддей Венедиктовичъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Дерпта ¹ и просилъ его (Николая Ивановича) не посылать къ нему вздоровъ (с. 68). И что, слѣдственно, Ѳ. В. Булгаринъ своими талантами и трудами приноситьъ честь своимъ согражданамъ:

что и доказать надлежало!

Противъ этого нечего и говорить. — Мы первые громко одобряемъ Николая Ивановича за его откровенное и побѣдоносное возраженіе, приносящее столько же чести его логикѣ, какъ и горячности чувствованій.

Но дружба (сіе священное чувство) слишкомъ далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича, и съ его пера сорвались нижеслѣдующія строки:

„Тамъ (въ № 9 Телескопа) взяли двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ“, и проч.

О Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! Какой примѣръ подаете вы молодымъ литераторамъ? Какія выраженія употребляете вы въ статьѣ, начинающейся сими строгими словами: „У насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, невѣжество и недобросовѣстность рецензентовъ?“ Куда дѣвались ваша умѣренность, знаніе приличія, ваша извѣстная добросовѣстность? Перечтите, ² Николай Ивановичъ, перечтите сіи немногія строки — и вы сами съ прискорбіемъ сознаетесь въ своей необдуманности!

„Двѣ глупѣйшія книжонки!.. Какой-то А. Орловъ!..“ Шлюсь на всю почтенную публику: какой критикъ, какой журналистъ рѣшился бы употре-

бить сіи непріятныя выраженія, говоря о произведеніяхъ живого автора? ибо, слава Богу, почтенный мой другъ—Александръ Анѳимовичъ Орловъ—живъ! Онъ живъ, не смотря на зависть и злобу журналистовъ; онъ живъ къ радости книгопродавцевъ, къ утѣшенію многочисленныхъ его читателей!

„Двѣ глупѣйшія книжонки!..“ Произведенія Александра Анѳимовича, раздѣляющаго съ Фаддеемъ Венедиктовичемъ любовь російской публики, названы глупѣйшими книжонками! Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга (ибо и онъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Сокольниковъ, и онъ просилъ меня не посылать ему всякаго вздору); но оскорбительная для всей читающей публики *).

„Глупѣйшія книжонки!..“ Но чѣмъ докажете вы сію глупость? Знаете ли вы, Николай Ивановичъ, что болѣе пяти тысячъ экземпляровъ сихъ глупѣйшихъ книжонокъ разошлись и находятся въ рукахъ читающей публики; что Выжигины г-на Орлова пользуются благосклонностью публики наравнѣ съ Выжигиными г-на Булгарина; а что образованный классъ читателей, которые гнушаются тѣми и другими, не можетъ и не долженъ судить о книгахъ, которыхъ не читаетъ?

Скрѣпя сердце, продолжаю свой разборъ.

„Двѣ глупѣйшія (глупѣйшія!), вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки!..“

„Въ Москвѣ, да, въ Москвѣ!..“ Что же тутъ предосудительнаго? Къ чему такая выходка противу первопрестольнаго града?.. Не въ первый разъ замѣтили мы сію странную ненависть къ Москвѣ въ

*) См. разборъ Денницы въ Сынѣ Отечества. — Авт.

издателейх Сына Отечества и Сѣверной Пчелы. ³ Больно для русскаго сердца слушать таковыя отзывы о матушкѣ-Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, пострадавшей въ 1612 году отъ поляковъ, а въ 1812 году отъ ⁴ всякаго сброду.

Москва донинѣ — центръ нашего просвѣщенія: въ Москвѣ родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русскіе, не выходцы, не переметчики, для коихъ *ubi bene — ibi patria*, для коихъ все равно, бѣгать ли имъ подъ орломъ французскимъ, или русскимъ языкомъ позорить все русское — были бы только сыты. ⁵

Чѣмъ возгордилась петербургская литература?.. Г. Булгаринимъ?.. Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями, и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія г. Орлова ставятъ московскаго романиста, если не выше, то по крайней мѣрѣ наравнѣ съ петербургскимъ его соперникомъ. Не смотря на несогласіе, царствующее между Ѡаддеемъ Венедиктовичемъ и Александромъ Анѣимовичемъ, не смотря на справедливое негодованіе, возбужденное во мнѣ неосторожными строками Сына Отечества, ⁶ постараемся сравнить между собою сіи два блистательныя солнца нашей словесности.

Ѡадлей Венедиктовичъ превышаетъ Александра Анѣимовича плѣнительною щеголеватостію выраженій; Александръ Анѣимовичъ беретъ преимущество надъ Ѡаддеемъ Венедиктовичемъ живостію и острою разсказа.

Романы Ѡаддея Венедиктовича болѣе обдуманы, доказываютъ большее терпѣніе *) въ авторѣ (и тре-

*) Геній есть терпѣніе въ высочайшей степени — сказалъ извѣстный г. Бюффонъ. — Авт.

бують еще большаго терпѣнія въ читателѣ); повѣсти Александра Анѳимовича болѣе кратки, но болѣе замысловаты и заманчивы.

Фаддей Венедиктовичъ — болѣе философъ; Александръ Анѳимовичъ — болѣе поэтъ.

Фаддей Венедиктовичъ — геній, ибо изобрѣлъ имя Выжигина и симъ смѣлымъ нововведеніемъ оживилъ пошлыя подражанія Совѣстдралу и Англійскому Милорду; Александръ Анѳимовичъ искусно воспользовался изобрѣтеніемъ г-на Булгарина и извлекъ изъ онаго безконечно разнообразныя эффекты!

Фаддей Венедиктовичу кажется намъ немного однообразенъ, ибо всѣ его произведенія не что иное, какъ Выжигинъ въ различныхъ измѣненіяхъ: Иванъ Выжигинъ, Петръ Выжигинъ, Дмитрій Самозванецъ или Выжигинъ XVII столѣтія, собственныя записки и нравственныя статейки — все сбивается на тотъ же самый предметъ. Александръ Анѳимовичъ удивительно разнообразенъ: сверхъ несмѣтнаго числа Выжигиныхъ, сколько цвѣтовъ разсыпалъ онъ на поле словесности! Встрѣча Чумы съ Холерою; Соколъ былъ бы Соколъ, да Курица съѣла, или Бѣжавшая Жена; Живые Обмороки; Погребеніе Купца, и проч. и проч.

Однако же ⁷ безпристрастіе требуетъ, чтобъ мы указали сторону, съ коей Фаддей Венедиктовичъ беретъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумѣю нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели: что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г-на Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ, сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г-нъ Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца

названъ у него — Ножевымъ, взяточникъ — Взяткинымъ, дуракъ — Глаздуринымъ, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова — Хлопоухинымъ, Дмитрія Самозванца — Каторжниковымъ, а Марину Мнишекъ — Княжною Шлюхиной; за то и лица сіи представлены нѣсколько блѣдно.

Въ семъ отношеніи г-нъ Орловъ рѣшительно уступаетъ г-ну Булгарину. Впрочемъ, самые пламенные почитатели Фаддея Венедиктовича признають въ немъ нѣкоторую скуку, искупленную назидательностію; а самые ревностные поклонники ⁶ Александра Анѳимовича осуждаютъ въ немъ иногда необдуманность, извиняемую, однакожь, порывами генія.

Со всѣмъ тѣмъ, Александръ Анѳимовичъ пользуется гораздо меньшею славою, нежели Фаддей Венедиктовичъ. Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Фаддея Венедиктовича, ловкаго товарища Николая Ивановича. Иванъ Выжигинъ существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго ⁹ автора, а уже въ Сѣверномъ Архивѣ, Сѣверной Пчелѣ и Сынѣ Отечества отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Г. Ансело въ своемъ путешествіи, возбуждившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшего Ивана Выжигина, лучшимъ изъ русскихъ романовъ. Наконецъ, Иванъ Выжигинъ явился — и Сынъ Отечества, Сѣверный Архивъ и Сѣверная Пчела превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его читать; многіе прочли до конца; а между тѣмъ похвалы ему не умолкали въ каждомъ номерѣ Сѣв. Архива, Сына Отечества и Сѣв. Пчелы. Сіи усердные журналы ласково

приглашали покупателей; ободряли, подстрекали лѣнивыхъ читателей; угрожали местию недоброжелателямъ, не дочитавшимъ Ивана Выжигина изъ единой низкой зависти.

Между тѣмъ, какія вспомогательныя средства употреблялъ Александръ Анѳимовичъ Орловъ?

Никакихъ, любезные читатели!

Онъ не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, не знающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ.

Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ.

Онъ не заманивалъ унижительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей.

Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачьей комедіи.

Онъ не отвѣчалъ ни на одну критику; онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но ¹⁰ — обезоружилъ ли тѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ? Ни мало. Вотъ какъ отзывались о немъ его собратья:

„Авторъ вышеисчисленныхъ твореній сильно штурмуетъ нашу бѣдную русскую литературу и хочетъ разрушить русскій Парнасъ не бомбами, но каркасами, при помощи услужливыхъ издателей, которые щедро платятъ за каждый манускриптъ знаменитаго сего творца по двадцати рублей ходячею монетою, какъ увѣряли насъ, знающіе дѣло книгопродавцы. Авторъ есть мужъ — изъ ученыхъ, какъ видно по латинскимъ фразамъ, которыми испещрены его творенія, а сущность ихъ доказываетъ, что онъ, какъ сказано

въ Недорослѣ, „убоясь бездны премудрости, вспять обратился.“ Знаменитое лубочное произведеніе: мыши kota хоронять или небылицы въ лицахъ, есть Иліада въ сравненіи съ твореніями г. Орлова, а Бова Королевичъ — герой, до котораго не возвысился еще почтенный авторъ... Державинъ есть у насъ Альфа, а г. Орловъ — Омега въ литературѣ, то есть, послѣднее звено въ цѣпи литературныхъ существъ, и потому заслуживаетъ вниманія, какъ все необыкновенное *). Языкъ его, изложеніе и завязка могутъ сравняться только съ отвратительными картинами, которыми наполнены сіи чада безвкусія, и съ смѣлостью автора. Никогда въ Петербургѣ подобныя творенія не увидѣли бы свѣта, и ни одинъ изъ петербургскихъ уличныхъ разносчиковъ (не говоримъ о книгопродавцахъ) не взялся бы ихъ издавать. По какому праву г. Орловъ вздумалъ нарѣчь своихъ холопей, Хлыновскихъ степняковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина, и еще въ то самое время, когда авторъ Выжигина издаетъ другой романъ подъ тѣмъ же названіемъ?.. Никогда такія омерзительныя картины не появлялись на русскомъ языкѣ. — Да здравствуетъ московское книгопечатаніе! (Сѣв. Пчела 1831 г., № 46).

Какая злонамѣренная и несправедливая критика! Мы замѣтили уже неприличіе нападеній на Москву; но въ чемъ упрекаютъ здѣсь почтеннаго Александра Анѳимовича?.. Въ томъ, что за каждое его сочиненіе книгопродавцы платятъ ему по двадцати рублей? Что же? Безкорыстному сердцу моего друга пріятно думать, что, получивъ двадцать рублей, доставилъ онъ другому двѣ тысячи выгоды **); между тѣмъ

*) Важное сознаніе! Прошу прислушать! — Авт.

***) Истина историческая! — Авт.

какъ нѣкоторый петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись тридцать тысячъ, заставилъ охать погорячившагося книгопродавца!!!

Ставятъ ему въ грѣхъ, что онъ знаетъ латинскій языкъ. Конечно: доказано, что Фаддей Венедиктовичъ (издавшій Горация съ чужими примѣчаніями) не знаетъ по-латыни; но ужели сему незнанію обязанъ онъ своею безсмертною славою?

Увѣряютъ, что г. Орловъ изъ ученыхъ. Конечно, — доказано, что г-нъ Булгаринъ вовсе не ученъ; но опять повторяю: развѣ невѣжество есть достоинство столь завидное?

Этого не довольно: грозно требуютъ отвѣта отъ моего друга: какъ дерзнулъ онъ присвоить своимъ лицамъ имя, ¹¹ освященное самимъ Фаддеемъ Венедиктовичемъ? — Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа г-на Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами ¹² въ своей трагедіи (писанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде, и извѣстной публикѣ еще въ рукописи)?

Смѣло ссылаюсь на совѣсть самихъ издателей Сѣверной Пчелы: справедливы ли сіи критики? виновать ли Александръ Анѳимовичъ Орловъ?

Но еще смѣлѣе ссылаюсь на почтеннаго Николая Ивановича: не чувствуетъ ли онъ глубокаго раскаянія, оскорбивъ напрасно человѣка съ столь отличнымъ дарованіемъ, не состоящаго съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, вовсе его не знающаго, и не писавшаго о немъ ничего дурного? *)

Феофилактъ Косичкинъ. -

Москва.

*) Сынъ Отечества, № 27, стр. 60. — Авт.

IX.

Нѣскольکو словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, которые, публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всенародно; какъ Пролазъ съ Высоносомъ, говоря въ похвалу себѣ и въ утѣшеніе:

„Вѣдь, кажется, у насъ по полной оплеухѣ.“

Нѣтъ, разсердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, какъ истощивъ весь запасъ оскорбительныхъ примѣчаній, обвиняковъ, заграничныхъ анекдотовъ и тому подобнаго. Для поддержанія же себя въ семъ суровомъ расположеніи духа, перечитываю я — тщательно мною переписанныя въ особую тетрадь — статьи, подавшія мнѣ поводъ къ такому ожесточенію. Такимъ образомъ, пересматривая на дняхъ антикритику, подавшую мнѣ случай заступиться за почтеннаго друга моего А. А. Орлова, попалъ я на слѣдующее мѣсто:

„Я рѣшился на сіе (на оправданіе г. Булгарина) не для того, чтобъ оправдать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ“ (см. № 27 Сына Отечества, издаваемаго г. Гречемъ и Булгаринимъ).

Изумился я, какимъ образомъ могъ я пропустить безъ вниманія сіи краснорѣчивыя, но необдуманныя строки! Я сталъ по пальцамъ пересчитывать всевозможныхъ рецензентовъ, у коихъ менѣе ума въ головѣ, нежели у г. Булгарина въ мизинцѣ, и тепер-

догадываюсь, кому Николай Ивановичъ думалъ погрозить мизинчикомъ Эаддея Венедиктовича.

Въ самомъ дѣлѣ, къ кому можетъ отнестись это затѣйливое выраженіе? Кто наши записные рецензенты?

Вы, г. Издатель Телескопа? Вѣроятно, мстительный мизинчикъ указываетъ и на васъ: предоставляю вамъ самимъ вступить за свою голову *). Но кто же другіе? {

Г. Полевой? Но, не смотря на прежніе раздоры, на письма Бригадирши, на насмѣшки славнаго Трипусе, ¹ на недавнее прозвище Верхогляда и проч., и проч., всей Европѣ извѣстно, что Телеграфъ состоитъ въ добромъ согласіи съ Сѣверной Пчелой и Сыномъ Отечества: мизинчикъ касается не его.

Г. Воейковъ? Но сей замѣчательный литераторъ рецензіями мало занимается, а извѣстенъ болѣе изданіемъ Хамелеонистики, остроумнаго сбора статей, въ коихъ выводятся, такъ сказать, на чистую воду нѣкоторыя, такъ сказать, литературныя плутни. Ловкіе издатели Сѣверной Пчелы ужь вѣрно не станутъ, какъ говорится, класть ему пальца въ ротъ, хотя бы сей палецъ былъ и знаменитый, вышеупомянутый мизинчикъ.

Г. Сомовъ? Но, кажется, Литературная Газета, совершивъ свой единственный подвигъ — совершенное уничтоженіе (литературной) славы г. Булгарина — почіетъ на своихъ лаврахъ, и г. Гречъ, вѣроятно, не станетъ тревожить сего счастливаго усыпленія, щекотя Газету проказливымъ мизинчикомъ.

Кого же оцарапалъ сей мизинецъ? Кто сіи рецензенты, у коихъ—и такъ далѣе? Просвѣщенный

*) До мизинцевъ ли мнѣ? Изд. Телескопа.

читатель уже догадался, что дѣло идетъ обо мнѣ, о Теофилактѣ Косичкинѣ.

Всему свѣту извѣстно, что никто постояннѣе моего не слѣдовалъ за исполинскимъ ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ и блистательныхъ творений по части политики, точныхъ наукъ и чистой литературы вышли у насъ изъ печати въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (шагнувшаго такъ далеко впередъ) и обратили на себя справедливое вниманіе завидующей намъ Европы! Ни одного изъ таковыхъ явленій не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ, какъ извѣстно, написалъ я по одной статьѣ, отличающейся ученостію, глубокомысліемъ и остроуміемъ. Если долгъ безпристрастія требовалъ, чтобъ я указывалъ иногда на недостатки разбираемаго мною сочиненія, то можетъ ли кто-нибудь изъ гг. русскихъ авторовъ жаловаться на заносчивость или невѣжество Теофилакта Косичкина? Можетъ быть, по примѣру г-на Полевого, я слишкомъ лестно отзываюсь о самомъ себѣ; я могъ бы говорить въ третьемъ лицѣ и попросить моего друга подписать имя свое подъ сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь такими уловками, и гг. русскіе журналисты, вѣроятно, не укорятъ меня въ шарлатанствѣ.

И что жь! г. Гречъ въ журналѣ, съ жадностію читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ понимать, будто бы въ мизинцѣ его товарища болѣе ума и таланта, чѣмъ въ головѣ моей! Отзывъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагаю себя въ правѣ объявить во услышаніе всей Европы, что я ни чьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо, не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было. — Dixi.

Взявшись за перо, я не имѣлъ, однакожь, цѣлю объявить о семъ почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ-аристократамъ (разумѣю слово сіе въ его ироническомъ смыслѣ), я никогда не отвѣчалъ на журнальныя критики: дружба, оскорбленная дружба призываетъ опять меня на помощь угнетеннаго дарованія.

Признаюсь: послѣ статьи, въ которой такъ торжественно оправдалъ и защитилъ я А. А. Орлова (статья, принятой московскою и петербургскою публикою съ отличной благосклонностію), не ожидалъ я, чтобъ Сѣверная Пчела возобновила свои нападенія на благороднаго друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сіи нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколѣ не принужу къ совершенному безмолвію ожесточенныхъ гонителей моего друга и непочтительнаго Сына Отечества, издѣвающагося надъ нашею древнею Москвою.

Сѣверная Пчела (№ 101), объявляя о выходѣ Новаго Выжигина, говоритъ: „Заглавіе сего романа заставило насъ подумать, что это одно изъ многочисленныхъ подражаній произведеніямъ нашего блаженнаго г. А. Орлова, знаменитаго автора... Притомъ же всякге произведеніе московской литературы, носящее на себѣ печать издѣлія книгопродавецъ пятнадцатаго класса... приводитъ насъ въ невольный трепеть.“ Блаженный г. Орловъ... Что значитъ блаженный Орловъ? О, конечно: если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ; въ чистой совѣсти, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ; въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога; то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не ста-

нетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана!!! Если же слово блаженный употреблено въ смыслѣ, коего здѣсь изъяснять не стану, то, удивляюсь охотѣ нѣкоторыхъ людей, старающихся представлять смѣшными вещи, вовсе не смѣшныя, и которыя даже не могутъ извинять неприличія мысли остроуміемъ или веселостію оборота.

Насмѣшки надъ книгопродавцами пятнадцатаго класса обличаютъ аристократію чиновныхъ издателей, нѣкогда осмѣянную такъ называемыми аристократическими писателями. Повторимъ истину, столь же неоспоримую, какъ и нравственныя размышленія г-на Булгарина: „чины не даютъ ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарованія задорному маракъ. Филькингъ и Лабрюеръ не были ни статскими совѣтниками, ни даже коллежскими ассесорами. Разночинцы, вышедшіе въ дворянство, могутъ быть почтенными писателями, если только они люди съ дарованіемъ, образованностію и добросовѣстностію, а не фигляры и не наглецы.“

Надѣюсь, что сей умѣренный мой отзывъ будетъ послѣднимъ, и что почтенные издатели Сѣверной Пчелы, Сына Отечества и Сѣвернаго Архива не вызовутъ меня снова на поприще, на которомъ являюсь рѣдко, но не безъ успѣха, какъ изволите видѣть. Я человѣкъ миролюбивый, но всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому: „Этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссорить меня со всѣми порядочными людьми, марааетъ меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!“

Между тѣмъ, полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступитъ въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ:

Настоящій Выжигинъ.

Историко-нравственно-сатирическій романъ XIX вѣка.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной канурѣ. Воспитаніе ради Христа. — Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизонъ. — Глава III. Драка въ кабацѣ. Ваше благородіе! Дайте опохмѣлиться! — Глава IV. Дружба съ Евсеємъ. Фризская шинель. Кража. Бѣгство. — Глава V. Vbi bene, ibi patria. — Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ грабитъ Москву. — Глава VII. Выжигинъ перебѣгаетъ. — Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ торгашъ. — Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и отставной квартальный. — Глава X. Встрѣча Выжигина съ Высухинымъ. — Глава XI. Веселая компанія. Курьезный куплетъ и письмо-анонимъ къ знатной особѣ. — Глава XII. Танта. Выжигинъ попадаетъ въ дураки. — Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай, да дядюшка! — Глава XIV. Господинъ и г-жа Выжигины покупаютъ на трудовыя денежки деревню и съ благодарностію объявляютъ о томъ почтеннѣйшей публикѣ. — Глава XV. Семейственныя неприятности. Выжигинъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ музъ и пишетъ пасквили и доносы. — Глава XVI. Видокъ или маску долой! — Глава XVII. Выжигинъ раскаивается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ. — Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ.

Θ Косичкинъ.

X.

О сочиненіяхъ П. А. Катенина.

(1833).

На дняхъ вышли въ свѣтъ сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина.

Издатель (г. Бахтинъ) въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что П. А. Катенинъ почти при вступленіи на поприще словесности былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ (какъ и всѣ наши писатели вообще) скорѣе могъ бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по настоящему, у насъ еще не существуетъ: несправедливо было бы намъ и требовать оной. У насъ и литература едва ли существуетъ, а на нѣтъ — суда нѣтъ, говоритъ неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что называется у насъ критикой, то это доказываетъ только, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ — и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что

оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ одинъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма и обратился къ классическимъ идоламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ г. Катенина былъ переводъ славной Биргеровой Леоноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію Жуковскаго, который сдѣлалъ изъ нея то же, что Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ Фауста: ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Леонору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія: онъ написалъ Ольгу. Но сія простота и даже грубость выражений, сія сволочь, замѣнившая воздушную цѣпь тѣней, сія висѣлица вмѣсто сельскихъ картинъ, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей, и Гнѣдичъ взялся высказать ихъ мнѣнія въ статьѣ, коей несправедливость обличена была Грибоѣдовымъ. Послѣ Ольги явился Убійца, — лучшая можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже. Убійца, въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, плѣшивымъ! Читатели, воспитанные на Флоріанѣ и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первыя неудачи Катенина; онѣ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На теа-

трѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, коимъ наконецъ начали отдавать справедливость, и то скупю и неохотно. Между ими отличаются Мстиславъ Мстиславовичъ, стихотвореніе, исполненное огня и движенія, и Старая была, гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ идиллію, гдѣ съ такою прелестною вѣрностію постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя — простая, широкая, свободная; меланхолическую элегію, мастерской переводъ трехъ пѣсенъ изъ Inferno и собраніе романсовъ о Сидѣ, сію простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г. Катенина, слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

XI.

Статьи и замѣтки изъ Современника

1836 и 1837 гг.

1. О сочиненіяхъ Георгія Конискаго.

(Кн. I).

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткою рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславлѣ императрицѣ Екатеринѣ во время ея путешествія въ 1787 году: „Оставимъ астрономамъ...“ и проч. Рѣчь сія, проглавленная во всѣхъ нашихъ риторикахъ, — не что иное, какъ остроумное привѣтствіе, и заключаетъ въ

себѣ игру выражений, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую; по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ государя императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе краснорѣчія. Впрочемъ, различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію двора своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею епархією, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были уніатамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ уніятскіе костелы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у русскаго правительства; онъ доносилъ обо всемъ святѣйшему синоду и жаловался нашему посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуше озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистію къ нашей церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обзрѣвать сѣтующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили

въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями навстрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутеинскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телѣгѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствуя іезуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но, къ счастью, не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часть отъ часу усиливалась. Польское правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли къ униі не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елизавета Петровна, передъ самой своей кончиною, и государь Петръ III, при своемъ восшествіи на престоль, требовали отъ польскаго двора, чтобъ гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда она короновалась, и вслѣдъ за русскимъ духовенствомъ принесъ ей, вмѣстѣ съ поздравленіями, тихія сѣтованія народа, издревле намъ родного, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ ея подданныхъ, и когда, нѣсколько времени спустя, святѣйшій синодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его

управленіе псковскую епархію, императрица на то не согласилась и сказала: „Георгій нужень въ Польшѣ.“

Въ 1765 г. Георгій явился въ Варшавѣ и предъ трономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщаль свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ „уніятскимъ архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ.“ Но гордые польскіе магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе сего Екатерина повелѣла своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградю русскихъ штыковъ, созванъ былъ сеймъ, учреждена согласительная комиссія, и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей комиссіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ приобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. „Мы за вами еще живемъ“, сказалъ однажды ему уніятскій епископъ Шептицкій: „а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ“. Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ папы и снова соединиться съ греко-россійскою церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазеля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего

отечества, были ему возвращены, — и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною уже какъ подданный, радостно привѣтствуя избавительницу и законную владычицу Бѣлороссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею епархіею. Просвѣщеніе духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи семидесяти семи лѣтъ отъ роду.

Нынѣ протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго *).

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена Екатеринѣ, по совершеніи ея коронаванія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей **).

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній русскихъ, польскихъ и латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и виденъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрѣлые класы;

А намъ вѣстники смерти — сѣдые власы, и пр.
Но главное произведеніе Конискаго остается до

*) Собраніе сочиненій преосв. Георгія Конискаго, съ его жизнеописаніемъ и портретомъ. 2 части, Спб. 1835. — (Изд. 2-е, доп., 2 ч. Спб. 1861.

**) Въ „Современникѣ“ приведены обширныя выписки, № 2, стр. 89—95.

сихъ поръ неизданнымъ: Исторія Малороссіи извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлью государственною. Когда императрица Екатерина учредила комиссію о составленіи новаго уложенія, тогда депутатъ малороссійскаго шляхетства Андрей Григорьевичъ Полетика обратился къ Георгію, какъ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ критика я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще

бьется въ немъ подъ иноческою рясою. (Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго рода, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ *Исторіи Малороссіи* суть картины, начертанныя кистию великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи *).

Какъ историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большого числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго архіепископа Бѣлороссіи, оказалъ обществу великую услугу. Будемъ надѣяться, что и великій историкъ Малороссіи найдетъ себѣ, наконецъ, столь же достойнаго издателя.

2. Вастола, или желанія. Повѣсть въ стихахъ Виланда, издалъ А. Пушкинъ.

(Кн. I).

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ дано было почувствовать, что издатель *Вастолы* хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это

*) Выписаны: „Введеніе униѣ“ и „Казнь Острианицы“, см. „Исторію Уссовъ“, стр. 40-42 и 53-47.

называется издавать; слово ясно; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ другого не придумано.

Въ томъ же журналѣ сказано было, что „Вас-тола“ переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя и что лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей.

Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого бы то ни было.

Послѣ такового объясненія не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.

3. Вечера на хуторѣ, изданіе 2-е.

(Кн. I).

Читатели наши, конечно, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ „Вечеровъ на хуторѣ“. Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставляя сіи недостатки на поживу критики.

Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ „Арабески“, гдѣ находится его „Невскій проспектъ“, — самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился „Миргородъ“, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, эту шутовую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и „Тараса Бульбу“, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ *).

4. Къ разсказу: долина Ажитугай.

(Кн. II).

Вотъ явленіе, неожиданное въ нашей литературѣ! Сынъ полудикаго Кавказа становится въ ряды нашихъ писателей; черкесь изъясняется на русскомъ языкѣ свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотѣли перемѣнить въ предлагаемомъ отрывкѣ; любопытно видѣть, какъ Султанъ Казы-Гирей (потомокъ крымскихъ Гиреевъ), видѣвшій вблизи роскошную образованность, остался вѣрнѣе привычкамъ и преданіямъ наслѣдственнымъ; какъ русскій офицеръ помнитъ чувства ненависти къ Россіи, волновавшія его отроческое сердце, какъ, наконецъ, магометанинъ съ глубокой думою смотритъ на крестъ, эту хоругвь Европы и просвѣщенія.

*) На дняхъ будетъ представлена на здѣшнемъ театрѣ его комедія Ревизоръ

5. Россійская академія.

(Кн. II).

18-го января нынѣшняго года Россійская Академія была удостоена присутствія его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ почетные члены. Непремѣнный секретарь Д. И. Языковъ открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи Академіи.

Екатерина II основала Россійскую Академію въ 1783 году и повелѣла княгинѣ Дашковой быть предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и неизблемый порядокъ, хотѣла дать уложеніе и русскому языку. Академія, повинувась ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію словаря. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась она объ успѣхѣ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что словарь доведенъ до буквы Нашъ, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: „все Нашъ да Нашъ! когда же вы мнѣ скажете: вашъ?“ Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ императрицы: что словарь? отвѣчали ей, что Академія дошла до буквы Покой. Императрица улыбнулась и замѣтила, что Академіи пора было бы покой оставить.

Не смотря на сіи шутки, Академія должна была изумить государыню поспѣшнымъ исполненіемъ ея воли: словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ *).

*) Французская академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ непрерывно занимавшаяся составленіемъ своего словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Вильмень. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще академія пересматривала букву А. Дѣятельный

Карамзинъ справедливо удивляется такому подвигу. „Полный словарь, изданный Академіей“, говорит онъ, „принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многимъ великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги, имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносовъ), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями академіи флорентинской и парижской“.

Многіе изъ членовъ Академіи участвовали въ изданіи Собесѣдника любителей россійскаго слова. Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонвизинъ доставилъ въ Собесѣдникъ статью подъ названіемъ: „Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особое вниманіе“. Вопросы явились въ Собесѣдникѣ съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отчего всѣ въ долгахъ?

О. Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

Кольберъ, удивлявшійся такой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе академіи. Разбирали слово *apiti*. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такою утонченностію о томъ, что въ словѣ *apiti* предполагается ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе, чувство раздѣленное, или одно наружное изъясненіе, или усердіе безъ вознагражденія, что министръ, у коего при дворѣ было такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужъ не удивляется медленности и затрудненіямъ академіи.

О. Отъ размноженія клубовъ.

В. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другого.

В. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

О. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

В. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

ВВ. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли.

Сии отвѣты писаны самой императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова (1802—1813) Академія издала:

1) Грамматику россійскую. 2) Сочиненія и переводы академіи. 3) Словарь, расположенный по азбучному порядку. 4) Переводъ лѣтописи Тацитовой. 5) Переводъ путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывший въ то время за границей съ государемъ императоромъ, назначенъ предсѣдателемъ Россійской Академіи. Подъ его руководствомъ Академія издала слѣдующія книги:

- 1) Извѣстія Академіи, 11 книжекъ (1815—1823).
- 2) Повременное изданіе, 4 части (1829 — 1832).
- 3) Краткія записки, 3 книжки (1834 — 1836).
- 4) Квинтиліановы критическія наставленія (1834).
- 5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

Нынѣ Академія приготовляетъ третье изданіе своего словаря, коего распространеніе часть отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, грамматика колеблется. Орѳографія, сія геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждого.

Вслѣдъ за непремѣннымъ секретаремъ, преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для великаго князя Святослава и хранящейся нынѣ въ московской синодальной библіотекѣ.

„Рукопись называется Изборникъ, т. е. извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей. — Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до христіанскаго ученія, но частію и метафизическіе по разуму того вѣка, напримѣръ: о естествѣ, о собствѣ, о лицѣ, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыхъ. — На оборотѣ листа 237 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало: Георгія Хоуровска о образѣхъ. Творчѣсти образи суть 27: 1. Инословіе. 2. Прѣводъ (metaphora). 3. Напотребіе. 4. Пріятіе. 5. Прѣходноіе. 6. Възвратъ. 7. Съпріятіе. 8. Сънятіе. 9. Именотвореніе (опоматороеіа). 10. Сътвореніе. 11. Въименомѣстство. 12. Отъименіе (metonymia). 13. Въспятословіе. 14. Округословіе. 15. Нестатькъ. 16. Изрядіе. 17. Лихорѣчіе. 18. Притѣча. 19. Прикладъ. 20. Отъданіе. 21. Лицетворіе (олицетвореніе). 22. Сълогъ. 23. Пороуганіе (ironia). 24. Видъ. 25. Послѣдословіе. — Инословіе оубо іестъ ино нѣчто глаголюшти, а инъ разоумъ оуказайюшти, якоже іеже іе речено отъ Бога къ зміи: проклята ты и отъ всѣхъ звѣ-

рий; слово бо акы зміи ієсть на дїавола же, ино рѣчь нѣ зміємъ нарицаіема разоумѣваніємъ.—Далѣе слѣдуетъ подобныя сему опредѣленія и прочіихъ выше исчисленныхъ наименованій, но не довольно понятныя для читателя, можетъ быть и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ, издателями русской энциклопедіи XI вѣка*.

Непремѣнный секретарь прочель главу II изъ устава Академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданнѣйшаго доклада президента Академіи, при поднесеніи на высочайшее усмотрѣніе проекта устава:

„Академія есть стражъ языка: и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго темнаго, не нравственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній“.

За симъ дѣйствительный членъ М. Е. Лобановъ занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего: О духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора, какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оно было произнесено.

В. А. Полѣновъ прочель: Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина, перваго непремѣннаго секретаря Россійской Академіи: статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ — истинно академическую.

Послѣ сего дѣйствительные члены: М. Е. Лоба-

новъ, князь П. А. Ширинскій - Шихматовъ и Б. М. Федоровъ читали, одинъ послѣ другого, сочиненія своего стихи.

Наконецъ князь Ширинскій - Шихматовъ прочелъ написанную г. президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: Нѣчто о Карамзинѣ. Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемая почтеннымъ старцемъ великому писателю... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при дворѣ блаженной памяти государыни великой княгини Екатерины Павловны, матери его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно, что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго государя и августѣйшей сестры его нѣкоторыя главы Исторіи Государства Россійскаго. „Вы слушали“, пишетъ исторіографъ въ своемъ посвященіи, „съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія.“ Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову государыни великой княгини, женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли: „О древней и новой Россіи“, со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы... прочелъ — и остался по-прежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному своему подданному. Когда - нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя, и благородство патріота...

Засѣданіе 18 января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ Россійской Академіи.

6. Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ.

(Кн. II).

Modo vir, modo femina. — Ov.

Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ конно-польскій уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій георгіевскій крестъ, и въ томъ же году произведенъ былъ въ офицеры въ маріупольскій гусарскій полкъ. Впослѣдствіи перешелъ онъ въ литовскій уланскій и продолжалъ свою службу столь же ревностно, какъ и началъ.

Повидимому, все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однакожь это самое надѣлало много шума, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

Какія причины заставили молодую дѣвушку хорошей дворянской фамиліи оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности, которыя пугаютъ и мужчинъ, и явиться на полъ сраженій — и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?.. Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями

ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы Современника отрывками изъ журнала, веденнаго ею въ 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностью спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ.

7. Мелкія замѣтки во II-й кн. Современника.

Отъ редакціи. I. (О „Хроникѣ русскаго въ Парижѣ“). — Для очистки совѣсти нашей и для предупрежденія всѣхъ возможныхъ толковъ и недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ, почитаемъ обязанностью сознаться, что напечатаніе въ первой книжкѣ журнала нашего Хроники русскаго въ Парижѣ есть не что иное, какъ слѣдствіе нашей нескромности; что сіи отрывки изъ дружескихъ писемъ, или, лучше сказать, домашняго журнала, никогда не были предназначены къ печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены публикѣ. Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ. Мы имѣли случай стороною подслушать этотъ *a-parte*, подсмотреть эти ежедневныя, ежеминутныя отмѣтки, и поторопились, какъ водится нынѣ, въ эпоху раз-

облаченія всѣхъ тайнъ, подѣлиться удовольствіемъ и свѣжими современными новинками съ читателями „Современника“. Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы, для порядка, дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить ихъ въ литературную форму. Но мы предпочли сохранить въ нихъ живой, теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, городскихъ вѣстей, бульварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній, такъ сказать, стенографировать эти горячіе слѣды, эту лихорадку парижской жизни; впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, парижская хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами избранный, едва ли не лучшій. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только выворотить вкусъ ихъ на изнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство; слѣдовательно, не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только, по обязанности редакторской, принявъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помянутыхъ выписокъ, отклонить ее отъ того, который писалъ ихъ, забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ.

II. Статья, присланная намъ изъ Твери съ подписью А. Б., не могла быть напечатана въ сей книжкѣ по недостатку времени.

III. Мы получили также статью г. Косичкина. Но, къ сожалѣнію, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей.

8. Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной.

(Читано имъ 18 января 1836 г. въ Императорской Россійской Академіи).

(Кн. III).

Г-нъ Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе не академическую: это краткая статья, въ родѣ журнальных отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Можетъ статься, то, что хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легковѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей Академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Лобанова заслуживаетъ и даже требуетъ самага внимательнаго разсмотрѣнія.

„Любовь къ чтенію и желанію образованія (такъ начинается статья г. Лобанова) сильно увеличились въ нашемъ отечествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ; книжная торговля распространяется“.

Находя событіе сіе пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ словесности въ нашемъ отечествѣ, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе:

„Безпристрастные наблюдатели“, говоритъ онъ, „носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу отечества, переходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей словесности нѣкоторый отголосокъ

безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями“.

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣтъ онъ подъ словами безнравіе и нелѣпость, продолжаетъ:

„Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписываетъ благоразуміе. Но что жъ заимствовать нынѣ (говорю о чистой словесности) у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто обнаруживаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія и, слѣдовательно, будущихъ заблужденій и преступленій.“

„Ужели жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Ужели отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не назидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу человѣчеству? Ужели истощилось необъятное поприще благороднаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились къ нелѣпому, отвратному (?), омерзительному и даже ненавистному?“

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводитъ извѣстное мнѣніе эдинбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи французской словесности. При семь случаѣ своды Академіи огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ; имена сіи снабжены были странными прилагательными... Но что, если (паче всякаго чаянія) статья г. Лобанова будетъ переведена, и сіи господа увидятъ имена свои, напечатанныя въ отчетѣ Императорской Россійской Академіи? Не пропадетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться такой

честію; неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ европейскихъ академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академіи безмолвствовали о другихъ). Критическая статья англійскаго аристарха напечатана была въ журналѣ; тамъ она заняла ей приличное мѣсто и произвела свое дѣйствіе. У насъ Библіотека для чтенія перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться. ¹

„Для Франціи“, пишетъ г. Лобановъ, „для народовъ, отуманенныхъ гибельною для челоѣчества новѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата; самая отвратительнѣйшія зрѣлища, на примѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, — Лукреція Борджіа, не кажутся имъ таковыми; самая разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революцій“.

Спрашиваю: можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѣму? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье; который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и Балланшемъ; народъ, который Ламартина призналъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и Галламу противопоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрывается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій минувшаго столѣтія: ужели весь сей народъ долженъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ писателей, большею частію молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты и основывающихъ ко-

рыстные разсчеты на любопытствѣ и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому. Нельзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной цѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишите именно о такихъ - то предметахъ, а не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляются на преступныя и на неподлежащія никакой отвѣтственности. Законъ не вмѣшивается въ привычки частнаго чело-вѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его прогулкахъ и тому подобномъ; законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ, чтобъ онъ описывалъ нравы женеваго патора, а не приключенія разбойника или палача, выхвалялъ счастье супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящности или нравственной цѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житья и образованности. Законъ постигаетъ одни преступленія, оставляя слабости и пороки на совѣсть каждаго. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣшніе писатели представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Лесаажъ, написавъ „Жилблаза“ и „Гусмана д'Альфараши“, конечно, не имѣлъ намѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ „Разбойниковъ“ вѣроятно не съ тою цѣлю, чтобъ молодыхъ людей вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ же и въ нынѣшнихъ писателяхъ пред-

полагать преступные замыслы, когда их произведенія просто изъясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвецахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ, а рассказы и стихотворцы изстари пользовались этой наклонностію души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобы нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безсвязная французская словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій *). Въ словесности французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи литература производила приторныя, сентиментальныя, нравоучительныя книжки. Литературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго „возстановленія“ (restauracion). Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствовавъ своимъ нравнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударила въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риториками, будто бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собой уничтожилась. Почувствовали, что цѣль художества есть идеалъ, а не нравоученіе. Но писатели французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлю поэзіи, т. е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ

*) Современникъ № 1: „О движеніи журнальной литературы“.

какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и наказаніе порока были непремѣннымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла; нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставлять порокъ всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, мелкомысліе, и вскорѣ такъ же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Коттенъ. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже „словесность отчаянія“ (какъ назвалъ ее Гете), „словесность сатаническая“ (какъ говоритъ Соутей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр.—эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими большого успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ къ роду нравоописательныхъ и историческихъ. Лесаажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль-Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію французскому: она болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германскою, и

гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

„Останавливаясь на духъ и направленіи нашей словесности“, продолжаетъ г. Лобановъ, „всякій просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ—сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ — совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетливости и литературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, нерѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими, и литературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей словесности: онъ, какъ бы безталантный (г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: безталантный), оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію“.

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены разсчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабomyслия), къ несчастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удалствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титуло поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ:

напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суевѣрнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человекъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не отказалъ ему въ дани уваженія глубокаго и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ, мало понятнымъ для непосвященныхъ, но, тѣмъ не менѣе, ихъ вліяніе было благотворно и часть отъ часу становится болѣе ощутительно.

Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ; а по слѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суесловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва ли вѣрятъ, что изящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленной, пле-

щущей безъ разбора и гаерамъ подкачельнымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческой далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякій пишущій есть самобытный гений — и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ (которые однакожъ за тысячи лѣтъ плѣняли своихъ согражданъ, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю), подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшие писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку нравственности и словесности“.

Оставляя безъ возраженія сію филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, выведенномъ г. Лобановымъ изъ всего имъ сказаннаго:

„По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть въ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто жь долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самага учрежденная. Она, движимая любовію къ государю и отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности. „Академія (сказано въ ея уставѣ, гл. III, § 2, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ, § III), яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей.“ Итакъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечатанія въ собранія сей Академіи, согласно съ ея уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего Высочайше утвержденнаго закона.“

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся ниспровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? И можно ли укорять у насъ цензуру въ неосмотрительности и ослабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна проникать всѣ ухищренія пишущихъ. „Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не позволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону“ (уставъ о цензурѣ, § 6). Такова была высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. Нелѣпо е, если оно просто нелѣпо, и не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію цензуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества, а не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ цензурою; книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ нельзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть устано-

вленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

Заклучимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Россійская Академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ—наказывая однимъ невниманіемъ.

9. Вольтеръ.

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris 1836).

(Кн. III).

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де-Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 г.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоценной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради, или записка къ портному объ отсрочкѣ платежа. Намъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертывшая эти смиренныя цифры, эти незначущія слова, тѣмъ же самымъ почеркомъ и, можетъ быть, тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчіямъ всю заманчивость

остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго: г. де-Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями *), но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730-1740 гг. и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: „L'Italie il y a cent ans“. Въ этихъ дружескихъ письмахъ де-Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины, набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевского озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство маленькой мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякій случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ (пишетъ онъ самъ) имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне (Турнуа), принадлежавшее президенту де-Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

*) Histoire des navigations aux terres Australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétiches, и проч.

„Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно — и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

„Обязуюсь изъ матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенькій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

„Все, чѣмъ украсу землю, весь скоть, всѣ земледѣльческія орудія, коими снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

„Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

„Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ, и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

„Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную *les Délices*; я украсилъ домъ въ Лозаннѣ; то и другое теперь стоитъ вдвое противъ прежней цѣны; то же сдѣлаю и съ вашею землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ее съ рукъ не сбудете

„Во всякомъ случаѣ, прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю“, и проч.

Де - Броссъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

„Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ (пишетъ онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу *), то, восхищаясь вмѣстѣ съ вами физическою красотою береговъ вашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что надобно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому, что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархію... Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, если бъ онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностью: это просто ветошь. Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣлъ для васъ то же намѣреніе. — Приступимъ къ дѣлу.“

Тутъ де-Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемая Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчить, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ, 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торгова, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де-Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де - Броссъ — тѣмъ острымъ

*) Вольтеръ въ 1755 году купилъ les Délices sur St. Jean, близъ самой Женевы.

писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленныя деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де-Бросса какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить: „qu'il tremble!“ — восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ — „il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le déshonorer!“ Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ... а все дѣло въ двухстахъ франкахъ. Де-Броссъ, съ своей стороны, не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы онъ пишетъ знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, чтобы не краснѣть, опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала: „Mens sana in corpore sano“.

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовѣстить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо (которое, вѣроятно, диктовано самимъ де-Броссомъ): „Вы боитесь быть обманутымъ“, говоритъ г. Рюфе, „но изъ двухъ ролей это лучшая... Вы не имѣли никогда тяжebъ: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ... Помните устрицу Лафонтена и пятаю сцену второго дѣйствія въ Скапиновыхъ

Обманахъ *). Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься...“

Вольтеръ первый утомился и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента, и былъ причиною тому, что де-Броссъ не попалъ въ академію (что въ то время много значило). Сверхъ того, Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де-Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатю годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая библіотека), какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ онъ еще мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. „Надобно видѣть“, пишетъ издатель въ своемъ предисловіи, „какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фредерика II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ вѣзжаетъ въ свое графство, сопровождаемый своими обѣими племянницами (которыя всѣ въ брилліантахъ); какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на прокатъ у Женевской республики. — Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Габель (налогъ на соль) находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ, онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится

*) Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапина на колѣняхъ признаваться во всѣхъ своихъ плутняхъ.

обо всемъ, съ этой раздражительностію страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прицѣпки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Каласа“.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розыны:

Vos rosiers sont dans mes jardins,
Et leur fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ гososо нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера — напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его — несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де-Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность — все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности.

Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де-ла-Туша, бывшаго французскимъ посланникомъ при дворѣ Фредерика II (въ 1752 году).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ Сѣвернымъ Соломономъ *), своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ берлинской академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: Письмо къ Публикѣ. Въ немъ осуждали Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Спустя вѣсколько времени, „Письмо къ Публикѣ“ было перепечатано въ Берлинѣ, съ изображеніемъ короны, скиптра и прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. „Я стараюсь тому не вѣрить“ — писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю — „но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые селятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!“ Не смотря на свое уныніе, онъ однакожь не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣтъ своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (*La Diatribe du Dr. Akakias*) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого короля.

*) Такъ называлъ Вольтеръ Фредерика II въ хвалебныхъ своихъ посланіяхъ.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фредерика, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фредерика, напечатанныя для немногихъ и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственного достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? Зачѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости государя, ему чужого, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить?..

Къ чести Фредерика II скажемъ, что самъ отъ себя король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе

свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фредерику каммергерскій ключъ и прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что король самъ ихъ потребовалъъ обратно. Роль переменяена: Фредерикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ...

Что изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалютъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что, наконецъ, независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

10. Джонъ Теннеръ.

(Кн. III).

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскіе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическія происшествія тому виною: Америка спокойно совершаетъ свое поприще, доннынѣ безопасная и цвѣтущая, сильная миромъ, упроченнымъ ей географическимъ ея положеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но нѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованіемъ нравовъ и постановленій американскихъ, и ихъ наблюденія возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже рѣшенными. Уваженіе къ сему новому народу и къ его уложенію, плоду новѣйшаго просвѣщенія, сильно поколебалось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея отвратитель-

номъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благодарное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и страстію къ довольству (comfort); большинство, нагло притѣсняющее общество; рабство негровъ посреди образованности и свободы; родословныя гоненія въ народѣ, не имѣющемъ дворянства; со стороны избирателей — алчность и зависть; со стороны управляющихъ — робость и подобострастіе; талантъ, изъ уваженія къ равенству, принужденный къ добровольному остракизму; богачъ, надѣвающій оборванный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной нищеты, имъ втайнѣ презираемой: такова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношенія Штатовъ къ индійскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и безчеловѣчіе американскаго конгресса осуждены съ негодованіемъ; такъ или иначе, чрезъ мечъ и огонь, или отъ рома и ябеды, или средствами болѣе нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближеніи цивилизаціи. Таковъ неизбѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся, и пространныя степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтьми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усѣянныя деревнями, и въ торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы и разовьется флагъ американскій.

Нравы сѣверо - американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но

Шатобрианъ и Куперъ оба представили намъ индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія. „Дикари, выставленные въ романахъ, пишетъ Вашингтонъ-Ирвингъ, такъ же похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллическіе пастухи на пастуховъ обыкновенныхъ“. Это самое подозрѣвали и читатели, и недовѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы „Записки Джона Теннера“, проведеншаго тридцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти „Записки“ драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ — самый полный и, вѣроятно, послѣдній документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племень безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ челоуѣка; показанія простодушныя и безстрастныя, онѣ, наконецъ, будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и христіанской цивилизаціи. Достоувѣрность сихъ „Записокъ“ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы (между прочимъ Токвиль, авторъ славной книги: „De la démocratie en Amérique“) видѣли его, и купили отъ него самого эту книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочесть нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ругаются за истину.

Отецъ Джона Теннера, выходецъ изъ Виргиніи,

былъ священникомъ. По смерти жены своей, онъ поселился въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Элькъ - Горнъ, въ недалекомъ разстояніи отъ Цинциннати.

Элькъ - Горнъ былъ подверженъ нападеніямъ индійцевъ. Дядя Джона Теннера однажды, ночью, сговорясь съ своими сосѣдями, приблизился къ стану индійцевъ и застрѣлилъ одного изъ нихъ. Прочіе бросились въ рѣку и уплыли...

Отецъ Теннера, отправляясь однажды утромъ въ дальнее селеніе, приказалъ своимъ обѣимъ дочерямъ отослать маленькаго Джона въ школу. Онѣ вспомнили о томъ уже послѣ обѣда. Но шелъ дождь, и Джонъ остался дома. Вечеромъ отецъ возвратился и, узнавъ, что онъ въ школу не ходилъ, послалъ его самого за тростникомъ, и больно его высѣкъ. Съ той поры отеческій домъ опостылѣлъ маленькому Теннеру; онъ часто думалъ и говаривалъ: „мнѣ бы хотѣлось уйти къ дикимъ!“

„Отецъ мой, пишетъ Теннеръ, оставилъ Элькъ-Горнъ и отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ. Дней десять спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его беспокоятся, чуя близость индійцевъ, которые, вѣроятно, рыщутъ по лѣсу. „Джонъ“, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — „ты сегодня сиди дома.“ Потомъ пошелъ онъ засѣвать поле съ своими неграми и старшимъ моимъ братомъ.

„Насъ осталось дома четверо дѣтей. Мачиха, чтобъ вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро соскучился, и сталъ щипать его, чтобъ заставить кричать. Мачиха велѣла мнѣ взять его на руки и съ нимъ гулять по комнатамъ. Я послушался, но не пересталъ его щипать. Наконецъ она стала его кормить грудью; а я побѣждалъ проворно на

дворъ и ускользнулъ въ калитку, оттуда—въ поле. Не въ далекомъ разстояніи отъ дома и близь самаго поля стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодніе орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобъ не быть замѣчену ни отцомъ, ни его работниками... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть индійцевъ!

„Ужь моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ услышалъ я шорохъ. Я оглянулся: индійцы! Старикъ и молодой человѣкъ схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно, я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ. Наконецъ я очнулся подъ высокимъ деревомъ. Старика не было. Я находился между молодымъ человѣкомъ и другимъ индійцемъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣроятно, я его чѣмъ-нибудь да разсердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свой томагаукъ (дубину) и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверхъ. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдній разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой индеецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, взнесенный надъ моей головою. Оба заспорили съ живостію, Покровитель мой закричалъ. Нѣсколько голосовъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе индійца приближали поспѣшно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертію. Потомъ онъ и молодой человѣкъ взяли меня каждый за руку и потащили опять. Между тѣмъ ужасный индеецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтно было, что они боялись быть достигнуты.

„Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома, у берега рѣки, въ кустахъ, спрятанъ былъ ими челнокъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою и переправились на другой берегъ, у самаго устья Бигъ-Міами. Челнокъ остановили. Въ лѣсу спрятаны были одѣяла (кожаная) и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжьего жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отселъ былъ еще виденъ; они смотрѣли на него, и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что они говорили.

„Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою по прежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ избавиться, не смотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна. Настала ночь; старикъ и молодой индеецъ легли со мною подъ одно одѣяло и крѣпко прижали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснулъ. На другой день я проснулся на зарѣ. Индѣйцы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надѣялся убѣжать, но при наступленіи ночи сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ранги мои распухли и были всѣ въ ранахъ и въ занозахъ. Старикъ мнѣ помогъ кое-какъ и далъ пару мокасиновъ (родъ кожаныхъ лаптей), которые облегчили меня немного.

„Я шель обыкновенно между старикомъ и молодымъ индѣйцемъ. Часто заставляли они меня бѣгать до упаду. Нѣсколько дней я почти ничего не ѣлъ. Мы встрѣтили широкую рѣку, выпадающую (думаю) въ Міами. Она была такъ глубока, что мнѣ нельзя было ея перейти. Старикъ взялъ меня къ себѣ на плечи и перенесъ на другой берегъ. Вода доходила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно, и потерялъ всю надежду на скорое избавленіе. Я проворно вскарабкался на берегъ, сталъ бѣгать по лѣсу, и спугнулъ съ гнѣзда дикую птицу. Гнѣздо полно было яицъ; я взялъ ихъ въ платокъ и воротился къ рѣкѣ. Индѣйцы стали смѣяться, увидѣвъ меня съ моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца въ маленькомъ котлѣ. Я былъ очень голоденъ и жадно смотрѣлъ на эти приготовленія. Вдругъ приближалъ старикъ, схватилъ котелъ и вылилъ воду на огонь вмѣстѣ съ яйцами. Онъ наскоро что-то шепнулъ молодому человѣку. Индѣйцы поспѣшно подобрали яйца и разсѣялись по лѣсамъ. Двое изъ нихъ умчали меня со всевозможною быстротою. Я думалъ, что за нами гнались, и въ послѣдствіи узналъ, что не ошибся. Вѣроятно, меня искали на томъ берегу рѣки...

„Два или три дня послѣ того, встрѣтили мы отрядъ индѣйцевъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати человекъ. Они шли въ европейскія селенія. Старикъ долго

съ ними разговаривалъ. Узнавъ (какъ послѣ мнѣ сказали), что бѣлые люди за нами гнались, они пошли имъ на встрѣчу. Произошло жаркое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много мертвыхъ.

„Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и скученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Мауми. Индійцы разсыпались по лѣсу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно орѣховое дерево (hickory), срубили его, сняли кору и сшили изъ нея челнокъ, въ которомъ мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки и вышли на берегъ у большой индійской деревни, выстроенной близъ устья другой какой-то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ на встрѣчу. Молодая женщина съ крикомъ кинулась на меня и била по головѣ. Казалось, многіе изъ жителей хотѣли меня убить; однако старикъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. Повидимому, я часто бывалъ предметомъ разговоровъ, но не понималъ ихъ языка. Старикъ зналъ нѣсколько англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ.

„Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ индійской деревни находилась американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить но старикъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто его сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково и хорошо меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать — въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому родительскаго. Купцы утѣшали меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи.“

Наконецъ челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша, и побѣжала къ нимъ на встрѣчу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своего маленькаго плѣнника и потащила въ шалашъ.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-Гезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына. То есть, она требовала молодого невольника, съ тѣмъ, чтобы его усыновить. Старый Монито-о-Гезикъ съ сыномъ своимъ Кишъ-кау-ко и съ двумя единоплеменниками, жителями Гуронскаго озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобы только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Оіо. Наканунъ похищенія индійцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома. Молодые люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ребенка, и нѣсколько разъ готовы были выстрѣлить по работникамъ. Старикъ насилу могъ ихъ удержать.

Возвратясь благополучно домой съ своею добычею, старый Монито-о-Гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря.

Была весна. Индійцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ зеленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревьевъ, изъ-за которыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили обламывать сухія вѣточки и обрывать листья съ той стороны, гдѣ скрывались охотники. Маленькій плѣнникъ, утомленный знаниемъ и трудомъ, всегда голодный и грустный, лѣниво исполнялъ свою должность. Старый Монито-о-Гезикъ, заставъ однажды его спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своимъ томага-

укомъ и бросилъ въ мертво въ кусты. Возвратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей: „Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привелъ, ни къ чему не годенъ; я его убилъ. Ты найдешь его тамъ-то.“ Старуха съ дочерью прибѣжали, нашли Теннера еще живого, и привели его въ чувства.

Жизнь маленькаго приемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверхъ силъ; старикъ и сыновья его били бѣднаго мальчика поминутно. Ъсть ему почти ничего не давали; ночью онъ спалъ обыкновенно между дверью и очагомъ, и всякій, входя и выходя, непременно давалъ ему ногою толчекъ. Старикъ возненавидѣлъ его и обходился съ нимъ съ удивительной жестокостью. Теннеръ никогда не могъ забыть слѣдующаго происшествія.

Однажды Монито-о-Гезикъ, вышедъ изъ своей хижины, вдругъ возвратился, схватилъ мальчика за волосы, потащилъ за дверь, и уткнулъ „какъ кошку“ лицомъ въ навозную кучу. „Подобно всѣмъ индійцамъ“, говоритъ американскій издатель его Записокъ, „Теннеръ имѣетъ привычку скрывать свои ощущенія. Но когда рассказывалъ онъ мнѣ сіе приключеніе, блескъ его взгляда и судорожный трепеть верхней губы доказывали, что жажда мщенія — отличительное свойство людей, съ которыми провелъ онъ свою жизнь — не была чужда и ему. Тридцать лѣтъ спустя, желалъ онъ еще омыть обиду, претерпѣнную имъ на двѣнадцатомъ году!“

Зимою начались военныя приготовленія. Монито-о-Гезикъ, отправляясь въ походъ, сказалъ Теннеру: „Иду убить твоего отца, братьевъ и всѣхъ родственниковъ...“ Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился, и показалъ Джону бѣлую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ

увѣрилъ его, что сдержалъ свое слово, и что никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуютъ.

Время шло, и Джонъ Теннеръ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя Монито-о-Гезикъ все обходился съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчать его участь. — Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени Отавуавовъ, Нетъ-но-куа, родственница стараго индѣйца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтобъ замѣнить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

Вторично усыновленный, Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался, вскорѣ отвыкъ отъ привычекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ индѣйцемъ, — и теперь, когда судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ отторгнутъ въ младенствѣ, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предразсудки дикарей, его усыновившихъ.

„Записки“ Теннера представляютъ живую и грустную картину. Въ нихъ есть какое-то однообразіе, какая-то сонная безсвязность и отсутствіе мысли, дающія нѣкоторое понятіе о жизни американскихъ дикарей. Это длинная повѣсть о застрѣленныхъ звѣряхъ, о метеляхъ, о голодныхъ дальнихъ шествіяхъ, объ охотникахъ, замерзшихъ на пути, о скотскихъ оргіяхъ, о ссорахъ, о враждѣ, о жизни бѣдной и трудной, о нуждахъ, непонятныхъ для чадъ образованности.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація европейская, вытѣснивъ ихъ изъ наслѣдственныхъ пустынь, подарила имъ порохъ и свинець:

тѣмъ и ограничилось ея благодѣтельное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается ими за великаго человѣка. Теннеръ рассказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

„Я отроду не стрѣлялъ. Мать моя (Неть-но-куа) только что купила боченокъ пороху. Ободренный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолеть, чтобъ идти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря, „пора тебѣ быть охотникомъ.“ Мнѣ дали заряженный пистолеть и сказали, что если удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и станутъ учить охотѣ.

„Съ того времени я возмужалъ и нѣсколько разъ находился въ затруднительномъ положеніи; но никогда жажда успѣха не была во мнѣ столь пламенна. Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взвелъ курокъ и поднялъ пистолеть почти къ самому носу; прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время мнѣ слышалось жужжаніе, подобное свисту брошеннаго камня; пистолеть полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ.

„Не заботясь о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣждалъ въ таборѣ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осмотрѣли; мнѣ дали ружье, порохъ и дробь и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мною обходиться съ уваженіемъ.“

Вскорѣ послѣ того молодой охотникъ отличился новымъ подвигомъ:

„Дичь становилась рѣдка; толпа наша (отрядъ охотниковъ съ женами и дѣтьми) голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести таборъ на другое мѣсто. Наканунѣ назначеннаго дня для походу мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ ужасной скудности, насъ постигшей. Я легъ спать; но ея пѣсни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

„На другой день, рано утромъ, она разбудила насъ, велѣла обуваться и быть готовымъ въ походъ. Потомъ призвала своего сына Уа-ме-гонъ-е-бью, и сказала ему: „Сынъ мой, въ нынѣшнюю ночь я молилась Великому Духу. Онъ явился мнѣ въ образѣ человѣческомъ, и сказалъ:

Нетъ-но-куа! завтра будетъ вамъ медвѣдь для обѣда. Вы встрѣтите на пути нашемъ (по такому-то направленію) круглую долину, и на долинѣ тропинку: медвѣдь находится на той тропинкѣ.*

„Но молодой человѣкъ, не всегда уважавшій слова своей матери, вышелъ изъ хижины и разсказалъ сонъ ея другимъ индійцамъ. „Старуха увѣряетъ“, сказалъ онъ, смѣясь, „что мы сегодня будемъ ѣсть медвѣдя; но не знаю, кто-то его убьетъ.“ Нетъ-но-куа его за то побранила, но не могла уговорить идти на медвѣдя.

„Мы пошли въ походъ. Мужчины шли впереди и несли наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они отправились на ловлю, а дѣти остались стеречь поклажу до прибытія женщинъ. Я былъ тутъ-же; ружье было при мнѣ. Я все думалъ о томъ, что говорила старуха, и рѣшился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядилъ ружье пулею и, не говоря никому ни слова, воротился назадъ.

„Я прибылъ къ одному мѣсту, гдѣ, вѣроятно, нѣкогда находился прудъ, и увидѣлъ круглое, малое пространство посреди лѣса. Вотъ, подумалъ я, долина, назначенная старухою. Вскорѣ нашелъ родъ тропинки, вѣроятно—русло высохшаго ручейка. Все покрыто было глубокимъ снѣгомъ.

„Мать сказывала также, что во снѣ видѣла она дымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился медвѣдь. Я былъ увѣренъ, что нашелъ долину, ея описанную, и долго ждалъ появленія дыма. Однакожь дымъ не показывался. Наскуча напраснымъ ожиданіемъ, сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тропинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу.

„Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ разсказы индійцевъ о медвѣдяхъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мѣсто, куда я провалился, была медвѣжья берлога. Я воротился и въ глубинѣ впадины увидѣлъ голову медвѣдя; поставилъ ему дуло ружья между глазами и выстрѣлилъ. Коль скоро дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько разъ воткнулъ ея конецъ въ глаза и рану; потомъ, удостоившись, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить изъ берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ по своимъ слѣдамъ.

„Вошелъ въ шалашъ моей матери. Старуха сказала мнѣ: „Сынъ мой, вынь изъ котла кусокъ боброваго мяса, которое мнѣ дали сегодня; да оставь половину брату, который съ охоты еще не воротился и сегодня ничего не ѣлъ...“ Я съѣлъ свой кусокъ и, видя, что старуха одна, подошелъ къ ней и сказалъ ей на ухо: „Мать! я убилъ медвѣдя!“ — Что ты говоришь? — „Я убилъ медвѣдя!“ — Точно ли онъ убить? — „Точно“. Нѣсколько времени она глядѣла на меня неподвижно; потомъ обняла меня съ нѣжностію и долго ласкала. Пошли за убитымъ медвѣдемъ; и какъ это былъ еще первый, то, по обычаю индійцевъ, его изжарили цѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами.“

Описаніе различныхъ охотъ и приключеній во время преслѣдованія звѣрей занимаетъ много мѣста въ „Запискахъ“ Джона Теннера. Исторіи объ однихъ убитыхъ медвѣдяхъ составляютъ цѣлый романъ. То, что онъ говоритъ о „музѣ“, американскомъ оленѣ (*cervus alces*), достойно изслѣдованія натуралистовъ.

„Индійцы увѣрены, что музъ, между прочимъ, одаренъ способностію долго оставаться подъ водою. Двое изъ моихъ знакомыхъ, люди не лживые, возвратились однажды вечеромъ съ охоты и рассказали намъ, что молодой музъ, загнанный ими въ маленькій прудъ, нырнулъ въ средину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табакъ; во все время не видали они ни малѣйшаго движенія воды, ни другой какой-либо примѣты скрывшагося муза и, потерявъ надежду на успѣхъ, наконецъ возвратились.

„Нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи явился одинокій охотникъ съ свѣжею добычею. Онъ рассказалъ, что звѣриный слѣдъ привелъ его къ берегамъ пруда, гдѣ нашелъ онъ слѣды двухъ человѣкъ, повидимому, прибывшихъ туда съ музомъ почти въ одно время. Онъ заключилъ, что музъ былъ ими убитъ; съѣлъ на берегъ и вскорѣ увидѣлъ муза, приставшаго тихо надъ неглубокою водою, и застрѣлилъ его въ пруду.

„Индійцы полагаютъ, что музъ — животное самое осторожное, и что достать его весьма трудно. Онъ бдительнѣе, нежели дикій буйволъ (*bison, bos americanus*) и канадскій

олень (карибон), и имѣть болѣе острое чутье. Онъ быстраѣ лося, осторожниѣе и хитраѣ дикой козы (l'antilope). Въ самую страшную бурю, когда вѣтеръ и громъ сливаются свой продолжительный ревъ съ безпрестаннымъ шумомъ проливного дождя, если сухой прутикъ хрустнетъ въ лѣсу подъ ногой или рукой человѣческой, музъ уже слышитъ. Онъ не всегда убѣгаетъ, но перестаетъ ѣсть и вслушивается во всѣ звуки. Если въ теченіе цѣлаго часа человекъ не произведетъ никакого шума, то музъ начинаетъ ѣсть опять, но ужь не забываетъ звука, имъ услышаннаго, и на нѣсколько часовъ осторожность его остается дѣятельнѣе."

Легкость и неутомимость индійцевъ въ преслѣдованіи звѣрей почти неизмѣнны. Вотъ какъ Теннеръ описываетъ охоту за лосями:

„Холодная погода только что начиналась. Снѣгъ былъ еще не глубже одного фута; а мы уже чувствовали голодъ. Намъ встрѣтилась толпа лосей, и мы убили четырехъ въ одинъ день.

„Вотъ какъ индійцы травятъ лосей. Спугнувъ съ мѣста, они преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри сторяча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль; но индійцы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, наконецъ настигаютъ ихъ; толпа лосей, завидя ихъ, бѣжитъ съ новымъ усиленіемъ и исчезаетъ опять на часъ или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ скорѣе и скорѣе, и лоси все долѣе и долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ охотники ужь ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталые лоси бѣгутъ тихой рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятся почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однакожъ они обыкновенно могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей; но выстрѣлы придаютъ звѣрямъ новую силу; а охотники, ежели снѣгъ не глубокъ, рѣдко имѣютъ духъ и возможность выстрѣлить болѣе одного или двухъ разъ. Въ продолжительномъ бѣгствѣ лось не легко высвобождаетъ копыто свое; въ глубокихъ снѣгахъ его достигнуть легко. Есть индійцы; которые могутъ преслѣдовать лосей по степи и безснѣжной; но такихъ мало.“

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя индѣйцами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движеніи, они не ѣдятъ по цѣлымъ суткамъ и принуждены иногда, послѣ такого насильственного поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти.

„Однажды, рано утромъ, говоритъ онъ, я погналъ лося и преслѣдовалъ его до ночи; уже готовъ былъ его достигнуть, но вдругъ лишился и силъ, и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскорѣ она оледенѣла. Мои суконныя „митассы“ (порты) изорвались въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю... Около полуночи достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто... Я пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ: мною овладѣло усыпленіе, обыкновенный признакъ, предшествующій смерти. Я удвоилъ усилія и хотя былъ въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удержать желаніе прилечь на землю. Наконецъ совершенно забылся, не знаю, надолго ли, и очнувшись какъ ото сна, увидѣлъ, что кружился на одномъ мѣстѣ.

„Я сталъ искать своихъ слѣдовъ, и вдругъ вдали увидѣлъ огонь; но снова потерялъ чувства. Если бы я упалъ, то ужъ никогда бы не всталъ. Я сталъ опять кружиться на одномъ мѣстѣ; наконецъ достигъ нашей хижины. Вошедъ въ нее, я упалъ, однакожь не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледь, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова стару-

хи: она говорила, что ждали меня задолго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобъ я такъ долго остался на охотѣ... Цѣлый мѣсяцъ я не могъ выйти: лицо, руки и ляжки были у меня сильно отморожены...*

Подвергаясь такимъ трудамъ и опасностямъ, индѣйцы имѣютъ цѣлю заготовленіе бобровыхъ мѣховъ, буйволовоыхъ кожъ и прочаго, дабы продать и вымѣнять ихъ купцамъ американскимъ. Но рѣдко получаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборотахъ: купцы обыкновенно пользуются ихъ простою и склонностію къ крѣпкимъ напиткамъ. Вымѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные индѣйцы отдають и остальные за безцѣнокъ; за продолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и нищета, и несчастные дикари принуждены вскорѣ опять обратиться къ скудной и бѣдственной своей промышленности. Джонъ Теннеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ одну изъ этихъ оргій:

„Торгъ нашъ кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасныхъ бобровыхъ мѣховъ. Въ замѣну подарка обыкновенно получала она одно платьѣ, серебряныя украшенія, знаки ея владычества, и бочку рому. Когда купецъ послалъ за нею, чтобъ вручить свой подарокъ, она такъ была пьяна, что не могла держаться на ногахъ. Я явился вмѣсто ея, и былъ немножко навеселѣ; нарядился въ ея платьѣ, надѣлъ на себя и серебряныя украшенія; потомъ, взваливъ бочку на плечи, принесъ ее въ хижину. Тутъ я поставилъ бочку наземъ и прошибъ дно обухомъ. „Я не изъ тѣхъ начальниковъ“ — сказалъ я — „которые тянутъ ромъ изъ дырочки: пей, кто хочетъ и сколько хочетъ!“ — Старуха прибѣжала съ тремя котлами — и въ пять минутъ все было выпито. Я пьянствовалъ съ индѣйцами во второй разъ отроду; у меня спрятанъ былъ ромъ; тайно ходилъ я пить, и былъ пьянъ два дня сряду. Остатки пошелъ допивать съ племянникомъ старухи... Онъ не былъ еще пьянъ; но жена его лежала передъ огнемъ въ совершенномъ безчувствіи...

„Мы сѣли пить. Въ это время индѣецъ, изъ племени

Ожибуай, вошелъ, шатаясь, и повалился передъ огнемъ. Ужь было поздно; но весь таборъ шумѣлъ и пьянствовалъ. Я съ товарищемъ вышелъ, чтобъ попить съ тѣми, которые захотятъ насъ пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котель съ остальною водкою. Погулявъ нѣсколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала передъ огнемъ; но на ней уже не было ея серебряныхъ украшеній. Мы кинулись къ нашему котлу: котель исчезъ; индеецъ, оставленный нами передъ огнемъ, скрылся, и по многимъ причинамъ мы подозрѣвали его въ этомъ воровствѣ. Допло до меня, что онъ сказывалъ, будто бы я его поилъ. На другой день пошелъ я въ его хижину и потребовалъ котла. Онъ велѣлъ своей женѣ принести его. Такимъ образомъ воръ сыскался, и братъ мой получилъ обратно серебряныя украшенія...

Оставляемъ читателю судить, какое улучшение въ нравахъ дикарей приноситъ соприкосновеніе цивилизаціи!

Легкомысленность, невоздержанность, лукавство и жестокость — главные пороки дикихъ американцевъ. Убійство между ними не почитается преступленіемъ; но родственники и друзья убитаго обыкновенно мстятъ за его смерть. Джонъ Теннеръ навлекъ на себя ненависть одного индійца и нѣсколько разъ подвергался его удару. „Ты давно могъ бы меня убить“, сказалъ ему однажды Теннеръ, „но ты не мужчина, у тебя нѣтъ даже сердца женскаго, ни смѣлости собачьей. Никогда не прощу тебѣ, что ты на меня замахнулся ножемъ и не имѣлъ духа поразить.“ Храбрость почитается между индійцами главною человѣческою добродѣтелью: трусь презираемъ у нихъ наравнѣ съ лѣнивымъ или слабымъ охотникомъ. Иногда, если убійство произошло въ пьянствѣ или ненарочно, родственники торжественно прощаютъ душегубца. Теннеръ рассказываетъ любопытный случай.

„Молодой человекъ изъ племени Оттовауа, жившій у меня во время моей болѣзни, отлучился въ таборъ ново-прибывшихъ индѣйцевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьянаго. Одинъ изъ переводниковъ втолкнулъ его въ хижину, сказавъ: „Смотрите за нимъ; молодой человекъ напраказилъ.“

„Мы разложили огонь и увидѣли молодого человека, стоящаго съ ножомъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Я запретилъ дѣлать разысканія и упоминать ему объ окровавленномъ ножѣ.

„Утромъ, вставъ отъ глубокаго сна, онъ ничего не помнилъ. Молодой человекъ сказалъ намъ, что наканунѣ, кажется, онъ напился пьянъ, что очень голоденъ и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человека. Онъ зналъ только, что во время пьянства кричалъ, вспомя объ отцѣ своемъ, убитомъ на томъ самомъ мѣстѣ бѣлыми людьми. Онъ очень опечалился и тотчасъ побѣжалъ взглянуть на того, кого зарѣзалъ. Несчастный былъ еще живъ. Мы узнали, что когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти, и что самъ убійца, вѣроятно, не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; но переводчикъ (американскаго губернатора) сильно его упрекалъ.

„Ясно было, что раненый не могъ жить, и что послѣднѣйшая часть его была уже близокъ. Убійца возвратился къ намъ. Мы приготовили значительные подарки; кто далъ одѣяло, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ унесъ ихъ тотчасъ и положилъ передъ раненымъ. Потомъ, обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: „Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата; но я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я не имѣлъ злого намѣренія: недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ, я съ нимъ видѣлся дружелюбно; но въ пьянствѣ я обезумѣлъ, и жизнь моя вамъ принадлежитъ. Я бѣденъ и живу у чужихъ; но они готовы отвести меня къ своему семейству и прислали вамъ эти подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; подарки передъ вами: выбирайте, что хотите. Друзья мои жаловаться не станутъ.“

„При сихъ словахъ онъ сѣлъ, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но

старая мать убитаго вышла впередъ и сказала ему: „Ни я, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа: его здѣсь нѣтъ; однакожь подарки твои принимаю и буду стараться отвратить отъ тебя мщеніе мужа. Это несчастіе случилось ненарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ я?“

„На другой день молодой человѣкъ умеръ, и многіе изъ насъ помогли убійцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвецу богатая одѣяла, платья и прочее (что, по обычаю индійцевъ, должно было быть схоронено вмѣстѣ съ тѣломъ). Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того чтобъ ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою.

„Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ цѣль, прыгали, боролись и пр. Но лучший кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителю за бѣгъ въ запуски. Самъ убійца его выигралъ. Старуха подозвала его и сказала: „Молодой человѣкъ! сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы счастлива, еслибы ты заступилъ его мѣсто, и любилъ и охранялъ меня, подобно ему. Боюсь только моего мужа.“ Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ тотчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ, и родственники убитаго всегда обходились съ нимъ ласково и дружелюбно.“

Не всѣ ссоры и убійства кончаются такъ миролюбиво. Джонъ Теннеръ описалъ одну ссору, гдѣ ужасное и смѣшное страннымъ образомъ перемѣшаны между собою.

„Братъ мой Уа-ме-гонъ-е-бью вошелъ въ шалашъ, гдѣ молодой человѣкъ билъ одну старуху. Братъ удержалъ его за руку. Въ это самое время пьяный старикъ, по имени Та-бу-шишъ, вошелъ туда же и, вѣроятно, не разобравъ порядочно, въ чемъ дѣло, схватилъ брата за волосы и откусилъ ему носъ. Народъ сбѣжался; произошло смятеніе. Многихъ изранили. Бегъ-уа-изъ, одинъ изъ старыхъ начальниковъ, бывший всегда къ намъ благосклоненъ, приближалъ на шумъ и почелъ своею обязанностію вмѣшаться въ

дѣло. Между тѣмъ братъ мой, замѣтя свою потерю, поднялъ руки, не подымая глазъ, вцѣпилъ въ волоса первой попавшейся ему головы, и разомъ откусилъ ей носъ. Это былъ носъ нашего друга, стараго Бегъ-уа-иза! Утоливъ немного свое бѣшенство, Уа-ме-гонъ-е-бю узналъ его, и закричалъ: „Дядя! это ты!“ Бегъ-уа-изъ былъ человѣкъ добрый и смиренный; онъ зналъ, что братъ откусилъ ему носъ совсѣмъ неумышленно. Онъ нимало не осердился, и сказалъ: „Я старъ: не долго будутъ смѣяться надъ потерю моего носа.“

„Съ своей стороны, я былъ въ сильномъ негодованіи на старика, обезобразившаго брата моего. Я вошелъ въ хижину къ Уа-ме-гонъ-е-бю и сѣлъ подлѣ него. Онъ былъ весь окровавленъ; нѣсколько времени молчалъ, и когда заговорилъ, я увидѣлъ, что онъ былъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. „Завтра“, сказалъ онъ, „я буду плакать съ моими дѣтьми; послѣ завтра пойду къ Та-бу-шишу (врагу своему), и мы оба умремъ: я не хочу жить, чтобъ быть вѣчно посмѣшищемъ.“ Я обѣщавъ ему помочь въ его предпріятіи и приготовилъ къ дѣлу. Но, проспавшись и проплакавъ цѣлый день съ своими дѣтьми, онъ оставилъ свои злобныя намѣренія и рѣшился какъ нибудь обойтись безъ носу, также, какъ и Бегъ-уа-изъ.

„Нѣсколько дней спустя Та-бу-шишъ опасно занемогъ горячкою. Онъ ужасно похудѣлъ и, казалось, умиралъ. Наконецъ прислалъ онъ къ Уа-ме-гонъ-е-бю два котла и другіе значительные подарки, и велѣлъ сказать: „Другъ мой, я тебя обезобразилъ, а ты наслалъ на меня болѣзнь. Я много страдалъ, а коли умру, то дѣти мои будутъ страдать еще болѣе. Посылаю тебѣ подарки, дабы ты оставилъ мнѣ жизнь...“ Уа-ме-гонъ-е-бю отвѣчалъ ему черезъ посланнаго: „Не я наслалъ на тебя болѣзнь; вылечить тебя не могу, подарковъ твоихъ не хочу.“ Та-бу-шишъ томился около мѣсяца; волосы у него вылѣзли; потомъ онъ началъ выздоравливать, и мы всѣ пошли въ степи по разнымъ направленіямъ, удаляясь одинъ отъ другого какъ можно болѣе...

„Однажды мы расположились таборомъ близъ деревушки, въ которую переселился Та-бу-шишъ, и готовы были уже снова выступить, какъ вдругъ увидѣли его. Онъ былъ весь голый, расписанъ и украшенъ какъ для битвы,

и держалъ въ рукахъ оружіе .Онъ медленно къ намъ приближался и казался глубоко раздраженнымъ. Но никто изъ насъ не понялъ его намѣренія до самой той минуты, какъ онъ уставилъ дуло своего ружья въ спину моему брату. „Другъ мой“, сказалъ онъ ему, — „мы довольно пожили; мы довольно другъ друга помучили. Тебя просили отъ моего имени довольствоваться тѣмъ, что уже я вытерпѣлъ; ты не согласился; черезъ тебя я все еще страдаю; жизнь мнѣ несносна; намъ должно вмѣстѣ умереть.“ Два молодые индійца, видя его намѣреніе, тотчасъ натянули свои луки и прицѣлились въ него стрѣлами; но Та-бу-шишъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Уа-ме-гонъ-е-бью испугался и не смѣлъ приподнять голову. Та-бу-шишъ готовъ былъ биться съ нимъ на смерть; но онъ не принялъ вызова. Съ той поры я вовсе пересталъ его уважать: послѣдній индеецъ былъ храбрѣе и великодушнѣе его.“

Если частныя распри индійцевъ жестоки и кровопролитны, то войны ихъ зато вовсе не губительны и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властію, а дикари не знаютъ, что такое повиновеніе воинское. Они, наскуча походомъ, оставляютъ войско одинъ за другимъ и возвращаются каждый въ свою хижину, не успѣвъ увидѣть непріятеля. Старшины упрямятся нѣсколько времени; но, оставшись одни безъ воиновъ, слѣдуютъ общему примѣру, и война кончается безъ всякаго послѣдствія.

Джонъ Теннеръ рассказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ своихъ военныхъ подвиговъ, который немного походитъ на воровство, но тѣмъ не менѣе доказываетъ его предприимчивость и неустрашимость. Какіе-то индійцы похитили у него лошадь. Онъ отправился съ намѣреніемъ или отыскать ее, или замѣнить. -Посѣщая индійскія селенія, въ одномъ изъ нихъ не встрѣтилъ онъ никакого гостеприимства. Это его оскорбило —и, замѣтивъ добрую

лошадь, принадлежавшую старшинѣ, онъ изъ мести рѣшилъ присвоить ее себѣ.

„У меня подъ одѣяломъ, говорить онъ, сирьтанъ былъ арканъ. Я искусно набросилъ его на шею лошади — и не поскакалъ, а полетѣлъ. Когда лошадь начала задыхаться я остановился, чтобы оглянуться: хижины негостепріимной деревни были едва видны и казались маленькими точками въ далекой долинѣ...

„Тутъ я подумалъ, что не хорошо поступаю, похищая любимую лошадь человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла, хотя и отказавшаго мнѣ въ должномъ гостепріимствѣ. Я соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю. Но въ ту же минуту увидѣлъ толпу индійцевъ, скачущихъ изъ-за возвышенія. Я едва успѣлъ убѣжать въ ближній орѣшникъ. Они искали меня нѣсколько времени по разнымъ направленіямъ, а я между тѣмъ спрятался съ большей осторожностію. Они разсѣялись. Многіе прошли близехонько отъ меня; но я былъ такъ хорошо спрятанъ, что могъ безопасно наблюдать за всѣми ихъ движеніями. Одинъ молодой человѣкъ раздѣлся донага, какъ для сраженія, запѣлъ свою боевую пѣснь, бросилъ ружье и съ простою дубиною въ рукахъ пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ я былъ спрятанъ. Онъ уже былъ отъ меня шагахъ въ двадцати. Курокъ у ружья моего былъ взведенъ, и я цѣлилъ въ сердце... Но онъ воротился. Онъ, конечно, не видалъ меня; но мысль находится подъ надзоромъ невидимаго врага, вооруженнаго ружьемъ, вѣроятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

„Я тотчасъ пустился въ обратный путь, радуясь, что избавился отъ такой опасности; шелъ день и ночь, и на третьи сутки прибылъ къ рѣкѣ Маузь. Купцы тамошней конторы пѣняли, что я упустилъ изъ рукъ похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цѣну.

„Въ двадцати миляхъ отъ этой конторы жилъ одинъ изъ моихъ друзей, по имени Бе-на. Я просилъ его освѣдомиться о моей лошади и объ ея похитителѣ. Бе-на впустилъ меня въ шалашъ, гдѣ жили двѣ старухи, и сквозь щелку указалъ на ту хижину, гдѣ жилъ Ба-гись-кунъ-нунгъ съ четырьмя своими сыновьями. Лошади ихъ паслись около

хижины. Бе-на указаль на прекраснаго чернаго коня, вы мѣннаго ими на мою лошадь... Я тотчасъ отправился къ Ба-гисъ-кунъ-нунгу и сказалъ ему: „Мнѣ нужна лошадь.“ — У меня нѣтъ лишней лошади. — „Такъ я жь одну уведу.“ — А я тебя убью. — Мы разстались. Я приготовился къ утру отправиться въ путь. Бе-на далъ мнѣ буй-воловою кожу вмѣсто сѣдла; а старуха продала мнѣ ремень, въ замѣну аркана, мною оставленнаго на шеѣ лошади индійскаго старшины. Рано утромъ вошелъ я въ хижину Бе-на, еще спавшаго, и покрылъ его тихонько совершенно новымъ одѣяломъ, мнѣ принадлежавшимъ. Потомъ пошелъ далѣе.

„Приближаясь къ хижинѣ Ба-гисъ-кунъ-нунга, увидѣлъ я старшаго его сына, сидящаго на порогѣ... Замѣтивъ меня, онъ закричалъ изо всей мочи... Вся деревня пришла въ смятеніе... Народъ собрался около меня... Никто, казалось, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Одно семейство моего обидчика изъясляло явную неприязнь...

„Я такъ былъ взволнованъ, что не чувствовалъ подъ собою земли; кажется, однако, я не былъ испуганъ. Набросивъ петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхомъ, потому что это движеніе лишило бы меня на минуту возможности защищаться — и можно было бы напасть на меня съ тыла. Подумавъ, однако, что видъ малѣйшей нерѣшительности былъ бы для меня чрезвычайно невыгоднымъ, я хотѣлъ вскочить на лошадь, но сдѣлалъ слишкомъ большое усиліе — перепрыгнулъ черезъ лошадь, и растянулся на той сторонѣ, съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ лукомъ и стрѣлами въ другой. Я всталъ, поспѣшно оглядываясь кругомъ, дабы надзирать надъ движеніями моихъ непріятелей. Всѣ хохотали во все горло, кромѣ семьи Ба-гисъ-кунъ-нунга. Это ободрило меня, и я сѣлъ верхомъ съ большей рѣшимостію. Я видѣлъ, что ежели бы въ самомъ дѣлѣ хотѣли на меня напасть, то воспользовались бы минутою моего паденія. Къ тому же, веселый хохотъ индійцевъ доказывалъ, что предпріятіе мое вовсе ихъ не оскорбляло.“

Джонъ Теннеръ отбился отъ погони и остался спокойнымъ владѣтелемъ геройски похищеннаго коня.

Онъ иногда выдаетъ себя за человѣка недоступ

наго предразсудкамъ; но поминутно обличаетъ свое индійское суевѣріе. Теннеръ вѣритъ снамъ и предсказаніямъ старухъ: тѣ и другіе для него всегда сбываются. Когда голодень, ему снятся жирные медвѣди, вкусныя рыбы, и черезъ нѣсколько времени въ самомъ дѣлѣ удается ему застрѣлить дикую козу или поймать осетра. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ему всегда является во снѣ какой-то молодой человѣкъ, который даетъ добрый совѣтъ или ободряетъ его. Теннеръ поэтически описываетъ одно видѣніе, которое имѣлъ онъ въ пустынѣ на берегу Малаго Сась-Кау:

„На берегу этой рѣки есть мѣсто, нарочно созданное для индійскаго табора: прекрасная пристань, маленькая долина, густой лѣсъ, прислоненный къ холму... Но это мѣсто напоминаетъ ужасное происшествіе: здѣсь совершилось братоубійство, злодѣяніе столь неслыханное, что самое мѣсто почитается проклятымъ. Ни одинъ индеецъ не причалитъ челнока своего къ долинѣ „Двухъ Убитыхъ“; никто не осмѣлится тамъ ночевать. Преданіе гласитъ, что нѣкогда въ индійскомъ таборѣ, здѣсь остановившемся, два брата, имѣвшіе сокола своимъ „тотемомъ“ *) поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ убилъ другого. Свидѣтели такъ были поражены симъ ужаснымъ злодѣйствомъ, что тутъ же умертвили братоубійцу. Оба брата похоронены вмѣстѣ.

„Приближаясь къ сему мѣсту, я много думалъ о двухъ братьяхъ, имѣвшихъ одинъ со мною тотемъ, и которыхъ почиталъ я родственниками матери моей (Нетъ-но-куа). Я слыхалъ, что когда располагались на ихъ могилѣ (что нѣсколько разъ и случалось), они выходили изъ-подъ земли и возобновляли ссору и убійство. По крайней мѣрѣ достоверно, что они безпокоили посѣтителей и мѣшали имъ спать. Любопытство мое было встревожено. Мнѣ хотѣлось рассказать индійцамъ не только, что я останавливался въ этомъ страшномъ мѣстѣ, но что еще тамъ и ночевалъ.

*) Родъ герба. „Соколы“ былъ также „тотемомъ“ и Д. Теннера.

„Солнце садилось, когда я туда прибылъ. Я вытащилъ свой челнокъ на берегъ, разложилъ огонь и, отужинавъ, заснулъ.

„Прошло нѣсколько минутъ, и я увидѣлъ обоихъ мертвецовъ, встающихъ изъ могилы. Они пришли и сѣли у огня прямо передо мною. Глаза ихъ были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видѣлъ, не услышалъ ни одного звука, кромѣ шума шатающихся деревъ. Вѣроятно, я заснулъ опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу рѣки, потому что головы ихъ были наравнѣ съ землею, на которой разложилъ я огонь. Глаза ихъ все были устремлены на меня. Вскорѣ они встали опять одинъ за другимъ, и сѣли снова противъ меня. Но тутъ уже они смѣялись, били меня тросточками и мучили различнымъ образомъ. Я хотѣлъ имъ сказать слово, но не стало голоса; пробовалъ бѣжать, ноги не двигались. Цѣлую ночь я волновался и былъ въ безпрестанномъ страхѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, чтобъ я взглянулъ на подошву ближняго холма. Я увидѣлъ связанную лошадь, глядѣвшую на меня. „Вотъ тебѣ, братъ“, сказалъ мнѣ жеби (мертвецъ), „лошадь на завтрашній путь. Когда ты поѣдешь домой, тебѣ можно будетъ взять ее снова, а съ нами проведи еще одну ночь.“

„Наконецъ разсвѣло, и я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти страшныя привидѣнія исчезли съ ночнымъ мракомъ. Но, пробывъ долго между индійцами и зная множество примѣровъ тому, что сны часто сбываются, я сталъ не на шутку помышлять о лошади, данной мнѣ мертвецомъ; пошелъ къ холму и увидѣлъ конскіе слѣды и другія примѣты, а въ нѣкоторомъ разстояніи нашель и лошадь, которую тотчасъ узналъ: она принадлежала купцу, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Дорога сухимъ путемъ была нѣсколькими милями короче пути водяного. Я бросилъ челнокъ, навьючилъ лошадь и отправился къ конторѣ, куда на другой день и прибылъ. Впослѣдствіи времени я всегда старался миновать могилу обоихъ братьевъ; а разсказъ о моемъ видѣніи и страданіяхъ ночныхъ увеличилъ въ индійцахъ суевѣрный ихъ ужасъ.“

Джонъ Теннеръ былъ дважды женатъ. описа-

ніе первой его любви имѣть въ его „Запискахъ“ какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имѣвшее очень поэтическое значеніе, но которое съ трудомъ помѣстилось бы въ элегіи: она звалась Мисъ-куа-бунъ-о-куа, что по индійски значитъ „Заря“.

„Однажды вечеромъ, говоритъ Теннеръ, сидя передъ нашей хижинкой, увидаль я молодую дѣвушку. Она, гуляя, курила табакъ и изрѣдка на меня посматривала; наконецъ подошла ко мнѣ и предложила мнѣ курить изъ своей трубки. Я отвѣчалъ, что не курю. „Ты оттого“, сказала она, „отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки.“ Я взялъ трубку изъ ея рукъ и покурить немного — въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ отроду. Она со мною разговорила и понравилась мнѣ. Съ той поры мы часто видались, и я къ ней привязался.

„Вхожу въ эти подробности, потому что у индійцевъ такимъ образомъ не знакомятся. У нихъ обыкновенно молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ вовсе ему незнакомой. Они видались; можетъ быть, взглянули другъ на друга; но, вѣроятно, никогда между собою не говорили; свадьба рѣшена стариками, и рѣдко молодая чета противится волѣ родительской. Оба знаютъ, что если союзъ сей будетъ непріятенъ одному изъ двухъ, или обоимъ вмѣстѣ, то легко будетъ его расторгнуть.

„Разговоры мои съ Мисъ-куа-бунъ-о-куа вскорѣ надѣлали много шуму въ нашемъ селеніи. Однажды старый Очукъ-ку-конъ вошелъ ко мнѣ въ хижину, держа за руку одну изъ многочисленныхъ своихъ внучекъ. Онъ, судя по слухамъ, полагалъ, что я хотѣлъ жениться. „Вотъ тебѣ“, сказалъ онъ моей матери, „самая добрая и самая прекрасная изъ моихъ внучекъ: я отдаю ее твоему сыну.“ Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя ее у насъ въ хижинѣ...

„Мать моя всегда любила молодую дѣвушку, которая считалась красавицей. Однакожь старуха смутилась и сказала мнѣ наединѣ: „Сынъ, дѣвушка прекрасна и добра, но не бери ее за себя: она больна и черезъ годъ умретъ. Тебѣ нужна жена сильная и здоровая; итакъ предложимъ ей хорошій подарокъ и отошлемъ ее къ родителямъ.“ Дѣ-

вушка возвратилась съ богатыми подарками, а черезъ годъ предсказаніе старухи сбылось.

„Съ каждымъ днемъ любовь наша усиливалась. Мать моя, вѣроятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорилъ; но она знала все, и вскорѣ я въ томъ удостовѣрился. Однажды, проведши въ первый разъ большую часть ночи съ моей любовницей, я воротился поздно и заснулъ. На зарѣ старуха разбудила меня, ударивъ прутомъ по голымъ ногамъ.

„Вставай, сказала она, вставай, молодой женихъ, ступай на охоту. Жена твоя будетъ тебя болѣе почитать, когда рано воротишься къ ней съ добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селенію въ отсутствіе ловцовъ.“ Я молча взялъ ружье и вышелъ. Въ полдень воротился, неся на плечахъ жирнаго муза, мною застрѣннаго, и сбросилъ его къ ногамъ матери, сказавъ ей грубымъ голосомъ: „Вотъ тебѣ, старуха, что ты сегодня утромъ отъ меня требовала.“ Она была очень довольна и похвалила меня. Изъ того я заключилъ, что связь моя съ молодой дѣвушкой не была ей противна, и очень былъ тому радъ. Многіе изъ индійцевъ чуждаются своихъ старыхъ родителей; но хотя Нетъ-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранялъ къ ней прежнее, безусловное почтеніе.

„Я съ жаромъ предавался охотѣ, и почти всегда возвращался рано, или по крайней мѣрѣ засвѣтло, обремененный добычею. Я тщательно наряжался и разгуливалъ по селенію, играя на индійской свирѣли, называемой пи-бегвунъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Мисъ-куа-бунъ-о-куа притворно отвергала меня. Я сталъ охлаждать; тогда она забыла все притворство... Съ моей стороны желаніе привести жену къ намъ въ хижину уменьшилось. Я хотѣлъ прервать съ нею всякія сношенія. Увидя явное равнодушіе, она хотѣла тронуть мнѣ сердце то слезами, то упреками; но я ничего не говорилъ объ ней старухѣ, и съ каждымъ днемъ охлажденіе мое становилось сильнѣе.

„Около того времени мнѣ понадобилось побывать на Красной Рѣкѣ, и я отправился съ однимъ индійцемъ, у котораго была сильная и легкая лошадь. Намъ предстояла дорога на семьдесятъ миль. Мы поочереди ѣхали верхомъ, а пѣшія между тѣмъ бѣжали, держа лошадь за хвостъ.

Мы были въ дорогѣ однѣ сутки. На возвратномъ пути я былъ одинъ и шелъ пѣшкомъ. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать въ десяти миляхъ отъ нашей хижины.

„Пришедъ домой на другой день, я увидѣлъ Миськуа-бунъ-о-куа, сидящую на моемъ мѣстѣ. Я остановился у дверей въ недоумѣніи. Она потупила голову. Старуха сказала мнѣ съ видомъ сердитымъ: „Что-же? Развѣ оборотишься ты спиною къ нашей хижинѣ и обезчестишь эту бѣдную дѣвушку, которой ты не стоишь? Все, что случилось между вами, сдѣлалось по твоей же волѣ, не съ моего и не съ ея согласія. Ты самъ за нею бѣгалъ повсюду; а теперь неужто прогонишь ее, какъ будто она на тебя навязалась?..“ Укоризны матери казались мнѣ не совсѣмъ несправедливы. Я вошелъ и сѣлъ подлѣ дѣвушки... Такимъ образомъ мы стали мужъ и жена“.

Джонъ Теннеръ оставилъ свою жену и взялъ другую, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстной любви къ жизни охотничьей, жизни трудовъ, опасностей и восхищеній непонятныхъ и неизъяснимыхъ, одичалый американецъ всегда помышлялъ о возвращеніи въ нѣдра семейства, отъ котораго такъ долго былъ насильственно отторгнутъ. Наконецъ онъ рѣшилъ исполнить давнишнее свое намѣреніе и отправился къ берегамъ Бигъ-Міами, къ мѣсту пребыванія прежняго своего семейства.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселеній, встрѣтилъ онъ стараго индійца—и узналъ въ немъ молодого дикаря, нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика, такъ страшно съ нимъ познакомившагося. Индѣецъ разсказалъ ему подробности его похищенія, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятіе. На вопросъ его: правда ли, что старій Теннеръ и все его семейство учинились

жертвою индѣйцевъ, какъ нѣкогда Монито-о-Гезикъ увѣрялъ маленькаго своего плѣнника? индѣецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и разсказалъ ему слѣдующее:

„Годъ спустя послѣ похищенія Джона Теннера, Монито-о-Гезикъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ; въ полѣ остался только старшій сынъ, пахавшій землю сохою, запряженною лошадьюми. Индѣйцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона Теннера запутался въ веревкахъ, упалъ и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индѣйцы утащили молодого Теннера въ лѣса, переправясь до ночи черезъ Оіо. Плѣнника привязали къ дереву веревками; но онъ успѣлъ перегрызть узелъ, высвободилъ руку, вынулъ ножичекъ изъ кармана, перерѣзалъ свои узы, тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ и бросился вплавъ. Индѣйцы, услышавъ шумъ, проснулись, погнались-было за нимъ, но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставя имъ на память свою шляпу.“

Отецъ Теннера умеръ тому лѣтъ десять, оставя имѣніе свое старшему сыну и не забывъ въ своей духовной того, чья участь была ему неизвѣстна.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостью. Братъ его обнялъ съ восторгомъ, обрѣзалъ ему волосы и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удержать его у себя дома. Одичалый американецъ, съ своей стороны звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному Озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра Люси имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ просьбы родныхъ на него подѣйствовали: онъ рѣшился оставить индѣйцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, которому принадлежалъ по праву рожденія.

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились.

Судьба назначила ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индійцы не соглашались выдать ему дѣтей. Жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти американскія принуждены были вмѣшаться въ семейныя дѣла Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили индѣйцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ. Онъ еще въ послѣдній разъ отправился съ родными къ Красной Рѣкѣ на охоту за буйволами, прощаясь навсегда съ дикою жизнію, имѣвшей для него столько прелести. Возвратясь, онъ сталъ готовиться въ дорогу.

Индійцы простились съ нимъ дружелюбно. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя дочерьми и съ ихъ матерью, которая не хотѣла съ ними разстаться. Послушаемъ, какъ Теннеръ описываетъ свое послѣднее путешествіе.

„Въ обратномъ пути я предпочелъ ѣхать по Недоброй рѣкѣ, что должно было сократить дорогу на нѣсколько миль. Близъ устья рѣки Осетра въ то время стоялъ таборъ или деревня изъ шести или семи хижинъ. Тутъ находился молодой человѣкъ, по имени Омъ-чу-гвуть-онъ. Онъ былъ высѣченъ, по приказанію американскаго начальства, за настоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовалъ. Узнавъ о моемъ проѣздѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на своемъ челнокѣ.

„Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною и вздумалъ увѣрять, что между нами существовали сношенія семейственныя; ночевалъ съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Причали къ берегу, я примѣтилъ, что онъ искалъ случая встрѣтиться въ лѣсу съ одной изъ моихъ дочерей, которая тотчасъ воротилась, немного встревоженная. Мать ея также нѣсколько разъ въ теченіе дня имѣла съ нею тайные раз-

говоры, но дѣвочка все была печальна и нѣсколько разъ вскрикивала.

„Къ ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человѣкъ тотчасъ удалился. Я притворно занимался своими распоряженіями, а между тѣмъ не выпускалъ его изъ виду; вдругъ приблизился къ нему и увидѣлъ его посреди всего снаряда охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оленью жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: „Братъ мой (такъ называлъ онъ меня самъ), если у тебя недостаетъ пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится.“ Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

„Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ нарядѣ и украшеніяхъ воина, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои, уже и безъ того сильно возбужденныя, увеличились еще болѣе. Однакожь онъ продолжалъ со мною разговаривать много и дружелюбно, и попросилъ у меня пожикъ, чтобы нарѣзать табаку; но вмѣсто того, чтобъ возвратить его, сунулъ себѣ за поясъ. Я полагалъ, что онъ отдастъ мнѣ его поутру.

„Я легъ въ обыкновенный часъ, не желая показать ему свои подозрѣнія. Палатки у меня не было, и я лежалъ подъ крашеной холстиной. Растянувшись на землѣ, я выбралъ такое положеніе, что могъ видѣть каждое его движеніе. Настала гроза. Онъ, казалось, сталъ еще болѣе безпокоенъ и нетерпѣливъ. При первыхъ дождевыхъ капляхъ я предложилъ ему раздѣлить со мною пріютъ. Онъ согласился. Дождь шелъ сильно; огонь нашъ былъ залитъ; скоро потомъ мустики (родъ комаровъ) напали на насъ. Онъ опять разложилъ огонь и сталъ обмахивать меня вѣткою.

„Я чувствовалъ, что мнѣ не должно было засыпать; но усыпленіе начинало овладѣвать мною. Вдругъ разразилась новая гроза, сильнѣе первой. Я оставался какъ усыпленный, не открывая глазъ, не шевелясь и не теряя изъ виду молодого человѣка. Однажды сильный ударъ грома, казалось, смутилъ его. Я увидѣлъ, что онъ бросалъ въ огонь немного табаку въ видѣ приношенія. Въ другой разъ, когда сонъ, казалось, совершенно мною овладѣвалъ, я уви-

дѣлъ, что онъ стерегъ меня, какъ кошка, готовая броситься на свою жертву; однакожь я все противился дремотѣ.

„Путру онъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно, и ушелъ впередъ прежде, нежели успѣлъ я собраться. Дочь моя, съ которой разговаривалъ онъ въ лѣсу, казалась еще болѣе испуганною и долго не хотѣла войти въ челнокъ; мать уговаривала ее и старалась скрыть отъ меня ея смятеніе. Наконецъ мы поѣхали. Молодой человекъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда, при довольно опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору открывалось далекое пространство, онъ и челнокъ его исчезли, что очень меня удивило.

„На семь мѣстѣ рѣка имѣетъ до осьмидесяти вержей ширины, а въ десяти — отъ поворота, о которомъ я упоминалъ — маленькій утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усиліемъ правилъ челнокомъ противъ бурнаго теченія (что заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу), какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моей головою. Я почувствовалъ какъ-бы ударъ по боку. Весло выпало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнялъ кусты; но со второго взгляда я узналъ убѣгающаго Омъ-чу-гвуть-она.

„Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на челнокъ: онъ былъ весь окровавленъ. Я старался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдовать молодого человека; но теченіе было слишкомъ сильно для меня: оно принесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него, и вытащивъ лѣвою рукою челнокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье; но не успѣлъ того сдѣлать и упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на острову. Челнокъ съ моими дочерьми исчезалъ вдаль, возвращаясь вспять по теченію. Я снова лишился чувствъ, но наконецъ пришелъ въ себя.

„Полагая, что мой убійца надзиралъ за мною изъ какого-нибудь скрытаго мѣста, я осмотрѣлъ свои раны. Правая рука была въ очень плохомъ состояніи: пуля, вошедшая въ бокъ близъ легкаго, осталась во мнѣ. Я отчаялся въ жизни, и сталъ кликать Омъ-чу-гвуть-она, прося его прекратить мнѣ и жизнь и мученія: „Ты убилъ меня“, кричалъ я, „но хотя я и смертельно раненъ, однако боюсь про-

жить нѣсколько дней Приди же, если ты мужъ, и выстрѣли въ меня еще разъ.* Звалъ его нѣсколько разъ, но не получилъ отвѣта.

„Я былъ почти голъ: въ минуту, какъ меня ранили, на мнѣ, кромѣ портъ, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилій при плаваніи. Я лежалъ на голомъ утесѣ, на зноѣ лѣтняго дня; земляныя и черныя мухи кусали меня, въ будущемъ видѣлъ я лишь медленную смерть. Но, по захожденіи солнца, сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега. Вышедъ изъ воды, могъ стать на ноги и испустилъ крикъ бранный, называемый сассакуи, въ знакъ радости и вызова. Но потеря крови и усилія во время плаванія снова лишили меня чувствъ.

„Пришедъ въ себя, я спрятался близъ берега, чтобъ наблюдать за моимъ врагомъ. Вскорѣ увидѣлъ я Омъ-чугвуть-она, выходящаго изъ своей западни; онъ пустилъ въ воду свой челнокъ, поплылъ внизъ по рѣкѣ и прошелъ близехонько отъ меня. Мнѣ сильно хотѣлось кинуться на него, чтобы схватить и задавить его въ водѣ; но я не понадѣялся на свои силы и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь.

„Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ раненой руки, на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы. Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнѣе; я занялся своею ранюю. Не смотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленныя косточки; сперва разорвалъ на бинты остатокъ своей рубашки, потомъ зубами и лѣвою рукою сталъ ихъ обвивать около руки сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока наконецъ успѣлъ ее порядочно перевязать. Вмѣсто лубковъ привязалъ я прутики, и повѣсилъ руку на веревочку, накинутую на шею,

„Послѣ того я взялъ корку съ дерева, похожаго на вишневое, и разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты, отдѣлявшіе меня отъ рѣки, были всѣ окровавлены. Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пень служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалиться отъ берега, дабы наблюдать надъ всѣмъ, что случится, и дабы въ случаѣ жажды

имѣть возможность ее утолить. Я зналъ, что лодка, принадлежащая купцамъ, должна была около того времени проѣхать въ этомъ самомъ мѣстѣ; отъ нихъ-то ждалъ я помощи. Индійскихъ хижинъ не было ближе тѣхъ, откуда къ намъ присоединился Омъ-чу-гвуть-онъ, и я имѣлъ причину думать, что кромѣ его, дочерей моихъ и жены, никого кругомъ не было.

„Простертый на землѣ, я сталъ молиться Великому Духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь въ часъ скорби. Оканчивая молитвы, замѣтилъ я, что мустики, которые роємъ облѣпили голое тѣло мое, умножая страданія, стали отлетать, покружились надо мною и наконецъ исчезли. Я не приписалъ этого непосредственному дѣйствию Великаго Духа: вечеръ становился холоднымъ и, слѣдовательно, это было вліяніе воздуха. Я былъ однакожь увѣренъ, какъ и всегда во время бѣдствій и опасности, что владыка дней моихъ невидимо находился близъ меня, мощно мнѣ покровительствуя. Я спалъ тихо и спокойно; но часто просыпался, и всякій разъ помнилъ, просыпаясь, что снилась мнѣ лодка съ бѣлыми людьми.

„Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ рѣки женскіе голоса, и мнѣ показались они голосами моихъ дочерей. Я подумалъ, что Омъ-чу-гвуть-онъ открылъ мѣсто, куда онѣ скрылись, и какъ нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ изъявляли страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и идти къ нимъ на помощь.

„На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣческіе голоса и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми, подобную той, которую видѣлъ во снѣ. Эти люди вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, гудсонскаго купца, котораго ждали около того времени. Полагая, что появленіе мое произведетъ надъ ними впечатлѣніе непріятное, я дождался конца ихъ завтрака.

„Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратить на себя ихъ вниманіе. Увидя меня, французы перестали грести, и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе быстро ихъ уносило, и зовъ мой, произнесенный на индійскомъ языкѣ, не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ я сталъ звать

г. Стюарта по имени и, вспомнивъ нѣсколько англійскихъ словъ, умолялъ путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту весла опустились, и лодка подъѣхала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

„Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окровавленъ и, вѣроятно, страданія очень меня перемѣнили. Меня осыпали вопросами. Вскорѣ узнали, кто я таковъ и что со мною случилось. Приготовили мнѣ постелю въ лодкѣ. Я умолялъ купцовъ ѣхать за моими дѣтьми въ то направленіе, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умершвенными. Но всѣ разысканія были тщетны...

„Узнавъ объ имени моего убійцы, купцы рѣшились тотчасъ отправиться въ деревню, гдѣ жилъ Омъ-чу-гвуть-онъ, и обѣщались убить его на мѣстѣ, если успѣютъ поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы къ хижинамъ, старикъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, спрашивая: „Что новаго?“ — Все хорошо, отвѣчалъ г. Стюартъ, другой новости нѣтъ. „Бѣлые люди, возразилъ старикъ, никогда намъ правды не скажутъ. Я знаю, что въ той сторонѣ, откуда вы прибыли, есть новости. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, Омъ-чу-гвуть-онъ, былъ тамъ, и сказывалъ, что Соколъ (индійское прозвище Д. Теннера), который дней нѣсколько тому назадъ проѣзжалъ здѣсь съ женою и съ дѣтьми, всѣхъ ихъ перерѣзалъ. Но, кажется, Омъ-чу-гвуть-онъ сдѣлалъ самъ что-нибудь недоброе: онъ что-то не спокоенъ, а увидя васъ, бѣжалъ.“

„Гг. Стюартъ и Грантъ стали однакожь искать Омъ-чу-гвуть-она по всѣмъ хижинамъ и, удостовѣрясь въ его побѣгѣ, сказали старику: „Правда, онъ сдѣлалъ недоброе дѣло; но тотъ, кого хотѣлъ онъ убить, съ нами; неизвѣстно, будетъ ли онъ еще живъ...“ Тогда показали меня индійцамъ, собравшимся на берегу.

„Здѣсь мы нѣсколько времени отдыхали. Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близь ребра, и просилъ г. Гранта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцію лѣвою рукою. Ланцетъ, данный мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ перочинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ

этомъ мѣстѣ мясо очень отвердѣло. Наконецъ дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пулю; она была очень сплюснута. Оленья жила и другія снадобья остались въ ранѣ. Коль скоро увидѣлъ я, что пуля ниже реберъ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но, имѣя причину полагать, что рана моя была отравлена ядомъ, предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убійцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были одинъ за другимъ; имъ роздали табакъ. Но разысканія опять остались тщетны. Наконецъ меня показали, и сказано было старшинѣ, что мой убійца былъ родной его братъ. Онъ потупилъ голову и отказался отвѣчать на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ другихъ индійцевъ, что жена моя съ дочерьми оставались въ этой деревнѣ, на пути къ Дождевому озеру.

Мы тотчасъ туда отправились и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцовъ было возбуждено ихъ безпокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутствіемъ. Коль скоро меня завидѣли, старуха убѣжала въ лѣсъ; но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ самому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ея преступленіе равнымъ злодѣйству Омъ-чу-гвуть-она и достойнымъ смерти или всякой казни. Но я потребовалъ, чтобъ ее только прогнали изъ конторы безъ запасовъ, и запретили бѣ туда являться. Она была мать моихъ дѣтей: я не хотѣлъ, чтобъ она была повѣшена или забита до смерти (какъ предлагали мнѣ купцы); но видъ ея становился мнѣ несносенъ: по просьбѣ моей, ее прогнали безъ наказанія.

Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упалъ я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ и повинаясь приказанію матери, пустились въ обратный путь и предались бѣгству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала,

если бъ присвоила себѣ мою собственность, воротилась. Тогда-то услышалъ я крики дочерей, сопровождавшихъ старуху, которая подбирала мое платье на берегу.

Нынѣ Джонъ Теннеръ живетъ между образованными своими соотечественниками. Онъ въ тяжбѣ съ своею мачихою о нѣсколькихъ неграхъ, оставленныхъ ему по наслѣдству. Онъ очень выгодно продалъ свои любопытныя „Записки“ и на дняхъ будетъ, вѣроятно, членомъ Общества Воздержности *). Словомъ, есть надежда, что Теннеръ современемъ сдѣлается настоящимъ уапкее **), съ чѣмъ и поздравляемъ его отъ искренняго сердца.

The Reviewer.

11. Эракійскія Элегіи. Стихотворенія Теплякова.

(Кн. III).

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудро, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чильдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ, и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за то его укорять? Талантъ не воленъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе — признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новыя міры, стремясь по слѣдамъ генія; или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе

*) Общество, коего цѣль -- истребленіе пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никакихъ крѣпкихъ напитковъ.

***) Проэвише, данное американцамъ; смыслъ его намъ неизвѣстенъ.

возвышенное, желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь ¹.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на кораблѣ, принесемъ его къ аракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ

Adieu, adieu, my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсенъ:

Плывемъ!.. Блѣднѣетъ день; бѣгутъ берега родные;
Златой струится блескъ по синему пути;
Прости, земля! прости, Россія!
Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ:

Безумецъ! что за грусть? въ минуту развлеченья
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ,
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челнъ,
И бездны, передъ ней отверстыя, казало! —
Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ
волнъ

Печально въ сердцѣ раздается!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О, лютя странника, святой отъ грусти щить,
Прійди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I.

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый положила —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца, прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните!

Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдя волны, не дремлите!

II.

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ! Въ твоёмъ сіяньѣ
Сгораеть, тонетъ мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родинѣ, молчите:
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдя волны, не дремлите!

III.

Увижу я страну боговъ,
Краснорѣчивый прахъ открою,
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ!
Гуляйте жь, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдя волны, не дремлите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной колес-
ницы!

О, кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его расскажетъ —

Степной ли вѣтръ, иль плескъ валовъ,
 Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ...
 Но тише... тише... что за звуки?
 Чья тѣнь надъ бездною сѣдой
 Меня манить, подьемая руки,
 Качая тихо головой?
 У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый (!),
 Въ лучахъ сіяетъ голова,
 Бѣлѣ волнъ хитонъ перловый,
 Святѣй ихъ ропота слова. —
 И подъ эфирными перстами
 О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдами,
 Златая лира говорить.
 Печально струнъ ея бряцанье:
 Въ немъ сердцу слышится изгнанье;
 Въ немъ стонъ о родинѣ звучить,
 Какъ плачъ души безъ упованья.

Тишина гробницы, громкая какъ дальній шумъ колесницы; стонъ, звучащій какъ плачъ души; слова, которыя святѣе ропота волнъ... все это неточно, фальшиво, или просто ничего не значить.

Гросетъ въ одномъ изъ своихъ посланій пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
 Quand il vient sur des faibles tons
 Méchanter, pleureur insipide,
 Des longues lamentations.

Книга *Tristium* не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кромѣ „Превращеній“). Героиды, Элегіи любовныя, и самая поэма „*Ars amandi*“, мнимая причина его изгнанія, уступаютъ Элегіямъ Понтійскимъ. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и

чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ!
и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы!
Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не ищетъ
блистать душевной твердостью на счетъ бѣднаго
изгнанника, а съ живостію заступаетъ за него.

И ты ль тюремный вопль, о странникъ! назовешь
Ласкательствомъ души униженной? —
Нѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятемъ пораженный!..
Подобно мнѣ (Овидію), ты сирь и одинокъ межъ всѣхъ
И знаешь самъ кладъ жизни безъ отрады,
Огнь сердца безъ тепла, и безъ веселья смѣхъ,
И плачь безъ слезъ, и слезы безъ улады!

Пѣснь, которую поэтъ влагаеть въ уста Назо-
новой тѣни, имѣла бы болѣе достоинства, если бы
г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ
Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его плачѣ.
Онъ не сказалъ бы, что при набѣгахъ гетовъ и
бессовъ, поэтъ

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду
не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ
старость покрывать сѣдину свою шлемомъ, и тре-
петной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти
о набѣгѣ (См. Trist. Lib. IV. El. I).

Элегія „Томись“ оканчивается прекрасными сти-
хами:

„Не буря ль это, кормчій мой?
Ужь черезъ мачты море клещеть,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,
Корабль мой гнется и трепещеть!..“

.....
„Вели стрѣлять! Быть можетъ, насъ
Какой-нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный!“

И грянуль знакъ... и все молчить,
 Лишь море бьется и кипить,
 Какъ тигръ бросаясь разъяренный;
 Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
 Лишь съ неба голосъ громовой
 Толпѣ отвѣтствуютъ смятенной.
 „Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!“
 — Не ты ль дерзнулъ бы въ этотъ мигъ,
 О странникъ, бурѣ улыбаться? —
 „Ты отгадалъ!.. Я сердцемъ съ ней
 Желалъ бы каждый мигъ сливаться;
 Желалъ бы въ бой стихій вмѣшаться!..
 Но нѣтъ! — и громче, и сильнѣй
 Святой призывъ съ другого свѣта,
 Слова погибшаго поэта
 Теперь звучать въ душѣ моей!“

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ
 которыхъ низвергаются въ море воды семиустаного
 Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! Чела его морщины
 Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:
 Во мглѣ ихъ Дарія мелькаетъ челнъ нѣмой,
 Мелькаютъ и орлы Траяновой дружины.
 Скажи, сафирный богъ, надъ берегомъ ли твоимъ,
 По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый,
 Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣчный Римъ
 Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?
 Не ты ль спираль свой быстрый бѣгъ
 Народовъ съ бурными волнами,
 И твой ли въ ихъ крови не растопился брегъ,
 Племеньъ безчисленныхъ усѣянный костями?
 Хотите ль знать, зачѣмъ, куда
 И изъ какой глуши далекой
 Неслась ихъ бурная чреда,
 Какъ лавы огненной потоки?
 — Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
 Къ богатымъ нивамъ и лугамъ
 По вѣтру саванъ свой летучій
 Мчатъ саранчи голодной тучи;

Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валь ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ венеціанскаго замка имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ-Гарольда, строфы, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ поэтъ снова одушевляется.

Улегся вѣтеръ; водъ стекло
Яснѣй небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.
Но что за гулъ?.. Какъ громъ глухой
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался.
То грохотъ пушки заревой;
Изъ русской Варны онъ примчался!
О радость! завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка
Подъ небомъ вѣчно голубымъ
Упьемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!
И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ журчанѣ,
При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,
Въ твоемъ, о юная невольница, лобзанѣ
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!..

Элегія „Гебеджинскія Развалины“, по мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ даннымъ позволеніемъ, выпишемъ большую часть этой элегіи. (Слѣдуетъ выписка, оканчивающаяся стихами):

Ты правъ, божественный пѣвецъ,
 Вѣка — вѣковъ лишь повторенье!
 Сперва — свободы обольщенье,
 Гремушки славы наконецъ;
 За славой — роскоши потоки,
 Богатство съ золотымъ ярмомъ,
 Потомъ — изящные пороки,
 Глухое варварство потомъ!..

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи (между коими шестая весьма замѣчательна) заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія, переходящую часто въ надутость; яркость описанія, затемненную иногда неточностію. Вообще главныя достоинства „Фракійскихъ Элегій“ — блескъ и энергія; главные недостатки — напыщенность и однообразіе.

Къ „Фракійскимъ Элегіямъ“ присовокуплены разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы г. Тепляковъ ничего другаго не написалъ, кромѣ элегіи Одиночество и станса Любовь и Ненависть, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова. (Выписано стихотвореніе „Одиночество“).

12. Объ обязанностяхъ человѣка. Сочиненіе Сильвіо Пеллико.

(Кн. III).

На дняхъ выйдетъ изъ печати новый переводъ книги: *Dei doveri degli uomini*, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, приѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единого выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется евангеліемъ — и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественномъ евангеліи: мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы въ своихъ твореніяхъ приближались кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди небеснаго учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги „О подражаніи Иисусу Христу“, Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежать къ симъ избраннымъ, которыхъ ангель господній привѣтствовалъ именемъ челоуѣковъ благоволенія.

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ и, получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью, — прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломыслии. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ-подъ пера несчастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упре-

ка или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И, восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга *Dei doveri* устыдила насъ и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка-христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ (Московскій Наблюдатель), въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслужившаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико:

„Если бы книга *Обязанностей* не вышла вслѣдъ за книгою *Жизни* (Мои темницы), она показалась бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно-догматическимъ урокомъ, который мы бы прослушали безъ вниманія“.

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извиненіи? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому бы то ни было, и въ какомъ бы то ни было случаѣ, показаться сухой и холодно-догматической? Неужели, если бъ она была написана въ тишинѣ Эваиды или въ библіотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, не достойна была бы обратитъ на себя вниманіе человѣка, одареннаго сердцемъ? — Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора „*Исторіи поэзіи*“.

Это ужь не ново; это было уже сказано — вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій кри-

тики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій; что жь изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣческой уже ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ соображеніи понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; мысли же могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія г-на Шевырева, привожу собственныя его слова:

„Прочтите ее (книгу Пеллико) съ тою же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и счастья вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей, — и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя, къ сожалѣнію, очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды“.

13. Словарь о святыхъ, прославленныхъ въ російской церкви, и пр. Кн. Эристова.

(Кн. III).

Въ наше время главный недостатокъ, отзывающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикъ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ разысканій. Что же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые ученые принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новизною взглядовъ, приноровленіемъ модныхъ поня-

гій къ старымъ, давно извѣстнымъ предметамъ и пр. Таковыя средства (которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ) не подвигаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій духъ сомнѣнiя и отрицанiя въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведенiй, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканiяхъ, полнота въ соверше- нiи предпринятаго труда поставили сiю книгу высоко во мнѣнiи знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго, въ 1784 году, Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнью прославившихся святыхъ мужахъ. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удвоенъ. Въ Опытѣ Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описанiемъ ихъ житiя, или безо всякаго объясненiя: Словарь о святыхъ заключаетъ въ себѣ триста шестьдесятъ три имени, т. е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго текста: въ нынѣшнемъ „Словарѣ“ полный „Указатель“ источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

„Церковь российская“, сказано въ предисловіи, „весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытiи нетлѣнiя мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцословы. Россiя къ утверженiю православiя

своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостію жизни, примѣромъ благочестія или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ „Общіе святцы россійской церкви“; а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на кievскую и московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка московскій митрополитъ Макарій, составляя „Великія четьи - минеи“, собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотолѣ въ патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ служебъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти — только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборѣ представить свидѣтельство о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцословы. Митрополитъ ростовскій Димитрій, въ своихъ „Четьи - минеяхъ“ помѣстилъ преподобныхъ кievопечерскихъ подъ числомъ совершаній ихъ памяти. Но и за симъ многіе не внесены въ мѣсяцословы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари: таковы угодники новгородскіе, псковскіе, вологодскіе и другіе.

„Въ предлагаемомъ „Словарѣ“ помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣнно сохраняется тамъ, гдѣ они жили

или почил; наконецъ—краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно - пожившихъ, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святого, прославленнаго во всей російской церкви, обозначены въ „Словарѣ“ мѣсяць и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда читается ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю“.

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ“ (впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство) найти въ описаніи какого - то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему; таковыя риторическія фигуры въ какомъ - нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя, но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нестерпимы.

Издатель „Словаря о святыхъ“ оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ, книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до мѣгилы, чью память празднуютъ ежегодно. Не позволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ, и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: „Словарь“ напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленовой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи второго отдѣленія собственной канцеляріи е. и. в.

14. Новый романъ.

(Кн. III).

Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ: Село Михайловское, ходила въ обществѣ по рукамъ и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Говорятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много живыхъ и сильныхъ изображеній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія.

15. Замятка къ повѣсти: Носъ.

(Кн. III).

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись.

16. Замятка о статьѣ Гоголя.

(Кн. III).

Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б., нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья: „О движеніи журнальной литературы“ напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженные съ такою юношескою живостію и прямотою, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программой „Современника“.

17. Замѣтки отъ редакціи, въ III книгѣ.

I. Современникъ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1837 году. Каждый три мѣсяца будетъ выходить по одному тому. Цѣна за всѣ четыре тома, составляющіе годовое изданіе, 25 руб. асс., съ пересылкою 30 руб. асс. Подписка въ СПБ. принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ адресоваться въ газетную экспедицію.

II. Издагелъ „Современника“ не печаталъ никакой программы своего журнала, полагая, что слова: литературный журналъ уже заключаютъ себѣ достаточное объясненіе.

Нѣкоторые изъ журналистовъ почли нужнымъ составить программу новаго журнала. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что „Современникъ“ будетъ имѣть цѣлю— уронить „Библіотеку для Чтенія“, издаваемую г. Смирдинымъ; въ „Сѣверной же Пчелѣ“ сказано, что „Современникъ“ будетъ продолженіемъ „Литературной Газеты“, издаваемой нѣкогда покойнымъ барономъ Дельвигомъ.

Издатель „Современника“ принужденъ объявить, что онъ не имѣетъ чести быть въ сношеніи съ гг. журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что онъ никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя однакожь отъ себя цѣль, недостойную литератора и несправедливо ему приписанную въ „Библіотекѣ для Чтенія“, онъ вполне признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ „Сѣверной Пчелѣ“: „Современникъ“, по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ „Литературной Газеты“

III. Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ номеровъ своего журнала; вкрались нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная, происшедшая отъ недоразумѣнія: публикѣ дано обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не намѣренъ исполнить,—сказано было въ примѣчаніи къ статьѣ: Новыя книги, что книги, означенныя звѣздочкою, будутъ современемъ разобраны. Въ списокѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными или которыя намѣренъ онъ былъ прочитатъ; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не приобрѣлъ.

IV. Въ первомъ томѣ „Современника“, въ статьѣ Новыя книги, подъ параграфомъ, относящимся къ „Востолѣ“, поэмѣ Виланда, изданной А. Пушкинымъ, ошибкою пропущена подпись издателя.

V. Редакція „Современника“ не можетъ принять на себя обратнаго доставленія присылаемыхъ статей.

18. Замѣтка отъ редакціи (о сборникѣ кн. Вяземскаго).

(Кн. IV).

Спѣшимъ увѣдомить публику, что въ началѣ будущаго 1837 года выйдетъ въ свѣтъ: „Старина и Новизна, историческій и литературный сборникъ“, изданный кн. Вяземскимъ. — Въ сей книгѣ будутъ помѣщены многіе любопытные матеріалы, относящіеся до исторіи нашей, извлеченные изъ бумагъ гр. Ивана Захаровича Чернышева, подаренныхъ издателю сыномъ его, гр. Григорьемъ Ивановичемъ. Между прочими

статьями упомянемъ о письмахъ и рескриптахъ царевича Алексѣя Петровича, Екатерины II, гр. Чернышева, объ анекдотѣ о принцѣ Биронѣ и проч., и проч., почерпнутыхъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Будутъ еще письма Екатерины II къ вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ гр. Ростопчина, воспоминаніе о гр. Каподистрии и нѣкоторыхъ современныхъ ему происшествіяхъ. Литературное отдѣленіе будетъ также разнообразно и составлено изъ отрывковъ изъ собственноручныхъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева, нѣсколькихъ писемъ Карамзина, изъ повѣстей, разныхъ стихотвореній, писемъ о современной русской литературѣ, нѣсколькихъ главъ изъ біографическихъ и литературныхъ записокъ о Фонвизинѣ и временахъ его, извѣстія о первыхъ трехъ пѣсняхъ „Потеряннаго Рая“, съ англійскаго прозою на русскій языкъ переведенныхъ нашимъ поэтомъ Петровымъ и напечатанныхъ въ собраніи твореній его, и проч., и проч. Въ концѣ книги будутъ помѣщены снимки съ разныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ сборника.

19. О выходѣ книги: „Кавалеристъ-дѣвица“, изд. Ив. Бутовскаго.

(Кн. IV).

Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ записокъ Н. А. Дуровой. Читатели „Современника“ видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили, безъ сомнѣнія, прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происше-

ствія. Въ семь первомъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ.

20. Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго.

(Кн. IV).

Издавъ сіи два тома, г. Строевъ оказалъ болѣе пользы русской исторіи, нежели всѣ наши историки къ высшими взглядами, вмѣстѣ взятыя. Тѣ изъ нихъ, соторые не суть еще закоренѣлыя верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе русской исторіи. „Ключъ“ составленъ по второму изданію Исторіи Государства Россійскаго, „самому полному и исправному“, пишетъ г. Строевъ. Издатели „И. Г. Р.“ должны будутъ поскорѣе приобрѣсти право на перепечатаніе „Ключа“, необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина.

21. Къ Запискѣ о древней и новой Россіи.

(Кн. V).

Во второмъ номерѣ „Современника“ упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина *). Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоценной рукописи. Они услышатъ если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то, по крайней мѣрѣ, звуки его умолкнувшаго голоса. — А. Пушкинъ.

*) [№ 2 ошибочно указанъ вмѣсто № 3-го Современника].

22. О Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ „Потеряннаго Рая“.

Долгое время французы пренебрегали словесность своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ бѣльшаго или меньшаго отдаленія отъ французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установленныхъ французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, напротивъ, тщательно ихъ преобразовывали. Во французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтїи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: „мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору“. И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!.. Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать, что гг. Летуриѣры могли ошибочно судить о Шекспирѣ и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ; въ ихъ народной одеждѣ — народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ

стараться передать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ неслыханный!) первый изъ французскихъ писателей переводитъ Мильтона слово въ слово и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, если бъ только оный былъ возможенъ! Таковое смиреніе во французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ исправительныхъ переводовъ и, вѣроятно, будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія; но какъ же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романтической школы? Что сдѣлалъ изъ него г-нъ Альфредъ де-Виньи, котораго французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? Какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и „Cinq - Mars“, и „Кромвеля“, и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ гг. Альфреда де-Виньи и Виктора Гюго. Выведемъ того и другого на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливымъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной: мы хо-

тимъ только показать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста, и съ четырьмя шутами; тутъ же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ (лицомъ довольно ненужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говоритъ Рочестеру:

„Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу посмѣяться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.“

мильтонъ (съ досадою). Старый Мильтонъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

кромвель. — Какъ угодно.

мильтонъ. — Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

кромвель. — Какое свѣжее воспоминаніе!

мильтонъ (съ живостію). — Вы бы могли обходиться со мною учтивѣ: я сынъ нотариуса, городского альдермана.

кромвель. — Ну, не сердись; я знаю, что ты великій геологъ и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вайсера и Донна.

мильтонъ (говоря самъ про себя). — Пониженіе! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидятъ, отказало ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Еву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама, преступнаго и добраго; и неукротимаго Духа, царствующаго также надъ одною вѣчностію: высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный гений во мнѣ работаетъ. Я обдумываю молча странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

ЛОРДЪ РОЧЕСТЕРЪ (про себя). — Что онъ тамъ городить?

ОДИНЪ ИЗЪ ШУТОВЪ. — Смѣшной мечтатель!

КРОМВЕЛЬ (пожимая плечами). — Твой „Иконокласть“ очень хорошая книга, но твой чортъ Левіаѳанъ... (смѣясь) очень плохъ...

МИЛЬТОНЪ (сквозь зубы, съ негодованіемъ). — Кромвель смѣется надъ моимъ сатаню!

РОЧЕСТЕРЪ (подходитъ къ нему). — Г-нъ Мильтонъ!

МИЛЬТОНЪ (не слыша его и обратясь къ Кромвелю). — Онъ это говорить изъ зависти.

РОЧЕСТЕРЪ (Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣянностію). — По чести, вы не понимаете поэзіи. Вы умны, но у васъ недостаетъ вкуса. Послушайте: французы — учителя наши во всемъ; изучайте Ракана, читайте его пастишескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Ева, Адамъ, адъ, огненное озеро! сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло, если бы вы прикрыли его шегольскимъ платьемъ, если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантию флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

МИЛЬТОНЪ (удивленный). — Это что за пустословіе?

РОЧЕСТЕРЪ (кусая губы). — Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

МИЛЬТОНЪ. — Очень глупая шутка!

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ — бездѣлица; то ли дѣло — писать латинскіе стихи!

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола на что протекторъ отвѣчаетъ: „Мильтонъ, государственный секретарь! ты пѣть, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ“, и пр.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ бессмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи

англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря...

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомелей выведенъ Мильтонъ человѣкомъ, который, вѣроятно, самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства, ничего иного Мильтонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ во все время ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, господинъ Гюго! не таковъ былъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ „Иконокласта“ и книги: „Defensio populi“ Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwell, our chief etc.!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шутовъ тотъ, кто, въ злые дни жертва злыхъ языковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ „Потерянный Рай“.

Если г-нъ Гюго, будучи самъ поэтъ (хотя и второстепенный), такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразить, что подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужь ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неровнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де - Виньи въ своемъ „Сень - Марсъ“

также выводить передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де - Лормъ, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скудери толкуеть имъ свою аллегорическую карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости Красоты, стоящей на рѣкѣ Гордости, отъ деревни Нѣжныхъ Записочекъ, отъ гавани Равнодушія, и проч., и проч. Всѣ осыпають г-жу Скудери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодого путешествующаго англичанина Мильтона и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ „Потеряннаго Рая“. Хорошо. Да какъ же французы, не зная англійскаго языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему беспокоиться, если уже стихи переведены? Стало бытъ, Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки англійскаго языка чрезвычайно любопытны? А какое дѣло графу де - Виньи до всѣхъ этихъ нелѣпыхъ несообразностей? Ему надобно, чтобъ Мильтонъ читалъ въ парижскомъ обществѣ свой „Потерянный Рай“ и чтобъ французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ, не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что, по его мнѣнію, болѣе произведеть дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого - то чуда (неизъя-

сненнаго г-мъ де - Виньи) всѣ его понимаютъ. Де-Барро находятъ его приторнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ; Марія де - Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами, и проч., и проч.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя какъ заѣзжій фигляръ и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писанныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де-Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были бы пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль, ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодого человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де - Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ „Вудстокъ“ встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ, въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ, конечно, не довольствовался бы такимъ незначущимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, занятый государственными дѣлами, непременно терялся бы въ пѣтическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ „Потеряннаго Рая“; Кромвель бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралемъ и проч., и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ - Скоттъ и не подумалъ.

Переводъ, изданный Шатобрианомъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ француз-

скихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобрианъ переводилъ Мильтона почти слово въ слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей и который можетъ быть оцѣненъ двумя, тремя знаками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобрианъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ, въ статьѣ, наполненной тонкой смѣтливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобрианомъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стараясь передать Мильтона слово въ слово, Шатобрианъ, однако, не могъ соблюсти въ своемъ предложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соответствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: *Comment vous portez vous; How do you do.* Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на русскій языкъ *).

Если уже русскій языкъ, столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, неспособенъ къ переводу подстрочному, къ преложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже

*) Кстати: недавно (въ Телескопѣ, кажется), кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ, вѣроятно, блеснуть знаніемъ итальянскаго языка и пѣнялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе „*battersi le guancia*“—бить себя по щекамъ. „*Battersi le guancia*“ значитъ—раскаяться; перевести иначе, не имѣло бы никакого смысла.

ему единоплеменнымъ, выдержать таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго, и запутаннаго, и выразительнаго, и своеправнаго, и смѣлаго даже до безсмыслия?

Переводъ „Потеряннаго Рая“ есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобрианъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона для куска хлѣба. Каково бы ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобрианъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно пользоваться щедротами новаго правительства, властію, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупной совѣстію. Послѣ этого — что скажетъ критика? Станетъ ли она строгостию оцѣнки смущать благороднаго труженика и, подобно скупому покупщику, хулить его товаръ? Но Шатобрианъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя красоты, страницы, достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили „Опытъ объ англійской литературѣ“. Они нашли его слишкомъ

поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, блѣзко знакомыхъ имъ самимъ; но совѣмъ не того должно было искать въ семь блестящемъ обзорѣніи. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ и кое-какъ отдѣлывается отъ скучной должности бібліографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство „Опыта“.

23. Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г-нъ Дюлисъ (Jean - François - Philippe Dulys), потомокъ роднаго брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г-нъ Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ французской революціи. Онъ былъ женатъ на англичанкѣ и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца эдинбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство рода господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Du-

lys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торга за весьма дорогую цѣну, такъ же какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г-на Дюлиса.

Повидимому, Дюлисъ - отецъ былъ добрый господинъ, мало занимавшійся литературою. Однакожь, около 1767 года, дошло до него, что нѣкто M^r. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г-нъ Дюлисъ рѣшился однакожь ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку, in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинами. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо сіе, такъ же какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ Morning Chronicle):

„Милостивый государь! Недавно имѣлъ я случай приобрѣсти за шесть луидоровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для чело-вѣка, знающаго сколько-нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнесы Сорель, господъ Латремуля, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ (Tournebu, baillage de Chaumont en Touraine), вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лукъ д'Аркъ дю-Ферону (Lucas d'Arc, seigneur de Feron), отъ котораго я происхожу по прямой линіи. А посему не только я полагаю себя въ правѣ, но даже и ставлю себѣ въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ позволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвствен-

ницы. Итакъ, прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружїи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла. Честь имѣю“ и пр.

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла, Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шуму, который могъ бы изъ того произойти, а можетъ быть—и шпаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 мая 1767 г.

„Милостивый государь! Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить, что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой римованной хроники (*l'impertinente chronique rimée*), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписываетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ Генриада. Исчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (*votre illustre cousine*) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglais et le soutien du trône.

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю, что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики, бессмысленной и неблагодарной. — Честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *Voltaire, gentilhomme de la chambre du Roy.*“

Англійскій журналистъ, по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

„Судьба Іоанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея отечеству, поистинѣ достойна изумленія: мы, конечно, должны раздѣлить съ французами стыдъ ея суда и казни. Но варварство англичанъ можетъ еще быть извинено предразсудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала дѣйствию нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность французовъ? Конечно, не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ, мы хоть что-нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы: нашъ лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего (еще не купленнаго) вдохновенія. Англія дала пристанище послѣдному изъ ея сродниковъ. Какъ же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ; но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Но одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго — жизни и смерти Орлеанской героини; что же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма лауреата не стоитъ, конечно, поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но твореніе Соутея есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ

благотворнаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагѣ подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашель обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степени кинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостинныхъ барона д'Ольбаха и М-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латремулья. Жалкій вѣкъ! жалкій народы!

24. Желѣзная маска.

(Кн. IV).

Вольтеръ въ своемъ „Siècle de Louis XIV“ (въ 1760) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной Маскѣ: „Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини“, пишетъ онъ, „случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ нотилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, сакъ что онъ могъ ѣсть, не сымая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ, если бъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 года,

когда Сень-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все такъ же маскированного. Передъ тѣмъ маркизь де - Лувау посѣтилъ его на семь островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобства были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лѣкарь, часто его лѣчившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лѣкаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голось его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ на свое состояніе.

„Неизвѣстный умеръ въ 1703 году, и былъ похороненъ ночью, въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безъ всякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служить происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и удалялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то ножомъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. „Читалъ ли ты, что тутъ написано“, спросилъ онъ у рыбака, „и видѣлъ ли кто у тебя эту тарелку?“ — Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сейчасъ ее

нашелъ; никто ея не видалъ. — Рыбака задержали пока не удостовѣрились, что онъ въ самомъ дѣлѣ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: „Ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать...“ Г-нъ де-Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ла-Фельядъ, сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя онъ на колѣняхъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человекъ въ желѣзной маскѣ. Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна и что онъ клялся ея не открывать. Многие изъ моихъ современниковъ подтверждаютъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе“.

Сии строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе будто бы за пощечину, имъ данную дофину (Людовику XIV). Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бофоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуфъ, и проч., и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сии мнѣнія съ ясностью критики, ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Згадка осталась неразрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

25. Записки бригадира Моро де-Бразе о походѣ 1711 года.

Предисловіе А. С. Пушкина.

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Вальтеръ-Скоттъ такъ гениально изобразилъ въ лицѣ своего капитана Dalgett у

Моро былъ родомъ французскій дворянинъ. Вслѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ, доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію и принять былъ въ службу полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастнаго похода въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ отставленъ отъ службы съ чиномъ бригадира. Онъ скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги то Австріи, то Саксоніи, то Венеціанской республикѣ, получалъ отказы и невспоможенія; сидѣлъ въ тюрьмѣ и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщинѣ хорошей дворянской фамиліи и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что французы называютъ *aventurière*. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворѣ государыни великой княгини, супруги несчастнаго царевича, но не ужилась съ молодымъ графомъ Левенвольдомъ и была выслана изъ Петербурга.

Въ 1735 году Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: *Mémoires politiques, amusans et satiriques*

de messire J. M. d. B., c. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Véritopolis chez Jean Disant-vrai. 3 volumes.

Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать то себя, то свою жену. Онъ не имѣютъ ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы; слогъ ихъ столь же тяжелъ, какъ и неправиленъ. Впрочемъ, Моро писалъ свои сочиненія съ небрежной увѣренностію дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философіей челоуѣка, знающаго цѣну славы и деньгамъ. „Qui que vous soyez, ami lecteur“, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: „quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit vorte manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grâce et vous pouvez-vous égayer en critiquant ces amusements que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux vôtres, car il vous en coutera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un galant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue serait bien à plaindre, s'il ne savait pas se servir d'une plume pour se désennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y aurait bien des gens inutiles, s'il n'y avait que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût raffiné qui s'en mélassent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura des censeurs, mieux

mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera le fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana“.

Записки Моро перемѣшаны съ разными стихотвореніями, иногда чрезвычайно вольными, большею частію собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературной собственностію, какъ непріятельскою.

Впрочемъ онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabant j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je crus le bien servir,
J'ai même cru longtemps pouvoir lui convenir,
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai
faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné,
Qui fut par le Turban dans le combat pillé,
Furent les tristes interprètes
Qui m'annoncèrent mon congé.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un généreux
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes vœux.

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en
espérance,

J'ose vous demander plus que mon entretien,
 Dans mon état présent, que je ne me sais rien.
 Un peu d'honneur pour ma naissance,
 Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставного бригадира находились не въ цвѣтущемъ состояніи. Впрочемъ, Августъ велѣлъ выдать ему триста гульденовъ, и Моро былъ очень доволенъ; должно признаться, что ода и того не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года лучшее мѣсто изъ всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровеній, которыя можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ разсказахъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любитъ русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельства, которыя вырываются у него поневолѣ. Съ какой простодушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженія при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, qui, quoique russes, c'est à dire peu pitoyables, voulaient monter à cheval pour sécourir ces braves hongrois *), на что чувствительные нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора, будучи увѣрены, что таковыя нападенія

*) Тринадцать венгерцевъ, кинувшихся въ средину турецкой конницы.

не могутъ повредить ни славъ Петра Великаго, ни чести русскаго народа. Предлагаемъ „Записки бригадира Моро“, какъ важный историческій документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованіями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО-ДЕ-БРАЗЕ.

Начинаю съ замѣчательнѣйшаго и самаго блестящаго изъ событій, коимъ былъ я свидѣтель въ этой глухой сторонѣ: именно съ войны, объявленной султаномъ Петру Алексѣевичу, императору Великой и Малой Россіи. Но, дабы представить ее въ истинномъ видѣ, мнѣ должно будетъ описать предшествовавшія обстоятельства. Позвольте мнѣ *) обратиться къ тому времени, какъ шведскій король Карль XII, восторжествовавъ надъ Фридерикомъ-Августомъ (королемъ польскимъ и курфистомъ саксонскимъ) и надъ его царскимъ величествомъ **), бросился въ Саксонію, возвелъ на польскій престолъ Станислава, и принудилъ Августа отказаться отъ короны съ сохраненіемъ единаго королевскаго титула. Въ это время шведскій король могъ заключить честный и выгодный миръ, предлагаемый ему царемъ. Положеніе его было самое счастливое: у него было до 40,000 прекраснаго войска, обыкшаго къ боямъ, и цѣлая десять лѣтъ избалованнаго побѣдами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось въ Саксоніи, не безъ обиды и притѣсненій обывателямъ. Главная цѣль шведскаго короля была имъ достигнута. Фридерикъ-Августъ былъ низверженъ. Онъ могъ отдѣлаться отъ прочихъ своихъ непріятелей миромъ, котораго они домогались. Вспомнимъ, что Карль XII былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи Ризвицкаго мира. Онъ могъ обезоружить Европу, воюющую за Испанское наслѣдство, если бы только объявилъ себя противникомъ сторонѣ, несогласной на общій миръ. Даже было о томъ и предположеніе, устроенное г-мъ де-Бонакомъ, французскимъ чрезвычайнымъ посломъ при

*) Моро-де-Бразе относится въ своихъ запискахъ къ неизвѣстной дамѣ. — *А. Пушкинъ.*

***) Должно было прибавить: и надъ датскимъ королемъ Фридерикомъ IV, который началъ сѣверную войну и первый почувствовалъ когти шведскаго льва. — *А. П.*

его дворѣ; но герцогъ Марлбургъ отвратилъ ударъ, прибывъ въ Саксонію и успѣвъ задарить г-на Пипера англійскимъ и голландскимъ золотомъ *). Сей министръ изъ благодарности разрушилъ мѣры, уже принятыя для утверженія общаго мира, и завлекъ Карла XII въ преслѣдованіе Петра въ предѣлы областей его царскаго величества — роковое предпріятіе, дорого ему стоившее!

Шведскій король вышелъ изъ Саксоніи со всѣми своими полками. Онъ оставилъ въ Польшѣ, для поддержанія Станислава, имъ коронованнаго, двадцать тысячъ войска (въ томъ числѣ девять тысячъ новоприбывшаго изъ Швеціи) подъ начальствомъ генерала графа Крассау, а самъ пошелъ къ Днѣпру, переправился черезъ него, не смотря на всѣ препятствія, и приблизился къ самой Полтавѣ, гдѣ его царское величество остановился и укрѣпился, предавъ огню и разоренію собственную землю, дабы отнять у непріятели способы къ пропитанію.

Вся Европа видѣла конецъ несчастнаго похода и паденіе короля, дотолѣ непобѣдимаго. Вѣйско его было уничтожено или захвачено въ плѣнъ. Его совѣтъ, чиновники, за нимъ послѣдовавшіе, имѣли ту же участь; самъ король, дабы не попасться въ руки своимъ врагамъ, бросился съ тремястами конныхъ въ турецкую землю, за Днѣстръ, въ сосѣдство буджацкихъ татаръ, и искалъ убѣжища въ Бендерахъ.

Это удивительное пораженіе измѣнило всѣ его дѣла не только въ Польшѣ, но и въ собственномъ его государствѣ. Крассау, получивъ о томъ извѣстіе и не будучи въ состояніи держаться долѣе въ Польшѣ, поспѣшно удалился въ Померанію. Станиславъ за нимъ послѣдовалъ, страшась попасться въ руки приверженцамъ Августа.

Польскій король обнародовалъ манифестъ, въ которомъ отказывался отъ мира, имъ заключеннаго съ Карломъ XII, объявляя, что принужденъ былъ на оный согласиться, дабы избавить свои наслѣдственныя области отъ насилія шведскихъ войскъ, разорявшихъ Саксонію, и что министры, имъ

*) Такъ вообще думали въ Европѣ. Вольтеръ съ этимъ не согласенъ: Il est certain que Charles était inflexible dans le dessein d'aller détrôner l'empereur des russes, qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avait pas besoin des avis du comte Piber pour prendre de Pierre Alexiewitz une vengeance qu'il cherchait depuis longtemps. — Histoire de Charles XII. — A. II.

употребленные для переговоровъ, некстати обязали его и преступили его предписанія. Потомъ явился онъ въ Польшѣ и, поддерживаемый великимъ гетманомъ Синявскимъ, имѣя въ своей власти коронное войско и множество приверженцевъ, онъ снова вступилъ на престолъ и по-прежнему признанъ королемъ.

Съ другой стороны, король датскій, видя, что Карлъ въ Турціи, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будетъ завоевать Сканию *) и далѣе вступить въ Швецію, обратилъ туда свои войска. Генералы его вторгнулись въ сію сосѣдственную область, предметъ всегдашней его зависти. Но шведы, большею частію кое-какъ и кой-гдѣ набранные люди, разбили ихъ на голову. Датское войско бѣжало, подрѣзавъ жилы ногъ у лошадей, дабы не могли онъ служить непріятелю, и бросивъ казну, обозъ и артиллерію.

Его царское величество, пользуясь разбитіемъ непріятеля, двинулъ поспѣшно полки свои въ Лифляндію. Между тѣмъ короли датскій и польскій должны были въ одно время войти въ Померанію, дабы произвести диверсію и облегчить царю завоеваніе провинціи, которой онъ давно добивался и отъ которой онъ уже успѣлъ отлупить **) Нарву, дабы защищать Петербургъ — новый, укрѣпленный городокъ, выстроенный имъ на рѣкѣ Нервѣ ((Nerva) въ началѣ войны.

Сего не довольно: новое бѣдствіе поразило Швецію, гдѣ въ отсутствіе короля учрежденъ былъ совѣтъ изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ головъ всего государства: явилась чума въ Стокгольмѣ, въ Скани, въ Помераніи и во всей Лифляндіи, гдѣ свирѣпствовала во всей своей силѣ. Въ сіе то время его царское величество вознамѣрился овладѣть Лифляндіей и началъ свои завоеванія осадю Риги. Городъ принужденъ былъ къ сдачѣ болѣе чумою, нежели силою оружія и бомбами, которыя, безъ сего Божьяго наказанія, не принесли бы царю великой пользы.

Около сего времени прибылъ я въ Ригу проситься въ службу къ его царскому величеству, твердо рѣшившись скорѣе умереть съ голоду, нежели воевать противу отечества моего и вредить его пользѣ.

*) Шоны. — А. П.

**) Dont il avait déjà écorné Narva. — А. П.

Царь, послѣ взятія Риги, поручилъ князю Меншикову взять Ревель и Пернау, города укрѣпленные, имѣющіе гавани на Балтійскомъ морѣ.

Князь Меншиковъ завоевалъ ихъ тѣмъ же средствомъ, какимъ взята была Рига: чума передала ихъ въ его руки и увѣнчала его лаврами, межъ тѣмъ какъ осыпала кипарисомъ несчастную Лифляндію, Курляндію, Литву и Пруссію.

Послѣ Ревеля и Пернау князь Меншиковъ, не нашедъ Выборга достойнымъ своего личнаго присутствія, отрядилъ къ оному генераль-лейтенанта Брекольса (Brecols) *) съ достаточнымъ числомъ войска, а самъ отправился въ Петербургъ отдать во всемъ отчетъ его царскому величеству **). Онъ принятъ былъ какъ побѣдитель; его пожаловали губернаторомъ Лифляндіи. (Онъ уже былъ герцогомъ Ингерманландскимъ).

Порта испугалась быстроты сихъ завоеваній. Султанъ и его сановники предвидѣли, что сосѣдъ ихъ, если усилится, то нанесетъ имъ современемъ большія огорченія. Завоеваніе Азова ***) лежало у нихъ на сердцѣ, тѣмъ болѣе, что царь въ укрѣпленіи онаго сдѣлалъ значительныя улучшения и содержалъ въ немъ морское войско, притѣсня тѣмъ турецкую торговлю на Черномъ морѣ, если ужъ не вовсе ее уничтожая. Сверхъ того, для защиты Азова и окрестностей онаго, Петръ выстроилъ новыя крѣпости. Все это, при помощи происковъ шведскаго короля, понудило Порту объявить войну его царскому величеству. Царь получилъ о томъ извѣстіе по прибытіи князя Меншикова и по распредѣленіи войскъ по квартирамъ послѣ столь многотрудной кампаніи. Онъ сталъ не на шутку заботиться о приготовленіяхъ къ будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опаснаго непріятеля, который на него навязывался.

Генераль-лейтенантъ Беркгольцъ взялъ Выборгъ, но не

*) Беркгольцъ, генераль-маюръ. — А. II.

**) Все это писано наобумъ. Выборгъ взятъ былъ не Беркгольцемъ, но сдался генераль-адмиралу графу Апраксину, въ присутствіи самого царя, 11 іюля 1710 года. Пернау взятъ 14 августа того же года не княземъ Меншиковымъ, а генераломъ Боуромъ, отряженнымъ изъ подъ осажденной Риги. Ревель взятъ имъ же, Боуромъ, 29 сентября, и проч. — А. II.

***) Asof, sur la Mer-Noire, пишетъ Моро. — А. II.

безъ потери и не безъ труда. Царь, однакожь, въ знакъ благоволенія, прислалъ ему свой портретъ, осыпанный алмазами, и повелѣлъ войска, осаждавшія Выборгъ, Ревель и Перновъ (кромѣ конницы) распредѣлить по симъ городамъ. Всей же конницѣ, кромѣ нѣсколькихъ драгунъ, приказано идти въ Верхнюю-Польшу и въ Польскую Россію (*dans la Haute-Pologne et dans la Russie polonoise*) гдѣ легче было ее продовольствовать, нежели въ Лифляндіи, коей всѣ почти селенія опустошены были чумою *).

Около ноября мѣсяца курьеръ отъ князя Меншикова привезъ уполномоченному генералъ-коммиссару лифляндскому, барону Левенвальду, приказаніе собрать рижскихъ дворянъ и объявить имъ, что князь черезъ мѣсяцъ прибудетъ въ Ригу для принятія отъ нихъ присяги въ вѣрности и подданствѣ его царскому величеству. Между разными новостями князь прислалъ Левенвальду и условія, недавно предложенныя Портою царю, во избѣжаніе войны, неминуемой въ случаѣ несогласія съ его стороны. Я жилъ у Левенвальда. Мы провожали вмѣстѣ часы веселія на досугъ. Онъ показалъ мнѣ эти условія; они состояли изъ семи статей:

I. Возвратить Азовъ, а укрѣпленія, вновь приложенныя къ прежнимъ, также и новыя крѣпости, выстроенныя по берегамъ Чернаго моря, разорить.

II. Расторгнуть совершенно союзъ, заключенный съ Фридерикомъ-Августомъ, курфирстомъ саксонскимъ, и принять Станислава королемъ польскимъ.

III. Возвратить всю Лифляндію и вообще все завоеванное русскими шведскому королю, а Петербургъ разорить и срыть до основанія.

IV. Заключить наступательный союзъ съ королями Карломъ XII и Станиславомъ противу Фридерика-Августа, курфирста саксонскаго, если курфирстъ возобновитъ притязанія свои на польскій престолъ, имъ уступленный Станиславу.

V. Казакамъ возвратитъ прежнюю вольность и преимущества.

VI. Возвратить натурой или иначе все, что король шведскій потерялъ черезъ Полтавское сраженіе.

*) Отселъ разсказъ Моро становится достовѣрнымъ. — А. П.

VII. Морское войско и флотъ отвести къ Воронежу и съ нимъ къ Черному морю не приближаться.

Если бъ его царское величество находился въ положеніи шведскаго короля, то и тутъ Порта не могла бы предложить ему условія болѣе притѣснительныя. За то ихъ и не приняли. Стали сильно готовиться къ войнѣ, дабы доказать Портѣ, что его величество не дошелъ еще до того, чтобы могъ выслушивать таковыя предложенія.

Между тѣмъ, какъ царь созывалъ совѣтъ за совѣтомъ для опредѣленія мѣръ, нужныхъ противу столь опаснаго непріятеля, повсюду приготавливали войско къ выступленію въ походъ по первому приказанію. Посреди сихъ приуготовленій и въ самое то время, какъ государь болѣе всего казался озабоченнымъ, курляндскій герцогъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ государя. Бракъ сей празднованъ по-царски. Но молодой герцогъ такъ былъ невоздерженъ на пирахъ, данныхъ по тому случаю, и такъ много пилъ венгерскаго (къ чему русскіе привыкли), что черезъ шесть дней послѣ свадьбы онъ занемогъ на обратномъ пути въ свои владѣнія, на первомъ ночлегѣ, и умеръ чрезъ пять дней. Объ немъ очень жалѣли его подданные и всѣ тѣ, которые имѣли честь быть съ нимъ знакомы. Герцогъ былъ любезный молодой человекъ и много общалъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ погребальнаго его шествія чрезъ Ригу въ Митаву, столицу курляндскаго герцогства, гдѣ долженъ былъ онъ быть похороненъ между гробами герцоговъ, своихъ предковъ, князь Меншиковъ изъ Ревеля и Пернова, гдѣ принималъ онъ присягу дворянства, прибылъ въ Ригу для той же церемоніи. Въ три дня князь привелъ къ концу препорученіе, на него возложенное, и возвратился въ Петербургъ.

Его царское величество отправилъ изъ Петербурга своихъ генераловъ, каждаго къ своей дивизіи, и повелѣлъ генераль-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести въ поле полки, назначенные къ походу, и самому слѣдовать за ними къ Днѣстру, гдѣ вся армія должна была собраться.

Съ другой стороны повелѣлъ онъ адмиралу и вице-адмиралу, находившимся при его особѣ, ѣхать въ Азовъ а самъ отправился въ Москву. Тамъ осмотрѣлъ онъ рекрутовъ, набранныхъ по его повелѣнію, и отправилъ ихъ

къ Смоленску, гдѣ ихъ ожидалъ отрядъ, дабы препроводить въ Подолію для распредѣленія по полкамъ. Царь потомъ занялся послѣдними приуготовленіями, отправилъ казну и самъ наконецъ поѣхалъ въ Польшу, поручивъ князю Меншикову надзоръ надъ непріятелемъ въ Лифляндіи.

24-го февраля 1711 года дивизія князя Репнина, стоявшая около Ревеля и Пернова, выступила въ походъ къ Подоліи, назначенной сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ войскъ. Баронъ Аллартъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ генераловъ его царскаго величества, выступилъ изъ Литвы съ своею дивизіей; то же сдѣлали генералы Вейде и баронъ Денсбергъ.

Имѣвъ честь быть принятъ полковникомъ казанскаго драгунскаго полка и бригадиромъ войска его царскаго величества, получилъ я приказаніе ѣхать въ свой полкъ и къ своей бригадѣ, находившейся въ Польской Россіи на зимнихъ квартирахъ. Я имѣлъ дозволеніе взять изъ Курляндіи драгуновъ, сколько мнѣ ихъ понадобится, для доставленія всего нужнаго мнѣ и людямъ моимъ во все время столь долгаго пути: отъ Риги до Сороки, что на Днѣстрѣ, къ сторонѣ Молдавіи, гдѣ соединилась армія; считается двѣсти шестьдесятъ шесть нѣмецкихъ миль, или пятьсотъ тридцать два французскихъ льѣ. Я повиновался данному мнѣ приказанію и отправился въ эту дальнюю дорогу съ двадцатью только драгунами. Я ѣхалъ на Митаву, Вильну, Новогрудокъ, Слуцкъ, Давидоградскъ (отъ коего въ шести французскихъ льѣ переправился черезъ Днѣпръ, рѣку опасную, не имѣющую береговъ, и разливающуюся направо и налево, на разстояніи нѣсколькихъ льѣ), потомъ на Полось, Острогъ, Мазибушь, Леополь, Замосць, Тарнополь, Сатанопъ и Шарградъ (Разградъ?), гдѣ настигъ я армію. Сей послѣдній городъ былъ нѣкогда обширенъ и имѣлъ знатную торговлю. Но во время войнъ Польши съ Портою турки его опустошили; теперь однѣ развалины свидѣтельствуютъ о томъ, чѣмъ былъ онъ прежде.

Генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, вслѣдствіе своихъ повелѣній, нашель въ Бродахъ всю свою кавалерію, собранную начальникомъ оной, генераломъ Янусомъ. Фельдмаршалъ пошелъ къ Могилеву съ нею и пѣхотными полками нингерманландскимъ и астраханскимъ, сопрово-

ждавшими его отъ самой Риги. Тутъ и переправился онъ черезъ Днѣстръ въ трехъ разныхъ мѣстахъ и занялъ Молдавію. Господарь отложился отъ Порты, передался фельд-маршалу и привелъ къ нему до шести тысячъ плохой молдавской конницы; ихъ всадники большею частію вооружены стрѣлами или полупиками, подобно казакамъ; всѣ они ужасные воры.

Дивизія генерала Алларта достигла Днѣстра, первая изъ всей пѣхоты. Вслѣдъ за нимъ прибыли въ тотъ же день генералы Брюсъ и Гинтеръ со всею артиллеріей и своими полками. Баронъ Аллартъ переправился черезъ Днѣстръ на понтонахъ и поспѣшилъ занять укрѣпленіе въ Сорокѣ, чему никто и не думалъ воспротивиться.

Сорокъ пять лѣтъ передъ тѣмъ крѣпость эта выдержала славную осаду. 40,000 турокъ и 40,000 татаръ, подъ предводительствомъ сераскира, принуждены были, послѣ шестимѣсячныхъ тщетныхъ усилій, со стыдомъ отступить, покинувъ лагерь и всю артиллерію, за что сераскиръ заплатилъ своею головою.

Генераль Аллартъ нашелъ хорошіе подземельные погреба, нѣсколько сабель, нѣсколько боченковъ пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays, et deux doubles tenailles en queue.

Генераль Аллартъ, сверхъ многихъ другихъ достоинствъ, есть одинъ изъ лучшихъ инженеровъ своего времени. Онъ умѣетъ искусно развѣдать мѣстныя обстоятельства, расположиться лагеремъ и начертать вѣрную карту театру войны.

Покамѣстъ, по его приказанію, войско занималось работами, генераль-лейтенантъ Брюсъ переправилъ артиллерію подъ прикрытіемъ неразлучныхъ съ нею полковъ канонерскихъ и бомбардирскихъ; онъ расположилъ свой паркъ влѣво отъ укрѣпленія, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою.

30-го мая дивизія генерала Адама Вейде заняла днѣстровскія высоты въ получасъ отъ Сороки, въ прекрасной долинѣ, куда прибылъ въ тотъ же день генераль баронъ Дренсбергъ. На другой день, 31-го мая, генераль князь Репнинъ сталъ тамъ же, на лѣвой сторонѣ линіи.

Его царское величество изъ Москвы отправился въ польскій Ярославъ, гдѣ, по просьбѣ его, собраны были королямъ польскіе сенаторы, съ тѣмъ, чтобы принудить, если возможно, республику соединиться съ Россіею противу невѣрныхъ. Но сенаторы рѣшили иначе: положено было республикѣ, держась условій Карловицкаго мира, никакимъ образомъ не мѣшаться въ эту новую войну, ибо довольно было ей и своихъ междоусобій.

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, государь отправился въ армію въ сопровожденіи генерала Рене, оставшагося въ окрестностяхъ Ярослава съ частію конницы для охраненія особы его величества.

12-го іюня *) (ст. стилия) государь прибылъ на берегъ Днѣстра съ императрицею, съ своими министрами, съ казною, преображенцами и семеновцами (*les Preobrasenski et Simonovski*), своею гвардіею; полки сіи, хотя пѣхотные, но въ походѣ садятся на конь и идутъ съ литаврами, штандартами и трубами (тожь и ингерманландскій и астраханскій). Въ лагерь или въ городѣ имъ возвращаютъ барабаны.

13-го іюня, поутру, его величество дѣлалъ смотръ пѣхотѣ; послѣ обѣда посѣтилъ онъ мостъ, уже оконченный попеченіями генерала Алларта, также и новыя укрѣпленія Сороки. Государь былъ очень доволенъ. Потомъ осмотрѣлъ онъ артиллерію и возвратился въ свой лагерь.

14-го былъ у его величества большой военный совѣтъ; на немъ присутствовали всѣ генералы, которые могли только пріѣхать. И на семь-то совѣтъ предприняты были государемъ, по внушенію его министровъ и русскихъ генераловъ, мѣры, произведшія бѣдствія, которыя можно было избѣжать, если бѣ обратили порядочное вниманіе на положеніе, въ коемъ находилось войско, на мѣстныя обстоятельства и на состояніе земли, въ которую готовились вступить; однимъ словомъ, если бы его величество согласился съ мнѣніемъ своихъ нѣмецкихъ генераловъ **),

*) У Моро поставлено здѣсь 2-го іюня: ошибка или опечатка. Въ журналѣ Петра Великаго сказано: „во 12-й день (іюня) прибыли (ихъ величества) съ гвардіею къ рѣкѣ Днѣстру, гдѣ случились съ пѣхотными дивизіями генерала Вейде и Алларта“; отсель и отъ того же числа Петръ написалъ нѣсколько писемъ. — А. II.

**) Иностранныхъ. См. далѣе объясненіе самого Моро. Какъ замѣтно, что здѣсь говорить иностранецъ, приверженный къ своей партіи. — А. II.

которые, кромѣ его славы и пользы, ничего въ виду не имѣли.

Прежде, нежели опишу то, что произошло на знаменитомъ этомъ совѣтѣ, я долженъ дать вамъ понятіе о состояніи арміи. Войско не имѣло съѣстныхъ запасовъ и на восемь дней и могло, если оныхъ не находилось въ Молдавіи, быть уничтожено не непріятелемъ, а голодомъ. Это затруднительное положеніе извѣстно было всѣмъ; генералы, министры, самъ государь это знали. Коммисары посланы были имъ въ Венгрію для закупки быковъ, а въ Украину для забранія барановъ и муки.

Совѣтъ, собранный его величествомъ на берегу Днѣстра, и который рѣшилъ всю судьбу всей кампаніи, составляли: великій канцлеръ графъ Головкинъ, баронъ Шафировъ и господинъ Сава (Рагузинскій) — всѣ трое тайные совѣтники (то же, что во Франціи министры), генералъ Рене, князь Репнинъ, Адамъ Вейде, князь Долгорукій и Брюсъ (все генералы или лейтенантъ-генералы). Они составляли партію русскихъ. Партію нѣмцевъ составляли генералы: баронъ Аллартъ и баронъ Денсбергъ и лейтенантъ-генералы баронъ Остенъ и Беркгольцъ. Это раздѣленіе на двѣ партіи въ Россіи признано всѣми.

Стали разсуждать о томъ, что надобно было дѣлать. Войско было собрано, а о туркахъ было не слышать, какъ будто бы въ мирное время. Правда, нѣсколько тысячъ буджацкихъ татаръ нѣсколько времени предъ симъ учинили набѣгъ на русскую Украину и на землю казаковъ (en Cozaquie), гдѣ они пожгли и ограбили селенія, отогнали скоть и захватили людей; но при приближеніи нашихъ полковъ они уже не смѣли показываться, и лагерь нашъ былъ въ совершенномъ спокойствіи. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, стоявшій близъ Яссы, въ самой Молдавіи, было точно въ томъ же положеніи.

Совѣтъ начался. Нѣмецкіе генералы первые имѣли честь предложить свое мнѣніе. Они полагали нужнымъ оставаться на берегахъ Днѣстра, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, для узнанія непріятельскихъ намѣреній; во-вторыхъ, дать арміи отдохнуть послѣ долгаго похода. Они представили, что съѣстные запасы, безъ которыхъ никакая армія не можетъ существовать, могутъ быть безъ большихъ расходовъ доставляемы по Днѣстру, что

можно будетъ устроить магазины въ Польшѣ; что, занимая берега Днѣстра, не должно однако оставаться въ бездѣйствіи, но что, напротивъ того, надобно идти къ Бендерамъ, которыя взять можно въ скоромъ времени, укрѣпить и сдѣлать изъ нихъ и крѣпость, и военной магазинъ en établissant un pont (?) de communication; что Сорока, находясь уже во власти его величества и будучи укрѣплена, есть также крѣпость и магазинъ; что то же самое можно сдѣлать и въ Могилевѣ (на Днѣстрѣ), и что такимъ образомъ его величество будетъ имѣть три входа въ Молдавію, при всѣхъ трехъ переправахъ черезъ Днѣстръ, и три магазина для своихъ войскъ; что турки, будучи принуждены проходить степью, потеряютъ лошадей, прежде нежели до насъ достигнуть; что имъ почти невозможно будетъ взять наши крѣпости, защищаемыя многочисленнымъ и исправнымъ войскомъ; что, вѣроятно, не рѣшатся они ихъ осадить, и того менѣе—переправляться черезъ Днѣстръ и строить мосты въ присутствіи войскъ его величества; что если его величество въ настоящихъ обстоятельствахъ захочетъ ввести армію свою въ Молдавію, то онъ можетъ ея лишиться и помрачить славу свою; что, по показанію сорокинскихъ жителей, должно по крайней мѣрѣ пять дней проходить необитаемую степь, гдѣ нельзя найти ни воды, ни хлѣба; что сторона, находящаяся за степью, не изобилуетъ хлѣбомъ, ибо онаго недостаточно даже на продовольствіе жителей, хотя та часть Молдавіи мало заселена; что если въ Яссахъ, и по ту сторону сего города, и было чѣмъ продовольствоваться, то наша конница, стоящая тамъ, въ три недѣли, вѣроятно, все уже потребила; что примѣръ шведскаго короля слишкомъ еще свѣжъ, и что не должно отважиться сдѣлать ошибку еще важнѣйшую, углубляясь въ незнакомую землю, о коей всѣ доселѣ получаемыя свѣдѣнія ничего благоприятнаго не предвѣщаютъ.

Въ заключеніе нѣмцы просили его величество быть увѣрену, что, представляя ему дѣло каково оно есть, они не имѣли ничего въ виду, кромѣ его собственной славы; что когда займемъ мы берега Днѣстра и устроимъ магазины, турки, покусь на что бы то ни было, утратятъ свои силы всѣ или отчасти, между тѣмъ какъ его величество, имѣя тылъ свой свободнымъ, усилитъ свои войска, будетъ въ состояніи съ пользою употребить полки, оставленные въ

Польшѣ, и послѣ кампаніи уже безъ всякаго препятствія проводитъ непріятели въ его собственную землю, и тамъ расположится по своей волѣ и приготовится къ завоеваніямъ, прежде нежели турки успѣютъ выйти изъ зимнихъ своихъ квартиръ.

Мнѣніе сіе было самое здоровое; но русскіе ему воспротивились. Генераль Рене, хотя родомъ и курляндець, но по положенію своему придерживающійся стороны министровъ, возразилъ, что неприлично было бы его величеству защищать рѣку съ такими прекрасными войсками; что въ случаѣ истощенія запасовъ должно будетъ ихъ достать въ самой непріятельской землѣ; что области греческія, по примѣру молдавскаго господаря, готовы были возмутиться при первомъ вступленіи нашихъ полковъ въ турецкія границы; что, по донесеніямъ генераль-фельдмаршала графа Шереметева, за степью до Дуная армію можно будетъ продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построеніе магазиновъ, когда можно дѣлать это на счетъ непріятели; что надобно войти и углубиться въ турецкія земли; что турки будутъ полу-уничтожены уже и тѣмъ, что увидятъ сильное войско его величества посреди ихъ областей, готовое предписывать имъ законы; что примѣръ шведскаго короля здѣсь вовсе нейдетъ; что полки наши тѣ же самые, которые разбили его и готовы разбить турокъ; что таково его мнѣніе, и что славнѣйшаго и полезнѣйшаго способа его царскому величеству избѣгать невозможно.

Съ симъ мнѣніемъ согласились русскіе министры, и генералы охотно ему послѣдовали, и вопреки благоразумному мнѣнію нѣмцевъ, положено было переправиться черезъ Днѣстръ и войти въ степи.

Разсуждая о семъ движеніи, всѣ мы сильно обвиняли тѣхъ, которые его присовѣтовали его величеству. Ясно было, что государь принужденъ будетъ отступить отъ своихъ намѣреній. Но, зная, что русскій народъ склоненъ къ спокойствію, лѣнивъ и не любитъ военныхъ трудовъ, мы увѣрены были, что царскіе министры, опасаясь слишкомъ продолжительной войны, нарочно завлекали государя въ неудачу, дабы уменьшить въ немъ пылъ воинскій и принудить его къ покою *). Таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе почти всѣхъ иностранцевъ.

*) Напоминаемъ читателю сказанное въ предисловіи: переводчикъ

16-го іюня, рано утромъ, дивизіи генераловъ Алларта и Денсберга выступили въ походъ; 17-го, его величество съ преображенцами, семеновцами, своими министрами и всею свитою пошелъ въ авангардъ и вступилъ въ степи. За нимъ слѣдовалъ генераль-поручикъ Брюсъ съ артиллеріей. Арьергардъ составляли дивизія генерала Вейде и конница, приведенная изъ Ярослава генераломъ Рене и которую его величество поручилъ въ мое начальство, приказавъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Дивизія князя Репнина осталась въ Сорокѣ для окончанія работъ и для принятія запасовъ, которые, по приказанію его величества, должны были быть туда доставлены *).

Генералы Аллартъ и Денсбергъ, вышедъ изъ степей, прибыли въ лагерь генераль-фельдмаршала, который находился въ трехъ миляхъ отъ Яссы, на выгодномъ мѣстоположеніи.

Его величество не долго томился въ пустыняхъ: маршируя днемъ и ночью, достигнулъ онъ прекрасной долины, орошаемой Прутомъ, гдѣ и расположилъ свой лагерь тыломъ къ рѣкѣ. Онъ тотчасъ отправилъ бочки съ водою, на собственныхъ подводкахъ и на лошадяхъ свиты своей, полкамъ, идущимъ по степямъ. Но сіе пособіе принесло имъ болѣе вреда, нежели пользы. Солдаты бросились пить съ такою жадностію, что многіе перемерли. Мы лишились множества людей отъ безводицы. Жары нестерпимы въ сихъ мѣстахъ, гдѣ видно только небо да горы раскаленнаго песку, безъ деревьевъ, безъ жителей и безъ воды **).

Дивизія Вейдова и артиллерія, послѣ шестидневнаго перехода чрезъ ужасныя сіи пустыни, соединилась съ лагерьемъ его величества. 23-го іюня государь ѣздилъ осматривать лагерь генераль-фельдмаршала и принялъ въ подданство молдавскаго господаря. Съ нимъ было только триста

не хотѣлъ ни скрыть, ни ослабить порицанія и вольныя сужденія автора, будучи увѣренъ, что они не могутъ вредить ни Петру Великому, ни русскому народу: Моро не любилъ русскихъ и былъ недоволенъ Петромъ.—Редакція Соврем. 1837 г.

*) Въ журналѣ Петра Великаго сказано: „и стояли тутъ (при городкѣ Сорокѣ) Аллартова дивизія до 20-го (іюня), а Вейдова и князя Репнина до 22-го“.—А. П.

**) Степи Буджація не песчаныя: онѣ стелятся злачной, зеленой равниною, усѣяною курганами. Моро здѣсь пользуется правомъ разскащика. Правда, что въ 1711 году эти степи были голы: трава съѣдена была саранчею.—

рейтаровъ. Онъ пожаловалъ господарю свой портретъ, осыпанный алмазами (что впослѣдствіи времени пригодилось сему турецкому даннику). Въ тотъ же вечеръ его величество возвратился въ свой лагерь, а на другой день приказалъ наводить два моста на Прутъ.

Здѣсь спокойно оставались мы отъ 22-го до 29-го іюня, какъ будто въ самое мирное время, ожидая запасовъ, которые князь Репнинъ долженъ былъ доставить и привезти. 26-го фельдмаршалъ и господарь посѣтили его императорское величество. Войско стояло въ строю. Имъ отдали честь по всему фрунту, и самъ государь салютовалъ саблюю, стоя передъ преображенскимъ полкомъ, какъ генераль-поручикъ своей арміи.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно его величествомъ въ память Полтавскаго сраженія, случившагося 27-го іюня, по старому стилю.

Всѣ генералы съ утра явились къ его величеству, дабы вслѣдъ за нимъ отправиться въ артиллерійскую церковь, гдѣ отслушалъ онъ обѣдню и гдѣ придворный священникъ *) цѣлыхъ полтора часа говорилъ проповѣдь, имъ сочиненную на случай сего счастливаго дня.

Полки выстроены были въ боевомъ порядкѣ и составляли три фаса одного каррея; артиллерія занимала четвертый. Послѣ обѣдни стрѣльба началась съ правой стороны артиллеріи и продолжалась по всѣмъ фасамъ; полки стрѣляли по мѣрѣ приближенія къ нимъ огня. Послѣ того всѣ генералы слѣдовали за его величествомъ къ его палаткамъ гдѣ, въ землѣ, былъ утвержденъ столъ необыкновенной длины и за которымъ насчиталъ я до ста десяти кувертовъ съ каждой стороны.

Его величество находился въ центрѣ стола. По правую руку находился молдавскій господарь, по лѣвую графъ Головкинъ, министры: баронъ Шафировъ и Сава (Сава Владиславовичъ Рагузинскій); на углахъ стола генералы, генераль-поручики, генераль-маіоры, бригадиры, и полковники и прочіе, каждый по своему чину, помѣстились за этимъ же столомъ. Кромѣ венгерскаго вина, ничто мнѣ не понравилось. Оно было отличное, то есть то, которое доходило до меня, ибо полковники, сидѣвшіе ниже, пили дру-

*) Феофанъ Прокоповичъ.

гое, а подполковникамъ подносили особливое, капитанамъ еще хуже, и такъ далѣе. Капитаны преображенскіе и семеновскіе разносили вина: каждый прислуживалъ шести персонамъ, имѣя въ своемъ распоряженіи трехъ слугъ для перемѣны стакановъ и бутылокъ. Тутъ-то, милостивая государыня, вино льется какъ вода; тутъ-то заставляютъ бѣднаго человѣка, за грѣхи его, напиваться до чрезмѣрности *).

Императрица, съ своей стороны, угощала армейскихъ дамъ. Почти всѣ иностранные генералы имѣли съ собою своихъ женъ и дѣтей, по той причинѣ, что въ случаѣ разлуки срокъ свиданія неизвѣстенъ и что, по недостатку почты, никто отъ своихъ не получаетъ извѣстія. Если же и придутъ письма, то генералы и министры имѣютъ похвальную привычку никогда ихъ не отдавать. Можно переписываться только чрезъ министровъ иностранныхъ, но не всегда можно быть съ ними въ сношеніи. Я говорю по собственному опыту: въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ я только могъ однажды писать къ моей милой графинѣ (которая оставалась въ Данцигѣ), и то черезъ барона Лоца, посланника короля польскаго при дворѣ его царскаго величества.

Мало дамъ явилось къ императрицѣ. Генеральша Аллартъ и генераль-маіорша Гинтеръ однѣ представились ея величеству и были милостиво приняты.

Обѣдъ государя продолжался цѣлый день, и никому не позволено было выйти изъ-за стола прежде одиннадцатаго часу вечера. Пили, такъ ужъ пили (*on y but ce qui s'appelle boire*). Всякое другое вино навѣрно меня убило бы, но я пилъ настоящее токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мнѣ жизнь.

Около пяти часовъ вечера одинъ изъ адъютантовъ князя Репнина привезъ письмо къ его величеству. Генералъ давалъ знать, что 4,000 быковъ, 8,000 барановъ и 300 маленькихъ польскихъ телѣжекъ съ рожью, мукою (*et de grit*) отправлены были къ намъ. Государь тутъ же распредѣлил, что куда доставить, и приказалъ тотъ же часъ отправить часть въ лагерь, генераль-фельдмаршалу.

*) Въ старину пили не по-нашему. Предки наши говорили: пьянъ да уменъ— два угодыя въ немъ. Впрочемъ, пьянство никогда достоинствомъ не почиталось. Петръ I, указавъ содержать при монастыряхъ офицеровъ, отставленныхъ за болѣзнями, именно исключаетъ больныхъ отъ пьянства и распутства.—А. II.

28-го іюня мосты были готовы. Артиллерія потянулась черезъ Прутъ по мосту, назначенному для Двора. Вейдова дивизія переправилась по другому, назначенному для войскъ и расположилась лагеремъ въ Ясской долинѣ, въ двухъ миляхъ отъ прежняго лагеря.

29-го іюня (по нашему приходится 10-го іюля, ибо русскіе держатся еще стараго стила) въ день святого Петра, въ именины его царскаго величества, я, слѣдуя обычаю, со всѣми генералами пришелъ поздравить государя. Онъ принялъ милостиво наши привѣтствія и всѣхъ насъ оставилъ у себя обѣдать. Государь празднуетъ и этотъ день, и обѣдаетъ съ своими министрами и офицерами, когда находится въ своей арміи.

Около пяти часовъ генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ приказалъ мнѣ, чтобъ я послалъ моего адъютанта, стоявшаго за мною, посадить кавалерію мою на конь и велѣлъ ей идти впередъ къ своему лагерю съ моимъ экипажемъ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что мнѣ нужны будутъ только мои лошади, что я останусь при немъ, и что онъ беретъ быть моимъ вожатымъ. Я отдалъ приказъ адъютанту. Кавалерія была въ порядкѣ, а экипажъ мой заложенъ. У русскихъ обыкновенно употребляются телѣги, ибо вьючныя лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы ихъ войскъ (5 à 600 lieux).

Наканунѣ знали, что близъ лагеря фельдмаршальскаго произошло маленькое сраженіе. 20,000 татаръ показали на утренней зарѣ и ударили (въ разсыпную, по своему обычаю) на передовой пикетъ, составленный изъ 600 человекъ конницы, подъ начальствомъ подполковника Роба (de Roop) конногренадерскаго полка моей бригады. Непріятель пробился сквозь отрядъ, не смотря на всѣ старанія командира. Число превозмогло; отрядъ былъ окруженъ отъсюду. Одинъ капитанъ, родомъ изъ Лотарингіи, надѣлалъ тутъ чудеса и былъ убитъ, къ сожалѣнію всѣхъ офицеровъ, знавшихъ его. Подполковникъ взятъ былъ въ плѣнъ, и убито 250 рядовыхъ. Все это произошло въ виду бригадира Шенсова *) (Chensof), родомъ русскаго, который былъ отряженъ съ

*) Таковой фамиліи нѣтъ ни въ книгахъ нашего дворянства (стариннаго), ни въ спискахъ офицеровъ того времени. Кажется, дѣло идетъ о Шневицевѣ, одномъ изъ начальниковъ драгунскихъ полковъ, набранныхъ въ 1699 году.—А. П.

2.500 человекъ конницы на подкрѣпленіе Роба и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Генераль Янусъ, начальствующій въ отсутствіи фельд-маршала, при семъ случаѣ сдѣлалъ все, что только было возможно, чтобъ исправить сію неудачу и предупредить большее несчастье. Онъ велѣлъ выѣхать четверемъ конно-гренадерскимъ полкамъ и всячески старался уговорить бригадира Шенсова, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хоть показался непріятелю. Но офицеръ сей отвѣчалъ, что онъ получилъ приказаніе охранять лагерь, а не искать непріятелей. Наши конно-гренадеры разсѣяли эту сволочь и освободили лагерь (*le front du camp*).

Никогда генераль Янусъ не говорилъ мнѣ безъ бѣшенства объ этомъ происшествіи и о маневрѣ бригадира Шенсова. А еще должно глотать такія пилюли не морщась и не жалуясь, потому что его величество и фельдмаршалъ неохотно выслушиваютъ жалобы и не любятъ видѣть ясныя доказательства, чтобы у кого-нибудь изъ русскихъ недоставало ума или храбрости *).

Какъ войска скоро соединятся, то позвольте, милостивая государыня, исчислить вамъ ихъ силы и познакомить васъ съ генералами, которые начальствовали полками.

Главнoкомандующій — генераль-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ (его величество во время дѣла занимаетъ мѣсто генераль-лейтенанта).

Дивизія Вейдова состояла изъ осьми пѣхотныхъ полковъ, каждый изъ 1,400 человекъ состоявшій. Всего 11,200 человекъ. Начальниками оной были: генераль Вейде, генераль-лейтенантъ Беркгольцъ (*Brecols*), генераль-маіоры Голосинъ (*Golocsin*) и де-Бушъ, и бригадиры графъ Ламберти и Боэ.

Дивизія Репнина, состоящая изъ такого же числа полковъ и людей. Начальники оной: генераль князь Репнинъ, генераль-лейтенантъ князь Долгорукой, генераль-маіоры Альфендель и Бомъ и бригадиры Бушъ и Голицынъ.

Дивизія барона Алларта, во всемъ равная двумъ первымъ, была подъ начальствомъ генерала Алларта, генераль-лейтенанта барона Остена и бригадировъ Стафа и Лессе.

*) Благодаримъ нашего автора за драгоценное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали партіи русской.—А. П.

Дивизія барона Денсберга, также равная другимъ, находилась въ командѣ генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкинга (Remquingue), его зятя.

Не худо замѣтить, что русскіе дивизионные начальники имѣли комплектное число подчиненныхъ имъ генераловъ; нѣмцы же онаго не имѣли, особенно баронъ Денсбергъ, у котораго не было ни генераль-лейтенанта, ни генераль-маіоровъ, а только одинъ бригадиръ, зять его. Это происходило отъ генераль-фельдмаршала, не любившаго иностранцевъ, какой бы націи ни были, и не подававшаго имъ никакой помощи, нарочно для того, чтобъ вводить ихъ въ ошибки *). Однакожь баронъ Денсбергъ есть тотъ самый, который съ такимъ великодушіемъ и храбростію защищалъ Кельскую крѣпость, осаждаемую герцогомъ Виллеромъ въ началѣ прошедшей войны. Онъ доказалъ, что былъ достоинъ начальствовать не только двѣнадцатитысячнымъ отрядомъ, но и цѣлыми арміями.

Полки преображенскій, семеновскій, ингерманландскій и астраханскій составляли 15 баталіоновъ, всего 15,000 человекъ и были подъ начальствомъ самого его царскаго величества, генераль-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева (сына фельдмаршала); сюда же принадлежали полки канонерскій и бомбардирскій, каждый изъ 1,500 человекъ состоявшій.

Дивизія генерала Януса, состоявшая изъ осьми полковъ, каждый изъ 1,000 человекъ, была подъ начальствомъ помянутаго генерала, генераль-маіоровъ Волконскаго и Вейсбаха и бригадировъ Моро-де-Бразе, графа Ліонскаго и Шенсова.

Дивизіей Рене, равной по числу полковъ и людей, начальствовали генераль Рене, генераль-маіоры Витманъ и Шариковъ (Chericof), самый образованный и любезный изъ всѣхъ мнѣ знакомыхъ русскихъ, и два бригадира.

Еще одинъ драгунскій полкъ, составлявшій гвардію князя Меншикова, не соединился съ арміей и остался въ Яссахъ съ 2,000 избранныхъ фузилировъ, между тѣмъ какъ войско двинулось въ Молдавію.

Гвардейскій эскадронъ его царскаго величества, состоящій изъ 300 рейтаровъ (maîtres reîtres?) сопровождалъ государя въ его поѣздкахъ и другой службы не несъ.

Всѣ сія отряды составляли на Днѣстрѣ 79,800 наличнаго

*) См. выше, прим. редакціи. Редакція Соврем. 1837 г.

войска: Каждый полкъ былъ укомплектованъ призванными рекрутами.

Артиллерія состояла изъ шестидесяти пушекъ разнаго калибра, отъ двадцати до четырехъ-фунтовыхъ, изъ шестнадцати понтоновъ на телѣгахъ и изъ двухсотъ подводъ съ ящиками пороховыми, не считая телѣгъ, нагруженныхъ бомбами и ядрами.

Кромѣ сей артиллеріи, въ каждомъ полку пѣхотномъ и конномъ находились четыре малыя орудія двухъ и трехъ-фунтовыя. Они всегда слѣдуютъ за полкомъ съ малыми своими ящиками и съ нужными офицерами. Ихъ зовутъ корпусными дѣтьми (*ce qu'ils appellent les enfants des corps*) (кадеты?).

При каждомъ полку находятся также малыя телѣги съ аммуниціей, которая, въ случаѣ нужды, всегда подъ рукою, что очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы его царскаго величества. Здѣсь не считаю десяти тысячъ молдаванъ, годныхъ только для опустошенія земли, какъ и татары. Сей арміи было бы весьма достаточно, чтобы управиться съ турками, если бъ во-время ввели ее въ непріятельскія земли и если бъ ее не раздѣлили, какъ вы впоследствии увидите.

29-го іюня его царское величество сидѣлъ за столомъ до семи часовъ вечера. Вставъ изъ-за стола, держалъ онъ совѣтъ. Генералъ Рене предложилъ отрядить пятнадцать тысячъ человѣкъ въ Валахію, хорошую сторону, въ которой всего было много, и которая могла продовольствовать армію. Онъ утверждалъ, что валахскій воевода, будучи одной націи и одного исповѣданія съ молдавскимъ господаремъ, не замедлитъ покориться, соединить войско свое съ войсками его величества и доставить намъ жизненные запасы.

Генералъ - поручикъ Беркгольцъ былъ единственный нѣмецъ на семъ совѣтѣ. Онъ сильно воспротивился предложенію генерала Рене, по причинѣ той, что турки побѣждали всякій разъ, какъ противъ нихъ войска дѣйствовали отдѣльно. Онъ привелъ въ примѣръ принца Карла V (Лотарингскаго), который во второй походъ, послѣ снятія Вѣнскаго осады, раздѣлилъ на четыре отряда свое войско, дабы удобнѣе оное продовольствовать, и видѣлъ, какъ турки разбили всѣ четыре отряда одинъ за другимъ, не могли подать имъ никакой помощи. Но всѣ его разсужденія пропали

втунѣ. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, какъ подавшему первый на то совѣтъ. Кромѣ сихъ пятнадцати тысячъ, отряженныхъ въ Валахію *), четыре тысячи должны были оставаться въ Сорокѣ, дабы сберечь намъ отступленія и для сопровожденія провіанта, въ случаѣ, если бъ мы остались въ Молдавіи; двѣ тысячи въ Могилевѣ, черезъ который можно было бы воротиться въ случаѣ неудачи, да три тысячи въ Яссахъ, для охраненія Молдавіи и для удержанія жителей въ повиновеніи.

Фельдмаршалъ съ девяти часовъ вечера сѣлъ верхомъ, и я вслѣдъ за нимъ прибылъ въ его лагерь. Господарь остался съ его царскимъ величествомъ. Онъ былъ средняго роста, сложенъ удивительно стройно, прекрасенъ собою, важенъ и съ самой счастливой фізіономіей. Онъ былъ учтивъ и ласковъ; разговоръ его былъ вѣжливъ и свободенъ. Онъ очень хорошо изъяснялся на латинскомъ языкѣ, что было весьма пріятно для тѣхъ, которые его разумѣли.

Мы догнали мою конницу въ верстѣ отъ фельдмаршальскаго лагеря, куда и прибыли въ четыре часа утра. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ летучихъ кузнечиковъ (саранчу). Воздухъ былъ ими омраченъ: такъ густо летали они. Не удивляюсь, что они разоряютъ земли, черезъ которыя проходятъ, ибо въ Молдавіи видѣлъ я изсохшее болото, покрытое высокимъ тростникомъ, который съѣденъ былъ ими на два вершка отъ земли.

Остальной лагерь его величества перешелъ черезъ Прутъ 30-го іюня. Мостъ, черезъ который переправился государь съ своею свитою, былъ тотчасъ разобранъ; другой оставленъ подъ охраненіемъ пяти сотъ гренадеръ для дивизіи князя Репнина, которую ожидали.

Фельдмаршалъ, возвратясь въ свой лагерь, велѣлъ призвать бригадира Шенсова и высказалъ ему все, что заслуживало его гнусное поведеніе, о которомъ донесено ему было при его пріѣздѣ однимъ драгунскимъ полковникомъ моей бригады. Онъ приказалъ бригаднымъ маіорамъ отрядить по двадцати человекъ съ каждой бригады для устроения двухъ мостовъ, находившихся въ тылу нашего лагеря, дабы ему безпрепятственно можно было, въ случаѣ нужды, идти

*) У Рене было восемь драгунскихъ полковъ (5,056 ч.), батальонъ ингерманландцевъ, да 5,000 молдаванъ.—А. П.

соединиться съ его величествомъ. Это стоило труда, потому что мосты наведены были на малыхъ челнахъ, изъ выдолбленныхъ пней, кое какъ собранныхъ по берегамъ Прута. Мѣдные понтоны оставались при его величествѣ для надобностей его собственныхъ. Того же самаго числа (30 іюня) генераль Рене прибылъ къ фельдмаршалскому лагерю и собралъ полки, долженствовавшіе идти въ Валахію подъ его начальствомъ. Онъ выступилъ на другой день поутру и уже въ армію не возвращался. Онъ соединился съ кавалеріей уже въ Польской Россіи, послѣ кампаніи, когда армія тамъ отдыхала.

Въ лагерѣ его царскаго величества и въ фельдмаршалскомъ оставались въ бездѣйствіи до самаго 7-го іюля. Въ сей день фельдмаршалъ получилъ отъ государя приказаніе оставлять постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армію за рѣку, находившуюся у него въ тылу. Фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать долину, назначенную имъ для новаго лагеря, и, возвратясь, въ тотъ же день отдалъ въ приказѣ, что полки стануть переправляться одинъ послѣ другого во избѣжаніе смятенія, могущаго произойти на мостахъ, въ случаѣ, если войска выступятъ въ одно время.

Генераль Янусъ, на котораго возложено было исполненіе сего, взялъ съ собою бригадира Шенсова, дабы, въ случаѣ нападенія отъ непріятели во время переправы, имѣть достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежнаго. Онъ оставилъ его у моста, съ двумя маіорами и двадцатью драгунами, для надзиранія за исправностію въ исполненіи приказовъ.

8-го іюля, на утренней зарѣ, экипажи барона Денсберга, съ нѣсколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пѣхоты. Между тѣмъ, экипажи генерала Януса потянулись было по мосту, назначенному для кавалеріи. Но фельдмаршалъ, самъ заблагоразсудивъ оставить лагерь, приказалъ переправить прежде свои, а остальнымъ экипажамъ генерала Януса не позволялъ переправиться прежде полковъ астраханскаго и ингерманландскаго съ ихъ обозами. Фельдмаршалъ во всякомъ случаѣ радъ былъ дѣлать непріятность иностраннымъ генераламъ.

9-го іюля съ утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успѣла переправиться, какъ болѣе тридцати тысячъ татаръ явились передъ лагеремъ. Войско остано-

вили и тотчасъ выстроили въ боевомъ порядкѣ подъ прикрытіемъ рогатокъ. Пикеть отозвали; по приказанію генерала Януса, два батальона гренадеръ поставлены были на оба фланга, и въ семь расположеніи стали ожидать приближенія татаръ, дабы угостить ихъ картечью изъ тридцати орудій. Фельдмаршалъ, генераль баронъ Денсбергъ, генераль-лейтенантъ баронъ Остенъ и бригадиръ баронъ Ремкингъ пріѣхали изъ новаго лагеря, гдѣ они находились съ прошедшаго дня. Фельдмаршалъ былъ очень доволенъ мѣрами, принятыми генераломъ Янусомъ для защищенія стараго лагеря въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Онъ отослалъ генерала Денсберга съ его бригадиромъ къ новому лагерю, для охраненія онаго, а въ старомъ оставилъ только генераль-лейтенанта Остена подъ начальствомъ генерала Януса, съ полками, не успѣвшими еще переправиться. Ихъ было довольно противъ и вдвое большаго числа татаръ.

Но какъ они часъ-отъ-часу умножались, то фельдмаршалъ приказалъ казакамъ и молдаванамъ (находившимся въ новомъ лагерѣ) прогнать и преслѣдовать непріятеля. Они пустились съ быстротою неимовѣрною, но которая часъ отъ часу болѣе и болѣе ослабѣвала. Съ обѣихъ сторонъ все кончилось скаканіемъ, да круженіемъ.

Одинъ капитанъ, родомъ венгерець, вступившій въ службу его царскаго величества, такъ же какъ и многіе изъ его соотечественниковъ, послѣ паденія его свѣтлости принца Рагоци, находился въ лагерѣ съ нѣсколькими венгерцами, въ надеждѣ быть употребленнымъ въ дѣло. Онъ уговорилъ отрядъ казачій поддержать его, обѣщаясь доказать, что не такъ-то мудрено управиться съ татарами. Казаки обѣщались отъ него не отставать. Онъ бросился съ своими двѣнадцатью венгерцами въ толпу татаръ и множество ихъ перерубилъ, пробиваясь сквозь ихъ кучи и разсѣвая кругомъ ужасъ и смерть. Но казаки ихъ не поддержали, и они уступили множеству. Татары ихъ окружили, и всѣ тринадцать пали тутъ же, дорого продавъ свою жизнь: около ихъ легло шестьдесятъ пять татаръ, изъ коихъ четырнадцать были обезглавлены. Всѣхъ менѣе раненый изъ сихъ храбрыхъ венгерцевъ имѣлъ четырнадцать ранъ. Всѣ бывшіе, какъ и я, свидѣтелями ихъ неумѣстной храбрости, сожалѣли о нихъ. Даже наши конные гренадеры, хотя и русскіе, т. е. хотъ и не очень жалостливыя

сердца, однако просились на коней, дабы ихъ выручить; но генераль Янусъ, не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности и завязать дѣло съ непріателемъ.

Пока татары привлекали на себя наше вниманіе, генераль Янусъ, предвидя, что наше отступленіе могло быть обезпокоено еще большимъ числомъ татаръ и даже самими турками, приказалъ переправить всѣ корпусные экипажи, всѣхъ лошадей драгунскихъ и прочей кавалеріи и остальные экипажи офицеровъ, дабы тѣмъ удобнѣе отступить до новаго лагеря тѣснѣнами, ведущими къ мостамъ, что и произошло во весь тотъ день и въ ночь.

Между тѣмъ татары, не видя никакого движенія въ лагерѣ, гдѣ полки наши стояли все еще въ боевомъ порядкѣ за рогатками, ожидая смѣло ихъ нападенія, около третьяго часа пополудни отступили, наскочившись вдоволь, и такимъ образомъ дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться въ новый лагерь, куда вступилъ онъ самый послѣдній (10-го іюля).

Онъ приказалъ разобрать оба моста и караулить лодки. По нашу сторону рѣки онъ могли пригодиться. Къ нимъ нарядили капитана съ двумястами гренадеръ.

Того же дня фельдмаршалъ отдалъ приказъ отрядить по двѣсти человекъ съ бригады для дѣланія фашинныхъ мостовъ чрезъ большой и глубокой ручей, называемый Малымъ Прутомъ и протекавшій во ста шагахъ отъ нашего новаго лагеря, дабы въ случаѣ нужды можно было тотчасъ выступить.

Мосты поспѣли къ полудню 11 іюля. Въ пять часовъ вечера одинъ изъ генераль-адъютантовъ его царскаго величества привезъ фельдмаршалу приказъ, вслѣдствіе коего мы, 12-го іюля, оставили лагерь, и въ одной милѣ отъ онаго нашли его царское величество. Вся армія тамъ соединилась и такимъ образомъ расположилась вся на одной линіи. Царь съ полками: преображенскимъ, семеновскимъ, астраханскимъ и ингерманландскимъ стоялъ по лѣвую сторону, и слѣдственно въ авангардѣ. Дивизіи Алларта, Денсберга, Януса со всею остальною кавалеріей, Брюсъ съ артиллеріей и Вейде стояли на правой рукѣ, лицомъ къ горѣ и имѣя Прутъ у себя въ тылу.

13-го армія пошла въ походъ, принимая влѣво. Экипажи составляли вдоль Прута вторую колонну. Мы про-

шли три мили до ночи и расположились лагеремъ, принявъ вправо (*en faisant à droite*). Пространство между рѣкою и горами не позволяло намъ расширяться и составить двѣ линіи. Мы стали въ томъ порядкѣ, какъ стояли наканунѣ и какъ цѣлый день маршировали (т. е. въ одну линію).

14-го мы подвинулись еще на три мили, не выдавъ ни города, ни деревни, но кое-гдѣ вблизи лѣсовъ разсѣянные лачужки, которыя показались намъ жалкими обитателями. Это насъ удивило, тѣмъ болѣе, что на нашихъ картахъ, по берегамъ Прута, назначено было множество городовъ и деревень. Мы стали лагеремъ такъ же, какъ и въ предыдущіе два дня.

15-го армія прошла еще три мили; но переходъ черезъ крутую гору, находящуюся на самомъ берегу рѣки, оставилъ войско. Мы достигли мѣста, назначеннаго для лагеря, не прежде какъ въ три часа по полуночи. Мы въ тотъ же день видѣли за сей горою старинную могилу одного молдавскаго государя. Они имѣла видъ четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире въ основаніи, нежели въ высотѣ.

Молдаване, слѣдовавшіе за арміею, изъ коихъ многіе хорошо говорили по-латыни, рассказали намъ о ней слѣдующее преданіе:

Государь, покоящійся въ сей могилѣ, былъ великій воинъ, но несчастный во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Учинивъ нападеніе на земли одного изъ своихъ сосѣдей, онъ привлекъ его въ свои собственныя владѣнія. Оба войска сошлись и сразились въ той долині. Кровавопролитная битва длилась два дня. Молдавскій государь остался побѣдителемъ; непріятельское войско было истреблено или захвачено въ плѣнъ, а противникъ его найденъ былъ между мертвыхъ тѣлъ, пронзенный одинадцатью стрѣлами. Но побѣдитель, въ то же самое время, какъ приносилъ Богу благодареніе, умеръ отъ раны, полученной имъ въ томъ же сраженіи, и которой онъ сгоряча не почувствовалъ. Онъ не имѣлъ дѣтей, и войско избрало себѣ въ государи одного изъ своихъ начальниковъ. Первымъ повелѣніемъ новаго государя было каждому воину, каждому молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сіе мѣсто. Онъ послѣ того воздвигнулъ эту земляную пи-

раמידу, въ серединѣ коей находится комната со сводомъ. Тамъ похоронено тѣло его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу. Потомъ входъ въ комнату былъ задѣланъ и пирамида окончена. На вершинѣ ея находилась площадка, сохранившаяся доннынѣ; за ней возвышался трофей изъ оружія убитыхъ, нынѣ уже не существующій. Повѣствователь присовокупилъ, что всѣ изъ государей, властвовавшихъ потомъ, которые хотѣли проникнуть въ сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть одинъ камень заграждавшаго входа. Курганъ оказался намъ тщательно покрытымъ дерномъ. Мы спросили у нашего молдаванина: кто смотритъ за могилою? Онъ отвѣчалъ, что жители, поселенные кругомъ, въ трехъ миляхъ отселѣ, ежегодно въ мартѣ и сентябрѣ мѣсяцѣ приходятъ стричь могилу ножницами, подобными тѣмъ, кои употребляются нашими садовниками. Онъ прибавилъ, что когда того не дѣлаютъ, тогда бываетъ неурожай. Въ заключеніе онъ насъ увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ саранча напала на ихъ землю, все ею было разорено, кромѣ пространства, заключеннаго въ этихъ трехъ миляхъ окружности, куда она не залетала, хотя была вездѣ, и съ боковъ, и сзади.

Этой исторіи и ея послѣдствіямъ мы повѣрили только отчасти, хотя повѣствователь и хвалился быть дворяниномъ и военнымъ человѣкомъ.

16-го его царское величество приказалъ выслать 1000 человѣкъ конныхъ гренадеръ, подъ начальствомъ г. полковника Ропы, съ двумя вожатыми, данными царю самимъ господаремъ, слѣдовавшимъ за его величествомъ со всѣмъ своимъ молдавскимъ дворомъ. Полковникъ Ропъ имѣлъ повелѣніе извѣздить всю сторону, находившуюся влѣво отъ арміи, вдоль Прута, дабы удостовѣриться, возможно ли неприятелю напасть на насъ съ тыла. Онъ возвратился вскорѣ и объявилъ намъ, что капитанъ, наряженный съ двумястами гренадеръ для охраненія лодокъ, составлявшихъ мосты фельдмаршалскаго лагеря, и который подвигался вмѣстѣ съ арміей, былъ убитъ, а съ нимъ и всѣ его люди. Жители, бывшіе при полковникѣ, видѣли его за двѣ мили отъ лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что татары, въ числѣ 20,000, переправились черезъ рѣку, каждый держась за хвостъ своей лошади, и неожиданно на-

пали на капитана въ одной тѣснинѣ, гдѣ онъ и погибъ со своимъ отрядомъ.

Это заставило его царское величество расположить вдоль рѣки гренадерскіе взводы въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, имѣвшіе между собою коммуникацію и начальствуемые однимъ подполковникомъ, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

Въ тотъ же день генераль князь Репнинъ, сдѣлавъ усиленный переходъ, сталъ на той же линіи и занялъ правую руку или арьергардъ.

Армія наша, вся вмѣстѣ состоявшая изъ 79,800 чело-вѣкъ, не считая казаковъ и молдаванъ, и по отряженіи войскъ въ Валахію и на охраненіе Сороки, Могилева и Яссъ все еще составлявшая 55,000, уже не составляла и 47,000, какъ то оказалось на смотру, сдѣланномъ 17 іюля по приказанію государя: слѣдствіе безпрестанныхъ трудовъ перенесенныхъ полками, изъ коихъ пѣхотные шли безъ отдыха отъ самаго 24 февраля (нов. ст.). По счастью, смертность пала по большей части на рекрутъ, которые видимо таяли. Это могу я доказать моими табелями, которыя я сохранилъ. Изъ всѣхъ четырехъ полковъ моей бригады, составлявшихъ 4,000 чело-вѣкъ, на семь смотру 724 оказались убывшими, изъ коихъ 56 убиты въ помянутомъ сраженіи при пикетѣ.

17-го генералу Янусу повелѣно быть готову выступить рано утромъ со всею нашею конницею и съ генералами ею начальствовавшими, и явиться за часъ передъ свѣтомъ въ палатки его царскаго величества, дабы получить отъ него приказанія касательно того похода. Какъ я имѣлъ честь приносить ему приказы и всякій день приходитъ узнавать отъ него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился къ нему. Онъ просилъ меня пріѣхать за нимъ на другой день за полтора часа до свѣту и сопроводить его къ царю, къ чему я съ охотою и приготовился. И такъ 18-го передъ свѣтомъ явились мы къ его царскому величеству.

Государь отдалъ генералу свои повелѣнія, и какъ ни онъ, ни я по-русски не разумѣли, то его величество повелѣлъ ихъ объяснить на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, и вручилъ намъ тотъ же приказъ, писанный по-русски съ лагинскимъ переводомъ на оборотѣ.

Приказъ состоялъ въ томъ, чтобы намъ идти по рѣкѣ Пруту восемь миль (или 16 льё) до того мѣста, гдѣ турки, по донесеніямъ скороходовъ или шпионовъ (*coureurs ou espions*), должны были наводить свои мосты. Если бы генераль ихъ нашель, то долженъ онъ былъ на нихъ ударить и уничтожить ихъ работу, коли только мосты не могли намъ пригодиться и которые въ нашихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ извѣстить обо всемъ государя черезъ четырехъ драгуновъ, посланныхъ черезъ полчаса одинъ послѣ другого. Въ случаѣ же, если турковъ не встрѣтимъ, то идти къ Дунаю и тамъ остановиться, о чемъ также донести.

Выслушавъ приказъ и хорошо его понявъ, мы приступили къ исполненію онаго: выступили изъ лагеря въ пять часовъ и пошли по одной линіи, эскадронъ за эскадрономъ. Экипажи наши тянулись въ другую линію, вдоль берега Прута, во избѣжаніе нечаяннаго нападенія. Мы отрядили впередъ на довольно большое разстояніе двухъ конныхъ гренадеръ съ обнаженными палашами, за ними шестеро другихъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, и подкрѣпили ихъ двумястами рейтаровъ (*maîtres?*), дабы могли они выдержать первые выстрѣлы и дать намъ время съ выгодною атаковать непріятеля. Въ такомъ порядкѣ какъ мы, такъ и нашъ обозъ, шли безъ помѣшательства и довольно скоро. Около 11-ти часовъ утра, прошедъ не болѣе какъ двѣ мили (или 4 французскихъ льё), вдругъ очутились мы, совѣмъ неожиданно, въ тѣснинѣ весьма узкой, ибо рѣка протекала ближе къ горѣ, около которой мы все еще тянулись. Генераль Янусъ, г. Видманъ (генераль-маіоръ) и я поѣхали къ передовому отряду гренадеръ, которые остановились и дали намъ знать, что чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ уже становилась дорога.

Генераль Янусъ приказалъ войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать мѣстоположеніе. Земля, непримѣтно возвышаясь, закрывала отъ насъ сторону, находившуюся передъ нами. Когда достигли мы послѣдней точки сего возвышенія, увидѣли мы предъ собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую, а вдали множество бѣлыхъ головъ, скачущихъ по долинѣ съ большою ловкостію и быстротою. Мы тотчасъ съѣхали влѣво, въ густоту деревъ, растущихъ на берегу Прута. Мы подѣхали какъ можно ближе къ непріятелю и, наконецъ, усмо-

трѣли два укрѣпленія (deux têtes-de-ponts fraisées et palissadées en forme de demilune), защищаемыя множествомъ пѣхоты, которую признали мы впослѣдствіи, по ея колпакамъ, за янычаровъ. За ними увидѣли мы два готовые моста, чрезъ которые крупною рысью переправлялась конница и соединялась съ тою, которая находилась уже въ долинѣ.

Высмотрѣвъ все добрымъ порядкомъ, всѣ вмѣстѣ и каждый особо: генераль Янусъ, Видманъ и я, возвратились рысью по той же дорогѣ и соединились съ нашими полками. Тутъ мы держали совѣтъ всѣ трое между собою, ибо генераль не имѣлъ никакой довѣренности къ князю Волконскому и къ Вейсбаху (генераль-маіорамъ), а того менѣе къ бригадиру Шенсову.

Нечего было терять времени. Мы рѣшились спѣшить нашу конницу и выстроить ее въ карре, поставя экипажи въ серединѣ. Генераль написалъ письмо къ государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерію въ арьергардъ и на оба фланга, между третьимъ и четвертымъ рядомъ (войско выстроено было въ четыре шеренги). Мы приказали артиллерійскимъ офицерамъ зарядить пушки картечью, а коннымъ гренадерамъ, составлявшимъ нашъ арьергардъ (или фронтъ карре со стороны турковъ), не стрѣлять безъ приказанія, что бы ни случилось, илечь на брюхо при первой командѣ. Когда наши 32 орудія были уставлены, тогда мы вывели изъ рядовъ слабыхъ и больныхъ солдатъ, большею частію рекрутъ, и приказали имъ держать лошадей, находившихся, какъ и экипажи, въ центрѣ карре. Мы препоручили авангардъ князю Волконскому, правый флангъ авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германіи, а лѣвый бригадиру Шенсову. Видманъ и я, по волѣ генерала, остались при его особѣ.

Отъ роду мы не видывали офицеровъ столь смущенныхъ, какъ нашихъ трехъ авангардныхъ генераловъ. Безпокойство ихъ очень забавляло насъ въ арьергардѣ и вселяло въ насъ истинную къ нимъ жалость,

Въ семь порядкѣ мы двинулись, дабы возвратиться туда, отколѣ мы пришли (?). Генераль Янусъ, Видманъ и я дивились исправности свѣдѣній, доставленныхъ его царскому величеству его шпіонами: въ двухъ миляхъ отъ лагеря находили мы два моста, наведенные и укрѣпленные,

когда предполагали найти ихъ еще только начатыми въ осьми миляхъ, и то не навѣрное. Вдругъ драгунъ, оставленный нами въ тылу, выстрѣлилъ вмѣсто сигнала и прискакалъ къ намъ. Мы скомандовали полуоборотъ направо арьергарду, полуоборотъ вправо и влѣво флангамъ и такимъ образомъ составили фронтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Только что успѣли выстроиться, какъ увидѣли мы двѣ толпы въ чалмахъ, скачущія греугольникомъ и ревущія во все горло, какъ бѣшенныя, думая насъ уничтожить. Но какъ скоро они приблизились, первый рядъ нашихъ гренадеровъ легъ на земь, и мы встрѣтили ихъ залпомъ изъ 12-ти орудій миниатюрной нашей артиллеріи, что удержало ихъ стремленіе, охладило ихъ пылкость и лишило ихъ очень многихъ товарищей. Однакожь это не помѣшало имъ насъ окружить. Но, встрѣтя со всѣхъ сторонъ отпоръ и видя, что нападать на насъ опасно, они довольствовались тѣмъ, что издали досаждали намъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и своими стрѣлами.

Здѣсь, милостивая государыня, долженъ я вамъ чисто-сердечно признаться, что, будучи приученъ къ огню шестью генеральными сраженіями и четырнадцатью осадами, при коихъ присутствовалъ я съ тѣхъ поръ, какъ служу, между прочимъ—при осадѣ Монмеліана въ 1691 и Намура въ 1692, я столько опасуюсь огня, сколько то надлежитъ человѣку доброму и твердому; но мысль о стрѣлахъ была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся ихъ, того не показывая. Однакожь, когда я увидѣлъ ихъ малое дѣйствіе, я къ нимъ привыкъ и сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на чучела, стыдясь моего паническаго страха.

Было два часа по полудни на нашихъ часахъ, какъ турки къ намъ приблизились и съ нами поздравились. Съ той поры до десяти часовъ вечера болѣе пятидесяти тысячъ ихъ сидѣли у насъ на шеѣ, не смѣя ни ударить на насъ, ни разстроить насъ. Единственный ихъ успѣхъ состоялъ въ замедленіи нашего марша. Они такъ часто насъ останавливали, что отъ двухъ часовъ до десяти прошли мы не болѣе какъ четверть мили. Ночью, однако, сдѣлали они важную ошибку, которою мы и воспользовались, не имѣя никакой охоты пропустить случай соединиться съ нашимъ центромъ, т. е. со всею арміей: они всѣ, безъ изъятія, при наступленіи ночи, ретировались въ ту сторону, откуда яви-

лись. Замѣтивъ сіе, генераль отправилъ адъютанта на лучшей своей лошади съ донесеніемъ государю обо всемъ, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ онъ честь писать его величеству. Онъ рѣшился идти ночью, какъ можно поспѣшнѣе, и мы прошли болѣе мили довольно скоро и безъ всякаго препятствія. Теперь признаюсь, что если бы господа бѣлые колпаки отрѣзали намъ дорогу, выставя предъ нами толпу своей конницы и оставя таковую же у насъ въ тылу, то мы принуждены были бы ночью стоять и, можетъ быть, не успѣли бы на другой день соединиться съ нашею арміею и были бы принуждены уступить усталости, если ужъ не силѣ.

Турки догнали насъ на разсвѣтѣ въ большей силѣ, нежели наканунѣ, но все безъ пѣхоты и безъ артиллеріи. Они безпокоили насъ стрѣльбою непрерывно. Около пяти часовъ утра увидѣли мы пѣхоту, приближающуюся къ намъ на помощь и которая гордымъ и медленнымъ своимъ движеніемъ вселила робость въ скакуновъ и наѣзdnиковъ. Генераль баронъ Денсбергъ со всею дивизіею шелъ на обезпеченіе нашего отступленія. Корпусъ его соединился съ нашимъ; онъ смѣнилъ нашихъ конныхъ гренадеръ, находившихся безпрестанно въ арьергардѣ, двумя своими гренадерскими батальонами и далъ почувствовать непріятелю непрерывнымъ и сильнѣйшимъ огнемъ, что не такъ-то легко было насъ смять и помѣшать намъ соединиться съ арміею *).

Армія его царскаго величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы къ ней возвратились съ такимъ прекраснымъ и многочисленнымъ обществомъ. Однако такъ случилось, къ величайшему нашему сожалѣнію, и едва вступили мы въ лагерь, какъ увидѣли противоположную гору, покрытую непріятельскими полками.

Генераль-фельдмаршалъ тремя пушечными выстрѣлами далъ сигналъ всей линіи выстроиться въ боевомъ порядкѣ, что и было тотчасъ исполнено. Какъ турки подступали съ лѣвой стороны, то преображенцы, семеновцы и полки ин-

*) Петръ негодовалъ на генерала Януса; въ журналѣ его сказано: „и конечно могъ оный Янусъ ихъ задержать (турковъ), ежели бѣ сдѣлалъ такъ, какъ доброму человѣку надлежитъ“. Но, какъ замѣчаетъ генераль Бутурлинъ въ исторіи русскихъ походовъ, ничто не могло помѣшать визирю перейти Прутъ повыше того мѣста и стать въ тылъ русской арміи.

германландскій и астраханскій вытерпѣли по большей части огонь непріятельскій и во весь тотъ день почти не имѣли покоя.

Я не говорилъ, милостивая государыня, о потерѣ, претерпѣнной нами во время отступленія, и, можетъ быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишкомъ счастливо. Довольно ужъ и того, что мы не погибли подъ усиліями пятидесяти тысячъ человѣкъ, сражавшихся противу восьми и менѣе. Мы лишились одного подполковника, двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ. Ранены были: подполковникъ моего полка, два поручика и триста съ чѣмъ-то драгунъ и другихъ конныхъ рядовыхъ; раны большею частію были легкія. Генераль баронъ Денсбергъ потерялъ одного пѣхотнаго полковника, о которомъ весьма сожалѣли, семь или восемь раненыхъ офицеровъ, 160 рядовыхъ убитыми и 246 ранеными; все это менѣе, нежели въ два часа съ половиною времени. Нѣтъ сомнѣнія, что весь нашъ отрядъ былъ бы истребленъ, если бы непріятель ранѣе могъ насъ замѣтить. Но онъ далъ намъ время выстроиться въ карре, что и способствовало намъ удержаться и спасло насъ отъ смерти или рабства.

Около пяти часовъ вечера, 19-го іюля, его царское величество приказалъ призвать своихъ генераловъ, дабы совѣтоваться съ ними о томъ, на что надлежало рѣшиться. Генералы Янусъ, Аллартъ, Денсбергъ, генераль-поручики Остенъ и Беркгольцъ явились, но ни одинъ изъ генераловъ русскихъ, ни изъ министровъ его величества не показался. Даже и генераль-фельдмаршала тутъ не было. Генераль Янусъ взялъ меня съ собою, и такимъ образомъ былъ я свидѣтелемъ всего, что ни происходило. На семь-то совѣтѣ генераль Янусъ представилъ его величеству о небреженіи, оказываемомъ иностраннымъ его генераламъ, къ которымъ прибѣгали только тогда, какъ дѣла были уже въ отчаянномъ положеніи. Онъ сказалъ, что онъ, будучи начальникомъ всей кавалеріи и первымъ генераломъ арміи, не былъ заранѣе увѣдомленъ о предположеніяхъ всего похода. Онъ жаловался потомъ на неуваженіе министровъ и русскихъ генераловъ и въ заключеніе сказалъ его царскому величеству, что тѣ самые люди, которые завлекли армію въ лабиринтъ, должны были и вывести ее. Всѣ иностранные генералы съ большимъ удовольствіемъ слушали генерала

Януса. Царь всячески обласкалъ его, и всѣ стали думать объ исправленіи запутаннаго положенія, въ которомъ находилась армія.

Турокъ, слишкомъ приблизившійся къ нашему лѣвому флангу во время нашего отступленія, схваченъ былъ шестью нашими конными гренадерами и приведенъ къ генералу Янусу, который приставилъ къ нему строгій караулъ и тотчасъ по вступленіи въ лагерь отослалъ его къ государю.

Плѣннаго допросили. Онъ показалъ, что турецкая армія состояла изъ ста пятидесяти тысячъ, т. е. изъ 100,000 конницы и 50,000 пѣхоты, что вся конница должна была къ вечеру соединиться, но что пѣхота, при которой находилось 160 артиллерійскихъ орудій, не могла прибыть прежде, какъ къ завтрашнему дню около полудня.

По симъ извѣстіямъ, послѣ оказавшимся достовѣрными, приняты были въ совѣтъ слѣдующія мѣры:

Положено было арміи воротиться назадъ, устроясь въ карре и оградясь рогатками: экипажи, конница и артиллерія должны были оставаться въ центрѣ, и въ такомъ порядкѣ надлежало стараться по возможности совершить небезславное отступленіе. Недостатокъ конницы болѣе всего могъ намъ повредить. Наши лошади были совсѣмъ изнурены, а турецкія свѣжи и сильны.

Отданъ былъ приказъ вслѣдствіе сихъ положеній. Армія все еще находилась въ боевомъ порядкѣ, на одной линіи, съ своими рогатками передъ собою. Повелѣно было всѣмъ генераламъ и офицерамъ уменьшить по возможности свои экипажи и жечь все, ими бросаемое.

При наступленіи ночи государь, государыня императрица, министры и весь дворъ перенеслись на правую сторону съ лѣвой, которая стала авангардомъ. Между тѣмъ готовились устроить батальонъ-карре, что и сдѣлано было въ ночь. Гора, по которой разсѣяна была турецкая конница, явилась намъ вся въ огняхъ, разложенныхъ непріателемъ.

Не нужно сказывать вамъ, что ночь эта прошла въ смятеніи и беспорядкѣ. Мы видѣли, что турки на горѣ то двигались впередъ, то шли назадъ, и не могли судить о ихъ намѣреніи иначе, какъ наугадъ. Генералъ баронъ Аллартъ, генералъ баронъ Остенъ и я занимали тотъ же постъ и на-

ходились близко другъ отъ друга. И какъ главнымъ предметомъ была для насъ гора, занимаемая непріателемъ, то мы только и старались понять, что происходило тамъ и къ чему клонились эти марши и контръ-марши, замѣченные нами передъ наступленіемъ ночи. Мы подумали, что намѣреніе непріателя было окружить нашу армію и напасть на нее со всѣхъ сторонъ. Это казалось намъ очевидно по движенію полковъ, которые возвращались къ тому мѣсту, откуда пришли, дабы обойти лѣвый нашъ флангъ и растянуться вдоль берега Прута, съ коего имѣли предосторожность снять всѣ наши посты.

Непріателю легче было судить о нашихъ движеніяхъ. Онъ стоялъ надъ нами на высотѣ, и лагерь нашъ былъ освѣщенъ, какъ среди бѣлаго дня, безчисленнымъ множествомъ фуръ и телѣгъ, сожигаемыхъ вслѣдствіе повелѣнія.

Въ эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрѣлись уже на разсвѣтѣ, и тогда только увидѣли опасность, въ которой находились. Постарались исправиться, каждый на своемъ посту. Одной только важной ошибки, сдѣланной княземъ Репнинымъ, не могли исправить прежде цѣлыхъ шести часовъ.

Генераль сей начальствовалъ правымъ флангомъ нашего карре и не разсудилъ, что, какъ ни медленно подвигалась голова отряда, хвостъ его непременно долженъ слѣдовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; онъ прошелъ усиленнымъ маршемъ, думая, что все дѣло состояло въ томъ, чтобы уйти какъ можно далѣе. Такимъ образомъ разрѣзалъ онъ флангъ, и чѣмъ далѣе подвигался, тѣмъ шире становился промежутокъ, имъ оставленный.

Экипажи, заключенные въ центрѣ, растянулись на просторѣ, полагая себя огражденными рогатками, и такъ-то растянулись, что большая часть отдѣлилась отъ батальонъ-карре и шла въ степи безъ всякаго прикрытія. Турки, замѣтивъ оплошность и видя, что экипажи составляли уголь, незащищенный никакимъ отрядомъ, скользнули вдоль праваго фланга подъ нашимъ огнемъ, отрѣзали всѣ экипажи, вышедшіе изъ батальона, и захватили ихъ. Экипажей было тутъ довольно: болѣе двухъ тысячъ пятисотъ каретъ, колясокъ, телѣгъ малыхъ и большихъ попались въ руки непріателю. Здѣсь-то, милостивая государыня, потерялъ я свою карету и весь свой обозъ. Я успѣлъ спасти только

une petite paloube съ моимъ бѣльемъ и платьемъ, доволь но порядочнымъ.

Нѣсколько дамъ были умерщвлены съ дѣтьми своими въ каретахъ. Жена полковника Ропъ, взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при пикетѣ, погибла съ тремя своими дѣтьми. Почти всѣ слуги, управлявшіе экипажами или тутъ-же замѣшавшіеся, имѣли ту же участь.

Ошибка князя Репнина была замѣчена, но слишкомъ поздно. Посланъ былъ къ нему одинъ изъ адъютантовъ его величества съ повелѣніемъ остановиться. Между тѣмъ выставили нѣсколько артиллерійскихъ орудій въ промежутокъ праваго фланга, дабы отогнать непріятеля и воспрепятствовать ему прорваться. Цѣлыхъ пять часовъ употреблено было на исправленіе ошибки, непростительной для генерала. Турки, окружавшіе насъ со всѣхъ сторонъ, съ утра самага не оставляли насъ въ покоѣ, усиливая огонь.

Это было причиною тому, что турецкая пѣхота и артиллерія въ теченіе дня успѣла насъ догнать.

Генераль баронъ Аллартъ былъ легко раненъ въ руку; зять его подполковникъ Лиенро (Lienrot) раненъ былъ смертельно близъ него, генераль-маіоръ Волконскій также. Всѣ трое были въ лѣвомъ флангѣ, на углу фронта арьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генераль-лейтенантъ баронъ Остенъ раненъ былъ въ правое плечо, что не помѣшало ему надзирать за безопасностью своего поста, гдѣ чрезвычайно стало жарко, когда догнала насъ турецкая пѣхота.

Около пяти часовъ вечера фронтъ нашего батальонъ-карре дошелъ до рѣки Прута. Его величество приказалъ остановиться и выстроиться. Арьергардъ, сдѣлавъ полуоборотъ направо, ставъ нашимъ правымъ флангомъ, а правый флангъ лѣвымъ. Едва успѣли мы произвести сіе нужное движеніе, какъ турки уперлись своими обоими флангами къ рѣкѣ и заключили насъ съ трехъ сторонъ двойною линіей, расположенной полукружіемъ. Нѣсколько времени спустя, горы, находящіяся по той сторонѣ рѣки, заняты были шведами, поляками кіевскаго палатина и буджацкими татарами.

Выстроенные въ батальонъ-карре и со всѣхъ сторонъ обращенные лицомъ къ непріятелю, мы завалили землю наши рогатки, и пока часть полковъ погребала насъ, осталь-

ная производила безпрестанный огонь на непріятеля, который съ своей стороны также укрѣплялся.

Около семи часовъ, какъ я возвращался къ генералу Янусу, начальство вавшему на правомъ флангѣ, гдѣ находился и мой постъ, исполнивъ данное имъ порученіе, я былъ раненъ пулею въ правую руку, но довольно легко, и могъ остаться на своемъ мѣстѣ, гдѣ люди падали въ числѣ нео быкновенномъ, ибо непріятельская артиллерія почти не давала промаха. Въ восемь часовъ вечера три орудія были у меня сбиты. Его величество, посѣтившій мой постъ, какъ и прочіе, приказалъ ихъ исправить въ ночь и присовокупить двѣнадцати-фунтовое орудіе.

Могу засвидѣтельствовать, что царь не болѣе себя берегъ, какъ и храбрѣйшій изъ его воиновъ. Онъ переносился повсюду, говорилъ съ генералами, офицерами и рядовыми нѣжно и дружески (*avec tendresse et amitié*), часто ихъ спрашивая о томъ, что происходило на ихъ постахъ.

При наступленіи ночи роздали намъ, по 800 на каждый полкъ, новоизобрѣтенныхъ ножей, съ трехъ сторонъ острыхъ какъ бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались въ землю; намъ повелѣли ихъ бросать не прежде, какъ когда непріятель вздумаетъ насъ атаковать. Въ эту ночь непріятель сдѣлалъ только два покушенія: одно, при свѣтѣ фейерверка, на постъ, занимаемый генераль-поручикомъ Остенъ-Сакеномъ, а другое на постъ генераль-маіора Буша. Ихъ отразили съ той и другой стороны. Они приближались снова уже на разсвѣтѣ и дали знать о себѣ безпрерывнымъ огнемъ изъ ста шестидесяти пушекъ, поддержанныхъ безпрестанной пальбою ихъ конницы и пѣхоты.

Будемъ справедливы. Генералы Янусъ, Аллартъ и Денсбергъ, генераль-поручики Остенъ и Беркгольцъ, генераль-маіоры Видманъ и Бушъ и бригадиръ Ремкинъ сдѣлали болѣе, нежели можно пересказать. Между тѣмъ, какъ русскіе начальники показывались только ночью, а днемъ лежали подъ своими экипажами, генералы иностранные были въ безпрестанномъ движеніи, днемъ поддерживая полки въ ихъ постахъ, исправляя уронъ, нанесенный непріателемъ, давая отдыхать солдатамъ наиболѣе усталымъ и смѣняя ихъ другими, находившимися при постахъ, менѣе подверженныхъ нападенію непріятеля.

Коли ночь показалась намъ коротка, потому что не были мы обезпокоены, то утро за то показалось намъ очень долгимъ, по причинѣ быстрого и безпрестаннаго непріятельскаго огня, отъ котораго много мы терпѣли, по крайней мѣрѣ на правомъ нашемъ флангѣ, со стороны фронта. Войско, приближенное къ рѣкѣ, было совсѣмъ безопасно.

Около девяти часовъ утра его величество, коему не безызвѣстно было, что иностранные генералы одни могли спасти его армію, приказалъ позвать ихъ въ центръ экипажей, гдѣ находилась его палатка. Генераль Янусъ, котораго царь приглашалъ особенно вмѣстѣ съ барономъ Остенюмъ, взялъ меня съ собою къ его величеству. Государь милостиво освѣдомился о моей ранѣ, которая очень меня безпокоила, потому что я только еще промывалъ ее виномъ, даннымъ мнѣ генераль-маіоромъ Бушемъ. У меня не было ни капли. Телѣги мои были въ числѣ тѣхъ, которыми овладѣли турки.

Государь, генераль Янусъ, генераль-поручикъ Остенъ и фельдмаршалъ держали долгое тайное совѣщаніе. Потомъ они всѣ подошли къ генералу барону Аларту, лежавшему въ каретѣ по причинѣ раны, имъ полученной, и тутъ, между каретою сего генерала и каретою баронессы Остенъ, въ которой находилась г-жа Бушъ, положено было, что фельдмаршалъ будетъ писать къ великому визирю, прося отъ него перемирія, дабы безопасно приступить къ примиренію обоихъ государей.

Трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ, и мы ожидали отвѣта, каждый на своемъ посту, какъ объявили намъ о смерти генераль-маіора Видмана.

Это была невозвратная потеря для царя. Видманъ былъ человѣкъ достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищъ и хорошій кавалерійскій офицеръ, основательно знавшій свое дѣло. Всѣ объ немъ сожалѣли, тѣмъ болѣе, что онъ находился не на своемъ посту: онъ служилъ въ дивизіи генерала Рене и долженъ былъ бы съ нимъ отправиться въ Валахію, если бъ его царское величество не оставилъ его въ своей арміи, изъ уваженія къ нему.

Не прошло и двухъ часовъ по отъѣздѣ трубача, какъ увидѣли мы, что онъ возвращается съ агою янычаровъ. Турокъ прибылъ на постъ, гдѣ находился генераль-поручикъ Беркгольцъ, и сказалъ ему на арабскомъ языкѣ, на

которомъ Беркгольцъ изъяснялся хорошо, что великій визирь соглашался на требуемое перемиріе и давалъ намъ знать, чтобъ мы прекратили нашъ огонь (что и съ ихъ стороны будетъ учинено), и чтобъ мы присылали комиссаровъ для переговоровъ о мирѣ.

Мы не дождались повелѣній генераль-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своемъ посту, и въ минуту на той и другой сторонѣ водворилось спокойствіе.

Не прошло двухъ часовъ со времени, что перемиріе было объявлено и что баронъ Шафировъ отправился въ лагерь великаго визиря въ качествѣ комиссара съ препорученіемъ трактовать о мирѣ, какъ увидѣли мы всю турецкую армію около нашихъ рогатокъ: турки пріѣхали насъ навѣстить и полюбоваться нами въ нашей клѣткѣ. Наконецъ они такъ приблизились, что генералы наши возымѣли подозрѣніе, особенно генераль Янусъ, который послалъ г-на Беркгольца къ великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться въ окопы и учредить караулы для удержанія турокъ въ повиновеніи, что, съ нашей стороны, должны были сдѣлать и мы.

Генераль-лейтенантъ Беркгольцъ возвратился съ тѣмъ же янычарскимъ агою, который однимъ словомъ погналъ всю турецкую армію въ ея окопы. Онъ разставилъ потомъ караулы (vedettes) со стороны ихъ, а мы съ нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изъ всѣхъ армій, которыя удалось мнѣ только видѣть, никогда не видывалъ я ни одной прекраснѣе, величественнѣе и великолѣпнѣе арміи турецкой. Эти разноцвѣтныя одежды, ярко освѣщенные солнцемъ, блескъ оружія, сверкающаго на подобіе безчисленныхъ алмазовъ, величавое однообразіе головного убора, эти легкіе, но завидные кони — все это на гладкой степи, окружая насъ полумѣсяцемъ, составляло картину невыразимую, о которой, не смотря на все мое желаніе, я могу вамъ дать только слабое понятіе.

Когда увидѣли, что дѣло клонилось къ миру не на шутку, мы отдохнули, перемѣнили бѣлье и платье. Вся наша армія походила на трубочистовъ: потъ, пыль и порохъ такъ покрывали насъ, что мы другъ друга ужъ не узнавали. Менѣе нежели черезъ три часа всѣ явились въ золотѣ, всякій одѣлся какъ можно великолѣпнѣе.

22-го вечеромъ узнали черезъ барона Шафирова, прибывшаго изъ турецкаго лагеря для объясненій съ его величествомъ о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ и черезъ часть уѣхавшаго обратно, что все шло хорошо и что, конечно, миръ будетъ заключенъ.

Не могу, милостивая государыня, здѣсь не упомянуть о благоразумномъ поступкѣ, который заставилъ насъ уважать турецкій народъ. Какой-то спаги, или, что все равно,— всадникъ, перешелъ за указную черту и явился близъ моего поста, гдѣ прогуливался я съ сыномъ барона Денсберга, подполковникомъ въ бѣлозерскомъ полку, и съ генераль-маіоромъ Вейсбахомъ.

Этотъ спаги говорилъ что-то нашимъ драгунамъ, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею и полагая, что мы понимали его нарѣчіе. Офицеръ, развѣзжавшій около ихъ лагеря, замѣтилъ, что спаги перешелъ за положенную черту, и, давая знакъ возвратиться въ лагерь, съ твердостью выговаривалъ ему. Спаги его не послушался; офицеръ, послѣ двукратнаго требованія, приблизился къ нему молча и махомъ своей сабли чисто отрубилъ руку, которая упала съ саблею къ нашимъ ногамъ; потомъ, продолжая путь свой съ тѣмъ же хладнокровіемъ, простился съ нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не сталъ тратить времени и ускакалъ во весь опоръ, оставя руку и саблю у ногъ молодого Денсберга. Сей поступокъ невѣрнаго служить урокомъ для христіанъ, съ какою строгостію должно хранить свое слово, данное и непріятелямъ.

22-е и 23-е числа прошли въ нетерпѣливомъ ожиданіи столь нужнаго и столь желаемаго мира. Положеніе, въ которомъ мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство — не было середины. Намъ должно было выбрать изъ двухъ одно, если бѣ великій визирь сдѣлалъ свое дѣло и служилъ съ усердіемъ государю своему. Надлежало ему только быть осторожнымъ, укрѣпляться въ окопахъ и оставаться въ бездѣйствіи. Армія наша не имѣла провіанта; пятый день большая часть офицеровъ не ѣли хлѣба; тѣмъ паче солдаты, которые пользуются меньшими удобствами. Лошади были изнурены (*étaient depuis le même temps au filet*); нѣкоторые генералы имѣли при себѣ нѣсколько кулей овса и кое-какъ поддерживали лошадей; остальные же кони лизали землю и были

такъ изнурены, что когда пришлось употребить ихъ въ дѣло, то не знали, сдѣлать ли, запрягать ли ихъ, или нѣтъ.

Вечеромъ 23 іюля (по старому стилю) бригадиры получили приказъ отобрать розданные ножи, по 800 на каждый полкъ, и побросать ихъ ночью въ рѣку черезъ надежныхъ офицеровъ. Узнали также, что въ артиллерійскомъ паркѣ зарыто было множество пороху, бомбъ, гранатъ и ядеръ, также и оружія, предварительно сломаннаго, что предвѣщало намъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ

Наконецъ, милостивая государыня, 24-го увидѣли мы одну изъ придворныхъ повозокъ (ракоубе), въ которой везли на 200,000 червонцевъ золота и вещей, обѣщанныхъ барономъ Шафировымъ въ подарокъ великому визирю. Въ полдень его царское величество чрезъ своего генералъ-адъютанта объявилъ всѣмъ генераламъ, что онъ заключилъ съ Портою твердый, непоколебимый и вѣчный миръ, и приказалъ дать знать о томъ всѣмъ офицерамъ и рядовымъ своей арміи.

Если бы сказали намъ 22-го іюля утромъ, что миръ заключенъ будетъ такимъ образомъ 24-го, то всякій почелъ бы, конечно, мечтателемъ и сумасшедшимъ того, кто бѣ осмѣлился ласкать насъ надеждою на такое несбыточное счастье. Я помню, что когда трубачъ генерала Януса отправился съ письмомъ фельдмаршала, въ которомъ просилъ онъ перемирія, генералъ сказалъ намъ, возвращаясь къ нашимъ постамамъ, что тотъ, кто завелъ его царское величество въ это положеніе, долженъ былъ быть величайшимъ безумцемъ всего свѣта; но что если великій визирь приметъ наше предложеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ, то это первенство принадлежитъ ему. Богу угодно было, чтобъ генералъ невѣрныхъ ослѣпленъ былъ блескомъ двухъ сотъ тысячъ червонцевъ, для спасенія великаго множества честныхъ людей, которые, поистинѣ, находились въ рукахъ турковъ.

Въ часъ пополудни отгоманы обнародовали миръ, и почти въ то же время фельдмаршалъ отдалъ приказъ арміи выступить въ походъ въ шесть часовъ вечера, въ новомъ боевомъ порядкѣ, коего планъ розданъ былъ всѣмъ генераламъ, дабы каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Войско должно было выступить изъ лагеря съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ флейтами передъ каждымъ полкомъ.

Не нужно было приказывать офицерамъ, у коихъ оставались еще экипажи, ихъ облегчить: необходимость и такъ ужъ того требовала. Множество добра побросали въ лагерьъ, ибо лошади едва таскались, изнуренныя и чуть живыя.

Прежде, нежели оставимъ лагерь, вы позволите, милостивая государыня, исчислить вамъ потерю обѣихъ армій въ эти четыре дня. Достоверно, что его царское величество лишился не болѣе, какъ 8,000 человекъ убитыми. Изъ генераловъ убитъ одинъ г. Видманъ; два полковника, пять подполковниковъ, 18 капитановъ и 26 нижнихъ чиновъ раздѣлили съ нимъ ту же участь. Турки чистосердечно признались намъ, что они потеряли убитыми 8,900 человекъ, между прочимъ, одного любимца ихъ султана и множество офицеровъ.

24-го, въ шесть часовъ вечера, армія выступила въ походъ центромъ праваго фланга. Четыре батальона, въ немъ находившіеся, составляли фронтъ подъ командою генерала барона Денсберга, генераль-майора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (Moreau de Brasey, comte de Lion en Beauce). Прочіе генералы слѣдовали по старшинству; Адамъ Вейде и князь Голицынъ составляли арьергардъ, а солдаты несли рогатки, какъ и во время сраженія. Армія, составляя батальонъ-карре, гордо прошла мимо турковъ, выстроенныхъ въ одну линію по долинѣ, по лѣвую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который былъ отъ насъ вправо, а горы влѣво.

Одинъ французскій инженеръ, по имени Терсонъ, человекъ самый честный, уважаемый царемъ и русскими, пріятель всего свѣта, удостоверялъ меня, что есть люди, имѣющіе вѣрныя предчувствія о своей смерти. Сей французъ подружился со мною въ Ригѣ, гдѣ я узналъ его; и когда, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ, встрѣтились мы въ той же арміи, онъ часто дѣлалъ мнѣ честь навѣщать меня и довольствоваться моею хлѣбомъ-солью. Въ тотъ день, какъ возвратились мы въ лагерь, въ сопровожденіи непріятелей, онъ ко мнѣ пришелъ поздравить меня съ достославнымъ нашимъ отступленіемъ и съ тѣмъ, что генераль Янусъ благосклонно отзывался ему обо мнѣ, радуясь, что въ семъ случаѣ имѣлъ меня при себѣ. Я отвѣчалъ, что генераль Янусъ отдавалъ свои приказанія съ такою ясностію, что офицеру, какъ бы тупо ни было его понятіе, невозможно

было ихъ не выполнить. Умирая съ голоду, я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ то, что могъ еще найти годнаго въ моихъ запасахъ, и Терсонъ послѣдовалъ моему примѣру. Тутъ открылъ онъ мнѣ за тайну, что ему изъ Молдавіи не выйти и что онъ оставить въ ней свои кости. Я всячески старался разсѣять его мрачное предчувствіе, но тщетно. Заключили миръ; армія выступила. Терсонъ прибылъ къ моему посту и ловольно долго со мною разговаривалъ. Я сталъ смѣяться надъ его предчувствіемъ, доказывая его ложность, ибо миръ былъ заключенъ. Онъ отвѣчалъ, что генераль Янусъ, которому также онъ открылся, дѣлалъ ему то же разсужденіе, но что онъ и мнѣ дастъ тотъ же отвѣтъ, какъ и генералу, именно—что онъ изъ Молдавіи еще не вышелъ, и что мы успѣемъ надъ нимъ посмѣяться, когда войско перейдетъ за Днѣстръ. Нѣсколько времени спустя, онъ меня оставилъ и поѣхалъ къ генералу Янусу, который, страдая подагрой, ѣхалъ въ каретѣ вдоль праваго фланга во ста шагахъ отъ фронта. Поговоривъ съ нимъ немного, онъ оставилъ его по нѣкоторой нуждѣ. Одинъ изъ татаръ, слѣдовавшихъ за нашей арміей, въ намѣреніи что-нибудь подцѣпить, проскакавъ мимо его, воткнулъ въ него копье и оставилъ его мертвымъ, не снявъ даже съ него шляпы. Генераль Янусъ послалъ за мною своего адъютанта и показалъ мнѣ его тѣло, принесенное къ батальону гренадерами, и которое было еще тепло. Мы жалѣли объ немъ отъ всего сердца и дивились, между тѣмъ, предчувствіямъ, которыя я оспаривалъ съ упрямствомъ. Фельдмаршалъ послалъ трубача къ великому визирю съ жалобою на нарушеніе условій. Трубачъ возвратился ночью съ предписаніемъ вѣшать всѣхъ татаръ, которые попадутся намъ въ руки, гоняясь за нашей арміей.

При совершенномъ наступленіи ночи, его царское величество велѣлъ остановиться батальону-карре. Мы выстроились какъ можно исправнѣе. Мы расположились на бивакахъ. Ночлегъ былъ кратокъ и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что вы находите меня нечувствительнымъ въ отношеніи къ вашему полу, ибо до сихъ поръ не говорилъ я вамъ о всемъ, что претерпѣли дамы, находившіяся въ нашей арміи? Вообразите ихъ себѣ, милостивая государыня, посреди ужасовъ четырехъ-дневнаго сраженія, подверженныхъ тѣмъ же опасностямъ, какъ и мы; кареты ихъ прострѣлены были пулями, разбиты пушечными ядрами, и

эти милыя дамы должны были попасться въ плѣнъ, если не погибнуть въ нечаянномъ нападеніи, коего мы только и опасались. Не знаю, болѣе ли онѣ страдали во время битвы, нежели радовались о своемъ избавленіи; но знаю, что генераль-маіорша Бушъ, три недѣли послѣ, не могла еще оправиться отъ страха, ею претерпѣннаго въ тѣ четыре дня, какъ мы имѣли дѣло съ турками.

Какъ объ условіяхъ мира хранили глубокое молчаніе, то мы (иностранцы) никого и не спрашивали, а разсуждали о нихъ между собою, не сомнѣваясь, чтобъ они не были весьма тягостны для его царскаго величества. Однако мы узнали обо всемъ въ походѣ (25-го іюля) и совсѣмъ неожиданнымъ для насъ образомъ.

Армія выступила въ походъ на разсвѣтѣ съ экипажемъ, уменьшеннымъ по крайней мѣрѣ двумя третями. Въ полдень пришли мы въ тѣснину, гдѣ мы такъ долго простояли въ началѣ нашего похода. Я былъ одинъ изъ начальниковъ авангарда или фронта нашего батальонъ-карре, который, для большей удобности экипажей, раздѣлился при входѣ въ тѣснину. Мы первые прибыли въ долину, находящуюся за тѣсною: мѣсто пріятное, окруженное густыми деревьями и огражденное слѣва высокими, лѣсистыми горами, а справа рѣкою Прутомъ, разливающимъ на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Тамъ настигли меня сначала генераль-маіоръ Бушъ, а вслѣдъ за нимъ генераль баронъ Остенъ. Всѣ трое мы проголодались. Карета госпожи Бушъ ѣхала невдалекѣ. Мужъ ея послалъ спросить, нѣтъ ли у ней, чѣмъ бы намъ пообѣдать. Эта милая дама прислала намъ бутылку венгерскаго вина, четыре холодныхъ цыпленка, хлѣба довольно черстваго, но все жъ хлѣба, и мы, при приближеніи такого сильнаго сикурса, избрали мѣстоположеніе и стали работать съ одинаковою жадностію. Бутылка нашлась недостаточной для утоленія нашей жажды: мы послали за подкрѣпленіемъ, которое и было намъ доставлено съ тою же любезностію. Только что мы кончили нашъ обѣдъ, фельдмаршалъ на насъ наѣхалъ и попросилъ насъ угостить трехъ пашей, присланныхъ отъ великаго визиря къ его царскому величеству, пока мѣсть государь не дастъ отвѣта. Мы къ нимъ отправились. Одинъ изъ нихъ говорилъ хорошо по-нѣмецки и еще лучше по-латыни. Онъ достался на мою долю; друзья мои

довольствовались оба однимъ изъ остальныхъ, говорившимъ только по-нѣмецки. Въ минуты первыхъ привѣтствій слуги фельдмаршальскіе разбили шатеръ, постлали наземь коверъ турецкій, на который усадили мы нашихъ трехъ пашей. Они сѣли, сложивъ ноги крестомъ, и велѣли принести себѣ трубки, коихъ чубуки столь были длинны, что головки ихъ лежали на землѣ.

Сначала разговоръ нашъ былъ общій. Они сказали намъ, что великій визирь послалъ ихъ предложить его царскому величеству 2,000 человѣкъ спаговъ для отогнанія татаръ, насъ преслѣдующихъ, и изъ коихъ шестеро ночью были пойманы, не считая тридцати, убитыхъ нашими конными гренадерами. Наконецъ паша, говорившій по-латыни, коль скоро узналъ, что я французъ, подозвалъ меня къ себѣ и громко объявилъ, что французы были пріатели туркамъ. Тогда, вступивъ въ частныя разсужденія, я спросилъ у него, по какой причинѣ и на какихъ условіяхъ заключили они миръ. Онъ отвѣчалъ, что твердость наша ихъ изумила, что они не думали найти въ насъ столь ужасныхъ противниковъ; что, судя по положенію, въ которомъ мы находились, и по отступленію, нами совершенному, они видѣли, что жизнь наша дорого будетъ имъ стоить, и рѣшились, не упуская времени, принять наше предложеніе о перемиріи, дабы насъ удалить. Онъ объявилъ, что въ первые три дня артиллерія наша истребила и изувѣчила множество изъ ихъ единоземцевъ, что у нихъ было 8,000 убитыхъ и 8,000 раненыхъ, и что они поступили благоразумно, заключивъ миръ на условіяхъ почетныхъ для султана и выгодныхъ для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться съ похвалою о нашей арміи, я не сталъ скромничать и, признаюсь, отъ роду не хвасталъ я съ такимъ усердіемъ и не встрѣчалъ подобной довѣренности. Потомъ я сказалъ ему, что, будучи доволенъ изъясненіемъ причинъ, по которымъ заключили они миръ, я хотѣлъ бы знать и условія онаго; онъ охотно исполнилъ мое желаніе, выпивая кофе, который между тѣмъ имъ подносили. И вотъ они, сіи условія, которыя тѣмъ болѣе изумили меня, что, основываясь на предложеніяхъ, показанныхъ мнѣ въ Ригѣ Левенвольдомъ, я полагалъ короля шведскаго истинною причиною войны.

1) Его царское величество возвратить туркамъ Азовъ, срывъ новыя укрѣпленія онаго, также и крѣпости, выстроеныя имъ по берегу.

2) Флотъ свой и морское войско переведеть онъ въ Воронежъ и не будетъ имѣть другой, ближайшей пристани къ Черному морю, кромѣ Воронежской.

3) Казакамъ возвратить ихъ старинную вольность, а Польшѣ Украину Польскую, также какъ и Эльбингъ и другіе города, имъ захваченные.

4) Выведеть безъ изыятія всѣ полки, находящіяся въ разныхъ частяхъ Польши, и впредь ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ случаѣ не введеть ихъ обратно самъ или черезъ своихъ генераловъ.

5) Наконецъ его царское величество дастъ королю шведскому свободный пропускъ въ его государство, даже, въ случаѣ нужды, и черезъ свои владѣнія, съ конвоемъ, который данъ будетъ отъ султана; также не станетъ никакимъ образомъ тревожить короля во время проѣзда его черезъ польскія владѣнія, обязуясь, въ то же время, удержать и Фридерика-Августа, курфирста саксонскаго, отъ всякаго неприязненнаго покушенія, какъ на особу короля, такъ и на конвой, его сопровождающій.

Таковы были условія мира, столь полезнаго и столь нужнаго для славы его царскаго величества. Прибавьте къ тому и 200,000 червонцевъ, подаренныхъ великому визирю (что подтверждено мнѣ было моимъ пашею).

Онъ сказалъ мнѣ, что спустя часъ по отступленіи арміи нашей, шведскій король переѣхалъ черезъ Прутъ на челнокѣ, сдѣланномъ изъ выдолбленнаго пня, пустивъ лошадь свою вплавь, и самъ-шесть прискакалъ въ лагерь великаго визиря; что король говорилъ ему съ удивительною гордостью и между прочимъ сказалъ, что „если одинъ изъ его генераловъ вздумалъ бы только заключить таковой миръ, то онъ отрубилъ бы ему голову, и что ему, визирю, должно того же ожидать отъ султана“. На всю эту брань великій визирь отвѣчалъ только то, что онъ имѣлъ отъ султана приказаніе, и что онъ ничего не дѣлалъ безъ согласія одного министра (de Sa Hautesse), находящагося въ его лагерьѣ, и своего военного совѣта.

Мы разговаривали обо всемъ этомъ, какъ фельдмаршалъ пришелъ имъ объявить, что его величество прини-

маетъ учтливое предложеніе великаго визиря. Паши откланялись, взявъ съ собой шестерыхъ татаръ, схваченныхъ нами ночью, и отослали ихъ связанныхъ къ великому визирю для примѣрнаго наказанія.

Я всегда воображалъ себѣ турковъ людьми необыкновенными; но мое доброе о нихъ мнѣніе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ я на нихъ посмотрѣлся. Они большею частію красивы, носятъ бороду, не столь длинную, какъ у капуциновъ, но снизу четырехугольную, и холятъ ее, какъ мы холимъ лошадей. Эти паши, хотя всѣ трое разнаго цвѣта, имѣли красивѣйшія лица. Тотъ, съ которымъ я разговаривалъ, признался мнѣ, ему было шестьдесятъ три года, а на взглядъ нельзя было ему дать и сорока пяти.

Армія наша, разстроившая батальонъ-карре при входѣ въ тѣснину, раздѣлилась въ долину, находящейся при выходѣ изъ оной. Его царское величество съ преображенцами-семеновцами, астраханцами и ингерманландцами сталъ въ авангардѣ, въ двухъ миляхъ отъ тѣсны. Генераль-лейте, нантъ Брюсъ съ артиллеріей и дивизія князя Репнина слѣдовали за его величествомъ и расположились лагеремъ въ полуторѣ мили; генераль баронъ Денсбергъ въ одной милѣ; генераль баронъ Аллартъ въ полумилѣ съ кавалеріей, которою командовалъ онъ по приказанію его величества, ибо г-нъ Янусъ страдалъ въ это время подагрой. Дивизія же Адама Вейде осталась при выходѣ изъ тѣсны. Двухъ-тысячный турецкій отрядъ раздѣлился на три части: одна осталась въ тылу арміи, а двѣ другія расположились по ея флангамъ. Въ такомъ расположеніи и наблюдая все тѣ же дистанціи, мы пошли на Яссы, гдѣ надѣялись найти всѣ запасы, нужные для обратнаго нашего похода черезъ степи. Мы достигли сего города въ шесть переходовъ, каждый въ четырехъ миляхъ состоявшій. Тамъ оставались мы четыре дня и запаслись всѣмъ, что могли только найти.

Много претерпѣлъ бы я во время сего перехода, если бы генераль баронъ Аллартъ, зная, что я потерялъ мой экипажъ, не снабдилъ меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасною палаткой съ ея маркизою. А какъ въ повозочкѣ моей (*paloube*) съ одеждой и бѣльемъ находилась и постель, то я въ своемъ несчастіи почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Давъ четырехъ-дневный отдыхъ своей арміи и собравъ

запасы для перехода через степи, его царское величество повелъ насъ вдоль Прута до Станопа (Stanope), по дорогѣ не столь трудной и дальней, какъ Сороцкая. Въ Станопѣ мы стояли опять четыре дня, по той причинѣ, что его величество приказалъ навести одинъ только мостъ для переправы своей арміи.

Здѣсь разстались мы съ тремя пашами и съ ихъ отрядомъ. Дорогой имѣлъ я честь нѣсколько разъ съ ними разговаривать, а однажды и обѣдать вмѣстѣ у генераль-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису, варенаго на молокѣ, и наѣлись его, насыпавъ кучу сахару. Мы никакъ не могли заставить ихъ пить венгерскаго вина, какъ ни просили; они предпочитали кофе, сваренный по ихъ обычаю, и который пили они цѣлый день.

Отъ Станопа армія въ четыре дня пришла къ Могилеву на Днѣстръ, куда прибылъ ужъ Сороцкій гарнизонъ, истребивъ мостъ и наружныя укрѣпленія города. Новый мостъ, который должно было навести на Днѣстрѣ, задержалъ насъ тутъ еще восемь дней. Буджацкіе татары вздумали было насъ беспокоить. Казачій полковникъ заманилъ ихъ по своему въ засаду. 160 были убиты, шестеро взяты въ плѣнъ, и фельдмаршалъ велѣлъ ихъ повѣсить всѣхъ на одномъ деревѣ, на самой высокой изъ сосѣднихъ горъ, дабы устрашить тѣхъ, которые вздумали бы опять насъ беспокоить въ нашемъ лагерѣ или фуражировкѣ, что не переставали они чинить съ нами отъ самаго Станопа.

Мостъ былъ готовъ, и армія спокойно переправилась въ трое сутокъ. Шестъ батальоновъ гренадеръ остались въ арьергардѣ лагеря, изъ опасенія, чтобъ татары, кроющіеся въ горахъ, не потревожили переправы нашихъ послѣднихъ полковъ. Но они оказались болѣе благоразумными, нежели мы предполагали; проученные послѣднею своею неудачей, они уже не показывались, и отступление наше совершилось со всевозможнымъ спокойствіемъ.

Во время нашего пребыванія въ лагерѣ за Днѣстромъ, въ Подоліи, его царское величество пожелалъ узнать въ точности потерю, имъ понесенную въ сей краткій, но трудный походъ. Приказано было каждому бригадиру представить къ слѣдующему утру подробную опись своей бригадѣ, опредѣливъ состояніе оной въ первый день вступленія нашего въ Молдавію и то, въ которомъ находилась она въ день

отданнаго приказа. Воля его царскаго величества была исполнена: изъ 79,800 людей, состоявшихъ на лицо при вступленіи нашемъ въ Молдавію, если вычесть 15,000, находящихся въ Валахіи съ генераломъ Рене, оставаться надлежало 63,800, но оказалось только 37,315. Вотъ все, что вышло изъ Молдавіи. Прочіе остались на удобреніе сей бесплодной земли, отчасти истребленные огнемъ непріятельскимъ, но еще болѣе поносомъ и голодомъ.

На третій день нашего пребыванія въ новомъ лагерѣ, куда припасы изобильно стекались изъ Каменца и другихъ городовъ подольскихъ, государь, императрица, свита ихъ и министры (за исключеніемъ барона Шафирова и Шереметева, оставленныхъ въ лагерѣ турецкомъ заложниками мира) отправились incognito въ десять часовъ вечера, подъ прикрытіемъ одного только гвардейскаго эскадрона, къ Ярославу. Тамъ, по приказанію государя, приготовлены были суда, на которыхъ онъ Вислюю отправился въ Торнъ, гдѣ императрица, въ то время бременная на седьмомъ мѣсяцѣ, располагалась родить. Это былъ первый ея ребенокъ съ того времени, когда она признана была императрицей: честь, коей она достойна болѣе многихъ принцессъ, которыя должны бы краснѣть отъ стыда, видя, что женщина ничтожнаго происхожденія (*une femme de rien*), безо всякаго образованія, не воспитанная въ чувствахъ величія и душевной возвышенности, свойственныхъ высокому рожденію, поддерживаетъ санъ императорскій со всею честію, величіемъ и умомъ, какихъ можно было бы только ожидать отъ самой знатнѣйшей крови.

На другой день отъѣзда его величества, фельдмаршалъ съ всею арміею выступилъ въ походъ и остановился лагеремъ въ Шарградѣ, куда по его приказанію, съѣхались всѣ генералы изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они находились; ибо армія была распредѣлена по разнымъ направленіямъ для удобства продовольствія и фуражировки.

Когда генералы собрались въ палаткахъ фельдмаршала онъ объявилъ имъ, что его царское величество, заключивъ миръ съ турками, не имѣлъ уже надобности въ столь великомъ числѣ генераловъ, что онъ имѣлъ повелѣніе государя отпустить тѣхъ изъ нихъ, которые, по ихъ большому жалованью, наиболѣе были ему тягостны, что онъ именемъ его царскаго величества благодарить ихъ за услуги, ими

оказанныя, особенно въ сей послѣдній походъ; потомъ онъ роздалъ абшиды генераламъ, коимъ прилагаю здѣсь списокъ, включая въ томъ числѣ тѣхъ, которые оставили службу его величества съ 1-го января 1711 г.

Списокъ генераламъ, отпущеннымъ его царскимъ величествомъ или оставившимъ его службу безъ отпуска.

Фельдмаршалъ генераль-лейтенантъ Гольцъ отошелъ безъ отпуска, не получивъ 60,000 экю и болѣе должнаго ему жалованья.

Генераль Янусъ отошелъ безъ отпуска по той же причинѣ.

Генераль баронъ Денсбергъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генераль-лейтенантъ баронъ Остенъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генераль-лейтенантъ Беркгольцъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генераль-лейтенантъ Ностицъ, эльбингскій комендантъ, отошелъ безъ абшида, самовольно удовлѣтворивъ себя 50,000 экю, которые считалъ за государемъ.

Бригадиръ графъ де-Фризь отошелъ безъ отпуска.

Бригадиръ Моро-де-Бразе (*compte de Lion en Beauce*) отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ Бозъ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ баронъ Ремкингъ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ графъ Ламберти отпущенъ съ абшидомъ.

Баронъ Денсбергъ, кавалерійскій полковникъ, отпущенъ также съ абшидомъ.

Полковникъ отъ инфантеріи Миропсъ отпущенъ также съ абшидомъ.

На слѣдующій же 1712 г. отпущены съ абшидомъ генераль баронъ Аллартъ и генераль-лейтенантъ Флюгель.

14 иностранныхъ полковниковъ отпущено съ абшидомъ, нѣкоторые же отошли сами.

22 полковника отпущены съ абшидомъ, отчасти отошли.

156 капитановъ отпущены или отошли сами.

Фельдмаршалъ не слишкомъ много истратилъ денегъ. отпуская всѣхъ сихъ офицеровъ, ибо никому ничего не заплатилъ: и до сихъ поръ за нимъ пропадаетъ жалованья

моего за тринадцать мѣсяцевъ *), по 130 руб. на мѣсяць (рубль стоилъ 5 франц. ливровъ): я получалъ 70 рублей какъ бригадиръ, 40 какъ полковникъ и 20 какъ капитанъ.

Генераль баронъ Денсбергъ имѣлъ ужасную схватку съ фельдмаршаломъ касательно денегъ; но это ни къ чему не послужило. Дѣлать было нечего; мы рѣшились терпѣть. Генераль баронъ Денсбергъ, генераль-лейтенантъ баронъ Остенъ и я отправились вмѣстѣ черезъ Satapore (Тарнополь) (гдѣ мы встрѣтили полки генерала Рене, возвращающіеся изъ Валахіи, и которые тамъ обогатились въ той же мѣрѣ, какъ мы обнищали) и потомъ, черезъ Замосць, въ Леополь, гдѣ цѣлый мѣсяць отдыхали отъ трудовъ нашего сумасброднаго похода. Въ семъ-то городѣ познакомился я съ госпожею коронною старостиной и ея сестрою, госпожею великой хорунжиною. Обѣ онѣ сестры великому коронному гетману Синявскому. Сии дамы оказали мнѣ множество вѣжливостей; между прочимъ, получилъ я отъ старостины прекраснаго испанскаго табаку, который оживилъ мой носъ, совсѣмъ изнемогавшій безъ сей благодѣтельной помощи, для меня необходимой.

Изъ Леополя мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ отдыхали еще одинъ мѣсяць. Оттуда Вислою отправился я съ барономъ Остеномъ и его супругою въ Данцигъ, гдѣ нашелъ я свою жену и семейство свое, умноженное одною наслѣдницею, милымъ и прекраснымъ ребенкомъ.

*) Кажется, слышишь храбраго капитача Dalgerty, жалующагося на недоимки и неисправность въ платежѣ жалованья. А. П.

II.

Статьи и замѣтки

КРИТИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ

1819 — 1836.

I.

Мои замѣчанія объ Русскомъ театрѣ.

(1819).

Должно ли сперва поговорить о себѣ, если захочешь поговорить о другихъ? Нужна ли старая маска Лужническаго пустычника ¹ для безымяннаго критика Исторіи К.? Должно ли укрываться въ чухонскую деревню, дабы сравнивать нѣмку Ленору съ шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою? ² Ужели, наконецъ, необходимо для любителя франц. акт. и ненавистника русск. театра прикинуться кривымъ и безрукимъ инвалидомъ, какъ будто потерянный глазъ и оторванная рука даютъ полное право и криво судить и не умѣть писать по-русски? Думаю, что нѣтъ, и потому не прилагаю здѣсь ни своего послужнова списка, ни свидѣтельства о рожденіи, ни росписи своимъ знакомымъ и друзьямъ, ни собственной апологіи. Читатель, которому до меня нѣтъ никакой нужды, этимъ нимало не оскорбится, и если ему нечего дѣлать, то пробѣжитъ мои *замѣчанія объ Русскомъ Театрѣ*, не заботясь, по какому поводу я ихъ написалъ и напечаталъ.

Публика образуетъ драматическіе таланты. Что такое наша публика?

Предъ началомъ оперы, трагедіи, балета молодой человѣкъ гуляетъ по всѣмъ десяти рядамъ кресель,

ходить по всѣмъ ногамъ, разговариваетъ со всѣми знакомыми и незнакомыми. „Откуда ты?“ — „Отъ Сем..., отъ Сосн..., отъ Кол..., отъ Ист...“ — „Какъ ты счастливъ!“ — „Сегодня она поетъ — она играетъ — она танцуетъ — похлопаемъ ей — вызовемъ ее! она такъ мила! у ней такіе глаза! такія ножки! такой талантъ!“ — Занавѣсъ подымается. Молодой человѣкъ, его пріятели, переходя съ мѣста на мѣсто, восхищаются и хлопаютъ. Не хочу здѣсь обвинять пылкую, вѣтреную молодость: знаю, что она требуетъ снисходительности. Но можно ли полагаться на мнѣнія таковыхъ судей?

Часто пѣвецъ или пѣвица, заслужившіе любовь нашей публики, фальшиво дотягиваютъ арію Боэльдые или della Maria. Знатоки примѣчаютъ, любители чувствуютъ; они молчатъ изъ уваженія къ таланту. *Прочіе* хлопаютъ изъ довѣренности и кричатъ *форо* изъ приличія.

Трагическій актеръ зареветъ громче, сильнѣе обыкновеннаго; оглушенный раекъ приходитъ въ изступленіе, театръ трепещетъ отъ рукоплесканій.

Актриса... Но довольно будетъ, если скажу, что невозможно цѣнить таланты нашихъ актрисъ по шумнымъ одобреніямъ нашей публики.

Еще замѣчаніе. Значительная часть нашего партера (т. е. кресель) слишкомъ занята судьбою Европы и отечества, слишкомъ утомлена трудами, слишкомъ глубокомысленна, слишкомъ важна, слишкомъ осторожна въ изъявленіи душевныхъ движеній, дабы принимать какое-нибудь участіе въ достоинствѣ драматическаго искусства (къ тому же — русскаго), и если въ половинѣ седьмого часа одни и тѣ же лица являются, изъ казармъ и совѣта, занять первые ряды кресель, то это болѣе для нихъ условный

этикетъ, нежели пріятное отдохновеніе. Ни въ какомъ случаѣ невозможно требовать отъ холодной ихъ разсѣянности здравыхъ понятій и сужденій, и того менѣе — движенія какого-нибудь чувства. Слѣдовательно, они служатъ только почтеннымъ украшеніемъ Большаго Каменнаго театра, но вовсе не принадлежать ни къ толпѣ любителей, ни къ числу просвѣщенныхъ или пристрастныхъ судей.

Еще одно замѣчаніе. Сіи великіе люди нашего времени, носящіе на лицѣ своемъ однообразную печать скуки, спеси, заботъ и глупости, неразлучныхъ съ образомъ ихъ занятій, сіи всегдашніе передовые зрители, нахмуренные въ комедіяхъ, зѣвующіе въ трагедіяхъ, дремлющіе въ операхъ, внимательные, можетъ быть, въ однихъ только балетахъ, не должны ли необходимо охлаждать игру самыхъ ревностныхъ нашихъ артистовъ и наводить лѣнь и томность на ихъ души, если природа одарила ихъ душою?

Но посмотримъ, достойны ли русскіе актеры такого убійственнаго равнодушія. Разберемъ отдѣльно трагедію, комедію, оперу и балетъ и постараемся быть снисходительными и строгими, но особливо — безпристрастными.

Говоря объ русской трагедіи, говоришь о Семеновой — и, можетъ быть, только объ ней. ³ Одаренная талантомъ, красотою, чувствомъ живымъ и вѣрнымъ, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имѣла подлинника. Бездушная французская актриса Жоржъ ⁴ и вѣчно восторженный поэтъ Гнѣдичъ могли только ей намекнуть о тайнахъ искусства, которое поняла она откровеніемъ души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленныхъ движеній, органъ чистый, ровный,

пріятный и часто — порывы истиннаго вдохновенія, — все сіе принадлежитъ ей и ни отъ кого не заимствовано. Она украсила несовершенныя творенія несчастнаго Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измѣренныя строки Лобанова; въ ея устахъ понравились намъ славянскіе стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусомъ и гармоніей. Въ пестрыхъ переводахъ, составленныхъ общими силами и которые, по несчастью, стали нынче слишкомъ обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и геній актрисы удержалъ на сценѣ всѣ сіи плачевныя произведенія союзныхъ поэтовъ, отъ которыхъ каждый отецъ отрекается по одиночкѣ. Семенова не имѣетъ соперницы. Пристрастные толки и минутныя жертвы, принесенныя новости, прекратились; она осталась единодержавною царицею трагической сцены. Было время, когда хотѣли съ нею сравнивать прекрасную комическую актрису Валберхову, которая въ роли Дидоны живо напоминала намъ жеманную Селимену (такъ какъ въ роли * ревнивой жены напоминаетъ она и теперь карфагенскую царицу). Но истинные почитатели ея таланта забыли, что видали ее въ вѣнцѣ и мантии, которые весьма благоразумно сложила она для платья съ шлейфомъ и шляпки съ перьями.

Въ скромной одеждѣ Антигоны, при плескахъ полнаго театра, молодая, милая, рубкая Колосова явилась недавно на поприщѣ Мельпомены. ^б Семнадцать лѣтъ, прекрасные глаза, прекрасные зубы (слѣдовательно, — частая пріятная улыбка), нѣжный

*) Иные почитаютъ лучшею ролью г-жи Валберховой роль *Ревнивой жены*. Совершенно несправедливо. Развѣ они не видали ее въ *Мизантропѣ*, въ *Нечаянномъ закладѣ*, въ *Пустодомѣ* и проч.

недостатокъ въ выговорѣ обворожили судей трагическихкихъ талантовъ. Приговоръ почти единоголасный назвалъ Сашеньку Колосову надежной наслѣдницей Семеновой. Во все продолженіе игры ея въ рукоплеканья не прерывались. По окончаніи трагедіи она была вызвана криками изступленія, и когда г-жа Колосова большая,

filiae pulchrae mater pulchrior,

въ русской одеждѣ, блистая материнскою гордостью, вышла въ послѣдующемъ балетѣ, — все загремѣло, все закричало. Счастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Примѣръ, единственный въ исторіи нашего театра. Рассказываю просто, не дѣлая на это никакихъ замѣчаній. Три раза сряду Колосова играла три разныя роли съ равнымъ успѣхомъ. Чѣмъ же все кончилось? Восторгъ къ ея таланту и красотѣ мало по малу охолодѣлъ, похвалы стали умѣреннѣе, рукоплеканія утихли; перестали ее сравнивать съ несравненною Семеновой; вскорѣ стала она являться предъ опустѣлымъ театромъ... Наконецъ, въ ея бенефисъ, когда играла она роль Заиры, всѣ заснули, и проснулись только тогда, когда христіанка Заира, умерщвленная въ 5-мъ дѣйствіи трагедіи, показала въ концѣ довольно скучнаго водевиля въ малиновомъ сарафанѣ, въ золотой повязкѣ, и пошла плясать по-русски съ большою пріятностію на голось: „Во саду-ли, въ огородѣ...“

Если Колосова будетъ менѣе заниматься флигель-адъютантами Е. И. В., а болѣе — своими ролями; если она исправитъ свой однообразный напѣвъ, рѣзкія вскрикиванья и парижскій выговоръ буквы *r*, очень пріятный въ комнатѣ, но неприличный на трагической сценѣ; если жесты ея будутъ естественнѣе

и не столь жеманными; если будетъ подражать не только одному выраженію лица Семеновой, но постарается себѣ присвоить и глубокое ея понятіе о своихъ роляхъ, — то мы можемъ надѣяться имѣть современемъ истинно хорошую актрису, не только прелестную собой, но и прекрасную умомъ, искусствомъ и неоспоримымъ дарованіемъ. Красота проходитъ; таланты долго не увядаютъ. Кто нынче говоритъ объ Каратыгиной, которая, по собственному признанію, никогда не могла понять смысла ни единого слова своей роли, если она писана была стихами? Было время, когда ослѣпленная публика кричала объ чудномъ талантѣ прелестной любовницы Яковлева; теперь она наряду съ его законною вдовою, и никто не возьметъ на себя рѣшить, которая изъ нихъ непонятнѣе и непріятнѣе. Скромная, никѣмъ не замѣченная Яблочкина, понявшая совершенно всю ничтожность лица трагической наперсницы, предпочитается имъ обѣимъ простымъ, равнодушнымъ чтеніемъ стиховъ, которое, по крайней мѣрѣ, никогда не вредитъ игрѣ главной актрисы.

Долго Семенова являлась передъ нами съ дикимъ, но пламеннымъ Яковлевымъ, ⁶ который, когда не былъ пьянъ, напоминалъ пьянаго Тальма. — Въ то время имѣли мы двухъ трагическихъ актеровъ! Яковлевъ умеръ; Брянской заступилъ его мѣсто, но не замѣнилъ его. Брянской, можетъ быть, благопріятнѣе вообще; имѣетъ болѣе благородства на сценѣ, болѣе уваженія къ публикѣ, тверже знаетъ свои роли, не останавливаетъ представленій *внезапными своими болѣзнями*; но за то — какая холодность! какой однообразный, тяжелый напѣвъ!

По мнѣ, — ужь лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

Яковлевъ имѣлъ часто восхитительные порывы генія, иногда — порывы лубочнаго Тальма. ⁷ Брянской всегда, вездѣ одинаковъ: вѣчно улыбающійся Фингаль, Тезей, Орозманъ, Язонъ, Димитрій — равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы ему: расшевелись, батюшка! развернись, разсердись, — ну, ну!.. Неловкій, размѣренный, сжатый во всѣхъ движеніяхъ, онъ не умѣетъ владѣть ни своимъ голосомъ, ни своей фигурою. Брянской въ трагедіи никогда никого не тронулъ, а въ комедіи — не размѣшилъ. Не смотря на это, какъ комическій актеръ, онъ имѣетъ преимущество и даже — истинное достоинство. ⁸

Оставляю на жертву *бенуару* Щеникова, Глухарева, Каменогорскаго, Толченова и проч. Всѣ они, приняты сначала съ восторгомъ, а послѣ падшіе въ презрѣніе самаго райка, *погибли безъ шума*. Но изъ числа сихъ отверженныхъ исключимъ Борецкаго. Любовь, — иные думаютъ, несчастная, — къ своему искусству увлекла его на трагическую сцену. Онъ не имѣетъ величественной осанки Яковлева, или даже довольно пріятной фигуры Брянскаго; его напѣвъ еще однообразнѣе и томительнѣе; вообще, играетъ онъ хуже его, — certes, c'est beaucoup dire; со всѣмъ тѣмъ, я Борецкаго предпочитаю Брянскому. Борецкій имѣетъ чувство; мы слышали порывы души его въ роли Эдипа и стараго Горация. Надежда въ немъ еще не пропала. Искорененіе всѣхъ привычекъ, совершенная перемѣна методы, новый образъ выражаться — могутъ сдѣлать изъ Борецкаго, одареннаго средствами душевными и физическими, актера съ великимъ достоинствомъ.

Но оставимъ неблагодарное поле трагедіи и приступимъ къ разбору комическихъ талантовъ.

II.

О народномъ воспитаніи.

Записка, представленная Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ 1826 году).

Послѣднія происшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ народовъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣлались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій. Лѣтъ 15 тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличаться одною свѣтской образованностію или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонялось отъ первоначальныхъ начертаній. Десять лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политической, литературу (подавленную самую своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописныя пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ—и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные.

Ясно, что походамъ 1813 и 1814 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи, должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ; должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что, съ одной стороны, они увидѣли ничтож-

ность своихъ замысловъ и средствъ, съ другой — необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей ¹. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія.

Не одно вліяніе чужеземнаго идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитаніе, или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія, есть корень всякаго зла. „Не просвѣщенію (сказано въ высочайшемъ манифестѣ отъ 13 іюля 1826 года), но праздности ума, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній, должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ — гибель“. Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человекъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для

него нова, всякая новость имѣеть на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать; онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочеть оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

Конечно, уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды; но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлю и достояніемъ просвѣщенія; должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окружень одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ не многимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 16-ти лѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное.

Надлежитъ всѣми средствами умножить невыгоды, сопряженныя съ онымъ (напримѣръ, прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ).

Уничтожить экзамены. Покойный императоръ, удовольврясь въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ-нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отсель указъ объ экзаменахъ, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣснивъ все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзамень сдѣлался новой отраслю промышленности для профессоровъ. Онъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проходить стороною. И такъ (съ такого то года) молодой челоувѣкъ, не воспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена.

Уничтоженіе экзаменовъ произведетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ, что и будетъ хорошимъ противодѣйствіемъ ропоту родителей, почитающихъ своихъ дѣтей обиженными.

Что касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его однѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ, ибо, первое, весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; второе, воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ гет

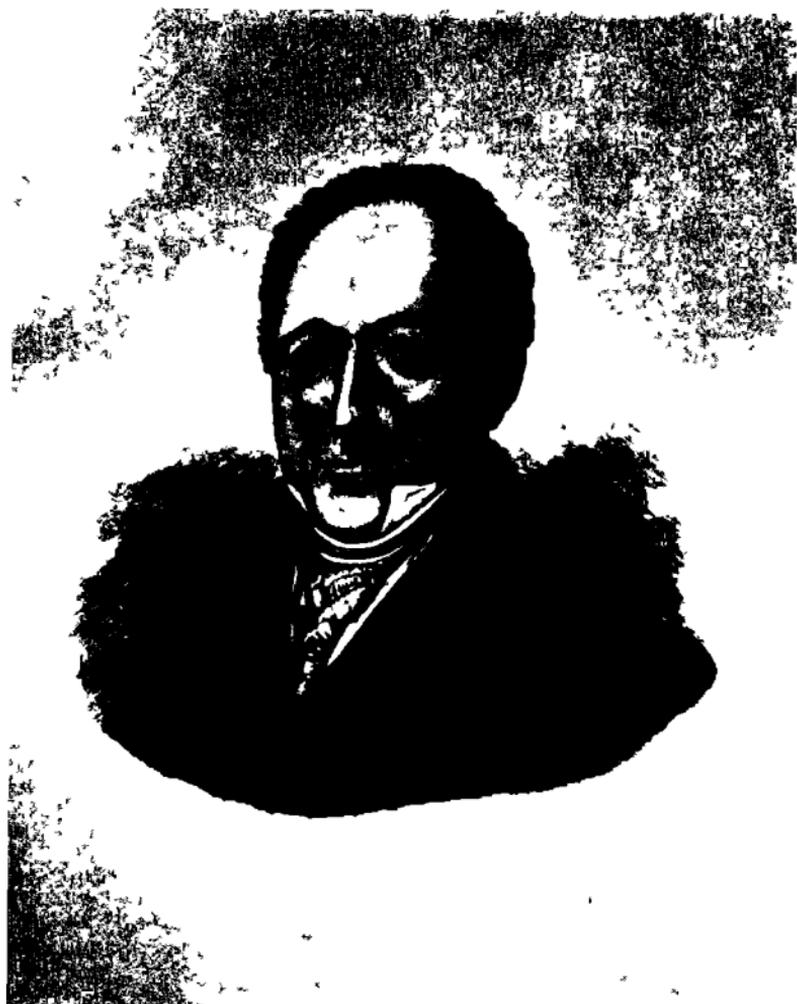
тингенскомъ университетѣ, не смотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній. Такимъ образомъ, уничтоживъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго.

Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, большаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію. Чрезъ сію полицію должны будутъ доходить до начальства и жалобы. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную — исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослога человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушать воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

Въ гимназіяхъ, лицейхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить по крайней мѣрѣ

Пушкинъ

Тво „Просвѣщеніе“ въ Сид

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ.

Отецъ поэта († 1848 г)

тремя годами кругъ обыкновенный ученія, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.

Преобразование семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія.

Предметы ученія, въ первые годы, не требуютъ значительной перемѣны. Кажется, однакожь, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, шестилѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? Къ чему латинскій или греческій? Позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго? ²

Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, приучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

Высшія политическія науки займутъ окончательные годы: преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ Сея и Сисмонди, статистика, исторія.

Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ рассказомъ происшествій, безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? Но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ; не хитрить; не искажать

республиканскихъ разсужденій, ³ не позорить убивства Кесаря, превознесеннаго 2000-ми лѣтъ; но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ.

Вообще не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны.

Исторію русскую должно будетъ преподавать по Карамзину. Исторія Государства Россійскаго есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Россія слишкомъ мало известна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистика, ея законодательство требуютъ особенныхъ каѳедръ. Изученіе Россіи должно будетъ преимущественно занять, въ окончательные годы, умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству вѣрою и правдою, имѣя цѣлю искренно, усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

Самъ отъ себя я бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе; одно желаніе усердіемъ и искренностію оправдать высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудило меня исполнить ввѣренное мнѣ препорученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ государя императора, всеподданнѣйше прошу его величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ, болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ.

III.

О Байронѣ.

(1827).

Ни одно изъ произведеній лорда Байрона не сдѣлало въ Англии такого сильнаго впечатлѣнія, какъ его поэма Корсаръ, не смотря на то, что она достоинствомъ уступаетъ многимъ другимъ: Гяуру въ пламенномъ изображеніи страстей, Осадѣ Коринѣа, Шильонскому Узнику въ трогательномъ развитіи сердца человѣческаго, Паризинѣ въ трагической силѣ, Чайльдъ-Гарольду въ глубокомыслии и высотѣ паренія, и въ удивительномъ Шекспировскомъ разнообразіи — Донъ-Жуану. Корсаръ неизмѣрнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ характеру главнаго лица, таинственно напоминающаго намъ челоѣка, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней мѣрѣ, англійскіе критики предполагаютъ въ Байронѣ сіе намѣреніе, но вѣроятно, что поэтъ и здѣсь вывелъ на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ и которое наконецъ принялъ онъ на себя въ Чайльдъ-Гарольдѣ. Какъ бы то ни было, поэтъ никогда не изъяснялъ своего намѣренія: сближеніе съ Наполеономъ нравилось его самолюбію.

Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколько сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ. Что же мы подумаемъ о писателѣ, который изъ поэмы Корсаръ выбираетъ одинъ только планъ, достойный нелѣпой повѣсти, и по сему дѣт-

скому плану составляет длинную трагедію, замѣнивъ очаровательную и глубокую поэзію Байрона прозой надутой и уродливой, достойной нашихъ несчастныхъ подражателей покойному Коцебу? Спрашивается: что же въ Байроновой поэмѣ его поразило? Неужели планъ? О *miratores!*

Англійскіе критики оспаривали у лорда Байрона драматическій талантъ; они, кажется, правы. Байронъ, столь оригинальный въ Чайльдъ-Гарольдѣ, въ Гяурѣ и въ Донъ-Жуанѣ, дѣлается подражателемъ, какъ скоро вступаетъ на поприще драмы. Въ *Mafred* онъ подражалъ Фаусту, — замѣняя простонародныя сцены и субботы другими, по его мнѣнію благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ *Иліада* служитъ памятникомъ классической древности.

Въ другихъ трагедіяхъ, кажется, образцомъ Байрону былъ *Alfieri*. Каинъ имѣетъ одну только форму драмы, но по безсвязности сценъ и отвлеченнымъ разсужденіямъ въ самомъ дѣлѣ относится къ роду скептической поэзіи Чайльдъ-Гарольда. Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ (именно — свой); все, кромѣ... etc. отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному *). Когда же онъ сталъ составлять свою трагедію, то каждому дѣйствующему лицу роз-

*) Внизу слѣдующей страницы прибавлено: „Онъ представилъ намъ свой призракъ. Онъ создалъ себя вторично, то подъ чалмой ренегата, то въ плащѣ корсара, то издыхающимъ подъ схимой, то страствующимъ посреди...“

далъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера... и такимъ образомъ раздробилъ величественное свое созданіе на нѣсколько лицъ, мелкихъ и незначительныхъ. Байронъ чувствовалъ свою ошибку, и въ послѣдствіи времени снова принялся за Фауста, подражая ему въ своемъ Превращенномъ Уродѣ (думая тѣмъ исправить le chef d'oeuvre).

IV.

Литературное общество.

(1829).

Нѣсколько московскихъ литераторовъ, приносящихъ истинную честь нашему вѣку какъ своими произведеніями, такъ и нравственностію, видя безпомощное состояніе нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящаго, рѣшились составить общество для распространенія правилъ критики Курганова и Тредьяковскаго и для удержанія въ границахъ повиновенія и благопристойности отступниковъ и насмѣшниковъ.

Общество имѣло первое свое засѣданіе на Малой Бронной, въ домѣ г-на Х., бывшаго корректора типографіи, — 17 октября сего года. Приглашеніе многочисленной публики. Нѣкоторыя сосѣднія дамы удостоили засѣданіе своимъ присутствіемъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ единогласно г-нъ Трандофырь, знаменитый переводчикъ одного безсмертнаго романа.

Секретаремъ былъ избранъ, единогласно же, Никодимъ Невѣждинъ, изъ честнаго сословія слугъ.

скромный молодой человекъ, оказавшій недавно отличные успѣхи въ словесности и, не смотря на лакейскій тонъ своихъ статеекъ, обѣщающій быть законодателемъ вкуса.

Ждали г-на...цова, но онъ не могъ придти по причинѣ флюса, полученнаго имъ на ярмонкѣ, во время метанія чрезвычайно счастливой тальи.

Г-нъ Трандофырь открылъ засѣданіе прекрасной рѣчью, въ которой трогательно изобразилъ онъ безпомощное состояніе нашей словесности, недоумѣніе нашихъ писателей, подвизающихся во мракѣ, не озаренныхъ свѣтильникомъ критики. Г-нъ Трандофырь краснорѣчиво убѣждалъ приняться за дѣло: „Что сдѣлали мы до сихъ поръ, почтенные слушатели?“ сказалъ онъ: — „перевели романы, доставившіе намъ 700 рублей отъ Ширяева, и разобрали заглавный листъ Исторіи Государства Россійскаго; труды безсмертные, безспорно, но недостаточные для новаго преобразованія словесности, для истребленія неутомимыхъ нашихъ враговъ“. Послѣ рѣчи г-на предсѣдателя, г. Невѣждинъ прочелъ проектъ новаго журнала, имѣющаго быть издаваемымъ въ слѣдующемъ 1830 году, подъ названіемъ Азіатскій Ракъ. Журналъ сей будетъ выходить каждый мѣсяцъ по одной книжкѣ; каждая книжка будетъ заключать въ себѣ четыре отдѣла. Отдѣлъ I. Изящная словесность. Переводы Байрона — съ польскаго; стихи молодыхъ семинаристовъ; отрывки изъ записокъ г-на Трандофыря (для примѣра г. секретарь прочелъ плѣнительное описаніе отрочества почтеннаго Трандофыря. Всѣ съ удовольствіемъ слушали милыя проказы маленькаго купчика, тогда уже столь много обѣщавшаго). Отдѣлъ II. Критика...

V.

Отрывки изъ разговоровъ.

(1830).

I

А. — Читали вы въ послѣднемъ № Газеты критику NN?

В. — Нѣтъ, я не читаю русской критики.

А. — Напрасно. Ничто иное не дастъ вамъ лучшаго понятія о состояніи нашей литературы.

В. — Какъ? Неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный судъ произведеніемъ нашей словесности?

А. — Нимало. У насъ никогда критика не имѣетъ почти никакого вліянія на судьбу какого-нибудь произведенія. Но она даетъ понятіе объ отношеніяхъ писателей между собою, о большей или меньшей извѣстности, наконецъ — о мнѣніяхъ, господствующихъ въ публикѣ.

В. — Мнѣ не нужно читать „Вѣстникъ Европы,“ чтобы знать, что находится въ модѣ и что романтической поэзіи у насъ никто не понимаетъ. Что же касается до отношеній г-на Раича къ г-ну Полевому, г. Каченовскаго къ г. Булгарину, — то это вовсе не любопытно.

А. — Однакожь иногда забавно.

В. — Вамъ нравятся кулачные бойцы?

А. — Почему же нѣтъ? Державинъ ихъ воспѣлъ. Наши бояре ими тѣшились. Мнѣ столь же нравится князь Вяземскій въ схваткѣ съ какимъ-нибудь заносчивымъ журнальнымъ буяномъ, какъ графъ Орловъ въ бою съ ямщикомъ. Это — черты народности.

В. — Вы упомянули о князѣ Вяземскомъ; признайтесь, что изъ высшей литературы онъ одинъ пускается въ полемику.

А. — Позвольте: что вы называете высшей литературой?..

*

II.

...Тѣмъ хуже для литературы... Если бы всѣ писатели, заслуживающіе уваженіе, довѣренность публики, взяли на себя трудъ управлять общимъ мнѣніемъ, то вскорѣ критика сдѣлалась бы не тѣмъ, чѣмъ она есть. Не любопытно ли было бы, напри- мѣръ, читать мнѣнія Гнѣдича или К[атенина] объ нынѣшней элегической поэзіи? Не пріятно ли было бы видѣть Пушкина, разбирающаго трагедію Хомякова? Эти господа въ связи между собою и, вѣроятно, другъ другу передаютъ взаимныя замѣчанія о новыхъ произведеніяхъ. Зачѣмъ не сдѣлать и насъ участниками въ ихъ критическихъ бесѣдахъ?

— Публика довольно равнодушна къ успѣхамъ словесности, истинная критика для нея не занимательна. Она изрѣдка смотритъ на драку двухъ журналистовъ, мимоходомъ слушаетъ монологъ раздраженнаго автора или пожимаетъ плечами...

— Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца, аплодирую тому, кто сбиль своего противника. Еслибъ я былъ авторъ, то почель бы за малодушіе не отвѣчать на нападеніе, какого бы оно рода ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать въ тебя грязью? Посмотрите на англійскаго лорда: онъ готовъ отвѣчать на учтивый вызовъ gentleman и стрѣляться на кухенрейтерскихъ пистолетахъ или

снять съ себя фракъ и вох'овать на перекресткѣ съ извощикомъ. Это настоящая смѣлость. Но мы и въ литературѣ, и въ общественномъ быту слишкомъ чопорны, слишкомъ дамоподобны.

— Критика не имѣетъ у насъ никакой самостоятельности; вѣроятно, и писатели вашего круга не читаютъ русскихъ журналовъ и не знаютъ, хвалятъ ли ихъ или бранятъ.

— Извините, Пушкинъ читаетъ всѣ №№ „Вѣстника Европы“, гдѣ его ругаютъ, что значить, по его энергическому выраженію, — подслушивать у дверей, что говорятъ о немъ въ прихожей. ¹

— Куда какъ любопытно!

— Любопытство, по крайней мѣрѣ, очень понятное. Пушкинъ и отвѣчаетъ эпиграммами.

— Но сатира — не критика, эпиграмма — не опроверженіе. Я хлопочу о пользѣ словесности, не только о вашемъ удовольствіи...

VI.

Критическія замѣтки.

(1830—1831).

Сколь ни удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отрекся я совершенно отъ права самозащиты.

Southey.

Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ

братомъ-литераторомъ?.. Если они принадлежать хорошему обществу, какъ благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается... Одинъ писатель извинялся тѣмъ, что де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница-де между споромъ и дракой, что, наконецъ, никто-де не въ правѣ требовать, чтобъ человѣкъ разговаривалъ съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на сходку, то не прогнѣвайся — какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью; то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто; а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой разговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость... ¹

Будучи русскимъ писателемъ, я всегда почиталъ долгомъ слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, какъ явные и вѣроятно искренніе знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы самые непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался войти въ образъ мыслей моего критика и слѣдовать за его сужденіями, не отвергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ авторскимъ себяотверженіемъ; къ несчастію замѣчалъ я, что по большей части мы другъ друга не понимали. Что касается до критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлію оскорбить меня какимъ бы то ни было образомъ, скажу только, что онѣ очень сердили меня, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты, и что,

слѣдственно, сочинители оныхъ могутъ быть довольны, удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали.

Если въ теченіе 16-лѣтней авторской жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику (не говорю ужь о ругательствахъ), то сіе происходило, конечно, не изъ презрѣнія.

Состояніе критики само по себѣ доказываетъ степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналовъ нашихъ достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику значило бы презирать публику (чего Боже сохрани!). Какъ наша словесность съ гордостію можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣтовъ элегической поэзіи, такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ не потому также, чтобъ не доставало во мнѣ веселости и педантства, не потому, чтобъ я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее (къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности); мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе — важно говорить: *Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons.*

Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, чело-
вѣкъ, впрочемъ, добрый и благонамѣренный, разби-
рая, кажется, Полтаву, выставилъ нѣсколько
отрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что
таковые стихи сами себя дурно рекомендуютъ.
Что бы могъ я отвѣчать ему на это? А такъ по-
ступали почти всѣ его товарищи. Ибо критики
наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому,
что прекрасно; а это дурно потому, что скверно.
Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина, и главная: лѣность. Никогда не
могъ я до того разсердиться на непонятливость или
недобросовѣстность, чтобъ взять перо и приняться
за возраженія и доказательства. Нынче, въ неснос-
ные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою
ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препро-
вожденія времени, писать возраженія не на критики
(на это никакъ не могу рѣшиться), но на обвиненія
нелитературныя, которыя нынче въ большой модѣ.
Смѣю увѣрить моего читателя (если Господь пошлетъ
мнѣ читателя), что глупѣе сего занятія отъ роду
ничего не могъ я выдумать.

2 октября (1830). Болдино. *

У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей
спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на
критики. — Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ
онъ, — а я не понимаю критиковъ. Если будемъ
сердиться передъ публикой, вѣроятно, и она насъ
не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухого звалъ на судъ судьи глухого.
Глухой кричалъ: „Моя имъ сведена корова!“
— Помилуй! возопилъ глухой тому въ отвѣтъ:
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ!

Судья рѣшилъ: „Почто идти вамъ брать на брата?
„Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!“²

Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ (какъ аристократически говорить о себѣ издатель Исторіи Русскаго Народа), когда нападенія суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или по добродушію, оскорбленія личныя и клеветы, нынѣ, къ несчастію, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія оныхъ.

ОПЫТЪ ОТРАЖЕНІЯ НѢКОТОРЫХЪ НЕЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБВИНЕНІЙ.

§ 1. — О личной сатирѣ. — Китайскій анекдотъ. — Самъ съѣшь.

§ 2. — О нравственности; о графѣ Нулинѣ. — Что есть безнравственное сочиненіе? — О Видокѣ.

§ 3. — Объ литературной аристократіи, о дворянствѣ.

§ 4. — Разговоръ о примѣч.

Заключеніе. *)

Перечитывая самыя бранчивыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, еслибъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ бы лучшаго придумать, какъ только ихъ перепечатать безо всякаго замѣчанія. Однакожь я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденіе

*) Далѣе зачеркнуто: §... хи-хи. § 0 цѣнѣ Евгенія Онягина § 0 знаменитости.

получаютъ вѣсь отъ волшебнаго вліянія типографіи. Намъ все еще печатный листъ быть кажется святымъ. Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

*

Кстати. Началъ я писать съ 13-ти лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ, не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ г-мъ Б. Федоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идиллія, писанная слогомъ переписчика стиховъ г-на Панаева. Г-нъ Бестужевъ, въ предисловіи какого-то альманаха, благодарить какого-то Ап. за доставленіе стихотвореній, объявляя, что не всѣ удостоились напечатанія.

Г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему, и отсылать въ альманахъ г. Бестужева вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати на примѣръ: Она мила, скажу межъ нами), или которые простиительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростиительно признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ (на примѣръ, Посланіе къ Ю).³

*

Самъ съѣшь *). Симъ выраженіемъ въ энер-

*) Происхождение сего слова: остроумный человѣкъ показываетъ шишь и говоритъ язвительно: съѣшь, а догадливый против-

гическомъ нарѣчїи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое выраженіе: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемонїи, шутками и колкостями своихъ же противниковъ. Самъ съѣшь есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ коемъ сказано, что Фебъ, уславивъ-было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею за дурной тонъ и заносчивость, не терпимую въ хорошемъ обществѣ, — и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то же самое пересказано немного похуже, съ надписью: самъ съѣшь ⁴.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе букашекъ. — Самъ ты букашка, закричали бойко журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съѣшь ⁵.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратьевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостью дворянъ-журналистовъ, осмѣлились спросить: кто сіи феодальные бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе гербовъ и грамотъ отъ смиренной брата нашей? Что же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братьею (особенно мѣщанамъ во дворянствѣ) уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнїя его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ

никъ отвѣчаетъ: самъ съѣшь. (Замѣчаніе для будуарныхъ, или даже для паркетныхъ дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ).

стихахъ. Ужасное самъ съѣшь! Къ несчастію, въ Литературной Газетѣ отыскали, кто были аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на недворянство. ⁶ А публика-то что? Публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она, покамѣстъ, согласна съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что самъ съѣшь вообще показываетъ или мало остроумія, или большую надѣянность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

*

Отчего издателя „Литературной Газеты“ и его сотрудниковъ называютъ аристократами (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ, пишутъ остроумно журналы)? Въ чемъ же состоитъ ихъ аристократія? Въ томъ-ли, что они дворяне? Нѣтъ: всѣ журналы оцбожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ и намѣренія смѣяться. Стало быть, — въ дворянской спеси? Нѣтъ: въ „Литературной Газетѣ“ доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противъ сего смѣшного чванства и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіевъ-мѣщанъ. Можетъ быть, — въ притязаніи на тонъ высшаго общества? Нѣтъ: они стараются сохранить тонъ хорошаго общества, проповѣдуютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдуютъ въ пустынь. Не они поминутно находятъ одно выраженіе бурлацкимъ, другое — мужицкимъ, третье — неприличнымъ для дамскихъ ушей и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ (l'aïserie NB не одно просторѣ-

чіе); не они провозгласили себя опекунами высшаго общества, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ такъ же удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ господъ; не они *comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas*; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о будуарныхъ читательницахъ, о паркетныхъ (?) дамахъ. Отчего же они аристократы (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ)?

*

Въ одной газетѣ, официальной, сказано было, что я — мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было бы сказать: дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ. Мы приходимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человѣка знатнаго (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ), пріѣхавшаго въ Россію во время княженія Александра Ярославича Невскаго (см. Русскія Лѣтописи и Исторію Государства Россійскаго). Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ - Пушкиныхъ (изъ учтивости къ покойному гр. Алексѣю Ивановичу). Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, историографъ именуетъ и Пушкиныхъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ

мѣстничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи Романовыхъ на царство, а одинъ изъ нихъ, окольникій Матвѣй Степановичъ, — подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ, стольникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Циклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Соковнинымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшей дочери адмирала графа Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодъ и въ заточеніи, въ припадкѣ ревности или сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ (странны судьба и союзъ сихъ именъ), см. Рюліера и Кастера. Черезъ два года выпущенъ по приказанію Екатерины, и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Вообще имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей исторіи.

Нынѣ огромныя имѣнія Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднее родовое имѣніе скоро исчезнетъ; имя ихъ останется честнымъ, един-

ственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода.

Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона.

Если быть стариннымъ дворяниномъ значитъ подражать англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностію лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ прагдѣдамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? Ибо нынѣ знать нашу большею частью составляютъ люди новые, получившіе существованіе уже при императорахъ. Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа. Смотри около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожились, какъ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденные, и какъ имя дворянина, часть отъ часу униженное, стало, наконецъ, въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне, и [празднымъ] досужимъ журнальнымъ балагурамъ.

Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь

предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожить звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинство выше знатности рода именно — достоинство личное; но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ: Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ.

Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами? ⁷

*

Одинъ изъ [самыхъ] великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ (онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія), что если у насъ была бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону, — и неуваженіе къ чести гражданъ и удобность клеветы суть однѣ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тисненія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно обиняки. Первымъ примѣромъ обязаны мы **, который въ своемъ журналѣ напечаталъ уморительный анекдотъ о двухъ китайскихъ журналистахъ, которыхъ судія наказалъ бамбуковою палкою за плутни, унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшилъ публику и такъ понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ коль скоро газетчикъ прогнѣвался на кого-нибудь, тотчасъ въ листкахъ его является извѣстіе изъ-за границы (и большею частью изъ-за китайской), въ

коемъ противникъ расписанъ самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, китайскіе анекдоты если не дѣлають чести изобрѣтательности и остроумію сочинителя, то, по крайней мѣрѣ, достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковой они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, было бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатають, что человѣкъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напимѣръ, платки изъ кармановъ, — все-таки долженъ отозваться и вступить за себя, конечно, не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Что за аристократическая гордость дозволяетъ всякому негодяю швырять въ насъ грязью? Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ джентельменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывший, говорятъ, въ военной службѣ, отказывался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ.⁸ Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ что прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобріана, *comme un homme de noble face outrage et ne se bat pas*. Однажды (официально) напечаталъ кто-то, что такой-то французскій стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающей критическія статьи въ Литературной Газетѣ, — человѣкъ подлый и безнравственный, а что такой-то журналистъ — человѣкъ умный, скромный, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому. Французскій стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый жур-

налистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. *Op en rit, j'en ris moi-même.* ⁹

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула.

Иной говорить: какое дѣло критику или читателю, хорошъ ли я собой или дуренъ, старинный ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ ли или золь, ползаю ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю ли я въ карты и т. п.? Будущій мой біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ біографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подають они поводъ, суть важный шагъ къ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (*hommes publics*),— къ одному изъ главнѣйшихъ условий высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общества мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало-по-малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

Китайскій анекдотъ. Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ

класса грамотѣевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамотѣй (слѣдуютъ китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей, что, говорятъ, за нимъ важивалось, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось) и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотѣй-трагикъ, человекъ безталанный, но смиренный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя; но грамотѣй-романистъ, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный пекинскій судъ, и проч. и проч. ¹⁰.

Между прочими литературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отъ роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издатели Сѣверной Пчелы? Цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній число требователей ограничено. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по пяти рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рублю экземпляръ, все таки продавали бъ по пяти рублей. Правда, въ такомъ случаѣ авторъ могъ бы приступить ко второму, дешевому изданію, но книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Эти тор-

говые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстіе автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе — напечатать 20,000 экземпляровъ книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басень Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта (*le plus national et le plus populaire*), не противорѣчить нами сказанному. басни (какъ и романы) читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

*

Шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный анекдотъ: въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянуть, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Дельвигъ пишетъ стихи.

Каково же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго Вѣстника Европы найти слѣдующую шутку: „Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи — хи, хи!“ Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это хи, хи, показалось, видно, столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалой въ Сѣверной Пчелѣ: ¹¹ .

„Хи, хи, какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникѣ Европы, etc“.

Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обзорѣ нашей словесности *), говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: „древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія“. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отзывался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ, какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та же шутка каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣрять наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ здоровой критики и безпристрастія.

Разговоръ. ¹²

А. — Читалъ ты замѣчаніе въ „Литературной Газетѣ“, гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII-го столѣтія?

Б. — Читалъ.

А. — Какъ же ты его находишь?

Б. — Довольно неумѣстнымъ.

А. — Конечно, иначе нельзя и думать. Какъ не стыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!..

Б. — Согласенъ.

*) Въ альманахѣ Максимовича „Денница“ на 1830 г.

А. — Русскіе журналисты не заслуживали такого унижительнаго сравненія.

Б. — А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.

А. — Какъ такъ?

Б. — Я было тебя не понялъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ (какъ очень хорошо сказано въ „Газетѣ“) съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя, — а между тѣмъ сравниваютъ.

А. — Да помилуй: эти французскіе писатели — такіе люди, что Боже упаси! Посмотри, какъ негодуютъ наши журналисты отъ одной мысли быть имъ уподобленными, этимъ господамъ.

Б. — Да кто же эти французскіе писатели, о коихъ упомянуто въ „Литературной Газетѣ“?

А. — А я почему знаю?

Б. -- Такъ я же тебѣ ихъ назову. Добродѣтельный Томасъ, простодушный Дюкло, твердый Шамфоръ и другіе столь же умные, какъ и честные люди, не безпримѣрные гени, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.

А. — Зачѣмъ же они обруганы въ „Литературной Газетѣ“?

Б. — То-то и я говорю.

А. — Какъ можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы стануть кричать: „повѣсимъ ихъ, повѣсимъ!“ и „аристократовъ къ фонарю!“

Б. — Извини, братъ. Опять-было тебя не понялъ. Этого въ „Газетѣ“ не сказано.

А. — Какъ не сказано? Пстой, она при мнѣ (вынимаетъ изъ кармана „Газету“). А! ты правъ, ты правъ. Сказано только, что эпиграммы ихъ приуготовили крики etc. Такъ неужто въ самомъ

дѣлѣ эпиграммы приуготовили французскую революцію?

Б. — О французской революціи „Литературная Газета“ молчитъ — и хорошо дѣлаетъ.

А. — Помилуй! да посмотри: *les aristocrates à la lanterne*, повѣсить, *ça ira*, и т. д.!

Б. — И ты видишь тутъ французскую революцію?

А. — А ты что тутъ видишь, если смѣю спросить?

Б. — Крики бѣшеной черни.

А. — А что значили эти крики?

Б. — Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А. — Вотъ, я тебя поймалъ; а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. — Потому что съ нѣкоторыхъ поръ дворянство было ей представлено сословіемъ презрѣннымъ и ненавистнымъ.

А. — Слѣдственно и я правъ. Въ крикѣ: *les aristocrates à la lanterne* — вся революція.

Б. — Ты не правъ. Въ крикѣ: *les aristocrates à la lanterne* — одинъ жалкій эпизодъ французской революціи, — гадкая фарса въ огромной драмѣ.

[А. — И честные и добрые писатели были тому причиною? Но если и въ самомъ дѣлѣ, то ужь, конечно, неумышленно!

Б. — Вѣроятно.]

А. — А прогос, какого ты мнѣнія о Полиньякѣ?

Б. — Милый мой, ты знаешь, что о политикѣ я съ тобою никогда не говорю.

[А. — Итакъ, *revenons à nos moutons*, обратимся къ литераторамъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы

французскихъ писателей приуготовили крики: les aristocrates à la lanterne?

Б. — Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе „Литературной Газеты“.

А. — А твое мнѣніе? Нельзя узнать?

Б. — Экій лукавый! заманиваетъ меня опять въ политику: не узнаешь.

А. — И ты мнѣ не будешь отвѣчать?

Б. — Нѣтъ.]

А. — Ну, такъ обратимся къ нашимъ литераторамъ. Читалъ ли ты, какъ отдѣлала „Пчела“ всю „Литературную Газету“, издателя и сотрудниковъ за это замѣчаніе?

Б. — Нѣтъ еще.

А. — Такъ прочти же (даетъ ему журналъ).

Б. — Что значить эти точки?

А. — Ахъ, я спрашивалъ: тутъ были ругательства ужасныя, да цензоръ не пропустилъ.

Б. — (Отдавая журналъ). Жаль: въ этихъ ругательствахъ, можетъ быть, былъ смыслъ, а въ строкахъ печатныхъ — нѣтъ.

А. — Вотъ тебѣ еще что-то (даетъ другой журналъ).¹³

Б. — (Прочитавъ). Тутъ и ругательства есть, а смысла, все-таки, не болѣе.

А. — Такъ ты, видно, стоишь за „Литературную Газету?“ Давно-ль ты сдѣлался аристократомъ?

Б. — Какъ аристократомъ? Что такое аристократъ?

А. — Что такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ, видишь-ли: издатель „Литературной Газеты“, и сотрудники его, и читатели его — всѣ аристократы (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ).

Б. — Воля твоя, я смысла тутъ никакого не вижу. Будучи самъ литераторъ, я читаю „Литературную Газету“, ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія; мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ „Литературной Газетѣ“ ни дворянской спеси, ни гоненія на другія сословія. Дворяне-ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій и пр., — мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. ¹⁴ Они объ этомъ не толкуютъ. Заступясь за грамотное купечество въ лицѣ г. Полевого, они сдѣлали хорошо; заступясь нынѣ за просвѣщенное дворянство, они дѣлали еще лучше.

— А. — Это замѣчаніе могло повредить невиннымъ.

Б. — Что ты, — шутишь или ты самъ невинный? Кто же сіи невинные?

А. — Какъ кто? Издатели „Сѣверной Пчелы“.

Б. — Такъ успокойся же. Образъ мнѣній почтенныхъ издателей „Сѣверной Пчелы“ слишкомъ хорошо извѣстенъ, и „Литературная Газета“ повредить имъ не можетъ, а г. Полевой въ ихъ компанія, подъ ихъ покровительствомъ, можетъ быть безопасенъ.

А. — Что значить: *avis au lecteur*? Къ кому это относится?.. Ты скажешь — къ журналистамъ, а я такъ думаю: не къ цензурѣ ли?

Б. — Да хоть бы и къ цензурѣ, — что за бѣда? Ужь если существуетъ у насъ цензура, то не худо оградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ явныхъ нападеній злонамѣренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ потому только,

что оно такое-то сословіе, а не другое, — нехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ I и императрицахъ и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную аристократію. *Pas si bête!* Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, кое нынѣ по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго; состоянія, коему принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ официальной газетѣ) нехорошо и даже неблагоразумно. Положимъ, что эпиграммы демократическихъ французскихъ писателей приуготовили крики: *les aristocrates à la lanterne*. У насъ таковыя же эпиграммы, хоть и не отличаются остроуміемъ, могутъ имѣть послѣдствія еще пагубнѣйшія... Подумай о томъ, что значить у насъ сіе дворянство вообще и въ какомъ отношеніи находится оно къ народу...

А. — Кажется, ты правъ. Но почему же нѣкоторые журналы вступились съ такою братскою... и рѣзкою за „Сѣверную Пчелу?“

Б. — Потому что свой своему поневолѣ братъ.

А. — Отчего же замѣчаніе „Газеты“ показалось сначала столь предосудительнымъ даже людямъ самымъ благомыслящимъ и благороднымъ?

Б. — Потому, что политическіе вопросы никогда не бывали у насъ разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія, ими произведеннаго. Нѣтъ пренія безъ двухъ противныхъ сторонъ; ты

политикой занимаешься, и это тебѣ понятно, не правда ли? — Демократическіе наши журналы, напавъ на дворянство...

А. — Опять демократическіе журналы! Какой ты неблагонамѣренный.

Б. — Какъ же ты прикажешь назвать журналы, объявившіе себя противу аристократіи? Въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, все-таки они демократическіе журналы. Итакъ, эти журналы, нападая на дворянство должны были найти отпоръ, и нашли его въ „Газетѣ Литературной“. Все это естественно, даже утѣшительно; но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость...

А. — Знаешь ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю „Литературной Газеты“, чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданіе.

Б. — И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого бы они, впрочемъ, ни происходили.

VII.

Альманашникъ.

Сцены.

(1830).

I.

— Господи, Боже мой! Вотъ уже четвертый мѣсяцъ живу въ Петербургѣ, таскаюсь по всѣмъ переднимъ, кланяюсь всѣмъ канцелярскимъ начальникамъ, а до сихъ поръ не могу получить мѣста. Я весь прожился, задолжалъ — я жь отставной — того и гляди, въ яму посадятъ.

— А по какой части собираешься ты служить?

— По какой части? Господи, Боже мой! Да развѣ я не русскій? Я на все гожусь. Разумѣется, хотѣлось бы мнѣ мѣстечка потеплѣе, но дѣло до петли доходить, теперь я и всякому радъ.

— Неужто у тебя нѣтъ-таки ни единого благодѣтеля?

— Благодѣтеля! Господи, Боже мой! Да, въ каждомъ министерствѣ у меня по три благодѣтеля сидить; всѣ обо мнѣ хлопочуть, всѣ обо мнѣ докладываютъ, а я все-таки безъ куска хлѣба.

— Служба тебѣ, знать, не дается. Возьмись-ка за чтонибудь другое.

— А за что прикажешь?

— Напримѣръ, за литературу.

— За литературу? Господи, Боже мой! Въ срокъ три года начать свое литературное поприще!

— Что за бѣда? А Руссо?

— Руссо, вѣроятно, ни къ чему другому не былъ способенъ; онъ не имѣлъ въ виду быть виннымъ приставомъ. Да къ тому же онъ былъ человѣкъ ученый; а я учился въ [Харьковскомъ] Московскомъ университетѣ.

— Что за бѣда? Затѣвай журналъ.

— Журналъ? а кто же подпишется?

— Мало ли кто? Россія велика, охотниковъ довольно.

— Нѣтъ, братъ, нынче ихъ не надуешь: ихъ отучили. Всѣ говорятъ — деньги возьметъ, а журнала не выдастъ, или не додастъ. Кому охота судиться изъ тридцати пяти рублей?

— Ну, такъ пиши Выжигина.

— Выжигина? Господи, Боже мой! Писать Выжигина не штука; пожалуй, я вамъ въ четыре мѣ-

сяца отхватаю четыре тома, не хуже Орлова и Булгарина; но покаместъ успѣю съ голоду околѣть.

— Знаешь ли что? Издай альманахъ.

— Какъ такъ?

— Вотъ какъ: выпроси у нашихъ литераторовъ но нѣскольку пьесъ, кой-что перепечатай, закажи въ долгъ виньетку, самъ выдумай заглавіе, да и тисни съ Богомъ!

— Въ самомъ дѣлѣ! Да я ни съ кѣмъ изъ этихъ господъ не знакомъ.

— Что нужды? Ступай себѣ къ нимъ; скажи имъ, что ты юный питомецъ музъ, впервые вступаешь на поприще славы и рѣшилъ издать альманахъ, а между тѣмъ просишь ихъ вспоможенія и покровительства.

— А что ты думаешь? Ей-Богу, съ отчаянія готовъ и на альманахъ.

— Совѣтую дѣла не откладывать.

— Сегодня жъ начну свои визиты.

— И дѣло! Желаю тебѣ всякаго успѣха.

II.

Кабинетъ стихотворца. Все въ большемъ безпорядкѣ. По срединѣ столъ. Стихотворецъ и трое молодыхъ людей играютъ въ кости.

Стихотворецъ (гремя стаканчикомъ). Я въ рукѣ... *sept à la main... neuf... sacre-dieu... neuf e-sept... neuf...* мое! кто держитъ?

Гость. Экое счастье: держу.

Стихотворецъ, *Sept à la main...* (про себя). Это кто?

Входитъ Альманашникъ (одному изъ гостей). Я давно желалъ имѣть счастье представиться вамъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ вашихъ почи-

тателей... ваши прекрасныя сочиненія... Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Гость. Вы ошибаетесь: я кромѣ векселей ничего не сочиняю. Вотъ хозяинъ.

Альманашникъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Стихотворецъ. Помилуйте!.. Радуюсь, что имѣю честь съ вами познакомиться... садитесь, сдѣлайте милость.

Альманашникъ. Извините — вы заняты — я вамъ помѣшалъ.

Стихотворецъ. О, нѣтъ... мы будемъ продолжать... *Sept à la main... trois...* крепсъ. Какое несчастіе! (Передаетъ кости).

Гость. Сто рублей à prendre.

Стихотворецъ. Держу. (Играють). Что за несчастіе! (Смотритъ косо на альманашника).

Альманашникъ. Я въ первый разъ выступаю на поприще славы и рѣшился издать альманахъ... Я надѣюсь, что вы...

Стихотворецъ. Пятую руку проходить — и всегда я попадусь... Вы издаете альманахъ? Подъ какимъ заглавіемъ?.. Прошелъ!.. я болѣе не держу.

Альманашникъ. „Восточная Звѣзда“. Я надѣюсь, что вы не откажете украсить ее драгоценными...

Стихотворецъ (беретъ стаканчикъ). Позвольте!.. сто рублей à prendre... *Sept à la main...* крепсъ... Это удивительно! Первой руки не могу пройти (плюетъ, вертитъ стулъ). Несносный альманашникъ! онъ мнѣ принесъ несчастіе!

Альманашникъ. Надѣюсь, что вы не откажетесь украсить мой альманахъ своими драгоценнѣйшими произведеніями.

Стихотворецъ. Ей-Богу, нѣтъ у меня стиховъ: всѣ разобраны журналистами, альманашниками... Держу все... Что? Прошелъ опять? это непостижимо! Проклятый альманашникъ!

Альманашникъ (вставая). Позвольте надѣяться, что если будетъ у васъ свободная пьеска... ,

Стихотворецъ (провожая его до дверей). Отыщу непременно и буду имѣть счастье вамъ доставить.

Альманашникъ. Повѣрьте, что крайность... бѣдное положеніе... жена и дѣти...

Стихотворецъ (выпроводивъ его). Насилу отвязался... Экое дьявольское ремесло!

Гость. Чье? Твое или его?

Стихотворецъ. Ужъ вѣрно мое хуже... отдавай стихи одному дураку въ альманахъ, чтобъ другою обругалъ ихъ въ журналѣ... Жена и дѣти! Чортъ его бы взялъ! Человѣкъ, кто тамъ? (Входитъ слуга). Я говорилъ тебѣ — альманашниковъ не пускать.

Слуга. Да кто ихъ знаетъ, альманашникъ ли нѣтъ ли?

Стихотворецъ. Дуракъ! это по лицу видно... Я въ рукѣ... Sept à la main... (Играютъ).

III.

Харчевня. Безстыдинъ (журналистъ) и альманашникъ обѣдаютъ.

Безстыдинъ. Гей, водки!

Альманашникъ. Девятая рюмка!.. И я за все плачу, а что толку?

Безстыдинъ. Увидишь, какъ пойдетъ нашъ альманахъ. Съ моей стороны даю тридцать четыре стихотворенія: подъ пятью подпишу А. П., подъ

пятью другими Е. Б., подъ пятью еще К. П. В., остальные пушу безъ подписи. Въ предисловіи буду благодарить господъ поэтовъ, приславшихъ намъ свои стихотворенія. Прозы у насъ вдоволь. Лихое обзорѣніе словесности, гдѣ славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы — знаешь?

Альманашникъ. Никакъ нѣтъ-съ, не знаю...

Безстыдинъ. Не знаешь? О, да ты, видно, журнала моего не читаешь... Вотъ, видишь-ли: аристократами (разумѣтся, въ ироническомъ смыслѣ) называются тѣ писатели, которые съ нами не знаются, полагая, вѣроятно, что наше общество незавидно... Мы было сперва того и не замѣтили, но уже съ годъ какъ спохватились, и съ тѣхъ поръ ругаемъ ихъ напоевалъ... Теперь понимаешь?

Альманашникъ. Понимаю.

Безстыдинъ. Водки!.. Эти аристократы (разумеется, говорю въ ироническомъ смыслѣ) вообразили себѣ, что насъ въ хорошее общество не пускаютъ... Желалъ бы я посмотрѣть, кто меня не впустить... Чѣмъ я хуже другого? Ты смотришь на мое платье...

Альманашникъ. Никакъ нѣтъ, ей-Богу. .

Безстыдинъ. Оно немного поношено: меня обманули на Вшивомъ рынкѣ... Къ тому же, я не тану франтить въ харчевнѣ, а на балахъ я великій щеголь... Это моя слабость... Если бы ты видѣлъ меня на балахъ... Я славно танцую... Я танцую французскую кадрили... Ты не вѣришь? (Встаетъ, шатаясь, танцуетъ). Каково?

Альманашникъ. Прекрасно. (Безстыдинъ заѣмляетъ стаканъ и роняетъ его). Боже мой! стаканъ въ дребезгахъ... Его поставятъ на счетъ — и еще граненый!..

Безстыдинъ. Какъ на счеты! Его склеять, вотъ и все (подбираетъ стекло и подаетъ).

Альманашникъ (расплачивается, охая, выводитъ его подъ руку, — онъ на ногахъ не стоитъ). Такъ и быть, взять извощика.

Бестыдинъ. Сдѣлай одолженіе. Посади меня верхомъ, и самъ садись поперекъ, да поѣдемъ по Невскому... Люблю франтить... Это моя слабость...

Альманашникъ. И вотъ моя послѣдняя опора! Господи, Боже мой!

IV.

(Альманашникъ въ передней сочинителя).

- Можно видѣть барина?
- Никакъ нѣтъ, онъ почиваетъ.
- Какъ, въ 12 часовъ?
- Онъ возвратился съ балу въ шестомъ часу.
- Да когда же его можно застать?
- Да почти никогда.
- Когда же вашъ баринъ сочиняетъ?
- Не могу знать.
- Экое несчастье! Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться... Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя?..

VIII.

Дѣтскія сказочки.

(1830).

I. Маленькій лжець.

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчинокъ, но имѣлъ большой поронокъ: онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобъ не солгать. Папенька

въ его именины подарилъ ему деревянную лошадку. Павлуша увѣрялъ, что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой онъ ускакалъ изъ Полтавскаго сраженія. Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится поваренокъ — астрономъ, форрейторъ — историкъ, и что птичникъ Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова. Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить даже и тогда, когда случалось ему сказать и правду.

II. Исправленный забіяка.

Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо ихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: „Пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскаль, писака, безбожникъ!“ — и кидалъ въ него грязью. Однажды степенный человѣкъ, имъ замаранный, разсердился и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣждалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячекъ сказалъ ему: „Подѣломъ тебѣ, негодяй; дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгалъ поучить тебя.“ Ванюша сталъ очень печалень и, почувствовавъ свою вину, исправился.

III. Вѣтреный мальчикъ.

Алеша былъ очень неглупый мальчикъ, но слишкомъ вѣтренъ и заносчивъ. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Когда учитель ему за это выговаривалъ, то онъ старался оправдаться разными

увертками. Когда учитель бранилъ его за французскіе и нѣмецкіе вокабулы, то онъ отвѣчалъ, что онъ русскій и что уже знаетъ Шиллинга, Фихте, Кузенья, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч. Латинскій языкъ, по его мнѣнію, вышелъ совсѣмъ изъ употребленія, а русской грамматикѣ не хотѣлъ онъ учиться потому, что недоволенъ былъ изданною для народныхъ училищъ и ожидалъ новой, философической, хотя логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Что же? При всемъ своемъ умѣ и способностяхъ, Алеша прослылъ невѣждою, и всѣ его товарищи надъ нимъ смѣялись.

IX.

О драмѣ *).

(1830).

Драматическое искусство родилось на площади — для народнаго увеселенія. Что нравится народу, что поражаетъ его? Какой языкъ ему понятенъ?

Съ площадей, ярмонки (вольность мистерій) Расинъ переноситъ ее во дворъ. Каково было ея появленіе?

(Корнель, поэтъ испанскій).

Сумароковъ, Озеровъ (Катенинъ).

Шекспиръ, Гете. Вліяніе его на нынѣшній французскій театръ, — на насъ. Блаженное невѣдѣніе критиковъ, осмѣянное Вяземскимъ; они на словахъ согласились, признали романтизмъ, а на дѣлѣ не

*) Программа: „Ошибочное понятіе о поэзіи вообще и о драматическомъ искусствѣ — въ особенности. Какая цѣль драмы? Что есть драма? Какъ она образовалась?“

только его не держатся, но дѣтски нападаютъ на него.

Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ — судьба человѣческая, судьба народная. Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки.

Что нужно драматическому писателю? Философію, безстрастіе, государственныя мысли историка, догадливость, живость воображенія, никакого предразсудка, любимой мысли. Свобода.

Между тѣмъ какъ эстетика со временъ Канта и Лессинга развита съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы все еще повторяемъ, что прекрасное есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство искусства есть польза. Почему же статуи раскрашенныя нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерском

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ драматическаго искусства. Что, если докажутъ намъ, что и самая сущность драматическаго искусства именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забытья и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящія чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но можетъ ли сей обманъ существовать въ зданіи, раздѣленномъ

на двѣ части, изъ коихъ одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ соблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то и тутъ мы увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римскіе ликторы сохраняютъ обычаи лондонскихъ алдермановъ. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полускиѣъ Ипполитъ ее поднимаетъ и говоритъ языкомъ молодого благовоспитаннаго маркиза. У Корнеля Клитемнестру сопровождаетъ швейцарская гвардія. Римляне Корнеля суть если не испанскіе рыцари, то гасконскіе бароны. Со всѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосыгаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ.

Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія сего вопроса рассмотримъ сначала, что такое драма и какая ея цѣль?

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія — драма представляетъ ему необыкновенное истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній (для него и казни — зрѣлище) — трагедія преимущественно выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоктеть, Эдипъ, Лиръ). Но привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ ужь равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него

всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемая волшебствомъ драмы; но смѣхъ скоро ослабѣваетъ, и на немъ одномъ невозможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древнѣ трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую болѣе какъ пародію. Такимъ образомъ родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что она нерѣдко близко подходитъ къ трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предлагаемыхъ обстоятельствахъ — вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества. Между тѣмъ, драма остается вѣрно первоначальному своему назначенію дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ, что привлекаетъ вниманіе образованнаго, просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ, историческихъ происшествій? Отсель исторія перенеслась на театръ; и народы, и цари выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ крикахъ. Она оставила маску преувеличенія, необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія. Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало по малу сдѣлалась благопристойна и важна.

Отсель важная разница. Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей возвышенности, и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики: зрители были образованнѣе его — по крайней мѣрѣ, такъ думалъ онъ и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унижить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спесивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая чопорность и отсель смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу (*un héros, un roi de comédie*), и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, странный, не человѣческій образъ изъясненія. У Расина, напримѣръ, Неронъ не скажетъ просто: *je serai caché dans ce cabinet*, но *caché près de ces lieux, je vous verrai, madame*. Агамемнонъ будитъ своего наперсника, говоря ему съ напыщенностію: *Oui, c'est Agamemnon, etc.*

Мы къ этому привыкли, намъ кажется, что такъ и быть должно; но надобно признаться, что у Шекспира этого не замѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія какъ простые люди. Драма оставила языкъ общенародный и приняла нарѣчіе модное, избранное, утонченное.

Не имѣю цѣлю и не смѣю опредѣлять выгоды и невыгоды той и другой трагедіи, развивать существенныя различія системъ Расина и Шекспира. Слѣ-

шу обозрѣть исторію драматическаго искусства въ Россіи.

Драма никогда не была у насъ потребностію народною. Мистеріи Д. Ростовскаго, трагедіи царевны Софіи Алексѣевны были представляемы при царскомъ дворѣ и въ палатахъ ближнихъ боярѣ и были необыкновеннымъ праздникомъ, а не постоянными увеселеніями. Первые труппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, непонимающаго драматизма и не привыкшаго къ условіямъ. Явился Сумароковъ несчастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя противосмыслія, писанныя варварскимъ изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елисаветы, какъ новость, какъ подражаніе парижскимъ увеселеніямъ. Сіи вялыя, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе. Озеровъ это чувствовалъ. Онъ попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новелль.

Послѣ Дмитрія Донскаго, послѣ Пожарскаго (произведенія незрѣлаго таланта), мы все не имѣли трагедіи. Андромаха Катенина (можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому), не разбудила, однакожъ, нашу сцену, опустѣлую послѣ Семеновы.

Ермакъ идеализированный — лирическое произведеніе въ формѣ драмы. Ермакъ, лирическое

произведеніе пылкаго юношескаго вдохновенія *), не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи...

Комедія была счастливѣе. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

Отчего же нѣтъ у насъ трагедіи? Не худо было бы рѣшить: можетъ ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась, и потомъ уже была призвана въ аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную сумароковскую трагедію низвести на площадь; но есть препятствія!

Трагедія наша, образованная по примѣру трагедіи Расина, можетъ ли отказаться отъ аристократическихъ своихъ привычекъ, отъ своего разговора, размѣреннаго, важнаго и напыщенно благопристойнаго? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ привыкла? гдѣ, у кого выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть страсти сего народа, какія струны его сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучія, — словомъ: гдѣ зрители, гдѣ публика?

Вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ же малый, ограниченный кругъ и оскорбитъ надменные его привычки (*dédaigneux*); вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мелочную, привязчивую критику. Передъ нею возстанутъ непреодолимыя преграды; для того, чтобъ она могла разставить свои подмостки, надобно было бы перемѣнить обычаи, нравы и понятія цѣлыхъ столѣтій...

*) Трагедія А. С. Хомякова, напечатанная въ началѣ 1833 г.

Передъ нами, однакожь, опытъ народной трагедіи.

Разборъ драмы: Марѳа Посадница.

Прежде чѣмъ станемъ судить, поблагодаримъ неизвѣстнаго автора за добросовѣстность его труда, поруку истиннаго таланта. Онъ написалъ свою трагедію не по расчетамъ самолюбія, жаждущаго минутнаго успѣха, не въ угожденіе общей массѣ читателей, не только не пріуготовленныхъ къ романтической драмѣ, но даже рѣшительно ей непріятствующихъ. Онъ написалъ трагедію вслѣдствіе сильнаго внутренняго убѣжденія, вполне предавшись независимому вдохновенію, уединяясь въ своемъ трудѣ. Безъ сего самоотверженія въ нынѣшнемъ состояніи нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойнаго вниманія.

Авторъ „Марѳы Посадницы“ имѣлъ цѣлю развитіе важнѣйшаго историческаго происшествія, паденія Новгорода, рѣшившаго вопросъ о единой державѣ Россіи; два великихъ лица предоставлены ему были исторію. Первое — Іоаннъ, уже начертанный у Карамзина во всемъ его грозномъ величіи; второе — Новгородъ, коего черты надлежало угадать. Драматическій поэтъ, безпристрастный какъ судьба, долженъ былъ изобразить столько же искренно отпоръ погибающей вольности, какъ глубоко обдуманнѣйшій ударъ, утвердившій Россію на ея огромномъ основаніи. Онъ не долженъ былъ хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не онъ, не его политическій образъ мнѣній, не его тайное или явное пристрастіе должно было говорить въ трагедіи, но люди минувшихъ дней, умы ихъ, предразсудки. Не его дѣло оправдывать, обвинять, подсказывать рѣчи.

Его дѣло — воскресить минувшій вѣкъ во всей его истинѣ. Исполнилъ ли сіи первоначальныя, необходимыя условія авторъ „Марѣы Посадницы“? Отвѣчаемъ — исполнилъ, и если не вездѣ, то измѣнило ему не желаніе, не убѣжденіе, не совѣсть, но природа человѣка, всегда несовершенная, — сколько глубокое добросовѣстное изслѣдованіе истины и живость воображенія юнаго, пламеннаго ему послужили.

Іоаннъ наполняетъ трагедію. Мысль его приводитъ въ движеніе всю махину, всѣ страсти, всѣ пружины. Въ первой сценѣ новгородцы узнаютъ о властолюбивыхъ его притязаніяхъ и о начатомъ походѣ. Негодованіе, ужась, разногласіе, смятеніе, произведенное симъ извѣстіемъ, даютъ уже понятіе о его могуществѣ. Онъ еще не появился, но ужь тутъ; какъ Марѣа, мы ужь чувствуемъ его присутствіе. Поэтъ переноситъ насъ въ московскій станъ, среди недовольныхъ князей, среди бояръ и воеводъ. И тутъ мысль объ Іоаннѣ господствуетъ и правитъ всѣми мыслями, всѣми страстями. Здѣсь видимъ могущество его, владычество, укрощающее мятежныхъ удѣльныхъ князей, страхъ, наведенный на нихъ Іоанномъ, сильную вѣру въ его всемогущество. Князья свободно и ясно понимаютъ его дѣйствія, предвидятъ и объясняютъ высокіе замыслы. Послы новгородскіе ожидаютъ его; является Іоаннъ. Рѣчь его къ посламъ не умаляетъ понятія, которое поэтъ успѣлъ внушить. Холодная, твердая рѣшимость, обвиненія сильныя, притворное великодушіе, хитрое изложеніе обидъ... мы слышимъ точно Іоанна, мы узнаемъ мощный государственный его смыслъ, мы слышимъ духъ его вѣка. Новгородъ отвѣчаетъ ему въ лицѣ своихъ пословъ. Какая сцена, какая брность

историческая! Какъ угадана дипломатика русскаго вольнаго города! Иоаннъ не заботится о томъ, правы ли они или нѣтъ; онъ предписываетъ свои послѣднія условія. Между тѣмъ готовится къ рѣшительной битвѣ. Но не однимъ оружіемъ дѣйствуетъ осторожный Иоаннъ. Измѣна помогаетъ силѣ. Сцена между Иоанномъ и Борецкимъ кажется намъ невыдержанною. Поэту не хотѣлось совсѣмъ унижить новгородскаго предателя; отселѣ заносчивость его рѣчей и не драматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Иоанна. Скажутъ: онъ терпитъ, ибо ему нуженъ Борецкій; правда. Но предъ его лицомъ не смѣлъ бы забыться Борецкій, и измѣнникъ не говорилъ бы уже сильнымъ языкомъ Новгорода. За то съ какой полнотою, съ какимъ спокойствіемъ развиваетъ Иоаннъ государственныя свои мысли! и замѣтимъ его откровенность: вотъ лучшая лестъ властителя и единственно его достойная. Послѣдняя рѣчь Иоанна („Россійскіе бояре, вожди, князья“ и пр.), кажется намъ не въ духѣ властвованія Иоанна. Ему не нужно воспламенять ихъ усердія; онъ не станетъ изъяснять причины своихъ дѣйствій. Довольно, если онъ скажетъ имъ: завтра битва, будьте готовы.

Мы расстаемся съ Иоанномъ, узнавъ его намѣренія, его мысли, его могучую волю — и уже видимъ его опять, когда молча вѣзжааетъ онъ побѣдителемъ въ преданный ему Новгородъ. Его распоряженія, переданныя намъ исторіей, сохранены въ трагедіи безъ добавленій затѣйливыхъ, безъ объясненій. Марѳа предрекаетъ ему семейственныя несчастія и погибель его рода...

Изображеніе Иоанна, согласно съ исторіей, почти вездѣ выдержано. Въ немъ трагикъ не ниже сво-

его предмета. Онъ его понимаетъ ясно, вѣрно, знаетъ коротко и представляетъ намъ безъ театральныхъ преувеличеній, безъ надутости, чопорности, безъ противосмысла, безъ шарлатанства...

X.

Баратынскій.

(1831).

Пора Баратынскому занять на русскомъ Парнасѣ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титуломъ генія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человечества; невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гете и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользовался обычной благосклонностію журналовъ — оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (*exagération*) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣко-

торыми эпиграммами заслужилъ негодование брати, не всегда смиренной. Какъ бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположе- ніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуточкахъ покойнаго „Благонамѣреннаго“, извѣстнаго весель- чака, замѣтимъ, что появленіе „Эды“, произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, — появленіе „Эды“ подало только поводъ къ непри- личной статейкѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“ и слабому возраженію на нее въ „Московскомъ Телеграфѣ“.

Какъ отозвался „Московскій Вѣстникъ“ о собра- ніи стихотвореній нашего перваго элегическаго по- эта? (Упоминая обо всемъ этомъ для назиданія мо- лодыхъ писателей). Между тѣмъ, Баратынскій спо- койно усовершенствовался. Послѣднія его произве- денія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма „Баль“ (напечатанная въ Сѣв. Цвѣтахъ) подтвер- ждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведение ис- полнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкно- венной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соеди- нилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію (два лица являются передъ нами; одно исключительно занимаетъ интересъ). Харак- теръ героини совершенно новый, развитый соп апоге, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и вы- разилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю пре- лость своей поэзіи *).

*) Оставлено мѣсто для выписки изъ поэмы „Баль“.

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ порицанія, укоризны; напрасно онъ съ принужденной холодною говоритъ о смерти Нины, сатирически описываетъ намъ ея похороны и шуткою кончаетъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную страстную героиню; онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и — никогда вполнѣ не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству — долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое вліяніе (ascendant).

Перечтите его Эду (которую критики наши называли ничтожною, ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій), — перечтите сію простую, восхитительную повѣсть: вы увидите, съ какою глубиною чувства развита въ ней женская любовь. Посмотрите на Эду послѣ перваго поцѣлуя предприимчиваго обольстителя:

Взоръ укоризны, даже гнѣва
Тогда поднять хотѣла дѣва,
Но гнѣва взоръ не выражалъ:
Веселость ясная сіяла
Въ ея младенческихъ очахъ...

Она любитъ, какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ, безопасно привыкаетъ къ его ласкамъ... Но время идетъ, Эда уже не ребенокъ:

На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко-зелень мохъ на нихъ,
И птичка весело запѣла,

И по гранитному одру
 Свѣтло бѣжитъ ручей сребристый,
 И лѣсъ прохладю душистой
 Съ востока вѣетъ поутру;
 Тамъ, за горою, долъ таится;
 Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;
 Уже черемухъ оиміамъ
 Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится...
 Своею нѣгою страшна
 Тебѣ волшебная весна.
 Не слушай птички сладкогласной!
 Отъ сна возставшая, съ крыльца
 Къ прохладѣ утренней лица
 Не обращай, и въ долъ прекрасный
 Не приходи...

Какая роскошная черта! какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ — ибо мыслить. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслить по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первыя, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли меньшій успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почестъ самое сіе совершенствованіе, самую зрѣ-

лость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его, и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ — юный поэтъ мужаеть, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе, и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, ка къ онъ уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ читателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ расчетамъ.¹ Будучи предметомъ ихъ неблагоклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что, съ другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки — тѣмъ не менѣе, ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третья причина — эпиграммы Баратынскаго; сіи

мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнасса. Поэтъ нашъ не только никогда не нисходилъ къ журнальной полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей діалектики, но и не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было бы жаль, если бь онъ не существовали *).

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости. Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды...

*) Эпиграмма, опредѣленная законодателемъ французской пѣтики: „Un bon mot de deux rimes orné“, скоро старѣеть и, живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго. Сатирическая мысль пріемлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства.

ХІ.

Д е л ь в и г ь .

(1831).

Дельви́гъ родился въ Москвѣ (1798...). Отецъ его, умершій генераль-маіоромъ въ 1828 году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой. ¹

Дельви́гъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнны. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему рассказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно и какъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирався кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига рзсказъ о его приключеніяхъ. Дельви́гъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его рассказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ рассказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію

ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямотушю. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣнїяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинимъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гёте прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментариемъ.² Горация изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацию. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены какъ нѣкоторое чудо.³ Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и те-

перь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

I. Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа (1830) поутру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ. — Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ восьмомъ часу, и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ. — Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. *La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa manière de composer.* Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны, но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченные въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ, Русская его идиллія, напечатанная въ самый годъ его смерти, *) была въ первый разъ рассказана мнѣ еще въ лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.

II. Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго,

*) Отставной солдатъ (Русская идиллія)—„Сѣвер. Цвѣты“ на 1830 г.

дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ...

ХІІ.

О книгѣ А. Н. Муравьева: Путешествіе къ св. мѣстамъ.

(1832).

Въ 1829 г. авторъ находился въ главной квартирѣ Дибича. — За Балканами остановились русскія войска; начались переговоры, военныя дѣйствія прекратились. Вниманіе Европы было обращено на Адрианополь, гдѣ рѣшилась судьба Греціи, цѣлыя восемь лѣтъ занимавшей помышленія просвѣщеннаго міра. Греція оживала. Могущественная помощь Сѣвера возвращала ей независимость и самобытность.

Во время переговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду смятеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ объ Іерусалимѣ, о св. храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Европою для суетныхъ развалинъ Парѣнона и Ликея. Ему представилась возможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отрочества. Г. Муравьевъ черезъ г. Дибича получилъ дозволеніе посѣтить св. мѣста и отправился къ нимъ черезъ Константинополь и Александрію. Нынѣ издалъ онъ свои путевыя записки.

Съ умиленіемъ и невольною завистью прочли мы книгу г. Муравьева... Молодого нашего соотече-

ственника привлекло туда не суетное желаніе обрѣсти краски для поэтическаго романа, не безпокойное любопытство, не надежда найти насильственные впечатлѣнія для сердца усталаго и притупленнаго. Онъ посѣтилъ св. мѣста, какъ вѣрующій, какъ смиренный, простодушный крестоносецъ, жаждущій повергнуться въ прахъ предъ гробомъ Христа Спасителя. Онъ traverse Грецію, — gréocsuré одною великою мыслию; онъ не старается, какъ Шатобріанъ, воспользоваться противоположностью миѳологій Библии и Одиссеи; онъ не останавливается, онъ спѣшитъ, онъ мимоходомъ бесѣдуетъ съ... преобразователемъ Египта, проникаетъ въ глубину пирамидъ, проникаетъ въ пустыню, оживленную черными шатрами бедуиновъ и верблюдами каравановъ, вступаетъ въ обѣтованную землю, наконецъ съ высоты вдругъ видитъ Іерусалимъ...

ХІІІ.

О книгѣ И. И. Дмитріева: Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ.

(1834).

Путешествіе etc. Картинка представляетъ etc. Эта книжка никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ автора, отъ котораго имѣлъ я счастье получить и свой (чуть ли не послѣдній). Я храню его какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоцѣнной.

Путешествіе есть веселая, незлобная шутка надъ однимъ изъ пріятелей автора. Покойный Вас. Льв. Пушкинъ отправился въ Парижъ, и его младенческій восторгъ подалъ поводъ къ сочиненію маленькой

поэмы, въ которой съ удивительною точностію изображень весь Василій Львовичъ. Это образецъ игривой легкости и живой шутки.

Для тѣхъ, которые любятъ поэзію не только въ ея лирическихъ порывахъ или въ дивномъ вдохновеніи элегіи, не только въ обширныхъ созданіяхъ драмы и эпопеи, но и въ младенческой, живой игривости шутки и въ забавахъ ума, вдохновеннаго веселостію... Виновать: я бы отдалъ все, что было написано у насъ въ подражаніе лорду Байрону, за слѣдующіе, задумчивые и неворосторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать къ друзьямъ: *)

Поэзія, какъ природа...

Есть люди, которые не понимаютъ Байрона; есть люди, которые находятъ и Горация прозаическимъ (спокойнымъ, умнымъ, разсудительнымъ, — такъ ли?). Пусть такъ; но жаль было бы, если бы не существовали прелестныя оды, которымъ подражалъ и нашъ Державинъ. Для тѣхъ, которые любятъ Катулла, Грессета и Вольтера, для тѣхъ etc. искренность драгоцѣнна въ поэтѣ. Намъ пріятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ и измѣненіяхъ его живой, творческой души: и въ печали, и въ радости, и въ порывахъ восторга, и въ отдохновеніи чувствъ, и въ ювенальскомъ негодованіи, и въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда.

Благоговѣю передъ созданіемъ Фауста, но люблю и эпиграммы etc. Есть люди, которые не признаютъ иной поэзіи, кромѣ выпренней...

*) Стихи не были выписаны Пушкинымъ.

XIV.

Замѣчанія на пѣснь о Полку Игоревѣ.

(1834).

Пѣснь о Полку Игоревѣ найдена была въ библиотекѣ графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись сгорѣла въ 1812-мъ году. Знатоки, видѣвшіе ее, сказываютъ, что почеркъ ея былъ полууставъ XV вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя нѣкоторыя мѣста остались темны или вовсе невразумительны. Многіе послѣ того силились ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ такового рода послѣдніе бывають первыми (ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ), первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Прочіе толкователи наперерывъ затмѣвали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ не основанными. Объясненіями важнѣйшими обязаны мы Карамзину, который въ своей исторіи, мимоходомъ, разрѣшилъ нѣкоторыя загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подлинности древняго памятника нашей поэзіи и возбудили жаркія возраженія. Счастливая поддѣлка можетъ ввести въ заблужденіе людей незнающихъ, но не можетъ укрыться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальполь не вдался въ обманъ, когда Чаттертонъ прислалъ ему стихотворенія стараго монаха Rowley; Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона. Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ, ни Ходаковский никогда не сомнѣвались въ подлинности Пѣсни о Полку

Игоревъ. Великій скептикъ Шлёцеръ, не видѣвъ еще Слова о Полку Игоревъ, рѣзко назвалъ оное подлогомъ; но, прочитавъ, призналъ подлинно древнее произведеніе и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

Другого доказательства нѣтъ, какъ слова самого стихотворца. Подлинность же самой Пѣсни доказываетъ духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка Пѣсни о Полку Игоревъ. Прочіе не имѣли всѣ вмѣстѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ Пѣсни темный походъ неизвѣстнаго князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ — неужто таковая смѣсь естественна? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ рапсодами.

Ломоносовъ жилъ не въ XII столѣтіи. Ломоносовскія оды писаны на русскомъ языкѣ съ примѣсю нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ имъ изъ Библии, которая лежала передъ нимъ...

§ I. „Слово о Пльку Игоревъ, сына Святъславля, внука Ольгова. Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстей о пльку Игоревъ, Игоря Святъславлича! начати же ся тѣи

пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.“

Всѣ, занимавшіеся толкованіемъ Слова о Полку Игоревѣ, перевели: „Не прилично ли будетъ намъ, не лучше ли намъ, не пристойно ли бы намъ, не славно ли, други, братья, братцы — воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославича?“ ¹ — Но въ древнемъ славянскомъ языкѣ частица *ли* не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно латинскому *pe*. Иногда „ли“ значить: „только“, иногда „бы“, иногда „же“; донинѣ въ сербскомъ языкѣ сохраняетъ она сіи знаменованія. Въ русскомъ, частица „ли“ есть или союзъ раздѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное „не“. Въ пѣсняхъ она иногда никакого смысла не имѣетъ и вставляется для мѣры, такъ же какъ и частицы: „и, что, а какъ ужь, ужь какъ“ (замѣчаніе Тредьяковскаго).

Въ другомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ „ли“ постановлено такъ же, но всѣ переводчики рѣшили, что это есть ошибка переписчика и перевели не вопросомъ, а утвердительно. ² То же надлежало бы сдѣлать и здѣсь.

Во-первыхъ, рассмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, поэтъ говоритъ: „Не воспѣть ли намъ объ Игорѣ по-старому? начнемъ же пѣть по былинамъ сего времени (т. е. по-новому), а не по замышленію Бояню (т. е. не по-старому...) Явное противорѣчіе *). Если же признаемъ, что частица

*) Очень понимаемъ, почему А. С. Шишковъ не отступилъ отъ того же мнѣнія. Сочинителю „Разсужденія о старомъ и новомъ слоgѣ“ было бы неприяно видѣть, что и во времена сочинителя Слова о Полку Игоревѣ предпочитали былины своего времени — старымъ словесамъ. — *Дет.*

„ли“ умысла вопросительнаго не даетъ, то выйдетъ: „Неприлично братья, начать стариннымъ слогомъ печальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начатъ же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна.“

Стихотворцы никогда не любили упрека въ подражаніи, и неизвѣстный творецъ Слова о Полку Игоревѣ не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть по-своему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголь бѣшетъ подтверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени (съ неправильностію въ склоненіи, коему примѣры встрѣчаются въ лѣтописяхъ) и предполагаетъ кондиціональную частицу „бы“. „Неприлично было бы.“ Вопросъ же требовалъ бы настоящаго или будущаго.

§ 2. „Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы.“

Не рѣшу, упрекаютъ ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но во всякомъ случаѣ поэтъ приводитъ сіе мѣсто въ примѣръ того, какимъ образомъ слагали пѣсни въ старину. Здѣсь полагаю описку, или поправку, впрочемъ незначительную: „растекашется мыслию по древу...“ тутъ пропущено слово „славіемъ“, которое довершаетъ уподобленіе. Г. Вельтманъ перевелъ это мѣсто: „былое воспѣть, а не вымысль Бояна, коего мысли текли въ вышину такъ, какъ соки по древу“. Удивительно! Но что есть общаго между манерною прозою г. Геснера и поэзіей пѣсни объ Игорѣ?

§ 3. „Помняшеть бо речь первыхъ временъ усобицѣ, тогда пушашеть і соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь пояше: ста-

рому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не і соколовъ на стадо лебедей пушаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.“

Ни одинъ изъ толкователей не перевелъ сего мѣста удовлетворительно. Дѣло здѣсь идетъ о Боянѣ; все это продолженіе прежней мысли: „помяная преданія о прежнихъ браняхъ (усобица значить ополченіе, брань, а не междоусобіе, какъ перевели нѣкоторые. ³ Между-усобіе есть уже слово составленное), напускалъ онъ и проч.“ Поэтъ изъясняетъ иносказательный языкъ Соловья стараго времени, и изъясненіе столь же великолѣпно, какъ и блестящая аллегорія, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ на стадо лебедей, значили 10 пальцевъ, возложенныхъ на струны. А. С. Шишковъ сравниваетъ это мѣсто съ началомъ поэмы. Толкованіе Ал. Сем. любопытно (томъ VII, стр. 43): „И такъ, надлежитъ паче думать, что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но тако жъ и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество. Можетъ быть, отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья, состязавшіеся въ славѣ, — выѣзжали на поле каждый съ соколомъ своимъ, и пускали на стадо лебединое, съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими.“

Г. Пожарскій съ симъ мнѣніемъ не согласуется. Ему кажется неприличнымъ для русскихъ князей „доказывать первенство свое, кровію пріобрѣтенное,

полетомъ соколовъ.“⁴ Онъ полагаетъ, что не князя, а стихотворцы напускали соколовъ, а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была „скромность“ стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставять себя передъ товарищами. А. С. Шишковъ, въ свою очередь, видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго „крайнюю неосновательность и несчастное самолюбіе“ (томъ II, стр. 388). Къ крайнему сожалѣнію, г. Пожарскій не возразилъ.⁵

„Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря.“ Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано Слово о Полку Игоревѣ.

„Иже истягну умъ крѣпостію своею.“ Истянулъ — вытянулъ, натянулъ, извѣдалъ, попробовалъ. (Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію; первые толкователи: напрягши умъ крѣпостію своею.) „Натянулъ какъ лукъ, изострилъ какъ мечъ“ — метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

„Наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрія плъкы на землю Половецкую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся свои воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луце жь бы потяту быти, неже полонену быти.“ Лучше быть убиту, нежели полонену. Въ русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ „ли“ послѣ „не“ — не имѣетъ силы вопросительной: „нежели.“ Слово „неже“ употреблялось во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

„А всядемъ, братіе, на свои борзые комони, да позримъ синяго Дону.“ Суевѣріе, полагавшее затмѣніе солнечное бѣдственнымъ знаменованіемъ, было нѣкогда общимъ.

„Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго.“ Слова запутаны. ⁶ Первые издатели перевели: „пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвѣщаніе и извѣдать (счастія на) Дону великомъ.“ „Заступить“ имѣеть нѣсколько значеній — омрачить, *lumen impedio*, помѣшать, удержать. „Спали князю въ умъ — желаніе и печаль. Ему знаменіе мѣшало, запрещало искусити Дону великаго. Такъ хочу же, сказалъ...“ хочу бо, рече, копіе преломити конецъ поля Половецкаго съ вами, Русици, хочу главу свою положить, а любо испити шеломомъ Дону.

„О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пѣлки ущекоталь, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени“, т. е. „сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени.“ Если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу.

„Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.“ (Четыре раза упоминается въ сей пѣснѣ о Троянѣ... но кто сей Троянъ — догадаться ни по чему невозможно“, говорятъ первые издатели... 5 стр. изд. Шишкова). Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Черезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ римскихъ укрѣпленій, извѣстный подъ названіемъ „Троянова вала“. Вотъ куда обратились толкователи и утвердили, что неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 раза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть не кто иной, какъ римскій императоръ. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Троянова можетъ ли быть принята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько

ниже опредѣляется: „вступилъ дѣвою на землю Трояню... на синемъ морѣ, у Дону“ (стр. 14, изд. Шишкова). Гдѣ же тутъ Бессарабія? „Слѣды Трояна въ Дакии, видимые по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ дунайскихъ славянъ“, говоритъ Вельтманъ. Почему же?

„Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая“, etc. Поэтъ повторяетъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ: „или не такъ ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.“

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя — не по вымыслу Бояню, а по былинамъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стоитъ иносказаній Соловья стараго времени!

„И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъ-славличя: сѣдлай, брате, свои брѣзыи комони, а мои ти готови.“ Готовы значать здѣсь извѣстны; значеніе сіе сохранилось въ иллирійскомъ славянскомъ нарѣчій. Ниже мы увидимъ, что половцы бѣгутъ „неготовыми“ (неизвѣстными) дорогами. Если же неготовыми значило бы „немоощеными“, то что же бы значило: „готовые кони — осѣдлани у Курска на переди?“

„А мои ти Куряни свѣдоми.“ Сіе повтореніе того же понятія другими выраженіями подтверждаетъ предыдущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри Священное Писаніе.

„Кмети подъ трубами повити.“ Г-нъ Вельтманъ говоритъ, что „кметь“ значитъ вообще крестьянинъ,

мужикъ: „Kar gospóda stori krivo, kmeti mórjo plázhat shivo.“

XV.

Мысли на дорогъ.

(1833—1835).

I. Шоссе.

Узнавъ, что новая московская дорога совсѣмъ окончена, я вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Я записался въ конторѣ поспѣшныхъ дилижансовъ (которые показались мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ), и 15-го октября, въ десять часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадахъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекладныхъ, я купилъ тогда дешевую коляску, и съ однимъ слугою отправился въ путь. Не знаю, кто изъ насъ, Иванъ или я, согрѣшили передъ выѣздомъ, но путешествіе наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притѣсняли; рытвины и, мѣстами, деревянная мостовая совершенно измучили. Цѣлые шесть дней тащился я по несносной дорогѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ полумертвый. Мои пріятели смѣялись надъ моею изнѣженностію, но я не имѣю и притязаній на фельдшерское геройство, и, по зимнему пути возвратясь въ Москву, съ той поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще, дороги въ Россіи (благодаря простран-

ству) хороши, и были бы еще лучше, если бы губернаторы менѣе объ нихъ заботились. Напримѣръ, дернъ есть уже природная мостовая; зачѣмъ его сдирать и замѣнять наносной землею, которая, при первомъ дождикѣ, обращается въ слякоть? Поправка дорогъ, одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, не приносить почти никакой пользы и есть большею частью предлогъ къ утѣсненію и взяткамъ. Возьмите перваго мужика, хотя крошечку смышленнаго, и заставьте его провести новую дорогу: онъ начнетъ, вѣроятно, съ того, что пророетъ два параллельные рва для стеченія дождевой воды. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ воевода вмѣсто рововъ подѣлалъ парапеты, такъ что дороги сдѣлались ящиками для грязи. Лѣтомъ дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ѣздить по пашнямъ и полямъ, потому что экипажи вязнуть и тонуть на большой дорогѣ, между тѣмъ какъ пѣшеходы, гуляя по парапетамъ, благословляютъ память мудраго воеводы. Такихъ воеводъ на Руси весьма довольно. ¹

Великолѣпное московское шоссе начато по повелѣнію императора Александра; дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Такъ должно быть и во всемъ: правительство открываетъ дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшіе способы ею пользоваться.

Не могу не замѣтить, что, со временъ восшествія на престолъ дома Романовыхъ, у насъ правительство всегда впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно. ²

Собравшись въ дорогу, вмѣсто пироговъ и холодной телятины я хотѣлъ запастись книгою, понадѣясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь

разговоровъ съ почтовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшится вы и раскрыть, возвращаясь изъ англійскаго клуба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ арабская сказка, если попадется вамъ въ казематѣ или въ поспѣшномъ дилижансѣ. Скажу болѣе: въ такихъ случаяхъ чѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотите слишкомъ скоро, она слишкомъ врѣжется въ вашу память и воображеніе; перечестъ ее уже невозможно. Книга скучная, напротивъ, читается съ разстановкою, съ отдохновеніемъ; оставляетъ вамъ способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете мѣста, вами пропущенныя безъ вниманія, и проч. Книга скучная представляетъ болѣе развлеченія. Понятіе о скукѣ весьма относительное. Книга скучная можетъ быть очень хороша; не говорю о книгахъ ученыхъ, но и о книгахъ, писанныхъ съ цѣлію просто литературною. Многіе читатели согласятся со мною, что Клариса очень утомительна и скучна, но со всѣмъ тѣмъ романъ Ричардсоновъ имѣетъ необыкновенное достоинство.

Вотъ на что хороши путешествія. ³

Итакъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я къ старому моему пріятелю Соболевскому, коего библіотекой привыкъ пользоваться. Я просилъ у него книгу скучную, но любопытную, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Пріятель мой хотѣлъ было мнѣ дать нравственно-сатирической романъ, утверждая, что скучнѣе ничего быть не можетъ, а что книга очень любопытна въ отношеніи участи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирическихъ романовъ. ⁴ „Постой, — ска-

заль мнѣ Соболевскій: есть у меня для тебя книжка“. Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайлы Хераскова книгу, повидимому, изданную въ концѣ прошлаго столѣтія. „Прошу беречь ее, — сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ. Надѣюсь, что ты вполнѣ оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность“. Я раскрылъ ее и прочелъ заглавіе: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, съ эпиграфомъ:

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лайя“.
Телемахида. Томъ II. Книга XVIII, ст. 514.

Книга — нѣкогда прошумѣвшая соблазномъ и навлекшая на сочинителя гнѣвъ Екатерины, смертный приговоръ и ссылку въ Сибирь, нынѣ типографическая рѣдкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встрѣчаемая на пыльной полкѣ бібліомана или въ мѣшкѣ бородатаго разнощика. ⁵

Я искренно благодарилъ Соболевскато и взялъ съ собою Путешествіе. Содержаніе его всѣмъ извѣстно. Радищевъ написалъ нѣсколько отрывковъ, давъ каждому въ заглавіе названіе одной изъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ нихъ излилъ онъ свои мысли безъ всякой связи и порядка. Въ Черной Грязи, пока перемѣняли лошадей, я началъ книгу съ послѣдней главы и такимъ образомъ заставилъ Радищева путешествовать со мною изъ Москвы въ Петербургъ.

2 декабря 1833. Спб.

II. Москва ⁶.

„Москва! Москва!“ восклицаетъ Радищевъ на послѣдней страницѣ своей книги, и бросаетъ желчью

напитанное перо, какъ будто мрачныя картины его воображенія разсѣялись при взглядѣ на золотыя маковки Москвы бѣлокаменной. Вотъ уже Всесвятское... Онъ прощается съ утомленнымъ читателемъ; онъ проситъ своего спутника подождать его у околицы; на возвратномъ пути онъ примется опять за свои горькія полу-истины, за свои дерзкія мечтанія. Теперь ему некогда: онъ скачетъ успокоиться въ семьѣ родныхъ, позабыться въ вихрѣ московскихъ забавъ. До свиданья, читатель! „Ямщикъ, погоняй!.. Москва, Москва!“

Многое перемѣнилось со временъ Радищева... Покидая нынѣ смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встревоженъ при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающіе меня; голова моя заранѣе кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani. Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившіе дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда жъ изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка и вездѣ была толпа. Въ залѣ благороднаго собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма — прыниками. Московскіе обѣды (такъ оригинально описанные княземъ Долгорукимъ) вошли въ

пословицу. Невинныя странности москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по своему, забавлялись какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроить себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину Рошу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четверомѣстныхъ саней поставитъ челоуѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ — и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. ⁷ Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ затѣи старушки Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники? — Все исчезло! Остались однѣ невѣсты, къ которымъ нельзя, по крайней мѣрѣ, примѣнить грубую пословицу: *vieilles comme les gues*. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтушихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ, заросшимъ травой, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вывѣска портного, который платитъ хозяину тридцать рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бель-этажъ нанятъ мадамой для пансіона — и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы — и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полиц-

мейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травой, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльные кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ нѣмецъ управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами стариннаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ двора, но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обратить навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или саратовскаго откупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры набраны кое-гдѣ — и что за кавалеры! Горе отъ ума есть картина обветшала, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, который „всякому, ты знаешь, радъ“: и князю Петру Ильичу, и французу изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая „балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздники на дачѣ“. Хлестова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!..⁸

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивление суевѣрія и предрасудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и

свободы для своей мощной и безпокойной дѣятельности. Послѣ этого, когда старая аристократія возымѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть было не возвратили Москвѣ своихъ государей; но смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права. ⁹

Упадокъ Москвы есть неминуемо слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обѣднѣніе Москвы доказываетъ и другое — обѣднѣніе русскаго дворянства, происшедшее частію отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, частію отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны, просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова. ¹⁰

Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургскіе по большей части — не литераторы, но предприимчивые и смысленные литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо, на сторонѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій. Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе писатели написали нѣсколько опытовъ, до-

стойныхъ стать наряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews; между тѣмъ какъ петербургскіе журналы судятъ о литературѣ какъ о музыкѣ, о музыкѣ какъ о политической экономіи, то есть наобумъ и какъ-нибудь, иногда впадать и остроумно, но большею частію неосновательно и поверхностно. ¹¹

Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе, вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшей цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

Кстати, я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: „Москва и Петербургъ.“ ¹²

III. Ломоносовъ.

Въ концѣ книги своей Радищевъ помѣстилъ слово о Ломоносовѣ. Оно написано слогомъ надутымъ и тяжелымъ. Радищевъ имѣлъ тайное намѣреніе нанести ударъ неприкосновенной славѣ русскаго Пиндара. Достоинно замѣчанія и то, что Радищевъ тщательно прикрылъ это намѣреніе уловками уваженія и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнѣе, нежели съ верховной властію, на которую напалъ съ такой безумной дерзостію. Онъ болѣе тридцати страницъ наполнилъ пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтобы въ концѣ своего слова помѣстить слѣдующія мятежныя строки:

Мы желаемъ показать, что въ отношеніи россійской словесности тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ въ приобрѣтеніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ не могъ. Баконъ Веруламскій не достоинъ развѣ напоминанія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножать науки? Не достойны развѣ признательности мужественные писатели, возстающіе на губительство и насилие, для того, что не могли избавить человѣчества изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтимъ Ломоносова для того, что не разумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и томился въ эпопеи, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что не всегда пронизателенъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одахъ своихъ вмѣшалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей?"

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. ¹³ Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. ¹⁴ Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекательный. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливаль онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сдѣлалась было необходимостію; къ счастію, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвра-

щеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности — вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокаторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ риѣмичествѣ, не думаетъ... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч. ¹⁵

Ничто не можетъ дать лучшаго понятія о Ломоносовѣ, какъ слѣдующій рапортъ, поданный имъ Шувалову о своихъ упражненіяхъ съ 1751 года по 1757:

„По ордеру вашего сіятельства велѣно всѣмъ академическимъ профессорамъ и адъюнктамъ, чтобы рапортовали вашему сіятельству о своихъ трудахъ и упражненіяхъ въ наукахъ съ 1751 года понынѣ. Въ силу онаго рапортуя что съ того времени до нынѣшняго числа по моей профессіи и въ другихъ наукахъ я учинилъ погодно.

Въ 1751 году. Въ Химіи. 1) Произведены многіе опыты химическіе, по большей части огнемъ, для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что значить того жъ году журналъ лабораторіи на двѣнадцати листахъ и другія записки. 2) Говорилъ сочиненную свою рѣчь о пользѣ химіи на російскомъ языкѣ. 3) Вымыслилъ нѣкоторые новые инструменты для физической химіи.

Въ Физикѣ. 1) Дѣлалъ опыты въ большіе морозы, для изысканія, какую пропорціею воздухъ сжимается и расширяется по всѣмъ градусамъ термометра. 2) Лѣтомъ дѣланы опыты зажигательнымъ стекломъ и термометромъ, коль высоко втекаетъ ртуть въ разныхъ разстояніяхъ отъ зажигательной точки. 3) Сдѣланы опыты, какъ раздѣлять олово отъ свинца однимъ плавленіемъ, безъ всякихъ постороннихъ

матерій простою механикою, что изрядной успѣхъ имѣть и весьма дешево становится.

Въ Исторіи. Читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію російской исторіи: Нестора, за нимъ Большой лѣтописецъ, Татищева первый томъ, Крамера, Вейселя, Гелмолда, Арсолда и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя экскерпты или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на пятнадцати листахъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ трагедію, Демонфонтъ называемую. 2) Сочинялъ стихи на иллюминаціи. 3) Собранныя прежде сего матеріи къ сочиненію грамматики зачалъ приводить въ порядокъ. Давалъ приватныя лекціи студентамъ въ російскомъ стихотворствѣ, и особливо Поповскому, который нынѣ профессоромъ. 4) Диктовалъ студентамъ сочиненное мною начало третьей книги краснорѣчія, о стихотворствѣ вообще.

Въ 1752 году. Въ Химіи. 1) Дѣланы многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтовъ, о чемъ явствуетъ въ журналѣ сего года, на двадцати пяти листахъ. 2) Показывалъ студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Геккеля. 3) Для яснаго понятія и краткаго познанія всей химіи диктовалъ студентамъ и толковалъ сочиненные мною въ физической химіи пролегомены на латинскомъ языкѣ, которые содержатся на тринадцати листахъ въ 150-ти параграфахъ, со многими фигурами на шести полулистахъ. 4) Изыскалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять мусію. 5) По канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ стеклъ присланнаго изъ канцеляріи строеній ученика Дружинина для здѣшнихъ стеклянныхъ заводовъ.

Въ Физикѣ. 1) Чинилъ электрическія воздушныя наблюденія съ немалою опасностію. 2) Зимой повторялъ опыты о разномъ протяженіи воздуха по градусамъ термометра.

Въ Исторіи. Для собранія матеріаловъ къ російской исторіи читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Иорнанда, Проконія, Павла Дьякона, Зонару, Теофана Исповѣдника, Леона Грамматика и иныхъ экскерптовъ нужныхъ, на пяти листахъ въ 161 статьѣ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ оду на восшествіе на престолъ ея императорскаго величества. 2) Письмо о пользѣ стекла. 3) Изобрѣталъ иллюминаціи и

сочинялъ къ нимъ стихи: на 25-е апрѣля, на 5-е сентября, на 25-е ноября. 4) Ораторіи второй части краснорѣчія сочинилъ десять листовъ.

Въ 1753 году. Въ Химіи. 1) Продолжались опыты для изслѣдованія природы цвѣтовъ, что показываетъ журналъ того же году, на пятидесяти шести листахъ. 2) По окончаніи лекцій дѣлалъ новые химико-физическіе опыты, дабы привести химію, сколько можно, къ философскому познанію и сдѣлать частью основательной физики; изъ оныхъ многочисленныхъ опытовъ, гдѣ мѣра, вѣсъ и ихъ пропорціи показаны, сочинены многія цыфирныя таблицы на двадцати-четыре-хъ полулистовыхъ страницахъ, гдѣ каждая строка цѣлый опытъ содержать.

Въ Физикѣ. 1) Съ покойнымъ профессоромъ Рихманомъ дѣлалъ химико-физическіе опыты въ лабораторіи для изслѣдованія градуса теплоты, который на себя вода принимаетъ отъ погашенныхъ въ ней минераловъ, прежде раскаленныхъ. 2) Чинилъ наблюденія электрической силы въ воздухѣ съ великою опасностію. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, съ истолкованіемъ многихъ другихъ свойствъ природы. 4) Дѣлалъ опыты, коими оказалось, что цвѣты, а особливо красный, на морозѣ ярче, нежели въ теплотѣ.

Въ Исторіи. 1) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2) Читалъ російскіе академическіе лѣтописцы, безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ российскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Для российской грамматики привелъ глаголы въ порядокъ. 2) Пять проектовъ со стихами на иллюминаціи и фейерверки: на 1-е января, на 25-е апрѣля, на 5-е сентября, на 25-е ноября и на 18-е декабря.

Въ 1754 году. Въ Химіи. 1) Сдѣланы разные опыты химическіе, которые содержатся въ журналѣ сего года, на 46 листахъ. 2) Повтореніемъ повѣрены физико-химическія таблицы, прошлаго года сочиненныя.

Въ Физикѣ. 1) Изобрѣтены нѣкоторые способы къ сысканію долготы и ширины на морѣ при мрачномъ небѣ. Въ практикѣ изслѣдовать сего безъ адмиралтейства невозможно. 2) Дѣланы опыты метеорологическіе надъ водою

изъ Сѣвернаго океана привезенною, въ какомъ градусѣ мороза она замерзнуть можетъ. Притомъ были разные химическіе растворы морожены, для сравненія. 3) Дѣланы опыты при пильной мельницѣ въ деревнѣ: какъ текущая по наклоненію вода теченіе свое ускоряетъ, и какою силою бьетъ. 4) Дѣланъ опытъ машины, которая бы, подымаясь къ верху сама, могла поднять съ собою маленькой термометръ, дабы узнать градусъ теплоты на вышинѣ, которая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась, однако къ желаемому концу не приведена.

Въ Исторіи. Сочиненъ опытъ исторіи славянскаго народа до Рюрика: дедикація, вступленіе; глава 1: о старобытныхъ жителяхъ въ Россіи; глава 2: о величествѣ и поколѣніяхъ славянскаго народа; глава 3 о древности славянскаго народа; всего шесть листовъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ оду на рожденіе государя великаго князя Павла Петровича. 2) Изобрѣлъ фейерверкъ, который былъ представленъ въ новый 1754 годъ, и стихи сдѣлалъ. Также дѣлалъ проекты на иллюминацію и фейерверкъ къ 25-му апрѣля, къ 5-му сентября, къ 25-му ноября.

Въ 1755 году. Въ Химіи. Дѣланы разные физико-химическіе опыты, что явствуетъ въ журналѣ того жъ года, на четырнадцати листахъ.

Въ Физикѣ. 1) Сочинилъ диссертацию о должности журналистовъ, въ которой опровергнуты всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ моихъ диссертаций, въ „комментаріяхъ“ напечатанныхъ; а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и упругости воздуха. Она диссертация переведена господиномъ Формеемъ на французскій языкъ, и въ журналѣ, называемомъ: Нѣмецкая бібліотека (*Bibliothèque germanique*), на ономъ языкѣ напечатана. 2) Сочинилъ письмо о сѣверномъ ходу въ Остѣ-Индію Сибирскимъ океаномъ.

Въ Исторіи. Сдѣланъ опытъ описаніемъ владѣній первыхъ великихъ князей россійскихъ: Рюрика, Олега, Игоря.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочинилъ и говорилъ въ публичномъ собраніи слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому. 2) Сочинивъ большую часть грамматики, привелъ къ концу, которая въ ны-

нѣшнемъ году печатью къ концу приходитъ. 3) Сочинилъ письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.

Въ 1756 году. Въ Химіи. 1) Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на тринадцати листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Биція мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженного металла остается въ одной мѣрѣ. 2) Учинены опыты химическіе со вспоможеніемъ воздушнаго насоса, гдѣ въ сосудахъ химическихъ, изъ которыхъ былъ воздухъ вытянутъ, показывали на огнѣ минералы такіе феномены, какіе химикамъ еще неизвѣстны. 3) Нынѣ лабораторъ Клементьевъ, подѣ моимъ смотрѣніемъ, изыскиваетъ, по моему указанію, какъ бы сдѣлать для фейерверковъ верховыя зеленыя звѣздки.

Въ Физикѣ. 1) Изобрѣтенъ мною новый оптический инструментъ, который я назвалъ никтоптическою трубою, *tubus nictopticus*; оный долженъ служить къ тому, чтобы ночью видѣть можно было. Первый опытъ показываетъ на сумеркахъ ясно тѣ вещи, которыя простымъ глазомъ не видны, и весьма надѣяться можно, что стараніемъ искусныхъ мастеровъ можетъ простереться до такого совершенства, какого нынѣ достигли телескопы и микроскопы отъ малаго начала. 2) Сдѣлалъ четыре новоизобрѣтенныя мною пендула, изъ которыхъ одинъ мѣдный, длиною въ сажень, однако служитъ чрезъ механическія стрѣлки противъ такого, который бы былъ вышиною съ четвертью на версту. Употребляется къ тому, чтобы узнать, всегда ли съ земли центръ притягающій къ себѣ тяжкія тѣла стоитъ неподвижно, или перемѣняетъ мѣсто. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи сочиненную мною рѣчь о цвѣтахъ.

Въ Исторіи. Собранныя мною въ нынѣшнемъ году російскіе историческіе манускрипты для моей библіотеки, 15 книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ российскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1) Сочиняю героическую поэму, именуемую Петръ Великій. 2) Сдѣлалъ проектъ со стихами для фейерверка 18-го декабря сего года.

Сверхъ сего въ разные годы зачаты дѣлать диссертаци: 1) О лучшемъ и ученомъ мореплаваніи. 2) О твер

домъ термометръ. 3) О трясеніи земли. 4) О первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ. 5) О градусахъ теплоты и стужи, какъ ихъ опредѣлить основательно, со мнѣніемъ о умѣренности растворенія воздуха на планетахъ. Къ совершенію привествъ отчасти препятствуютъ другія дѣла, отчасти протяжнымъ печатаніемъ „комментаріевъ“ охота отнимается*.

Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонвизинъ, коего характеръ имѣеть нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ изподтишка писалъ сатиры на Сумарокова и приѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ иного покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлѣцера, не смѣли при немъ пикнуть. Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его съ Димитріемъ Сѣменовымъ, по случаю Гимна Бородѣ, не напечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. ¹⁶ Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушень. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпечень и, кажется, жена его, хоть была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова одного стараго профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: „О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало, отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредьяков-

скій, Василій Кириловичъ, вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!“ Тредьяковскій былъ, конечно, почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изысканія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ,

Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще, изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго.

Радищевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной идилліи воспѣваетъ графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ стихами поздравляетъ графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ Финляндіи; онъ пишетъ: „Его сіятельство графъ М. Л. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія ея величеству“. Нынѣ все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе отъ одного сословія до другого въ то время еще существовало. Ломоносовъ, ро-

жденный въ низкомъ сословіи, не думаль возвысить себя наглостію и запанибратствомъ съ людьми высшаго состоянія (хотя, впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ онъ за себя постоять, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, предстателю музъ, высокому своему патрону, который вздумаль было надъ нимъ пошутить: „Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу“.

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ же вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: „Я отставлю тебя отъ академіи.“— „Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ академію отъ меня отставятъ.“ Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій. ¹⁷

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ англійской литературы. Почтенный Креббъ, умершій недавно, ¹⁸ поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his Grace the Duke etc. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, коихъ онъ удостоился, и проч. ¹⁹ Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила *m-me de Staël*, словесностію занимались большею частію дворяне (*en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature*). Это дало особенную фізіономію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и под-

носить свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него пятьсотъ рублей или перстень, украшенный драгоценными каменьями. ²⁰ Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте въ томъ усомниться. ²¹

Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который двумя или тремя чинами выше его, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который площадной руганью можетъ повредить продажѣ книги, или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупателей. Нынѣ послѣдній изъ писаекъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безыменные пасквили на людей, передъ которыми разстилается въ ихъ кабинетѣ. ²²

Къ тому жъ, съ нѣкоторыхъ поръ литература стала у насъ ремесло выгодное, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели его сіятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Какъ бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значать. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, не смотря на ихъ смиренныя посвященія; а господа NN все-таки презрительны, не смотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ благородную гордость, и что они свои сочиненія посвящаютъ не доброму и умному вельможѣ, а какому-нибудь бестіи и плуту, подобному имъ.

IV. Черная Грязь.

„Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядный опытъ самовластиа дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его приметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!.. Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный, — дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ дѣлѣ свою пользу. Первой, ради полученія мзды; другой, дабы истребляя поносительное челоуѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимущества — управлять себѣ подобнымъ самовластно. — О, горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучать моихъ...“ [Путешествіе, стр. 417-418].

Черная Грязь. Браки. Радищевъ въ главѣ: „Черная Грязь“ говоритъ о бракахъ поневолѣ и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе — или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодого мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный. ²³ Спрашивали однажды у старой крестьянки: по страсти ли вышла она замужъ? „По страсти, отвѣчала старуха: я было заупрямилась, да староста грозилъ меня высѣчь“. ²⁴ Таковыя страсти

обыкновенны. Неволя браковъ давнее зло. Недавно правительство обратило вниманіе на лѣта вступающихъ въ супружество: это уже шагъ къ улучшенію. Осмѣливаюсь замѣтить одно: возрастъ, назначенный законнымъ срокомъ для вступленія въ бракъ, могъ бы для женскаго пола быть уменьшенъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвка, и въ нашемъ климатѣ, уже на выданіи, а крестьянскія семейства нуждаются въ работницахъ.

V. Городня.

Вѣзжая въ сію деревню, не стихотворческимъ пѣснопѣніемъ слухъ мой былъ увѣряемъ, но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50, держа за голову 20-ти лѣтняго парня, вопила. Любезное мое дитяtko, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши порастутъ травою; мохомъ наша хижина. Я, бѣдная, престарѣлая мать твоя, скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери — сырой землѣ? Кто придетъ вспомнать меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той.—Подлѣ старухи стояла дѣвка, уже взрослая. Она такъ же вопила. Прости мой другъ сердечной, прости, мое красное солнушко! Мнѣ, твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше утѣхи, ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчныя наши старосты, хоть дали бъ намъ обвѣнчаться;

хотя бы ты, мой милой другъ, хотя бы одну уснулъ ноченьку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. Авось ли бы Богъ меня помиловаль, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе. — Парень имъ говоритъ: Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветь насъ государь на службу, на меня палъ жеребій. Воля Божія! Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая! береги для меня Прасковьюшку. — Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другого рода слова внялъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ 30, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго. Услышалъ Господь молитву мою, вѣщаль онъ. Достигли слезы несчастнаго до утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣтъ можетъ отъ добраго или худого моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожемъ наказанъ не буду!—Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господской былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ: Если бы, государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и, стоя между двухъ гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что переплывъ на другой берегъ опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля своей шею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ; но умирать томною смертію, подъ батожемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчушу, жаждушу, при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей считаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ несчастію ихъ горчайшему, они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но, слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ? * [Путешествіе, стр. 370 - 374].

Самая необходимая и тягчайшая изъ повинностей народныхъ есть рекрутскій наборъ. Образъ набора вездѣ различествуетъ и вездѣ влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи и со всѣмъ тѣмъ существуетъ во всей силѣ. Прусское Landwehr — система сильная и искусно приноровленная къ государству, но еще не оправданная опытомъ, возбуждаетъ уже ропотъ въ терпѣливыхъ пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи. — „Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей, считало годы ихъ кровавыми перстами, сыны въ дому отцовъ минутными гостями являлись...“ и пр. ²⁵

Рекрутство наше тяжело, лицемѣритъ нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы приучить народъ къ рекрутству! Но можетъ ли государство обойтись безъ постоянного войска? Полумѣры ни къ чему доброму не ведутъ. Конскрипція, по кратковременности службы, въ теченіе 15 лѣтъ дѣлаетъ изъ всего народа однихъ солдатъ. Въ случаѣ народныхъ мятежей, мѣщане бьются какъ солдаты, солдаты плачутъ и толкуютъ какъ мѣщане, обнимаются и обращаются противъ правительства. Обѣ стороны одна съ другой тѣсно связаны. Русскій солдатъ, на 24 года отторженный изъ среды своихъ согражданъ, дѣлается чуждъ всему, кромѣ своего долга. Онъ возвращается на родину уже въ старости. Самое его возвращеніе есть уже порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за безпорочную службу. Онъ жаждетъ одного спокойствія. На родинѣ находитъ онъ только нѣсколь-

кихъ знакомыхъ стариковъ. Новое поколѣніе его не знаетъ и съ нимъ не братается.

Власть помѣщиковъ, въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, необходима для рекрутскаго набора. Безъ нея правительство въ губерніяхъ не могло бы собрать и десятой доли требуемаго числа рекрутъ. Вотъ одна изъ тысячи причинъ, повелѣвающихъ намъ присутствовать въ нашихъ помѣстьяхъ, а не разоряться въ столицахъ подъ предлогомъ усердія къ службѣ, но въ самомъ дѣлѣ изъ единой любви къ разсѣянности и чинамъ.

Очередь, къ которой придерживаются нѣкоторые помѣщики филантропы, не должна существовать, пока существуютъ наши дворянскія права. Лучше употребить сіи права въ пользу нашихъ крестьянъ и, удаляя изъ среды ихъ вредныхъ негодяевъ, людей, заслужившихъ тяжкое наказаніе и проч., дѣлать изъ нихъ полезныхъ членовъ обществу. Безразсудно жертвовать полезнымъ крестьяниномъ, трудолюбивымъ, добрымъ отцомъ семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалаго, изъ уваженія къ какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значить эта жалкая пародія законности! Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Продажа рекрутъ была въ то время уже запрещена, но производилась еще подъ рукою. Простодумъ въ комедіи Княжнина говоритъ, что

Три тысячи скопилъ онъ дома лѣтъ въ десять,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми!

Но запрещеніе сіе имѣло свою невыгодную сторону: богатый крестьянинъ лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бѣдняковъ, коими тор-

говаль безжалостный помѣщикъ, врядъ ли черезъ то улучшалась.

VI. Клинь. ²⁶

Слѣпой старикъ поетъ стихъ объ Алексіѣ, Божьемъ человѣкѣ; крестьяне плачутъ; Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ... „О природа! koliko ты властительна!“ Крестьяне даютъ старику милостыню. Радищевъ дрожащею рукою даетъ ему рубль. Старикъ отказывается отъ него, потому что Радищевъ — дворянинъ! Онъ рассказываетъ, что въ молодости лишился онъ глазъ на войнѣ за свои жестокости. Между тѣмъ баба подноситъ ему пирогъ. Старикъ принимаетъ его съ восторгомъ. Вотъ истинная благостыня, восклицаетъ онъ. Радищевъ, наконецъ, даритъ ему шейный платокъ и извѣщаетъ насъ, что старикъ умеръ нѣсколько дней послѣ и похороненъ съ этимъ платкомъ на шеѣ. Имя Вертера, встрѣчаемое въ началѣ главы, поясняетъ загадку.

Вмѣсто всего сего пустословія, лучше было бы, если бы Радищевъ, кстати о старомъ и всѣмъ извѣстномъ стихѣ, поговорилъ намъ о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ еще не напечатаны и которыя заключаютъ въ себѣ столь много истинной поэзіи.

VII. Т в е р ь .

„Стихотворство у насъ,—говорилъ товарищъ мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе — шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ польскомъ одѣянніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полу-

кафтанѣ. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По нещастію случилось, что Сумароковъ въ то же время былъ, и былъ отмѣнной стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ вслѣдъ за ними не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложений, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Іова Псалмопѣвца дактилями, или если бы Сумароковъ Семиру или Димитрія написалъ хорееми, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь ямбовъ, и болѣе бы славы въ осьмилѣтнемъ своемъ приобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе Казани свойственнымъ эпопеи стихосложениемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ на Virgilіа надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ бы я, чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ, подобныхъ его, гекзаметрахъ, и Костровъ, хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы эпоху въ нашемъ стихосложении, ускоривъ шествіе самой поэзіи цѣлымъ столѣтіемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ составили російское стихосложение. Неутомимый возовикъ Тредіаковскій немало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложения очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложении глубокой пустили корень. Парнасъ окруженъ ямбами, и риѣмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать дактилями, тому тотчасъ Тредіаковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредіаковскаго выруютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложении препятствовать будетъ привыкшее ухо къ краесловію. Слышавъ долгое время единоголасное въ стихахъ окончаніе, безриѣміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ

французскій языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволению. Сверхъ же того въ стихотвореніи, такъ, какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно, а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ человѣческой.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ вами о разныхъ стихахъ, російскому языку свойственныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль или анапестъ, — всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было неизлишне, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы моѣ и разумніе коротки. Если совѣтъ мой можетъ что-либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что російское стихотворство, да и самъ російскій языкъ, гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэмѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генриады не былъ въ ямбахъ, а ямбы некраесловные хуже прозы. [Путешествіе, стр. 350-354].

Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силится переимѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Телемахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочтите его: Осьмнадцатое столѣтіе, Сафическія строфы, басню или, вѣрнѣе, элегію Журавли — все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ, изъ которой выписалъ я приведенный отрывокъ, помѣщена его извѣстная ода на вольность; въ ней много сильныхъ стиховъ. — Обращаюсь къ русскому стихосложенію. Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риѣмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна

вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащить за собою камень. Изъ-за чувства выглядываетъ непремѣнно искусство. Кому не надоѣли любовь и кровь, трудной и чудной, вѣрной и лицемерной и проч.?

Много говорили о настоящемъ русскомъ стихѣ. А. Востоковъ опредѣлили его съ большою ученостію и смѣлостію. Вѣроятно, будущій нашъ эпическій поэтъ избересть его и сдѣлаетъ народнымъ.

VIII. Мѣдное.

„Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ — пляшутъ — подойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля. Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ заплатить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про... или раздарено, потеряно въ огнѣ или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошелъ въ долгъ или подъ зысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется.—Публикуется: „Сего... дня, по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда или городского магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставнаго капитана Г... недвижимое имѣніе: домъ, состоящій въ... части, подъ №... и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желаящіе могутъ осмотрѣть заблаговременно“. [Путешествіе, стр. 341-342].

Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ.

IX. Вышній Волочекъ.

Въ Вышнемъ Волочкѣ Радищевъ любитъся шлюзами и благословляетъ память того, кто, уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку рукодѣльную — и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества, и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній — корыстолюбіе. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ онъ состояніе русскаго земледѣльца и рассказываетъ слѣдующее:

„Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчю называютъ, счастья, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, на примѣръ, во сто или въ двѣсти душъ, опредѣляя себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣляя къ сохѣ, но вознамѣрился найдѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи вынѣшняго вѣка воинамъ, управляемыхъ грудю, устремляющимся на бой грудю, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своей цѣли онъ отнялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ Нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣст-

ное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя, для соблюденія желудка, въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинныя розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ. — Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, дѣлали они сами, онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ урядниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ. — При такомъ заведеніи не удивительно, что земледѣліе въ деревнѣ г. Нѣкто было въ цвѣтушемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой урожай, у него родился хлѣбъ самъ-четверть; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десять и болѣе. Въ недолгомъ времени къ 200 душамъ онъ еще купилъ 200 жертвъ своему корыстолюбію и, поступая съ ними равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стѣнящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлец*. [Путешествіе, стр. 272-275].

Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мнѣ на память другого, бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ 15 тому назадъ. Молодой образъ мыслей и пылкость тогдашнихъ чувствованій отвратили меня отъ него и помѣшали мнѣ изучить одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, которые удалось мнѣ встрѣтить. Этотъ помѣщикъ былъ родъ маленькаго Людовика XI. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію, съ цѣлью, къ которой двигался онъ съ силою души необыкновенной и съ презрѣніемъ къ человѣчеству, котораго онъ не думалъ и скрывать. Сдѣлавшись помѣщикомъ 2,000 душъ,

онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ три года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности; онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барской клячею; скоть его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни штей, ни хлѣба. Одежда, обувь, выдавалась ему отъ господина. Словомъ, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помѣщика.— Какъ бы вы думали? Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Приучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара.

Х. Торжокъ.

(о цензурѣ).

Расположась обѣдать въ славномъ трактирѣ Пожарскаго, я прочелъ статью подъ заглавіемъ: „Торжокъ“. Въ ней дѣло идетъ о свободѣ книгопечатанія. Любопытно видѣть разсужденіе о семъ предметѣ человѣка, вполне разрѣшившаго самому себѣ сію свободу, напечатавъ въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выраженной выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ.

Приступая къ разсмотрѣнію сей статьи, долгомъ считаю сказать, что я убѣжденъ въ необходимости цензуры въ образованномъ, нравственномъ и хри-

стіанскомъ обществѣ, подѣ какими бы законами и правленіемъ оно ни находилось.

Мысль — великое слово! Что-жь и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.

„Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и для другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи въ числѣ 3000 экземпляровъ — и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу“.

Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ рѣчь и рукопись не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (*isolé*); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.

Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать незаконность

и безразсудность цензуры. „Если, говорить онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтѣніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило-бъ установить цензуру и на языкъ; издали бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобъ погорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то дозволеніе“.

Конечно, если бы слово не было общею принадлежностію всего человѣческаго рода, а только миліонной части онаго, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ безграмотный не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотѣями не всѣ равно обладаютъ возможностью и самую способностію писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изъ всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 рублей, бумага также чего нибудь да стоитъ. Слѣдовательно, печать доступна не всякому (не говоря уже о талантѣ etc.). Противники всякой аристокраціи, развѣ не видите вы, что аристокрація самая мощная, самая опасная, есть аристокрація людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки? Что значить аристокрація породы и богатства въ сравненіи съ аристокраціей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографическаго снаряда. Уважайте классъ писа-

телей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно.

Взгляните на нынѣшнюю Францію: Людовикъ-Филиппъ, царствующій милостію свободного книгопечатанія, принужденъ уже обуздывать сію свободу, не смотря на отчаянные крики оппозиціи.

Я сказалъ откровенно и по чистой совѣсти мнѣніе мое о свободѣ книгопечатанія; столь же откровенно буду говорить и о цензурѣ.

Высшій присутственный приказъ въ государствѣ есть тотъ, который вѣдаетъ дѣла ума человѣческаго. Уставъ, коимъ судія долженъ руководствоваться, долженъ быть священъ и непреложенъ *). Книга, являющаяся передъ его судомъ, должна быть принята не какъ извощикъ, пришедшій за номеромъ, дающимъ ему право изъ платы рыскать по всему городу, но съ уваженіемъ и снисходительностію. Цензоръ есть важное лицо въ государствѣ, санъ его имѣетъ нѣчто священное. Мѣсто сіе долженъ занимать гражданинъ, извѣстный своимъ умомъ и познаніями, а не первый коллежскій ассессоръ, который, по свидѣтельству формуляра, читать и писать учился въ университетѣ. Разсмотрѣвъ книгу и давъ оной права гражданства, онъ уже за нее отвѣчаетъ, ибо слишкомъ было бы жестоко подвергать писателя, честно соблюдающаго узаконенныя правила, двойной и тройной отвѣтственности, подъ предлогомъ злоумышленія, Богъ вѣдаетъ какого.²⁷ Но и цензора не должно запугивать, придираясь къ нему за мелочи, неумышленно пропущенныя имъ, и дѣлая изъ него уже не стража государственнаго благоденствія, но грубаго буточника, поставленнаго на перекресткѣ

*) Несостоятельность закона столь же вредитъ правительству (власти), какъ и несостоятельность денежнаго обязательства. Авт.

съ тѣмъ, чтобъ не пропускать народа за веревку. Большая часть писателей руководствуется двумя сильными пружинами, одна другой противодѣйствующими: тщеславіемъ и корыстолюбіемъ. Если запретительною системою будете вы мѣшать словесности въ ея торговой промышленности, то она предастся въ глухую рукописную оппозицію, всегда заманчивую, и успѣхами тщеславія легко утѣшится о денежныхъ убыткахъ.

Земская цензурная управа тщательно должна быть отдѣлена отъ цензуры духовной, какъ было донинѣ въ Россіи. Цензоръ духовнаго званія не можетъ иногда безъ явнаго неприличія позволить то, что въ свѣтскомъ писателѣ не подлежитъ ни малѣйшей укоризнѣ, напримѣръ, — божбу, шутки надъ нѣкоторыми грѣхами. Что было бы верхомъ неприличія въ книгѣ ѳеологической, то развѣ лицемѣръ или глупецъ можетъ осудить въ комедіи или въ романѣ.

Нравственность (какъ и религія) должна быть уважаема писателями. Безнравственныя книги суть тѣ, которыя потрясаютъ основанія гражданскаго общества, тѣ, которыя проповѣдуютъ развратъ, разсѣваютъ личную клевету, или кои цѣлю имѣютъ распаленіе чувственности эротическими изображеніями. Тутъ необходимъ въ цензорѣ здравый умъ и чувство приличія, ибо рѣшеніе его зависитъ отъ сихъ двухъ качествъ. Не долженъ онъ забывать, что большая часть мыслей не подлежитъ отвѣтственности, какъ тѣ дѣла человѣческія, которыя законъ оставляетъ каждому на произволь его совѣсти.

Было время — слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится — что наши писатели были преданы на произволь цензуры самой безсмы-

сленной. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ говоритъ о небесныхъ глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто небесныхъ—голубые, „ибо слово небо принимается иногда въ смыслѣ высшаго Промысла“. Въ шотландской балладѣ Жуковского назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашель, что въ такой великій праздникъ грѣшитъ неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью и написалъ на полѣ: „перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики“. Ода „Похвала водкѣ“ была запрещена, потому что пьянство запрещено божескими и человѣческими законами. Спрашивается: каковъ былъ цензоръ, и каково было писателямъ?

Радищевъ въ статьѣ своей помѣстилъ „Историческое повѣствованіе о происхожденіи цензуры“. Если бы вся кнѣга была написана какъ этотъ отрывокъ, то, вѣроятно, она бы не навлекла грозы на автора. Въ сей статьѣ Радищевъ говоритъ, что цензура была въ первый разъ установлена инквизиціей. Радищевъ не зналъ, что новѣйшее судопроизводство установлено во всей Европѣ по образу и по системѣ судопроизводства инквизиціоннаго (пытка, разумѣется, въ сторону). Инквизиція была потребностью вѣка; исторія ея мало извѣстна и ожидаетъ еще безпристрастнаго изслѣдованія. То, что въ ней отвратительно, есть необходимое слѣдствіе духа кроваваго времени.

XI. Русская изба.

Въ Пешкахъ (на станціи, нынѣ уничтоженной) Радищевъ сѣлъ кусокъ говядины и выпилъ чашку кофею. Онъ пользуется симъ случаемъ, дабы упомянуть о несчастныхъ африканскихъ невольникахъ, и тужить о судьбѣ русскаго крестьянина, не употребляющаго сахара. Все это было тогдашнимъ моднымъ красноречіемъ. Но замѣчательно описаніе русской избы:

Четыре стѣны, до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутой пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякой день есть пустая штѣ!); деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; столъ, топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ; корыто, кормить свиней или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію, кадка съ квасомъ, на укусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки съ лаптями для выхода*. [Путешествіе, стр. 412-413].

Очевидно, что Радищевъ начерталъ карикатуру, но онъ упоминаетъ о банѣ и о квасѣ, какъ о необходимыхъ русскаго быта. Это уже признакъ довольства. Замѣчательно, что наружный видъ русской избы мало перемѣнился со времени Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его путешествію. Ничто такъ не похоже на русскую деревню въ XVI столѣтіи, какъ русская деревня въ 1833 году. Изба, мельница, заборъ, даже эта елка,

это печальное тавро сѣверной природы — ничто, кажется, не измѣнилось. Однако произошли улучшения, по крайней мѣрѣ на большихъ дорогахъ: труба въ каждой избѣ; стекла замѣнили натянутый пузырь; вообще болѣе чистоты, удобства, того, что англичане называютъ *comfort*. Замѣчательно и то, что Радищевъ, заставивъ свою хозяйку жаловаться на голодъ и неурожай, оканчиваетъ картину нужды и бѣдствія сею чертою: „и начала сажать хлѣбы въ печь“.

Фонвизинъ, лѣтъ 15 передъ тѣмъ путешествовавшій по Франци, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба русскаго крестьянина показалась ему счастливѣе судьбы французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Лабрюера *); слова госпожи Севинье еще сильнѣе тѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто рассказываетъ, что видитъ и къ чему привыкла. Судьба французскаго крестьянина не улучшилась въ царствованіе Людовика XV и его преемника.

Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой — какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сук-

*) L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, repandus par la campagne, noirs, livides et tout brûlés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible: ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines: ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manger de ce pain qu'ils ont semé. (Les caractères). — *Am.*

нахъ г-на Смита или объ иголкахъ г-на Джаксона. И замѣтите, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе англійскаго работника; но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячь пять или шесть народу и лишаящей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію... У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ не разорителенъ (кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленности усиливаетъ и раздражаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволь своего крестьянина доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышленяетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ выработывать себѣ деньгу... Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣлости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова по-русски, и вездѣ его понимаютъ, исполняютъ его требованія, заключаютъ съ нимъ условія. Никогда не встрѣтите вы въ нашемъ народѣ того, что французы называютъ *un badaud*; никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ собственнаго своего жилища. Нищій, уходя

скитаться по міру, оставляетъ свою избу. Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову вездѣ въ Европѣ есть знакъ роскоши; у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности. Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу: каждую субботу ходитъ онъ въ баню; умывается по нѣскольку разъ въ день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства; я говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ, — и это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ. Конечно, должны еще произойти великія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества...

ХІІ. Этикеть. ²⁸

„Власть и свободу сочетать должно на всеобщую пользу“. Истина неоспоримая, коею Радищевъ заключаетъ начертаніе объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ, исполненное мыслей большею частью ложныхъ, хотя и пошлыхъ.

Предполагать униженіе въ обрядахъ, установленныхъ этикетомъ, есть просто глупость. Англійскій лордъ, представляясь своему королю, становится на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Это не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякій день подписываемся покорнѣйшими слугами — и, кажется, никто изъ этого еще не заключалъ, чтобъ мы просились въ камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые нѣкогда при дворахъ нашихъ царей, уничтожены Петромъ Великимъ при всеобщемъ переворотѣ. Екатерина II занялась и симъ уложеніемъ, и установила новый этикетъ. Онъ имѣлъ передъ этикетомъ, наблюдаемымъ въ другихъ державахъ, то преимущество, что былъ основанъ на правилахъ здраваго смысла и вѣжливости общепонятной, а не на забытыхъ преданіяхъ и обыкновеніяхъ, давно измѣнившихся. Покойный государь Александръ Павловичъ любилъ простоту и непринужденность. Онъ ослабилъ снова этикетъ, который, во всякомъ случаѣ, не худо возобновить. Конечно, государи не имѣютъ нужды въ обрядахъ, часто для нихъ утомительныхъ; но этикетъ есть также законъ; къ тому же, онъ при дворѣ необходимъ, ибо всякому, имѣющему честь приближаться къ царскимъ особамъ, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Гдѣ нѣтъ этикета, тамъ придворные въ поминутномъ опасеніи сдѣлать что-нибудь неприличное. Нехорошо прослыть невѣжею, неприятно казаться и подслужливымъ, и выскочкою.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Разговоръ съ англичаниномъ о русскихъ крестьянахъ. ²⁹

Строки Радищева навели на меня уныніе. Я думалъ о судьбѣ крестьянина:

Къ тому-жъ подушная, барщина, оброкъ!

Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ англичанинъ, человѣкъ лѣтъ 36. Я обратился къ нему съ вопросомъ: что можетъ быть несчастнѣе русскаго крестьянина?

Англичанинъ. — Англійскій крестьянинъ.

Я. — Какъ! свободный англичанинъ, по вашему мнѣнью, несчастнѣе русскаго раба?

Онъ. — Что такое свобода?

Я. — Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

Онъ. — Слѣдовательно, свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы, или естественныя препятствія.

Я. — Такъ; но разница: покоряться законамъ, предписаннымъ нами самими, или повиноваться чужой волѣ.

Онъ. — Ваша правда. Но развѣ народъ англійскій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?

Я. — Въ чемъ вы полагаете народное благополучіе?

Онъ. — Въ умѣренности и соразмѣрности податей.

Я. — Какъ?

Онъ. — Вообще повинности въ Россіи не очень тягостны для народа: подушныя платятся міромъ, оброкъ не разорителенъ (кромѣ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленника умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Во всей Россіи помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своему крестьянину доставать оный, какъ и гдѣ хочетъ. Крестьянинъ промышленяетъ, чѣмъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ вырывать себѣ деньгу. И это называете вы рабствомъ? Я не знаю во всей Европѣ народа, которому было бы дано болѣе простора дѣйствовать.

Я. — Но злоупотребленія частныя...

Онъ. — Злоупотребленій вездѣ много. Прочтите

жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ — волосы встанутъ дыбомъ; вы подумаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Шмидта или объ иголкахъ г-на Томпсона. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой — какая страшная бѣдность! Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго.

Я. — Вы не читали нашихъ уголовныхъ дѣлъ.

Онъ. — Уголовныя дѣла вездѣ ужасны. Я говорю вамъ о томъ, что въ Англійи происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона, не о злоупотребленіяхъ, не о преступленіяхъ: нѣтъ въ мірѣ несчастіе англійскаго работника. Но посмотрите, что дѣлается у насъ при изобрѣтеніи новой машины, вдругъ избавляющей отъ каторжной работы тысячъ пять, десять народу, но лишаящей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію...

Я. — Живали вы въ нашихъ деревняхъ?

Онъ. — Я видалъ ихъ проѣздомъ и жалѣю, что не успѣлъ изучить нравы любопытнаго вашего народа.

Я. -- Что поразило васъ болѣе всего въ русскомъ крестьянинѣ?

Онъ. — Его опрятность и свобода.

Я. — Какъ это?

Онъ. — Вашъ крестьянинъ каждую субботу ходитъ въ баню; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. О его смысленности говорить нечего: путешественники ѣздятъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова вашего языка, и вездѣ ихъ понимаютъ,

исполняютъ ихъ требованія, заключаю:ть условія: никогда не встрѣчалъ я между ними то, что сосѣди называютъ un badaud, никогда не замѣчалъ въ нихъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Переимчивость ихъ всѣмъ извѣстна; проворство и ловкость удивительны.

Я. — Справедливо. Но свобода? Неужто вы русскаго крестьянина почитаете свободнымъ?

Онъ. — Взгляните на него: что можетъ быть свободнѣе его обращенія съ вами? Есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? Вы не были въ Англіи?

Я. — Не удалось.

Онъ. — То-то! Вы не видали оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другого; вы не видали раболѣпства masters нижней палаты передъ верхней, джентльмена передъ аристократіею, купечества передъ джентльменствомъ, бѣднаго передъ богатымъ, повиновенія предъ властію. А продажные голоса, а уловки министерства, а поведеніе наше съ Индіей, а отношенія наши со всѣми другими народами!

Англичанинъ мой разгорячился и совсѣмъ отдалился отъ предмета нашего разговора. Я продолжалъ слѣдовать за его мыслями, и мы пріѣхали въ Клинь.

9 декабря.

II. О русской литературѣ, съ очеркомъ французской.³⁰

Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно

относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеологизма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опреѣленіе самое не точное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ сии признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны отнести тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно, сюда принадлежатъ: эпопея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, ироида, эклога, элегія, эпиграмма и баснь. Если же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горация, „Освобожденный Іерусалимъ“ отъ „Энеиды“ — всѣ они, однакожь, принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзіи грековъ и римлянъ. Каждый образованный европеецъ долженъ имѣть достаточное понятіе о безсмертныхъ созданіяхъ величавой древности. Взглянемъ на происхожденіе и постепенное развитіе поэзіи новыхъ народовъ.

Западная Имперія клонилась къ паденію, а съ нею — науки, словесность и художества. Наконецъ, она пала, просвѣщеніе погасло, невѣжество омрачило Европу. Едва спаслась латинская грамота въ пыли книгохранилищъ монастырскихъ; монахи соскобляли

съ пергамента стихи Лукреція, Виргилія, и вмѣсто нихъ писали на немъ свои хроники и легенды.

Поэзія проснулась подъ небомъ полуденной Франціи; риѐма, новое украшеніе стиха, съ перваго взгляда столь мало значущее, отозвалась въ романскомъ языкѣ, — имѣла сильное вліяніе на словесность новѣйшихъ народовъ. Побѣжденная трудность всегда приноситъ намъ удовольствіе; любить соотвѣтственность (*symmetria*), размѣренность — свойственно уху человѣческому; ухо обрадовалось удареніямъ звуковъ. Трубадуры играли риѐмою, изобрѣтали для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, придумывали самыя затруднительныя формы; явились тріолеть, баллада, рондо, сонеть и пр. Отъ сего произошла необходимая натяжка выраженія, какое-то жеманство, вовсе неизвѣстное древнимъ; мелочное остроуміе замѣнило чувство, которое не можетъ выражаться въ тріолетахъ. Мы находимъ несчастныя сіи слѣды въ величайшихъ геніяхъ новѣйшихъ временъ.

Но умъ не можетъ довольствоваться однѣми игрушками гармоніи. Воображеніе требуетъ картинъ и разсказовъ; трубадуры обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія, воспѣли любовь и войну, оживили народныя преданія; родились ле, романъ и фабліо.

Темныя понятія о древней трагедіи и церковныя празднества подали поводъ къ сочиненію таинствъ (*mystères*). Почти всѣ писаны на одинъ образецъ и подходятъ подъ одно условіе; но въ то время не было Аристотеля для установленія непреложныхъ законовъ мистической драматургіи.

ВСТУПЛЕНИЕ.

I. Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судьбъ Европы. ³¹ Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу порабощенную Русь и возвратились въ степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы; но Европа въ отношеніи Россіи всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна.

Духовенство, пощаженное удивительною смѣтливостію татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искры блѣдной византійской образованности. Въ безмолвіи келій иноки вели свои непрерывныя лѣтописи; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь порабощенного народа не развивалась. Великая эпоха возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣвственными восторгами, и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отозвались въ краяхъ печальнаго сѣвера. Нашествіе татаръ не было, подобно наводненію мавровъ, плодотворнымъ: татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи. Нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ

возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынь нашей словесности.

II. Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

Боярство домогалось аристократіи. Два великана — Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго татарское, и уже ей были нужны всѣ возрождающіяся ея силы, дабы противоборствовать Польшѣ. Царская власть ополчилась на боярство; вожди сихъ различныхъ усилій, цари и бояре, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отселѣ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова съ [Даніей], условія, подписанныя польскимъ королевичемъ аристократіи XVII столѣтія, посольства Алексѣя Михайловича (во Францію, къ Людовику XIV). Наконецъ — крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпріятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для чело-вѣчества. Успѣхъ петровскаго преобразованія былъ слѣдствіемъ полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ своей творческой дѣятельности, еще только въ поль-ножны вложивъ побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ государства. Даже мѣры революціонныя, предпріятыя имъ по необходимости въ минуту [борьбы] и которыя потомъ не успѣлъ онъ отмѣнить, надолго еще возымѣли

силу закона. Напримѣръ: дворянство, даруемое порядкомъ службы, мимо верховной власти; преимущества, данныя чиновникамъ (замѣчательный неуспѣхъ).

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но пронизательный. Онъ возвысилъ Теофана, ободрилъ Копіевича, наказалъ Татищева за его легкомысліе, угадалъ Тредьяковскому, вѣчному труженику, печальную его участь, безсиліе и трудолюбіе.

Наслѣдники Великаго пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но интриги Меншикова, пронырство Долгорукихъ, тайный заговоръ стариннаго боярства, въ конецъ притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство. Наконецъ, воцарилась Елизавета. При ней рождается русская словесность.

III. Просвѣщеніе Россіи.

Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, ниспровергнулъ все старое, и европейское вліяніе разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія ³² — наши войска. Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учрежденій.

Но сѣмена просвѣщенія были посѣяны.

Петръ первый былъ нетерпѣливъ: ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и въ лѣтописяхъ.

Новая словесность — отголосокъ новообразован-

наго общества. Сынъ молдавскаго господаря, юноша, обрусѣвшій въ походахъ Петровыхъ, въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горация и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ поэтомъ Людовика XIV, между тѣмъ какъ сынъ холмогорскаго рыбака скитался по германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшеда и передавалъ звучному русскому языку отголоски нѣмецкой поэзіи.

Но, приступая къ описанію словесности русской, мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, которая имѣла на нее долгое, рѣшительное вліяніе. ³³

Два обстоятельства имѣли рѣшительное дѣйствіе на духъ европейской поэзіи: нашествіе мавровъ и крестовые походы.

Мавры внушили ей изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе Востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзіи.

Отрасли романтической поэзіи пышно процвѣли въ Италіи и Гишпаніи. Италія присвоила себѣ эпопею; полу-африканская Гишпанія завладѣла трагедіей и романомъ; Англія противу именъ Данте, Аріоста, Кальдерона съ гордостію выставила имена Спенсера, Мильтона, Шекспира; въ Германіи (что довольно странно) отличилась новая сатира, ѣдкая, шутливая. Во Франціи тогда поэзія все еще младенчествовала. Лучшій стихотворецъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Мароть, жившій въ одно

время съ Ариостомъ и Камоэнсомъ, *rima des triolets, fit fleurir la ballade*. Проза имѣла уже сильный перевѣсъ: скептикъ Монтань, циникъ Рабле были современниками Тассу.³⁴

Въ Италіи и Гишпаніи народная поэзія уже существовала прежде появленія ея геніевъ. Они пошли по дорогѣ, уже проложенной. Были поэмы прежде Ариостова Orlando, были трагедіи прежде созданий de Vega и Кальдерона. Во Франціи просвѣщеніе застало поэзію въ ребячествѣ, безъ всякаго направленія, безъ всякой силы. Образованные умы вѣка Людовика XIV справедливо презрѣли ея ничтожность и обратились къ древнимъ образцамъ. Буало, человѣкъ, одаренный умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ, обнародовалъ свой коранъ, и французская словесность ему покорилась.

P. S. Не должно думать, однакожь, чтобъ и во Франціи не остались никакіе памятники чистой романтической поэзіи: сказки Лафонтена и Вольтера и Дѣва сего послѣдняго носятъ на себѣ ея клеймо. Не говорю ужь о многочисленныхъ подражаніяхъ, по большей части посредственныхъ: легче превзойти геніевъ въ забвеніи всѣхъ приличій, нежели въ поэтическомъ достоинствѣ.

*

Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною, и стали стараться пересоздать его по образцу древняго греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ славяно-руссовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбеллэ остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправ-

ленія, ему чуждаго, и пошелъ опять своею дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостію оцѣненный великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence... etc.

Но Малербъ нынѣ забыть подобно Ронсару. Сии два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли — истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

*

Какимъ чудомъ, посреди общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка? Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, покровительство ли Людовика XIV — причиною такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣздіе геніевъ вдругъ является, блеститъ и исчезаетъ? Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинь, Мольеръ и Лафонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе.

*

Нѣкто у насъ сказалъ, что французская словесность родилась въ передней etc. ³⁵ Это слово было повторено и во французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (*opinion déplorable*). Это не

мнѣніе, но истина историческая, буквально выраженная: Маротъ былъ камердинеромъ Франциска I-го (valet de chambre), Мольеръ — камердинеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ (особенно Вольтеръ) конечно, дошли до гостиной, но все-таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію принаравливаться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ поэтовъ не выѣзжалъ изъ Парижа. Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полу-шутливымъ, полу-важнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя неуспѣхъ своей Гоэоли. Публика (о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?) — невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они (писатели) обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ репутацію или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

Не смотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій челоѣкъ, унизившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также связать и литературу. Писатели, классъ бѣдный и незнатный, были призваны ко двору и задарены, какъ и дворяне. Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили придворную должность. Корнель, Расинъ тѣшили короля своими трагедіями; Буало воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его вниманія; Боссюэтъ и Флешье проповѣдывали слово Божіе въ его придворной капеллѣ; камердинеръ Мольеръ при дворѣ смѣялся надъ придворными. Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила хвалу великаго короля. Были исключенія: бѣдный дворянинъ Лафонтенъ, не смотря на господствующую набожность, печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ, а сладкорѣчивый епископъ, въ книгѣ, наполненной смѣлою философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; за то Лафонтенъ умеръ безъ пенсіи, а Фенелонъ — въ своей епархіи, отдаленный отъ двора за мистическую ересь. — Отселѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣмъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противоположнѣе поэзіи, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ господствующей религіи, вѣчнаго

источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслю умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ Магомета съ намѣреніемъ очернить католицизмъ. Онъ шестьдесятъ лѣтъ наполнялъ театр трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставлялъ онъ свои лица, кстати и некстати, выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ перелетными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною риемою и метромъ отличавшимся отъ прозы. И эта личность не владѣла верхомъ поэзіи; наконецъ, и онъ однажды, въ своей старости, становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены въ жертву демону смѣха и ироніи.³⁶ Вліяніе Вольтера было неимоверно. Около великана копошились пигмеи, стараясь привлечь его вниманіе. Умы возвышенные слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо провозглашаетъ себя его ученикомъ; пылкій Дидротъ есть самый ревностный изъ его апостоловъ. Англія, въ лицѣ Юма и Гиббона, привѣтствуетъ его; Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку: Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуя Новый Свѣтъ словами, дотолѣ несслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голосъ молодого Мирабо, по-

добно отдаленной бурѣ, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ тока. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ. Министры Людовика XVI нисходятъ на арену спорить съ писателями. Старая Академія, созданная Людовикомъ XVI, хохочетъ и рукоплещетъ. Слѣды великаго вѣка (какъ называли французы вѣкъ Людовика XIV) исчезаютъ. Древность осмѣяна, обругана; поэзія истощается, превращается въ мелочныя игрушки остроумія; романъ дѣлается скучною проповѣдью или галлереею соблазнительныхъ картинъ...

Европа, очарованная, оглушенная славою французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты кафедр провозглашаютъ правила французской критики. Англія слѣдуетъ за Франціею на поприще философіи; поэзія въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи; Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Италія отрывается отъ Данте; Metastasio подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

*

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинныя памятники, сравнить ихъ съ этою бездною поэмъ, романсовъ ироическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе

завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ мавровъ, Мы бы увидѣли разницу между простодушною сатирою французскаго труппера и лукавой насмѣшливостію скомороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь — и на ней возвышается единственный памятникъ: Пѣснь о Полку Игоревѣ.

*

- Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковскій. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его бездарностью. Постоянное бореніе Тредьяковскаго. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина (Вольтеръ). Фонвизинъ. Державинъ.

Начало русской словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горацин, умираетъ 28-ми лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармоніею риѣмы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, *degoûté* славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій — одинъ, понимающій свое дѣло...

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность *envahit tout*. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки — грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, М-те Жан-лисъ, — овладѣваютъ русской словесностію...

XVI.

Лордъ Байронъ.

(1835).

Родъ Байроновъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ англійской аристократіи, младшей между европейскими, произошелъ отъ нормандца Ральфа де-Бюронъ (или Бирона), одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя. Имя Байроновъ съ честію упоминается въ англійскихъ лѣтописяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643 г. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя онъ наслѣдовалъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того, слава, имъ самимъ пріобрѣтенная, принесла ему мелочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго лорда, предавая его на произволь молвы, ко всему равнодушной и ничего не уважающей.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormonthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ разсчетливый вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной дочери и наслѣдницѣ Георгія Gordon, владѣльца гайфскаго. Бракъ сей былъ несчастливъ: 23,500 фунт. стерл. (587,500 руб.) были растрчены въ два года — и mistress Байронъ осталась при 150 ф. стерл. годового дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787 года.

Въ слѣдующемъ году, 22-го января, леди Байронъ родила единственнаго своего сына, Георгія Гордона Байрона. (Вслѣдствіе распоряженій фамилльныхъ, наслѣдница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона). Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу, и л. Байронъ полагалъ тому причиною стыдливость или упрямство своей матери.

Въ 1790 году, леди Байронъ удалилась въ Абердинъ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколько времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкомъ несовмѣстны; вскорѣ потомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, выманивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валансьенѣ въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердинѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ, но на другой же день онъ отослалъ неугомоннаго ребенка къ его матери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мистриссъ Байронъ была проста, вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна; но твердость, съ которою она умѣла перенести бѣдность, дѣлаетъ честь ея правиламъ. Она держала одну только служанку, и когда, въ 1798 году, повезла она молодого Байрона вступать во владѣніе Ньюстида, долги ея не превышали шестидесяти фунтовъ стерлинговъ.

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унижительными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ абердинской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ и болѣе отличался въ играхъ.

По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Питерсонъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году леди Байронъ повезла его въ горы, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Бематера.

Суровыя красоты шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

Около того же времени осьмилѣтній Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. Семнадцать лѣтъ послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ описалъ свою раннюю любовь.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый лордъ Вильгельмъ Байронъ. За четыре года передъ симъ родной внукъ его скончался въ Корсикѣ, и маленькій Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода; но, какъ несовершеннолѣтній, онъ отданъ былъ въ опеку лорду Карлилю, дальнему его родственнику, и восхищенная mistress Байронъ осенью того же года оставила Абердинъ и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Лили Грѣ.

Лордъ Вильгельмъ, братъ адмирала Байрона, родного дѣда его, былъ человѣкъ странный и несчастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника и сосѣда, г. Навотъа. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло это произвело много шума, и палата перовъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однакожь освобожденъ отъ наказанія; съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его

причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплетень и клеветы. Носились самые нелѣпыя слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли, что онъ однажды покушался ее утопить въ ньюстидскомъ пруду. ¹

Онъ старался разорять свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники его были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на всю скупость, старый лордъ имѣлъ часто нужду въ деньгахъ и доставалъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рогдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права (что знали и покупщики, но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю).

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ мальчикъ, что живетъ въ Абердинѣ.

Первые годы, проведенные лордомъ Байрономъ въ состояніи бѣдномъ, не соотвѣтствовавшемъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно потрясаемая чувствительность, оставили въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которыя потомъ сдѣлались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона — частію врожденныя, частію заимствованныя. Муръ замѣчаетъ спра-

ведливо, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства, и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны смѣлая предприимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой — необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по себѣ лордомъ Вильгельмомъ, сильно подѣйствовала на воображеніе его наслѣдника: многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго ньюстидскаго барона.

Обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло столь же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена, и Байронъ остался хромъ на всю свою жизнь. Этотъ физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды мистриссъ Байронъ выбрала его хромымъ мальчишкою. Онъ, будучи собою красавецъ, воображалъ себѣ я уродомъ и дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый сей недостатокъ усиливалъ въ немъ желаніе отличиться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства.

XVII.

О повѣстяхъ Павлова.

(1835).

Три повѣсти г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ разсказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, къ которому не

приучили насъ записные наши романисты. Повѣсть Именины, не смотря на свою занимательность, представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеализированное лакейство имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, неприятное для здраваго вкуса. Можетъ быть, это же самое происшествіе представляло въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драматическія, но требовало и кисти болѣе сильной, и болѣе глубины въ знаніи человѣческаго сердца. Аукціонъ есть очень милая шутка, легкая картинка, въ которой оригинально вмѣщены три или четыре лица. А я на аукціонъ, а я съ аукціона— черта истинно комическая.

Объ Ятаганѣ скажемъ то же, что и объ Именинахъ. Занимательность этой повѣсти не извиняетъ несообразности. Развязка несбыточна, или, по крайней мѣрѣ, есть анахронизмъ. За то всѣ лица живы и дѣйствуютъ и говорятъ каждый, какъ ему свойственно и говорить, и дѣйствовать. Въ слогѣ г. Павлова, чистомъ и свободномъ, изрѣдка отзывается манерность въ описаніяхъ, близорукая мелочность нынѣшнихъ французскихъ романистовъ. Г. Павлова такъ расхвалили въ Московскомъ Наблюдателѣ, что мы въ сихъ строкахъ хотѣли ограничить наши замѣчанія одними порицаніями, но въ заключеніе должны сказать, что г. Павловъ первый у насъ написалъ истинно-занимательные рассказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ по выраженію одной дамы, забываютъ даже обѣдать.

Талантъ г. Павлова выше его произведеній. Въ доказательство привожу одно мѣсто, гдѣ чувство истины увлекло автора даже противу его воли. Въ Именинахъ, не смотря на то, что выслужившіяся

офицеръ видимо герой, авторъ далъ ему черты, обнаруживающія холопа *).

XVIII.

Александръ Радищевъ.

(1836).

Il ne faut pas qu'un honnête.
homme mérite d'être pendu.

Слова Карамзина въ 1819

Въ концѣ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II, нѣскольکو молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, отправлены были, по ея повелѣнію, въ лейпцигскій университетъ, подъ надзоромъ одного наставника и въ сопровожденіи духовника. Ученіе пошло имъ не въ прокъ: ¹ надзиратель думалъ только о своихъ выгодахъ; духовникъ, монахъ добродушный, но необразованный, не имѣлъ никакого вліянія на ихъ умъ и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились въ Россію, гдѣ служба и заботы семейственныя замѣнили для нихъ лекціи Геллерта ² и студенческія шалости. Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ на чредѣ замѣтной обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность, ³ другой прославился совсѣмъ иначе.

Александръ Радищевъ родился около 1750 года. Онъ обучался сперва въ пажескомъ корпусѣ и обратилъ на себя вниманіе начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды. Уни-

*) Здѣсь Пушкинъ замѣтилъ въ скобкахъ: (выписки), но выписокъ не сдѣлалъ.

верситетская жизнь принесла ему мало пользы. Онъ не взялъ даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языку, дабы, по крайней мѣрѣ, быть въ состояннн понимать своихъ профессоровъ. Безпокойное любопытство, болѣе нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ имѣла на всю его жизнь влiянiе рѣшительное и глубокое. Ушаковъ былъ немногимъ старше Радищева, но имѣлъ опытность свѣтскаго челоуѣка. Онъ уже служилъ секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ Тепловѣ, и его честолюбію открыто было блестящее поприще. Такъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизили съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики. Гриммъ, странствующій агентъ французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою О разумѣ, и привезъ Гельвецію извѣстiе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтiя, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытнымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ, и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія

мечты, столь же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ молвы видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества, и разрѣшеніе вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь они замѣнятся другими.

Радищевъ написалъ Житіе *Θ. В. Ушакова*.⁴ Изъ этого отрывка видно, что Ушаковъ былъ отъ природы остроуменъ, краснорѣчивъ и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца. Онъ умеръ на 21 году своего возраста отъ слѣдствій невоздержной жизни; но на смертномъ одрѣ онъ еще успѣлъ преподавать Радищеву ужасный урокъ. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей *). Радищевъ тому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышлений.

Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая между тѣмъ заниматься и словесностію. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно. Въ обществѣ онъ былъ уважаемъ, какъ сочинитель. Графъ Воронцовъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную свою канцелярію. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.

Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ мартинистовъ. Мы еще

*) А. М. Кутузова, которому Радищевъ и посвятилъ житіе *Θ. А. Ушакова*. А. II.

застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ это му полу-политическому, полу-религіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философскаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступныя политическія виды. Императрица, долго смотрѣвшая на ученія французскихъ философовъ какъ на игры искусныхъ бойцовъ, и сама ихъ ободрявшая своимъ царскимъ рукоплесканіемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на русскихъ мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ; но ихъ недоброжелательство ограничилось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франкъ-масонскихъ ужинахъ. Радищевъ попалъ въ ихъ общество. Таинственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе. Онъ написалъ свое Путешествіе изъ Петербурга въ Москву — сатирическое воззваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ его въ продажу.

Если мысленно перенесемъ мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства, если представимъ себѣ силу нашего правительства, наши законы, не измѣнившіеся со времени Петра I, ихъ строгость, въ то время еще не смягченную двадцати-пятилѣтнимъ царствованіемъ Александра, самодержца, умѣвшаго уважать челоуѣчество; если

подумаемъ, какіе суровые люди окружали престоль Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ сумасшедшаго. Мелкій чиновникъ, человекъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу самодержавія, противу Екатерины! И замѣтите: заговорщикъ надѣется на соединенныя силы своихъ товарищей; членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи, или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе, или, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, полагается на безнаказанность. Но Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неупспѣха, — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великимъ человекомъ. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ, ничѣмъ не извиняемымъ, а „Путешествіе въ Москву“ весьма посредственною книгою; но, со всѣмъ тѣмъ, не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію.

Но, можетъ быть, самъ Радищевъ не понялъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его беспечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ, между прочимъ, — къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе! Какъ бы то ни было, книга его, сначала не замѣченная, вѣроятно потому, что первыя страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскорѣ произвела шумъ. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была по-

ражена. Нѣсколько дней сряду читала она эти горькія, возмутительныя сатиры. „Онъ мартинистъ“, говорила она Храповицкому (смотри его записки). „Онъ хуже Пугачева; онъ хвалитъ Франклина“. Слово глубоко замѣчательное: монархія, стремившаяся къ соединенію во едино всѣхъ разнородныхъ частей государства, не могла равнодушно видѣть отторженіе колоній отъ владычества Англіи. Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть (см. Полное собраніе законовъ). Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь.

Въ Илимскѣ Радищевъ предался мирнымъ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ большую часть своихъ сочиненій; многія изъ нихъ относятся къ статистикѣ Сибири, къ китайской торговлѣ и проч. Сохранилась его переписка съ однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ, который, можетъ быть, не вовсе былъ чуждъ изданію Путешествія.⁶ Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему повѣхала его свояченица, дабы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе. Онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній упоминаетъ о семъ трогательномъ обстоятельстве:

Воздохну на томъ я мѣстѣ,
Гдѣ Ермакъ съ своей дружиной,
Сядясь въ лодки, устремлялся
Въ ту страну ужасну, хладну,
Въ ту страну, гдѣ я средь бѣдствій—
Но на лонѣ жаркой дружбы
Былъ блаженъ, и гдѣ оставилъ
Души нѣжной половину.

(Бова. Вступленіе).

Императоръ Павелъ I, взошедъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово Онъ во все время царствованія императора Павла I не писалъ ни одной строчки. Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ и занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Смирённый опытностію и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурную и кичливую молодость. Онъ не питалъ въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему и помирился съ славной памятію великой царицы.

Не станемъ укорять Радищева въ слабости и непостоянствѣ характера. Время измѣняетъ человѣка какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ иль съ улыбкою отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лицо, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ. Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время ужаса? Могъ ли онъ безъ омерзения глубокаго слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сентиментальнаго тигра.

Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ и, извиня въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и

заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, передался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему дружескимъ упрекомъ: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по-прежнему! или мало тебѣ было Сибири?“ Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и который онъ самъ себѣ жавно напороочилъ!

Сочиненія Радищева, въ стихахъ и прозѣ (кроме Путешествія), изданы были въ 1807 году. Самое пространное изъ его сочиненій есть философское разсужденіе „О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи“. Умствованія онаго пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма. Между статьями литературными замѣчательно его сужденіе о Телемахидѣ и Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому же самому чувству, которое заставило бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе

его есть „Осьмнадцатый вѣкъ“ — лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размеромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

Осьмнадцатое столѣтіе.

Урна времянь часы изливаетъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣку ручьи воз-
расли,
И на дальнѣйшемъ берегу изливаютьъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни бре-
говъ...
Не возвышается островъ, ни dna тамъ лотъ не на-
ходитъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ
слѣдъ;
Но знаменито вовѣки, своею кровавой струею
Съ звуками грома течетъ наше столѣтье туда;
И, сокрушивъ наконецъ корабль, надежды несущій,
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Счастье и добродѣтель и вольность пожралъ омутъ
ярый.
Зри: всплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и
мудро!
Будешь проклято вовѣкъ, вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.
Кровь — въ твоей колыбели, припѣваніе — громы
сраженьевъ;
Ахъ, омоченный въ крови вѣкъ, ниспадаешь во
гробъ!..
Но зри: двѣ взнеслися скалы во средѣ струй кро-
вавыхъ —
Екатерина и Петръ, вѣчности чада! и Россѣ.

Первая пѣснь Бовы имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ оригинально, и разговоръ его съ Каргою забавенъ. Жаль, что въ Бовѣ, какъ

и въ Алешѣ Поповичѣ, другой его поэмѣ, исключенной, не знаемъ почему, въ собраніи его сочиненій, ⁶ нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; но Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что онъ вѣчно кому-нибудь да подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ ней не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ.

„Путешествіе въ Москву“, причина его несчастія и славы, есть, какъ уже мы сказали, очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны. Мы бы могли подтвердить сужденіе наше множествомъ выписокъ. Но читателю стоитъ открыть его книгу наудачу, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ нами сказаннаго.

Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка, — скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Реналя; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему, — вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. ⁷ Онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли

было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ? Онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено, и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой бессмысленной и своенравной управы; а съ другой — чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна; ибо правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ, не пугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностію.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенные выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсю пошлаго и преступнаго пустословія. Онъ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Отъ императрицы, командовавшему въ Санктъ-Петербургѣ генераль-аншефу Брюсу.

Графъ Яковъ Александровичъ! Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской. Сочинителемъ сей книги оказался коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѣ цензуры управы благочинія взнесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, и потому взять подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ палатѣ уголовнаго суда Санктпетербургской губерніи и, заключа приговоръ, взнесъ оный въ сенатъ нашъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

II. Изъ записокъ Храповицкаго.

26-го іюня (1790). Говорено (государыня) о книгѣ: Путешествіе изъ Петербурга до Москвы. „Тутъ разсѣваніе французской заразы, отвращеніе отъ начальства, авторъ мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ“. Открывается подозрѣніе на Радищева. Посылка за Рылѣвымъ (оберъ-полицмейстеромъ).

2-го іюля Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева; а онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости.

7-го іюля. Примѣчанія на книгу Радищева посланы къ Шешковскому. Сказывать изволили, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляеть. Говорено съ жаромъ и чувствительностію.

11-го августа. Докладъ о Радищевѣ; съ примѣтною

чувствительностію приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною, и объявить, дабы не уважили до меня касающееся, понеже я презираю.

III. Клинь.

(Глава изъ книги Радищева).

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евѣиміанъ князь... Поющій сію народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божіимъ человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сидящій у воротъ почтоваго двора, окруженный толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная его глава, замкнутыя очи, видъ спокойствія, въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца предстоять ему со благоговѣніемъ. Неискусный хотя его напѣвъ, но нѣжностію изреченія сопровождаемый, проникалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внимлющихъ, нежели возрощенные во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внимлютъ кудрявому напѣву Габріелли, Маркези или Тоди. Никто изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутрь глубокаго, когда клинской пѣвецъ, дошедъ до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежесекундно глазомъ изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнилося изступающихъ изъ чувствительной отъ бѣды души слезъ, и потоки оныхъ пролились по ланитамъ воспѣвающаго. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлетѣла сопутница ея, улыбка; на лицѣ отрочества явилась робость, неложный знакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованія; даже мужественный возрастъ, къ жестокости толико привыкшій, видъ воспріялъ важности. О, природа! возопилъ я паки...

Сколь сладко неязвительное чувствованіе скорби! Колико сердце оно обновляетъ и онаго чувствительность! Я рыдалъ въ слѣдъ за яскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнутыя изъ сердца Вертеромъ... О мой другъ, мой другъ! почто и ты не зрѣлъ сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали ста-

рику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денежки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба довольно равнодушно, но всегда сопровождаая благодарность свою поклономъ, крестясь и говоря къ подающему: „дай Богъ тебѣ здоровья“. Я не хотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровождаемъ молитвою сего конечно пріятнаго небу старца. Желалъ я благословенія на совершеніе пути и желанія моего. Казалось мнѣ, да и всегда сіе мечтаю, какъ будто соблагословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю въ шествіи и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку толико же дрожащею отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, не успѣлъ онъ изрещи обыкновеннаго своего благословенія подающему, отвлеченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, вѣщаль я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества; въ моемъ рублѣ ощущаетъ, можетъ быть, мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ тогда казался, колико завидовалъ давшимъ полушку и краюшку хлѣба пѣвшему старцу. — Не пятакъ-ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно, какъ и всякое свое слово. — Нѣтъ, дѣдушка, рублевикъ, сказалъ близъ стоящій его мальчикъ. — Почто такая милостыня? сказалъ слѣпой, опуская мѣста своихъ очей и ища, казалось, мысленно вообразити себѣ то, что въ горсти его лежало. Почто она не могущему ея пользоваться? Если бы я не лишенъ былъ зрѣнія, сколь бы великая моя была за него благодарность. Не имѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ, если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на однѣ сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ теперь? не вижу, куда его и положить; подастъ онъ, можетъ быть, случай къ преступленію. Полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянуть руку. Возьми его назадъ, добрый господинъ, и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора. О, истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоризну! — Возьми его назадъ, мнѣ право онъ ненадобенъ, да и я уже его не

стою; ибо не служилъ изображенному на немъ государю. Угодно было Создателю, чтобы еще въ бодрыхъ моихъ лѣтахъ лишень я былъ вѣждей моихъ. Терпѣливо сношу его прещеніе. За грѣхи мои онъ меня посѣтилъ... Я былъ воинъ; на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатіи сраженія; я не щадилъ никогда у ногъ моихъ лежащаго непріятеля, и просящаго безоружному помилованія не дарилъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремлялся на караніе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ пролетѣвшимъ мимо очей въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О вы, послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните челоуѣчество! — Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль, и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничный пирогъ, дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина лѣтъ пятидесяти. Съ какимъ восторгомъ онъ принялъ его обѣими руками. Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня! Тридцать лѣтъ сряду ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала въ младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, чтобы ты до гроба меня не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ, прибѣжалъ на крикъ мужика и его избавилъ отъ побой, можетъ быть, — чего и больше, но въсредь отдывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣли меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ чего не позабываетъ она каждый день и каждый праздникъ. Дѣло мое было не великое, но доброе. А доброе приятно Господу, за Нимъ никогда ничто не пропадетъ.

Неужели ты меня столь предъ всѣми обидишь, старичекъ, сказавъ я ему, и одно мое отвергнешь подаваніе? Неужели моя милостыня есть милостыня грѣшника? Да и та бываетъ ему на пользу, если служить къ умягченію его ожесточеннаго сердца. — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнію, говорилъ старецъ; не вѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ по-

служить могущаго подаянія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай, что можетъ быть мнѣ полезно... холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло — платчишка не было, чѣмъ повязать шею, — Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась... Нѣтъ ли старенькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, то я его повяжу; онъ мою согрѣетъ шею; горло болѣть перестанетъ; я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно вспоминовеніе нищаго. Я снялъ платокъ съ моей шеи, повязалъ на шею слѣпого... и разстался съ нимъ.

Возвращаясь чрезъ Клинь, я уже не нашелъ слѣпого пѣвца. Онъ за три дня моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему приносила пирогъ по праздникамъ, надѣлъ, заболѣвъ, передъ смертію на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило, слушавъ сіе. —

Вотъ какимъ слогомъ написана вся книга!

3 апрѣля 1836. Спб.

XIX.

Объ исторіи поэзіи Шевырева.

(1836).

Исторія поэзіи — явленіе утѣшительное, книга важная!

Россія, по своему положенію географическому и политическому etc., есть судилище, приказъ Европы. *Nous sommes les grands juges.* Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій касательно того, что дѣлается не у насъ, удивительны. Примѣры тому.

Критика литературная у насъ ничтожна: почему? потому что въ ней требуется не одного здраваго смысла, но и любви къ наукѣ. Взглядъ на нашу критику; Мерзляковъ, Шишковъ, Дашковъ etc.

Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ не слѣдовать ни эмпирической системѣ французской

критики, ни отвлеченной философіи нѣмцевъ. Онъ избираетъ способъ изложенія историческій — и подѣломъ: такимъ образомъ придаетъ онъ наукѣ заманчивость разсказа.

Критикъ приступаетъ къ исторіи западной словесности.

Въ Италіи видитъ онъ чувственность римскую, побѣжденную христіанствомъ, обрѣтающую покровительство религіи, воскресшую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій католицизмъ и снова овладѣвшую своей отчизною.

Въ Испаніи признаетъ то же начало, но встрѣчаетъ мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе (? не магометанское, а...)

Оставляя роскошный югъ, Шевыревъ переходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы.

Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученіе, литературу безъ преданій, вещественность.

Въ германскихъ священныхъ лѣсахъ открываетъ онъ уже то стремленіе къ отвлеченности, къ уединенію, къ феодальному разъединенію, которыя и донныѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи и въ системахъ ея мыслителей, и при дворахъ ея князей, и на кафедрахъ ея профессоровъ.

Франція, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни — все вмѣстѣ — эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія — не цѣли, а средства. Народъ (*der Herr Omnis*) властвуетъ въ ней отвратительною властью демокраціи. Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣніе къ чужому, *une marque pétulante et tranchante*, etc.

Девизъ Россіи — *Suum cuique...*

III.

Мелкія замѣтки

1821 — 1835.

I.

Изъ записной книжки.

(1821).

O... disait en 1820: révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise de détrôner Napoléon.

*

Le général R. disait à N. affligé d'un mal d'aventure: il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé.

*

P., встрѣтивъ однажды человѣка, весьма услужливаго, сказалъ ему: вы простудитесь, на дворѣ сыро. мокро (maquereau).

*

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement morguées de moi; toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes.

II.

Программа ненаписанной поэмы.

(1822).

Изяславъ, сынъ Рогнѣды, въ Витебской губерніи основываетъ городъ Изяславль. Мстиславъ, Ярославъ (братья его), двѣ дочери. Отъ богемки (чехини) Владиміръ имѣлъ Вышеслава, отъ 3-й Святослава и Мстислава, отъ 4-й (болгарки) Бориса и Глѣба.

1000 годъ, XI вѣкъ.

Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ — меньшіе:

Умеръ. Вышеславу — Новгородъ, Изяславу — Полоцкъ, Ярославу и Борису — Ростовъ, Глѣбу — Муромъ, Святославу — Древлянскую землю, Всеволоду — Владиміръ Волинскій, Святополку — Туровъ (въ Минской губерніи).

..... *)

Планъ. Владиміръ, раздѣливъ на удѣлы Россію, остается въ Кіевѣ; молодые богатыри со скуки разъѣзжаются; съ нимъ — Илья Муромецъ и Добрыня. Печенѣги нападаютъ на Кіевъ. Владиміръ посылаетъ гонцовъ къ сыновьямъ. Дѣти его собираются, кромѣ Мстислава. Илья ѣдетъ за нимъ, встрѣчаетъ своего сына, сражается съ нимъ. Мстиславъ, при немъ молодые богатыри, идутъ на Косоговъ. Мстиславъ въ горахъ [влюбляется въ ихъ царевну, амазонку Армиду], оставленные богатыри разъѣзжаются. Илья ѣдетъ далѣе, [узнавъ о любви Мстислава], находитъ его и везетъ къ отцу. Царевна за ними ѣдетъ; она пристаетъ къ Печенѣгамъ. Сраженія, — *de grands combats et des combats encore*: а) на Кіевъ нападаютъ

*) Въ рукописи нѣсколько листовъ *вырвано*.

соединенные народы; b) боги языческіе, изгнанные крещеніемъ, ихъ одушевляютъ; с) [Хозарскій князь колдунъ; мечъ Еруслана объ двухъ ударахъ; колдунъ убить Мстиславомъ].

*

Илья хочетъ представить сына Владиміру, вмѣстѣ ѣдутъ...

*

Царевна Косоговъ влюбляется въ Мстислава. Ея мать, волшебница, старается заманить Мстислава; Мстиславъ упорствуетъ ея прелестямъ; она въ сраженіи его увлекаетъ подъ видомъ Косога, убившаго его друга. Превращается вновь. Мстиславъ на островѣ наслажденія. Гонецъ пріѣзжаетъ къ его дружинѣ, не застаетъ его. Владиміръ въ отчаяніи.

*

Царевна жалуется своей матери, та общается соединить ее съ Мстиславомъ.

*

Илія въ молодости обрюхатилъ царевну татарскую; она вышла замужъ, объявила сыну. Сынъ ѣдетъ отыскивать отца.

*

Илія находитъ пустытника, который пророчествуетъ ему участь Россіи.

Мстиславъ увлеченъ чародѣйствомъ въ горы кавказскія.

На Россію нападаютъ съ разныхъ сторонъ всѣ враги ея.

Мстиславъ по вечерамъ видитъ ладію и дѣву.

III.

О с л о г ѣ.

(1822).

Д'Аламберъ сказалъ однажды Лагарпу: не выхваляйте мнѣ Бюффона; этотъ человѣкъ пишетъ — благороднѣйшее изо всѣхъ пріобрѣтеній человѣка было сіе животное гордое, пылкое и проч. Зачѣмъ просто не сказать — лошадь? Лагарпъ удивляется сухому разсужденію философа, но д'Аламберъ очень умный человѣкъ и, признаюсь, я почти согласенъ съ его мнѣніемъ.

Замѣчу мимоходомъ, что дѣло шло о Бюффонѣ, великомъ живописцѣ природы. Слогъ его, цвѣтущій, полный, всегда будетъ образцомъ описательной прозы. Но что сказать объ нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ дружба, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. Какъ это все ново и свѣжо! развѣ оно лучше потому только, что длиннѣе?

Читаю отчетъ новаго любителя театра: сія юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... Боже мой! а поставъ: эта молодая хорошая актриса, и продолжай такъ же, — будь увѣренъ, что никто не замѣтитъ твоихъ выраженій, никто спасибо не скажетъ. И развѣ завистливый зоиль, коего несусыпная зависть изливаетъ усыпительный свой ядъ

на лавры русскаго Парнасса, коего утомительная тупость можетъ только сравниться съ неутомимой злостію.. Боже мой! зачѣмъ просто не сказать лошадь, не короче ли?

Вольтеръ можетъ почестъся прекраснымъ образцомъ благороднѣйшаго слога. Онъ осмѣялъ въ одномъ своемъ сочиненіи изысканность выраженій Фонтенеля, который никогда не могъ ему того простить *).

Точность, опрятность — вотъ первыя достоинства прозы. Она требуетъ мыслей и мыслей; блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи — дѣло другое (впрочемъ, и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно; съ воспоминаніями о протекшей юности литература наша далеко не подвинется).

Вопросъ: чья проза лучшая въ нашей литературѣ? Отвѣтъ: Карамзина. Это еще похвала небольшая Скажемъ нѣсколько словъ о семъ почтен...

IV.

О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности.

(1824).

Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употреб-

*) Первоначально было написано: „не могъ ему простить его справедливыя насмѣшки“ и внизу сдѣлана выноска: „Кстати о слогѣ: должно ли въ семъ случаѣ сказать: не могъ ему и пр. или: не могъ ему простить справедливыхъ насмѣшекъ? Кажется, что слова сіи зависятъ не отъ глагола могъ, управляемаго частицею не, но отъ неопредѣленнаго наклоненія простить, требующаго винительнаго падежа. Впрочемъ, Н. М. Карамзинъ пишетъ иначе.

леніе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками; но ученость, политика, философія по-русски еще не изъяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣтность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно уже готовы и всѣмъ извѣстны. Но, скажутъ мнѣ, русская поэзія достигла высокой степени образованности. Согласенъ, что нѣкоторыя оды Державина, не смотря на неправильность языка и неровность слога, исполнены порывами генія, что въ „Душенькѣ“ Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, исключая, можетъ быть, того же самаго Лафонтена, что Батюшковъ, счастливый сподвижникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для италіянцевъ, что Жуковскаго перевели бы на всѣ языки, если бы онъ самъ менѣе переводилъ...

V.

О вдохновеніи и восторгѣ

(1824).

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи *). Восторгъ исключаетъ спокойствіе — необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира — всѣ болѣе ея требуютъ творчества, *fantaisie*, воображенія, знанія природы. И плана не можетъ быть въ одѣ. Единый планъ Дантова „Ада“ есть уже плодъ высокаго гения! Какой планъ въ одахъ Пиндара? Какой планъ въ „Водопадѣ“, лучшемъ произведеніи Державина?

VI.

О народности въ литературѣ.

(1825).

Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на от-

*) Ср. выше, стр. 19.

сутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣеть онъ подъ словомъ народность.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи *). Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія.

Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполне можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріолана, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это, однакожь, носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тѣма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащимъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную фізіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи...

*) Оставлены мѣста для выписки мнѣній

VII.

Замѣтки при чтеніи книгъ.

(1825).

—

I. Мелкія отмѣтки.

*

Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія.

*

Первый искренній воздыхатель возбуждаетъ къ себѣ чувствительность и состраданіе женщины, прочіе или ею едва замѣчены, или служатъ какъ... Такъ въ началѣ сраженія первый раненый производитъ болѣзненное впечатлѣніе и истощаетъ состраданіе наше.

II. О романахъ Вальтеръ-Скотта.

Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ *enflure* французской трагедіи, не съ чопорностію чувствительныхъ романовъ, не съ *dignité* исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ *la dignité et la noblesse*. *Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières.*

III. О дѣленіи Европы на классическую и романтическую.

Побѣда будетъ несомнѣнно принадлежать классицизму, благодаря неожиданной помощи, доставлен-

ной журналомъ *). Данте (il gran padre Alighieri), Аріосто, Лопецъ, Кальдеронъ, Сервантесъ попали въ классическую фалангу.

IV. Замячанія на Анналы Тацита..

1.

Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно, засталъ ли онъ его въ живыхъ [§ 5]. Первое злодѣяніе его (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука Августова. Если въ самодержавномъ правленіи политическое убійство можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агриппа, родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковые люди всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно, говоритъ Тацитъ, Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно — Ливія; но и Тиберій не пощадилъ бы его [§ 6].

2.

Когда сенать просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія, Тиберій позволилъ сіе съ насмѣшливой скромностью. Тиберій никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда, будто бы негодовалъ на оную. Но сіе уже вполсѣдствіи. Въ началѣ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, казался онъ запутаннымъ и скрыт-

*) Моск. Телеграфомъ, дѣлившимъ такъ Европу и относившимъ къ классической — народы латинскаго юга, къ романтической — германскія племена.

Пушкинъ

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Надежда Осиповна Пушкина.

Мать поэта, рожд. Ганнибалъ.

Портретъ съ натуры, рисованный акварелью графомъ
де Мэстромъ.

Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

нымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату. [§§ 7 и 8].

Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунства. Точно ли въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ собою хвалили наружность и нравы своего пасынка и наслѣдника? Въ своемъ завѣщаніи онъ изъ единой ли зависти совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиравшейся тогда отъ — до — ? [§§ 10 и 11].

4.

Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложить [§ 11].

Сквозь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предприимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Гатерія, который подвергается опасности быть убиту воинами и спасень просьбами Августы Ливіи [§§ 12 и 13].

Тиберій не допускаетъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія, — не отъ зависти, какъ думаетъ Тацитъ; но увеличиваетъ, вопреки мнѣнію сената, число преторовъ, установленное Августомъ (12). [§ 14].

5.

Первое дѣйствіе Тиберіевой власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ, слѣдственно — и довершеніе уничтоженія республики. Народъ ропщетъ, сенатъ охотно соглашается. (Тѣнь правленія перенесена въ сенатъ). [§ 15].

6.

35. Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легионовъ, хотѣлъ заколотся въ глазахъ воиновъ.

Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подаль ему свой мечъ, говоря: „Онъ вострѣ“. Это показалось, говорить Тацитъ, слишкомъ злобно и жестоко самымъ яростнымъ мятежникамъ. По нашимъ понятіямъ слово сіе было бы только грубая насмѣшка, — но самоубійство такъ же было обыкновенно въ древности, какъ поединокъ въ наши времена. Врядъ ли могъ Германикъ отказаться отъ сего предложенія, когда бы прочіе не воспротивились.

Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди. Мать ее не удерживаетъ. Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ, рѣшившейся послѣдовать за нимъ, и проч. Предложеніе война есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

7.

52. Тиберій не могъ доволенъ быть Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ подавленіи бунта легионовъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ время службы, допускаетъ самовольныя казни, даже междоусобную битву. Блестящія пораженія непріятели при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столько явныхъ ошибокъ. Тиберій въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями; меньше хвалилъ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Счастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много благоразумія: не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворилъ порядокъ.

8.

53. Юлія, дочь Августа, славная своимъ распутствомъ и ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи, въ

нищеть, можетъ быть, но не отъ нищеты и голода, какъ пишетъ Тацитъ. Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ.

9.

Съ такими сужденіями не удивительно, что Тацитъ, бичъ тирановъ, не нравился Наполеону, — но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ, готовыхъ видѣть тутъ ненависть тирана къ своему мертвому карателю...

Тацитъ говорить о Тиберіи, что онъ не любилъ смѣнять своихъ проконсуловъ (намѣстниковъ), однажды назначенныхъ. Ибо, прибавляетъ онъ важно, злая душа его не желала счастья многихъ...

VIII.

О смѣлости выраженій.

(1827).

Есть различная смѣлость; Державинъ написалъ: „Былъ на высотѣ... Счастіе къ тебѣ хребетъ свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло... Ты видишь, видишь, какъ мечты сіянье вокругъ тебя заснуло...“ *) — Жуковскій говорить о Богѣ:

Онъ въ дымъ могилъ себя облекъ.

Мы находимъ эти выраженія смѣлыми. Крыловъ говорить о храбрѣмъ мужикѣ:

Онъ даже хаживалъ одинъ на паука.

*) Въ одѣ: „На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи“, 1797 г.

Французы доннынѣ еще удивляются смѣлости Расина, употребившаго слово *равé*, помясть:

En voyant l'étranger d'un pied silencieux
Fouler avec respect le pavé de ces lieux.

И Делиль гордится тѣмъ, что онъ употребилъ слово *vache*. Жалка словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критикѣ. Жалка участь поэтовъ (какого бы достоинства они, впрочемъ, ни были), если они принуждены славиться по забытымъ побѣдамъ надъ предрасудками вкуса.

Описаніе водопада:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ, и проч. —

есть высшая смѣлость, — смѣлость воображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлетъ творческою мыслию; такова смѣлость Шекспира, Dante, Milton, Гёте въ Фаустѣ, Молиера въ Тартюфѣ, Фонвизина въ Недорослѣ, [Байрона въ Чайльдъ-Гарольдѣ].

Кальдеронъ называетъ молнію огненными языками небесъ, глаголющихъ землѣ. Мильтонъ говоритъ, что адское пламя давало только различать вѣчную тьму преисподней.

IX.

Разныя замѣтки.

(1827—1831).

I.

О дамахъ. [Одна] Умная дама сказывала однажды, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы приноравливаясь къ сла-

бости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обнаруживаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто насъ удивляютъ быстротою понятія, тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, которая гордится женщинами, царствовавшими со славою, между прочимъ, Екатериною II, и гдѣ вообще женщины болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ общему въ Европѣ ходу вещей, чѣмъ мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему.

*

Браните мужчинъ вообще, разбирайте всѣ ихъ пороки, — ни одинъ не подумаетъ заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекраснаго пола, — всѣ женщины возстанутъ на васъ единодушно, — онѣ составляютъ одинъ народъ, одну секту.

*

Езуитъ Поссевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макиавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Coringius, издавшій II Principes въ 1660 году, доказалъ, что Поссевинъ никогда не читалъ Макиавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

*

Литература у насъ существуетъ, но критики еще нѣтъ; у насъ журналисты бранятся именами „классикъ“ и „романтикъ“, какъ старушки бранятъ повѣсь франкмасонами и волтерьянцами, не имѣя понятія ни о Вольтерѣ, ни о франкмасонствѣ.

*

Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ-Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи — и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ.

*

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ „чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе“.

*

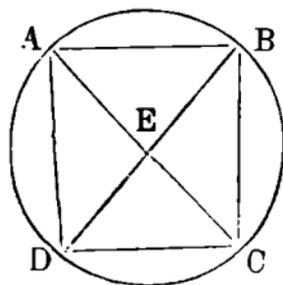
Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ довѣрчивъ. Вольтеръ это понялъ и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux...

Si je l'étais jamais!..

*

Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры:

AD [1], EABDC [2], ABECD [3], ABD + AE [4] и проч. Римскія цифры составлены по тому же образцу.

*

Какой-то лордъ, извѣстный лѣнivecъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: „не дѣлай

никогда самъ того, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другого“. Н., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: „не дѣлай никогда для другого то, что можешь сдѣлать для себя“.

*

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, незнаніе приличія и тому подобное; неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навѣкъ въ суетной образованности, подобно праздному жителю большого свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

*

Будемъ справедливы: г. Полевого нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатными; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

*

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... (говоритъ Макиавель, сей великій знатокъ природы человѣческой).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности, и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля или исторіей

г. Полевого, и на него смотрять съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

*

Divide et impera — есть правило государственное, не только макиавелическое (принимаю это слово въ общенародномъ значеніи

*

Повторенное острое слово становится глупостью. Какъ можно переводить эпиграммы — разумію не антологическія, въ которыхъ развертывается поэтическая прелесть, — но ту, которую Буало опредѣляетъ: *Un bonmot de deux rimes ogné.*

*

Д. говариваль, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ бы списокъ членовъ съ означеніемъ того, что къмъ написано.

*

Одна изъ причинъ жадности, съ которой мы читаемъ записки великихъ людей, — наше самолюбіе; мы рады, ежели сходствуемъ съ замѣчательнымъ человѣкомъ чѣмъ бы то ни было, — мнѣніями, привычками, даже слабостями и пороками; вѣроятно, большее сходство имѣли бы мы съ мнѣніями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожныхъ, еслибы они оставляли намъ свои признанія.

*

Только революціонная голова, подобная Мар. и П. *), можетъ любить Россію, такъ, какъ писатель

*) Марату и Пестелю?

только можетъ любить русскій языкъ. Все должно творить въ этой Россіи и въ этомъ русскомъ языкѣ.

*

Ne pas admettre l'existence de Dieu, c'est être plus absurde que ces peuples qui pensent du moins que le monde est posé sur un rhinocéros.

*

Когда любовь исчезаетъ въ душѣ нашей, сердце еще живетъ ея воспоминаніями. Такъ Гладіаторъ у Байрона соглашается умирать, но воображеніе носится по берегамъ родного Дуная.

*

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто *). Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь.

*

У насъ многіе (между прочимъ и г. Каченовскій, котораго, кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи русскаго языка) спрягаютъ: рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ—рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ, вмѣсто рѣшу, рѣшишь и проч. Рѣшу спрягается какъ грѣшу.

*

Иностранныя собственныя имена, кончающіяся на *e, u, o*, не склоняются. Кончающіяся на *a, z* и *ь* скло-

*) Сбоку выписаны эти ошибки:

1) останавлиаь я взоръ на отдаленныя громады;

2) на темъ горъ (темени).

3) воилъ вм. выль;

4) былъ отказанъ вм. отказали;

5) игумену вм. игумну.

няются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ — нѣтъ; противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга, сочиненная Гетемъ, и проч.

*

Какъ надобно писать: турковъ или турокъ? То и другое правильно. Турокъ и турка равно употребительны.

*

Многіе пишутъ: юпка, сватьба. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говоримъ юбочница, свадебный.

*

Двенадцать, а не двѣнадцать — сокращено изъ двое, какъ три изъ трое.

*

Пишутъ тѣлега, телѣга. Не правильнѣе ли телега (отъ слова телець: телега, запряженная волами)?

*

Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфieri изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушаться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

*

Московскій выговоръ чрезвычайно изнѣженъ и прихотливъ. Звучныя буквы *ш* и *ч* передъ другими согласными въ немъ измѣнены. Мы даже говоримъ: женщины, нослегъ (см. Богдановича).

Шпіоны подобны буквѣ ъ: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтись, а они привыкли всюду соваться.

*

Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: трогательный отъ слова *touchant* (см. справедливое о томъ разсужденіе г. Шишкова). Хладнокровіе — это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть *sens froid* — хладномысліе, а не *sang froid*. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. *Dans son assiette ordinaire*. *Assiette* значитъ — положеніе, отъ слова *asseoir*, но мы перевели каламбуромъ: не въ своей тарелкѣ.

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ.

(Горе отъ ума).

*

„Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать“, т. е. не твоя забота.

„Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ“ — по-словница латинская.

„Нужда научить калачи ѣсть“, т. е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.

„Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ“. Въ дѣлѣ, т. е. въ должности; въ отвѣтѣ, т. е. въ посольствѣ.

„Не суйся среда прежде четверга“. Смыслъ ироническій и относится къ тѣмъ, которые хотятъ оспаривать явныя, законныя преимущества; вѣроятно, выдуманна во время мѣстничества.

„Горе лыкомъ подпоясано“. Разительное изображеніе нищеты; см. „Древн. стих.“

„Иже не ври же, его же пригоже“. Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острились.

*

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи.

*

Проза кн. Вяземскаго чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой способностью оригинально выражать мысли; къ счастью, онъ мыслить, что довольно рѣдко... ибо должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: уважайте глупцовъ.

*

К. находитъ какое-то сочиненіе глупымъ. Чѣмъ вы это докажете? — Помилуйте, простодушно увѣряетъ онъ, да я могъ бы такъ написать.

*

Буквы, составляющія славянскую азбуку, не представляютъ никакого смысла. Азь, буки, вѣди, глаголь, добро etc. суть отдѣльные слова, выбранныя для начального ихъ звука. У насъ Грамотинъ¹ первый, кажется, вздумалъ составить апофеегмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: первоначальное значеніе буквъ, вѣроятно, было слѣдующее: Азь Букъ (или Бугъ!) вѣдю, т. е. я Бога вѣдаю; глаголь добро есть; живеть на землѣ, кто и какъ люди мыслить; нашъ онъ покой рцу. Слово (Λόγος) твержу... (и прочая, говорить Грамотинъ; вѣроятно, что въ прочемъ не могъ онъ уже найти никакого смысла). Какъ это все натянуто! Мнѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки французской. Вотъ она:

ENO et IKAEL

Tragédie.

PERSONNAGES:

Le prince Eno.

Le princesse Ikaël, amante du prince Eno.

L'abbé Pécu, rival du prince Eno. .

Ixe	} gardes du Prince Eno.
Igrec	
Zède	

SCENE UNIQUE.

Le prince Eno, la princesse Ikaël, l'abbé Pécu.
Gardes.

ENO.

Abbé! Cédez...

L'ABBÉ.

Eh! f...

ENO. (mettant la main sur sa
hâche d'arme).

J'ai hâché!..

IKAEL (se jetant dans les bras
d'Eno).

Ikael aime Eno! (Ils s'embrassent avec tendresse).

ENO. (se retournant vivement).

Pécu est resté? Ixe, Igrec, Zède! Prenez m-r l'abbé
et jetez-le par la fenêtre!

X.

Объ А. Шенье, какъ классикъ.

(1830).

Французскіе критики имѣютъ свое понятіе о роман-
тизмѣ. Они относятъ къ нему всѣ произведенія,
носящія на себѣ печать унынія или мечтательности.
Иные даже называютъ романтизмомъ неологизмъ и

ошибки грамматическія. Такимъ образомъ Андрей Шенье — поэтъ, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекають отъ желанія дать французскому языку формы греческаго стихосложенія, — попалъ у нихъ въ романтическіе поэты.

 XI.

О приличіи въ литературѣ.

По поводу Альфреда де Мюссе.

(1831).

Между тѣмъ какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя благочестивыя размышленія, подъ заслуженнымъ названіемъ *Harmonies religieuses*; между тѣмъ какъ важный Victor Hugo издавалъ свои блестящія, хотя и натянутыя Восточныя Стихотворенія (*les Orientales*); между тѣмъ какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неопита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ — вдругъ явился молодой поэтъ съ книжечкой сказокъ и пѣсенъ и произвелъ недоумѣніе... Какъ приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодованіе журналовъ и всѣ ферулы, поднятыя на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійць, даже не имѣя цѣлю объяснить, сколь непохвально это ремесло, — и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что, вѣроятно, семейство его, читая его стихи, не станеть раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ

изверга; что, однимъ словомъ, поэзія — вымыселъ, и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣеть. Давно бы такъ, милостивые государи...

Итальянскія и испанскія сказки Мюссе отличаются живостію необыкновенной. Изъ нихъ *Portia*, кажется, имѣеть болѣе всего достоинства: сцена ночного свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть. Драматическій очеркъ „*Les maçons de feu*“ общаетъ Франціи романтическаго трагика, а въ повѣсти „*Mardoche*“ Musset, первый изъ французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горация: *difficile est propria communi dicere*, какъ понялъ ихъ англійскій поэтъ въ эпиграфѣ къ Донъ-Жуану, то мы согласимся съ его мнѣніемъ: трудно прилично выражать обыкновенные предметы. *Communia* значить не обыкновенные предметы, но общіе всѣмъ. (Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ, въ противоположность предметамъ вымышленнымъ).

ХІІ.

О современныхъ французскихъ писателяхъ.

(1831).

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый антипоэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: Монтань, Монтескье, Вольтеръ, доказали это. Монтань, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Ми-

кель-Анджело, ни о Рафаэлѣ; Монтескье смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни одного поэта... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературныя аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности...

Ламартинъ скучнѣе Юма и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались ли они въ тощемъ однообразіи, въ вялой безцвѣтности своего Ламартина, но тому лѣтъ 10 — его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.

ХІІІ.

Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ Шекспира.

(1833).

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразныя, многосложныя характеры. У Мольера скупой — скупъ и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, сметливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго челоуѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью

набожности и волокитства. Анджело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ. Какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханалии. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусь; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой. Онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету; Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко выдавашаго хорошее общество. Правиль нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только-бъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусь, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фаль-

стафъ умеръ. у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцомъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи повторялъ про себя: „Какой папенька хлаблій! Какъ папеньку госудаль любить!“ Мальчика подслушали и кликнули. „Кто тебѣ это сказалъ, Володя?“ — Папенька, отвѣчала Володя.

XIV.

Переводы.

(1835).

I. Изъ Байрона.

Ни въ краяхъ, по коимъ я странствовалъ и гдѣ красота издавна почиталась совершенствомъ, ни въ видѣніяхъ, по коимъ сердце въздыхаетъ, сожалѣя, что они — пустыя грезы, ничего, тебѣ подобнаго, ни во снѣ, ни на яву не являлось мнѣ. Тщетно захотѣлъ бы я описать измѣнчивыя и блестящія твои прелести: для того, кто не видѣлъ тебя, слова мои были бы слабы; тому, кто на тебя смотритъ, какая рѣчь можетъ ихъ выразить?

О, останься вѣкъ тою же, что ты теперь, достойная обѣщаній весны твоей, прекрасна видомъ, сердцемъ горяча и безпорочна, образъ на землѣ любви безъ крыль и безъ обману передъ воображеніемъ надежды! И вѣрно та, которая теперь столь нѣжно ведетъ твою юность, въ тебѣ этотъ минутный блескъ

созерцаетъ радугу будущихъ лѣтъ своихъ, предъ коимъ небеснымъ видомъ всякая грусть исчезаетъ.

Юная Пери Запада! Счастливъ я, что я почти вдвое старше тебя: безлюбивый взоръ мой можетъ тебя видѣть и безопасно глядѣть на блескъ расцвѣтающей твоей красоты. Счастливъ я, что не увижу ея въ увяданіи; счастливѣе тѣмъ, что пока молодые сердца истекать будутъ кровью, мое избѣжитъ участь, предопредѣленную твоими глазами даже, и тому, чье удивленіе восторжествуетъ, но смѣшанное съ муками, опредѣленными самымъ счастливѣйшимъ часамъ любви.

О, пусть эти очи, тихія, какъ у газели, то ясно смѣлая, то прекрасно стыдливая, увлекательная, когда сверкаютъ, ослѣпляющія, когда недвижимы, блеснуть на страницу сію!

II. Изъ Сафо.

1. Пѣсенка Афродитѣ.

О Венера безсмертная, драгоцѣнно-престольная (разно - каменно - престольная), хитрая, обманчивая дочь Юпитера, прошу тебя, не огорчай меня, о богиня, въ душѣ обманомъ и печалію, но приди любви ради, услышь мой голосъ, которому ты часто внимала; оставивъ златой отцовскій домъ, ты ко мнѣ приходила. Воробьи красивые по воздуху несли тебя на колесницѣ, черными крыльями своими помахивая. Лишь только были они отпряжены, ты, о богиня счастливая, усмѣхаясь безсмертнымъ лицомъ, спрашиваешь меня, чѣмъ я огорчена и зачѣмъ тебя я позвала? что ты хочешь изъ себя сдѣлать въ любовномъ изступленіи? кого я должна слушать? кто тебя, о Сафо, огорчаетъ? Если теперь онъ тебя избѣгаетъ, — скоро будетъ тебя преслѣдовать. Если

подарковъ не присылаетъ, — скоро будетъ давать. Если теперь не любить, — скоро полюбитъ. Когда прикажешь? Приди ко мнѣ и теперь, избавь меня отъ печали тяжкой, — и то, что сердце мое хочетъ совершить, соверши сама, о Венера, и будь моей помощницей.

2. Діонизиі.

Тотъ мнѣ кажется равень богамъ, кто сидитъ противъ тебя и слышитъ тебя сладкоглаголющую и улыбаясь пріятно то, что мнѣ сердце въ груди наполнило страхомъ, какъ только тебя увидѣла—теряю голосъ, языкъ мой ломается, огонь проникаетъ въ мою кожу, въ ухахъ звенить, и глаза покрываются ночью, и холодный потъ течетъ, дрожь по всему тѣлу, я становлюсь зеленѣе травы, боюсь скоро умереть, я кажусь бездыханна...

XV.

Выписка изъ Чети-Миней и Пролога.

I.

Трапѣза

толкъ, толмачъ

разрѣвать (кого)

Римъ ветхій

Великородный

тверда аки наковальня

мужъ конскаго чина (всадникъ)

Вложи (діаволь) убо ему мысль о родителехъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающе велію отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаша ему помыслы: что нынѣ творять родители твои безъ тебя, колико многую имутъ скорбь

и тугу и плачь о тебѣ, яко не вѣдущимъ имъ отшель еси. Отець плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближнія жалѣютъ по тебѣ, и весь домъ отца твоего въ печали есть тебе ради. Еще же вспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и пять братій его, и различная мірская суетствія во умъ его приводяше. День же и ночь непрестанно такими помыслами смущаше его, яко уже изнеможи ему тѣломъ, и еле живу быти; ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ, изсше яко скудель крѣпость его, и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема.

(Житія преподобнаго отца нашего Іоанна Кущника, Іаннуарія 15).

рубо — рубище

дельва — (бочка или ящикъ?)

и дубраву всякаго древа своею рукою насади (Ч.-М., житіе св. Ора черноризца).

Куколь (сарисчон сисилум)

убрусъ

съ путемъ (съ жалованіемъ)

Прідоша къ прельщенному преподобныя отцы Никонъ игумень и Іоаннъ, иже по немъ бысть игумень, Пименъ постникъ, Исаія, иже бысть епископъ Ростовскій, Матѣей прозорливый, Исаія затворникъ печерскій, Агапить врачъ, Григорій Чуд., Никола, иже бысть епископъ Тмутараканскій, Несторъ лѣтописецъ, Григорій творецъ канонъ, Θεоктистъ, иже бысть епископъ Черниговскій, Онисифоръ прозорливый: сіи вси въ добродѣтелѣхъ сіяющіи пришедше молитву творяху къ Богу о Никитѣ.

(Житіе преп. Никиты Затворника Печерскаго).

II.

Декабря 3. Преставленіе преподобнаго отца нашего Саввы, игумна святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожѣхъ, новаго чудотворца (изъ Пролога).

Преподобный отецъ нашъ Савва отъ юности своею Христа возлюбилъ, а міръ возненавидѣлъ и, пришедъ къ преподобному Сергію, пріялъ ангельскій образъ и сталъ подвизаться, угождая Богу постомъ, бдѣніемъ, молитвами, смиренномудріемъ и всѣми добродѣтелями, желая небесная блага пріяты отъ Господа. Многія искушенія претерпѣлъ онъ отъ бѣсовъ, но побѣдилъ ихъ помощію Вышняго и надъ страстями воцарился. Тогда, по наставленію учителя своего, великаго Сергія, отошелъ онъ отъ обители Святыя Троицы и поселился въ пустынѣ, на горѣ, называемой Сторожи, въ верху Москвы-рѣки, въ разстояніи одного поприща отъ Звенигорода и сорока отъ града Москвы. Тамъ святой иночествовалъ въ безмолвіи, терпя ночные морозы и тяготу жара дневнаго. Услыша о добродѣтельномъ житіи его, многіе иноки и люди мірскіе отъ различныхъ мѣстъ начали къ нему приходять, дабы жить при немъ и отъ него пользоваться. И принималъ онъ всѣхъ съ любовію, и былъ имъ образецъ смиренія и иноческихъ трудовъ, самъ черпая и нося воду и другія потребности правя, научая тѣмъ братію не лѣниться и не губить дней своихъ праздностию, избрѣтательницею всего злаго. Потомъ нѣкій христілюбивый князь, пришедъ къ блаженному отцу Саввѣ, умолилъ его построить храмъ на томъ мѣстѣ, и (злато) сумму, нужную на созданіе онаго, далъ святому. И святой прошеніе князя исполнилъ и построилъ храмъ честнаго и славнаго Рождества

Пречистой Богоматери, и обитель пречудную и великую для душеспасительнаго пребыванія въ ней иноковъ. Тамъ онъ добре пасъ во имя Христа собранное стадо, вода оное на пажить духовную, и, бывъ нѣкогда единожителемъ божественному Сергію, сотворилъ многія добрыя дѣла о Господѣ. Въ поздней старости впалъ онъ въ болѣзнь тѣлесную и, недолго пострадавъ, призвалъ братію и поучилъ ихъ божественнымъ писаніямъ, наказывающимъ хранить чистоту тѣлесную, имѣть братолюбіе, украшаться смиреніемъ и прилежать посту и молитвѣ. Тогда поставилъ имъ въ игумны одного изъ учениковъ своихъ и всѣмъ братіямъ заповѣдалъ пребывать у игумна въ послушаніи и въ повиновеніи. Наконецъ, давъ имъ всѣмъ миръ и послѣднее цѣлованіе, въ добромъ исповѣданіи предалъ душу свою въ руцѣ Божіи декабря 3-го дня, во всемъ благоугодивъ владыкѣ своему Христу. Услышавъ о преставленіи святаго, князя и бояре, и окрестъ живущіе, и всѣ христолюбивые граждане Звенигорода стеклись съ великой любовію на погребеніе отца, принеши съ собою больныхъ своихъ, и, проводивъ его псалмопѣніемъ надгробнымъ, положили его съ честію въ имъ построенной церкви Пресвятой Богородицы, на правой сторонѣ. Честныя его мощи и до нынѣшняго дня многія и различныя исцѣленія источаютъ приходящимъ съ вѣрою, во славу Христа, Бога нашего, угодниками своими и по преставленіи многія чудеса творящаго, ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

IV.

Статті автобіографическія

1815 — 1835.

1.

Отрывки изъ лицейскихъ записокъ.

(1815).

1.

. большой грузинскій носъ, а партизанъ почти и вовсе былъ безъ носу. Давыдовъ является къ Бенигсену: „Князь Багратионъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...“ — На какомъ носу, Денисъ Васильевичъ? отвѣчаетъ генераль: ежели на нашемъ, такъ онъ ужь близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успѣемъ еще отобѣдать...¹

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.

2.

28-го ноября. Шишковъ и г-жа Бунина увѣнчали недавно князя Шаховского лавровымъ вѣнкомъ. На этотъ случай сочинили очень остроумную пьесу, подъ названіемъ:

ВѢНЧАНЬЕ ШУТОВСКОГО.

(Гимнъ на голосъ: de Buhamel).

Вчера, въ торжественномъ вѣнчаньѣ
Творца Затѣй,

Мы зрѣли полное собранье
 Бесѣды всей,
 И всѣ въ одинъ кричали строй:
 Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 Хвала, герой!
 Хвала, герой!

Онъ злой Карамзина гонитель,
 Гроза балладъ,
 Въ Бесѣдѣ добрый усыпитель,
 Хлыстову братъ
 И врагъ талантовъ записной.
 Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 Хвала, герой!
 Хвала, герой!

Всей братьѣ далъ свои онъ Шубы —
 И всѣ дрожать!
 Его величіе не трубы —
 Свистки гласятъ.
 Онъ милъ и тѣломъ, и душой!
 Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 Хвала, герой!
 Хвала, герой!

И вотъ, подъ сѣнью обветшалою
 Старикъ сѣдой;
 Предъ нимъ — вязанки прозы вялой,
 Псалтырь въ десной.
 Кругомъ — поэтовъ блѣдный строй.
 Хвала, хвала тебѣ, старикъ сѣдой,
 О, дѣдъ сѣдой!
 Хвала, герой!
 Хвала, герой!

И вдругъ раздался за дверями
 И скрипъ, и вой:

Идутъ сотрудники съ гудками
 И самъ герой!
 Поетъ онъ гимнъ печальный свой
 Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 Хвала, герой!
 Хвала, герой!

„Я князь, поэтъ, директоръ, воинъ, —
 „Вездѣ великъ!
 „Вѣнка лавроваго достоинъ
 „Мой тучный ликъ!
 „Вѣчная, пойте всѣ толпой:
 „Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 „Хвала, герой!
 „Хвала, герой!

„Писаль я на друзей пасквили
 „И на Отца,
 „Поэмы, тощи водевили, —
 „Имъ нѣтъ конца.
 „И Воды я пишу водой.
 „Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 „Хвала, герой!
 „Хвала, герой!

„Еврей мой написалъ Девору,
 „А я списалъ;
 „Въ моихъ твореньяхъ много сору, —
 „Кто жъ ихъ читалъ?
 „Доволенъ, право, я собой!“
 Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 Хвала, герой!
 Хвала, герой!

Потомъ къ Макару и Ежовой
 Герой бѣжить:
 „Вотъ орденъ мой — вѣнокъ лавровый!

„Пусть буду битъ,
 „За то увѣнчанъ красотой!“
 Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
 Хвала, герой!
 Хвала, герой! ²

29-го. Итакъ, я счастливъ былъ, итакъ, я наслаждался,

Отрадой тихую, восторгомъ упивался...
 И гдѣ веселья быстрый день?
 Промчался летомъ сновидѣнья,
 Увяла прелесть наслажденья, —
 И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

Я счастливъ былъ!... Нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ: поутру я мучился ожиданьемъ, съ неопи- саннымъ волненіемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу, — ея не видно было! Нако- нецъ я потерялъ надежду; вдругъ нечаянно встрѣ- чаюсь съ нею на лѣстницѣ, — сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печалень гласъ:
 Увы! Онъ зналъ любви одну лишь муку!
 (Жуковскій).

Какъ она мила была! Какъ черное платье при- стало къ милой Бакуниной! ³

Но я не видѣлъ ея 18 часовъ — ахъ!...

Какое положеніе, какая мука! Но я былъ счаст- ливъ пять минутъ.

* * *

10-го декабря. Вчера написалъ я третью главу Фатама или разума человѣческаго: право естественное. Читалъ ее С. С., и вечеромъ съ то- варищами тушилъ свѣчи и лампы въ залѣ. Прекрас- ное занятіе для философа! Поутру читалъ Жизнь Вольтера.

Началь я комедію, — не знаю, кончу ли ее. ⁴

Третьяго дня хотѣлъ я написать ироническую поэму Игорь и Ольга, а написалъ эпиграмму на Шаховскаго, Шихматова и Шишкова. Вотъ она:

Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ:
 Шихматовъ, Шаховской, Шишковъ;
 Уму есть тройка супостатовъ:
 Шишковъ, нашъ Шаховской, Шихматовъ;
 Но кто глупѣй изъ тройки злой?
 Шишковъ, Шихматовъ, Шаховской!

Лѣтомъ напишу я Картину Царскаго Села:

1. Картина сада.
2. Дворецъ. День въ Ц. С.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.

Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы всендневныхъ моихъ записокъ. Но это еще будущее.

Вчера не тушили свѣчекъ, зато пѣли куплеты на голось: бери себѣ повѣсу. Запишу, сколько могу упомнить.

На Георгіевскаго.

Предположивъ и дальше
 На грацію намекъ,
 Ну-съ, Августинъ богословъ,
 Профессоръ Бутервекъ,
 (Или: Надъ печкою богословъ,
 А въ печкѣ Бутервекъ),
 Потомъ Ніобы группа,
 Корреджіевъ тьмо-свѣтъ,
 Прелестна граціозность,
 И счастливъ, — онъ поэтъ.

На Кайданова.

Потише, животины!
Да долго ль, говорю?
Потише! Бомгольтъ, Боригольмъ,
Еще разъ повторю.

На Карцева.

Какіе жь вы лѣнивцы!
Ну, — на кого напасть?
Да нуте-ка, Вольховскій, —
Вы ересь понесли.
А что читаетъ Пушкинъ?
Подайте-ка сюды!
Ступай изъ класса съ Богомъ,
Назадъ не приходи.
А слышали вы новость?
Нашъ докторъ сталъ лѣнивъ (или ревнивъ),
Драгуна посылаетъ,
(Или: И графъ послалъ драгуна),
Чтобъ отпереть жену.
А Камарашъ взбѣсился,
Романа обокралъ,
А Фридебургъ свалился,
И графъ захохоталъ.
Нашъ докторъ хромоглазый
Въ банкъ выигралъ вчера;
А слѣдственно гоняетъ
Онъ лошадей съ утра.

На Шумахера.

Скажите мнѣ шатицы,
Какъ напимѣрь: wenn so,
Je weniger und desto,
Die Sonne scheint also.

Пушкинъ

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Сиб

Молодой парень съ боченкомъ.

На Гакена.

Мольшаты! Я самъ фидала!
 Мольшаты! Я гуфернеръ!
 Мольшаты! Ти самъ софрала!
 Пошалоюсь теперь.

На Владиславлева.

Матвѣюшка! Дай соли!
 Нѣтъ моченьки, мой свѣтъ!
 (Или: Мнѣ моченьки, братъ, нѣтъ).
 Служиль я государю
 Одиннадцать ужь лѣтъ.

На Лав . . .

Bonjour, Messieurs, — потише!
 Поводьемъ не играй!
 Ужь я тебя потѣшу!
 A quand l'equitation?

На Ви . . .

Лишь для безумцевъ, Зульма,
 Вино запрещено,
 А Вильмушкѣ поэту
 Стихи писать грѣшно.
 (Или: А не даны поэту
 Ни геній, ни вино).

На Заб. и Петр.

Какой столичный городъ,
 Желательно бы знать?
 А что такое воротъ,
 Извольте мнѣ сказать.

На Иконникова.

Скажите: разъ, два, три!
 Тутъ скажутъ всѣ скоты:

Да гдѣ жъ ея возрасти? —
Да на святой Руси!

На Куницына.

Извѣстенъ третій способъ —
Черезъ откупщиковъ:
Въ семь случаѣ помѣщикъ
Владѣлецъ лишь земли. ⁵

*

17-го. — Вчера провелъ я вечеръ съ Иконниковымъ. ⁶ Хотите ли видѣть страннаго человѣка, чудака — посмотрите на Иконникова. Поступки его — поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите високаго, худого человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей, окутанной чернымъ, изорваннымъ платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коробочки, — онъ дико смотритъ на васъ. Вы ему близкій знакомый, вы ему родственникъ или другъ, — онъ васъ не узнаетъ. Вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя; онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушевымъ голосомъ, кланяется, садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ. Передъ нимъ карафинъ воды; онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый, — спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ положеніи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства; ходитъ пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село, чтобы освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщаль ему какой-то шарлатанъ. Онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ; разсыпается въ благодареньяхъ за ничтожную услугу или

простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодаренье, ему оказанное, — легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Иконниковъ имѣеть дарованія, пишетъ изрядно стихи и любитъ поэзію. Вы читаете ему свою пьесу — наотрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко; зато за самые посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ гениемъ. Иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо. Его любятъ иногда, смѣшить онъ часто, а жалокъ почти всегда.

*

Мои мысли о Шаховскомъ.

Шаховской никогда не хотѣлъ учиться своему искусству — и сталъ посредственный стихотворецъ. Шаховской не имѣлъ большого вкуса; онъ — худой писатель. Что жъ онъ такой? Неглупый человекъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ другихъ, пришедъ домой, все записываетъ и потомъ какъ ни попало вклеиваетъ въ свои комедіи.

Онъ написалъ Новаго Стерна, — холодный пасквиль на Карамзина.

Онъ написалъ водевиль Ломоносовъ: представилъ отца русской поэзіи въ кабакъ и заставилъ его нѣмцамъ говорить дерзкіе свои стихи, и растянулъ на три дѣйствія двѣ или три занимательныя сцены.

Онъ написалъ Казакъ-стихотворецъ: въ немъ есть счастливыя слова, пѣсни замысловатыя, но нѣтъ даже и тѣни ни завязки, ни развязки... Маруся занимаетъ, но всѣ прочіе холодны и скучны..

Не говорю о Встрѣчѣ незваныхъ, пустомъ

представленьи, безъ малѣйшаго искусства или занимательности.

Онъ написалъ поэму Шубы — и всѣ дрожать.
Наконецъ онъ написалъ Кокетку.

И, наконецъ, написалъ онъ комедію, хотя исполненную ошибокъ во всѣхъ роляхъ, въ продолженіе трехъ первыхъ дѣйствій, холодную и скучную и безъ завязки, — но все комедію.

Первыя ея явленія скучны. Князь Холмскій — лицо не дѣйствующее, усыпительный проповѣдникъ, надутый педантъ, и въ Липецкъ прѣзжаетъ только для того, чтобы пошептать на ухо своей теткѣ въ концѣ 5-го дѣйствія.

II.

Изъ Кишиневскаго дневника.

(1821).

2-го апрѣля. — Вечеръ провель у N. G. Прелестная гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятыю греками, я одинъ говорилъ какъ грекъ! всѣ отчаявались въ успѣхѣхъ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2,500,000 турковъ оставятъ цвѣтушую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Фемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другого достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной, — храбрости достанетъ и у Ипсиланти.

•

3-го. — Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита. ¹ Во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жидаы: они наполняли тѣсныя улицы,

взбирались на кровли и составляли тамъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со всѣмъ тѣмъ — ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочестивѣе ихъ.

*

Читаль сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Жуковскому. ² Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! Къ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ — неожиданная рима „Херасковъ“ не примиряетъ меня съ такой какофоніей. Баратынскій — прелесть.

*

9 апрѣля. — Утро провелъ я съ Пестелемъ; ³ умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. *Mon coeur est matérialiste*, говоритъ онъ, *mais ma raison s'y refuse*. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю...

*

18 Juillet 1821. Nouvelle de la mort de Napoléon. Bal chez l'archevêque arménien.

*

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье, — одного тебя можетъ любить холодная душа моя. — Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они...

III.

Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ.

(1824).

1824 года ноября 19-го, Михайловское.— Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч. Но все это нравилось мнѣ недолго. Я любилъ и донинѣ люблю шумъ и толпу.

(На оборотѣ того же листка:) ... попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился и тѣмъ, казалось, чрезвычайно одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки, и повторилъ это разъ 5 или 6 до объѣда...

IV.

Воображаемый разговоръ съ Императоромъ Александромъ I.

(1825).

«Когда-бъ я былъ царь, то позвалъ бы Александра Пушкина и сказалъ бы ему: „Александръ Сергѣевичъ, вы сочиняете прекрасные стихи; я читаю съ большимъ удовольствіемъ“. А. П—тъ поклонился бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ замѣшательствомъ, а я бы продолжалъ: „Я читалъ вашу оду Свобода! Прекрасно, хоть она писана немного сбивчиво, мало обдуманно; вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы на-

писали эту оду“. — В. В., я писалъ ее въ 1817 году... — „Тутъ есть три строфы очень хорошія... Конечно, вы поступили неблагоразумно... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ нелѣпой клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя; но вижу, что вы не уважили правду, личную честь даже въ царѣ“. — Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ? Лучше бы вы прочли хоть 3-ю и 6-ю пѣснь Руслана и Людмилы, ежели не всю поэму, или первую часть Кавказскаго Плѣнника, или Бахчисарайскій Фонтанъ. Онѣгинъ печатается, буду имѣть честь отправить два экземпляра въ библіотеку В. В., къ Ивану Андреевичу Крылову, и если В. В., найдете время... „Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ, вы доставите намъ пріятное занятіе. Наше царское правило: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, дожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ король Галліи или императоръ Австрійскій съ вами не такъ бы поступили! За всѣ ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ. Что вы дѣлали у Инзова и у Воронцова?“ — В. В., Инзовъ меня очень любилъ, за всякую ссору съ молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ, скуки ради, французскіе журналы. А его сіятельство графъ Воронцовъ не сажалъ меня подъ арестъ, не присылалъ мнѣ газетъ, но, зная русскую литературу какъ герцога Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно... „Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ графомъ Воронцовымъ?“ — В. В., ге-

нераль Инзовъ — добрый и почтенный старикъ; онъ русскій въ душѣ; онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ; онъ уже не волочится, ему не 18 лѣтъ; страсти если и были въ немъ, то ужь давно исчезли. Онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что со всѣми вѣжливъ. Онъ не опрометчивъ, не вѣритъ пасквильямъ... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы — князю Цицанову. ¹ Я не оправдывался никогда, изъ пустого вольнодумія; отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на свою добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь, и силы нѣтъ отказаться. — „Слабость непростительная. Но вы же и аеей? вотъ что ужь никуда не годится“. — Я аеей? В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу? ² Можно ли школьническую шутку взвѣшивать какъ преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ европейскихкихъ нынѣшнихъ властителей (увидимъ, однако, что будетъ изъ Карла X), но вашъ послѣдній поступокъ со мною — ссылаюсь на собственное ваше сердце — противорѣчитъ вашимъ правиламъ и просвѣщенному образу мыслей... — „Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе?“ — Это не было бы оскорбительно В. В.—ву: вы видите, что я не ошибся въ моихъ расчетахъ... Тутъ бы онъ разгорячился и наговорилъ бы мнѣ много лишняго (хоть отчасти правды); я бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь,

гдѣ бы онъ написалъ эпическую поэму „Ермакъ“ или „Кучумъ“, размѣромъ и съ римою...

V.

Остатки автобіографіи.

(1825—1826).

... (запечат)лѣны печатью вольномыслія. Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ.¹ Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія — одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хотъ это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всею поэтической своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностію и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяць (чегó никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ) — примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ

новымъ открытіемъ. Древняя Россія казалась найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать насчетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако, не любилъ его... Однако!.. зачѣмъ не но? Однако, какъ это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако! — Въ журналахъ его не критиковали. Каченовскій бросился на одно предисловіе... ²

*

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, за то никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12-ть лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Ноты Русской Исторіи свидѣлствуютъ обширную ученость Карамзина, приобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Молодые якобинцы негодовали; нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыя вѣрнымъ рассказомъ событій, казались имъ верхомъ варварства и униженія. Они забывали, что Карамзинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи, ³ что государь, освободивъ его отъ цензуры, симъ знакомъ довѣренности, нѣко-

торымъ образомъ, налагаль на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности. Онъ рассказываль со всею вѣрностію историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чего жъ болѣе требовать было отъ историка? Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. ⁴

*

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьевъ, молодой человѣкъ умный и пылкій, разобраль предисловіе, или введеніе: предисловіе!.. Мих. Орловъ, въ письмѣ въ Вяземскому, пеняль Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т. е. требоваль романа въ исторіи — ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне время Тарквинія, не понимающіе спасительной монархіи, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностію, конечно, были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни. ⁵

*

... Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои любимыя парадоксы. Оснарявая его, я сказалъ: „Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ?“ Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно и, прощаясь со мной, онъ ласково упре-

каль меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: „Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили“. Въ теченіе шестилѣтняго знакомства только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось... Я прыснулъ, и мы оба расхохотались...

VI.

Встрѣча съ Кюхельбекеромъ.

(1827).

15 октября 1827. — Вчерашній день былъ для меня замѣчательнъ: прїѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣзжаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1,600. Я расплатился довольно сердито, взялъ взаймы 200 руб. и уѣхалъ очень доволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова Духовидца; но едва успѣлъ я прочитатъ первыя страницы, какъ вдругъ подѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Вѣроятно, поляки, — сказалъ я хозяйкѣ. — „Да“, отвѣчала она: „ихъ нынче отвозятъ назадъ.“ — Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человекъ, съ черною бородою, во

фризовой шинели, и съ виду настоящій жидъ — и я принялъ его за жида, и неразлучныя понятія жида и шпіона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я поворотился имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій... Увидѣвъ меня, онъ съ живостію на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегеръ взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и ускакали.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда же?

Луга.

VII.

Путешествіе въ Арзрумъ

во время похода 1829 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году подъ названіемъ: „Voyage en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français“. Авторъ, по своему описывая походъ 1829 года, оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poète distingué par son imagination a trouvé

dans tant de hauts faits dont il a été témoin non le sujet d'un poeme, mais celui d'une satire.

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое „Путешествіе къ святымъ мѣстамъ“, произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на арзрумскій походъ.

Никакъ бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, еслибы въ этой самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами генераловъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskévitch) on distinguait le Général Mouravief... le Prince Géorgien Tsitsevaze... le Prince Arménien Beboutof... le Prince Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin — M. Pouchkine... qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки французскаго путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань русскихъ журналовъ. Искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было-бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой — слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ черезъ Саганъ-Лу, движеніе, коимъ графъ Паскевичъ отрѣзалъ сераскира отъ Османъ-паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однѣхъ сутокъ, быстрый по-

ходъ къ Арзруму — все это, удѣланное полниѣя успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно по-смѣянiя въ глазахъ военныхъ людей (каковы, напри- мѣръ, г. купеческій консулъ Фонтанье, ¹ авторъ „Пу- тешествiя на Востокъ“), но я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково при- нявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находив- шаго времени среди своихъ великихъ заботъ оказы- вать мнѣ лестное вниманiе. Человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ сильныхъ, дорожить ихъ радушіемъ и гостепрiимствомъ, ибо много отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненiе въ неблагодар- ности не должно быть оставлено безъ возраженiя, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ все, что мною написано о походѣ 1829 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи. — Калмыцкая кибитка. — Кавказскія воды. — Во- енная грузинская дорога. — Владикавказъ. — Осетинскія похороны. — Терекъ. — Даріальское ущелье. — Переѣздъ чрезъ снѣговыя горы. — Первый взглядъ на Грузію. — Водопроводы. — Хозревъ-мирза. — Душетскій городничій.

15 мая. Георгіевскъ.

Изъ Москвы поѣхалъ я (1-го мая) на Калугу, Бѣлевъ и Орель и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишннихъ, за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ коего находится его деревня. Я пріѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извозчикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермо- ловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простаго, набожнаго старика; что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ,

а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часть я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностію. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы — памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго — графомъ Эрихонскимъ. „Пускай нападетъ онъ“, говорилъ Ермоловъ, „на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напримѣръ на пашу, начальствовавшего въ Шумлѣ, — и Паскевичъ пропалъ.“ Я передалъ Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую кампанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. Ермоловъ засмѣялся, но не соглашался. „Можно было бы сберечь людей и издержки“, сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ, или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн.

Курбскаго говорилъ онъ соп апоге. Нѣмцамъ досталось. „Лѣтъ черезъ 50“, сказалъ онъ, „подумають, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими-то нѣмецкими генералами.“ Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что не помнилъ моего полного имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говорить онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.

Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить харьковскій университетъ, который не стоитъ курской рестораціи. До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи одесской. Мнѣ случилось въ цѣлыя сутки проѣхать не болѣе 50 верстъ. Смотря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ американца Купера въ его описаніяхъ морскихъ эволюцій. Наконецъ, воронежскія степи оживили мое путешествіе. Я свободно покатился по зеленой равнинѣ и благополучно прибылъ въ Новочеркасскъ, гдѣ нашель гр. Вл. Пушкина, ² также ѣдущаго въ Тифлисъ. Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ. Онъ ѣдетъ въ огромной бричкѣ. Это родъ укрѣпленнаго мѣстечка; мы ее прозвали Отрадною. Въ сѣверной ея части хранятся вина и съѣстные припасы; въ южной — книги, мундиры, шляпы etc. etc. Съ западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станціи выгружается часть сѣверныхъ

запасовъ, и такимъ образомъ мы проводимъ время какъ нельзя лучше.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часть отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Надняхъ посѣтилъ я калмыцкую кибитку (клѣтчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котель варился посрединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, курия табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. „Какъ тебя зовутъ? — ***. — „Сколько тебѣ лѣтъ?“ — Десять и восемь — „Что ты шьешь?“ — Портка. — „Кому?“ — Себя. — Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ нибудь заѣсть. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной Цирцен.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это — снѣжныя вершины кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпные ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь, кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усыялось миллионами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною Ал. Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатеринодаръ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Мая 22. Владикавказъ.

Съ Екатеринограда начинается военная грузинская дорога: почтовый трактъ прекращается. ³ На-

нимають лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется оказіей. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ чловѣкъ или около. Пробыли въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двухколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ непрерывный скрипъ ногайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрыпомъ, говоря, что они разѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба — вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы встарину не разбѣгаясь, съ заржавѣвшими пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича,

съ обрушеннымъ валомъ, по которому бродить гарнизонъ куриць и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинкѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора; за нею находилась крѣпость; кругомъ ея видны были слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій одинокій минаретъ свидѣтельствуешь о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудями камней, на берегу иссохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голось муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками. ⁴

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползли чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю черкесовъ, похоронены ихъ наѣзники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, ⁵ истѣченные на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба мирныхъ черкесовъ ненадежна; они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. ⁶ Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропускаютъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ими наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство — простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляють работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ такимъ народомъ? Должно, однакожь, надѣяться, что приобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудить ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію; самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть, наконецъ, средство болѣе сильное

болѣ нравственное, болѣ сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія доннѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ доннѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? — Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестятъ велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается. — Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были

увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ Корана, между коими отличался Мансуръ, человекъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу русскаго владычества, наконецъ, схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. ⁷ Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-коя, преддверія горъ. ⁸ Онъ окруженъ осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго сѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на буркѣ...

... like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him,

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ. ⁹

Осетинцы — самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго осетинца. Онъ несъ ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однакожь при моемъ приближеніи, обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными чадрами. Въ крѣпости видѣлъ я черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и краси-

выхъ мальчиковъ. Они поминутно проказать и бѣгаютъ изъ крѣпости. Ихъ держать въ жалкомъ положеніи. Они ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагіе, и въ отвратительной нечистотѣ. На иныхъ видѣлъ я деревянныя колодки. Вѣроятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалѣютъ о своемъ пребываніи въ Владикавказѣ. ¹⁰

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи конуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извивается вдоль его теченія. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестію природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ Пушкинъ и Шерваль, ¹¹ смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество рѣкѣ на сѣверѣ гремящей. ¹² Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростію неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: „Не останавливайтесь, в. б., убьютъ!“ Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники,

безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, ¹³ проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онѣ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ кахетинскаго вина изъ вонючаго бурдюка, вспоминая пированія Иліады:

„И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!“

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ Кавказскаго Плѣнника и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш. по возвращеніи его изъ Парижа: „Худо, братъ, жить въ Парижѣ; ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!“

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носить то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсоту. Ключекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ

похищеніе Ганимеда, странную картину Рембрандта. Къ тому же, и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменя. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелю: сказка. Даріаль на древнемъ персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущеліе замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Диріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и проч. (см. Путешествіе графа И. Потоцкаго, коего ученія изысканія столь же занимательны, какъ и испанскіе романы).¹⁴

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли Троицкія ворота (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы черезъ Бѣшеную Балку, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ и принадлежитъ князю Казбеку: Князь, мужчина лѣтъ сорока-пяти, ростомъ выше преобра-

женскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и не чище русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузатый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груды, по выраженію поэта, подпирающую небосклонъ.

Ждали персидскаго принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ на встрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго персидскаго поэта, и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-хану. ¹⁵ Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе; но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазильханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостію порядочнаго человѣка! „Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно“, и проч. Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ и сѣхалъ на обыкновенныя европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить

о человѣкѣ по его бараньей папахѣ *) и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за осетинскими волами? На всякій случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана официальную просьбу къ Чилиеву, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводу. ¹⁶

На другой день около 12 часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осьмнадцать паръ тощихъ, малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ осетинцевъ, насилу тащили легкую вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ Пушкинъ не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхалъ черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ полковникомъ Огаревымъ, осматривающимъ здѣшнія дороги. ¹⁷

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Таковыя случаи бывають обыкновенно каждая семь лѣтъ. Огромная глыба, сваясь, засыпала ущеліе на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали

*) Такъ называются персидскія шапки.

ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обваль не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ! ¹⁸

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой рокотъ. „Это обваль“, сказалъ мнѣ г. Огаревъ. Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груды снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь нерѣдки. Въ прошломъ году русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обваль оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатила въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный ген. Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога, и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гуть-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ

уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спустились въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ г. Чилиева. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемая веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. вмѣсто голыхъ утесовъ я увидѣлъ около себя зеленныя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптического обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ русскаго офицера, провожающаго персидскаго принца. Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по-азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полуверстѣ отъ Ананура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу.¹⁹ Экипажи его стояли. Самъ онъ взглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на принца напали горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой азіатецъ, не привыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до

города Душета оставалось не болѣе какъ десять верстѣ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстѣ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шель впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличивалась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинскихъ пастуховъ, а были шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе, но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни, и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ городничему и требовалъ за то съ меня абазъ.²⁰

Появленіе мое у городничаго, стараго офицера изъ грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ, во-первыхъ, комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во вторыхъ, стакана вина, въ-третьихъ, абазы для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненія *de la liberté grande*. Къ счастью, нашель я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдони. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ, и абазъ выданъ моему проводнику, съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для грузинскаго гостепрїимства. Я бросился

на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ мой человѣкъ и объявилъ, что графъ Пушкинъ благополучно переправился на волахъ черезъ снѣговья горы и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ Пушкинъ и Шернваль посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслию, что ночью въ Тифлисъ.

Дорога была такъ же пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискала ²¹ мы переправились черезъ Куру по древнему мосту, памятнику римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. — Народныя бани. — Безносый Гассанъ. — Нравы грузинскіе. — Пѣсни. — Кахетинское вино. — Причина жаровъ. — Дороговизна. — Описаніе города. — Отъѣздъ изъ Тифлиса. — Грузинская ночь. — Видъ Арменіи. — Двойной переходъ. — Армянская деревня. — Гергеры. — Грибоѣдовъ. — Безобдалъ. — Минеральный ключъ. — Буря въ горахъ. — Ночлегъ въ Гумрахъ. — Араратъ. — Граница. — Турецкое гостепримство. — Карсъ. — Армянская семья. — Выѣздъ изъ Карса. — Лагерь графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ; на другой день отправился въ славныя тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишиневъ. По узкимъ и кри-

вымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженныя волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персіяне тѣснились на неправильной площади; между ними молодые русскіе чиновники разѣзжали верхами на карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый персіянинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь; я вошелъ въ обширную комнату, и что же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе не одѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. „Пойдемъ, пойдемъ“, сказалъ мнѣ хозяинъ: „сегодня вторникъ: женскій день. Ничего, не бѣда“. — Конечно, не бѣда, отвѣчалъ я ему, напротивъ. Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась прикрыться своею чадрую; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны и оправдывали воображеніе Т. Мура:

..... a lovely Georgian maid,
 With all the bloom, the freshened grow
 Of her own country maiden's looks,
 When warm they rise from Teflis brooks.
 (*Lalla Rookh*).

За то не знаю ничего отвратительнѣе грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.

Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій желѣзосѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе татарину-баньщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулакомъ: я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, *e sempre bene*). Послѣ сего долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескавъ теплой водой, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ; ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ, какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты въ русской банѣ: знатоки будутъ благодарны за такое нововведеніе.

Послѣ пузыря, Гассанъ опустилъ меня въ ванну, тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ я надѣялся найти Раевского; ²² но, узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. Санковскій, издатель „Тифлисскихъ Вѣдомостей“, рассказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о князѣ Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. Санковскій любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность. ²³

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи

въ 1783 году, что не помѣшало славному Агѣ-Махому взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ императора Александра въ 1802. Грузины народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности ожидаютъ большей образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчишки поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ грузинскихъ приятель; мнѣ переревели одну изъ нихъ слово въ слово: она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная бессмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она:

„Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастья! Отъ тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

„Отъ тебя, весна цвѣтущая, луна двунедѣльная, отъ тебя, ангель мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

„Ты сіяешь лицомъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ: хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

„Горная роза, освѣженная росой! Избранная люимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни“.

Грузинцы пьютъ — и не по нашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся; но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоятъ нѣкоторыхъ бургонскихъ. Вино держать въ мараняхъ, огромныхъ кувшинахъ, за-

рытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно русскій драгунъ, тайно открывъ таковой кувшинъ, упаль въ него и утонулъ въ кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги. ²⁴

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, и раскалясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижимый воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисъ, не смотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое его названіе (Тбимикаларъ) значитъ жаркій городъ. ²⁵

Большая часть города выстроена по-азиатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома европейской архитектуры, и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны турецкихъ и персидскихъ товаровъ, довольно дешево, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе тифлисское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ. Графъ Самойловъ ²⁶ и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисъ главную часть народонаселенія составляютъ армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячъ пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинясь долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ велѣно. Молодые титулярные

совѣтники прїѣзжаютъ сюда за чиномъ ассесорскимъ, толико вождѣлѣннымъ. ²⁷ Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію, какъ на изгнаніе.

Климатъ тифлисскій, сказываютъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лѣчатъ меркуріемъ, коего употребленіе безвредно, по причинѣ жаровъ. Лѣкаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генераль Сипягинъ, говорятъ, умеръ оттого, что его домовый лѣкарь, прїѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга испугался пріема, предлагаемаго тамошними докторами, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на крымскія и молдавскія и лѣчатся одинаково. ²⁸

Жители пьютъ курскую воду, мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ, вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы незамѣтенъ.

Въ Тифлисъ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извозникъ черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопрїѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такая. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамъ дѣлаемое пиво, вкусу очень непріятнаго, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Генераль Стрекаловъ, извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастію, у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли англійскіе офицеры въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня об-

носили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ поberi тифлисскаго гастронома! ²⁹

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ я записку отъ Раевского. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было идти далѣе. Я выѣхалъ на другой же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакль, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душень:

Ночи знойныя!
Звѣзды чудныя!..

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. Онъ меня не понималъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ я отправился далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ татаръ; между ними было нѣсколько женщянъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подыматься на Безобдаль, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. ³⁰ Широкая дорога, осыпанная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущеліе, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разстились значныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой съ выючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ по цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высококомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высоковаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. „Откуда вы?“ — спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — „Что вы везете?“ — Грибоѣда. — Это было тѣло

убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ. ³¹

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я расстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печалень и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: *Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux.* Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ; жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игрищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, — все въ немъ было не обыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подовѣрніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій

ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ „Московскомъ Телеграфѣ“. Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость разсчестъся единожды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздною разсѣянностію; уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ непрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія Горе отъ ума произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его наряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнны и нелюбопытны.

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Бутурлина, который, какъ и я, ѣхалъ въ армію. ³² Бутурлинъ путеше-

ствовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустья въ долину, осыненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключъ, текущій поперекъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани. „Что новаго въ Эривани?“ — спросилъ я его. — Въ Эривани чума, — отвѣчалъ онъ: а что слышать объ Ахалцыкѣ? — „Въ Ахалцыкѣ чума“, — отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись сими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородіе вошло на Востокъ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать; но я хотѣлъ непременно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ. ³²

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузь и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. На-

конецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ, я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшили я войти. Тутъ нашель я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другого. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслию было: не лежу ли въ лихорадкѣ? но почувствовалъ, что слава Богу, былъ здоровъ: не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни—и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія.

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ. орошенной росой и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую дол-

жны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимую мечтою. Долго вель я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело вѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый чюрекъ, армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки, пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили турецкіе пѣльники въ Даріальскомъ ущелии. Дорого бы я ~~далъ~~ за кусокъ русскаго чернаго хлѣба, который ~~былъ~~ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по-турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ русскихъ и, привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. На встрѣчу намъ попался русскій офицеръ. Онъ вѣхалъ изъ нашего лагеря и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ

свою сторону. Турокъ началъ опять свой монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходь на крупную рысь и вечеромъ пріѣхалъ въ турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю; но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранью. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ раскричался; народъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ. Не было мѣста, гдѣ бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился турецкій старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: вербана атъ (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющійся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: Карсъ, Карсъ! и пускалъ вскачь свою лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь, и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами, и дождь пошелъ опять; но я объ немъ уже не заботился.

Мы вѣхали въ Карсъ. Подѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около полу-

часа. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливня лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой армянинъ и переговора съ моимъ туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, изъясняясь на довольно чистомъ русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшой братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисъ и жилали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ повареннаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противу угасающаго камина и заснулъ въ приятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичерономъ. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коимъ

самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна и въ топкихъ мѣстахъ вымощена; черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась; передовые холмы хребта Саганъ-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ. Я взѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Раевского.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переходъ черезъ Саганъ-лу. — Перестрѣлка. — Лагерная жизнь. — Язиды. — Сраженіе съ сераскиромъ Арзрумскимъ. — Взорванная сакля.

Я пріѣхалъ во-время. Въ тотъ же день (13 іюня) войско получило повелѣніе идти впередъ. Обѣдая у Раевского, слушалъ я молодыхъ генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генералъ Бурцовъ ³⁴ отряженъ былъ влѣво по большой арзрумской дорогѣ прямо противу турецкаго лагеря, между тѣмъ какъ все прочее войско должно было идти правою стороною въ обходъ неприятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Раевскимъ, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло приваль. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ графу Паскевичу.

Я нашелъ графа дома, передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего Вольховскаго, ³⁶ запыленного съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ, однако, время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и Михаила Пущина, раненаго въ прошломъ году ³⁶. Онъ любимъ и уважаемъ, какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

*Neu fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni...*

Я воротился къ Раевскому и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Раевскій послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю, и мусульмане (такъ зовутся татары, служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подѣхали къ горамъ, поросшимъ лѣсомъ. Мы вѣхали въ ущелье. Драгуны говорили между собою: „Смотри, братъ, держись какъ разъ картечью хватить“. Въ самомъ

дѣлъ, мѣстоположеніе благоприятствовало засадамъ; но турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелье и стали на высотахъ Саганъ-лу, въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

... nec Armeniis in oris

Amice Valge, stat glacies iners

Menses per omnes...

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Раевскій послалъ освѣдомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ пикетахъ. Я поѣхалъ съ Семичевымъ³⁷ посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. „Много турковъ?“ спросилъ Семичевъ. — „Свиньѣмъ валить, ваше благородіе“, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ турковъ. Казаки отступали медленно; турки наѣзжали съ большою дерзостію, прицѣливались шагахъ въ двадцати и, выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою сбруей казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ³⁸ послалъ за подмогой. Въ это время самъ

онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались; но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченныя головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Выстрѣлы утихли ³⁹. Орлы, спутники войскъ, поднялися надъ горою, съ высоты высматривая добычу. Въ это время показалась толпа генераловъ и офицеровъ: графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись турки. Они были подкрѣплены четырьмя тысячами конницы, скрытой въ лощинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ коихъ человекъ пять умерло въ ту же ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодого Остенъ-Сакена, раненаго въ тотъ же день въ другомъ сраженіи ⁴⁰.

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы азіатскій шашлыкъ англійскимъ пивомъ и шампанскимъ, застывшимъ въ снѣгахъ таврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ генерала Раевского собирались беки мусульманскихъ полковъ, и беседа шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ находились и народы закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на язидовъ, слывущихъ на Востокъ дьяволопоклонниками. Около трехсотъ семействъ обитаютъ у подошвы

Арарата. Они признали владычество русскаго государя. Начальникъ ихъ, высокій, уродливый мужчина; въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ язида правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто бы язиды поклоняются сатанѣ, есть пустая басня; что они вѣруютъ въ единого Бога, что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ, ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія ихъ показались мнѣ уже гораздо простительнѣе ⁴¹.

Человѣкъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятели благополучно соединился съ арміей. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріателемъ. Порядокъ, съ какимъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ.

17 іюня утромъ услышали вновь мы перестрѣлку и черезъ два часа увидѣли карабахскій полкъ возвращающимся съ осьмью турецкими знаменами; полковникъ Фридериксъ ⁴² имѣлъ дѣло съ непріателемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ-паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19-го, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерьъ пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ

постамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ которую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божию. Я встрѣтилъ генерала Бурцова, который взялъ меня на лѣвый флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ генерала Муравьева, разставлявшаго пушки ⁴³. Вскорѣ показались делибаши и закружились въ долину, перестрѣливаясь съ нашими казаками ⁴⁴. Между тѣмъ густая толпа ихъ пѣхоты шла по лощинѣ. Генераль Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечьхватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ Пущина осмотрѣть оврагъ. Пушинъ поскакалъ. Турки приняли его за наѣздника и дали по немъ залпъ. Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непрiатель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противу центра) скакала турецкая конница. Графъ послалъ противъ нея генерала Раевского, который повелъ въ атаку свой нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татары наши окружали ихъ раненыхъ и проворно раздѣвали, оставляя нагихъ посреди поля. Генераль Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣляясь отъ полка, занесли въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены полковникомъ Симоничемъ ⁴⁵.

Сраженіе утихло. Турки у насъ въ глазахъ начали копать землю и таскать каменья, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать, чѣмъ Богъ по-

слалъ. Въ это время къ графу привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разспросили. Около шестого часу войска опять получили приказъ идти на непріятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами и вскорѣ начали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ. Земля обрывалась и сыпалась подъ конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда сводный уланскій полкъ переѣхалъ бы черезъ меня. Однако Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенные на дорогу, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, находящіяся по обѣимъ сторонамъ дороги; они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ, ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши татарскіе полки, коихъ лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусивъ поводъ, отъ нихъ не отставала: я насилу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодого турка, лежавшимъ поперекъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ осьмнадцать; блѣдное дѣвическое лицо не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Раевскій. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непріятеля и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичъ повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлялъ. Меня обогнали

конные наши отряды. Я увидѣлъ полковника Полякова, начальника казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился графъ Паскевичъ, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли графа на кровлѣ подземной сакли, передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщаль картину, достойную Сальватора-Розы; рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы, и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, находившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, какъ будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховой запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколько казаковъ ⁴⁶.

Вотъ все, что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ семь сраженій разбитъ сераскиръ арзрумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Арзруму; войско его, переброшенное за Саганъ-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, и Гаки-паша одинъ оставался у насъ на рукахъ. Графъ Паскевичъ не далъ ему времени распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-пашею. — Смерть татарскаго бека. — Гермафродить. — Пльнныи паша. — Араксъ. — Мость пастуха. — Гассанъ - Кале. — Горячій источникъ. — Походъ къ Арзруму. — Переговоры. — Взятіе Арзрума. — Турецкія пльнники. — Дервишъ.

На другой день, въ пятомъ часу, лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Вышедъ изъ палатки, встрѣтилъ я графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. „Êtes-vous fatigué de la journée d'hier?“ — Mais un peu, M. le Comte. — „J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes“.

Мы тронулись, и къ осьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки-паши виденъ былъ какъ на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ въ лагерь ихъ замѣтно было большое движеніе. Усталость и утренній жаръ заставили многихъ изъ насъ слѣзть съ лошадей и лечь на свѣжую траву. Я опуталь поводья около руки и сладко заснулъ, въ ожиданіи приказа идти впередъ. Черезъ четверть часа меня разбудили. Все было въ движеніи. Съ одной стороны колонны шли на турецкій лагерь; съ другой — конница готовилась преслѣдовать неприятеля. Я поѣхаль было за нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала, я отсталъ. Мимо меня пронесся уланскій полкъ. Потомъ Вольховскій проскакалъ съ тремя пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ, что лѣсъ наполненъ не-

пріятелемъ. Я воротился. Я встрѣтилъ генерала Муравьева съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ, дабы его очистить. Подъѣзжая къ лощинѣ, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ лежалъ одинъ изъ нашихъ татарскихъ бековъ, раненый смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла, стоя на колѣняхъ, читалъ молитвы. Умиравшій бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ и неподвижно глядѣлъ на молодого своего друга. Въ лощинѣ собрано было человѣкъ пятьсотъ плѣнныхъ. Нѣсколько раненыхъ турковъ подзывали меня знаками, вѣроятно, принимая меня за лѣкаря и требуя помощи, которой я не могъ имъ подать. Изъ лѣсу вышелъ турокъ, зажимая свою рану окровавленную тряпкою. Солдаты подошли къ нему, съ намѣреніемъ его приколоть, можетъ быть, изъ челолюбія. Но это слишкомъ меня возмутило: я заступился за бѣднаго турку и насилу привелъ его, изнеможеннаго и истекающаго кровью, къ кучкѣ его товарищей. При нихъ былъ полковникъ Анрепъ.⁴⁷ Онъ курилъ дружелюбно изъ ихъ трубокъ, не смотря на то, что были слухи о чумѣ, будто бы открывшейся въ турецкомъ лагерѣ. Плѣнные сидѣли, спокойно разговаривая между собою. Почти всѣ были молодые люди. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла. Верстахъ въ пятнадцати нашелъ я нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки, посреди скалъ. Къ вечеру пришли мы въ долину, окруженную густымъ лѣсомъ, и наконецъ могъ я выспаться въ волю, проскакавъ въ эти два дня болѣе восьмидесяти верстъ.

На другой день войска, преслѣдовавшія непріятеля, получили приказъ возвратиться въ лагерь. Тутъ

узнали мы, что между плѣнниками находился гермафродитъ. Раевскій, по просьбѣ моей, велѣлъ его привести. Я увидѣлъ высокаго, довольно толстаго мужика, съ лицомъ старой курносою чухонки. Мы осмотрѣли его въ присутствіи лѣкаря: *erat vir, matmosus ut femina, habebat testiculos non evolutos, repetique parvum et puerilem. Quaerebamus: sitne exsectus? Deus, respondit, castravit me.* Сія болѣзнь, извѣстная Иппократу, по свидѣтельству путешественниковъ, встрѣчается часто у кочующихъ татаръ и у турковъ. Коосъ есть турецкое названіе симъ мнимымъ гермафродитамъ.

Войско наше стояло въ турецкомъ лагерѣ, взятомъ наканунѣ. Палатка графа Паскевича стояла близъ зеленаго шатра Гаки-паши, взятаго въ плѣнъ нашими казаками. Я пошелъ къ нему и нашелъ его окруженнаго нашими офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубку. Онъ казался лѣтъ сорока. Важность и глубокое спокойствіе изображались на прекрасномъ лицѣ его. Отдавшись въ плѣнъ, онъ просилъ, чтобъ ему дали чашку кофею и чтобъ его избавили отъ вопросовъ.

Мы стояли въ долинѣ. Снѣжныя и лѣсистыя горы Саганъ-лу были уже за нами. Мы пошли впередъ, не встрѣчая нигдѣ непріятели. Селенія были пусты, окрестная сторона печальна. Мы увидѣли Араксъ, быстро текущій въ каменистыхъ берегахъ своихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Гассанъ-Кале находится мостъ, прекрасно и смѣло выстроенный на семи неравныхъ сводахъ. Преданіе приписываетъ его построеніе разбогатѣвшему пастуху, умершему пустыннокомъ на высотѣ холма, гдѣ донинѣ показываютъ его могилу, осѣненную двумя пустынными соснами. Сосѣдніе поселяне стекаются къ ней на по-

клоненіе. Мостъ называется Чабанъ-Кэпри (мостъ пастуха). Дорога въ Тебризь лежитъ черезъ него.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста посѣтилъ я темныя развалины караванъ-сарая. Я не нашелъ въ немъ никого, кромѣ больного осла, вѣроятно, брошеннаго дѣсь бѣгущими поселянами.

24 іюня утромъ пошли мы къ Гассанъ-Кале, древней крѣпости, наканунѣ занятой княземъ Бековичемъ. Она была въ пятнадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надѣялся отдохнуть; но вышло иначе.

Передъ выступленіемъ конницы явились въ нашъ лагерь армяне, живущіе въ горахъ, требуя защиты отъ турковъ, которые три дня тому назадъ отогнали ихъ скотъ. Полковникъ Анрепъ, хорошо не разобравъ, чего они хотѣли, вообразилъ, что турецкій отрядъ находился въ горахъ, и съ однимъ эскадронномъ уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Раевскому, что три тысячи турковъ находятся въ горахъ. Раевскій отправился вслѣдъ за нимъ, дабы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобожденіе армянъ. Проѣхавъ версть двадцать, вѣхали мы въ деревню и увидѣли нѣсколько отставшихъ улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ растолковалъ Раевскому, что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дня черезъ два. Раевскій приказалъ уланамъ прекратитъ преслѣдованіе куръ и послалъ полковнику Анрепу повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно и, выбравшись изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-

Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ верстъ крюку, дабы спасти жизнь нѣсколькимъ армянскимъ курицамъ, что вовсе не казалось мнѣ забавнымъ.

Гассанъ-Кале почитается ключемъ Арзрума. Городъ выстроенъ у подошвы скалы, увѣнчанной крѣпостью. Въ немъ находилось до ста армянскихъ семействъ. Лагерь нашъ стоялъ въ широкой равнинѣ, разстилающейся передъ крѣпостью. Тутъ посѣтилъ я круглое каменное строеніе, въ коемъ находится горячій желѣзо-сѣрный источникъ.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діаметръ. Я переплылъ его два раза и, вдругъ почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силъ выйти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востокѣ; но, не имѣя порядочныхъ лѣкарей, жители пользуются ими наобумъ и, вѣроятно, безъ большаго успѣха.

Подъ стѣнами Гассанъ-Кале течетъ рѣка Мургъ; берега ея покрыты желѣзными источниками, которые бьютъ изъ-подъ камней и стекаютъ въ рѣку. Они не столь пріятны вкусу, какъ кавказскій Нарзанъ, и отзываются мѣдью.

25 іюня, въ день рожденія государя императора, въ лагерь нашемъ, подъ стѣнами крѣпости, полки отслушали молебень. За обѣдомъ у графа Паскевича, когда пили здоровье государя, графъ объявилъ походъ къ Арзруму. Въ пять часовъ вечера войско уже выступило.

26 іюня мы стали въ горахъ, въ пяти верстахъ отъ Арзрума. Горы эти называются Акъ-дагъ (бѣлая горы); онѣ мѣловыя. Бѣлая язвительная пыль бѣла намъ глаза; грустный видъ ихъ наводилъ тоску. Близость Арзрума и увѣренность въ окончаніи похода утѣшала насъ.

Вечеромъ графъ Паскевичъ ѣздилъ осматривать мѣстоположеніе. Турецкіе наѣзники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами, начали по немъ стрѣлять. Графъ нѣсколько разъ погрозилъ имъ нагайкою, не переставая разсуждать съ генераломъ Муравьевымъ. На ихъ выстрѣлы не отвѣчали.

Между тѣмъ, въ Арзрумъ происходило большое смятеніе. Сераскирь, прибѣжавшій въ городъ послѣ своего пораженія, распустилъ слухъ о совершенномъ разбитіи русскихъ. Вслѣдъ за нимъ отпущенные плѣнники доставили жителямъ воззваніе графа Паскевича. Бѣглецы уличили сераскира во лжи. Вскорѣ узнали о быстромъ приближеніи русскихъ. Народъ сталъ говорить о сдачѣ. Сераскирь и войско думали защищаться. Произошелъ мятежь. Нѣсколько франковъ были убиты озлобленною чернью.

Въ лагерь нашъ (26-го утромъ) явились депутаты отъ народа и сераскира. День прошелъ въ переговоры; въ пять часовъ вечера депутаты отправились въ Арзрумъ, и съ ними генераль князь Бековичъ, хорошо знающій азіатскіе языки и обычаи.

На другой день утромъ войско наше двинулось впередъ. Съ восточной стороны Арзрума, на высотѣ Топъ-дага, находилась турецкая батарея. Полки подошли къ ней, отвѣчая на турецкую пальбу барабаннымъ боемъ и музыкою. Турки бѣжали, и Топъ-дагъ былъ занятъ. Я пріѣхалъ туда съ поэтомъ Юзефовичемъ.⁴⁸ На оставленной батарее нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. Съ высоты горы, въ лощинѣ, открывался взору Арзрумъ со всею цитаделью, съ зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Графъ былъ верхомъ. Передъ нимъ на землѣ сидѣли турецкіе депутаты, пріѣхавшіе съ ключами города. Но въ Арзрумъ за-

мѣтно было волненіе. Вдругъ на городскомъ валу мелькнулъ огонь, закурился дымъ, и ядра полетѣли къ Топъ-дагу. Нѣсколько ихъ пронеслись надъ головою графа Паскевича: „Voyez les turcs“ — сказалъ онъ мнѣ — „on ne peut jamais se fier à eux“. Въ сію минуту прискакать на Топъ-дагъ князь Бекевичъ, со вчерашняго дня находившійся въ Арзрумѣ на переговорахъ. Онъ объявилъ, что сераскирь и народъ давно согласны на сдачу, но что нѣсколько непослушныхъ арнаутовъ, подъ предводительствомъ Топчи-паши, овладѣли городскими батареями, бунтуютъ. Генералы подъѣхали къ графу, прося позволенія заставить молчать турецкія батареи. Арзрумскіе сановники, сидѣвшіе подъ огнемъ своихъ же пушекъ, повторили ту же просьбу. Графъ нѣсколько времени медлилъ; наконецъ далъ повелѣніе, сказавъ: „Полно имъ дурачиться“. Тотчасъ подвезли пушки, стали стрѣлять, и непріятельская пальба мало-по-малу утихла. Полки наши пошли въ Арзрумъ, и 27 іюня, въ годовщину полтавскаго сраженія, въ шесть часовъ вечера, русское знамя развилось надъ арзрумской цитаделью.

Раевскій поѣхалъ въ городъ; я отправился съ нимъ. Мы въѣхали въ городъ, представлявшій удивительную картину. Турки съ плоскихъ кровель своихъ угрюмо смотрѣли на насъ. Армяне шумно толпились въ тѣсныхъ улицахъ. Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадьми, крестясь и повторяя: христіанъ! христіанъ!.. Мы подъѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ удивленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже развѣзжающаго по городу, не смотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество; лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь; сераскирь и четверо пашей, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ пашей, сухощавый старичокъ, ужасный хлопотунъ, съ живостію говорилъ нашимъ генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. Пущинъ далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: „Благословенъ часъ, когда мы встрѣчаемъ поэта. Поэтъ — братъ дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ, и между тѣмъ, какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о сокровищахъ, онъ стоитъ наравнѣ съ властелинами земли, и ему поклоняются.“

Восточное привѣтствіе паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на сераскира. При входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимого пажа, черноглазого мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой арнаутской одеждѣ. Сераскирь, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ уныніи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодого человѣка, полунагого, въ бараньей шапкѣ, съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (outré) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что это былъ братъ мой дервишъ, пришедшій привѣтствовать побѣдителей. Его насилу отогнали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Арзрумъ. — Азіатская роскошь. — Климать. — Кладбища. — Сатирическіе стихи. — Сераскирскій дворець. — Харемъ турецкаго паши. — Чума. — Смерть Бурцова. — Выѣздъ изъ Арзрума. — Обратный путь. — Русскій журналъ

Арзрумъ (неправильно называемый Арзерумъ Эрзрумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во время Θεодосія Второго, и названъ Θεодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминанія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, въ удовлетвореніе какой-то обиды, телячьи уши вмѣсто человѣчьихъ.⁴⁹

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячъ жителей: но, кажется, число сіе слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь и не выкладываютъ, что замѣтилъ и Турнфоръ,⁵⁰ пишущій, что въ Арзрумѣ больной можетъ умереть за невозможностію достать ложку ревеня, между тѣмъ, какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было бы бессмысленнѣе словъ: „азіатская роскошь.“ Эта поговорка вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно ска-

зять: „азіатская бѣдность, азіатское свинство“ и проч., но роскошь, конечно, принадлежность Европы. Въ Арзрумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климатъ арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна, но плодородна. Она орошена множествомъ источниковъ и отсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города; но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые мусульмане пьютъ и не нахвалятся. ⁶¹ Лѣсъ доставляется изъ Саганъ-лу.

Въ арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ, вѣроятно, еще со временъ Годфреда.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ или трехъ пашей отличаются большей затѣйливостью; но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго: никакого вкуса, никакой мысли... Одинъ путешественникъ пишетъ, что изъ всѣхъ азіатскихъ городовъ въ одномъ Арзрумѣ нашелъ онъ башенные часы, и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемые султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носитъ еще свой живописный восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою. Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ-Оглу:

Стамбуль гяуры нынче славятъ,
 А завтра кованной пятой,
 Какъ змія спящаго, раздавятъ,
 И прочь пойдуть — и такъ оставятъ:
 Стамбуль заснулъ передъ бѣдой.

Стамбуль отрекся отъ Пророка;
 Въ немъ правду древняго Востока
 Лукавый Западъ омрачилъ.
 Стамбуль для сладостей порока
 Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ.
 Стамбуль отвыкъ отъ поту битвы
 И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой жаръ потухъ,
 Въ немъ жены по кладбищамъ ходятъ,
 На перекрестки шлютъ старухъ,
 А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ,
 И спитъ подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзумъ нагорный,
 Многодорожный нашъ Арзумъ:
 Не спимъ мы въ роскоши позорной,
 Не черпемъ чашей непокорной
 Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы: струею трезвой
 Святыя воды насъ поятъ;
 Толпой безтрепетной и рѣзвой
 Джигиты наши въ бой летятъ;
 Харемы наши недоступны,
 Евнухи строги, неподкупны,
 И смирно жены тамъ сидятъ. ⁵²

Я жилъ въ сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился харемъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ: сераскирь, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него, что только могъ. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гу-

лялъ я по городу, турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ. (Они принимаютъ всякаго франка за лѣкаря). Это мнѣ надоѣло — я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ Сухоруковымъ; сходство нашихъ занятій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ, нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностію и удачей. Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены. ⁵³

Дворецъ сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый паша молчаливо курилъ среди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ генераловъ, раздавалъ пашалыки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушскій паша пріѣзжалъ къ графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. ⁵⁴ Ходя по дворцу, важный турокъ остановился въ одной изъ комнатъ, съ живостію проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія восточныя! Славный Бей-булатъ, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Арзрумъ съ двумя старшинами черкесскихъ селеній, возмутившихся во время послѣднихъ войнъ. ⁵⁵ Они обѣдали у графа Паскевича. Бей-булатъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ-паша, взятый въ плѣнъ подъ Арзрумомъ

и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ сераскиромъ, просилъ графа Паскевича за безопасность харема, имъ оставляемаго въ Арзрумѣ. Въ первые дни объ немъ было забыли. Однажды, за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ мусульманскаго города, занятаго десятью тысячами войска и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе солдата, графъ вспомнилъ о харемѣ Османа-паши и приказалъ г. Абрамовичу⁵⁶ съѣздить въ домъ паши и спросить у его женъ, довольны ли онѣ и не было ли имъ какой-нибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать г. Абрамовича. Мы отправились Г-нъ Абрамовичъ взялъ съ собою въ переводчики русскаго офицера, коего исторія любопытна. Осьмнадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ персіанамъ... онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ харемѣ одного изъ сыновей шаха. Онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніе въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ физиологическомъ отношеніи показанія его были драгоцѣнны.

Мы пришли къ дому Османа-паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ; на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи, взятая изъ Корана. Одна изъ нихъ показалась мнѣ очень замысловата для мусульманскаго харема: „Тебѣ подобаетъ связывать и развязывать.“ Намъ поднесли кофей въ чашечкахъ, оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа-паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить графа Паскевича, но г. Абрамовичъ сказалъ наотрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа-паши и хочетъ ихъ видѣть, дабы отъ нихъ самихъ удостовѣриться, что онѣ въ отсутствіи супруга всѣмъ довольны. Едва персидскій

плѣнникъ успѣлъ все это перевести, какъ старикъ, въ знакъ негодованія, зашелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и что если паша, по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе мужчины видѣли его женъ, то и ему, старику, и всѣмъ служителямъ харема велитъ отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика, но г. Абрамовичъ былъ непоколебимъ. „Вы боитесь своего паши, сказалъ онъ имъ, а я—своего сераскира, и не смѣю послушаться его приказаній.“ Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ били два тощіе фонтана. Мы приблизились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки; мы увидѣли женщину, съ головы до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрою. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ: мы услышали шамканіе семидесятилѣтней старухи; г. Абрамовичъ прервалъ ее: „Это мать паши, сказалъ онъ: а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ“. Всѣ изумились догадкѣ гяуровъ; старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной, покрытой такъ же, какъ и она, — изъ-подъ покрывала раздался молодой, пріятный голосокъ. Она благодарила графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе русскихъ. Г-нъ Абрамовичъ имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ; я, между тѣмъ, глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко, и въ этомъ кругломъ окошкѣ пять или шесть круглыхъ головокъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ было сообщить о своемъ открытіи г. Абрамовичу, но головки закивали, замигали, и нѣсколько

пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая знать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицомъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей съ г. Абрамовичемъ, была, вѣроятно, повелительницею харема, сокровищницею сердець, розою любви — по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ г. Абрамовичъ прекратилъ свои разспросы. Дверь затворилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ и возвратились, очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я харемъ: это удалось рѣдкому европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война казалась кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани арзрумскія съ тифлисскими!

Возвращаясь во дворець, узналъ я отъ Коновницына, ⁶⁷ стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзрумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ же день рѣшился оставить армию. Мысль о присутствіи чумы очень непріятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ, какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть; изъ красныхъ, загноенныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго съ чувствомъ отвращенія неизъяснимаго, и

воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство, однакожь, превозмогло: на другой день я отправился съ лѣкаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больного; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумнаго и обѣщавъ несчастному скорое выздоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ турковъ, которые выводили его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ будто чума была не что иное какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости въ присутствіи такого равнодушія, и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 іюля, пришедъ проститься съ графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что генераль Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. Итакъ, война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предприятий; но я спѣшилъ въ Россію... Графъ подарилъ мнѣ на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія послѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ, уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленныя присутствіемъ пятнадцати тысячъ войска, были мол-

чаливы и печальны. Я переѣхалъ Саганъ-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехдневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ, при звукѣ музыки и пѣсенъ грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками.⁵⁸ Бѣшенная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи: оврагъ, наполнившійся дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ же грозно ревѣвшій. Берега были растерзаны, огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество осетинцевъ разрабатывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелья на раздолье широкихъ равнинъ Большой Кабарды. Во Владикавказѣ нашелъ я Дорохова и Пущина.⁵⁹ Оба ѣхали на воды, лѣчиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У Пущина на столѣ нашелъ я русскіе журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи.⁶⁰ Я сталъ читать ее вслухъ. Пущинъ остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ бѣльшимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это

былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи. Требованіе Пушина показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

VIII.

Записка о Сухоруковѣ.

(1829).

Сотникъ Сухоруковъ воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ. Въ 1820 году бывшій атаманъ употребилъ его по своимъ дѣламъ, какъ чловѣка свѣдущаго и смышленаго. Въ то же время графъ Чернышовъ, имѣя нужду въ тамошнемъ уроженцѣ, призвалъ его въ свою канцелярію. Будучи еще очень молодъ и находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Сухоруковъ могъ подать поводъ къ неудовольствію графа. Въ послѣдствіи времени литературныя занятія сблизили его съ Корниловичемъ, съ которымъ въ 1825 году издалъ онъ ученую книгу ¹ подъ заглавіемъ: *Русская Старина*. Сухоруковъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ о заговорѣ, но слѣдственная коммисія оправдала его, оставя въ подозрѣніи. Будучи потомъ откомандированъ въ Кавказскій корпусъ, Сухоруковъ былъ употребленъ графомъ Паскевичемъ.

Сухоруковъ имѣеть отличныя дарованія и свѣдѣнія. Доказательствомъ тому служить то, что всѣ бывшіе его начальники принуждены были употреблять его,

даже не доброжелательствующіе ему. Съ 1821 года предпринялъ онъ трудъ, важный не только для Россіи, но и для всего ученаго свѣта.

Сухоруковъ имѣлъ нѣкогда порученіе отъ комитета, учрежденнаго для устройства Войска Донскаго, составить исторію донскихъ казаковъ. Для сего Сухоруковъ пересмотрѣлъ всѣ архивы присутственныхъ мѣстъ и станицъ Донской земли, также архивы: азовскій, саратовскій, царицынскій, астраханскій, наконецъ и московскій. Выписанные имъ историческіе акты заключаютъ болѣе пяти тысячъ листовъ; кромѣ того Сухоруковъ приобрѣлъ множество разныхъ лѣтописей, повѣстей, поэмъ и проч., объемлющихъ исторію донскихъ казаковъ. Всѣ сіи драгоценныя матеріалы, вмѣстѣ со статьями, имъ уже составленными, Сухоруковъ долженъ былъ, по приказанію генераль-майора Богдановича, уѣзжая въ армію, въ 1826 году, передать въ другія руки, и теперь они едва ли не растеряны. ²

Имѣя слабое здоровіе, склонность къ ученымъ трудамъ и малое, но достаточное для него состояніе (тысячу рублей годового дохода), Сухоруковъ сказывалъ мнѣ, что единственное желаніе его было бы дозволеніе хотя взять копіи ³ съ приобретенныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, на которые употребилъ онъ пять лѣтъ времени, и потомъ на свободѣ заняться составленіемъ исторіи донскихъ казаковъ, которую надѣялся онъ посвятить его императорскому высочеству великому князю наслѣднику.

IX.

Родословная Пушкиныхъ и
Ганнибаловъ.

(1830).

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть—и умножить число жертвъ. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ: я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь какая-то торжественность ихъ окружаетъ и, вѣроятно, будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей — за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣ живы, то болѣе достовѣрны.

Избравъ себя лицомъ, около котораго постараюсь собрать другія лица, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорить лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), выхавшаго въ Россію во время княженія св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобринцевы, Мятлевы, Поводовы, Каменскіе, Бутурлины, Коллриговы, Шеферединовы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Гроз-

наго, исторіографъ именуеть и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичъ Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольникій Матвѣй Степановичъ, — подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ Первомъ, сынъ его, стольникъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ, уличенъ былъ въ заговоръ противу государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшей дочери графа Головина, перваго андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, Левъ Александровичъ, служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, во время возмущенія, остался вѣренъ Петру III. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. ¹

Дѣдъ мой былъ человекъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не

смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и въ брилліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополь какъ-то досталъ его изъ серая, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу, во время испанской войны былъ въ голову раненъ въ одномъ подземномъ сраженіи (сказано въ рукописной его біографіи), и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣянніи большого свѣта. Петръ Первый неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ государь написалъ ему, что онъ неволить его не на-

мѣрень, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или остаться во Франціи; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганнибала въ бомбардирскую роту преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго судьба Ганнибала перемѣнилась. Меншиковъ, опасаясь его вліянія на императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ двора. Ганнибалъ былъ переименованъ въ маіоры тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ порученіемъ измѣрить китайскую стѣну. Ганнибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меншикова и надѣясь на покровительство князей Долгорукихъ, съ которыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганнибала, отправя его тайно въ ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престолъ, тогда Ганнибалъ написалъ ей евангельскія слова: „помяни мя, егда придеши во царствіе свое“. Елисавета тотчасъ призвала его ко двору, произвела въ бригадиры, и вскорѣ потомъ въ генераль-маіоры и въ генераль-аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ губерніяхъ Псковской и Петербургской — въ первой: Зуево,

кетПбр о иоеоръ, вс другія; во второй: Кобриню, Суйду и Таицы, также деревню Раголу, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ (говоритъ его нѣмецкій біографъ), въ 1781 году, на 93-мъ ³ году своей жизни. Онъ написалъ было свои записки на французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоценными бумагами.

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганнибалъ такъ же былъ несчастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его, красавица, родомъ гречанка, родила ему бѣлую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, ³ а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее къ себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ оберъ-комендантомъ, и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола. ⁴

Старшій сынъ, Иванъ Абрамовичъ, столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣняхъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донинѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала и надѣла на него александровскую ленту; но онъ

оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочимъ—Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы и котораго принималъ онъ, не завѣшивая зеркаль и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ — настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія („Шорнъ шортъ“, говорила она, „дѣлать мнѣ шорна репять и даетъ имъ шертовскъ имя“) — дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, родного брата дѣду отца моего (который доводился внучатымъ братомъ моей матери); и сей бракъ былъ несчастливъ: ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая съ живостію вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ; бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ черноморскій флотъ. 30 лѣтъ они жили розно. Дѣдъ мой умеръ въ 1807 году, въ своей Псковской деревнѣ, отъ слѣдствій невоздержной жи́вни. Одиннадцать лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

X.

Программа записокъ.

(1830).

Семья моего отца — его воспитаніе — французы-учителя [Mr.] Vous... Mr. Mertin. — Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. — Свадьба отца. — Бабушка и ея мать — ихъ бѣдность. — Иванъ Абрамовичъ. — [Свадьба отца]. — Смерть Екатерины — рожденіе Ольги. ¹ — Отецъ выходитъ въ отставку, ѣдетъ въ Москву. — Рожденіе мое.

Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ ² — земле-трясеніе ³ — няня. Отъѣздъ матери въ деревню. — Первыя непріятности — гувернантки. [Смерть Николая. Ранняя любовь] ⁴ — Рожденіе Льва. ⁵ — Мои непріятныя воспоминанія. — Смерть Николая. — Монфоръ — Русло — Кат. П. и Анна Ивановна. — Нестерпимое состояніе. — Охота къ чтенію. — Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей.

1811. Дядя Василій Львовичъ. — Дмитріевъ Дашковъ. Блудовъ. — ...съ н... Ан. Ник. ⁷ — Свѣтская жизнь. — Лицей. — Открытіе. Государь. Малиновскій. Куницынъ. Аракчеевъ. — Начальники наши. — Мое положеніе. — Философическія мысли. — Мартинизмъ. — Мы прогоняемъ Пилецкаго. ⁸ [Смерть Малиновскаго].

1812 г.

1813. Государыня въ Сарскомъ Селѣ. Гр. Кочубей. Смерть [Пилецкаго] Мал. ⁹ — ...Безнача-ліе. Чачковъ. Фроловъ. ¹⁰ — 15 лѣтъ.

1814. [Экзамень, Галичь. Державинъ — стихотворство — смерть.]

Извѣстіе о взятіи Парижа. Смерть Малиновскаго. Безначаліе. — [Пріѣздъ Карамзина — Первая любовь — Жизнь — Карамзинъ —] — Б... ¹¹ Пріѣздъ матери. Пріѣздъ отца. Стихи etc. — Отношеніе къ... Мое тщеславіе.

1815. [Экзамень. Сти.).

XI.

Изъ записной книжки.

(1831).

26 іюля.—Вчера государь императоръ отправился въ Военныя Поселенія (въ Новгородской губерніи) для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лѣкарей убито бунтовщиками. Ихъ депутаты пришли въ Ижору съ повинною головою и съ роспискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно показать, будто онъ и лѣкаря отравляли людей. Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться гр. Орлова, посланнаго въ Поселенія при первомъ извѣстии о бунтѣ, и обѣщалъ самъ къ нимъ пріѣхать. „Тогда я васъ прощу“, сказалъ онъ имъ. Кажется, все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ государя.

Однакожь сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. ¹ Расправа полицейская должна одна

вмѣшиваться въ волненія площади, и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донинѣ государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтись въ толпѣ голосъ для возраженія. Таковыя разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12.000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

Покаместъ полагали, что холера прилипчива какъ чума, до тѣхъ поръ карантинны были зло необходимое. Но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантинны должны были тотчасъ быть уничтожены. Шестнадцать губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантинны, не подкрѣпленные достаточною цѣпью, военною силою, суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что турки предпочитають чуму карантинамъ. Въ прошломъ году карантинны остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извозчиковъ и чуть не взбунтовали 16 губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантинны — народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лѣкарямъ и правительству; но покаместъ карантинны тутъ, меньшее зло будетъ.

предпочтѣно большему, и народъ будетъ болѣе безпокоиться о своемъ продовольствіи, о угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.

*

29 іюля.—Третьяго дня государыня родила великаго князя Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинѣ Россетти выйти за Смирнова.² Государь пріѣхалъ передъ самыми родами императрицы. Бунтъ, въ новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ аракчеевскаго и короля прусскаго перерѣзаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лѣкарей. Генерала они засѣкли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного маіора, они подходили къ нему съ шутками: „Ваше высокоблагородіе, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смиренны!“ — и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лѣкарей убито 15 человекъ. Одинъ изъ нихъ спасенъ больными, лежащими въ лазаретѣ. Этотъ лѣкарь находился 12 лѣтъ въ колоніи, былъ отмѣнно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однакоже его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ подъ-караула. Мятежники хотѣли-было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобъ убить его, а домъ разграбить. Тридцать троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ было спасъ и офицеровъ полка прусскаго короля, уговоривъ мятежниковъ содер-

жать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершились. Государь обѣдалъ въ аракеевскомъ полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арендъ, находившійся при семь, сказалъ имъ съ негодованіемъ: „Вамъ бы должно вынести кутю“. Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился, и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбранилъ ихъ, объявилъ, что не можетъ ихъ простить, и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ обѣщался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора. Восемь полковъ, возмутившихся въ Старой Руссѣ, получили повелѣніе идти въ Гатчино.

*

Сентября 4. — Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27-го. Раненый Паскевичъ сказалъ: *Du moins j'ai fait mon devoir.* Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ суворовскомъ полку. Паскевичъ сдѣланъ княземъ свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Ромарино. Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello, Высоцкаго, зачинщика революціи, гр. А. Потоцкаго и другихъ. Взятіе подъ стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

НВ. „Сколько въ суворовскомъ полку осталось?“ спросилъ государь у Суворова. — 300 человекъ,

ваше величество. „Нѣтъ, 301: ты въ немъ полковникъ“. ³

*

На дняхъ скончался въ Петербургѣ Фонъ-Фокъ, ⁴ начальникъ III отдѣленія государевой канцеляріи (тайной полиціи), человекъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: „J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer“. Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другого вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей?

*

Мнѣніе Жомини о польской кампаніи. Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смыслу. Пятнадцать дней — разницы не сдѣлало бы. Счастье во многомъ помогло Паскевичу: 1) онъ не могъ перейти со всѣми силами Вислу, но на Палена Скржинецкій не напалъ; 2) онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступило 20.000 и ушли слишкомъ далеко. Ошибки Скржинецкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8.000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Позиція его была чрезвычайно сильная, и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или бездѣйствіемъ начальники мятежа, и Польша погибла.

Замѣтка о холерѣ.

Въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пиво,

свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и на польскія грязи). ⁵ Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ мать моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: „Холера-трѣбус подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ“. О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 году старая молдаванская княгиня, набѣлненная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой [страшной] болѣзни. Я сталъ его спрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей и животныхъ, но и самыя растенія, что она желтой [черной] полосою стелется вверхъ по теченію рѣкъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее — все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ Псковской губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ сдѣлалось мыслию всей Европы. ⁶

Спустя пять лѣтъ я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непременно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ Вяземскій показалъ мнѣ письмо, только-что имъ полученное: ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астраханской въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской. О Москвѣ мы еще не беспокои-

лись. Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности, а въ моемъ воображеніи холера относилась къ чумѣ какъ элегія къ диѳирамбу. Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно, упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бѣдная ярманка! Она бѣжала какъ пойманная воровка, разбросавъ половину своихъ товаровъ, не успѣвъ пересчитать свои барыши! Вернуться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ, можетъ быть, случилось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадою и большою неохотою.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантинныя...⁷ Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдамъ.

Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и беспокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ.⁸ Страхъ меня пронялъ: въ Москвѣ... но объ этомъ когда-нибудь послѣ.⁹ Я тотчасъ собрался въ дорогу и поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ разспрашивать ихъ;¹⁰ ни они, ни я хорошенько не понимали, зачѣмъ они стояли тутъ съ дубинами и съ повелѣніемъ никого не пускать. Я доказывалъ имъ, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что

не сегодня, такъ завтра на него наѣду, ¹¹ и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

XII.

Державинъ.

(1833).

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 г. на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться его и поцѣловать руку, написавшую „Водопадъ“. Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь нужникъ? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это рассказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, подперши голову рукою; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали

меня. Я прочелъ мои Воспоминанія въ Ц. С., стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилося съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...

ХІІІ.

Отрывки изъ дневника.

(1833—1835).

1833.

24 ноября. — Обѣдалъ у К. А. Карамзиной. Видѣлъ Жуковского. Онъ здоровъ и помолодѣлъ.¹ Вечеромъ *gout* у Фикельмонть.² Странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мужчина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу грека, и принялъ за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ пріятелей. Это былъ Суццо, бывшій молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ. Не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 г. былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я рассказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и предалъ этерію, представя ее императору Александру отраслію карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады: тонкость фанаріота была побѣждена хитростію русскаго офицера! Это оскорбило его самолю-

біе. — Государь уѣхалъ нечаянно въ Москву наканунѣ въ ночь.

*

27-го. — Обѣдъ у Энгельгардта. Говорили о Сухозанетѣ, назначенномъ въ начальники всѣмъ корпусамъ. ³ C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements, сказалъ Энгельгардтъ. Осуждаютъ очень дамскіе мундиры, — бархатные, шитые золотомъ, — особенно въ настоящее время, бѣдное и бѣдственное.

Вечеръ у Вяземскаго.

*

28-го. — Раутъ у Салтыкова. Гр. Орловъ говорить о турецкомъ послѣ: c'est un animal. — Il a donc un secrétaire? — Oui, un phanariote, et c'est tout dire.

*

29-го. — Три вещи осуждаются вообще и по справедливости: 1) выборъ Сухозанета, человѣка запятнаннаго, вышедшаго въ люди черезъ Яшвиль... и отъявленнаго игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видѣлъ въ немъ только изувѣченнаго воина — и назначилъ ему важнѣйшій постъ въ государствѣ, какъ спокойное мѣстечко въ домѣ инвалидовъ. 2) Дамскіе мундиры. 3) Выдача гвардейскаго офицера г. Бринкена курляндскому дворянству. Бринкенъ пойманъ въ воровствѣ. Государь не приказалъ судить его по законамъ, а отдалъ его на судъ курляндскому дворянству. Это зачѣмъ? Къ чему такое своенравное различіе между дворяниномъ псковскимъ и курляндскимъ, между гвардейскимъ офицеромъ и другимъ чиновникомъ? Прилично ли государю вмѣшиваться въ обыкновенный ходъ судо-

производства? Или нѣтъ у насъ законовъ на воровство? Что, если курляндцы выключать его изъ среды своего дворянства и отошлютъ его, уже какъ дворянина русскаго, къ суду обыкновенному? Вотъ вопросы, которые повторяются вездѣ. ⁴ Конечно, со стороны государя есть что-то рыцарское; но государь — не рыцарь... Или хочетъ онъ сдѣлать опять изъ гвардіи то, что она была прежде? Поздно!

Молодая графиня Штакельбергъ (урожденная Тизенгаузенъ) умерла въ родахъ. Трауръ у Хитровой и у Фикельмона.

Вчера играли здѣсь *Les Enfants d'Edouard*, ⁵ и съ большимъ успѣхомъ. Трагедія, говорятъ, будетъ запрещена. Эскернъ ⁶ удивляется смѣлости примѣненій... Блай ⁷ ихъ не замѣчаетъ. Блай, кажется, правъ.

*

30-го ноября. — Вчера балъ у Бутурлина ⁸ (Жомини). Любопытный разговоръ съ Блайемъ: „Зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ?“ — „Для безопасности Петербурга. — „Но онъ защищенъ Кронштадтомъ“. — Игрушка! — „Долго ли вамъ распространяться?“ (Мы смотрѣли карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бутурлинымъ). „Ваше мѣсто — Азія: тамъ совершите вы достойный подвигъ цивилизаціи...“ etc.

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. Великій князь ихъ засталъ за ужиномъ, — кого въ шлафрокѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслию объ упадкѣ гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ царствованія Александра офицеры были свое-

вольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи.

При открытіи Александровской колонны, говорятъ, будетъ 100.000 гвардіи подъ ружьемъ.

*

Декабрь 1833. 3-го. — Вчера государь возвратился изъ Москвы. Онъ пріѣхалъ въ 38 часовъ. Въ Москвѣ его не ожидали. Во дворецъ не было ни одной топленой комнаты. Онъ не могъ добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку: какъ Ив. Ив. поссорился съ Ив. Тимофеичемъ. ⁹ Очень оригинально и очень смѣшно.

*

4-го декабря. Вечеромъ у Загряжской. ¹⁰ Разговоръ о Екатеринѣ. Наталья Кирилловна была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III, во время революціи. Тогда два раза видѣла она Екатерину сердитою, и оба раза на кн. Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Кн. Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь, остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста, и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась, государыня влетѣла — и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ проступкѣ, говоря, что она не знала, чтобы женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ алтарь. —

„Какъ вамъ не стыдно!“ отвѣчала Екатерина. „Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться“. — Наталья Кирилловна рассказала анекдотъ съ большой живостью. Княгиня Кочубей замѣтила, что Дашкова вошла, вѣроятно, въ алтарь въ качествѣ президента русской академіи. Второго анекдота я не выслушалъ.

Шумъ о дамскихъ мундирахъ продолжается. Къ 6-му мало будетъ готовыхъ. Позволено явиться въ прежнихъ русскихъ платьяхъ.

Храповицкій ¹¹ былъ нѣкогда адъютантомъ у графа Кирилла Разумовскаго. У Елизаветы Петровны была одна побочная дочь, — Будакова. Это знала Наталья Кирилловна отъ прежнихъ елизаветинскихъ фрейлинь.

Государыня пишетъ свои записки. Дойдутъ ли онѣ до потомства? Елизавета Алексѣевна писала свои; онѣ были сожжены ея фрейлиною. Марья Оедровна — тоже: государь сжегъ ихъ по ея приказанію. Какая потеря! Елизавета хотѣла завѣщать свои записки Карамзину. (Слышалъ отъ Катерины Андреевны).

*

6-го декабря. — Именины государя. Мартыновъ ¹² комендантомъ. 4 полныхъ генераловъ. Перовскій ¹³ — генераль-лейтенантъ. Меншиковъ ¹⁴ — адмираль. Дамы представлялись въ русскомъ платьѣ. На это нѣкоторые смотрятъ какъ на торжество. Скобелевъ безрукій ¹⁵ сказалъ кн. В—ой: „Я отдалъ бы послѣдніе три пальца для такого торжества!“ В—я сначала не могла его понять.

Обѣдалъ у гр. А. Бобринскаго. ¹⁶ Мятлевъ ¹⁷ читалъ уморительные стихи. Молодые офицеры, кото-

рыхъ великій князь засталъ ночью въ нетрезвости и которые содержались подъ арестомъ, прощены.

*

14-го декабря. — Обѣдъ у Б., вечеръ у См. 11-го получено мною приглашеніе отъ Бенкендорфа явиться къ нему на другой день утромъ. Я приѣхалъ. Мнѣ возвращаютъ Мѣдный Всадникъ съ замѣчаніями государя. Слово кумиръ не пропущено высочайшей цензурою; стихи:

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова —

вымараны. На многихъ мѣстахъ поставленъ (?). Все это дѣлаетъ мнѣ большую разницу. Я принужденъ былъ перемѣнить условіе со Смирдинымъ. ¹⁸

Кочубей ¹⁹ и Нессельроде ²⁰ получили по 200.000 на прокормленіе своихъ голодныхъ крестьянъ. Эти четыреста тысячъ останутся въ ихъ карманахъ. Въ голодный годъ должно стараться о сысканіи работъ и о уменьшеніи цѣнъ на хлѣбъ; если же крестьяне узнаютъ, что правительство или помѣщики намѣрены ихъ кормить, то они не станутъ работать, и никто не въ состояніи будетъ отвратить отъ нихъ голода. Все это очень соблазнительно, Въ обществѣ ропшутъ, а у Нессельроде и у Кочубея будутъ балы. (Это есть также способъ лстить Двору).

15-го. — Вчера не было обыкновеннаго бала при Дворѣ: императрица была нездорова. Поутру — обѣдня и молебень.

*

16-го. — Балъ у Кочубея. Императрица должна была быть, но не приѣхала, — простудилась.

Баль былъ очень блистателенъ. Графиня Шувалова удивительно была хороша.

*

17-го. — Вечеръ у Жуковскаго. Нѣмецкій ама-теуръ, ученикъ Тиковъ, читаль Фауста, — неудачно, по моему мнѣнію.

Въ городѣ говорятъ о странномъ происшествіи. Въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ вѣдомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать. Дѣло пошло по начальству; князь В. Дол-горукій нарядилъ слѣдствіе, и одинъ изъ чиновни-ковъ призвалъ попа, но во время молебна стулья и столы не хотѣли стоять смирно. Объ этомъ идутъ разные толки. Н. сказалъ, что мебель — придвор-ная, и просится въ Аничковъ. ²¹

Улицы не безопасны. Сухтеленъ былъ остано-вленъ на Дворцовой площади и ограбленъ. Полиція, видно, занимается политикой, а не ворами и мосто-выми.

Блудова обокрали прошедшею ночью.

1834.

1-го января. — Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкера (что довольно неприлично моимъ лѣ-тамъ). Но Двору хотѣлось, чтобы Наталья Нико-лаевна танцевала въ Аничковѣ. Такъ я же сдѣлаюсь русскимъ Don Juan. ²²

Скоро по городу разнесутся толки о семейныхъ ссорахъ Безобразова съ молодою своей женою. Онъ ревнивъ до безобразія. Дѣло доходило не разъ до драки и даже до ножа. Онъ прогналъ всѣхъ сво-ихъ людей, не довѣряя никому. Третьяго дня она рѣшилась броситься къ ногамъ государыни, прося

развода или чего подобнаго. Государь очень сердитъ. Безобразовъ подъ арестомъ; онъ, кажется, сошелъ съ ума.²³

Меня спрашивали: доволенъ ли я своимъ камеръ-юнкерствомъ? — Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ — хоть въ камеръ-пажи, только бѣ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ.

Встрѣтилъ новый годъ у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговоръ со Сперанскимъ о Пугачевѣ, о Собраніи Законовъ, о первомъ времени царствованія Александра, о Ермоловѣ, etc. etc.

*

7-го. Вигель получилъ звѣзду и очень ею доволенъ. Вчера онъ былъ у меня. Я люблю его разговоръ: онъ занимателенъ и дѣленъ; но всегда кончается толками о м... Вигель разсказалъ мнѣ любопытный анекдотъ. Нѣкто Норманъ или Лоррманъ, сынъ кормилицы Екатерины II, умершей 96 лѣтъ, нѣкогда разсказалъ Вигелю слѣдующее: мать его жила въ бѣлорусской деревнѣ, пожалованной ей государыней. Однажды сказала она своему сыну: „Запиши сегодняшнее число: я видѣла странный сонъ. Мнѣ снилось, будто я держу на колѣняхъ маленькую мою Екатерину въ бѣломъ платьицѣ, — какъ помню ее 60 лѣтъ назадъ“. Сынъ исполнилъ ея приказаніе. Нѣсколько времени спустя дошло до него извѣстіе о смерти Екатерины. Онъ бросился къ своей запискѣ: на ней стояло 6 ноября 1796. Старая матея, узнавъ о кончинѣ государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала, — и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лѣтъ послѣ.

Въ свѣтѣ очень шумятъ о Безобразовыхъ. Онѣ еще подъ арестомъ. Жена его вчера ночью уѣхала къ своему брату, дивизіонному генералу. Думаютъ, что Безобразовъ не останется флигель-адъютантомъ,

Государь сказалъ кн. Вяземской: „J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui“, etc. Великій князь напередъ поздравилъ меня въ театрѣ. „Покорнѣйше благодарю, ваше высочество. До сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись; вы первый меня поздравили.“

*

17-го. — Балъ у гр. Бобринскаго, одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Государь мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онѣ сказалъ мнѣ: „Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости...“ — Возможно ли? (съ 1774 года!) Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстїи, но далеко отъ своей донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ. Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ. Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

26-го января. — Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Прїѣхаль въ мундирѣ. Мнѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхаль, оставя Наталью Николаевну и, переодѣвшись, отправился на вечеръ къ Сергѣю Васильевичу Салтыкову. ²⁴ Государь былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ. „Il aurait pu se donner la peine d'aller se mettre en frac et de revenir. Faites lui des reproches“.

Въ четвергъ балъ у кн. Трубецкаго. ²⁵ Трауръ по какомъ-то князѣ (т. е. принцѣ). Дамы въ черномъ. Государь приѣхалъ неожиданно, былъ на полчаса, сказавъ женѣ: „Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement?“ (Мундирныя пуговицы) Старуха гр. Бобринская извиняла меня тѣмъ, что у меня не были онѣ нашиты.

Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Гина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. ²⁶ Гвардія ропщеть. Безобразовъ отправленъ на Кавказъ. Жена его ужъ въ Москвѣ.

*

28-го февраля. — Протекшій мѣсяцъ былъ до вольно шумень. Множество баловъ, раутовъ, etc. Масленица. Государыня была больна и около двухъ недѣль не выѣзжала. — Я представлялся. — Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева. Мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ воскресеньѣ, на балѣ въ концертной. государь долго со мною разговаривалъ. Онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія. — Вчера обѣдъ у гр. Бобринскаго. Третьяго дня балъ у гр. Шувалова. На балѣ явился Скарятинъ. ²⁷ Великій князь говорилъ множество каламбуровъ. Полиціи много дѣла (такой распутной масленицы и не видываль). Сегодня балъ у австрійскаго посланника.

*

6-го марта. — Слава Богу! Масленица кончилась, а съ нею и балы. Описаніе послѣдняго дня

4-го марта масленицы дасть понятіе и о прочихъ. Избранные званы были во дворецъ на балъ утренній — къ половинѣ перваго, а другіе — на вечерній, къ половинѣ девятаго. Я пріѣхалъ въ 9. Танцовали мазурку, коей оканчивался утренній балъ. Дамы съѣзжались; а тѣ, которые были съ утра во дворцѣ, перемѣняли свой нарядъ. Было пропасть недовольныхъ: тѣ, которые званы были на вечеръ, завидовали утреннимъ счастливымъ. Приглашенія были разсланы кое-какъ и по списку баловъ кн. Кочубея; такимъ образомъ ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что ихъ имена въ списокъ не стояли. Все это кончилось тѣмъ, что жена моя выкинула. Вотъ до чего доплясалась!

Царь далъ мнѣ взаймы 20.000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо.

Въ городѣ много говорятъ о связи молодой княгини С. съ графомъ В. Замѣтили на ней новые брилліанты;—разсказывали, что она приняла ихъ въ подарокъ отъ В. (будто бы — по завѣщанію покойной его жены), что С. имѣлъ за это жестокое объясненіе съ женою etc. etc. Все это пустыя сплетни. Брилліанты принадлежали К—вой, золовкѣ С—ой, и были присланы изъ Одессы для продажи. Однако неосторожное поведеніе С—ой привлекаетъ общее вниманіе. Царица ее призывала къ себѣ и побранила ее. Царь — еще пуше. С. расплакалась: „Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai des succès, — voilà pourquoi l'on m'envie“, etc. etc. С. очень глупа и очень милая кокетка, если не хуже.

Соболевскій говорить о гр. Вельегорскомъ: Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins.

3-го марта былъ я вечеромъ у кн. Одоевскаго. ²⁸

Соболевскій, любезничая съ Ланской (бывшей Полетика), сказалъ ей велегласно: „Le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon...“ Онъ ужасно смутился. Свидѣтели (въ томъ числѣ Ланская) не могли удержаться отъ смѣха. Княгиня Одоевская обратилась къ нему, позеленѣвъ отъ злости. Соболевскій убѣжалъ.

13 іюля 1826 года въ полдень государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за Кагульскимъ памятникомъ, и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга прибѣжалъ сказать ему что-то на ухо.²⁹ Царь бросилъ и собаку, и платокъ, и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фрейлина подняла платокъ въ память историческаго дня.

8-го марта. — Вчера былъ у Смирновой,³⁰ Ц[иціановскіе] анекдоты.³¹ Жуковскій поймалъ недавно на балѣ у Фикельмонтъ (куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ)... Скарятина и заставилъ его рассказывать 11-е марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ государь съ гр. Бекендорфомъ — и застаеъ наставника своего сына дружески бесѣдующимъ

Княжна Туркестанова, фрейлина, была въ тайной связи съ покойнымъ Г. и съ княземъ Владиміромъ Голицынымъ, который ее обрюхатилъ. Княжна призналась государю. Приняты были нужныя мѣры, — и она родила во дворцѣ такъ, что никто и не подозревалъ. Императрица Марія Ѳедоровна приходила къ ней и читала ей евангеліе въ то время какъ она безъ памяти лежала въ постели. Ее перевели въ другія комнаты, и она умерла. Государыня серди-

лась, узнавъ обо всемъ. Вл. Голицынъ разболталъ все по городу.

На похоронахъ Уварова ³² покойный государь слѣдовалъ за гробомъ. Аракчеевъ сказалъ громко (кажется, — А. Орлову): „Одинъ царь здѣсь его провожаетъ, каково-то другой тамъ его встрѣтитъ?“

Государь не любитъ Аракчеева. Это извергъ, говорилъ онъ въ 1825 году (*après avoir travaillé avec lui et en rentrant chez l'impératrice dans le plus grand désordre de toilette*).

*

17-го марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго „Conversations-Lexicon“. Насъ было человекъ со сто, большею частью неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ великихъ людей Гречь сказалъ мнѣ предварительно: „Плюшаръ ³³ въ этомъ дѣлѣ шарлатанъ, а я — его пальясъ; пью его лѣкарства и хвалю его“. Такъ и вышло. Я подсматрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ миллионъ, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиныны! Гаевскій ³⁴ подписался, но съ условіемъ. Кн. Одоевскій и я послѣд вали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сборище. — Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ и ободрялъ меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. Устряловъ ³⁵ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у австрійскаго посланника.

Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто 5¹/₂ и ждалъ нѣсколько времени хозяйку; 2) пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговаривалъ я объ 11 марта. Недавно на балѣ у него былъ... Скарятинъ; Фикельмонъ не зналъ за нимъ этого грѣха. Онъ удивляется странностямъ нашего общества; покойный государь окруженъ былъ... вотъ причина, почему при жизни его никогда не было суда надъ молодыми заговорщиками, пособниками 14 декабря...

NB. Государь, нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышленія о цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

Много говорено о балѣ, который должно дать дворянство по случаю совершеннолѣтія государя наследника. Кн. Долгорукій ³⁶ и гр. Шуваловъ распоряжаются этимъ. Долгорукій послалъ Нарышкину письмо, писанное по-французски, въ которомъ просилъ онъ его участвовать въ подпискѣ. Нарышкинъ отвѣчалъ: „Милостивый государь! Изъ перевода письма вашего сіятельства усмотрѣлъ я“, etc. etc. Вѣроятно, купечество дастъ также свой балъ. Праздниковъ будетъ на полмилліона. Что скажетъ народъ, умирающій съ голода?

Изъ Москвы пишутъ, что Безобразова выкинула.

Изъ Италіи пишутъ, что графиня Полье идетъ замужъ за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку, но здѣсь объ этомъ смѣются и рады вѣрить.

*

20-го. — Третьяго дня былъ у кн. Мещерскаго. ³⁷ Изъ кареты моей украли подушки, но оста-

вили медвѣжій коверъ, — вѣроятно, за недосугомъ.

Нѣкто Карцовъ, женатый на парижской дѣвкѣ въ 1814 году, развелся съ нею и жилъ розно. На дняхъ онъ къ ней пришелъ ночью и выстрѣлилъ ей въ лицо изъ пистолета, заряженнаго ртутью. Онъ подъ судомъ. Она еще жива.

*

2-го апрѣля. На дняхъ (въ прошлый четвергъ) обѣдалъ у князя Трубецкого съ Вяземскимъ, Нарышкинымъ, съ Кукольниковомъ, котораго видѣлъ въ первый разъ.³⁸ Онъ кажется очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ талантъ. Я не дочелъ его Тасса и не видалъ его Руки etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяземскій сказалъ объ его игрѣ на фортепіано: *il brédouille en musique, comme en vers*. Кукольникъ пишетъ Ляпунова. Хомяковъ — тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розень имѣетъ болѣе таланта.

Третьяго дня въ англійскомъ клубѣ избирали новыхъ членовъ, и Смирновъ (камеръ-юнкеръ) былъ забалотированъ. Иные говорятъ — потому, что его записалъ Иксуль; другіе — потому, что его смѣшали съ однофамильцемъ-игрокомъ. Неправда: его не хотѣли выбрать нѣкоторые гвардейскіе офицеры, которые, подпивъ, тутъ буянили. Однако большая часть членовъ вступились за Смирнова. Говорили, что послѣ такого примѣра ни одинъ порядочный человѣкъ не возьмется предложить новаго члена, что шутить общественнымъ мнѣніемъ не годится, и что надлежитъ снова балотировать. Законъ говоритъ именно, что разъ забалотированный человѣкъ не имѣетъ уже никогда права быть избираемымъ; но

были исключенія: гр. Чернышевъ, ³⁹ Гладковъ. ⁴⁰ Ихъ избрали по желанію правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова балотировали снова, и онъ былъ выбранъ. Это, впрочемъ, дѣлаетъ ему честь. Онъ — не министръ и не оберъ-полицмейстеръ. И знакъ уваженія къ человѣку честному должно быть ему пріятно.

Князь Одоевскій, Диринъ, ⁴¹ Гаевскій, Зайцевскій ⁴² и я выключены изъ числа издателей „Conversations-Lexicon“. Прочіе были обижены нашею оговоркою; но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обмануть, но въ другой разъ обмануть только дурака. Этотъ Lexicon будетъ не что иное какъ Сѣверная Пчела и Библіотека для Чтенія въ новомъ порядкѣ и объемѣ.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго. Онъ рассказывалъ мнѣ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ высланъ былъ изъ Петербурга по Тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провозатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта: „Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно: эти каналы лошадей намъ не даютъ“ — Сперанскій у себя очень любезенъ. Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. „Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага“. Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

*

7-го апрѣля. „Телеграфъ“ запрещенъ. ⁴³ Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣ-

сколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: „Я радъ, что „Телеграфъ“ запрещень, хотя жалѣю, что его запретили“. „Телеграфъ“ достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

Вчера gout у Фикельмонтъ. S. не была.

Впрочемъ—весь городъ.

Моя Пиковая Дама въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной и, кажется, не сердятся. ⁴⁴

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики. ⁴⁵

*

8-го апрѣля. — Вчера gout у кн. Одоевскаго. Изъясненіе съ S. K. Вся семья, гр. Л**, гр. Кис... идеализированная ея знать. Сейчасъ ѣду во дворецъ представляться царицѣ.

2 часа. — Представлялся. Ждали царицу часа три. Насъ было человекъ 20: братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вольховскій и другіе. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ, смѣясь: „Non, c'est unique! Je me creusais la tête pour savoir quel Pouchkine me sera présenté — il se trouve que c'est vous!.. Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé... la fille de son coeur, sa fille d'adoption... и повернулась. Я ужасно люблю царицу, не смотря на то, что ей уже 35 лѣтъ, и даже 36.

Я простился съ Вольховскимъ, который на-дняхъ ѣдетъ въ Грузію. Б. сказывалъ мнѣ, что Воронцову ⁴⁶ вымыли голову по письму Котляревскаго (героя). ⁴⁷ Онъ (т. е. Б.) очень зло отзывается объ одесской жизни, о гр. Воронцовѣ, о его соблазнительной связи съ О... Н... etc. Хвалить очень графиню Воронцову.

Бринкена, сказываютъ, финляндское дворянство повѣсило или повѣсить.

*

10-го апрѣля. — Вчера вечеръ у Уварова. ⁴⁸ — живыя картины. Долго сидѣли въ темнотѣ. S... не было. Скука смертная. Послѣ картинъ — вальсъ и кадрили; ужинъ плохой. Говоря о Свинынѣ, ⁴⁹ предлагающемъ Россійской Академіи свои манускрипты XVI вѣка. Уваровъ сказалъ: „Надобно будетъ удостовѣриться, нѣтъ ли тутъ подлога. Пожалуй, Свинынъ продастъ не старинныя рукописи, а тетрадки своихъ мальчиковъ“.

Говорятъ, будто бы Полевой въ крѣпости. Какой вздоръ!

11-го апрѣля. Сейчасъ получаю отъ графа Строгонова листокъ франкфуртскаго журнала, гдѣ напечатана слѣдующая статья:

St.-Pétersbourg, 27 Février. Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie, les coryphées de l'émigration polonaise nous ont démontré trop souvent par leur paroles et leurs écrits que pour avancer leur desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas la mensonge et la calomnie; aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée...

(Дѣло идетъ о праздникѣ, данномъ въ Брюсселѣ польскими эмигрантами, и о рѣчахъ, произнесенныхъ Лелеве-

лемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и другими. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14 декабря).

... Après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de la cause, m-r Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie; il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse russe. Nous ignorons si A. Pouchkine, à une époque où son talent éminent en fermentation ne s'était pas débarassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa muse qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées où d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rébellion polonaise, il se trouve énoncé dans son poëme: Aux détracteurs de la Russie, qu'il a fait paraître dans le temps.

Puisque cependant le sr. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poëte relégué aux confins reculés de l'empire, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la Cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance. ⁵⁰

*

14-го апрѣля. Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ въ концертѣ. 300 мѣстъ и 2,000 билетовъ.

Ропшуть на двухъ дамъ, выбранныхъ для будущаго бала въ представительницы петербургскаго дво-

рянства: N и N N. Первая — наложница кн. Потемкина и любовница всѣхъ итальянскихъ кастратовъ; а вторая — кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная. Надобно признаться, что мы въ благопристойности общественной не очень тверды.

Слухъ о томъ, что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, подтверждается. Говорятъ, кто-то его встрѣтилъ въ большомъ смущеніи, здѣсь, на улицѣ, тому съ недѣлю. ⁵¹

*

16-го. Вчера проводилъ Наталью Николаевну до Ижоры. Возвратясь, нашель у себя на столѣ приглашеніе на дворянскій балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. ⁵² Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресенье. Такъ и вышло. Жуковскій сказалъ мнѣ, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: „Если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ избавить“. Литта, толкуя о томъ же съ К. А. Нарышкинымъ, сказалъ съ жаромъ: „*Mais enfin il y a des règles fixes pour les chambellans et les gentilshommes de la chambre*“. На что Нарышкинъ возразилъ: „*Pardonnez-moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur*“. Однакожь я не поѣхалъ на голову мытье, а написалъ извиненіе.

Говорятъ, будто бы на дняхъ выйдетъ указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается.

См. брюхата — и, кажется, не во-время. Любопытные справляются въ Инвалидѣ о времени

пріѣзда ея мужа въ Петербургъ. Она уѣхала въ Москву.

*

Середа на Святой недѣлѣ. — Праздникъ совершеннolѣтія ⁶³ совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество государственное и семейственное. Великій князь былъ чрезвычайно тронуть. Присягу произнесъ онъ твердымъ и веселымъ голосомъ; но, начавъ молитву, принужденъ былъ остановиться, и залился слезами. Государь и государыня плакали также. Наслѣдникъ, прочитавъ молитву, кинулся обнимать отца, который расцѣловалъ его въ лобъ, и въ очи, и въ щеки, и потомъ подвелъ сына къ императрицѣ. Всѣ трое обнялись въ слезахъ. Присяга въ Георгіевской залѣ, подъ знаменами, была повтореніемъ первой и охолодила дѣйствіе. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища. Многіе плакали; а кто не плакалъ, тотъ отиралъ сухіе глаза, сисясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народу. Мнѣ надобно было свидѣться съ Катериной Ивановной Загражской. Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить; но и тутъ была давка. Придворные ропщутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда, говорятъ, всѣхъ пускали.

Всегда много смѣшного подвернется въ случаи самые торжественные. Филаретъ сочинилъ службу на случай присяги. Онъ выбралъ для пареміи главу изъ Книги Царствъ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что царь собралъ и тысящниковъ, и сотниковъ, и евнуховъ своихъ. К. А. Нарышкинъ сказалъ, что это — искусное примѣненіе къ камергерамъ; а въ городѣ стали говорить, что во время службы будутъ молиться за евнуховъ. Принуждены

были слово евнухъ замѣнить другимъ. Милостей множество. Кочубей сдѣланъ государственнымъ канцлеромъ.

Мердеръ ⁵⁴ умеръ, — человѣкъ добрый и честный, незамѣнимый. Великій князь еще того не знаетъ. Отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28-го. Также умеръ Аракчеевъ, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ новгородскій пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его болѣзни и для принятія приказаній насчетъ бумагъ, у графа находящихся. „Это не мое дѣло“, отвѣчала Блудовъ: „отнесите къ Бенкендорфу“. Въ Грузино посланы Клеймихель и Игнатьевъ.

Петербургъ полонъ вѣстями и толками объ минувшемъ торжествѣ. Разговоры несносны. Слышишь вездѣ одно и то же. Одна Смирнова по-прежнему мила и холодна въ окружающей суетѣ. Дай Богъ ей счастливо родить; а страшно за нее.

*

3-го мая. — Прошедшаго апрѣля 28 былъ наконецъ балъ, данный дворянствомъ по случаю совершеннолѣтія великаго князя. Онъ очень удался, какъ говорятъ. Не было суматохи при разѣздѣ, ни несчастія на тѣсной улицѣ отъ множества собравшагося народа.

Царь уѣхалъ въ Царское Село. Мердеръ умеръ въ Италіи. Великому князю, очень къ нему привязанному, не объявляли о томъ до самаго бала.

Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, даннаго дворянству Петромъ III; но

такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одной изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

Гулянье 1-го мая не удалось отъ дурной погоды: было экипажей десять. Графиня Хрептовичъ, однако, понеслась туда же: мало ей разсѣянія. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ за-тѣй Милорадовича ⁵⁵ въ Екатерингофѣ, обрушилась, и нѣсколько людей, бывшихъ на ней, ушиблось. Кстати, — вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа:

Хвостовымъ нѣкогда воспѣтая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавіе Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей запискѣ:

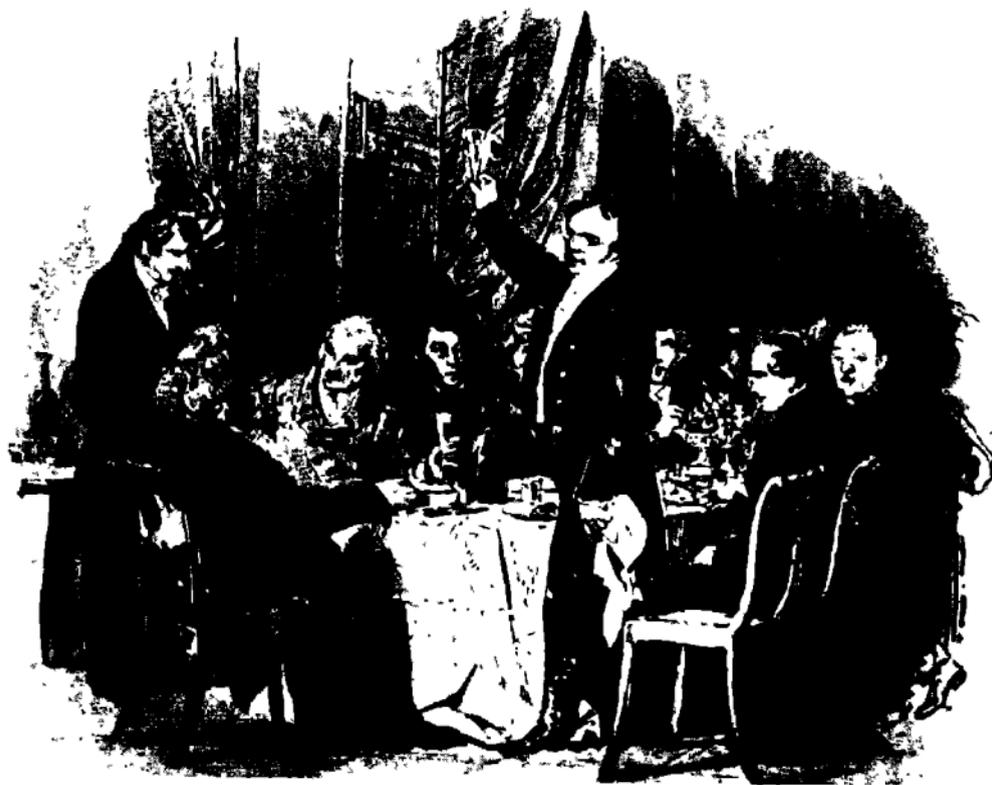
Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle,
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole
etc.

Вяземскій отвѣчалъ: „Какъ? будетъ графъ Ламбертъ и съ нимъ его супруга? Зовите-жь и Лаваль“.

Лифляндское дворянство отказалось судить Бринкена, потому что онъ воспитывался въ корпусѣ въ Петербургѣ...

*

10-го мая. — Нѣсколько дней тому получилъ я отъ Жуковскаго записку изъ Царскаго Села. Онъ увѣдомлялъ меня, что какое-то письмо мое ходить по городу, и что государь ему объ немъ говорилъ. Я вообразилъ, что дѣло идетъ о скверныхъ стихахъ, исполненныхъ отвратительнаго похабства и которые

Пушкинъ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Сиб.

Виньетка къ 1-му т. „Новоселья“ 1833 года.

публика благосклонно и милостиво приписывала мнѣ. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанною мною Натальѣ Николаевнѣ, и, найдя въ немъ отчетъ о присягѣ великаго князя, писанный, видно, слогомъ неофициальнымъ, донесла обо всемъ полиціи. Полиція, не разобравъ смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понялъ. Къ счастью, письмо было показано Жуковскому, который и объяснилъ его. Все успокоилось. Государю не угодно было, что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умиленіемъ и благодарностію; но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шуткомъ не буду и у Царя Небеснаго. Однако — какая глубокая безнравственность: полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ... Что ни говори, мудрено... ⁵⁶

*

12-го. — Вчера былъ парадъ, который какъ-то не удался. Государь посадилъ наслѣдника подъ арестъ на дворцовую гауптвахту за то, что онъ проскакалъ галопомъ вмѣсто рыси.

Аракчеевъ во время прошедшаго царствованія выпросилъ майоратство для Грузина, предоставляя себѣ избрать наслѣдника, а въ случаѣ внезапной смерти поручить то государю. Онъ умеръ, не написавъ духовной и не причастившись, потому что, по его мнѣнію, долженъ онъ былъ дожить до 30 августа, — дня открытія Александровской колонны. Государь назначилъ наслѣдникомъ Аракчееву кадетскій новгородскій корпусъ, которому и повелѣно назваться Аракчеевскимъ.

21-го. Вчера обѣдалъ у Смирновыхъ съ Полетикой, ⁵⁷ съ Вельегорскимъ и съ Жуковскимъ. Раз-

говоръ коснулся Екатерины. Полетика разсказаль нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человекъ крутой и неуступчивый, былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ нему и обнялъ его, говоря: „Ахъ ты, мой красавецъ!“ Чертковъ былъ очень дурень лицомъ. Онъ осердился и, обратясь къ Зубову, сказалъ ему: „Я, сударь, своею фигурою фортуны себѣ не ищущу“. Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: „вы не можете помнить такого-то (Черткова по имени и отчеству), а я его помню и могу васъ увѣрить, что онъ очень былъ недурень“.

Конецъ ея царствованія... Всѣ негодовали; но воцарился Павелъ — и негодование увеличилось. Lagarde ⁵⁸ показывалъ письма молодого великаго князя, въ которыхъ онъ говоритъ столь откровенно. Одна фраза меня поразила: „Je vous écris peu et rarement, car je suis sous la hâche“. Лагарпъ былъ тогда недоволенъ и сказалъ мнѣ: „Voilà comme il m'écrivait; il me traitait de son ami, me confiait tout, — aussi lui étais-je dévoué; mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe“... Въ Александрѣ было много дѣтскаго. Онъ писалъ однажды Лагарпу, что, давъ свободу и конституцію землѣ своей, онъ отречется отъ трона и удалится въ Америку. Полетика сказалъ: „L'empereur Nicolas est plus positif; il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionnaire“. Кто-то сказалъ о государѣ: „Il y a beaucoup de praporchique en lui et un peu de Pierre-le-Grand“.

2-го іюня. Много говорятъ въ городѣ объ Мемдемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это дипломатическія суспиціи, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника: мы от-

зывается Ливена. Блай недоволенъ. Онъ говоритъ: „Mais Medem c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc bec“. Государь не хотѣлъ принять Каннинга (Stratford), потому что, будучи великимъ княземъ, имѣлъ съ нимъ какую-то неприятность.

26-го мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Меццерскихъ, отправляющихся въ Италию.

На другой день представлялся великой княгинѣ. Насъ было человекъ 8, между прочими Красовскій, славный цензоръ. Великая княгиня спросила его: „Cela doit bien vous ennuier d'être obligé de lire tout ce qui parait?“ — „Oui, V. A. I., отвѣчалъ онъ: — la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice“. Великая княгиня скорѣе отъ него отошла. Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у Катерины Андреевны. ⁵⁹ Она ѣдетъ въ Таицы, принадлежавшія нѣкогда Ганнибалу, моему прадѣду. У ней были: Вяземскій, Жуковскій и Полетика. Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ I-мъ, романтическомъ нашемъ императорѣ.

*

3-го іюня: Обѣдали мы у Вяземскаго: Жуковскій, Давыдовъ и Киселевъ. ⁶⁰ Много говорили объ его управленіи въ Валахіи. Онъ, можетъ, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова, великаго шарлатана.

Цари уѣхали въ Петергофъ.

Вечеръ у См. — С. выигралъ 1200 рублей.

Генераль Болховской ⁶¹ хотѣлъ писать свои записки (и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишиневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ). Киселевъ сказалъ ему: „Помилуй! да о чемъ ты будешь писать? что ты видѣлъ?“ — Что я видѣлъ? возразилъ Бол-

ховской. Да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣеть, начиная съ того, что я видѣлъ...

Гр. Фикельмонтъ очень боленъ. Семья его въ большомъ огорченіи. Елиза имъ и живетъ.

19-го числа послалъ 1000 Нащокину. — Слава Богу! Слухи о смерти его сына ложны.

Тому недѣли двѣ получено здѣсь извѣстіе о смерти. кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе; государь былъ неутѣшенъ. Новые министры повѣсили головы. Казалось, смерть такого ничтожнаго человѣка не должна была сдѣлать никакого переворота въ теченіи дѣлъ. Но такова бѣдность Россіи въ государственныхъ людяхъ, что и Кочубей некъмъ замѣнить! Вотъ сужденіе о немъ: *c'était un esprit eminentement conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, á amener les opinions à s'entendre, etc.* Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, а это у насъ рѣдко. И за то спасибо! О Кочубеѣ сказано:

Подъ камнемъ симъ лежитъ графъ Викторъ Кочубей. Что въ жизни добраго онъ сдѣлалъ для людей? Не знаю, — чортъ меня убей!

Согласенъ; но элиграмму припишутъ мнѣ, и правительство опять на меня надуется.

Здѣсь прусскій кронъ-принцъ съ женою. Ее возили по петергофской дорогѣ, и у ней глаза разболѣлись.

22-го іюля. — Прошедшій мѣсяць былъ бурень. Чуть было не поссорился я со Дворомъ; но все перемололось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ Образцовымъ полкомъ. Арендтъ объявилъ, что онъ внѣ опасности. Подъ Аустерлицемъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежемъ красенъ.

Послѣдній частный домъ въ Кремлѣ принадлежалъ кн. Трубецкому. Екатерина купила его и помѣстила въ немъ сенать.

*

9-го августа. Трошинскій въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь, ему на зло, не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трошинскій остался въ Петербургѣ, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, въ два часа ночи, является къ его воротамъ фельдъегерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, — никто нейдетъ. Фельдъегерь въ протаявшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, начали отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трошинскому объявить ему, что государь его требуетъ и что фельдъегерь за нимъ пріѣхалъ. Трошинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъегерь привозитъ его прямо къ Зимнему Дворцу. Трошинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видитъ онъ, что его ведутъ на половину великаго князя Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Палень, обнялъ и поздравилъ съ новымъ импе-

раторомъ. Трошинскій нашель государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: „Будь моимъ руководителемъ“. Тутъ былъ тотчасъ же написанъ манифестъ и подписанъ государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

*

28-го ноября. Я ничего не записывалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Я былъ въ отсутствіи. Выѣхалъ изъ Петербурга за пять дней до открытія Александровской колонны, ⁶² чтобы не присутствовать на церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, своими товарищами. Былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ; видѣлъ А. Раевского, котораго нашель поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ, безъ челоуѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставилъ на своемъ. „Какіе мы разбойники?“ говорили мнѣ они: „намъ дана вольность, и поставленъ столпъ намъ въ честь“. Графа Румянцова вообще не хвалятъ за его памятникъ и увѣряютъ, что церковь была бы приличнѣе. ⁶³ Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ. Въ Заводѣ прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Наталью Николаевну въ Москву, а самъ съѣздилъ въ нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно. Воротился къ 15-му октября въ Петербургъ, гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ. Я ждалъ все возвращенія царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ приѣхалъ. Ве-

ликій князь привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасенъ. Воротились въ 3 часа.

*

5-го декабря. Завтра надобно будетъ явиться во дворець. У меня еще нѣтъ мундира. Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, молокососами 18-лѣтними. Царь разсердится. Да что мнѣ дѣлать? Покамѣстъ давайте злословить.

Въ бытность мою въ Москвѣ нынѣшняго года много было проказъ. Москва хотя ужь и не та, что прежде, но все-таки имѣеть еще похоти боярскія (des... aristocratiques). Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими мѣсто екатерининскихъ бригадировъ. Они роптали, глядя, какъ онъ ухаживалъ за молодою княгинею Долгоруковой (за дочерью Сашки Булгакова! говорили ворчуны съ негодованіемъ). Царь однажды пошелъ за кулисы, и на сценѣ разговаривалъ съ московскими актрисами. Это еще менѣе понравилось публикѣ. Въ бытность его пойманы зажигатели. Князь М. Голицынъ взялъ на себя должность полицейскаго сыщика: одѣвался жидомъ, и проч. Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ! Въ Нижнемъ-Новгородѣ царь былъ очень суровъ и встрѣтилъ дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало, — за что; но я...

Вчера былъ у Лекса.⁶⁹ Я зналъ его въ 1821 г. въ Кишиневѣ. У него не было кровати; онъ спалъ вмѣстѣ съ какимъ-то чиновникомъ подъ однимъ тупупомъ. Я первый открылъ Б—у, что Лексъ — человекъ умный и дѣловой.

Въ тотъ же день балъ у Салтыкова. NN. сказала: „Voilà M-me Yermoloff la sale (Lassalle). „Ермо-

лова и Курвахъ (дочь генераль-маіора) хуже всѣхъ одѣваются.

— Я все-таки не былъ 6-го во дворцѣ и рапортовался больнымъ. За мною царь хотѣлъ послать фельдъегеря или Арендта.

*

18-го декабря. — Третьяго дня былъ я наконецъ въ Аничковомъ. Опишу все въ подробности, въ пользу будущаго Вальтеръ-Скотта. Придворный лакей поутру явился ко мнѣ съ приглашеніемъ: быть въ 8¹/₂ въ Аничковомъ: мнѣ въ мундирномъ фракѣ, Наталья Николаевна какъ обыкновенно. Въ 9 часовъ мы приѣхали. На лѣстницѣ встрѣтилъ я старую гр. Бобринскую, которая всегда за меня лжетъ и вывозитъ меня изъ хлопотъ. Она замѣтила, что у меня треугольная шляпа (не по формѣ: въ Аничковѣ ѣздятъ съ круглыми шляпами; но это еще не все). Гостей было уже довольно; балъ начался контрадансами. Государыня была вся въ бѣломъ, съ бирюзовымъ головнымъ уборомъ; государь въ кавалергардскомъ мундирѣ. Государыня очень похорошѣла. Гр. Бобринскій, замѣтя мою Δ шляпу, велѣлъ принести мнѣ круглую. Мнѣ дали одну такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтѣли. Вообще балъ мнѣ понравился. Государь очень простъ въ своемъ обращеніи, совершенно по домашнему. Тутъ же были молодые сыновья Каннинга и Велингтона. У Дуро (?) спросили, какъ находить онъ балъ? „Je m'ennuis“, отвѣчалъ онъ. — Pourquoi cela? „On est debout et j'aime à être assis“. Я заговорилъ съ Л—скимъ о Мицкевичѣ и потомъ о Польшѣ. Онъ прервалъ разговоръ, сказавъ: „Mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Po-

logne. Choisissez un terrain neutre, chez l'ambassadeur d'Autriche, par exemple". Балъ окончился въ 1¹/₂.

Утромъ того же дня встрѣтилъ я въ дворцовомъ саду великаго князя. „Что ты одинъ здѣсь философствуешь?“ — Гуляю. „Пойдемъ вмѣстѣ“. Разговорились о плѣшивыхъ: — Вы въ родню — въ вашемъ семействѣ мужчины молодые оплѣшивлѣваютъ. „Государь Александръ и Константинъ Павловичи оттого рано оплѣшивѣли, что при отцѣ моемъ носили пудру и зачесывали волоса. На морозѣ сало леденѣло и волоса лѣзли. Нѣтъ ли новыхъ каламбуровъ?“ — Есть, да нехороши — не смѣю представить ихъ вашему высочеству. „У меня ихъ также нѣтъ; я замерзъ.“ Доведши великаго князя до моста, я ему откланялся.

Вчера (17) вечеръ у S. — —

Разговоръ съ Нордингомъ о русскомъ дворянствѣ, о семействѣ Екатерины I-ой, etc. Гербы наши всѣ весьма новы. Оттого къ гербѣ князей Вяземскихъ, Ржевскихъ — пушка. Многие изъ нашихъ старыхъ дворянъ не имѣютъ гербовъ.

*

22-го декабря. Суббота. — Въ среду былъ я у Хит., имѣлъ долгій разговоръ съ великимъ княземъ. Началось журналами. „Вообрази, какую глупость напечатали въ Сѣверной Пчелѣ. Дѣло идетъ о пребываніи государя въ Москвѣ. Пчела говорить: „Государь императоръ, обошедъ соборы, возвратился во дворецъ и съ высоты Краснаго крыльца низко (низко!) поклонился народу“. Этого не довольно. Журналистъ-дуракъ продолжаетъ: „Какъ восхитительно было видѣть великаго государя, преклоняющаго священную главу передъ гражданами

московскими!“ Не забудь, что это читають лавочники.“ Великій князь правъ, а журналистъ, конечно, глупъ. Потомъ разговорились о дворянствѣ. Великій князь былъ противъ постановленія о почетномъ гражданствѣ: „Зачѣмъ преграждать заслугамъ высшую цѣль честолюбія? Зачѣмъ составлять tiers-état, сію вѣчную стихію мятежей и оппозицій?“ — Я замѣтилъ, что или дворянство не нужно въ государствѣ, или должно быть ограждено и недоступно иначе, какъ по собственной волѣ государя. Если въ дворянство можно будетъ поступать изъ другихъ состояній, какъ изъ чина въ чинъ, не по исключительной волѣ государя, а по порядку службы, то вскорѣ дворянство не будетъ существовать или (что все равно) все будетъ дворянствомъ. Что касается до tiers-état: что же значить наше старинное дворянство съ имѣніями, уничтоженными безконечными раздробленіями; (съ) просвѣщеніемъ, съ ненавистью противу аристократіи и со всѣми притязаніями на власть и богатство? Этакой страшной стихіи мятежей нѣтъ и въ Европѣ. — Кто были на площади 14-го декабря? Одни дворяне. Сколько жъ ихъ будетъ при первомъ новомъ возмущеніи? Не знаю, а кажется много. — Говоря о старомъ дворянствѣ, я сказалъ: „Nous qui sommes aussi bons gentilshommes que l'empereur et vous“, etc. Великій князь былъ очень любезенъ и откровененъ. „Vous êtes bien de votre famille, сказалъ я ему: tous les Romanoffs sont révolutionnaires et niveleurs“. — Спасибо. Такъ ты меня жалуешь въ якобинцы? Благодарю. Voilà une réputation qui me manquait. — Разговоръ обратился къ воспитанію, любимому предмету его высочества. Я успѣлъ высказать ему многое. Дай Богъ, чтобъ слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензоръ Никитенко на гауптвахтѣ подѣ арестомъ, и вотъ по какому случаю: Деларю напечаталъ въ *Библиотекъ* Смирдина переводъ оды В. Гюго, въ которой находится слѣдующая глубокая мысль: Если-де я былъ бы Богомъ, то я бы отдалъ свой рай и своихъ ангеловъ за поцѣлуй Милены или Хлои. ⁶⁵ Митрополитъ (которому досугъ читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православіе отъ нападеній Деларю и Смирдина. Отсель буря. Крыловъ сказалъ очень хорошо:

Мой другъ! когда бы былъ ты Богъ,
То глупости такой сказать бы ты не могъ.

Это все равно, — замѣтилъ онъ мнѣ, что я бы написалъ: когда бы я былъ архіерей, то пошелъ бы во всемъ облаченіи плясать французскій кадрили. А все виноватъ Глинка (Федоръ). Послѣ его ухарскаго *Псалма*, гдѣ онъ заставилъ Бога говорить языкомъ Дениса Давыдова, цензоръ подумалъ, что онъ пустился во всѣ тяжкія... Псаломъ Глинки умерительно смѣшонъ. ⁶⁶

*

1835.

8-го января. — Начнемъ новый годъ злословіемъ на счастье...

Бриллианты и дорогіе каменья были еще недѣлю въ низкой цѣнѣ. Они никому не были нужны. Выкупивъ бриллианты Натальи Николаевны, заложенные въ московскомъ ломбардѣ, я принужденъ былъ ихъ перезаложить въ частныя руки, не согласившись продать ихъ за безцѣнокъ. Нынче узнаю, что бриллианты оцять возвысились: ихъ требуютъ въ Кабинетъ, и вотъ по какому случаю.

Недавно государь приказалъ князю Волконскому

принести къ нему изъ Кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, какъ въ 9.000 рублей. Князь Волконскій принесъ табакерку. Государю показалась она бѣдна. „Дороже нѣтъ“, отвѣчалъ Волконскій. „Если такъ, то дѣлать нечего, отвѣчалъ государь; я хотѣлъ тебѣ сдѣлать подарокъ: возьми ее себѣ.“ — Вообразите себѣ рожу стараго скряги. Съ этой поры начали требовать брилліанты. Теперь въ Кабинетѣ табакерки завелись уже въ 60.000 руб.

Великая княгиня взяла у меня Записки Екатерины II-ой и сходить отъ нихъ съ ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая дѣвушка.

Въ концѣ прошлой недѣли свояченица моя ѣздила въ моей каретѣ поздравлять великую княгиню. Ея лакей повздорилъ съ швейцаромъ. Комендантъ Мартыновъ посадилъ его на гауптвахту, и Катерина Николаевна принуждена была безъ шубы ждать четыре часа на подѣздѣ. Комендантское мѣсто около полстолѣтія занято дураками, но такой скотины, какъ Мартыновъ, мы еще не видѣли.

6-го былъ придворный (приватный) маскарадъ. Дворъ въ мундирахъ временъ Павла I. Графъ Панинъ (товарищъ министра) одѣтъ дитятей. Бобринскій — Брызгаловымъ (кастеляномъ Михайловскаго Замка. Полоумный старикъ, щеголяющій въ шутовскомъ своемъ мундирѣ въ сопровожденіи двухъ калѣкъ сыновей, одѣтыхъ скоморохами. *Замѣчаніе для потомства.* Государь — полковникомъ Измайловскаго полка, etc. — Въ городѣ шумъ...

Февраль.

Съ января очень я занятъ Петромъ. На балахъ былъ раза три. Уѣзжалъ съ нихъ рано. Придворными сплетнями мало занятъ. Шишъ потомству.

На-дняхъ въ театрѣ Фикельмонъ, говоря, что Bertrand et Raton ⁶⁷ не были играны на петербургскомъ театрѣ по представленію Блюма, датскаго посланника (и нашего стариннаго шпіона), присовокупилъ: „Je ne sais pourquoi? Dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemark“. Я прибавилъ „Pas plus qu'en Europe“.

Филаретъ сдѣлалъ доносъ на Павскаго, что онъ --- лютеранинъ. ⁶⁸ Павскій отставленъ отъ великаго князя. Митрополить и Синодъ подтвердили мнѣніе: Филарета. Государь сказалъ, что въ дѣлахъ духовныхъ онъ не судья, но ласково простился съ Павскимъ. Жаль умнаго, ученаго и добраго священника. Павскаго не любятъ. Шишковъ, который набилъ Академію попами, никакъ не хотѣлъ принять Павскаго въ число членовъ за то, что онъ, зная еврейскій языкъ, доказалъ какую-то нелѣпость въ *корняхъ* Президента.

Митрополить на мѣсто Павскаго предлагалъ попа Кочетова, шута и сплетника. Государь не захотѣлъ и выбралъ другого, человѣка, говорятъ, очень порядочнаго. Этотъ пріѣзжалъ къ митрополиту, а старый лукавецъ сказалъ: „Я васъ рекомендовалъ государю“. Qui est-ce que l'on trompe ici?

Въ публикѣ очень бранятъ моего Пугачева, а что хуже — не покупаютъ. Уваровъ — большой Онъ кричитъ о моей книгѣ, какъ о возмутительномъ сочиненіи. Его клевететъ Дундуковъ преслѣдуетъ меня своимъ цен-

зурнымъ комитетомъ. Онъ не соглашается, чтобъ я печаталъ свои сочиненія съ одного согласія государя. Царь любить, да псарь не любитъ. Кстати объ Уваровѣ: это большой и шарлатанъ. Развратъ его извѣстенъ. Низость до того доходить, что онъ у дѣтей Канкринна былъ на посылкахъ. Объ немъ сказали, что онъ началъ тѣмъ, что былъ, потомъ нянькой и попалъ въ президенты Академіи Наукъ, какъ княгиня Дашкова въ президенты Русской Академіи. — Онъ кралъ казенныя дрова ⁶⁹ и до сихъ поръ на немъ есть счеты (у него 11.000 душъ). Казенныхъ слесарей употреблялъ въ собственную работу, etc. etc. Дашковъ (министръ), который прежде былъ съ нимъ пріятель, встрѣтивъ Жуковскаго подъ руку съ Уваровымъ, отвелъ его въ сторону, говоря: „Какъ тебѣ не стыдно гулять публично съ такимъ человѣкомъ“.

Цензура не пропустила слѣдующіе стихи въ сказкѣ моей о Золотомъ Пѣтушкѣ:

Царствуй, лежа на боку,

и

Сказка — ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ.

Зрѣмена Красовскаго воротились. Никитенко глупѣе Бирукова.

ПРИМЪЧАНІЯ.

I. Журнальныя статьи (стр. 3—240).

I. Письмо къ издателю „Сына Отечества“ (стр. 5).

Напечатано въ Сынѣ Отеч. 1824, ч. 93, № 18, стр. 181. О полемикѣ по поводу „Разговора“ кн. Вяземскаго см. III, 177. Споръ касался преимущественно вопросовъ о томъ, настала ли у насъ пора истинной классической литературы, въ чемъ состоятъ отличительные признаки новой школы, слѣдовалъ ли Ломоносовъ Гинтеру и слѣдуютъ ли нынѣшніе русскіе стихотворцы движенію, данному Ломоносовымъ, и т. п. По замѣчанію Анненкова (Мат., 103), въ большей части тогдашнихъ статей по предмету, раздѣлившему литературу на двѣ враждебныя партіи, чувствуется недостатокъ почвы, отсутствіе дѣльнаго содержанія. „Всего чаще вопросъ о „романтизмѣ“ представляется критикамъ чѣмъ-то вродѣ любопытной новости, почти какъ извѣстіе о неожиданномъ случаѣ, и такъ ими и обсуживается. Произвольное пониманіе его, смотря по случайностямъ личныхъ впечатлѣній каждаго автора или критика, было въ порядкѣ вещей. Иные объясняли его своенравіемъ мысли, скучающей положительными законами искусства, а сущность его опредѣляли смѣсю мрачности съ сладострастіемъ, быстроты разсказа съ неподвижностью дѣйствія, пылкости страстей съ холодностью характеровъ (Вѣст. Евр. 1824, № 4); другіе отстаивали право генія и таланта творить наперекоръ теоріямъ и поясняли направленіе тѣмъ высокимъ наслажденіемъ, въ которомъ человѣкъ, упоенный очаровательнымъ восторгомъ, не можетъ, не смѣетъ дать отчета самому себѣ въ своихъ чувствахъ, и прибавляли, что въ неопредѣ-

ленною, неизъяснимомъ состояніи сердца чело-
вѣческаго заключена и тайна, и причина такъ на-
зываемой романтической поэзіи (Моск. Телегр. 1825,
№ 5). Иные еще полагали истинное содержаніе роман-
тизма въ мѣстныхъ краскахъ и народности, о кото-
рой, однако, никто особенно не распространялся, по не-
имѣнію яснаго понятія о самомъ словѣ... Текуція явленія
словесности, требовавшія немедленной оцѣнки, еще болѣе
затемняли дѣло. Были у насъ „романтики“, восхищавшіеся
эпопеями Хераскова и его подражателей (особая группа
„классическихъ романтиковъ“, представителемъ которыхъ
сдѣлался журналъ кн. Одоевскаго „Мнемозина“), и были
такіе романтики, которые упрекали Жуковского за наклон-
ность къ повѣрьямъ, за мечтательность, неопредѣленность
и туманность его поэзіи. Пушкинъ весьма остроумно и
колко сравнивалъ послѣднихъ съ ребенкомъ, кусающимъ
грудь своей кормилицы потому только, что у него зубки
прорѣзались. Онъ самъ не могъ избавиться отъ прихот-
ливыхъ толкованій собственныхъ друзей, и принужденъ
былъ объяснять смыслъ своихъ стихотвореній обычнымъ
своимъ поклонникамъ, приходившимъ въ тупикъ отъ не-
ожиданности какъ содержанія, такъ и пріемовъ ихъ... Ни-
кто тогда еще и не подозрѣвалъ, что его произведенія
вскорѣ сдѣлаютъ споръ этотъ анахронизмомъ и замѣнятъ
оба понятія, соединенныя съ именами „классицизма“ и
„романтизма“, новымъ и гораздо высшимъ понятіемъ твор-
чества и художественности, отыскивающихъ законы для
себя въ самихъ себѣ. Онъ понималъ сущность дѣла
весьма просто, полагая разницу между обоими родами про-
изведеній только въ формѣ ихъ и говоря, что если раз-
личать ихъ по духу, то нельзя будетъ выпутаться изъ
противорѣчій и насильственныхъ толкованій...*

II. О г-жѣ Сталь и г-нѣ М-вѣ (стр. 6).

Вызвавшая эту замѣтку статья: „Отрывки Г-жи Сталь
о Финляндіи, съ замѣчаніями“, напечатанная въ „Сынѣ
Отеч.“ 1825, ч. 101, стр. 148—157, съ подписью: А. М-вѣ,
написана была Алексѣемъ Алексѣевичемъ Мухановымъ,
съ которымъ Пушкинъ былъ хорошо знакомъ. Замѣтка
Пушкина явилась въ „Моск. Телеграфѣ“ 1825, ч. III, № 10,
стр. 255 - 259; поставленная подъ нею подпись: Ст. Ар.
значить: „Старый Арзамасецъ“. Узнавъ впоследствии,

что статью писалъ Мухановъ, Пушкинъ пожалѣлъ, что отнесся къ нему такъ рѣзко: „Онъ — мой пріятель“, писалъ онъ кн. Вяземскому 15 сент. 1825, — „и я бы не тронулъ его; а все же онъ виноватъ. М-те Сталь — наша, не тронь ея“. Мухановъ былъ адъютантомъ гр. Закревскаго въ Финляндіи.

III. О предисловіи Лемонте (стр. 10).

Въ 1825 г. графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ и камергеръ (1778 - 1826), жившій большею частью во Франціи и въ Италиі, издалъ въ Парижѣ, въ двухъ томахъ, „Fables russes, tirées du Recueil de M-г Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs“, съ предисловіемъ Lemontey. Это предисловіе было переведено, съ подстрочнымъ указаніемъ нѣкоторыхъ его ошибокъ, въ „Сынъ Отеч.“ 1825, ч. 102, стр. 67 - 86 и 173 - 189. Статья Пушкина помѣщена въ „Моск. Телегр.“ 1825, ч. V, № 17, стр. 40; подпись: Н. К. взята изъ начальныхъ буквъ фамиліи, прочитанной въ обратномъ порядкѣ: Н. к. ш. п., какъ подписывалъ иногда Пушкинъ и свои стихотворенія. Подробности объ изданіи гр. Орлова см. въ Сборникѣ II Отд. Ак. Наукъ, VI, 86 - 90. О самомъ Орловѣ кн. Вяземскій (Соч., IX, 78 - 79) говоритъ: „Въ немъ была европейская благонамѣренность въ умѣ и обращеніи. Пожалуй, говорили, что не онъ писалъ свои книги. Спасибо ему за то, что русскій графъ и русскій баринъ нѣсколькихъ тысячей душъ, искалъ онъ отличія авторскаго и, слѣдовательно, признавалъ его въ душѣ, а большая часть нашихъ баричей презираетъ умъ и чванится презрѣніемъ своимъ.. Впрочемъ, переводъ басней Крылова есть его твореніе. Въ этомъ предпріятіи есть и умъ, и чувство, и патріотизмъ, и европейская замашка“.

Стр. 15. Пушкинъ имѣетъ въ виду „Опытъ краткой исторіи русской литературы“ Н. И. Греча, изд. въ Спб. 1822 и отличающійся своимъ „формулярнымъ“ характеромъ.

IV. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія (стр. 16).

Подъ этимъ заглавіемъ Пушкинъ напечаталъ въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1828 годъ, стр. 208 - 226, (съ помѣткою: „Извлечено изъ неизданныхъ записокъ“), въ исправленномъ видѣ, выборки изъ своихъ черновыхъ тетрадей (Муз

№№ 2367, 2368, 2369), присоединивъ къ нимъ кое-что и вновь написанное въ томъ же родѣ. Многія изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ имѣютъ отношеніе къ современнымъ литературнымъ фактамъ или спорамъ.

¹ Этотъ афоризмъ взятъ изъ наброска статьи о Баратынскомъ, которую П задумалъ написать по поводу вышедшаго въ 1827 г. перваго изданія стихотвореній Б., но окончательно отдѣлалъ только 4 года спустя (см. ниже, въ отд. II). Въ черновой рукописи (№ 2367, л. 38) афоризмъ читается такъ:

„Истинный вкусъ не въ томъ состоитъ, что въ безотчетномъ отверженіи *dédaigne* такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей“.

² Въ черновой (№ 2369, л. 2): „Наши писатели жалуются на равнодушіе женщинъ“ и т. д. Можетъ быть, этой замѣткой вызвано обращеніе къ Пушкину А. И. Готовцовой, на которое поэтъ отвѣчалъ стихами (см. II, 90, 451-452).

³ Въ черновой: „Никто болѣе Баратынскаго [п'а мис] не вложилъ чувства въ свои мысли и болѣе вкуса въ свои чувства. Они въ немъ нераздѣлимы“.

⁴ Стихъ Буало („L'Art poétique“).

⁵ Въ рук.: „но скептицизмъ въ критикѣ, какъ и въ философіи, есть только“ и пр.

⁶ Въ рук.: „Tous les genres sont bons, excepté l'espéceux: вотъ основаніе поверхностной критики. Хорошая ипиграмма лучше плохой трагедіи, — что это значитъ? Можно ли сказать, что бутылка шампанскаго лучше дурной погоды?“

⁷ Jacques Ancelot былъ на коронаціи императора Николая I и затѣмъ издалъ книгу: „Six mois en Russie, lettres écrites à Mr. X.-B. Saintines en 1826“ (Bruxelles 1827). Здѣсь, между прочимъ, упоминаются: „г. Гречъ, ученый филологъ, авторъ грамматики, которая пользуется уже авторитетомъ въ Россіи, хотя еще не вполне издана“, и „г. Бургаринъ (M. Bourgarine), сотрудникъ г. Греча, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по уму людей; въ настоящее время онъ занятъ сочиненіемъ, отрывки изъ котораго уже появились въ печати и имѣли большой успѣхъ; заглавіе этого сочиненія— „Русскій Жильблазъ“. Здѣсь будутъ изображены нравы и

обычаи всѣхъ русскихъ областей; появленія этого труда всѣ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ — и, если позволительно судить о книгѣ по рассказамъ ея сочинителя, то заранѣе можно быть увѣреннымъ, что по оригинальности картинъ, по тонкой наблюдательности и по остроумію сужденій она не оставитъ желать ничего лучшаго* (стр. 36-37) О комедіи (конечно, Пушкинъ имѣлъ въ виду „Горе отъ ума“) Ансело ничего не говоритъ; онъ замѣчаетъ лишь мимоходомъ (стр. 293), что по условіямъ русской жизни и цензуры, комедія, содержаніе которой взято было бы изъ быта высшаго класса, не могла бы появиться ни на сценѣ, ни въ печати.

Прибавимъ, кстати, что въ книгѣ Ансело помѣщенъ, между прочимъ, близкій переводъ (прозой) пушкинскаго „Кинжала“ (стр. 234), рядомъ съ „Свѣтланой“ Жуковскаго и „Черепомъ“ князя (sic!) Баратынскаго.

Книга эта вызвала полемическую брошюру Як. Ник. Толстого (см. I, 552): „Six mois suffisent-ils pour connaître un pays?“ etc. P. 1827. См. замѣтки кн. П. А. Вяземскаго въ Моск. Телегр. 1827, ч. XV, № 11, стр. 216 - 232 и ч. XVI, № 14, стр. 153 - 170 (Соч. Вяз. I, 232 - 259 и II, 216 - 218).

⁸ По поводу этого замѣчанія Полевой писалъ въ Моск. Тел. 1830, № 19: „Какой-то писатель не посовѣтился сказать, что старинное мѣстничество замѣняло у предковъ нашихъ point d'honneur. Прочтите въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ сбродъ словъ, названвыхъ мыслями. Если согласиться съ этимъ, то дѣланье карьеры точно есть измѣнившееся мѣстничество“.

⁹ Стихъ изъ басни Лафонтена: „Le Vieillard et les trois jeunes hommes“ (переведенной Крыловымъ — „Старикъ и трое молодыхъ“).

¹⁰ Изъ письма Н. С. Алексѣева къ Пушкину (Рус. Арх. 1881, I, 173) видно, что „Лордомъ Мидасомъ“ называли гр. М. С. Воронцова (см. I, 658 - 660)

¹¹ Слово: „Рице мужескаго рода не имѣть... и скучная“ въ печати не было; они добавлены здѣсь изъ рукописи, гдѣ, въ концѣ фразы, еще зачеркнуто: „недѣзя выдумать глупѣе роли“.

¹² Кн. П. А. Вяземскій (Соч., VIII, 384) высказываетъ предположеніе, что эта замѣтка относится къ извѣстной

княгинѣ Авд. Ив. Голицыной (см. I, 524-526). Самъ Пушкинъ говорилъ въ 1827 году А. Н. Вольфу: „Удивляюсь, какъ могъ Карамзинъ написать такъ сухо первыя части своей Исторіи, — объ Игорѣ, Святославѣ. Это — героическій періодъ нашей исторіи. Я непременно напишу исторію Петра I, а Александрову — перомъ Курбскаго...“ (Майковъ, Пушк., 178).

V. Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей (стр. 24).

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, вызвавшего въ журнальныхъ кружкахъ оживленные толки, — жалобы Каченовскаго на цензора Глинку, — Пушкинъ воспроизвелъ это событіе въ своей статьѣ съ тою же буквальною точностью, какъ и въ написанной по тому же поводу эпиграммѣ:

Обиженный журналами жестоко,
Зояль Пахомъ печалился глубоко.
Вотъ, подалъ онъ на цензора доносъ,
Но цензоръ правъ, — намъ смѣхъ, Зоилу — носъ...
(II, 112).

То же рассказано было и въ „Китайскомъ анекдотѣ“, помѣщенномъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1829, № 16, и оттуда перепечатанномъ въ № 5 „Телеграфа“.

Первая статья Полевого, о которой говоритъ Пушкинъ и за которую Каченовскій такъ обидѣлся, была вызвана статьею Н. И. Надеждина: „Литературныя опасенія за будущій годъ“ (В. Евр. 1828, № 21, ноябрь); вторая статья, напечатанная въ „Моск. Тел.“ 1828, № 23, носитъ заглавіе: „Литературныя опасенія кое за что“ (т. е. за ученую славу редактора Вѣстн. Европы). Отзывъ Каченовскаго о музыкѣ Верстовскаго, по поводу кантаты на слова Пушкина „Черная шаль“ см. въ примѣчаніи къ этому стихотворенію (I, 577).

Статья Пушкина предназначалась для „Невскаго Альманаха“, издававшегося Ег. Вас. Аладьинымъ (ум. 14 авг. 1860); ей не было дано особаго заглавія, точно такъ же, какъ не было обозначено и имени автора. Цензурное вѣдомство, въ различныхъ инстанціяхъ, не дозволило напечатать эту статью, на томъ основаніи, что въ ней выводится, какъ дѣйствующее лицо, цензоръ; и говорится о рѣшеніи, послѣдовавшемъ въ главномъ управленіи цензуры. Уступая

обстоятельствамъ, Пушкинъ исключилъ изъ своей статьи все то, что относится къ цензурному вѣдомству. Въ новомъ видѣ своемъ, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей, сочиненіе А. Пушкина“, она была представлена въ цензуру издателями альманаха „Сѣверные Цвѣты“. „Выслушавъ вышеозначенную статью, главное управленіе цензуры нашло оную позволительною“, и такимъ образомъ она появилась въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 годъ. Первоначальный текстъ статьи, въ полномъ ея видѣ, напечатанъ въ статьѣ М. И. Сухомлинова: „Полемическія статьи Пушкина“ (Истор. Вѣстн. 1884, мартъ, стр. 464 - 477), откуда и взяты нами всѣ поправки и дополненія. Тамъ же изложена и вся исторія этого литературнаго процесса и приведены жалобы Каченовскаго, объясненія цензоровъ С. Н. Глинки и Вл. Вас. Измайлова и рѣшеніе главнаго управленія цензуры. См. также статью С. Н. Глинки: „Мое цензорство“, въ „Современникѣ“ 1865, № 9.

Дѣло началось съ того, что Каченовскій подалъ въ Московскій Цензурный Комитетъ прошеніе на издателя Моск. Тел. Николая Полевого и цензора Сергѣя Глинку. На перваго онъ жаловался за „укоризненные относительно къ его лицу“ выраженія въ журналѣ, а на втораго — за дозволеніе этихъ выраженій къ печати. Наиболѣе оскорбительными для себя К. указывалъ слѣдующія мѣста статьи Полевого: „Обѣщанія, какія всегда даетъ и не исполняетъ издатель В. Е.... Мы напоминаемъ только Вѣстнику Европы, что не такъ должно ему браться за законы словесности... Если бъ онъ, старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки... Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель В. Е.? гдѣ права его? ... Самъ издатель В. Е. знаетъ по-гречески очень плохо“, и т. п. Къ этому К. прибавлялъ, что цензоръ Глинка „и прежде неоднократно одобрялъ къ напечатанію то, что купецъ Полевой позволялъ себѣ и сотрудникамъ своимъ безъ всякаго повода литературнаго писать о немъ съ неуваженіемъ, порицать его труды безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинствъ“, и пр. Прошеніе оканчивалось такъ: „Засимъ, какъ жестоко обиженный передъ публикою, я, на основаніи § 70. устава о цензурѣ и вышепри-

веденныхъ параграфовъ устава благочинія, повторительно прошу Цензурный Комитетъ принять мѣры къ оборонѣ меня отъ обидъ и къ законному удовлетворенію, меня же снабдить копіею съ опредѣленія, какое по сему учинено будетъ.“

Цензоръ Глинка написалъ объясненіе, которое можно назвать рѣзкой полемической статьёй противъ Вѣстн. Европы. На сторонѣ Каченовскаго были: совѣтъ Моск. университета и Моск. Ценз. Комитетъ; на сторонѣ Глинки оказались: цензоръ В. В. Измайловъ и Главное Управление цензуры. Совѣтъ университета находилъ, что статью Телеграфа дѣйствительно унижена честь профессора Каченовскаго, и тѣмъ оскорблено даже университетское начальство; цензурный комитетъ просилъ высшее начальство о предписаніи „пропускать такія только критики, въ которыхъ явственно доказываются недостатки разбираемой книги, а не знанія самого писателя“. Измайловъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что правительство черезъ законъ цензуры „не позволило поработать свободу мыслей“. Онъ пояснялъ, что „честь личная не одно съ достоинствомъ литературнымъ“, и что „нанесенное кому-либо неудовольствіе, какъ автору или издателю, не имѣетъ ничего общаго съ оскорбленіемъ челоуѣка какъ гражданина или чиновника: иначе нельзя будетъ пропустить ни одной критической статьи противъ литераторовъ, занимающихъ государственныя мѣста“. Главное Управление цензуры признало, что выраженія, на которыя жаловался Каченовскій, не заключаютъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его личной чести. „Посему, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ мнѣніемъ г. цензора Измайлова, Управление нашло, что г. цензоръ Глинка не могъ воспретить напечатаніе вышеупомянутой статьи, какъ не заключающей въ себѣ ничего противнаго общимъ правиламъ устава о цензурѣ. Присемъ Главное Управление замѣтило, что въ спорѣ совершенно литературный не слѣдовало бы вмѣшивать достоинство службы государственной и высшаго учебнаго сословія. Раздѣляя съ Моск. Ценз. Комитетомъ желаніе, чтобы вообще литературныя критики въ повременныхъ изданіяхъ русскихъ приняли сколько можно лучшей и приличнѣйшей тонъ и чтобъ въ нихъ были соблюдаемы всѣ условія вѣжливости и учтивости, но не находя въ уставѣ о цензурѣ

постановленія, дающаго цензурнымъ комитетамъ право воспрешать по симъ только уваженіямъ литературныя сужденія о книгахъ и ученыхъ изданіяхъ, не выходяшія впрочемъ изъ предѣловъ благопристойности и не обидныя для нравственности и чести, Гл. Управленіе признало, что исправленіе сего недостатка въ литературѣ надлежитъ предоставить вліянію читающей публики и дѣйствию общаго вкуса*.

¹ Эпиграфъ представляетъ пародію на стихъ изъ „Энеиды“: „Tantaene animis coelestibus irae!“

² С. Н. Глинка въ своемъ объясненіи на прошеніе Каченовскаго писалъ: „Россія и Европа давно уже обратили вниманіе свое на трудъ знаменитаго нашего исторіографа. Ужели и сей бытописатель оставилъ въ твореніи своемъ однѣ „тропинки, теряющіяся въ тундрахъ бесплодныхъ“? Ужели въ тѣ же тундры должно сослать всѣ изысканія о Россіи Миллера, Шлецера, Круга и другихъ мужей, извѣстныхъ умомъ и трудолюбіемъ?“

³ Въ Вѣстн. Евр. 1828, № 13, напеч. статья Каченовскаго: „О бѣлыхъ лобкахъ и кувныхъ мордкахъ“.

⁴ „Тереза и Фальдони, или письма двухъ любовниковъ“, романъ Леонарда, пер. Каченовскаго, М. 1804 и 1816.

⁵ Псевдонимъ Н. И. Надеждина. См. II, 474 - 476.

⁶ Статья Полевого подписана была псевдонимомъ: „Бенигна“.

⁷ Намекъ на особую орографію, которой держался Вѣстникъ Европы. См. II, 472.

„Вѣстникъ Европы“ не оставилъ статьи Пушкина безъ возраженія: „Чудная судьба великихъ геніевъ!“ (читаемъ въ I-й (1830) части этого журнала, стр. 164): „послѣ неудачнаго боя при Полтавѣ, А. С. Пушкинъ, отстрѣливаясь карикатурами и эпиграммами, отретировался мужественно съ поля литературнаго и принялся за грифель лѣтописца!.. Жаль только, что нашъ развѣнчанный герой еще не довольно навукъ въ новомъ дѣлѣ. Онъ не умѣетъ смотрѣть на описываемыя имъ событія съ тѣмъ безпристрастіемъ и самоотверженіемъ, которыя требуются отъ историка, и посему неудивительно что ему все еще видятся всюду пьяные семинаристы“, и т. д.

И. А. Шляпкинъ („Изъ неизд. бум.“, 130) напечаталъ шуточное письмо къ Пушкину, на славянскомъ языкѣ,

Ор. Мих. Сомова, гдѣ, между прочимъ, говорится: „Здѣ же обрящещи и комедію отъ сложенія твоего: О Михаильт Трандафилѣ, о Николаи, рекомомъ Полевый, о Сергѣи Скудельничѣ, и о прочихъ, въ ней же первая персона Франталпей, сирѣчь Михаильт Трандафилось, иже тобою заушенный злѣ пострада“. Комедіей здѣсь названа, конечно, статья Пушкина; „комедія въ ней же первая персона“ — подражаніе заглавіямъ пьесъ петровскаго времени, одна изъ которыхъ — „О Франталпѣ царѣ эфирскомъ“ — упоминается въ статьѣ Греча: „Историческій взглядъ на рус. театр“, въ альманахѣ „Русская Талія“ 1825 г. „Трандафель“ — прозвище Каченовскаго; „Сергій Скудельникъ“ — С. Н. Глинка.

VI. Ромео и Юлія (стр. 31).

Напеч. въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1830 годъ, отд. II, стр. 108 - 110, какъ примѣчаніе къ помѣщенному тамъ переводу сцены изъ трагедіи Шекспира, съ помѣтою: „Извлечено изъ рукописнаго сочиненія А. С. Пушкина“. Можетъ быть, поэтъ и предполагалъ написать свои замѣчанія о разныхъ пьесахъ Шекспира: какъ слѣдъ этого предположенія, осталась въ его бумагахъ замѣтка объ Анджело, Шейлокѣ и Фальстафѣ...

„Моск. Телеграфъ“ въ разборѣ I-й части Стихотвореній Пушкина, изд. въ 1829 г., сообщаетъ, между прочимъ, что „въ послѣдніе годы Пушкинъ выучился англійскому языку — кто повѣритъ тому? — въ четыре мѣсяца! Онъ хотѣлъ читать Байрона и Шекспира въ подлинникѣ — и черезъ четыре мѣсяца читалъ ихъ по-англійски, какъ на своемъ родномъ языкѣ“. (М. Т. 1829, ч. 27, стр. 390).

VII. Статьи и замѣтки изъ Литературной Газеты (стр. 32 - 64).

„Литературная Газета“ основана была Дельвигомъ, при дѣятельномъ участіи Пушкина и князя Вяземскаго, для противодѣйствія болгаринской „Сѣверной Пчелѣ“, которая наглыми и недобросовѣстными приемами своей критики и полемики выводила изъ терпѣнія всѣхъ порядочныхъ литераторовъ. Пушкинъ впервые выступилъ въ „Лит. Газетѣ“ журнальнымъ бойцомъ противъ Булгарина и приставшаго къ нему Полевого, и явился отчасти авторомъ, отчасти — вдохновителемъ цѣлаго ряда статей и замѣтокъ, живо рисующихъ тогдашніе литературные нравы. Изъ написаннаго

самимъ поэтомъ напечатано при жизни его, сравнительно, немного; значительная доля его полемическихъ статей — и притомъ, наиболѣе сильныхъ — осталась въ рукописяхъ (см. отд. II). Статьи и замѣтки, появившіяся въ „Лит Газетѣ“, помѣщаются здѣсь въ порядкѣ №№ этого изданія. Всѣ онѣ (кромѣ одной) напечатаны въ Газетѣ безъ подписи.

„Лит. Газета“ выходила съ 1 янв. 1830 по іюль 1834 г.

1. О некрологіи Раевского (стр. 32) № 1 (1 января).

Замѣтка вызвана появленіемъ книжки Д. В. Давыдова „Некрологія генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевского“, Спб. 1829. О „двухъ отрокахъ“ см. I, 557 - 558.

2. О выходѣ Иліады (стр. 32) № 2 (6 января).

„Любезный Пушкинъ!“ писалъ Гнѣдичъ, про читавъ эти строки: „сердце мое полно, а я одинъ; прими его изліяніе. Не знаю, кѣмъ написаны во 2-мъ номерѣ Л. Г. нѣсколько строкъ объ Иліадѣ; но едва ли цѣлое похвальное слово, въ величину съ Плиніево Траяну, такъ бы тронуло меня, какъ эти нѣсколько строкъ! Едва ли мнѣ въ жизни случится читать что-либо о моемъ трудѣ, что было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно и сладко, Это лучше царскихъ награжденій“ (Бартеневъ, Пушк. I, 86).

Здѣсь, кстати, слѣдуетъ отмѣтить, что стихотвореніе „Къ Н*“ (II, 194): „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ...“, которое всѣ издатели, основываясь на свидѣтельствѣ Гоголя (тамъ же, 545), относили къ Императору Николаю, относится вѣрнѣе всего къ Гнѣдичу. Это весьма убѣдительно доказано В. Θ. Саводникомъ въ замѣткѣ, нап. въ Рус. Архивѣ 1904, II, 140 - 148. Поэтому, кажется, правильнѣе отнести стихотвореніе не къ 1834, а къ 1830 году.

3. О литературной критикѣ (стр. 33) № 3 (10 января).

Здѣсь говорится преимущественно о критическихъ пріемахъ Вѣстн. Европы. Въ заключеніи статьи Надеждина: „Откликъ съ Патріаршихъ прудовъ“ (В. Евр. 1828, № 24), — той самой статьи, въ которой Каченовскій присоединилъ упомянутое выше (стр. 28) примѣчаніе о Бенигнѣ, сказано: „Благоволите очистить въ вашемъ журналѣ мѣстечко для другой моей статьи“, и въ выноску за-

мѣчено: „Весьма охотно и безъ малѣйшаго отлагательства. Рдръ“. Въ № 23, въ ст. Надеждина: „Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ“ одно изъ разговаривающихъ лицъ замѣчаетъ о журнальной полемикѣ, что „на пустяки пороху тратить много не слѣдуетъ“, а въ выноскѣ говорится: „Порохъ! порохъ! дадутъ вамъ этотъ порохъ опять! Прим. наборщика. — Продолжай набирать! ты не знаешь прекрасныхъ стиховъ Жуковского“ и т. д. Дѣло въ томъ, что Каченовскій написалъ статью о торговлѣ порохомъ, надъ которою острились тогдашніе журнальные полемисты. Для общей характеристики критическихъ приемовъ того времени интересны слова Ор. Мих. Сомова (изъ „Обозрѣнія российской словесности за вторую половину 1829 и за первую 1830 года“, напечатаннаго въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ на 1831 годъ (стр. 20 и сл.):

„Давно уже благомыслящіе читатели журналовъ негодовали на односторонность мнѣній, пристрастныхъ сужденій, самохвалныя возгласы, нелитературныя прицѣпки, коихъ выѣстиящемъ были нѣкоторые изъ русскихъ журналовъ, самовольно принявшіе на себя обязанность говорить о литературѣ. Не похвалить вздорнаго романа, скучныхъ статей о нравахъ или выскочекъ недоучившейся заносчивости, хвастливо изъясляющей притязанія свои на ученость, значило — накликать на себя цѣлую стаю грубыхъ личностей, оскорбительныхъ намековъ и пр., и не на писателя уже, а на гражданина или на человѣка въ частной его жизни. Таковы были полемическія замашки нѣкоторыхъ самоуправныхъ судей журнальныхъ. Къ счастью, публика, которой мнѣніемъ трудно завладѣть, была для нихъ самихъ судьей еще строжайшимъ, но за то справедливѣйшимъ. И странно было бы подумать, чтобъ люди, которыхъ она не видитъ и не замѣчаетъ въ толпѣ, люди, ни по чему не заслужившіе ея довѣрія, не стяжавшіе себѣ уваженія отъ общества хорошими произведеніями, могли управлять мнѣніемъ общимъ! Но друзья литературы и правды желали видѣть другія, болѣе осторожныя и безпристрастныя сужденія о произведеніяхъ словесности русской, желали находить мнѣнія о литературѣ вообще, а не вывѣски отношеній личныхъ; и для сихъ-то читателей, постигающихъ истинную цѣль журнала литературнаго, издавалась Литературная Газета“.

Въ своей замѣткѣ Пушкинъ въ первый разъ упоми-

наеть, среди ничтожныхъ, но замѣчательныхъ по своему успѣху произведеній, о романѣ Булгарина: „Иванъ Выжигинъ“ (Спб. 1829). И. В. Кирѣевскій, въ Обзорѣни рус. словесности, напечат. въ альманахѣ Максимовича: „Денница“ (1830) далъ объ этомъ романѣ такой отзывъ: „Пустота, безвкусіе, бездушность; нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ, — вотъ качества сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его достоинства, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катехизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и, слѣдовательно, съ пользою, — доказывается тѣмъ, что Выжигинъ расходится. Но гдѣ же эти люди? — спросятъ меня: мы не видимъ ихъ, точно такъ же, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются Сонникомъ и книгою О Клопахъ. Но они есть, — ибо и Сонникъ, и Выжигинъ, и О Клопахъ раскупаются во всѣхъ лавкахъ“. Этотъ отзывъ былъ въ послѣдствіи перепечатанъ въ Лит. Газ. (1830, № 45) и явился одною изъ причинъ ожесточенной брани Булгарина на Газету и ея руководителей, особенно — на Пушкина.

Слова пушкинской замѣтки, что „Л. Г.“ была необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, были подхвачены „Сѣв. Пчелой“ и ея сочувственниками и много разъ повторялись въ видѣ насмѣшки надъ Газетою, какъ надъ неудачнымъ литературнымъ предпріятіемъ. Въ журналѣ „Сѣверный Меркурій“ 1830, №№ 49 и 50, напечатанъ былъ рассказъ: „Сплетница“, гдѣ литературная полемика изображается въ видѣ ссоры между четырьмя молисками: Аделаидой Антоновной Габенихтсиной (Дельвигъ), Матреной Алексѣевной Лѣсной (Полевой), Эмилией Венедиктовной Критиковской (Булгаринъ) и Маврой Ивановной Крупицей (Гречъ). Крупица и Критиковская содержатъ одинъ магазинъ пополамъ, а Лѣсная торгуетъ одна. Эти два магазина — лучшіе противу прочихъ; оттого они болѣе любимы публикой и привлекаютъ къ себѣ болѣе прочихъ покупателей. Аделаида Антоновна открыла свой магазинъ очень недавно, сдѣлала приманчивую вывѣску и объявила, что она открыла его не для всей публики, но только для нѣсколькихъ сво-

ихъ пріятельницъ, будто бы не хотѣвшихъ выставлять въ другихъ магазинахъ свое рукодѣлье. Она громко выхваляетъ издѣлія своей кумушки Александры Сергѣевны (Пушкина) и приглашаетъ публику покупать ихъ. „Дѣйствительно, Александра Сергѣевна была прежде изъ лучшихъ мастерицъ въ своемъ родѣ; но, начавъ лѣниться, стала рукодѣльничать плохо, думая, что покупатели не разглядятъ истиннаго достоинства новой ея работы, которая по-прежнему будетъ сходить съ рукъ удачно. Но вышло совсѣмъ иначе...“ Недаромъ Пушкинъ около этого же времени писалъ о судѣ глупца и смѣхъ толпы!..

4. Объ Исторіи Полевого (стр. 34). Первая статья напеч. въ № 4 (16 янв.), вторая — въ № 12 (25 февр.).

Первый томъ предпринятой Полевымъ „Исторіи Русскаго Народа“ вышелъ въ 1829 г., причемъ объявлена была подписка на все сочиненіе, которое должно было состоять изъ 12-ти томовъ. Одновременно съ этимъ объявленіемъ въ „Моск. Телеграфѣ“ (1829, № 12) напечатанъ былъ строгій разборъ Исторіи Карамзина. Пушкинъ и его друзья, благоговѣвшіе передъ памятью историографа, увидѣли въ поступкѣ Полевого посягательство, ради рекламы, на „чистую, святую славу“ Карамзина и еще болѣе возстали на Полевого, когда онъ вошелъ въ дружбу съ Гречемъ и Булгаринымъ и сталъ расточать хвалы „Выжигину“, на которыя Гречъ и Булгаринъ отвѣчали похвальными отзывами объ Исторіи Русскаго Народа. Князь Вяземскій напечаталъ статью подъ заглавіемъ: „Исторія Русскаго Народа. Критики на нее Вѣстника Европы и другихъ журналовъ. Одинъ томъ на лицо. Одиннадцать будущихъ томовъ въ волю Божіей“. Здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ: „Авторъ укоряетъ Карамзина за поспѣшность его въ трудѣ и довольно забавно спрашиваетъ: когда же думалъ историкъ? На это можно было бы ему отвѣтить: всегда; ибо рѣшительно вся жизнь Карамзина была или приготовленіемъ къ труду, или исполненіемъ труда... Пока Исторія Рус. Народа есть только исторія русской сноровки сбывать свой товаръ налично, когда онъ еще и не наличо“. (Соч. Вяз. II, 144 - 149). — Пушкинъ примкнулъ къ этому осужденію Полевого. Онъ сталъ за Карамзина, въ которомъ его привлекало высокое отношеніе къ своему дѣлу какъ къ призванію, и связанная съ этимъ серьезная поли-

тическая убѣжденность. Этихъ качествъ Пушкинъ не видѣлъ въ Полевомъ. Его раздраженіе усиливалось еще и тѣмъ, что въ трудѣ московскаго публициста проводились общественныя и политическія мнѣнія, противоположныя собственнымъ убѣжденіямъ поэта.

Кромѣ двухъ статей, напечатанныхъ въ Лит. Газ., въ бумагахъ Пушкина (Муз. № 2387. Б) сохранилась еще программа третьей статьи, набросанная въ Болдинѣ осенью 1830 г. Въ этой статьѣ, которая осталась недооконченною, Пушкинъ имѣлъ въ виду разобрать мнѣніе Полевого о существованіи въ древней Руси феодализма.

Нѣсколько лѣтъ спустя Пушкинъ отозвался объ Исторіи Полевого въ еще болѣе рѣзкомъ тонѣ, чѣмъ въ этой статьѣ. Именно, въ 1836 году, просматривая проектъ письма кн. Вяземскаго къ гр. Уварову о тогдашней литературѣ, онъ написалъ на поляхъ, противъ мѣста, гдѣ говорится, что „Устряловъ не усомнился вывести на одну доску Карамзина и Полевого“ слѣдующія строки: „О Полевомъ не худо бы напомнить и пространнѣе. Не должно забывать, что онъ сдѣланъ членомъ-корреспондентомъ нашей академіи за свою шарлатанскую книгу, писанную безъ смысла, безъ изысканій и безо всякой совѣсти — не говоря уже о плутовствѣ подписки, что уже касается управы благочинія, а не академіи наукъ“. (Соч. кн. Вяземскаго, II, 225).

¹ Рецензія Полевого на Исторію Карамзина напеч. въ Моск. Телегр. 1829, № 12, и вызвала въ Славянинѣ Воейкова 1829, ч. XII, 375-394, замѣтку: „Мои мысли о критикѣ сочинителя Исторіи Русскаго Народа на Исторію Государства Россійскаго“.

² Баронъ де-Барантъ (1782 - 1866) — авторъ „Исторіи бургундскихъ герцоговъ изъ дома Валуа“ (13 т., П. 1824 - 26). Огюстенъ Тьерри (1795 - 1856), авторъ „Писемъ объ исторіи Франціи“ и „Разказовъ изъ эпохи Мерovingовъ“.

³ Статья Погодина объ Исторіи Полевого въ Моск. Вѣстн. 1830 (ч. I, 165 - 190; ч. VI, 165 - 200) начинается словами: „Самохвальство, дерзость, невѣжество, шарлатанство въ высочайшей и отвратительнѣйшей степени, высокопарныя и безсмысленныя фразы... ни одной мысли новой, ни истинной, ни ложной“, и т. д.

⁴ Вѣстн. Евр. 1830, ч. 170, № 1, стр. 37-72. Отзывы Полевого о критикахъ на его Исторію въ Моск. Телегр. 1830, ч. 33, стр. 102-104).

⁵ Отрывки изъ программы 3-й статьи Пушкина объ Исторіи Полевого напечатаны были Анненковымъ (Мат., 260-263 и „Восп. и Критич. очерки“, III, 238), причемъ послѣдняя фраза была передѣлана такъ: „Одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей прошлаго столѣтія предсказалъ могущество Россіи, но Наполеона никто не могъ предсказать“.

5. О романѣ Загоскина (стр. 49), № 5 (21 января).

Въ черновой рукописи (Муз. № 2382, л. 80 об.) эта замѣтка начинается словами: „Пріятно отдавать отчетъ о сочиненіи, вполне заслуживающемъ вниманія и одобренія публики...“ Въ письмѣ къ Загоскину отъ 11 января 1830 г. Пушкинъ, благодаря автора „Юрія Милославскаго“ за присылку романа, говоритъ, что „въ Лит. Газ. будетъ о немъ статья Погорѣльскаго“. Статьи этой, однако, не появилось, и поэтъ самъ написалъ отзывъ о романѣ.

6. О запискахъ Самсона (стр. 51), № 5 (21 января).

Mémoires de Sanson, mis en ordre, rédigés et publiés par H. Sanson, exécuteur des hautes oeuvres etc. вышли въ свѣтъ только въ 1862 г. (6 vols in 8°). Рус. переводъ, 6 т., Спб. 1864-67. Упоминаемая въ этой статьѣ записки Казановы вышли на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ, 1826-32, 10 т. 8°; записки Вильсонъ (Mém. d'Henriette Wilson, concernant plusieurs grands personnages d'Angleterre, trad. par. J. A. Lardier) вышли въ Парижѣ, 1825, 8 т. in 12°; записки Современницы (Mém. d'une Contemporaine, — авантюристки Иды де-Сентъ-Эльмъ) — въ Пар. 1827. Vidocq (François-Eugène, 1775 - 1857) — парижскій сыщикъ; о немъ см. ниже. Выдержки изъ его записокъ печатались въ журналѣ „Галатея“ 1829 г., что возбудило „отвращеніе“ въ болгаринскомъ „Сынѣ Отечества“. Далѣе въ статьѣ упоминаются: Лувель — убійца герцога Беррійскаго (см. I, 594) и Бертонъ, казненный въ 1822 г. за участіе въ заговорѣ „chevaliers de la liberté“ противъ Людовика XVIII.

7. О разговорѣ у Халдиной (стр. 53) № 7 (31 января).

Черновая — въ рук. Муз. № 2382, л. 76 об.

8. О статьяхъ кн. Вяземскаго (стр. 54) № 10 (15 февраля).

Черновая — тамъ же, л. 72 об. — Въ Моск. Тел. 1830, № 1, было сказано о Вяземскомъ, что онъ „ратуетъ противъ полемики, а самъ первый развелъ брани журнальныя до послѣдней крайности“. Въ Сѣв. Пчелѣ, №№ 11, 12 и 13, Булгаринъ писалъ, что въ одной статьѣ Вяземскаго „обруганы всѣ авторы и вся русская литература смѣшана съ грязью“ и что вообще Вяз. „хотя и писалъ разборы, но это были только панегирики своимъ друзьямъ и филиппики противъ несогласныхъ съ нимъ во мнѣніяхъ“. Эти отзывы и дали Пушкину поводъ написать свою замѣтку, цѣль которой заключалась въ томъ, чтобы напомнить о необходимости соблюдать приличіе въ литературной критикѣ и полемикѣ. Ср. не напечатанныя въ свое время строфы „Домика въ Коломнѣ“, III, 457.

9. О карикатурѣ въ Англии (стр. 55), № 12 (25 февраля).

Эта замѣтка, напечатанная тотчасъ вслѣдъ за 2-й статьёй объ Исторіи Полевого, имѣетъ въ виду пародіи на стихотворенія поэтовъ пушкинскаго кружка, — пародіи, помѣщавшіяся тогда въ особомъ приложеніи къ „Телеграфу“ — „Новый Живописецъ общества и литературы“, — подъ заглавіемъ: „Выдержки изъ новаго альманаха: Литературное Зеркало“. Здѣсь пародировались въ особенности стихотворенія Дельвига (съ подписью: Феокритовъ), затѣмъ — Языкова (Бушуевъ), кн. Вяземскаго (Шолье-Андреевъ), Баратынскаго (И. Пустоцвѣтовъ) и, наконецъ, самого Пушкина (Гамлетовъ). Полевой, задѣтый упоминаніемъ объ его „пародіи на Гизота и Тьерри“ т. е. Исторіи Рус. Народа, отвѣтилъ въ рецензіи на „Онѣгина“ (Моск. Тел. 1830, № 6) такой замѣткой: „Какой-то, видно, умный и благонамѣренный человѣкъ — торжественно возгласилъ, что въ Телеграфѣ печатаются пародіи на стихотворенія Пушкина. Не угодно ли г. Возглашателю указать хоть на одну пародію? Или не угодно ли ему самому написать пародію, напр., на Онѣгина? А мы отказываемся отъ этого, ибо до сихъ поръ еще не замѣ-

тили въ Пушкинѣ тѣхъ сторонъ, которыя могли бы отражаться въ зеркалѣ насмѣшки. Если въ Тел. и печатаются пародіи, если въ нихъ и узнають своихъ дѣтищъ нѣкоторые поэты, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тамъ же были и пародіи на Пушкина“...

10. О гекзаметрахъ Мерзлякова. (стр. 56). № 16 17 марта).

Замѣтка о гекзаметрахъ въ „Моск. Вѣстникѣ“, подписанная буквами — джд — принадлежитъ Н. И. Надеждину. Она вызвала со стороны Гнѣдича возраженіе, напечатанное въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1830, № 33.

11. Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ (стр. 58) № 17 (21 марта).

Черновое — въ рук. Муз. № 2382, л. 73. — Вызвано замѣткой Галатеи 1830, ч. XI, № 4, стр. 228 - 230, гдѣ по поводу статьи Пушкина было сказано: „Мы бы повѣрили этому воззванію насчетъ труда, дѣйствительно важнаго по нѣкоторымъ отношеніямъ, если бы это воззваніе не было чересчуръ величаво и не обнаруживало духа партіи, которая въ литературѣ не должна быть терпима... Мы объявляемъ напередъ, что несогласны съ отзывомъ „Лит. Газ.“ будто книга г. Гнѣдича долженствуетъ имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность; иначе мы должны будемъ допустить, что и барона Дельвига такъ называемые гекзаметры будутъ имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность, потому что г. Гнѣдичъ, въ предисловіи къ своему переводу Иліады, говоритъ о немъ: „Кого не плѣняетъ лира Дельвига счастливыми вдохновеніями и стихомъ, столько музѣ любезнымъ?“

12. О Запискахъ Видока (стр. 59), № 20 (6 апрѣля).

О Булгаринѣ и его отношеніяхъ къ Пушкину см. статью акад. Сухомлинова: „Полемическія статьи Пушкина“, въ Истор. Вѣстн. 1884, № 3, и въ книгѣ: „Исслѣдованія и статьи по рус. лит. и просвѣщенію“. Спб., 1889, II, 267 и слѣд. Однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ полемикѣ, достигшей крайняго раздраженія и вышедшей изъ литературныхъ предѣловъ, послужило появленіе романа Булгарина: „Дмитрій Самозванецъ“, въ которомъ многіе читатели увидѣли заимствованія изъ пушкинскаго „Бориса Годунова“, въ то время еще не напечатаннаго, но уже достаточно извѣстнаго въ литературномъ кругу изъ

чтеній самого автора. Предчувствуя бѣду, Булгаринъ написалъ Пушкину, 18 февраля 1830, слѣдующее письмо:

„М. Г. Александръ Сергѣевичъ! Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олифа, будто вы говорите, что я ограбилъ вашу трагедію Борисъ Годуновъ, переложилъ ваши стихи въ прозу и взялъ изъ вашей трагедіи сцены для моего романа! Александръ Сергѣевичъ, поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такія небывлицы? Я не читалъ вашей трагедіи (въ этомъ я съ вами увѣряю. Мнѣ рассказывали содержаніе, и я, признаюсь не соглашался во многомъ. Представлю тѣхъ, кому мнѣ рассказывали), кромѣ отрывокъ печатныхъ, а слыхалъ только о ея составѣ отъ читавшихъ и отъ васъ. Въ главномъ,— въ характерѣ и въ дѣйствіи, сколько могу судить по слышанному, у насъ совершенная противоположность. Говорятъ, что вы хотите напечатать въ Литер. Газетѣ, что я обокралъ вашу трагедію! Что скажетъ публика? Вы должны будете доказывать. Но, признаюсь, мнѣ хочется вѣрить, что Олину приснилось это! Прочтите сперва романъ, а послѣ скажите. Онъ вамъ посланъ другимъ путемъ. Для меня непостижимо, чтобъ въ литературѣ можно было дойти до такой степени! Неужели, обрабатывая одинъ (т. е. по именамъ только) предметъ, надобно непременно красть у другого? У кого я что выкралъ? Какъ могъ я красть по наслышкѣ? Но я утѣшаю себя однимъ, что Олинъ говоритъ наобумъ. Не могу и не хочу вѣрить, чтобы вы это могли думать, для чести вашей и литературы. Я составилъ себѣ такое понятіе объ васъ, что эту вѣсть причисляю къ сказкамъ и извѣщаю васъ, какъ о слухѣ, вредномъ для вашей репутаціи. Съ истиннымъ уваженіемъ и любовью есмь вашъ навѣки Ѳ. Булгаринъ“ (Бартеневъ, Пушкинъ, I, 29).

На это письмо Пушкинъ не отвѣчалъ. Въ Лит. Газ. 7 марта (№ 14) явился разборъ булгаринскаго романа, написанный Дельвигомъ. Здѣсь, между прочимъ, Булгаринъ былъ названъ польскимъ писателемъ и выражено желаніе, чтобы явилась повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненная писателемъ русскимъ. Статья напечатана была безъ подписи, а раздосадованный Булгаринъ, предполагая, что она принадлежитъ Пушкину, сталъ помѣщать въ „Сѣв. Пчелѣ“ статьи, направленныя противъ Пушкина, какъ писателя и

какъ человѣка. Самую рѣзкою изъ этихъ статей былъ „Анекдотъ“, заимствованный, будто бы, „изъ англійскаго журнала“, появившійся въ „С. Пч.“ 1830, № 30. Здѣсь Булгаринъ выставляетъ себя подъ видомъ французскаго писателя нѣмца Гофмана, а Пушкина — подъ видомъ природнаго француза, „который, долго морочивъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ, упавъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику и разбранилъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ“. Въ отвѣтъ на эту критику Гофманъ, будто бы, напечаталъ къ одному почтенному французскому литератору письмо слѣдующаго содержанія: „Предъ вами предстаютъ на судъ, во-первыхъ, природный французъ, служащій усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины, у котораго сердце — холодное и нѣмое существо, какъ устрица, а голова — родъ побрякушки, набитой гремучими рюемами, гдѣ не зародилась ни одна идея; который... бросаетъ рюемами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ; который мараетъ бѣлые листы на продажу, чтобъ спустить деньги на крапленыхъ листахъ, и у котораго одно господствующее чувство — суетность. Во-вторыхъ, — иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнялъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу и чести, любилъ свое отечество“ и пр.

Статья Булгарина была, между прочимъ, разсчитана и на то, чтобы еще болѣе повредить Пушкину во мнѣніи Бенкендорфа. Поэтъ понялъ это очень хорошо — и въ приливъ негодованія написалъ Бенкендорфу 24 марта: „Г. Булгаринъ, имѣющій по его словамъ, у васъ влияние, сдѣлался моимъ жесточайшимъ врагомъ вслѣдствіе критики, которую онъ мнѣ приписываетъ. Послѣ гнусной статьи, написанной имъ обо мнѣ, я считаю его способнымъ на все. Я долженъ предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, ибо онъ могъ бы надѣлать мнѣ безчисленныхъ бѣдъ“. — Бенкендорфъ, пользовавшійся Булгаринимъ для разныхъ негласныхъ услугъ и всегда его за-

щищавшій, отвѣчалъ Пушкину: „Что касается г. Б., то онъ мнѣ никогда не говорилъ о васъ, по той простой причинѣ, что я вижу его не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и въ послѣднее время видѣлся съ нимъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ“

Въ то же время въ „Сѣв. Пчелѣ“, № 35 (22 марта) напечатанъ былъ отзывъ о VII главѣ Онѣгина, въ которомъ рецензентъ глумился надъ новымъ произведеніемъ Пушкина, всячески стараясь уронить его во мнѣніи читателей: „Совершенное паденіе, chute complète! Всѣ вводныя и вставныя части, всѣ постороннія описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобы можно было печатать такія мелочи“ и т. п. Здѣсь же было сказано, что описаніе Москвы заимствовано Пушкинымъ изъ Горя отъ ума и изъ другой извѣстной книги, подъ которою подразумѣвался болгаринскій „Выжигинъ“: такимъ образомъ, Булгаринъ обвинялъ самого Пушкина въ литературной кражѣ! Эта выходка „Пчелы“ обратила на себя даже вниманіе государя, который написалъ Бенкендорфу такую записку:

„Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ „Пчелы“ находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ навѣрно будетъ продолженіе: поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія и, если возможно, запретите его журналъ“.

Вотъ, въ эту-то пору Бенкендорфъ, конечно, и „видѣлся съ Булгаринымъ, чтобы сдѣлать ему выговоръ“, а затѣмъ постарался оправдать своего друга передъ возмущеннымъ государемъ:

„Приказанія вашего величества исполнены“, доносилъ онъ въ отвѣтъ на записку: „Булгаринъ не будетъ продолжать своей критики на Онѣгина. Я прочелъ ее, государь, — и долженъ сознаться, что ничего личнаго противъ Пушкина не нашель; эти два автора, кромѣ того, уже два года въ довольно хорошихъ отношеніяхъ между собой. Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается надъ тѣмъ, что путешествіе за Кав-

казскими горами и великія событія, обезсмертившія послѣдніе года, не придали лучшаго полета генію Пушкина.

„Кромѣ того, московскіе журналы ожесточенно критикуютъ Онѣгина. Прилагаю при семъ статью противъ Дмитрія Самозванца, чтобы ваше величество видѣли, какъ нападаютъ на Булгарина. Если бы ваше величество прочли это сочиненіе, то вы нашли бы въ немъ много очень интереснаго и въ особенности монархическаго, а также побѣду легитимизма. Я бы желалъ, чтобы авторы, нападающіе на это сочиненіе, писали въ томъ же духѣ, такъ какъ сочиненія — это совѣсть писателей“.

Государь отвѣчалъ:

„Я внимательно прочелъ критику на Самозванца и долженъ вамъ сознаться, что такъ какъ я не могъ пока прочесть болѣе двухъ томовъ (Самозванца) и только сегодня началъ третій, то про себя или въ себѣ размышлялъ точно такъ же. Исторія эта сама по себѣ болѣе чѣмъ достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главнаго событія. А потому, съ этой стороны, критика, мнѣ кажется, справедлива“.

„Напротивъ того, въ критикѣ на Онѣгина очень мало смысла; хотя я совсѣмъ не извиняю автора, который сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы, но гораздо менѣе благородному, нежели его Полтава. Впрочемъ, если критика эта будетъ продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее всздѣ“.

По поводу болгаринской рецензіи „Лит. Газ.“ (6 апр., № 20) замѣтила: „Въ „Сѣверной Пчелѣ“ прочли мы, будто бы Пушкинъ, описывая Москву, взялъ обильную дань изъ Горя отъ ума и — просимъ не прогнѣваться — изъ другой извѣстной книги. Не называетъ ли Сѣверная Пчела извѣстною книгою Ивана Выжигина? Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа Дмитрій Самозванецъ, и сими хищеніями удачно, съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію Борисъ Годуновъ, хотя тоже, по странному стеченію обстоятельствъ, написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа г. Булгарина“.

Въ томъ же № 20 „Лит. Газ.“ явилась и статья Пушкина о Видокѣ. Vidocq былъ начальникомъ парижской тайной полиціи, и въ 1828-29 гг. вышли въ Парижѣ его записки, въ 4-хъ томахъ: „Mémoires de Vidocq, chef de police de sûreté“ и проч. Статья Пушкина попала въ цѣль: увѣренность въ томъ, что сказанное Пушкинымъ о Видокѣ относится къ Булгарину, была такъ сильна въ тогдашнемъ обществѣ, что цензура стала запрещать статьи о Видокѣ.

Въ № 45 „Лит. Газ.“ замѣчено: „Въ нынѣшнемъ году „Сѣв. Пчела“ отличалась особенною неблагоклонностію къ гг. Загоскину, Пушкину и Кирѣевскому *). Причины сему отыскать не трудно: г. Загоскинъ издалъ романъ, коего успѣхъ могъ повредить ходу историческаго романа г. Булгарина. Строгий приговоръ „Димитрію Самозванцу“ (см. „Лит. Газ.“ № 14) былъ приписанъ Пушкину... А. С. Пушкину предлагали написать критику историческаго романа г. Булгарина. Онъ отказался, говоря: чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь... Издателю „Сѣв. Пчелы“ „Лит. Газ.“ кажется печальною: сознаемся, что онъ правъ, и печальнѣйшею статьею находимъ мнѣніе А. С. Пушкина о сочиненіяхъ Видока“. Ср. еще эпиграммы на Булгарина и примѣчанія къ нимъ въ т. II, стр. 122, 482 - 483.

13. О личностяхъ въ критикѣ (стр. 61) № 20 (6 апрѣля).

Замѣтка написана по поводу рецензіи на „Невскій Альманахъ“ въ Моск. Телегр. 1830, № 3, стр. 355.

14. О неблаговидности нападковъ на дворянство (стр. 62). № 36 (25 іюня).

Двумя мѣсяцами ранѣ этой статьи Пушкина, въ № 23 Лит. Газ. 21 апрѣля напечатана была статья кн. П. Вяземскаго: „Объясненія нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ литературныхъ. Статья I-я. О духъ партій; о литературной аристократіи“. (Соч. Вяз. II, 156). „Если вѣрить нѣкоторымъ указаніямъ“, — говорилось въ этой статьѣ, — „то въ литературѣ нашей существуетъ какой-то духъ партій; онъ силится возстановить какую-то аристократію именъ. Указанія эти повторяются отголосками журнальными, но

*) Разборъ „Юрія Милославскаго“ см. въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1830, №№ 7, 8 и 9; о статьѣ Кирѣевскаго — въ разборѣ альманаха „Денница“, въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1830, № 11 и 12.

нигдѣ не объясняются убѣдительными доказательствами... У насъ можно опредѣлить двѣ главныя партіи, два главные духа, если непременно хотятъ ввести междоусобіе въ домашній кругъ литературы нашей... Къ первому разряду принадлежатъ литераторы съ талантомъ, къ другому — литераторы безталанные. Мудрено ли, что люди возвышенные мыслями и чувствами своими сближаются единомыслиемъ и сочувствіемъ? Мудрено ли, что Расинъ, Мольеръ, Дебрео были друзьями? Прадоны и тогда называли, вѣроятно, связь ихъ духомъ партіи, заговоромъ аристократическимъ. Но дѣло въ томъ, что потомство само пристало къ этой партіи и записалось въ заговорщики. Державинъ, Хемницеръ и Капнистъ, Карамзинъ и Дмитріевъ, Жуковский и Батюшковъ, каждый въ свою эпоху современники и болѣе или менѣе совмѣстники, были также сообща главами тайнаго заговора дарованія противъ дюжинной пошлости, вкуса противъ безвкусія, образованности противъ невѣжества... Эти союзы дѣлаются сами собою. . Лукавство, проницательство, ничѣмъ не возмущаемое упрямство, никакими средствами не пренебрегающая дерзость, вырывали иногда случайную побѣду изъ рукъ менѣе дѣятельнаго, болѣе безкорыстнаго достоинства. И тѣ, которые у насъ болѣе другихъ говорятъ объ аристократическомъ союзѣ, будто существующемъ въ литературѣ нашей, твердо знаютъ, что этотъ союзъ не опасенъ выгодамъ ихъ, ибо не онъ занимается текущими дѣлами литературы, не онъ старается всякими происками, явными и тайными, овладѣть источниками ежедневныхъ успѣховъ и преклонить къ себѣ если не уваженіе, то благосклонность, которая гораздо податливѣе перваго... Справьтесь съ вѣдомостями нашей книжной торговли и вы увидите, что если одна сторона литературы нашей умѣетъ писать, то другая умѣетъ печатать, съ цѣлью скорѣе продать напечатанное... Невинность публики идетъ своимъ чередомъ; но воздайте и каждому свое: припишите часть успѣховъ сноровкѣ и ловкости писателей. Нѣкоторые изъ нихъ были уже заранѣе провозглашены друзьями своими и ловкими товарищами. Напр., Исторія Русскаго Народа и Иванъ Выжигинъ, сіи книжные близнецы нашего времени, сіи Иванъ да Марья въ царствѣ литературнаго прозябанія, имѣли гораздо болѣе расхѣда, чѣмъ нѣскольکو другихъ твореній, заслуживающихъ истинное уваженіе.

Такимъ образомъ, литературной промышленности, которая есть существенная аристократія нашего вѣка, нечего попустому заботиться и кричать о такъ называемой аристократіи, которая чужда оборотовъ промышленности*.

Партія Булгарина и К^о, по замѣчанію Анненкова („Обществ. идеалы Пушкина“), тотчасъ распознала грозившую ей опасность, и для отвращенія ея собрала всѣ свои силы литературныя, а также — и тѣ, которыми располагала внѣ литературы. Она очень искусно перенесла вопросъ о причинахъ появленія Литературной Газеты на политическую почву, назвавъ издателей и сторонниковъ этого органа кружкомъ людей, желающихъ выдѣлиться изъ общаго положенія и стать особнякомъ, образовать партію знаменитостей, водворить принципъ аристократизма тамъ, гдѣ его быть не можетъ, и направлять общественную мысль въ смыслъ этого принципа... Этотъ намекъ и дерзкій вызовъ были подняты Газетой, или, лучше, — ея вдохновителемъ Пушкинымъ съ необычайной энергіей... Статья Пушкина о запискахъ сыщика нанесла чувствительный ударъ Булгарину, какъ нравственной личности... Враги Пушкина и вся булгаринская партія поздно тогда спохватились, что сдѣлали ошибку, затронувъ его и приложивъ къ нему свой инсинуаціонный способъ борьбы: Пушкинъ встрѣтилъ ихъ на той самой почвѣ, гдѣ они считали себя непобѣдимыми, и далъ почувствовать, что оружіе инсинуаціи можетъ быть обращено и противъ нихъ самихъ*. Этимъ и объясняется сдѣланное Пушкинымъ сравненіе Булгарина и его друзей съ французской революціонной чернью, требовавшей казни аристократовъ *).

Въ замѣткѣ цитированы: басня Дмитриева и эпиграмма Баратынскаго.

15. О выходкахъ противъ литературной аристократіи (стр. 63). № 45 (9 августа), безъ заглавія.

Повторенное здѣсь Пушкинымъ указаніе на возмутительные крики парижской черни, съ намекомъ на революціонную пѣсню:

Ah, ça ira, ça ira, ça ira, —

Les aristos à la lanterne!

Ah, ça ira, ça ira, ça ira, —

Les aristos, on les pendra —

*) Анненковъ. Воспоминанія и критич. очерки, III, 225 и сл.

вызвало возраженіе со стороны Полевого въ Моск. Тел. 1830, № 14, стр. 240. „Сомнѣваюсь, можно ли писать недобросовѣстнѣй этого“, говоритъ онъ. „Уважаая гражданскій строй своего отечества, онъ уважаетъ и заслуги русскаго дворянства; но, конечно, не станеть добиваться дворянскаго званія, во-первыхъ, не признавая для себя униженіемъ свое купеческое званіе, во-вторыхъ, — не почитая дворянское „ручательствомъ за умъ, добродѣтель, а еще менѣе за литературное достоинство человѣка...“ И вотъ, за послѣднее-то мнѣніе Лит. Газета ставитъ шутки Полевого наряду съ эпиграммами Маратовъ и французскихъ революціонныхъ газетчиковъ. И издатели Лит. Газеты не стыдятся своего: *Avis au lecteur!* И это значить у нихъ: аристократовъ къ фонарю! Какъ назвать такія ничтожныя, бѣдныя средства защиты?“ и пр.

Ср. въ Критич. замѣткахъ „Разговоръ“ по этому же поводу (стр. 281 - 287).

Статья Пушкина, напечатанная безъ подписи, вызвала неудовольствіе Бенкендорфа, который обратилъ вниманіе м-ра нар. проsv., кн. Ливена, на „неприличность“ этой статьи и просилъ сообщить имена автора и цензора. Кн. Ливень препроводилъ въ III Отдѣленіе объясненія Дельвига и цензора Щеглова. Въ первомъ было сказано, что имя автора статьи неизвѣстно издателю, а во второмъ, — что статья пропущена какъ потому, что не имѣетъ ничего противнаго ни релягии, ни духу правительства, такъ и потому, что постоянныя нападки „Моск. Телеграфа“ на русское дворянство не могутъ быть оставлены безъ опроверженія. (Рус. Стар. 1901, сент., 657).

VIII. Торжество дружбы (стр. 64).

Напеч. въ „Телескопъ“ 1831, ч. IV, № 13, стр. 135-144, съ помѣткою: „Сообщено“. Перебѣленная рукопись этой статьи находится въ Имп. Публ. Б-кѣ. Статья называлась первоначально: „Гласъ дружбы, или торжествующій А. А. Орловъ“. Рукопись представляетъ нѣсколько первоначальныхъ вариантовъ, которые и приводятся ниже. •

¹ ... близъ Дерпта, [не читаетъ Телескопа] и просиль...

² Перечтите, [почтенный] Ник. Ив.

³ ... и Сѣв. Пчелы (смотри ниже).

⁴ . отъ [французовъ и] всякаго сброду.

⁵ Сдѣлана выноска: „См. Лит. Газету“.

⁶ ... строками Николая Ивановича...

⁷ Слозь: „Однако же“ — нѣтъ.

⁸ ... поклонники [генія] А. А.

⁹ ... въ воображеніи [любимаго] автора...

¹⁰ Слова: „Но“ — нѣтъ.

¹¹ ... присвоить [своимъ сочиненіямъ заглавіе]...

¹² ... многими мѣстами сего романа въ трагедіи...

Поводомъ къ написанію этой и слѣдующей статьи Теофилакта Косичкина⁶ было слѣдующее обстоятельство:

Въ № 9 „Телескопа“ 1831 г. помѣщена была рецензія на новыя книги: „Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ, или дѣти Ивана Выжигина“, соч. А. Орлова. „Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ивана Выжигина“, романъ А. Орлова. — „Смерть Ивана Выжигина“, нравственно-сатирической романъ, соч. А. Орлова, съ портретомъ автора и родословною Ивана Выжигина“. — „Петръ Ивановичъ Выжигинъ“, романъ Ѳаддея Булгарина. — Александръ Анѳимовичъ Орловъ (ум. 1840) — авторъ множества лубочныхъ книжекъ, изданныхъ въ Москвѣ въ періодъ съ 1827 по 1841 г., въ числѣ которыхъ есть нѣсколько „Выжигиныхъ“, напр.: „Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, родъ его, племя, съ тетками, дядями, тестемъ и со всѣми отродками, нравственно-сатирической романъ въ 4-хъ частяхъ“; „Церемоніаль погребенія Ивана Выжигина“; „Федоръ Кривой, или Елисавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина, не дѣвка, не вдова и не мужняя жена“ и пр. Въ „Моск. Вѣд.“ 1831, № 30, стр. 1388, напечатано было слѣдующее объявленіе: „На извѣстныхъ сочиненія подъ названіемъ Ивана Выжигина и Петра Выжигина, соч. г. Булгарина, принималась подписка; нынѣ же принимается подписка на сочиненіе: „Смерть Ивана Выжигина“, соч. А. Орлова, извѣстнаго публикѣ остроумными сочиненіями. Книга сія принесетъ публикѣ удовольствіе, потому что кончина сего достопамятнаго мужа, т. е. Выжигина, есть важное событіе для читателей Ивана Ивановича; кто читалъ жизнь Ивана Выжигина, тотъ съ прискорбіемъ прочтетъ его кончину“. Далѣе, въ № 38, объявлено о выходѣ этой книги съ портретомъ автора и родословной Выжигина, М. 1831. Объ Орловѣ см. замѣтки С. А. Венгерова въ „Литер. Вѣстникъ“ 1901,

№ 3 и въ Соч. Бѣлинскаго, IV, 494 - 499, и Шляпкина, „Изъ неизд. бумагъ Пушк.“, 155 - 158. У Шляпкина же напечатано и письмо его къ И. И. Дмитріеву. Пушкинъ также написалъ Орлову письмо (см. т. VIII).

Подъ названіемъ „Родословной Выжигиныхъ“ въ ту пору повторялась эпиграмма, которую иные приписывали Пушкину:

Оадей роди Ивана,
Иванъ роди Петра:
Отъ дѣдушки-болвана
Какого ждать добра?

Въ „Сынѣ Отеч.“ 1831, № 27, Гречъ вступился за литературную славу своего друга „Нѣтъ нумера Телескопа или его спутницы Молвы, въ которыхъ не былъ бы задѣтъ или побраненъ Ф. В. Булгаринъ. Читателямъ Сѣв. Пчелы и Сына Отечества извѣстно, что на всѣ эти выходки и брани не отвѣчалъ онъ ни строкою, ни словомъ. Казалось, это долженствовало бы притупить злобу неумоимаго наѣздника? Нѣтъ! Нынѣ въ 9-й книжкѣ Телескопа она разразилась съ большей противъ прежняго яростью въ рецензіи на новый романъ Булгарина. . Тамъ взяли двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ!) книжонки, сочиненныя какимъ-то Орловымъ, и выписки изъ нихъ смѣшали съ выдержками изъ романа Булгарина, приправили все это самыми площадными и низкими ругательствами и, такимъ образомъ, рѣшили достоинство новаго сочиненія.. Эти несчастные не постигаютъ, какую пользу Ив. Выжигинъ принесъ нашей читающей публикѣ. Въ семь романѣ выставлены не карикатуры, а вѣрныя изображенія среднихъ классовъ нашего общества, коснѣющаго въ веригахъ непросвѣщенія и всѣхъ происходящихъ отъ того недостатковъ и пороковъ. Именно то свидѣтельство въ истинѣ и вѣрности наблюденій и картинъ нашего автора, что книга его разошлась въ публикѣ средняго состоянія. Польза отъ сего чтенія очевидна, и только одна закоснѣлая невѣжественная зависть можетъ утверждать противное“, и т. д. Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько возраженій на рецензію Телескопа по существу и указавъ на ея „безграмотность“, Гречъ заключаетъ свою отвѣдь словами: „Булгаринъ живетъ въ деревнѣ своей подлѣ Дерпта и не

читаетъ Телескопа (онъ просилъ не посылать ему вздоръ); но я долгомъ почелъ вступить за товарища. Я рѣшился на сіе не для того, чтобы оправдывать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ, а для того, чтобы сорвать личину съ шарлатанства и показать публикѣ, кто и какъ у насъ судяетъ о произведеніяхъ литературы и о литераторахъ. Говорятъ, что я сими замѣчаніями накликаю на себя тьму ругательствъ. А мнѣ какое до того дѣло? Я исполнилъ долгъ честнаго человѣка. Меня и такъ эти люди бранятъ безпощадно; пусть же будетъ у нихъ теперъ какой-нибудь предлогъ*.

На эту-то статью Греча Пушкинъ и отвѣтилъ двумя статьями Θεοφιλαкта Косичкина, въ которыхъ дана рѣзкая характеристика литературной и иной дѣятельности Булгарина. Упомянутое объ обѣдахъ иностраннымъ литераторамъ, не знающимъ русскаго языка, включаетъ въ себѣ намекъ на Ансело (см. выше, стр. 578); слова о томъ, что Б. называлъ своихъ противниковъ „устрицами“, указываютъ на „анекдотъ“ о Гофманѣ и его противникѣ, „у котораго сердце — холодное и нѣмое существо, какъ устрица“ (см. выше, стр. 594). Далѣе говорится о томъ, что книгопродавецъ Лисенковъ, увлеченный успѣхомъ „Ивана Выжигина“, заказалъ Булгарину „Петра Ивановича“ — и, заплативъ заранѣе крупный гонораръ, понесъ убытокъ, такъ какъ романъ вовсе не продавался, и проч.

IX. О мизинцѣ и пр. (стр. 74)

Напечатано въ „Телескопѣ“ 1831, ч. IV, № 15, стр. 412-418, съ помѣтою: „Сообщено“. По своему тону и содержанію, эта статья, какъ и предыдущая, представляетъ пародію критическихъ статей Булгарина, къ которому относятся всѣ разсыпанные въ ней личные намеки.

¹ Пролазь и Высонозь — двѣ „дурацкія персоны“ изъ народныхъ лубочныхъ картинокъ. Въ словахъ Пушкина — намекъ на союзъ Полевого съ Булгаринимъ.

² Прозвищемъ „Грипусь“ въ тогдашнихъ журналахъ дразнили Полевого, за то, что онъ такъ передалъ французское слово gris-poussière.

³ Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ (1778 - 1839), извѣстный писатель, переводчикъ „Садовъ“ Делиля, Эклогъ

Виргилія и пр., издатель „Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ“ (1815-17), съ 1822 по 1826 г. редактировалъ „Новости Литературы“; въ 1822-28 гг. — „Русскій Инвалидъ“; 1827-30 — „Славянинъ“; 1831-36 — „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“.

⁴ Орестъ Михайловичъ Сомовъ (1793-1833), журналистъ, поэтъ и переводчикъ, сотрудникъ „Благонамѣреннаго“, „Сѣв. Архива“, „Лит. Газеты“ и пр. и издатель (вмѣстѣ съ Дельвигомъ) „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“.

⁵ Комментаріемъ къ этой программѣ романа служить біографія Булгарина и рассказы о немъ Греча („Записки о моей жизни“, Спб. 1886, стр. 436-471). Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ (Tadeusz Bulhagin) род. 24 іюня 1789 г. въ Виленской или Минской губ. Отецъ его, рьяный республиканецъ, извѣстный въ округѣ своей подъ именемъ „шалного“ Булгарина, въ пылу польской революціи 1794 г. убилъ русскаго генерала Воронова и былъ сосланъ въ Сибирь. Жена его отправилась съ сыномъ Ѳаддеемъ въ Петербургъ и помѣстила мальчика въ Сухопутный кадетскій корпусъ. Мужъ ея былъ возвращенъ на родину имп. Павломъ и вскорѣ умеръ. Вдова вышла замужъ за Менжинскаго. Ѳаддей, нареченный такъ въ честь Костюшки, по окончаніи курса въ корпусѣ поступилъ въ л.-гв. уланскій полкъ, подъ команду в. кн. Константина Павловича, и участвовалъ въ походахъ 1805-1807 гг. Раненый при Фридландѣ, онъ долго лежалъ въ кенигсбергскомъ лазаретѣ. Переведенный затѣмъ въ драгуны, когда полкъ его стоялъ въ Ревелѣ, Б. былъ отставленъ отъ службы за дурное поведеніе, уѣхалъ въ Варшаву и вступилъ въ сформированный французами уланскій полкъ рядовымъ. Изъ Варшавы онъ былъ отправленъ въ Испанію; въ 1812 г. находился въ корпусѣ маршала Удино, дѣйствовавшемъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи; въ 1813 г. участвовалъ въ сраженіи при Бауценѣ, потомъ при Кульмѣ; въ кампанію 1814 г. былъ взятъ въ плѣнъ русскими. Б. оправдывался тѣмъ, что онъ передался французамъ въ такое время (1810), когда Франція была съ Россіей въ дружбѣ и союзѣ. Въ Варшавѣ онъ былъ ласково принятъ в. кн. Константиномъ, который предлагалъ ему мѣсто, но Б. отказался и занялся процессомъ своихъ родственниковъ, для чего и переѣхалъ

въ Петербургъ. Здѣсь, въ 1820 г., онъ познакомился съ Н. И. Гречемъ и въ его домѣ — съ литературнымъ кругомъ; сошелся также и съ лицами, окружавшими Аракчеева. Потерявъ возможность продолжать военную службу, Б. пошелъ въ стряпчіе; видя, что можно приобрести литературную извѣстность, а съ нею и состояніе, онъ взялся за литературу. Сначала издалъ „Оды Горация“, съ комментаріями Ежовскаго и др., хотя самъ вовсе не зналъ латыни; потомъ обратился къ русской и славянской исторіи. Набравъ нѣсколько историческихъ матеріаловъ, сталъ издавать съ 1822 г. „Сѣверный Архивъ“, въ которомъ нерѣдко дѣлалъ самые грубые промахи; потомъ сталъ прилагать къ этому журналу особые листки подъ названіемъ: „Волшебный Фонарь“. Въ 1823 г. издавалъ „Литературные Листки“. Въ ту пору Б. вращался еще въ кругу такихъ людей, какъ Грибоѣдовъ, Рылѣевъ, братья Бестужевы и др. Въ 1825 г. Б. вмѣстѣ съ Гречемъ, основалъ ежедневную газету „Сѣверная Пчела“, которая въ началѣ новаго царствованія стала пользоваться особеннымъ вниманіемъ Бенкендорфа. Въ 1826 г., 22 ноября, послѣдовалъ указъ правительствующему сенату: „Обращая вниманіе на похвальные литературные труды бывшаго французской службы капитана Ѳаддея Булгарина, всемилостивѣйше повелѣваемъ переименовать его въ 8-й классъ и перечислить на службу, по министерству народнаго просвѣщенія“. Сохранилась любопытная его записка объ этихъ „похвальныхъ трудахъ“, въ которой онъ говоритъ, что въ продолженіе десятилѣтняго своего пребыванія въ Петербургѣ „снискалъ себѣ уваженіе отличнѣйшихъ людей сей столицы за свое поведеніе и заслужилъ благосклонность публики своими литературными трудами“ и что онъ „много вытерпѣлъ за свой образъ мыслей отъ партіи, нѣкогда сильной въ обществѣ, которой пагубные замыслы открылись впоследствии“. На службѣ по министерству просвѣщенія Б. только числился занимаясь литературой. Бенкендорфъ, „употреблявшій его по литературной части“, былъ неизмѣннымъ его защитникомъ и покровителемъ, хлопоталъ о наградахъ для него (по его ходатайству въ 1830 г. Б. получилъ за Выжигина брилліантовый перстень) и проч. Послѣднимъ предпріятіемъ Б. были его „Воспоминанія“ въ Библ. для Чтенія 1848 г. Умеръ онъ 1 сентября 1859 г. (Поливановъ, Соч.

Пушк., V, 61; Сухомлиновъ, Изслѣд и статьи, II, 275 и сл.; Лемке, Очерки по ист. рус. цензуры, Спб. 1904, стр. 371 - 427).

Въ програмѣ Пушкина говорится и о семейной жизни Булгарина: подъ именемъ „Танты“ была извѣстна тетка его жены, — типъ водевильной тещи, отъ которой ему иногда жестоко доставалось. Въ одномъ изъ кушетовъ извѣстной пѣсни Рылѣева и др. „Ахъ, гдѣ тѣ острова“ говорится: „Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей не боится когтей Танты“. Гречъ, связанный съ Б. практическими разсчетами, а можетъ быть — и опасеніемъ доносовъ, даетъ въ своихъ запискахъ очень откровенную характеристику своего „невольнаго друга“, почти буквально повторяя тѣ выраженія, которыя въ статьѣ Пушкина приписаны „китайскому“ журналисту (китайскому — потому, что въ тогдашней журналистѣ разныя литературныя сплетни передавались въ видѣ „китайскихъ анекдотовъ“, — обычай, введенный, кажется, той же Сѣв. Пчелой, см. ниже, „Критическія замѣтки“).

Х. О сочиненіяхъ Катенина (стр. 80).

Напечатанная въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Рус. Инвалиду“ 1833, № 26, статья эта вызвана появленіемъ книги: „Сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина, съ приобщеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній кв. Николая Голицына. Часть I. Сочиненія. — Часть II. Подражанія и переводы“. Спб. 1832. Издатель, Николай Бахтинъ, въ предисловіи говоритъ: „Мы имѣемъ стихотворцевъ, которые при жизни насладились громкою славою, но послѣ смерти преданы забвенію. Имѣемъ и такихъ, которые были почти неизвѣстны современникамъ, но нынѣ уважаются потомками. Есть у насъ также примѣры, что поэты сохраняютъ доброе о себѣ мнѣніе публики только потому, что сочиненія ихъ разсѣяны въ журналахъ и никогда не были собраны и напечатаны отдѣльно; но едва ли кто-либо изъ нашихъ стихотворцевъ изданіемъ полного собранія своихъ произведеній приобрѣлъ отъ современниковъ похвалу, которою они скупю надѣляли его прежде. Я ожидаю сего благого послѣдствія отъ изданія въ свѣтъ стихотвореній П. А. Катенина. Почти при вступленіи на поприще словесности, онъ былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками. Нѣкоторые

изъ писателей, даже уважаемыхъ публикою, какъ бы сами стыдясь своихъ поступковъ, скрывали свои имена, и подъ вымышленными названіями печатали въ журналахъ пристрастныя сужденія о его произведеніяхъ. Другіе, менѣе извѣстные, хотя никогда и не скрывали именъ своихъ, но, боясь, чтобы читатели не усомнились въ чистотѣ ихъ намѣреній, видя часто подпись ихъ подъ критиками на одного писателя, разнообразили оную и старались обмануть легковѣрныхъ. Такимъ образомъ, появленіе каждаго новаго стихотворенія г. Катенина сопровождалось въ журналахъ новыми нападеніями его антагонистовъ. Всѣ ихъ писанія носили на себѣ явную печать пристрастія, а нѣкоторыя, сверхъ того, и непростительнаго незнанія дѣла; но тѣмъ не менѣе, они вредили поэту, подобно какъ въ странахъ и болѣе образованныхъ, нежели Россія, подкупныя свистки райка вредятъ часто успѣху хорошей трагедіи. Глубокое молчаніе г. Катенина и вѣрность правиламъ, которыхъ онъ объявилъ себя единожды послѣдователемъ, утомили, наконецъ, его противниковъ. Можетъ быть, даже нѣкоторые изъ нихъ, увлеченные сначала примѣромъ и желаніемъ блеснуть своимъ остроуміемъ, потомъ увидѣли свою ошибку. Словомъ, всѣ они мало по малу смолкли, и благопріятные отзывы о стихотвореніяхъ Катенина начали появляться въ журналахъ; но отзывы сіи не могли произвести вполнѣ дѣйствія надъ публикою, не бывъ подкрѣплены чтеніемъ самихъ стиховъ, ибо кому охота перечитывать Сынъ Отечества и Вѣстникъ Европы за минувшіе годы?"

Далѣе авторъ предисловія указываетъ достоинства стихотвореній Катенина: оригинальность ихъ содержанія, красокъ и формъ, богатство вымысла, разнообразіе размѣровъ, защищаетъ слогъ Катенина отъ упрековъ въ употребленіи устарѣлыхъ словъ и выраженій, хвалитъ его переводы изъ Данте, Гердера и пр.

О Катенинѣ см. I, 595 - 598. „Пушкинъ, вѣрный древнимъ преданіямъ пріязни, долженъ былъ написать татейку о выходѣ въ свѣтъ сочиненій пріятеля; но, композировавъ съ совѣстью, напечаталъ ее въ Лит. Прибавленіяхъ Воейкова — и, слѣдовательно, съ нѣкоторою restriction mentale“, писалъ кн. Вяземскій Жуковскому, 14 апрѣля 1833 (Р. Арх. 1900, I, 373). Онъ воспользовался преиму-

щественно предисловіемъ Бахтина и вспомнилъ о полемикѣ, вызванной въ свое время появленіемъ баллады К. „Ольга, вольный переводъ изъ Бюргера“. Баллада эта напечатана была въ Сынѣ Отеч. 1816, ч. XXX, № 24; и въ Вѣстн. Евр. 1816, ч. 87, № 9. Въ этомъ же Сынѣ Отеч. 1816, ч. XXXI, № 27, Гнѣдичъ напечаталъ (безъ подписи) статью: „О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады Леноры“, въ которой осуждалъ баллады вообще и балладу К. въ особенности. За Кат. вступился Грибоѣдовъ въ статьѣ: „О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады Ленора“, — въ С. О 1816, ч. XXXII, № 16. Впослѣдствіи, въ 1823 г., въ Вѣстн. Евр. №№ 3 и 5, кто-то снова выступилъ въ защиту Кат., но споръ уже не возобновлялся. Какъ примѣръ „простоты и грубости выраженій“, Пушкинъ вспоминаетъ одинъ куплетъ изъ этой баллады:

Казни столпъ; надъ нимъ за тучей
Брежжетъ трепетно луна;
Чьей-то сволочи летучей
Пляска вокругъ его видна.
„Кто тамъ? Сволочь! Вся за мною!
„Вслѣдъ бѣгите всѣ толпою,
„Чтобъ подъ пляску вашу мнѣ
„Веселѣй прилечь къ женѣ“.

Приводимъ также стихи изъ баллады „Убійца“, о которыхъ говоритъ Пушкинъ:

Всѣ спать; но онъ одинъ садится
Къ косящату окну,
То засмѣется, то смутится,
И смотреть на луну.
.
„Да полно, что! Гляди, плѣшивый!
„Не побоюсь тебя!
„Ты, видно, сроду молчаливый:
„Такъ знай же про себя!“

О стихотвореніи „Старая Быль“ см. II, 441—442.

XI. Статьи и замѣтки изъ Современника (стр. 82 - 240).

Мысль объ основаніи литературнаго журнала явилась у Пушкина тотчасъ послѣ освобожденія изъ ссылки въ

Михайловскомъ, въ 1826 г. Въ февралѣ этого года поэтъ писалъ Катенину: „не затѣять ли намъ журнала вродѣ Edinburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ...“ Желаніе имѣть серьезный литературный органъ высказывалось Пушкинымъ также и въ кругу московскихъ литераторовъ, съ которыми онъ сблизился въ томъ же 1826 г., — и, вѣроятно, не безъ его вліянія кружокъ этотъ рѣшился основать „Московский Вѣстникъ“, редація котораго поручена была М. П. Погодину. Въ этомъ журналѣ Пушкинъ принялъ дѣятельное участіе и горячо настаивалъ на продолженіи изданія, которое, однако, скоро должно было прекратиться по недостатку средствъ: для массы тогдашнихъ читателей „Моск. Вѣстн.“ былъ слишкомъ тяжелъ и не могъ выдержать конкуренціи съ „Телеграфомъ“ Полевого, который старался угождать вкусамъ большинства. Кн. П. А. Вяземскій, принимавшій въ ту пору близкое участіе въ „Телеграфѣ“, въ концѣ 1827 г. задумывалъ изданіе особаго обозрѣнія, по третямъ года, подъ названіемъ „Современникъ“; по его мысли, этотъ новый журналъ долженъ былъ соединять въ себѣ качества Quarterly Review и Annuaire historique: „Я пустилъ это предложеніе въ Петербургъ, къ Жуковскому, Пушкину, Дашкову“, писалъ князь 12 ноября 1827 г. А. И. Тургеневу (Ост. Арх., III, 166), „но врядь пойдетъ дѣло на ладъ: у насъ въ цехѣ авторскомъ или дѣятельные дураки, или бездѣйственные умники“. Эта мысль осталась безъ исполненія, и когда „Моск. Вѣстникъ“ прекратился, а кн. Вяземскій отстранился отъ „Телеграфа“, Пушкинъ и ближайшій къ нему литературный кругъ остались безъ собственнаго органа. На короткое время — всего на полтора года — имъ удалось сплотиться въ „Лит. Газетѣ“. Послѣ ея прекращенія Пушкинъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи ему издавать свою литературно-политическую газету подъ названіемъ „Дневникъ“ (см. письма 1831 и 1832 гг.); это изданіе было сначала ему разрѣшено, но потомъ не состоялось. Изъ сохранившихся въ бумагахъ поэта записокъ и проектовъ видно, какъ серьезно занимала его мысль объ изданіи, которое могло бы хоть до нѣкоторой степени ослабить ненавистную всѣмъ порядочнымъ литераторамъ монополію Булгарина и Греча; но эта монополія имѣла такихъ сильныхъ покровителей, съ которыми поэтъ не въ состояніи былъ бороться... Только

въ самомъ концѣ 1835 г. (31 декабря) Пушкинъ вновь рѣшился предпринять собственное изданіе и обратился къ гр. Бенкендорфу съ просьбой исходатайствовать ему разрѣшеніе выпустить 4 тома статей чисто-литературныхъ, историческихъ, ученыхъ и критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, подъ заглавіемъ: „Современникъ“. Эти 4 тома и были имъ изданы въ теченіе 1836 г., при дѣятельномъ сотрудничествѣ П. А. Плетнева, который, по желанію Пушкина, завѣдывалъ редакціей и корректурами изданія.

Первый томъ „Современника“ вышелъ 11 апрѣля 1836 г., (ценз. дозволеніе — 31 марта). Содержаніе его — слѣдующее:

Стихотворенія: Пиръ Петра Перваго (см. II, 202). — Ночной смотръ, Жуковскаго. — Скупой Рыцарь (III, 469). — Изъ А. Шенье („Покровъ, упитанный...“ II, 23). — Роза и Кипарисъ, кн. Вяземскаго.

Проза: Императрица Марія. — Путешествіе въ Арзрумъ. — О сочиненіяхъ Георгія Конискаго. — О рионѣ, бар. Розена. — Долина Ажитугай, Султана Казы-Гирея. — Коляска, Гоголя. — О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг. — Утро дѣловаго человѣка, Гоголя. — Разборъ парижскаго математическаго ежегодника, кн. Козловскаго. — Парижъ (Хроника Русскаго). — Новыя книги (перечисленіе вышедшихъ книгъ съ замѣтками о нѣкоторыхъ изъ нихъ; заглавія нѣкоторыхъ книгъ отмѣчены звѣздочкою, и въ выноскѣ объяснено: „Книги, отмѣченныя звѣздочкою, будутъ впослѣдствіи разобраны“. Звѣздочками отмѣчено три книги: „Русскіе классики. Часть I. Кантемиръ“, Спб. 1836; „Исторія поэзіи“ С. Шевырева, М. 1835; „Воспоминанія о Сициліи“, А. Черткова, ч. I, М. 1836).

Второй томъ вышелъ въ іюль (ценз. одобр. 30 іюня) Его содержаніе:

Стихотворенія: Битва при Тиверіадѣ, трагедія А. Н. Муравьева. — Урожай, Кольцова. — Іоаннъ III и Аристотель (изъ трагедіи: „Дочь Іоанна III“) бар. Розена. — Драматическая сказка объ Иванѣ-царевичѣ, Жарѣ-птицѣ и Сѣромъ волкѣ, Языкова.

Проза: Россійская Академія (Пушкина). — Французская Академія. — Записки Н. Дуровой (съ замѣткой Пушкина). — Персидскій анекдотъ, Султана Казы-Гирея. —

Мифологія вотяковъ и черемисъ, А. Емичева. — О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ, С. Θ. (кн. В. Θ. Одоевскаго). — Разборы книгъ: „Статистическое описаніе Нахичеванской провинціи“ В. Золотницкаго; о комедіи Гоголя „Ревизоръ“ (кн. Вяземскаго). — „Наполеонъ и Юлій Цезарь“ (по поводу книги Маршана). — Разборъ поэмы Эдгара Кинэ „Наполеонъ“ (кн. Вяземскаго). Въ библиографіи звѣздочками отмѣчены: „М. В. Ломоносовъ“ Кс. Полевого, „Слова и рѣчи Филарета, митрополита Московскаго“, „Стихотворенія В. Бенедиктова“, изд. 2-е и „Путешествіе ко святымъ мѣстамъ русскимъ“. А. Н. Муравьева.

„Второй томъ Современника очень хорошъ“, писалъ Пушкинъ Нащокину 27 мая, — „и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить и, вѣроятно, займусь имъ дѣятельно“. И дѣйствительно, говоритъ П. В. Анненковъ (Мат. 413), лѣтомъ, на Каменноостровской дачѣ П. съ жаромъ принялся за приготовленіе новаго тома журнала. Первые два тома хотя и составлены были имъ, но печатались безъ его личнаго надзора; только третій томъ вышелъ подъ его собственнымъ наблюденіемъ. Неумоимо работалъ поэтъ-журналистъ надъ матеріалами и содержаніемъ новой книжки. Одинъ изъ друзей, посѣтивъ его въ воскресенье, засталъ его за статьей: „Джонъ Теннеръ“. Поэтъ работалъ надъ ней уже цѣлое утро и, встрѣчая пріятеля, сказалъ ему, потягиваясь, полу-шутливо и полу-грустно: „Плохое наше ремесло, братецъ. Для всякаго человѣка есть праздникъ, а для журналиста — никогда“.

Третій томъ „Современника“ вышелъ въ сентябрѣ. Здѣсь помѣщены:

Стихотворенія: 16 стихотвореній Θ. Т. (Тютчева). — Челобитная, Д. Давыдова. — Kennst du das Land? К(н). В(яземскаго). — Отвѣтъ. — Эпиграммы Д(авыдова) и др. — Родословная моего героя (Пушкина, см. IV, 231). — Полководецъ (II, 199). — Подражаніе испанскимъ сегидильямъ. — Сапожникъ, притча (II, 114). — 3 іюля 1836 г., Семена Старожилова изъ Москвы.

Проза: О надеждѣ, кн. Козловскаго. — Какъ пишутся у насъ романы, С. Θ. (кн. Одоевскаго). — Носъ, Гоголя. — О мнѣніи Лобанова (Пушкина). — Объ исторіи Пугачев-

скаго бунта, разборъ статьи, напечатанной въ Сынѣ Отечества, А. (Пушкина). — О партизанской войнѣ, Д. Давыдова. — Вольтеръ (Пушкина). — Стихотворенія Теплякова (его же). — Анекдоты (его же, всего 9). — Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы („Рославлевъ“, см. V, 198). — Джонъ Теннеръ (Пушкина). — Прогулка по Москвѣ, Пѣшехода. — Государственная внѣшняя торговля 1835 г. въ разныхъ ея видахъ. — Новыя книги (между прочимъ, замѣтка Пушкина о книгѣ С. Пеллико). Замѣтка Пушкина о романѣ „Село Михайловское“. — Письмо къ издателю, А. Б. (Безсонова, см. ниже). — Пять замѣтокъ „Отъ редакціи“.

Четвертый томъ вышелъ въ ноябрѣ (ценз. одобр. 11 ноября). Существенною частью этой книжки была „Капитанская Дочка“ (см. V, 335). Отдѣльныхъ стиховъ П. здѣсь не было, но онъ напечаталъ „Объясненіе“ по поводу своего „Полководца“ (см. II, 552), въ которое включилъ три строфы изъ стихотворенія „Къ тѣни полководца“, бывшія дотолѣ неизвѣстными. Затѣмъ въ „Новыхъ книгахъ“ онъ сдѣлалъ замѣтки объ отдѣльномъ изданіи Записокъ Дуровой и о „Ключѣ“ П. М. Строева.

Хотя Пушкинъ еще въ III-мъ томѣ объявилъ о продолженіи своего изданія и въ будущемъ 1837 году, однако смерть помѣшала ему оформить это дѣло и исходатайствовать новое разрѣшеніе на выпускъ „Современника“. Только въ февралѣ 1837 г. Жуковский, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій и Плетневъ обратились къ государю съ просьбою разрѣшить имъ издать въ этомъ году еще 4 тома „Современника“ въ пользу семейства Пушкина. Разрѣшеніе было дано, и въ томахъ V и VI были напечатаны статьи, приготовленныя Пушкинымъ для своего журнала. Затѣмъ, по ходатайству в. княжны Маріи Николаевны, „Современникъ“ изъ сборника, выходившаго каждый разъ съ особаго высочайшаго дозволенія, обращенъ былъ въ постоянный журналъ, издателемъ и редакторомъ котораго утвержденъ, съ 1838 г., П. А. Плетневъ (Переписка Плетнева съ Гротомъ, II, 958).

Гоголь, въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу 1838 г., говоритъ, что „Современникъ“ Пушкина „не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, не смотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую

къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертное обозрѣніе вродѣ англійскихъ, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ... Впрочемъ, сильнаго желанья издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивши разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщался быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ дѣйствительно въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ для того, чтобы заключать въ себѣ это юношеское чувство; моя же душа была тогда еще молода, я могъ принимать живѣе къ сердцу то, для чего онъ ужъ простылъ. Моя настойчивая рѣчь и обѣщанье дѣйствовать его убѣдили". (Письма Гоголя, изд. Маркса, Спб. 1901, III, 268).

Пушкинъ заботился о привлеченіи къ своему изданію выдающихся сотрудниковъ, писалъ Погодину, Языкову, Одоевскому и другимъ съ просьбою поддержать это общее литературное дѣло; въ концѣ 1836 г, послѣ запрещенія „Телескопа“, онъ хотѣлъ пригласить оставшагося безъ работы Бѣлинскаго, съ которымъ вступилъ въ сношенія черезъ П. В. Нащокина... Смерть разрушила всѣ эти планы.

При своемъ появленіи, „Современникъ“ былъ встрѣченъ очень сочувственно друзьями русской литературы — и вызвалъ ожесточенныя нападки Булгарина и Сенковского. Первый писалъ, что Пушкинъ „мечты и вдохновенія свои погасилъ срочными статьями и журнальною полемикою, князь мысли сталъ рабомъ толпы; орелъ спустился съ облаковъ для того, чтобы крыломъ своимъ ворочать тяжелыя колеса мельницы“, и пр. (Сѣв. Пчела 1836, № 162); второй видѣлъ въ „Современникѣ“ опаснаго соперника для своей „Библиотеки для Чтенія“ и потому старался всячески его уронить. „Всегда должно сожалѣть“, писалъ онъ, между прочимъ, „когда поэтическій геній перваго разряда, каковъ Александра Сергѣевича Пушкина, самъ добровольно отрывается отъ своего призванія и съ священныхъ высотъ Геликона... нисходитъ къ нижнимъ областямъ горы, къ литературѣ болѣе и болѣе блѣдной и бесплодной. Это — уже

затменіе одной изъ славъ народа... Но какъ горько, какъ прискорбно видѣть, когда этотъ геній, рожденный вѣтъ безсмертные вѣнки на вершинѣ зеленаго Геликона, нарвавъ тамъ горсть колючихъ остротъ, бѣжить стремглавъ по скату горы въ объятія собравшейся на равнинѣ толпы вѣо-оанъ, которая обѣщаетъ, за подарокъ, наградить его грубымъ хохотомъ! Берегитесь, неосторожный геній! Послѣдніе слои горы обрывисты, и у самаго подножія Геликона лежитъ Михонское болото, бездонное болото, наполненное черною грязью! Эта грязь — журнальная полемика, самый низкій и отвратительный родъ прозы послѣ риёмованныхъ пасквилей!“ (Библ. для Чт. 1836, т. XV, отд. 6, стр. 69).

Характерный отвѣтъ на эти нападки данъ былъ кн. Одоевскимъ въ статьѣ: „О нападеніяхъ петербургскихъ журналовъ на русскаго поэта Пушкина“. Статья эта напечатана г. Бартеневымъ въ сборникѣ „Пушкинъ“, II, 119 - 125. Авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что враги Пушкина безпрестанно называли „Современникъ“ — журналомъ не проста: здѣсь было указаніе цензурѣ на то, что П. дѣлаетъ нѣчто недозволенное, ибо „Современникъ“ былъ разрѣшенъ ему какъ сборникъ, а не какъ журналъ. Въ настоящее время всѣ эти продѣлки непонятны, но тогда могли имѣть весьма важное и неприятное для издателя значеніе. Тогдашняя Сѣверная Пчела... вся наполнена такими штучками...“ Тутъ же кн. Одоевскій говорить: „Ни одна строка Пушкина не освятитъ страницъ, на которыхъ печатается во всеуслышаніе то, что противно его литературной и ученой совѣсти. Да что вамъ и нужды до этого? Печатайте, издавайте, — никто вамъ не мѣшаетъ; вы имѣете свой кругъ читателей, людей, которые вамъ удивляются, свои алтари; довольствуйтесь ими, — книга Пушкина не отобьетъ у васъ читателей: онъ не искусенъ въ книжной торговлѣ, — это не его дѣло. Его дѣло — показать хоть потомству изданіемъ своего, даже дурного, журнала, что онъ не участвовалъ въ той гнусной монополии, въ которой для многихъ заключается литература. Этотъ долгъ на него налагается его званіемъ поэта, его званіемъ перваго русскаго писателя“.

I. О сочиненіяхъ Георгія Конискаго (стр. 82).

Названная здѣсь Пушкинымъ какъ главный трудъ Конискаго „Исторія Руссовъ“, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ,

не принадлежит перу знаменитаго бѣлорусскаго архіепископа. Давно ходила она въ рукописи съ именемъ этого писателя между малорусскими патриотами, а напечатана была только въ 1846 г., въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“, приче́мъ издатель ея, проф. Бодянской, не сомнѣвался въ ея принадлежности Конискому. По мнѣнію новыхъ изслѣдователей, „Исторія Руссовъ“ по своему языку и стилю принадлежитъ XIX столѣтію, а по духу — эпохѣ декабристовъ украинскаго происхожденія, когда либерализмъ александровскихъ временъ искалъ себѣ мѣстныхъ опоръ въ исторіи Новгорода, Украйны и пр. М. А. Максимовичъ принадлежавшій къ числу первыхъ распространителей „Исторіи Руссовъ“ и сообщившій ее Пушкину, передавалъ потомъ, что всѣ слѣды, на какіе онъ напалъ, разспрашивая о первыхъ рукописяхъ этого сочиненія, приводили къ кн. Репнину, который былъ малороссійскимъ генераль-губернаторомъ и какъ-то загадочно оставилъ эту должность. Максимовичъ подозрѣвалъ въ Репнинѣ, или въ лицѣ, ему близкомъ, автора или передѣльвателя „Исторіи Руссовъ“. Дѣйствительно, „Исторія“ имѣетъ характеръ памфлета: факты прилаживаются къ тенденціи... По отзыву Костомарова, она „вся проникнута духомъ полу-дворянскаго мѣстнаго патриотизма“. (Поливановъ, V, 184; Пыпинъ и Спасовичъ, Ист. слав. лит., изд. 2-е, I, 366; В. П. Горленко, Изъ исторіи южно-рус. общества начала XIX вѣка, Кіевъ 1893; Л. Н. Майковъ, Къ вопросу объ Исторіи Руссовъ, Спб. 1893).

2. Вастола (стр. 88).

„Вастолу“ перевелъ плодovitый, но бездарный поэтъ Ефимъ Петровичъ Люценко (12 окт. 1776 - 26 дек. 1854), лицейскій учитель Пушкина, попавшій, благодаря извѣстной россійской „слабости“, въ затруднительное положеніе. Пушкинъ издалъ этотъ переводъ на свои средства, желая въ этой деликатной формѣ помочь бѣдному челоуѣку. Редакторъ единственнаго въ то время большого журнала, „Библиотеки для Чтенія“, О. И. Сенковскій, воспользовался неосторожностью поэта и въ 1-й книжкѣ „Библ.“ 1836 г. напечаталъ ироническую рецензію на „Вастолу“, гдѣ говорилъ, что „пѣвецъ Кавказскаго Плънника сдѣлалъ въ новый годъ непостижимый подарокъ своей пріятельницѣ, доброй, честной русской публикѣ, которая

любила его, какъ своего первенца, любила такъ искренно, такъ благородно, такъ безкорыстно...“ и увѣрялъ, приводя плохіе стихи, что они — несомнѣнно пушкинскіе: „Пушкинъ даритъ насъ всегда такими стихами, которымъ надобно удивляться, не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи“.

„Нѣкоторые, однако, намекають“, продолжаетъ Сенковскій, „будто А. С. Пушкинъ никогда не писалъ этихъ стиховъ, что „Востола“ переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. только далъ ему на прокатъ свое имя, для того, чтобы лучше покупали книгу, и что онъ желаетъ этимъ сдѣлать благотворительный поступокъ. Этого быть не можетъ! Мы безпредѣльно уважаемъ всякое благотворительное намѣреніе, но такой поступокъ противился бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о благотворительности, и мы съ негодованіемъ отвергаемъ всѣ подобные намеки, какъ клевету завистниковъ великаго поэта. Пушкинъ не станетъ обманывать публики двусмысленностями, чтобы дѣлать кому добро. Онъ знаетъ, что долженъ публикѣ и себѣ. Если бъ въ словѣ „издалъ“ и не было двусмысленности, если бы оно и принято было здѣсь въ самомъ тѣсномъ его значеніи, — онъ знаетъ, что человекъ, пользующійся литературною славою, отвѣчаетъ передъ публикою за примѣчательное достоинство книги, которую издаетъ подъ покровительствомъ своего имени... А. С., если бъ пожелалъ быть благотворителемъ, написалъ бы самъ двѣ-три страницы стиховъ, и онѣ принесли бы болѣе выгоды бѣдному, которому бы онъ подарилъ ихъ, чѣмъ вся эта „Востола“. Люди добраго сердца оказываютъ благотворительность приношеніемъ нищетѣ какого-нибудь дѣйствительнаго труда, а не бросая въ лицо бѣдному одно свое имя для продажи, что равнялось бы презрѣнію къ бѣдному и презрѣнію къ публикѣ, къ вамъ, ко мнѣ, ко всякому. Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, это подлинныя стихи Пушкина. И если бы они даже были не его, ему теперь не оставалось бы ничего болѣе, какъ признать ихъ своими и внести въ собраніе своихъ сочиненій... Это — его стихи. Удивительныя стихи!“

Эта-то коварная рецензія и вызвала отзывъ Пушкина. Бѣлинскій также помѣстилъ въ „Молвъ“ 1836, № 2, рецензію на „Востолу“, гдѣ говоритъ, что эта поэма „надѣ-

лала много шуму: имя Пушкина, выставленное на этомъ сочиненіи, напоминающемъ своими стихами времена Тредьяковскаго и Сумарокова, подало поводъ къ страннымъ сомнѣніямъ, догадкамъ и заключеніямъ. Но критики и рецензенты поставлены этимъ магическимъ именемъ въ совершенный тупикъ... Мы никогда не повѣримъ, чтобы Пушкинъ выставилъ свое имя на негодномъ рыночномъ произведеніи, желая оказать помощь какому-нибудь бѣдному риѣмачу... Ясно, что послѣдній слухъ лживъ; по крайней мѣрѣ, мы такъ думаемъ вслѣдствіе нашего глубокаго уваженія къ первому русскому поэту. Поэтому лучше оставить дѣло, какъ оно есть, не разгадывая и не объясняя его*. (Соч. Бѣл., изд. Венгерова, II, 405-408). См. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго: „Пушкинъ и Е. П. Люценко“ въ Рус. Стар. 1898, т. 94, стр. 73-88, и письмо Пушкина къ Люценку въ т. VIII.

3. Вечера на хуторѣ (стр. 89).

О времени знакомства Пушкина съ Гоголемъ существуютъ разныя мнѣнія. Я. К. Гротъ (Пушк., 208) относилъ его къ іюню 1831 г.; позднѣйшими изслѣдованіями установлено, что оно произошло между 20 и 23 мая этого года. (В. И. Шенрокъ, Мат. для біогр. Гоголя, I, 345, и Рус. Стар., 1897, авг., 441-446; Ф. Витбергъ, тамъ же, іюнь, 611-616; В. П. Авенариусъ, тамъ же, февр., 327-332 и авг., 446-447; Письма Гоголя, I, 183, прим. 1). Первое изданіе „Вечеровъ“ (1-я кн.) вышло въ 1831 г., второе — въ 1839, хотя цензурное разрѣшеніе подписано было еще въ 1834 г., 10 ноября.*

4. Долина Ажигутай (стр. 90).

Разсказъ корнета л.-гв. Кавказскаго горскаго полу-эскадрона Султана Казы-Гирея подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ былъ въ 1-й книгѣ „Современника“ и вызвалъ требованіе гр. Бенкендорфа не помѣщать впредь ни одного произведенія чиновъ жандармскаго корпуса, л.-гв. Кавказскаго горскаго полу-эскадрона и Собств. Е. В. Конвоя безъ особаго разрѣшенія шефа жандармовъ или начальника штаба жандармскаго корпуса. (Брюсовъ, Письма Пушк., 89-90).

5. Россійская Академія (стр. 91).

Пушкинъ былъ предложенъ въ члены Россійской Академіи А. С. Шишковымъ и избранъ въ засѣданіи 3 дека-

бря 1832 г. единогласно. Отсутствовавшіе члены Академіи подали свои голоса также въ пользу Пушкина, а въ числѣ отсутствовавшихъ были и враги его — Уваровъ и Каченовскій. Только митрополитъ Серафимъ не далъ своего голоса ни за, ни противъ поэта, на томъ основаніи, что Пушкинъ ему неизвѣстенъ. (М. И. Сухомлиновъ, Ист. Росс. Ак., VII, 77 - 84). Кн. Вяземскій писалъ Жуковскому 29 янв. 1833: „Пушкинъ былъ на-дняхъ въ Академіи и рассказываетъ уморительныя вещи о безчинствѣ засѣданія. Катенинъ выбранъ въ члены и загорланилъ тамъ. Они помышляютъ о новомъ изданіи Словаря. Пушкинъ болѣе всего недоволенъ завтракомъ, состоящимъ изъ дурного винегрета для закуски и разныхъ водокъ. Онъ хочетъ первымъ предложеніемъ своимъ подать голосъ, чтобы наняли хорошаго повара и покупали хорошее вино французское...“ (Рус. Арх. 1900, I, 369).

6. Записки Дуровой (стр. 97).

О Надеждѣ Андреевнѣ Дуровой см. статьи Н. Н. Блинова въ Истор. Вѣстникѣ 1888, т. XXXI, стр. 414-420, и Е. С. Некрасовой, тамъ же, 1890, т. XLI, стр. 584 - 612. Дурова (1783 - 1866), въ 1808 вступила волонтеромъ, подъ именемъ Александра Андреевича Александрова, въ военную службу, и въ 1817 вышла въ отставку съ чиномъ штабъ-ротмистра и георгіевскимъ крестомъ. Пушкинъ очень интересовался ея воспоминаніями, изъ которыхъ отрывки напечатаны были въ „Современникѣ“ 1836, № 2, стр. 52-132, съ его предисловіемъ. Изъ письма Дуровой къ Ник. Род. Мамышеву отъ 23 сент. 1835 г. (Отчетъ Имп. Публ. Б-ки за 1889 г. стр. 195) видно, что Пушкинъ хотѣлъ купить ея записки; рукопись была послана ему Мамышевымъ въ Тригорское 10 окт. 1835 г. Въ 1836 г., 6 января, Д. писала Пушкину, спрашивая, „угодно ли ему взять“ эту рукопись. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 17 февраля, она сообщала, что получила свои тетрадки обратно и что лѣтомъ сама прїѣдетъ съ ними въ Петербургъ, а пока поручила своему брату переслать Пушкину Записки 1812 года, т. е. тотъ отрывокъ, который и былъ напечатанъ въ „Современникѣ“. Отдѣльное изданіе записокъ вышло осенью того же года ценз. разр. 22 сентября) подъ заглавіемъ: „Кавалеристъ-дѣвица. Происшествіе въ Россіи. Издалъ Иванъ Бутовскій“. Изданіе первой части Пушкинъ привѣтствовалъ замѣткой

въ отдѣлѣ „Новыя книги“ въ № 4 „Современника“ (см. ниже) и обѣщаль по выходѣ послѣдняго тома дать подробный разборъ книги. Хлопоты Пушкина объ изданіи записокъ извѣстны были и А. И. Тургеневу, но онъ относился къ къ этимъ запискамъ презрительно: „На Дуровой далеко не уѣдешь; журналу нужна свѣжесть“ (Ост. Арх. III, 328). Переписку Пушкина съ Дуровой см. въ т. VIII настоящаго изданія.

7. Мелкія замѣтки (стр. 98).

Александръ Ив. Тургеневъ (о немъ см. I, 520), жившій въ 1835 и 1836 гг. въ Парижѣ, часто посылалъ оттуда кн. Вяземскому и другимъ петербургскимъ друзьямъ своимъ письма, въ которыхъ сообщалъ разныя свѣдѣнія о свѣтской и литературной жизни „всемірной столицы“. Письма эти прочитывались у Жуковского, который „сзывалъ по субботамъ литераторскую братью въ свой олимпическій чертогъ“. Тутъ Крыловъ, Пушкинъ, Одоевскій, Плетневъ, бар. Розень; etc. etc. Всѣ въ одинъ голосъ закричали: „Жаль, что нѣтъ журнала, куда бы выливать весь этотъ кипятокъ“ и пр. Ост. Арх., III, 281). Въ январѣ 1836 г., сообщая Тургеневу о начинающемся изданіи „Современника“, Вяземскій прибавлялъ: „Прошу принять это не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію, и писать свои субботнія письма почище и получше... потому что мы намѣрены расходовать тебя на ъдоровье журналу и читателямъ. Пушкинъ надѣется на тебя“. Тургеневъ дѣйствительно написалъ для „Современника“ большую корреспонденцію; но прежде, чѣмъ она была получена въ Петербургѣ, Пушкинъ и Вяземскій составили для первой книжки „Хронику Русскаго“ изъ отрывковъ прежнихъ его писемъ. Тургеневъ былъ этимъ раздосадованъ и потребовалъ, чтобы въ слѣдующихъ книжкахъ ничего изъ его писемъ не печаталось. „И не стыдно тебѣ на старости лѣтъ дурачиться?“ писалъ ему Вяземскій (тамъ же, 321). „Ну, какой вредъ могло тебѣ сдѣлать въ Парижѣ напечатаніе отрывковъ изъ писемъ твоихъ?.. Я еще разъ, послѣ филиппики твоей, прочелъ „Хронику“ со вниманіемъ, и не нашелъ ни одного слова, которое, по совѣсти головы и сердца, слѣдовало бы выключить; не нашелъ ни одной строки, которую съ охотою не скрѣпилъ бы я своимъ именемъ. Пушкинъ, Сербиновичъ совершенно согласны со мною... Здѣсь эта Хро-

ника имѣла полный и весьма лестный успѣхъ... Во второй книжкѣ ужь былъ отпечатанъ большой отрывокъ, и ради горячки твоей должно было выключить его“.

Этимъ-то неудовольствіемъ Тургенева и вызвана замѣтка Пушкина, прочитавъ которую Т. смягчился и писалъ Вяземскому: „Если Пушкинъ можетъ взять на себя пересмотръ и исправленіе писемъ моихъ, то пусть печатаетъ что ему угодно, но предварительно пусть доставитъ и письма, и выборку изъ нихъ для печати, на мое разсмотрѣніе“. Новая „Хроника“ явилась, однако, только въ IV-мъ томѣ „Современника“.

Вторая замѣтка относится къ письму А. Б., о которомъ см. ниже.

Упомянутая въ третьей замѣткѣ статья Косичкина въ „Современникѣ“ не появлялась и, кажется, вовсе не была написана: вѣроятно, Пушкинъ думалъ отвѣчать на ругательную рецензію Сѣв. Пчелы о I-й кн. своего журнала, но потомъ рѣшилъ вовсе не говорить о Булгаринѣ и К^о.

8. Мнѣніе Лобанова (стр. 100).

Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ (8 ноября 1787 — 5 июня 1846) — посредственнѣйшій одописецъ, драматургъ и плохой переводчикъ Расина, пользовавшійся, однако, извѣстностью и даже попавшій въ члены Росс. Академіи, а незадолго передъ смертью — и въ ординарные академики Имп. Ак. Наукъ, учился въ спб. іезуитскомъ пансіонѣ и педагогич. институтѣ, потомъ преподавалъ рус. словесность въ домѣ гр. Строгоновыхъ. Въ 1810 г. поступилъ на службу по духовному вѣдомству, съ 1813 по 1841 г. служилъ въ Имп. Публ. Б-кѣ. Былъ друженъ съ Гиѣдичемъ, Оленинымъ, отчасти — съ Батюшковымъ и привыкъ къ хорошему отношенію критиковъ изъ друзей (Гиѣдичъ, Сомовъ, Воейковъ); не удивительно, говоритъ С. А. Венгеровъ (Соч. Бѣл., II, 538), что отзывъ Бѣлинскаго объ его трагедіи „Борисъ Годуновъ“ (1835) страшно взбѣсилъ самолюбиваго драматурга, который настолько не сознавалъ своего ничтожества, что рѣшился даже конкуррировать съ пушкинскимъ „Борисомъ“. Въ своей рѣчи, напечатанной позднѣе въ „Трудахъ“ Росс. Ак. 1840, ч. III, онъ изступленно накинулся на „нелѣпныя, гнусныя и чудовищныя явленія“ въ современной журналистикѣ.. Весь этотъ грозный окрикъ относился исключительно къ Бѣлинскому, потому что

остальная журналистика состояла изъ болѣе чѣмъ благонамѣренной „Библ. для Чтенія“, вѣчно нападавшей на франц. литературу, въ которой Л. видѣлъ главный источникъ зла; „Сына Отечества“, „Сѣв. Пчелы“ и „Моск. Наблюдателя“ Шевырева и Погодина. „Телеграфа“ уже не было, а бывшій его редакторъ уже заключилъ тогда союзъ съ Булгаринымъ и Гречемъ. Дикая выходка академика встрѣтила достойный отпоръ со стороны Пушкина. См. статью А. О. Круглаго: „Л. и его отношенія къ Гнѣдичу и Загоскину“ въ Истор. Вѣстн. 1880, № 8, гдѣ напечатана и рѣчь о духѣ словесности. По поводу статьи Пушкина А. И. Тургеневъ писалъ (18 окт.) кн. Вяземскому: „Отъ Лобанова я ничего иного и не ожидалъ... Спасибо за скромный отвѣтъ, но сила въ самомъ воздержаніи“ (Ост. Арх. III, 334).

Черновая рукопись статьи Пушкина находится въ Моск. Муз., № 2386 В. Здѣсь, послѣ словъ: „надлежало остановиться“ (стр. 102) добавлено:

¹ Есть высоты, съ которыхъ не должны падать сатирическія укоризны, есть званія, которыя налагаютъ на насъ обязанности умѣренности и благоприличія, независимо отъ надзора цензуры, *sponde sua, sine lege*.

9. Вольтеръ (стр. 110).

Черновая — въ Муз. № 2386 В.

11. Стихотворенія Теплякова (стр. 155).

Черновая — въ Муз. № 2386 В. Здѣсь послѣ словъ: „дать ему вторичную жизнь“ (стр. 156) зачеркнуто:

⁴ Такъ Брюловъ, усыпляя нарочно свою творческую силу, съ пламеннымъ и благороднымъ подобострастіемъ списывалъ Аѳинскую школу Рафаэля. А между тѣмъ, въ головѣ его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народъ бѣжалъ по тѣсной улицѣ, чудно освѣщенной волканомъ... (Ср. набросокъ: „Везувій зѣвъ открылъ...“, II, 562).

Авторъ „Ѳракійскихъ Элегій“ Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ (род. 15 авг. 1804, ум. 2 окт. 1842) познакомился и сошелся съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ. Пушкинъ полюбилъ молодого человѣка, бывшаго постояннымъ его собесѣдникомъ и спутникомъ въ загородныхъ прогулкахъ, и въ шутку называлъ его Мельмотомъ-скитальцемъ, такъ какъ Т., дѣйствительно, мало жилъ на одномъ мѣстѣ. Свѣдѣнія о немъ и рассказы его о Пушкинѣ см. въ Біографіи-

ческихъ замѣткахъ А. Грена, „Общезанимательн. Вѣстникъ“ 1861, № 14, и въ ст. Э. А. Бычкова въ Историч. Вѣстн. 1887, т. XXIX, стр. 1-23.

12. Объ обязанностяхъ человѣка (стр. 162).

Сильвіо Пеллико (1789-1864) — итальянскій поэтъ и публицистъ, котораго австрійское правительство десять лѣтъ продержало въ заключеніи — сначала въ Миланѣ, потомъ въ венеціанской „свинчаткѣ“ и, наконецъ, въ одной изъ тирольскихъ крѣпостей. Его сочиненія: „Мои темницы“ и „Объ обязанностяхъ человѣка“ оба вышли на рус. яз. въ 1836 г. въ переводѣ: первое — Евграфа Серчевскаго, а второе — С. Н. Дирина.

14. Новый романъ (стр. 169).

Романъ В. С. Миклашевичевой: „Село Михайловское“ (не имѣющей никакого отношенія къ пушкинскому Михайловскому) изданъ только въ 1864 г., въ 4-хъ частяхъ. Рукопись I-й части взята была Пушкинымъ у автора для приисканія эпиграфовъ къ ея главамъ.

15. О повѣсти „Носъ“ (стр. 169).

Повѣсть Гоголя напечатана въ III кв. „Современника“ съ этой замѣткой Пушкина. Проф. Шляпкинъ („Изъ неизд. бум.“, 262) приводитъ эпиграмму на Пушкина, по поводу напечатанія „Носа“, написанную неизвѣстнымъ читателемъ на книжкѣ „Современника“:

У Гоголя валялся „Носъ“;
Отъ публики его онъ пряталъ;
Но вотъ вопросъ:
Кто поднялъ носъ
И вздоръ, какъ дѣло, напечаталъ?

16. О статьѣ Гоголя (стр. 169).

Эта замѣтка напечатана въ видѣ выноски къ письму изъ Твери за подписью А. Б., въ которомъ высказано было неудовольствіе по поводу помѣщенной въ I-мъ томѣ анонимной статьи Гоголя: „О движеніи журнальной литературы“. Въ письмѣ замѣчено было, что эта статья „не соотвѣтствуетъ тому, что ожидали мы отъ направленія, которое дано будетъ вашей критикѣ... Неужто цѣль „Современника“ — слѣдовать по пятамъ за „Библіотекою“, нападая на нее врасплохъ и вооруженною рукою отбивая отъ нея подписчиковъ? Надѣюсь, что опасенія сіи лживы, и что

„Современникъ“ избереть для себя кругъ дѣйствій болѣе обширный и благородный“.

Авторомъ этого письма былъ тверской помѣщикъ Безсоновъ, котораго Анненковъ (Мат., 416) неизвѣстно почему назвалъ „извѣстнымъ библиографомъ“, а г. Ефремовъ повторилъ этотъ титулъ. Безсоновъ, кромѣ указаннаго письма, ничего не печаталъ и въ литературѣ совершенно не извѣстенъ.

20. Ключъ къ Исторіи Г. Р. (стр. 173).

Исторія этого труда изложена въ книгѣ Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды Павла Михайловича Строева“, Спб. 1878, стр. 95 - 97.

21. Къ Запискѣ о древней и новой Россіи (стр. 173).

Пушкинъ напечаталъ въ 5-й кн. „Современника“, съ этой замѣткой, небольшой отрывокъ изъ Записки Карамзина. Въ болѣе полномъ видѣ эта записка появилась только въ 1870 г., въ № 12 „Русскаго Архива“.

II. Статья и замѣтки критическія и историко-литературныя (стр. 243 - 404).

1. Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ (стр. 245)

Напечатано, не совсѣмъ исправно, въ „Книжкахъ Недѣли“ 1895, декабрь, стр. 6 - 12. Нами печатается по подлиннику, находящемуся въ Имп. Публ. Б-кѣ. Рукопись занимаетъ 10½ страницъ листового формата; написана очень четко, безъ помарокъ. На послѣдней страницѣ — замѣтка Н. И. Гнѣдича: „Пьеса, вообще сумасбродная писанная А. Пушкинымъ, когда онъ приволакивался, но бесполезно, за Семеновой, которая мнѣ тогда же отдала ее“.

¹ О Лужницкомъ пустынникѣ или „старцѣ“ см. I, 599 - 600.

² О балладѣ Катенина „Ольга“ см. выше, стр. 608.

³ О Ек. Сем. Семеновой см. IV, 295.

⁴ Маргарита-Жозефина Веммеръ, по сценѣ Mlle George (1786 - 1867), пріѣхала въ Россію въ 1808 г. вмѣстѣ съ танцовщикомъ Дюпоромъ, выступила въ Федрѣ; въ 1809 и 1812 гг. была въ Москвѣ. Воспоминанія о ней Глушковскаго въ Литер. Библиотекѣ 1867, № 3.

⁵ Объ Александрѣ Михайловнѣ Колосовой см. I

544 - 545, 596. Можетъ быть, къ ней относится набросокъ, сохранившійся въ рук. Муз. № 2364, л. 48:

Самъ Фебъ тебя готовилъ
 [Амуръ тебя обрекъ]
 На славу нашей сцены...
 На пышныхъ играхъ Мельпомены,
 У тихихъ алтарей любви,
 Явилась ты предъ нами въ первый разъ...

Колосова старшая (или, по тогдашнему „большая“), мать А. М., — Евгения Ивановна, рожд. Неѣлова, извѣстная танцовщица (1780 - 1869).

⁶ Яковлевъ, Алексѣй Семеновичъ, род. 1773, дебютировалъ 1 июня 1794, въ послѣдній разъ выступилъ на сценѣ 4 окт. 1817, умеръ 3 ноября того же года. На его могилѣ, на Волковомъ кладбищѣ, — эпитафія Б. Ѳедорова: „Завистниковъ имѣлъ, соперниковъ не зналъ“. Сочиненія его изданы Смирдинымъ. Біографія составлена Д. Д. Коровяковымъ, въ „Ежегодникъ Имп Театровъ“ 1893-94 гг., прил., кн. I, 1 - 51.

⁷ Къ этимъ словамъ въ рукописи къ-то сдѣлана выноска: „Яковлевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ столь высокъ, столь неподражаемъ, что едва ли Тальма могъ имѣть такія минуты. Л.“

⁸ Брянскій (Григорьевъ), Яковъ Григорьевичъ (1760 - 1853), поступилъ на сцену 11 сентября 1811 г. О немъ см. „Репертуаръ и Пантеонъ“ 1853, № 6, и воспоминанія его дочери, Авд. Як. Головачевой-Панаевой: „Русскіе писатели и артисты“, Спб. 1890, стр. 1 - 30.

II. О народномъ воспитаніи (стр. 252).

Эта записка составлена Пушкинымъ по приказанію государя, переданному въ письмѣ А. Х. Бенкендорфа отъ 30 сентября 1826 года: „Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности его имп. в-ству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ; вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія. И предметъ сей долженъ представить вамъ

тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что вы на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія“. На это письмо Пушкинъ не отвѣчалъ; черезъ нѣсколько времени Бенкендорфъ снова обратился къ нему съ напоминаніемъ. Вскорѣ послѣ этого второго письма Пушкинъ представилъ свою записку.

На первой страницѣ рукописи, представленной государю Бенкендорфомъ, рукою послѣдняго, карандашемъ, написано: „Lui faire une réponse, le remercier pour ce papier, en lui observant cependant, que le principe qu'il avance, que l'instruction et le génie est tout, est un principe faux pour tous les gouvernements et notamment celui qui a manqué de le précipiter dans l'abîme et qui y a jeté tant de jeunes gens; que la morale, les services, le zèle doivent l'emporter sur l'instruction...“ То же изложено и въ письмѣ Бенкендорфа къ Пушкину отъ 23 декабря 1826 года:

„Государь императоръ съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденія ваши о народномъ воспитаніи и поручилъ мнѣ изъяснить вамъ высочайшую признательность.

„Его величество при семъ замѣтитъ изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе предпочеть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ“.

Исторія этой записки подробно, по документамъ, изложена въ статьѣ М. И. Сухомлинова: „Императоръ Николай Павловичъ — критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина“, въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1884, т. XV, январь, стр. 78 - 87, и въ книгѣ: „Ислѣд. и статьи по рус. лит.“ (Спб. 1889), II, 235 - 246. Тамъ же напечатана и вся записка, по рукописи, представленной государю и испещренной его вопросительными знаками.

Черновая, вся исчерканная, писанная карандашемъ и чернилами, находится въ рук. Муз. № 2368, л. 49 - 44, и представляетъ слѣдующія главныя отличія:

¹ Эта фраза читается такъ: „Должно надѣяться, братья, товарищи, друзья погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ, простятъ въ душѣ необходимость и [съ надеждою на великодушіе, на милость монарха, коего власть не ограничена никакими законами...]“

² Это мѣсто изложено совсѣмъ иначе: „Нужно ввести совершенно новую систему ученія: языки латинскій, французскій и нѣмецкій должны преимущественно занимать первые годы; науки математическія, исторія (краткій рассказъ происшествій), географія (не статистика), логика и Законъ Божій — слѣдующіе три года, послѣдніе...“

³ . . . республиканскихъ разсужденій Тацита, великаго сатирическаго писателя, впрочемъ — опаснаго декламатора, исполненнаго латинскихъ предразсудковъ, не позорить...

Въ сентябрѣ 1827 г., разговаривая съ Вульфомъ объ этой своей запискѣ, Пушкинъ сказалъ: „Я былъ въ затрудненіи, когда Николай спросилъ мое мнѣніе о семъ предметѣ. Мнѣ бы легко было написать то, чего хотѣли; но не надобно же пропускать такого случая, чтобъ сдѣлать добро. Однако, я между прочимъ сказалъ, что должно подавить частное воспитаніе. Не смотря на то, мнѣ вымыли голову“ (Майковъ, Пушк., 177 - 178).

III. О Байронѣ (стр. 259).

Эта замѣтка, часть которой была напечатана Анненковымъ (Мат., 253), находится въ рук. Муз. № 2367. Она вызвана появленіемъ драмы Валеріана Николаевича Олина: „Корсеръ, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, съ хоромъ, романсами и двумя пѣснями: турецкою и аравійскою, заимствованная изъ англійской поэмы лорда Байрона, подъ названіемъ: The Corsair“. Спб. 1827. (О самомъ Олинѣ см. Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, IV, 513 - 519).

IV. Литературное общество (стр. 261).

Замѣтка, въ подлинникѣ не имѣющая заглавія и не оконченная, находится въ рук. Муз. № 2382, л. 18 - 19, и напечатана впервые въ Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 348 - 349, а затѣмъ, въ исправленномъ видѣ, въ изд. Лит. Фонда, V, 69 - 70.

Здѣсь высмѣивается редакторъ „Вѣстника Европы“ М. Т. Каченовскій и его сотрудники, особенно — Н. И. Надеждинъ, подписывавшій свои статьи псевдонимомъ:

„Эксъ-студентъ Никодимъ Надоумко. Съ Патріаршихъ прудовъ.“ Каченовскій, по происхожденію, былъ нѣжинскій грекъ, и первоначально носилъ фамилію Качіони; въ тогдашнихъ журналахъ его, почему - то, дразнили прозвищемъ: „Трандафель“, которое у Пушкина передѣлано въ „Трандофырь“. Такъ, напр., въ „Моск. Телегр.“ 1829, ч. 28, стр. 255 - 258, напечатана шуточная замѣтка о помѣщенномъ въ „Рус. Зритель“ переводѣ гимна Орфеева и стиховъ Пивагора, гдѣ говорится, что подъ этими стихами стоитъ подпись: „Н. Надеждинъ“, — имя, по всей вѣроятности, вымышленное, такъ какъ эти вирши подобны стихамъ Тредьяковскаго. Замѣтка подписана: „Трофимъ Трандафель“. Тамъ же, стр. 523, сообщается извѣстіе, что „г. Трандафель рѣшительно хочетъ приняться за историческую критику“. — Въ „Сынъ Отеч.“ 1829, № 19, стр. 320 читаемъ: „Нѣкто г. Трандафель прислалъ въ редакцію письмо на имя г. Каченовскаго, въ которомъ доказываетъ, что легче торговать порохомъ, нежели его выдумать. Эпиграфъ письма: Sapienti sat“. — Въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1830, № 140: „Если бы покойный нѣжинскій грекъ Трандафель, написавшій ученую диссертацию о торговлѣ порохомъ и выдавшій за свои сочиненія выписки изъ польскихъ писателей — Линде, Бандтке и др. — взялся за изданіе Вѣстника Европы“, и т. д. „Безсмертный романъ“, переведенный Каченовскимъ, — „Тереза и Фальдони“. См. стр. 583, 584, 586.

V. Отрывки изъ разговоровъ (стр. 263).

Первый изъ этихъ отрывковъ находится въ рук. Муз. № 2382, л. 94 об. - 94, а второй — въ № 2373, л. 13 - 14 об., гдѣ онъ отмѣченъ въ началѣ и въ концѣ звѣздочками, т. е. предназначался къ вставкѣ въ разговоръ, намъ неизвѣстный. Отрывки напечатаны въ Рус. Стар. 1884 г. 44, стр. 361 - 362 и т. 43, стр. 322, и въ изд. Лит. Фонда, V, 108. Они находятся въ тѣсной связи съ „Критическими замѣтками“ Пушкина и съ его сужденіями о критикѣ и полемикѣ, разбросанными въ разныхъ произведеніяхъ (ср., напр., V, 548, гдѣ повторено и выраженіе о „прихожей“, только въ еще болѣе энергической формѣ). Въ Литер. Газетѣ 1830, № 18 (27 марта) напечатана статья: „Нѣсколько словъ о полемикѣ“, гдѣ, между прочимъ, говорится: „У насъ многіе изъ авторовъ худо пони-

мають смыслъ иностранныхъ словъ: критика и полемика, по мнѣнію иныхъ, одно и то же. Критика — сужденіе, или изслѣдованіе, или разборъ творенія; полемика — письменный споръ ученый, литературный, теологическій. Можно критиковать передъ судомъ публики книгу, какое ни имѣй понятіе о сочинителѣ ея; но не всегда захочешь вступить въ полемику съ сочинителемъ, т. е. въ споръ, въ преніе, потому что споръ есть разговоръ, а съ инымъ писателемъ разговаривать не можно, т. е. не должно. Впрочемъ, и полемика полемикѣ, и споръ спору рознь. Между равно благовоспитанными людьми полемика не есть одно и то же, что споръ въ сѣняхъ между лакеями или на улицѣ между черни... По этому соображенію образованный человекъ, застѣнчивый въ отношеніи къ чести своей, не войдетъ въ бой неравный, словесный или письменный, съ противниками, которые не научились въ школѣ общежитія цѣнѣ выразеній и приличіямъ вѣжливости... Англійскіе нравы, можетъ быть, хороши въ Англии, но не въ литературѣ: тамъ знатный лордъ долженъ по первому вызову площаднаго витязя засучить рукава и дѣйствовать кулаками. Есть и въ литературѣ аристократія: аристократія талантовъ; есть и въ литературѣ площадные витязи; но, по счастью, нѣтъ здѣсь народнаго обычая, повелѣвающаго литературному джентльмену отвѣчать на вызовы Джонъ - Буля...“ Быть можетъ, говоря о необходимости отвѣчать на полемическія нападенія, Пушкинъ имѣлъ въ виду именно эту статью, выражавшую мнѣніе одного изъ его друзей.

¹ Ср. V, 548.

VI. Критическія замѣтки (стр. 265).

Эти замѣтки, находящіяся въ рук. Муз. № 2387 А, писаны Пушкинымъ, повидимому, съ цѣлью впоследствии обработать ихъ для печати; но онъ воспользовался лишь кое-чѣмъ немногимъ изъ нихъ для своихъ печатныхъ полемическихъ статей. Остальное увидѣло свѣтъ только много лѣтъ спустя послѣ его смерти, отчасти — въ изд. Анненкова, отчасти — въ описаніи пушкинскихъ рукописей г. Якушкина (Рус. Стар. 1884) и въ изд. Лит. Фонда. Замѣтки эти раздѣляются на двѣ части: въ одной Пушкинъ говоритъ о современной критикѣ и полемикѣ вообще, а въ другой — о критикѣ различныхъ его произведеній. Эту вторую часть мы выдѣлили и помѣстили во введеніяхъ къ

тѣмъ сочиненіямъ, о которыхъ въ ней говорится, а здѣсь дѣлаемъ только соотвѣтственныя ссылки на предыдущіе томы нашего изданія.

Въ рук. Муз. № 2382, л. 31 - 32 сходныя мысли выражены въ формѣ письма, которое Пушкинъ, можетъ быть, предполагалъ напечатать въ „Литер. Газетѣ“:

„Отдавая полную справедливость благонамѣренности и безпристрастію вашей газеты, признаюсь, не могъ я согласиться съ мнѣніями, которыя обнаруживаетъ она касательно критики и полемики.

„Во-первыхъ, что значать вѣчные толки о вѣжливости? Если бы критики нашихъ журналовъ погрѣшали единой своей грубостію, то бѣда была бы еще небольшая...

„[Вы поминутно говорите о приличіи журнала], но позвольте дать замѣтить, что и газета, стараясь быть равно учтива и важна въ отношеніи ко всѣмъ книгамъ, ея разбираемымъ, безъ сомнѣнія, погрѣшала бы противу правилъ приличія [какъ и прочіе наши журналы]. Вы въ обществѣ локтемъ задѣли вашего сосѣда, вы извиняетесь; очень хорошо; но, гуляя въ толпѣ подъ качелями, толкнули лавочника, — вы не скажете ему: „Mille pardons!“ — Вы зовете извозчика и говорите ему: „Пошелъ въ Коломну“, а не — „Сдѣлайте одолженіе, потрудитесь свезти въ Коломну“. Разница — критиковать Исторію Государства Россійскаго и, напримѣръ, * * *.

„У насъ вошло въ обыкновеніе между писателями, заслужившими довѣренность и уваженіе публики, не возражать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ подастъ голосъ, — и то не за себя. Обыкновеніе вредное для литературы. Такія антикритики имѣли бы двойную пользу: исправленіе ошибочныхъ мнѣній и распространеніе здравыхъ понятій касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается въ личностяхъ и брани, что публика etc...

„Возразятъ, что иногда нападающее лицо само по себѣ такъ презрительно, что честному человѣку никакъ нельзя войти въ сношеніе съ нимъ, не марая себя. Въ такомъ случаѣ объяснитесь, извинитесь передъ публикою. Видокъ васъ обругалъ, — изъяснитесь, почему вы никоимъ образомъ отвѣчать ему не намѣрены. Въ этомъ отношеніи мнѣ нравится одна изъ статей вашего журнала, какъ доброе дѣло.

„Вы совѣтуете...“

² См. Анненкова Мат. 243 и Сумцова, Изслѣд., 256 - 257. По словамъ Анненкова, эта эпиграмма напоминаетъ „извѣстную“ шутку Пелиссона: „Les trois sourds“. Проф. Сумцову и намъ не удалось ея отыскать.

³ Въ рук. Муз. № 2382, л. 95 об., эта замѣтка имѣетъ еще иную редакцію:

„Возвратясь изъ путешествія, узналъ я, что г. Бестужевъ, пользуясь моимъ отсутствіемъ, напечаталъ нѣсколько моихъ стихотвореній въ своемъ альманахѣ. Неуваженіе къ литературной собственности сдѣлалось такъ у насъ обыкновеннымъ, что поступокъ г. Бестужева нимало не показался мнѣ страннымъ. Такъ, напримѣръ, г. Федоровъ напечаталъ однажды идилическую нелѣпость, сочиненную однажды г. Панаевымъ. Но когда альманахъ нечаянно попался мнѣ въ руки и когда въ предисловіи прочелъ я нѣжное изъясненіе благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему (г. Бестужеву) 13 піесъ, изъ коихъ 5 и удостоились печати, — то, признаюсь, удивленіе мое было чрезвычайно.“

Въ числѣ піесъ, доставленныхъ г-номъ Ап., нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣстны. Г-нъ Ап. собралъ давно мною написанное и замѣнилъ своими стихами тѣ, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако въ мои лѣта и въ моемъ положеніи неприятно отвѣчать за чужія произведенія; то честь имѣю объявить г-ну Ап., что при первомъ такомъ же случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ“.

Въ альманахѣ М. А. Бестужева - Рюмина „Сѣверная Звѣзда“ (1829) напечатано съ подписью Ап. семь стихотвореній: 1) Къ NN (Любви, надежды, тихой славы — посланіе къ Чаадаеву); 2) Элегія (О ты, которая издѣтства — отрывокъ изъ стихотворенія кн. Вяземскаго „Негодованіе“); 3) Къ пріятелю, сравнивавшему глаза одной дѣвицы съ южными звѣздами (Она мила, скажу межъ нами); 4) Будущая эпитафія (Здѣсь П-нъ погребень); 5) Къ ***, отсовѣтовавшему мнѣ вступить въ военную службу (О ты, который сочеталъ, — посланіе къ А. Ѳ. Орлову); 6) К...ну (Забудь, любезный мой К — нъ, — Къ Кавсрину) и 7) Къ Ю...у (Любимецъ вѣтренихъ Лаисъ, - Къ Юрьеву). Въ предисловіи

сказано: „Издатель, благодаря г. Ап., доставившаго къ нему тринадцать пьесъ, изъ коихъ нѣсколько помѣщено въ сей книжкѣ, должнымъ находить просить гг. неизвѣстныхъ объ объявленіи впредь именъ своихъ издателю, ибо если они желаютъ скрыть ихъ отъ публики, то въ семъ отношеніи совершенно могутъ быть увѣрены въ скромности издателя; а сему послѣднему необходимо должны быть извѣстны имена особъ, доставляющихъ къ нему для напечатанія свои пьесы“. См. ниже, „Альманашикъ“.

Въ альманахѣ Б. М. Федорова „Памятникъ отечественныхъ музъ“ 1827 г. напечатано шесть стихотвореній Пушкина: 1) Романсъ „Подъ вечеръ осенью ненастной“, 2) Желаніе („Медлительно влекутся дни мои“), 3) Заздравный кубокъ, 4) отрывки изъ стихотворенія „Фавнъ и Пастушка, 5) Къ живописцу и 6) Сонъ (отрывокъ изъ новгородской повѣсти Вадимъ); Пушкинъ говоритъ, конечно, о Романсѣ, къ которому издателемъ альманаха сдѣлано было примѣчаніе: „Помѣщенные здѣсь стихи А. С. Пушкина были изъ первыхъ опытовъ его очаровательной музы“. Въ предисловіи же къ альманаху объ этихъ стихотвореніяхъ вообще было сказано: „Уважающимъ скромность, украшающую блистательный гений, пріятно будетъ узнать, что А. С. Пушкинъ, позволивъ издателю помѣстить въ семъ альманахѣ нѣкоторыя изъ первыхъ произведеній своей музы, не довѣряя достоинству ихъ, желалъ, чтобъ издатель означилъ время сочиненія ихъ. Но въ сихъ произведеніяхъ юнаго поэта виденъ зрѣлый даръ гения, — и тѣмъ они драгоценнѣе для Памятника отечественныхъ музъ“.

По поводу стихотвореній, напечатанныхъ въ этомъ альманахѣ, находимъ слѣдующую замѣтку Ор. Сомова въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ 1829, стр. 35-36: „Между ними есть такія, которыя написаны были въ молодости поэтами, впоследствии прекрасно загладившими сіи грѣхи литературные; есть и такія, которыя, можетъ быть, съ умысломъ были утаены ихъ сочинителями отъ литературныхъ соглядатаевъ. Такъ въ „Памятникѣ музъ“ напечатаны отрывки изъ стихотворенія Пушкина Фавнъ и Пастушка, стихотворенія, отъ котораго поэтъ нашъ самъ отказывается, и поручилъ намъ засвидѣтельствовать сіе предъ публикой. Не великодушно выводить наружу обмолвки покойниковъ, ко-

торыхъ всегда должно поминать добрымъ словомъ; но выпускать въ свѣтъ раннія, недозрѣлыя попытки живыхъ писателей, противъ ихъ желанія — непростительно.“

⁴ Эпиграмма Баратынскаго въ Лит. Газ. 1830, № 33. — См. II, 476.

⁵ „Собраніе насѣкомыхъ“, см. II, 91 и 453 - 454.

⁶ Булгаринъ, въ № 94 Сѣв. Пчелы 1830 (7 авг.) говорилъ о „поэтахъ и прозаикахъ, которыхъ издатель „Моск. Телеграфа“ въ шутку назвалъ знаменитыми и литературными аристократами: „Не могу удержаться отъ смѣха, когда подумаю, что они приняли это за правду и въ отвѣтъ на это заговорили въ своемъ листкѣ о дворянствѣ! Жаль, что Мольеръ не живетъ въ наше время. Какая неогнѣнная черта для его комедіи: „Мѣщанинъ во дворянствѣ!“ Добрые люди, мнѣ, право, жаль ихъ. Какой вздоръ они вскидываютъ сами на себя. Говорятъ, что лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ, и всѣ они заговорили о шестисотлѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобъ это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого есть они); однако жъ это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ...“ Далѣе слѣдовалъ „анекдотъ“ о „поэтѣ въ испанской Америкѣ“, котораго предокъ „былъ купленъ за бутылку рома“. Пушкинъ отвѣтилъ на эту выходку стихотвореніемъ: „Моя Родословная“ (II, 141), а въ статьѣ „Лит. Газ.“ № 45 — „О выходкахъ противъ литературной аристократіи“ (см. выше, стр. 63, 599 - 600) напомнилъ о нападкахъ на купеческое званіе Полевого. Булгаринъ больше другихъ потѣшался надъ „лавочникомъ“ Полевымъ, а узнавъ, что у того былъ водочный заводъ, сталъ дразнить его „гаромъ“ и „полугаромъ“; Воейковъ называлъ Полевого „цѣловальникомъ“, и т. д.

⁷ Ср. „Отрывки изъ романа въ письмахъ“, V, 189 - 190.

⁸ Такъ отвѣчалъ Булгаринъ на вызовъ Дельвига.

⁹ См. статью о Видокѣ, выше, стр. 59.

¹⁰ Дѣло идетъ о „Борисѣ Бодуновѣ“ и булгаринскомъ „Самозванцѣ“, см. выше, стр. 593, 597.

Далѣе слѣдуютъ замѣтки: о „Русланѣ и Людмилѣ“ (III, 8 - 9), „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ (III, 115), „Бахчиса-

райскомъ Фонтанѣ“ (III, 178 - 179), „Братьяхъ - разбойникахъ“ (III, 151), „Цыганахъ“ (III, 214), „Графѣ Нулинѣ“ (III, 262 - 267), „Евг. Онегинѣ“ (IV, 19 - 25) и „Полтавѣ“ (III, 391, 394 - 397). Последняя изъ этихъ замѣтокъ напечатана была въ „Денницѣ“ Максимовича, 1830 г., съ примѣчаніемъ: „Рукопись, изъ которой взяты сей отрывокъ, содержитъ весьма любопытныя замѣчанія и объясненія Пушкина о поэмахъ, его и о нѣкоторыхъ критикахъ. Изъ оной видно, что поэтъ не опровергалъ критикъ потому только, что не хотѣлъ“.

¹¹ Не въ „Сѣв. Пчелѣ“, а въ „Сынѣ Отеч.“ 1830, № 16, стр. 243.

¹² „Разговоръ“ служить дополненіемъ къ замѣткѣ: „О выходкахъ противъ литературной аристократіи“ — и, какъ видно изъ его заключенія, предназначался для напечатанія въ „Лит. Газетѣ“. Онъ находится въ рук. Муз. № 2387 Б и напечатанъ въ Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 557 - 561.

¹³ Въ Сѣв. Пчелѣ 1830, № 110, въ статьѣ объ Исторіи Полевого, было сказано: „Льщу себя надеждою, что я заслужилъ довѣренность публики и что она повѣритъ словамъ моимъ болѣе, нежели тѣмъ отвратительнымъ нападкамъ, которыя превращаютъ литературное поприще въ какое-то торжище и унижаютъ званіе литератора. Читая въ журналахъ грубую брань, клеветы, сплетни, гнусныя выходки зависти рядомъ съ преувеличенными похвалами безсмертному историографу, поневолѣ приходишь къ заключенію, которое... не идетъ въ печать! *Ѡ. В.*“ На эти точки, повидимому, и намекаетъ Пушкинъ. Другой журналъ — „Моск. Телеграфъ“ 1830, № 17, гдѣ въ приложеніи помѣщена статья „Вольный мученикъ“ посвященная характеристикѣ „знатнолюбія“ и сказано: „Будь потомокъ хоть Еруслана Лазаревича, будь всѣ твои отцы генералы, а всѣ матушки — княгини фонъ и де и фанъ, — сынъ крестьянина украшается передъ тобою звѣздами и лентами, предводитъ полки, засѣдаетъ въ Государственномъ Совѣтѣ, правитъ областями, а ты, потомокъ Еруслана, отъ корня добраго гнилой сучекъ, негодный, знай, что мѣстничества въ Россіи нѣтъ и не будетъ, сиди въ своей конурѣ, дуйся, какъ лягушка Эзопова, и хлопай длинными ослиными ушами...“

¹⁴ Сначала было: „Баронъ Дельвицъ по своему титулу

кажется дворянинъ, князь Вяземскій — также; если Пушкинъ происходитъ отъ тѣхъ Пушкиныхъ, коихъ имя встрѣчается на каждой страницѣ русской исторіи, то и онъ — старинный дворянинъ; но мнѣ до этого и дѣла нѣтъ.“

VII. Альманашникъ (стр. 287).

Въ рук. Муз. № 2382, лл. 35 - 39, не имѣеть заглавія. Оно дано П. В. Анненковымъ, впервые напечатавшимъ эту шутку въ VII томѣ своего изданія Пушкина. Поправки и дополненія даны въ Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 353 - 355.

Ближайшимъ поводомъ къ этой пьескѣ послужилъ альманахъ М. А. Бестужева - Рюмина *) „Сѣверная Звѣзда“, въ которомъ было напечатано нѣсколько пушкинскихъ стихотвореній безъ позволенія автора (см. выше, стр. 630). Тогдашняя мода на альманахи характеризуется въ „Моск. Телеграфъ“ 1830, № 2, стр. 235, слѣдующимъ образомъ:

„... И вотъ, предположенъ бываетъ альманахъ; затѣйливое имя ему выбрано; но все еще остается хлопотъ бездна: споръ, шумъ, сборы, справки въ типографіяхъ, у граверовъ. Главное дѣло — достать стиховъ Пушкина, Баратынскаго, Дельвига, князя Вяземскаго, Ѳ. Н. Глинки. Отправляютъ письма, просятъ знакомыхъ, умоляютъ дамъ, — и иногда удается, что Пушкинъ со смѣхомъ или съ досадою бросить что-нибудь на голые зубы альманашнику; тоже — князь Вяземскій; Баратынскій — менѣе; Дельвигъ — почти никогда; Ѳ. Н. Глинка — всегда...“

VIII. Дѣтскія сказочки (стр. 293).

Въ рук. Муз. № 2382, л. 65 об., эти сказочки озаглавлены еще: „Дѣтская книжка“. Онѣ напечатаны въ VII т. изд. Анненкова и, быть можетъ, предназначались для „Лит. Газеты“. Первая изъ нихъ относится къ издателю „Отеч. Записокъ“ Павлу Петровичу Свиньину, на котораго А. Е. Измайловъ написалъ извѣстную басню: „Лгунъ“ („Павлушка - мѣдный - лобъ — приличное прозванье! — имѣлъ ко лжи большое дарованье...“); вторая — къ Н. И. Надеждину; третья — къ Н. А. Полевому.

IX. О драмѣ (стр. 295).

Рук. Муз. № 2387 Б. Этотъ разборъ трагедіи М. П.

*) М. А. Бестужевъ-Рюминъ издалъ еще альманахи: „Майскій Листокъ“ (1824), „Сиріусъ“ (1826), „Гирланда“ (1831), а въ 1831 - 32 гг. издавалъ газету „Сѣверный Меркурій“.

Погодина: „Марѳа - Посадница или славянскія жены“, напечатанной только въ 1832 году, написанъ Пушкинымъ въ Болдинѣ, въ концѣ 1830 г., и тогда же былъ сообщенъ имъ автору трагедіи (см. въ VIII томѣ относящіяся сюда письма П. къ Погодину). Съ трагедіей Пушкинъ познакомился еще весною 1830 г. Въ письмѣ къ Шевыреву отъ 5 мая (Рус. Арх. 1882, III, 148) Погодинъ сообщаетъ: „Пушкинъ случайно допытался до моей тайны и заставилъ меня прочесть; былъ въ восторгѣ, плакалъ, цѣловалъ, говорилъ, что его народныя сцены — ничто предъ моими, и пр.“ Статья осталась неоконченною и была напечатана Погодинымъ въ „Москвитянинѣ“ 1842, № 10, а въ исправленномъ видѣ — въ изд. Лит. Фонда.

Х. Баратынскій (стр. 305).

Эта статья, задуманная, какъ видно изъ рукописи, еще въ 1827 году, была написана въ окончательномъ своемъ видѣ около 1831 (Муз. № 2387 В) и, вѣроятно, предназначалась для „Лит. Газеты“, но осталась ненапечатанною и явилась только въ Посмертномъ изданіи, съ пропусками и ошибками, теперь исправленными по подлинной рукописи Пушкина. Къ ней относится и слѣдующая программа, набросанная въ 1827 г., по выходѣ 1-го изданія стихотвореній Баратынскаго (Муз. № 2367).

„Истинный вкусъ не въ томъ состоитъ, что въ безотчетномъ отверженіи *dédaigne* такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей.

Никто болѣе Баратынскаго [п'а мис] не вложилъ чувства въ свои мысли и болѣе вкуса въ свои чувства. Они въ немъ нераздѣлимы.

Провинціальная чопорность.

Наконецъ появилось собраніе стихотвореній Баратынскаго, такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое. Спѣшимъ воспользоваться случаемъ высказать наше мнѣніе объ одномъ изъ первостепенныхъ нашихъ поэтовъ и (быть можетъ) еще не довольно оцѣненномъ своими соотечественниками.

Первыя произведенія Баратынскаго обратили на него вниманіе. Знатоки съ удивленіемъ увидѣли въ первыхъ опытахъ зрѣлость и стройность необыкновенную.

Сіе преждевременное развитіе всѣхъ поэтическихъ сло-

собностей, можетъ быть, зависѣло отъ обстоятельствъ, но уже предрекало намъ то, что нынѣ выполнено поэтомъ столь блистательнымъ образомъ.

Соперники Баратынскаго — Батюшковъ и Жуковскій; сравненіе.

Первыя произведенія Баратынскаго были элегіи, и въ этомъ родѣ онъ первенствуетъ. Нынѣ вошло въ моду порицать элегіи, какъ встарину старались осмѣять оды; но если вялыя подражанія Ломоносову и Баратынскому равно несносны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что роды элегическій и лирический должны быть исключены изъ разрядныхъ книгъ поэтической олигархіи.

Къ тому же, у насъ почти не существуетъ чистая элегія. Въ древности отличалась она особымъ стихосложениемъ, но иногда сбивалась на идиллію, иногда входила въ трагедію, иногда принимала ходъ лирический (чему въ новѣйшее время видимъ примѣры у Гете). *Tous les genres sont bons, excepté l'epiqueux*: вотъ основаніе поверхностной критики; хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи, — что это значить? Можно ли сказать, что бутылка шампанскаго лучше дурной погоды? (Ср. выше, стр. 17, 578.).

¹ Ср. ту же фразу ниже, стр. 333.

XI. Дельвигъ (стр. 311)

Замѣтка эта предназначалась, вѣроятно, для „Лит. Газ.“, какъ некрологическое извѣстіе, но осталась не напечатанною, за помѣщеніемъ въ № 4, 18 янв. 1831 г., болѣе подробнаго некролога, написаннаго Плетневымъ (см. его Соч., изд. 1885 г., I, 213 - 217). Слѣдующіе затѣмъ два отрывка о Дельвигѣ найдены были Анненковымъ въ бумагахъ Пушкина на отдѣльныхъ листкахъ и напечатаны въ VII т. его изданія.

¹ Пушкинъ ошибся: за Рахмановымъ была одна изъ сестеръ Дельвига, мать же его была урожденная Красильникова. Отецъ долго былъ плацъ-майоромъ въ Москвѣ, потомъ служилъ бригаднымъ генераломъ въ Ригѣ и въ Кременчугѣ и, наконецъ, — начальникомъ округа пограничной стражи въ Витебскѣ.

² Говорится о В. К. Кюхельбекерѣ.

³ По предположенію Я. К. Грота (Пушк., 159), здѣсь говорится объ А. Д. Илличевскомъ (см. I, 452 - 453).

Взаимныя отношенія Пушкина и Дельвига и литера-

турная дѣятельность послѣдняго подробно разсмотрѣны въ статьѣ г. Рыбинскаго въ Кіевскомъ юбил. сборникѣ въ пам. Пушкина, 1899, стр. 259 - 272.

XII. О книгѣ Муравьева (стр. 314).

Черновая замѣтка въ рук. Муз. № 2373, л. 22. Напеч. въ Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 326, и въ изд. Лит. Фонда, V, 188. Объ А. Н. Муравьевѣ см. II, 411.

XII. О книгѣ Дмитриева (стр. 315).

По рук. Муз. № 2386 А напечатано, не вполне и не точно, въ Мат. Анненкова, стр. 4-5. Поправки — въ Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 531.

Въ 1803 - 1804 гг. Вас. Льв. Пушкинъ путешествовалъ по Европѣ и посѣтилъ Германію, Францію и Англию. М. Н. Макаровъ, въ Дамскомъ Журналѣ 1830, ч. XXXI, № 28, стр. 168, говоритъ объ его перепискѣ съ друзьями, изъ которой въ печати явилось только два письма къ Н. М. Карамзину: одно — изъ Берлина, отъ 28 іюня 1803 (Вѣстн. Евр. 1803, ч. X, № 14, стр. 109 - 113), а другое — изъ Парижа, отъ 12 сентября (тамъ же, ч. XI, № 20, стр. 245 - 251). См. Соч. кн. Вяземскаго, т. I, стр. XXIX.

Книжка (стихотвореніе) И. И. Дмитриева называется: „Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ. Писанное за три дня до путешествія. Въ трехъ частяхъ.“ М., тип. П. П. Бекетова, 1808, in-32°. Картинка представляетъ Василя Львовича слушающимъ декламацию знаменитаго трагика Тальма (съ которымъ онъ и въ самомъ дѣлѣ познакомился въ Парижѣ, см. Соч. Вяз., I, 309): артистъ, во фракѣ и короткихъ панталонахъ, декламируетъ стоя, держа въ поднятой лѣвой рукѣ книгу; передъ нимъ сидитъ на кончикѣ кресель В. Л., съ восторгомъ поднявъ голову и разставивъ руки. Онъ тоже во фракѣ, но въ сапогахъ à la Souwagow, и у ногъ его лежитъ шляпа, которую онъ, какъ видно, уронилъ въ порывѣ восхищенія. Самое стихотвореніе начинается такъ:

Друзья! Сестрицы! Я въ Парижѣ!
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе
Мой маленькій журналъ читать.
Я былъ въ Музеѣ, въ Пантеонѣ,
У Бонапарте на поклонѣ,

Стояль близехонько къ нему,
 Не вѣря счастью своему.
 Вчера меня князь Долгоруковъ
 Представиль милой Рекамьѣ;
 Я видѣль корпусъ мамелюковъ
 Сіеса, Вестриса, Мерсье, и пр.

Вся книжка перепечатана М. Н. Лонгиновымъ въ „Современникѣ“ 1858, т. 58, отд. V, стр. 141.

XIV. Замѣчанія на пѣснь о полку Игоревѣ (стр. 317).

По рук. Муз. № 2386 Г напечатано Анненковымъ, Мат., 467 - 475; дополненія даны В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 542 - 543.

По мнѣнію Анненкова, замѣчанія эти набросаны въ теченіе 1834 года по поводу переложенія Слова, сдѣланнаго А. Ѳ. Вельтманомъ и изданнаго въ 1833 г. подъ заглавіемъ: „Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ - Сѣверскаго“. Это мнѣніе подтверждается найденнымъ въ бумагахъ Анненкова письмомъ Вельтмана къ Пушкину отъ 4 февр. 1833 (Шляпкинъ, Изъ неизд. бум., 174):

„Александръ Сергѣевичъ, пѣти было тебѣ, Веле-сову внуку, соловію сего времени, пѣснь Игореву, того Ольга внуку, а не мнѣ; но досада взяла меня на убогіе переводы чуднаго памятника нашей древней словесности, — и я выкинулъ въ свѣтъ также, можетъ быть, недоношенное дитя. Посылаю на судъ и осужденіе... Желалъ бы знать мнѣніе Пушкина о Пѣсни ополченію Игоря: говорятъ всѣ добрые люди, что онъ не просто поэтъ, а поэтъ - умница, и знаетъ, что смыслъ самъ по себѣ, а бессмыслица сама по себѣ, и потому я бы словамъ его повѣрилъ больше, чѣмъ своему самолюбію...“

Съ другой стороны, въ бумагахъ Пушкина оказался переводъ Слова, сдѣланный Жуковскимъ. Пушкинъ внимательно разсматривалъ этотъ переводъ и внесъ въ него нѣсколько своихъ поправокъ; въ рук. № 2395 онъ переписанъ дважды съ рук. № 2386 Г, вслѣдствіе чего первый его издатель, Е. В. Барсовъ („Чтенія Общ. Ист.“ 1882, кн. 2, и отд. 1883) полагалъ, что онъ сдѣланъ самимъ Пушкинымъ. Недоразумѣніе разъяснилось, когда тотъ же

самый переводъ оказался въ собственноручной рукописи Жуковского, поступившей, вмѣстѣ съ другими его бумагами, въ Имп. Публ. Б-ку (см. Отчетъ Б-ки за 1884 г., приложенія).

Пушкинъ вообще очень интересовался Словомъ о Полку и не разъ обращался къ нашимъ ученымъ, предлагая имъ свои догадки и вызывая на разысканія. Такъ, въ 1836 г. онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ П. И. Кеппеномъ, и въ бумагахъ его осталась слѣдующая записка академика: „Свидѣтельствую отличное свое почтеніе его высокоблагородію Александру С-чу, Кеппенъ имѣетъ честь препроводить при семъ копію со статьи, доставленной къ нему, о Троянѣ, о коей было говорено въ Имп. Публ. Б-кѣ. Павловскъ, 17 іюня 1836.“ На оборотѣ записки изложено, на нѣмецкомъ яз., мнѣніе проф. Кухарскаго о Троянѣ, упоминаемомъ въ „Словѣ“. Другая, также найденная въ бумагахъ Пушкина, записка о „Словѣ“ принадлежитъ А. Х. Востокову:

„Мнѣ сказывалъ знатокъ (покойный А. Н. Ермолаевъ), видѣвшій рукопись до истребленія ея въ 1812 г., что почеркъ ея былъ полу-уставомъ XV вѣка. Что касается до нарѣчія ея, будто бы не согласнаго ни съ славянскими, ни съ областными, то несходство сіе касается только до нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ словъ, какъ-то: харалугъ, стрикусъ и проч. Вообще же нарѣчіе въ ней то же самое, какое и въ лѣтописяхъ, и въ другихъ древнихъ памятникахъ языка русскаго, — чисто русское, а не польское, ниже какое-либо другое нарѣчіе. Окончаніе глаголовъ на шеть или шеть вм. ше, и хуть вм. ху, напр. бяшетъ, помняшетъ, сыпахуть, говоряхуть, отличается отъ простаго ше или ху только умнѣшительною прибавкою ть, которая не въ одномъ Словѣ о Полку Игоревѣ, но и въ другихъ старинныхъ памятникахъ встрѣчается, напр., въ Лаврентьевскомъ спискѣ Временника Несторова: „и даръ си отъ Бога прія, да егда въ церкви внидеть и слыша пѣніе и абіе слезы попушашеть.“ Одѣвахтѣся — есть, вѣроятнo, описка, вм. одѣвахуть. Впрочемъ, въ спискѣ XV вѣка, по которому напечатано Слово о Полку Игоревѣ, нельзя искать первобытнаго правописанія сей поэмы, сочиненной въ концѣ XII вѣка. Каждый переписчикъ перемѣнялъ правописаніе своего подлинника, частію неумыш-

ленно, по привычкѣ, частію же съ умысломъ поправить мнимую ошибку. — Востоковъ.“

Извѣстенъ разсказъ И. А. Гончарова (въ его Воспоминаніяхъ) о томъ, какъ Уваровъ привелъ Пушкина въ Московскій университетъ на лекцію Давыдова, гдѣ находился Каченовскій, и какъ поэтъ горячо отстаивалъ подлинность „Слова“ противъ скептическихъ возраженій историка (ср. письмо Пушкина къ женѣ отъ 30 сент. 1832).

Ниже мы воспроизводимъ примѣчанія Анненкова.

¹ Въ такомъ смыслѣ переложили начальныя строки Слова Пожарскій, Грамматинъ и Вельтманъ; а гр. Мусинъ-Пушкинъ и Шишковъ перевели: „Пріятно намъ, братцы, начать“ и „Возвѣстимъ, братіе... тѣмъ слогомъ“, и проч.

² Зачеркнуто: „Рѣшили, что это есть ошибка переписчика.“

³ „Междоусобіемъ“ — переведено у Вельтмана.

⁴ Яковъ Пожарскій, въ примѣчаніяхъ своихъ къ Слову, изданному имъ въ 1819 г., стр. 31 - 32. Вотъ его слова вполнѣ: „Согласно ли съ истиною, чтобы древніе російскіе князья, изъ коихъ одинъ менѣе, другой болѣе оказалъ геройства въ военныхъ подвигахъ и тѣмъ заслужилъ преимущество на полѣ брани, могли еще первенство свое, кровію приобрѣтенное, доказывать полетомъ соколовъ; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ русскому князю для приобрѣтенія славы и первенства надъ прочими не настояло бы надобности подвергать себя опасности въ сраженіяхъ и стараться бы только имѣть удалого сокола... Какъ по сему разсужденію, такъ и по словамъ подлинника, не князья, но стихотворцы пускали соколовъ, что доказывается послѣдующею рѣчью... Причиною такого древняго обряда была, можетъ быть, скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами“.

⁵ Все это мѣсто есть тонкая иронія надъ спорами двухъ ученыхъ, которую Пушкинъ еще яснѣе выразилъ зачеркнутой фразой: „Всѣ сіи толкованія крайне любопытны“. По толкованію самого Пушкина, смыслъ спорнаго мѣста Слова долженъ быть слѣдующій: Боянъ начиналъ тѣмъ, что напускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, а это у него значило, братіе, что онъ десять пальцевъ на живыя струны возлагалъ, и проч. Послѣ этого мѣста въ рукописи

Пушкина являются однѣ бѣглыя и часто недописанныя замѣтки.

⁶ Зачеркнуто: „Смысль ясенъ“.

XV. Мысли на дорогѣ (стр. 325).

Мы оставили это заглавіе, не принадлежащее Пушкину и придуманное, изъ цензурныхъ соображеній, Анненковымъ, впервые напечатавшимъ отрывки изъ этой статьи въ V томѣ своего изданія, — оставили потому, что подъ этимъ заглавіемъ статья извѣстна уже около полувѣка. Добавленія къ первоначально появившемуся въ печати тексту, очень неполному, даны были въ „Библіогр. Запискахъ“ 1859, въ книгѣ Анненкова: „Пушкинъ въ александровскую эпоху“, въ Рус. Арх. 1880, Рус. Стар. 1884, т. 44, въ изд. Лит. Фонда и въ книгѣ А. И. Незеленова: „Шесть статей о Пушкинѣ“, Спб. 1892, стр. 72 - 77. Статья, въ подлинникѣ вовсе не имѣющая заглавія, сохранилась въ нѣсколькихъ рукописяхъ. Въ первоначальномъ черновомъ видѣ она находится въ рук. Муз. № 2384, лл. 1 - 26; перебѣленная писцомъ, съ поправками Пушкина, — въ № 2385 А (№ 10); переписанная начисто самимъ Пушкинымъ, во многихъ мѣстахъ опять исправленная, — въ № 2385 Б (№ 11); глава о цензурѣ (Торжокъ) — въ № 2386 В, лл. 38 - 41, и, наконецъ, отрывокъ изъ описанія Москвы, съ программой, — въ № 2377 А, 18. Пушкинъ много работалъ надъ этой статьей и, несомнѣнно, готовилъ ее для печати. В. Е. Якушкинъ полагаетъ („О Пушкинѣ“, М. 1899, стр. 20), что, можетъ быть, она стояла въ связи съ долго не покидавшими поэта надеждами на изданіе газеты, — и осталась неоконченною, когда ему пришлось отказаться отъ исполненія этихъ надеждъ. Когда его мечты о журнальной дѣятельности, наконецъ, черезъ два года послѣ того, осуществились, хотя и въ иномъ видѣ, — когда онъ приступалъ къ изданію „Современника“, онъ написалъ другую статью о Радищевѣ (см. ниже) и очень старался провести ее черезъ цензуру, но безуспѣшно.

Мы печатаемъ статью „Мысли на дорогѣ“ по рукописи № 2385 Б, въ которой находятся всѣ главы, кромѣ X (о цензурѣ); эту послѣднюю мы беремъ изъ № 2384. Изъ прочихъ рукописей приводимъ, гдѣ слѣдуетъ, дополненія и варианты.

Лучшимъ комментариемъ къ обѣимъ статьямъ Пушкина
Пушкинъ. т. VI.

о Радищевѣ является статья В. Е. Якушкина: „Радищевъ и Пушкинъ“ — въ „Чтеніяхъ Общ. Ист.“ 1886, кн. I и отд., М. 1886, (перепечатана въ книгѣ: „О Пушкинѣ“, М. 1899, стр. 3 - 68). Въ статьѣ указана и вся относящаяся къ этому предмету литература.

¹ О нашихъ дорогахъ см. II, 464 - 465 и IV, 173 - 174.

² Далѣе въ черновой рукописи прибавлено: [Я началъ записки свои не для того, чтобы льстить властямъ: товарищъ, мною избранный, — худой внушитель ласкательства; но не могу]. Нельзя не замѣтить, что со времени возведенія Романовыхъ, отъ Михаила Ѳедоровича до Николая I, правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣнливо, а иногда и неохотно. Вотъ что и составляетъ силу нашего самодержавія. Не худо было бы инымъ европейскимъ государствамъ понять эту простую истину: Бурбоны не были бы выгнаны камнями, и англійская аристократія не принуждена была бы уступить радикализму.

[Я упомянулъ о моемъ товарищѣ. Должно мнѣ познакомить съ нимъ читателя].

³ Далѣе зачеркнуто: „Покойный Ив. Долгорукій поступилъ гораздо благоразумнѣе. Онъ, собравшись въ подмосковную,

Посоветившись брать съ собой въ дорогу книжку,
Отъ голода въ запасъ взялъ вяземску коврижку“. *)

⁴ Рѣчь идетъ, конечно, объ „Иванѣ Выжигинѣ“ Булга-рина.

⁵ Въ Имп. Публ. Б-кѣ имѣется экземпляръ „Путешествія“, принадлежавшій Пушкину, съ надписью: Экземпляръ, бывший въ тайной канцеляріи. „Заплаченъ двести рублей“ и съ помѣтками карандашемъ.

⁶ Къ этой главѣ относится набросанная въ рук. № 2377 А 18 программа: „Что была Москва? Миѣніе Екатерины. Что Москва теперь? Отчего сіе происходитъ? Чѣмъ Москва еще держится? Что изъ нея будетъ? Сравненіе Москвы съ боярствомъ. Московскій университетъ. Горе отъ ума“.

*) О князѣ Ив. Мих. Долгорукомъ (1764 - 1823) см. книгу М. А. Дмитриева: „Кн. И. М. Д-ій и его сочиненія“, М. 1863. Приведенные Пушкинымъ стихи взяты изъ стихотворенія „Пиръ“ (Соч. Долгор., смирд. изд., I, 384).

⁷ Подобными чудачествами отличался, напр., Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ. См. Пыляева, Старая Москва.

⁸ Въ черновой прибавлено: „Нынѣ нѣтъ въ Москвѣ мнѣнія [общаго] народнаго; нынѣ бѣдствія или слава отечества не отзываются въ этомъ сердцѣ [Россіи]. Грустно было слышать толки московскаго общества во время послѣдняго польскаго возмущенія; гадко было видѣть бездушныхъ читателей французскихъ газетъ, улыбающихся при вѣсти о нашихъ неудачахъ...“ Ср. II, 528.

⁹ Далѣе зачеркнуто: „Нынѣ царствующій императоръ чаще другихъ удостоиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный прїѣздъ его въ концѣ 1830 года, во время заразы, принадлежитъ будущему историку“. Ср. II, 498 - 499.

¹⁰ Далѣе зачеркнуто: „Признаюсь въ моей слабости московскую словесность я всегда предпочиталъ петербургской, и охотнѣе читаю „Вѣдомости“ кв. Шаликова, нежели „Сѣверную Пчелу“. Московская словесность выше петербургской. Г-нъ А. заводитъ журналъ потому, что онъ отставленъ отъ выгоднаго мѣста. Г-нъ В. пишетъ романъ потому, что романы въ цѣнѣ. Критики пишутся потому, что по краямъ газетнаго листа нуженъ фельетонъ въ полтора вершка, кайма для шали. Даже въ „Телеграфѣ“, журналѣ московскомъ, принадлежащемъ къ предпріятіямъ чисто-торговымъ, — даже и тутъ перевѣсъ на сторонѣ московскаго издателя. Какая смышленость въ выборѣ переводныхъ статей! Какая оборотливость въ сужденіяхъ о предметахъ, вовсе чуждыхъ понятіямъ критика! Какое бойкое шарлатанство! Куда петербургскимъ торгашамъ за нашими!“

¹¹ Ср. ту же фразу выше, стр. 309.

¹² Такой статьи въ бумагахъ Пушкина нѣтъ. Н. С. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, 10-е изд., V, 655-656) высказалъ предположеніе, весьма вѣроятное, что здѣсь рѣчь идетъ о статьѣ Гоголя: „Петербургскія Записки“, которой начало, зачеркнутое въ рукописи, содержало въ себѣ именно сравнительную характеристику обѣихъ столицъ.

¹³ Далѣе зачеркнуто: „Какъ Петръ, онъ посвятилъ свою жизнь образованности своего отечества“.

¹⁴ Гете (Sprüche in Prosa, Ueber Naturwissenschaft, I) говорить: „Die ausserordentlichen Männer des 16 und 17

Jahrhunderts waren selbst Akademien, wie Humboldt in unserer Zeit.*

¹⁵ Въ черновой рукописи это мѣсто изложено такъ: „Въ немъ нѣтъ ни воображенія, ни чувства. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, утомительны и надуты; подражанія псалмамъ и книгѣ Іова лучше, но отличаются только хорошимъ слогомъ, и то не всегда точнымъ; ихъ поэзія принадлежитъ не Ломоносову. Его вліяніе было вредное и до сихъ поръ отзывается на тощей нашей литературѣ. Изысканность, высокопарность, отвращеніе отъ простоты и точности — вотъ слѣды, оставленныя Ломоносовымъ. Давно ли стали мы писать языкомъ общепонятнымъ? Убѣдились ли мы, что славянскій языкъ не есть языкъ русскій, и что мы не можемъ смѣшивать ихъ своеюравно? что если многія слова, многіе обороты счастливо могутъ быть заимствованы изъ церковныхъ книгъ въ нашу литературу, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы мы могли писать: да лобзаешь мя лобзаніемъ вмѣсто: цѣлуй меня, etc. Конечно, и Ломоносовъ того не думалъ; онъ предпочелъ изученіе славянскаго языка, какъ необходимое средство къ основательному знанію языка русскаго...“

¹⁶ Димитрій Сѣченъ (1707 - 1767) — митрополитъ новгородскій. — Стихотвореніе Ломоносова „Гимнъ Бородѣ“ и вызванная имъ стихотворная полемика напеч. въ „Библиогр. Запискахъ“ 1858 и въ Исторіи Имп. Академіи Наукъ Пекарскаго, т. II.

¹⁷ Въ черновой прибавлено: „Радищевъ говоритъ, что Ломоносовъ ни въ какой отрасли наукъ не проложилъ новыхъ слѣдовъ (выписка), и тутъ же сравниваетъ его съ лордомъ Бэкономъ. Такое странное понятіе имѣлъ XVIII вѣкъ о величайшемъ умѣ новѣйшихъ временъ, о человѣкѣ, произведемъ въ наукахъ сильнѣйшій переворотъ и давшемъ имъ то направленіе, на которомъ онѣ нынѣ.“

„Если Ломоносова можно назвать русскимъ Бэкономъ, то это развѣ въ такомъ же смыслѣ, какъ Хераскова называли русскимъ Гомеромъ. Къ чему эти прозвища? Ломоносовъ есть русскій Ломоносовъ, — этого съ него, право, довольно.“

¹⁸ Джорджъ Краббъ (1754 - 1832), знаменитый англійскій поэтъ, создатель реалистическаго направленія въ англійской литературѣ („Деревня“, „Приходскіе списки“,

„Городокъ“ и пр.). О немъ см. статью А. В. Дружинина, въ Соч., IV, 363 - 587.

¹⁹ Въ черновой прибавлено: „Во Франціи вся блестящая литература вѣка Людовика XIV была въ передней. Анекдотъ о Б. [?] даетъ понятіе о тогдашнихъ нравахъ (изъ Бейля), и замѣтите, что Бейль приводитъ эту черту безо всякаго замѣчанія, какъ дѣло весьма обыкновенное! Нынѣ во Франціи нравы уже не тѣ, но сословіе писателей потому только не ползаетъ передъ министрами, что публика въ состояніи дать больше денегъ. За то какъ безстыдно ползаютъ они передъ господствующими людьми! Какой талантъ нынѣ не запачкалъ себя грязью и кровью въ угоду толпы, требующей грязи и крови?..“

²⁰ Ср. V, 554.

²¹ Въ черновой это мѣсто читается такъ: „Даже теперъ наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочисленны. Не смотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. Это есть важный признакъ и непременно будетъ имѣть важныя послѣдствія. Писатели - дворяне (или тѣ, которые почитаютъ себя *à tort ou à raison* членами высшего общества) постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого - то неприличія. Странно, что въ то время, когда во всей Европѣ готическій предразсудокъ противу наукъ и словесности (будто бы несомѣстимыхъ съ благородствомъ и знатностью) почти совершенно исчезъ, — у насъ онъ только что начинаетъ показываться. Уже одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ нашихъ писателей провозгласилъ, что литературой заниматься онъ болѣе не намѣренъ, потому что она — дѣло не дворянское. Жалко! Конечно, не слишкомъ лестное товарищество нѣкоторыхъ новичковъ, ихъ невѣжество отчасти тому причиною; но развѣ безчестное поведеніе двухъ или трехъ выслужившихся проходимцевъ можетъ быть достаточнымъ предлогомъ для всѣхъ офицеровъ оставить шпагу и отречься отъ честнаго званія воиновъ?“

„У насъ писатель, который краснѣетъ при мысли посвятить свою книгу порядочному человѣку, который двумя или тремя чинами выше его, не стыдится изгибаться передъ какимъ - нибудь журналистомъ, ошельмованнымъ въ общемъ мнѣніи, но который площадной руганью можетъ повредить

продажѣ книги, или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупателейъ. Нынѣ послѣдній писака, готовый etc. на всякую приватную подлость, на всякій безымянный пасквиль...

²² Въ черновой добавлено: „Всѣ журналы пришли въ благородное бѣшенство, возстали противъ [Пушкина] стихотворца, который (о, верхъ униженія!), въ отвѣтъ на приглашеніе князя * * *, извинялся въ стихахъ, что не можетъ къ нему прѣхать, и общался къ нему прѣхать на дачу. Сіе несчастное посланіе было передано всенародно проклятію, и съ той поры, говоритъ одинъ журналъ, слава [Пушкина] * * * упала совершенно!“ См. II, 487 - 490.

²³ Ср. III, 460 - 461 и 648.

²⁴ Ср. IV, 321.

²⁵ Изъ стихотворенія Жуковскаго: „Императору Александру“ (1814).

²⁶ Эта глава изъ „Путешествія“ цѣликомъ приложена Пушкинымъ къ статьѣ: „Александръ Радищевъ“, см. ниже.

²⁷ Зачеркнуто: „Негодование писателя было бы справедливо.“

²⁸ Въ этой главѣ Пушкинъ дѣлаетъ замѣчанія на главу „Путешествія“, называющуюся: „Выдропускъ“.

²⁹ Разговоръ этотъ находится въ рук. № 2384 и напечатанъ впервые въ Рус. Архивѣ 1881 г. Часть его содержанія внесена Пушкинымъ въ XI-ю главу „Мыслей на дорогѣ“

Эта черновая статья-программа должна была, по первоначальному плану Пушкина, составлять часть главы о Ломоносовѣ. Пушкинъ не разъ къ ней возвращался. Въ рук. № 2382 находятся относящіяся къ ней двѣ программы:

I.

„Лѣтописи, сказки, пѣсни, пословицы, посланія царскія, Пѣснь о полку, Побойще Мамаево; царствованіе Петра, царствованіе Елизаветы, — Екатерины, — Александра; вліяніе французской поэзіи.“

II.

„Отчего первыя стихотворенія были сатиры? Ихъ слѣхъ, etc. Отчего сатира существовала еще при Екатеринѣ, а нынѣ совсѣмъ уже не существуетъ?“

„Петръ создалъ войско, флотъ, науки, законы, но не могъ создать словесности, которая рождается сама собою, отъ своихъ собственныхъ началъ. Поколѣніе преобразованное презрѣло безграмотную, изустную народную словесность, и кн. Кантемиръ, одинъ изъ воспитанниковъ Петра, въ путеводители себѣ избралъ Буало.“

Третья программа найдена проф. Шляпкинымъ въ бумагахъ Анненкова („Изъ неизд. бум.“, 54-55):

„Языкъ. Вліяніе греческ. — Памятники его. — Литература собств. — Причины: 1) ея бѣдности; 2) отчужденія отъ Европы; 3) уничтоженія или ничтожности вліянія скандинавскаго. — [Пѣсни], сказки, пословицы: доказательство сближенія съ Европой. — Пѣснь о Полку Игоревѣ. — Пѣснь о побоищѣ Мамаевѣ. — Сказки, мистеріи. — Пѣсни. Пословицы (эротикъ). — Народность сказокъ . . . по-своему *) (Кальдеронъ).

„Les épitres des patriarches et des tzars ne sont pas purement de la littérature ayant un autre but.“

Наконецъ, можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести и еще одну программу, тамъ же напечатанную Шляпкинымъ:

„De la religion. — Du militaire et du civil. — De l'espionnage. — De l'esclavage et de la liberté (comme balance). — De la censure. — Du théâtre. — Des écrivains. — De l'exil. — Du mouvement retrograde. — De la civilisation. — De la division des classes.“

Внимательный пересмотръ рукописи № 2384 убѣдилъ насъ въ необходимости измѣнить то расположеніе отдѣльных частей этого отрывка, какое было имъ дано въ изданіи Лит. Фонда. Статья написана была не сразу, и Пушкинъ на дальнѣйшихъ страницахъ нерѣдко развивалъ мысли, уже изложенныя ранѣе; но основной его планъ заключался въ томъ, чтобы послѣ небольшого вступленія разсмотрѣть главные факты литературы французской, имѣвшей такое сильное вліяніе на русскую, и затѣмъ обратиться къ этой послѣдней. Этому плану мы и послѣдовали теперь въ редакціи этой статьи.

³¹ Зачеркнуто: „Она совершила свое предназначеніе. Съ XI вѣка, принявъ христіанство изъ Византіи, она не

*) У Шляпкина: „приказать по-своему.“ Сомнѣваемся въ правдивости этого чтенія.

участвовала въ умственной дѣятельности католическаго міра въ эпоху возрожденія латинской Европы.*

⁸² Зачеркнуто: „и Франція.“

⁸³ Первоначально было: „Въ началѣ XVIII столѣтія французская литература обладала Европою. Она естественнымъ образомъ должна была имѣть и на Россію долгое, рѣшительное вліяніе. Итакъ, — изслѣдуйте: что такое французская словесность?“

„Въ XII столѣтіи подъ небомъ полуденной Франціи пробудилась поэзія, не имѣвшая ничего общаго съ поэзіей греческаго и латинскаго міра; риѐма отозвалась, etc. Таково было смиренное начало романской поэзіи. Но она быстро и пышно расцвѣла: Италия, Испанія, Португалія, Германія, Англія, Франція и пр. Буало, человекъ, одаренный умомъ рѣзкимъ и здоровымъ и мощнымъ талантомъ, обнародовалъ...“

⁸⁴ Въ другомъ наброскѣ это мѣсто читается такъ: „Разсматривая произведенія французской поэзіи въ теченіе XVI вѣка, нельзя не быть поражену ихъ ничтожествомъ; нѣсколько любовныхъ пѣсенъ отличаются легкостью и нѣжностью, нѣсколько сказокъ — веселостью и простодушіемъ но вообще напрасно бы стали въ нихъ искать высокаго и сильнаго чувства или яркаго воображенія. Проза имѣетъ уже рѣшительный перевѣсъ: Раблэ, Montaigne etc.“

⁸⁵ См. выше, стр. 24.

⁸⁶ Говорится объ „Орлеанской Дѣвственницѣ“. См. I, 231 и II, 36.

XVI. Лордъ Байронъ (стр. 382).

Рук. Муз. № 2386 Б. — Изд. Анненкова и Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 535. — Изд. Лит. Фонда, V, 260-263.

Эта замѣтка, можетъ быть, вызвана появленіемъ, въ 1835 г., первой на русскомъ яз. книги о Байронѣ, о которомъ наша публика знала до тѣхъ поръ только по журнальнымъ статьямъ. Это былъ — переводъ книги Т. Медвина: „Journal of the conversations of Lord Byron noted during a residence with His Lordship at Pisa in the years 1821 and 1822“ (Lond. 1824), изданный подъ заглавіемъ: „Записки о лордѣ Байронѣ“, Спб. 1835. Въ 30-хъ гг. Пушкинъ нерѣдко вспоминалъ о Байронѣ, — между прочимъ, и по поводу упрековъ въ „аристократизмъ“; въ начальныхъ строкахъ его замѣтки нельзя не видѣть отголоска этихъ упрековъ...

¹ Далѣ зачеркнуто: „Онъ былъ всегда вооруженъ, и когда садился обѣдать, требовалъ, чтобы клали на столъ его пистолеты и прочій необходимый приборъ.“

На стр. 384 вмѣсто „г. Hawort'a" слѣдуетъ читать: „г. Shaworth'a." Лордъ Вильямъ Байронъ убилъ его въ тавернѣ, 26 января 1765 г.

XVII. О повѣстяхъ Павлова (стр. 386).

Рук. Муз. № 2387 Б, лл. 21, 21 об. и 76. — Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 556. — Изд. Лит. Фонда, V, 283 - 284

Николай Филипповичъ Павловъ (1805 - 1864) началъ свою литературную дѣятельность стихотвореніями въ „Моск. Телегр.“ 1825; въ томъ же году напеч. переводъ трагедіи Лемерсье „Марія Стюартъ“. Книжка „Три Повѣсти Н. Павлова“ (Именины, Аукціонъ, Ятаганъ) вышла въ М. 1835 и вызвала много толковъ, такъ что Уваровъ представилъ ее государю. Послѣдній, прочитавъ книгу „съ карандашемъ въ рукѣ“, приказалъ: „узнать, кто сей Николай Павловъ“ (причемъ прибавилъ: „увѣрю, что не я“), затѣмъ сдѣлалъ строгій выговоръ цензурѣ, запретилъ перепечатку повѣстей и приказалъ уничтожить виньетку, которою былъ украшенъ эпиграфъ: „Domestica facta“ и которая изображала чудовище, поражаемое кинжаломъ отъ руки невидимаго. Эти строгости вызваны были тѣмъ, что въ „Именинахъ“ представлена судьба талантливаго крѣпостного музыканта, проиграннаго бариномъ, а въ „Ятаганѣ“ офицеръ, разжалованный за дуэль въ солдаты, является соперникомъ въ любви командира и, выведенный изъ себя постоянными его придирками, убиваетъ его. Современные отзывы о книгѣ принадлежать Шевыреву (Моск. Наблюд. 1835), которому возражалъ Бѣлинскій (Соч., изд. Венгерова, II, 467 - 470; см. также II, 208 - 211 и 560 - 563); судьба книги рассказана по документамъ М. И. Сухомлиновымъ (Др. и Нов. Россія 1875, № 1 и „Изслѣд. и статьи“, т. II). См. еще „Н. Ф. Павловъ“ — Рус. Обзорѣніе 1895, № 3.

Съ выраженіями: „а я на аукціонѣ“ — „а я съ аукціона“ — князь обращается къ ухаживающему за его женою молодому человѣку, встрѣчая его въ передней своего дома.

XVIII. Александръ Радищевъ (стр. 386).

Черновая — Муз. № 2387 Б, лл. 1 - 8 и 87 - 93; начисто переписанная писцомъ — № 2385 В (№ 12).

Эта статья, имѣющая тѣсную связь съ написанною ранѣе статью: „Мысли на дорогѣ“, была приготовлена для III го тома „Современника“, но осталась ненапечатанною, не смотря на всѣ старанія Пушкина изложить ее соотвѣтственно цензурнымъ видамъ того времени. Перебѣленная рукопись была имъ представлена цензору А. Л. Крылову съ надписью: „Пушкинъ покорнѣйше проситъ Александра Лукича представить сію статью куда слѣдуетъ для разрѣшенія“ — и возвращена ему съ надписью Крылова: „Не дозволено къ напечатанію предписаніемъ Главнаго Управленія Цензуры отъ 26 августа 1836 г., № 271. Цензоръ А. Крыловъ.“ Цензоръ не рѣшился взять эту статью на свою отвѣтственность и, „не зная, въ какой степени можетъ быть допущено въ періодическомъ изданіи возобновленіе свѣдѣній о такомъ лицѣ и происшествіи, которому въ наше время есть еще многіе современники“, представилъ дѣло на усмотрѣніе цензурнаго комитета. Министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, на представленіи комитета написалъ: „Статья сама по себѣ недурна, и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія.“

Въ 1840 г., когда печаталось посмертное собраніе сочиненій П., статья была снова представлена въ цензуру, и на этотъ разъ — уже непосредственно самому министру. Уваровъ написалъ попечителю Спб. учебнаго округа: „По разсмотрѣніи этой статьи я нахожу, что она по многимъ заключающимся въ ней мѣстамъ къ напечатанію допущена быть не можетъ, и потому предлагаю сдѣлать распоряженіе о запрещеніи ея.“

Только въ 1857 году, слѣдовательно — спустя болѣе 20-ти лѣтъ по написаніи, статья Пушкина явилась, наконецъ, въ печати, въ VII-мъ, дополнительномъ, томѣ изданія Анненкова. Разрѣшеніе послѣдовало благодаря объясненіямъ разсматривавшаго этотъ томъ цензора И. А. Гончарова, который высказалъ мнѣніе, что статья о Радищевѣ „могла бы быть безъ всякаго вреда напечатана, какъ любопытный историческій эскизъ.“ Подробности см. въ книгѣ М. И. Сухомлинова: „А. Н. Радищевъ, авторъ

Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, Спб. 1883, стр. 111 - 124.

¹ Зачеркнуто: „Они не взяли на себя труда выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языку, дабы, по крайней мѣрѣ, быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ.“

² Геллертъ (1696 - 1769), извѣстный нѣмецкій поэтъ и моралистъ, преподавалъ въ Лейпцигскомъ университетѣ словесныя науки. Въ воспоминаніяхъ о своей студенческой жизни Радищевъ говоритъ о немъ съ особенно теплымъ чувствомъ и благодаритъ судьбу, пославшую ему такого наставника: „Отличнымъ счастіемъ почестъ должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелию славимаго. Таковымъ счастіемъ пользовались мы, хотя недолгое время, наслаждаяся преподаваніями Геллерта; малое знаніе тогда нѣмецкаго языка лишило насъ пользоваться его наставленіями самымъ дѣйствиємъ“, т. е. работать подъ его руководствомъ и представлять на его судъ свои литературныя опыты.

³ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ (1754 - 1819), бывший впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ.

⁴ Напечатано въ сборникѣ И. И. Бартенева: „Осьмьнадцатый Вѣкъ“, II, 296 - 361.

⁵ Переписка Р. съ графомъ А. Р. Воронцовымъ напечатана въ 5 - й и 12 - й книгахъ „Воронцовскаго Архива.“

⁶ „Альоша Поповичъ“ — сочиненіе сына Радищева, Николая. См. III, 12.

⁷ Зачеркнуто: „Отымите у него честность, — въ остаткѣ будетъ Полевой.“

Разбирая эту статью Пушкина, акад. Сухомлиновъ говоритъ: „И внутренній смыслъ, и даже тонъ нападокъ на Радищева показываютъ, что не всѣ онѣ направлены по его адресу, и что за Радищевымъ скрывается, въ иныхъ случаяхъ, другое лицо. Изъ - за Радищева, къ которому такъ часто обращалась мысль Пушкина, виднѣлись ему въ туманной дали ненавистныя черты Полевого, уронившаго себя въ глазахъ Пушкина и загробною враждою къ Карамзину, и журнальною дружбою къ Булгарину. Статья о Радищевѣ и его Путешествіи должна быть разсматриваема въ связи съ статьями о Полевомъ и объ его Исторіи Рус-

скаго народа. Радищевъ — говоритъ Пушкинъ — есть истинный представитель полу-просвѣщенія... Указанные признаки полу-просвѣщенія только примѣнены къ Радищеву, а списаны они съ другого, болѣе современнаго образца..." („А. Н. Радищевъ", стр. 117 - 118).

XIX. Объ исторіи поэзіи Шевырева (стр. 403).

Рук. Муз. № 2382, л. 41 - 42. — Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 356 - 357. — Изд. Лит. Фонда, V, 285 - 286.

„Исторія поэзіи", С. Шевырева, томъ I, М. 1835, отмѣчена звѣздочкою въ спискѣ новыхъ книгъ, помѣщенномъ въ I-мъ томѣ „Современника". Вѣроятно, Пушкинъ хотѣлъ самъ написать отзывъ объ этой книгѣ, — и началъ его, но затѣмъ, отвлеченный другими дѣлами, бросилъ.

III. Мелкія замѣтки. (стр. 405 - 439).

I. Изъ записной книжки (стр. 407).

Эти четыре замѣтки находятся въ записной книжкѣ поэта 1820 - 21 гг., хранящейся въ Имп. Публ. Б-кѣ. Напечатаны въ первый разъ въ изд. Лит. Фонда, V, 9.

II. Программа ненаписанной поэмы (стр. 408).

Рук. Муз. № 2366, лл. 8 об., 9, 10 и 17. — Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 327 - 329, 332.

III. О слогъ (стр. 410).

Рук. Муз. № 2366, лл. 10 об. - 12 об. — Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 329 - 331. — Изд. Лит. Фонда, V, 15 - 16. Замѣтка въ рукописи не имѣетъ заглавія.

IV. О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности (стр. 411).

Рук. Муз. № 2369, л. 2 об. и 3. — Анненковъ, П. въ Алекс. эпоху, стр. 222 - 223. — Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 551 - 552. — Изд. Лит. Фонда, V, 19 - 20.

Анненковымъ указано сходство этого наброска съ строфами „Онѣгина": „Сокровища родного слова", и пр. (см. IV, 323). Поливановъ указываетъ (V, 13) на слова Пушкина въ одномъ изъ писемъ 1824 г. къ кн. Вяземскому: „Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями, и думаю на - дняхъ написать кое - что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну." Быть можетъ, нашъ отрывокъ и представляетъ начало этой статьи, не оконченной и не озаглавленной самимъ ея авторомъ

V. О вдохновеніи и восторгѣ (стр. 413).

Напечатано въ Мат. Анненкова (стр. 251) по рукописи, нынѣ неизвѣстной. Написано по поводу статьи Кюхельбекера: „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе“, въ Мнемозинѣ 1824, т. II. Въ этой статьѣ русская поэзія дѣлится на лирическую и эпическую, и первой отдается преимущество, какъ содержащей болѣе силы и признаковъ восторга, главнаго зиждителя поэзіи. Ср. IV, 334.

VI. О народности въ литературѣ (стр. 413).

Замѣтка не dokonчена, говоритъ Анненковъ, впервые напечатавшій ее въ Мат., 254, по рукописи, нынѣ неизвѣстной, — но далѣе набросано, что Шекспиръ народенъ въ Отелло и Гамлетѣ, Вега и Кальдеронъ — во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ дѣйствуютъ ихъ герои, Аріосто — въ описаніи китайскихъ своихъ красавицъ, и проч.

VII. Замѣтки при чтеніи книгъ (стр. 415).

Анненковъ, Мат., 263, 264; Пушк., 301, 302. — Шляпкинъ, 52. — Рус. Арх. 1899, I.

„Замѣчанія на Анналы Тацита“ исправлены по подлиннику, находящемуся теперь въ Моск. Музеѣ.

VIII. О смѣлости выраженій (стр. 419).

Рук. Муз. № 2367, л. 45. — Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 349 (неисправно). — Изд. Лит. Фонда, V, 60-61, гдѣ дано и заглавіе, котораго въ рукописи нѣтъ.

IX. Разныя замѣтки (стр. 420).

Выбраны изъ разныхъ рукописей. Большая часть напечатана еще Анненковымъ, въ Мат. и Пушк.; другія — въ Рус. Стар. 1884; нѣкоторыя являются здѣсь въ первый разъ.

¹ Грамматинъ, Николай Ѳедоровичъ (1786-1827) въ 1809 г. получилъ степень магистра за „Разсужденіе о древней рус. словесности“ (М.); въ 1823 г. издалъ переводъ Слова о полку Игоревѣ.

X. Овѣ А. Шенье (стр. 429).

Рук. Муз. № 2370, л. 61. — Анненковъ, Мат., 252. О Шенье см. I, 562-563.

XI. О приличіи въ литературѣ (стр. 430).

Анн., Мат., 287-288; рукопись неизвѣстна.

Кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу 25 января 1836: „Альфредъ Мюссэ рѣшительно головою выше въ со-

временной фалангѣ французскихъ литераторовъ. Познакомься съ нимъ и скажи ему, что мы съ Пушкинымъ угадали въ немъ великаго поэта, когда онъ еще шалилъ и *faisait ses farces dans „Les contes espagnoles“*... (Ост. Арх., III, 289).

XII. О современныхъ французскихъ писателяхъ (стр. 431).

Анн., Mat., 288; въ рукописи неизвѣстно.

Приводимъ здѣсь, кстати, программу ненаписанной Пушкинымъ статьи (изъ рук. № 2372, л. 60):

„О новѣйшихъ романахъ. *Barnave; Eugène Sue; De Vigny; Hugo; Balzac, — scènes, contes drolatiques; Musset, — fables de nuit.* — Поэзія французская. Выроп. — Муравьевъ, Полевой (Полевой романистъ), Свиньинъ, Карамзинъ.“

XIII. Шайлокъ, Анджеело и Фальстафъ (стр. 432).

Впервые напечатано въ Посм. Рукопись неизвѣстна.

XIV. Переводы (стр. 434).

1. Изъ Байрона — печатается здѣсь впервые по рук. Муз. № 2386 Б. На заглавномъ листѣ рукописи читаемъ:

(О Байронѣ и о предметахъ важныхъ).

1835.

Черная Рѣчка, за Мил. *)

25 іюня.

Ma chi cerca sinceramente la verità, invece di lasciarsi spaventare del ridicolo deve far un oggetto di esame il ridicolo stesso.

Osservazioni sulla morale cattolica.

Затѣмъ идетъ самый переводъ, въ двухъ видахъ: на лѣвой сторонѣ — карандашомъ, съ чернильными поправками, „слово въ слово“, а на правой, чернилами, — въ болѣе обработанномъ видѣ. Этотъ послѣдній мы и печатаемъ, а здѣсь, для сравненія, приводимъ начало буквального перевода, трудно поддающагося прочтенію:

Mot à mot.

Не въ тѣхъ краяхъ, гдѣ я бродилъ недавно, хотъ кра-

*) Вѣроятно: „за Миллеровой дачей“.

сота почиталась тамъ долго безпорочною, не въ видѣнiяхъ, развивающихъ для сердца образы, о коихъ оно въздыхаетъ, что только они ему грезились, явилось что - нибудь тебѣ подобное во снѣ или наяву. Увидѣвъ тебя, напрасно буду я искать описывать прелести, измѣнчивыя и сіяющія; тому кто не видалъ тебя, слова мои были бы слабы, и пр. (Ср. Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 534 - 535).

Это — переводъ 3½ строфъ изъ посвященiя Чайльдъ-Гарольда: „Къ Іантѣ“ (леди Шарлотѣ Харлей). Для сравненiя приводимъ первую строфу.

Not in those climes where I have late been straying,
 Though Beauty long hath there been matchless deemed.
 Not in those visions to the heart displaying
 Forms which it sighs but to have only dreamed,
 Hath aught like thee in truth or fancy scemed;
 Nor, having seen thee, shall I vainly seek
 To paint those charms which varied as they beamed —
 To such as see thee not my words were weak;
 To those who gaze on thee what language could they speak?

2. Изъ Сафо — рук. Муз. № 2386 В; Незеленовъ, Шестъ статей, 82.

П. А. Катенинъ писалъ Пушкину изъ Ставрополя, 1 iюня 1835 г.: „... Нѣтъ ли у тебя знакомаго греколога, кто бы могъ en vile prose рабски переложить крошечныя два стихотворенiя Сафы: Венерѣ и Neugeux qui etc. Очень бы ты одолжилъ“ (Бартеневъ, Пушк., I, 70). Пушкинъ постарался исполнить желанiе своего стариннаго прiятеля, — вѣроятно, съ чьей - нибудь посторонней помощью, такъ какъ самъ по - гречески не зналъ. Любопытно, что въ другой тетради, относящейся къ тому же времени (Муз. № 2374, л. 2), Пушкинъ выписалъ первые шесть стиховъ Одиссеи по - гречески, съ буквальныхъ переводомъ надъ строками. Не задумывалъ ли онъ переводить Одиссею, — какъ это сдѣлалъ впоследствии Жуковский, также не знавшій греческаго языка и пользовавшійся подстрочнымъ переводомъ?

XV. Выписки изъ Чети - Миней и Пролога (стр. 436).

Выписки изъ Чети - Миней напеч. Шляпкинымъ, Изъ неизд. бум., 53 - 54; изъ Пролога — В. Е. Якушкинымъ, по рук. Моск. Муз. № 2386 Б, лл. 8 и 31, въ Рус. Стар. 1887, LV, 551 - 552. Эти послѣднiя, собственно, не вы-

писки*, а пересказъ своими словами проложнаго сказанія о св. Саввѣ Сторожевскомъ.

IV. Статьи автобіографическія (стр. 441 - 574).

I. Отрывки изъ лицейскихъ записокъ (стр. 443).

Случайно уцѣлѣвшіе въ бумагахъ Анненкова листки были имъ напечатаны, неточно и не вполнѣ, въ Мат., 20-25; дополненія и поправки даны Д. И. Сапожниковымъ въ Рус. Арх. 1899, I, по подлинной рукописи, находящейся теперь въ Моск. Музеѣ, съ которою и свѣрены нами.

¹ Анекдотъ о Денисѣ Давыдовѣ и кн. П. И. Багратионѣ (1765 - 1812) повторенъ Пушкинымъ въ его „Анекдотахъ“, подъ № XI (см. т. VII).

² Въ 1815 г., 23 сентября, кн. Шаховской поставилъ на сцену свою комедію: „Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды“, гдѣ осмѣянъ былъ Жуковский въ лицѣ „балладника“ Фіалкина. Это вызвало „страшную войну на Парнасѣ“: на Шаховского со всѣхъ сторонъ посыпались обвиненія, эпиграммы, остроты... (См. Соч. Вяземскаго, III, 84-86). Дмитрій Вас. Дашковъ напечаталъ въ Сынѣ Отеч. 1815, ч. XXV, № 42, „Письмо къ новѣйшему Аристофану“, въ которомъ выставилъ его недоброжелателемъ всѣхъ возникающихъ талантовъ и прямо указалъ на него, какъ на виновника гибели Озерова. Кн. Вяземскій и Вигель (Восп., IV, 166) рассказываютъ, что послѣ перваго представленія „Липецкихъ водъ“ въ домѣ Буниной устроено было въ честь Шах. торжество: его вѣнчали лаврами и читали ему похвальные рѣчи. Дм. Вас. Дашковъ сочинилъ по этому поводу „кантату“, которая распѣвалась „арзамасцами“. Эту-то кантату и переписалъ Пушкинъ въ своемъ лицейскомъ дневникѣ. Она напечатана П. Н. Араповымъ въ „Лѣтописи рус. театра“, стр. 241. См. письмо Карамзина къ А. И. Тургеневу въ Москвитинѣ 1855, № 1, стр. 100, и письмо Жуковскаго въ Рус. Арх. 1864, ст. 459. О Шаховскомъ см. I, 516-518 и статью А. Н. Сиротинина въ Рус. Арх. 1896, I, 497-510; о Буниной — I, 631.

Въ „кантатѣ“ упоминаются произведенія Шаховского: комедія „Полубарскія Затѣи“, ирои-комическая поэма „Расхищенныя Шубы“, драма „Девора“ и пр. и говорится о его

близкихъ отношеніяхъ къ актрисѣ Ежовой. „Макаръ“ — лакей Шаховского.

³ Имя въ подлинникѣ зачеркнуто, но его можно разобрать. О К. П. Бакуниной см. I, 451 - 453, 474, 479, 495 и II, 364. Приведенные два стиха Жуковского взяты изъ его стихотворенія „Пѣвецъ“.

⁴ Товарищъ Пушкина А. Д. Илличевскій писалъ П. Н. Фуссу 16 янв. 1816: „Пушкинъ пишетъ теперь комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ: „Философъ“. Планъ довольно удаченъ, и начало, т. е. первое дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи — и говорить нечего, а острыхъ словъ — сколько хочешь! Дай только Богъ ему терпѣнія и постоянства... Это — первый большой *ouvrage*, начатый имъ, *ouvrage*, которымъ онъ хочетъ открыть свое поприще по выходѣ изъ Лицея...“ (Гротъ, Пушк., 67).

⁵ Куплеты этого рода лицеисты называли своими „національными“ пѣснями. См. II, 567 и записку гр. Корфа — у Грота, Пушк., 222 и сл.

⁶ Алексѣй Николаевичъ Иконниковъ, былъ однимъ изъ гувернеровъ въ Лицеѣ. „Въ этомъ добромъ, благородномъ, умномъ и образованномъ человѣкѣ всѣ хорошія качества подавлялись неодолимою страстію къ вину... Онъ оставался въ Лицеѣ недолго, и куда послѣ дѣлся, — не знаю“ (Гр. Корфъ — у Грота, 242 - 243).

II. Изъ Кишиневскаго дневника (стр. 452).

Автографъ этого отрывка, случайно сохранившійся, такъ какъ Пушкинъ уничтожилъ свой Кишиневскій дневникъ, находится въ Моск. Муз., № 2387 А 33. Это — мелко исписанная съ обѣихъ сторонъ четвертушка синей бумаги. Кромѣ замѣтокъ изъ дневника, на ней набросано еще нѣсколько строкъ черноваго французскаго письма, помѣщенныхъ нами въ VIII томѣ настоящаго изданія (см. Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 552).

Впослѣдствіи, уже въ 1833 году, Пушкинъ, повидимому, предполагалъ написать воспоминанія о своей жизни въ Кишиневѣ; на это указываетъ сохранившійся въ рук. № 2375, л. 18, отрывокъ программы:

„Кишиневъ. — Пріѣздъ мой изъ Кавказа и Крыма, — Орловъ. — Ипсиланти. — Каменка — [Фонт.] — Греческая революція — Липр[анди] — 12 годъ — *Mort de sa femme* —

le rénégat — паша арэрумскій.* (Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 648).

¹ Кишиневскій митрополитъ Гавріиль Банулеско-Бодони. См. I, 312, 621.

² Напечатано въ „Сынъ Отечества“ 1821, № 10. Стихи, о которыхъ говоритъ Пушкинъ —

Хочу - ль сказать, къ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ?

Державинъ рвется въ стихъ, а втащится Херасковъ.

Кн. Вяземскій (Соч., I, стр. XLII) по поводу этого замѣчанія говоритъ: „Пушкина разсердилъ и огорчилъ я другимъ стихомъ изъ этого посланія, а именно тѣмъ, въ которомъ говорю, что языкъ нашъ риѣмами бѣденъ. — Какъ хватило въ тебѣ духа, сказалъ онъ мнѣ, сдѣлать такое признаніе? Оскорбленіе русскому языку принималъ онъ за оскорбленіе, лично ему нанесенное.“

³ Павелъ Ивановичъ Пестель, извѣстный впослѣдствіи декабристъ (ум. 13 июля 1826), былъ въ то время адъютантомъ главнокомандующаго 2-й арміи гр. Витгенштейна и, по порученію начальника штаба П. Д. Киселева, былъ командированъ, черезъ Кишиневъ, въ Скуляны, чтобы собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Дунайскихъ княжествахъ, по случаю вторженія туда греческихъ этеристовъ подъ начальствомъ кн. Ипсиланти.

III. Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ (стр. 545).

Клочекъ, напечатанный Анненковымъ, Мат., 39 - 40.

Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, генераль-отъ-артиллеріи, послѣдній сынъ знаменитаго „арапа Петра Великаго“, пережилъ прочихъ своихъ братьевъ (род. 1742, ум. 1825). Пушкинъ видѣлъ его, когда, по выпускѣ изъ Лицея, приѣхалъ въ Михайловское (1817). „Забавно, что водка, которою старый арапъ подчивалъ тогда поэта, была собственнаго издѣлія хозяина. оттуда и удовольствіе его при видѣ, какъ молодой родственникъ развязно съ нею справился. Ганнибалъ занимался на покоѣ перегочомъ водокъ и настоекъ, и занимался безъ усталы, со страстію...“ (Анн., Пушк., 11 - 12); см. Шляпкина, Изъ неизд. бум., 317 - 318.

Вѣроятно, по просьбѣ своего внучатнаго племянника, Петръ Абрамовичъ уступилъ ему листокъ своихъ записокъ. Этотъ листокъ, сохраненный Пушкинымъ въ своихъ бумагахъ (Муз. № 2387 А 37), служить, по словамъ Аннен-

кова, печальнымъ образчикомъ тѣхъ познаній въ русской грамотѣ и той способности къ логическому мышленію вообще, какими обладалъ полковникъ артиллеріи и родной братъ историческаго лица, Ивана Абрамовича Ганнибала. Вотъ его подлинный текстъ (Анн., Пушкин., 12 - 13):

„Отецъ мой служилъ въ російской службѣ происходилъ во оной чинами и удостоился Генераломъ аншефскаго чина орденовъ святыя Анны и Александра Невскаго, былъ негеръ, отецъ его былъ знатнаго происхожденія то есть владѣтельнымъ княземъ и взятъ во монаты отецъ мой константинопольскаго двора изъ онаго выкраденъ и отосланъ къ государю Петру Первому, детей после себя оставилъ Ивана Генераль Поручика — Петра артиллеріи полковника — Юсифа морской артиллеріи 3 ранга капитана; дочерей Елизавету, которая была за Пушкинымъ вдовою Анну, коя была за Генераль Маіоромъ Нефловымъ, Софья за Роткирхомъ. Братья сестры и зятя волею Божию все вроди и чада помре, остался я одинъ, я и старшій въ роде Ганнибаловъ; теперь начну писать о собственномъ рожденіи, происходящимъ въ чинахъ и приключеніяхъ. Родился я въ 1742 году іюля 21 число по полуночи въ городе Ревеле гдѣ отецъ мой вономъ городе былъ Оберъ Комендантомъ; воспріемники были за очно вѣчно достойна Императрица Елизаветъ Петровна достойной памиати съ Петромъ Третьимъ — вто же время пожаловано отцу моему 500 Псковской Губерніи“

См. ниже, „Родословную Пушкиныхъ и Ганнибаловъ.“

IV. Воображаемый разговоръ (стр. 454).

По рук. Муз. № 2370, лл. 46 - 47, напечатано П. И. Бартеневымъ въ сборникѣ „Пушкинъ“, II, 104 - 105; въ исправленномъ видѣ — въ изд. Лит. Фонда, V, 37 - 39.

¹ Князь Дмитрій Евсеѣвичъ Циціановъ, извѣстный въ Москвѣ выдумщикъ и острословъ, родной дядя А. О. Смирновой. Будучи очень щедрымъ и гостепріимнымъ человекомъ, онъ весь прожился, и его на старости лѣтъ содержала его прислуга. Онъ преспокойно увѣрялъ своихъ собесѣдниковъ, что въ Грузіи очень выгодно имѣть суконную фабрику, такъ какъ нѣтъ надобности красить пряжу: овцы рождаются разноцвѣтныя, и при закатѣ солнца стада этихъ цвѣтныхъ овецъ представляютъ прелестную картину, отливая всѣми цвѣтами радуги. (Рус. Арх. 1889, II, 86).

² Изъ этого письма, писаннаго Пушкинымъ въ мартѣ 1824 г. и перехваченнаго на почтѣ, извѣстно лишь нѣсколько строкъ. Въ немъ П., между прочимъ, сообщалъ, что „береть уроки чистаго аеизма“, и признавалъ эту систему „не столь угѣшительною, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобною“. См. т. VII, письма 1824 г.

V. Остатки автобіографіи (см 457).

Рук. Муз. № 2387 А. — Посм.; Анн., Мат. и Пушк., 119.

¹ О болѣзни Пушкина см. I, 550.

² См. Соч. Вяземскаго, II, 216 - 218.

³ Рукою Жуковскаго это мѣсто передѣлано для Посм. такъ: „Молодые якобинцы негодовали на исторіографа за его умѣренность; они забывали, что Карамзинъ (который, впрочемъ, былъ убѣжденъ въ необходимости для Россіи самодержавія, вѣн коего нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, долго не будетъ для нея безопасности) печаталъ“ и пр.

⁴ Ср. выше, стр. 23 - 24.

⁵ См. I, 235, 537 - 538.

VI. Встрѣча съ Кюхельбекеромъ (стр. 460). Библиогр. Записки 1859.

В. К. Кюхельбекеръ былъ осужденъ за 14 декабря 1825 г. на 20-лѣтнюю каторгу, но вмѣсто нея содержался въ Шлиссельбургской крѣпости, откуда по высочайшему повелѣнію 12-го октября 1827 г. переведенъ въ Динабургскую крѣпость. Въ этотъ переѣздъ и произошла описываемая Пушкинымъ встрѣча.

Въ берлинскомъ изданіи стихотвореній Пушкина 1861 г. напечатано и въ Рус. Стар. 1901, т. CV, 578, перепечатано донесеніе фельдъегеря объ этой встрѣчѣ, которое и приводимъ здѣсь цѣликомъ:

„Господину дежурному генералу Главнаго Штаба,
Е. И. В. генераль-адъютанту и кавалеру Потапову
Фельдъегеря Подгорнаго
Рапортъ.

„Отправленъ я былъ сего мѣсяца 12-го числа въ гор. Динабургъ съ государственными преступниками, и по пути, пріѣхавъ на станцію Залазы, вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру ѣхавшій изъ Новоржева въ С.-Петербургъ нѣкто г. Пушкинъ, и началъ послѣ поцѣлуевъ съ нимъ разговаривать. Я, видя сіе, наипоспѣшнѣйше отпра-

вилъ какъ перваго, такъ и тѣхъ двухъ за полверсты отъ станціи, дабы не дать имъ разговаривать, а самъ остался для написанія подорожной и заплаты прогоновъ. Но г. Пушкинъ просилъ меня дать Кюхельбекеру денегъ; я въ семь ему отказалъ. Тогда онъ, г. Пушкинъ, кричалъ и, угрожая мнѣ, говорилъ, что по прибытіи въ С.-Петербургъ въ ту же минуту доложу его императорскому величеству, какъ за недопущеніе распроститься съ другомъ, такъ и дать ему на дорогу денегъ; сверхъ того, не премину также сказать и ген.-адъютанту Бенкендорфу. Самъ же г. Пушкинъ, между прочими угрозами, объявилъ мнѣ, что онъ посаженъ былъ въ крѣпость и потомъ выпущенъ, почему я еще болѣе препятствовалъ имѣть ему сношеніе съ арестантомъ; а преступникъ Кюхельбекеръ мнѣ сказалъ: это тотъ Пушкинъ, который сочиняетъ. 28 октября 1827 г. * . См. II, 503 - 504.

VII. Путешествіе въ Арзрумъ (стр. 461).

Напечатано самимъ Пушкинымъ въ 1-й кн. „Современника“ 1836 г. Ранѣе — небольшой отрывокъ, подъ заглавіемъ: „Военная Грузинская дорога“, помѣщенъ былъ въ „Литер. Газетѣ“ 1830, № 8. — Написанное вчернѣ еще въ 1829 г., „Путешествіе“ было въ 1835 г. переписано набѣло, въ исправленномъ видѣ. Въ бѣловой рукописи (Муз. № 2383), по которой исправленъ текстъ нашего изданія, лишнею противъ печатавшагося прежде оказалась только латинская фраза на стр. 506; въ черновой (№ 2382) есть нѣкоторыя дополненія и программы, которыя и приводимъ.

Разговоръ съ калмычкой (стр. 466) изложенъ такъ: „Что ты шьешь? — Портка. — Кому? — Себя. — Поцѣлуй меня. — Неможна, стыдно. — Голось ея былъ чрезвычайно пріятенъ. Она подала мнѣ свою трубку, и т. д. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины, и я съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ его. Послѣ сего подвига я думалъ, что имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе, но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по головѣ... Калмыцкая любезность мнѣ надоѣла, я выбрался изъ кибитки и поѣхалъ далѣе. Вотъ къ ней посланіе, которое, вѣроятно, никогда до нея не дойдетъ“ (должно было слѣдовать стихотвореніе: „Калмычкѣ“, II, 99).

„18 іюня. Арзрумъ; карантинъ; обѣдъ у гр. Паскевича; харемъ; сабля...“ (пол-страница карандашемъ, полустерто и неразборчиво).

„Переходъ черезъ Кавказъ. Даріаль, Казбекъ, осетинцы, похороны. Поэтъ персидскій, принцъ персидскій. Снѣговая гора. Грузія, Арагва, Душетъ, Тифлисъ, Ара- рать, граница Европы. Дорога до Карса. Карсъ. Лагерь гр. Паскевича. Перестрѣлка. Рекогносцировка. ... война.

„27 іюня. Арзрумъ. Дворецъ. Обратный путь“.

Въ рук. № 2383 находятся еще маршруты:

„Отъ Тифлиса до Арзрума: Телеты — 14 верстъ, Коды — 11, Большіе Шулаверы — 27, постъ Самисы — 20, постъ Акцибеукъ — 19¹/₂, укрѣпленіе Джелаль-Оглу — 19¹/₂, Гергерскій постъ — 13, Кишлякскій постъ — 16 (переѣздъ черезъ Безобдалъ), Амамлы — 13, Бекантъ — 15, укрѣпле- ніе Гумры — 27, селеніе Джамумлы — 28, селеніе Халивъ- Оглы — 18¹/₂, Карсъ — 21, селеніе Котанлы — 24, разва- лины Чирихли — 22, рѣчка Инжа - су (гдѣ былъ лагерь нашъ съ 14-го по 18-е іюня, на вершинѣ Саганлуга) — 12, рѣчка Гункеръ - су — 13, Загинъ - су — 16, замокъ Зи- винъ — 12, селеніе Ардасъ — 24, селеніе Кепрікѣвъ — 26 (мостъ на Араксѣ), деревня Гассанъ-кала -- 14¹/₂, Ар- зрумъ — 35.

..... „Другая дорога до Карса черезъ Милидюзь до Кепрікѣва: село Котанлы — 24 версты, урочище Дели- Муса-Пурунъ — 30, развалины караванъ-сарая на вершинѣ Саганлугскихъ горъ — 12, урочище Милидюзь, гдѣ былъ лагерь Гакки - паши, — 7, замокъ Минджегертъ — 9, рѣка Черникъ, при коей теплая желѣзныя воды, — 10¹/₂, деревня Хоросанъ — 12, деревня Кепрікѣвъ — 25“

Печатая „Путешествіе“ въ „Современникъ“, Пушкинъ не имѣлъ возможности издать его вполнѣ: пришлось сдѣ- лать два значительные пропуска въ 1-й главѣ и нѣсколько мелкихъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1-й главѣ были исклю- чены: рассказъ о свиданіи съ Ермоловымъ (этотъ пропускъ былъ сдѣланъ, очевидно, самимъ Пушкинымъ) и рассужде- ніе о необходимости христіанской проповѣди на Кавказѣ (выпущено по указанію гр. Бенкендорфа). По соображе- ніямъ, нынѣ совершенно непонятнымъ, сводный уланскій полкъ именовался въ печатномъ текстѣ просто уланскимъ, а названіе сводный замѣнено было тремя звѣздочками. Съ этими сокращеніями „Путешествіе“ вошло въ Посм. и въ изд. Анненкова, и лишь нѣсколько лѣтъ по выходѣ по- слѣдняго указанные отрывки появились въ печати — въ

Библ. Запискахъ 1859 и Рус. Архивъ 1863 г. Еще одинъ пропускъ, отысканный въ недавнее время, напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ книгѣ: „О—Пушкинъ“, М. 1899, стр. 173, и въ болѣе полномъ видѣ — П. А. Ефремовымъ въ Соч. Пушк. изд. Суворина, Спб. 1903, V, 225-226. „Отрывка этого нѣтъ въ рукописяхъ поэта“, говоритъ г. Ефремовъ: „онъ былъ изъятъ Анненковымъ; но, до изъятія, Анненковъ переписалъ его въ своихъ черновыхъ выпискахъ, не обозначивъ, однако, мѣста, къ которому онъ принадлежалъ“. Вотъ этотъ отрывокъ:

(Пушкинъ описываетъ, какъ онъ присутствовалъ при встрѣчѣ двухъ отрядовъ донскихъ казаковъ: одинъ отрядъ пришелъ смѣнить другой на кавказской службѣ, и встрѣтившіеся земляки обмѣниваются новостями).

Обѣ толпы съѣхались и обнялись на коняхъ, при свистѣ пуль, въ облакахъ дыма и пыли. Обмѣнявшись извѣстіями, они разстались и догнали насъ съ новыми прощальными выстрѣлами. „Какія вѣсти?“ спросилъ я у прискакавшего ко мнѣ урядника: „все ли въ домѣ благополучно?“ — Слава Богу, отвѣчалъ онъ, — старики мои живы, жена здорова. — „А давно ты съ ними разстался?“ — Да вотъ, уже три года, хоть по положенію надлежало бы служить только годъ. — „А скажи“, прервалъ его молодой армейскій офицеръ, — „не родила ли у тебя жена во время отсутствія?“ — Ребята говорятъ, что нѣтъ, отвѣчалъ веселый урядникъ. — „А не б.....ла ли безъ тебя?“ — Помаленьку, слышно, д...ла. — „Что же, побьешь ты ее за это?“ — А зачѣмъ ее бить? Развѣ и я безгрѣшенъ? — „Справедливо; а у тебя, братъ“, спросилъ я другого казака, — „такъ ли честна хозяйка, какъ у урядника?“ — Моя родила, отвѣчалъ онъ, стараясь скрыть свою досаду. — „А кого Богъ далъ? — Сына. — „Что жъ, братъ, побьешь ее?“ — Да посмотрю: коли на зиму сѣна припасла, такъ и прощу; коли нѣтъ, — такъ побью. —

„И дѣло!“ подхватилъ товарищъ: „побьешь ее, да и будешь горевать, какъ старикъ Черкасовъ: смолоду былъ онъ дюжь и горячъ; случился съ нимъ тотъ же грѣхъ, какъ съ тобой; поколотилъ онъ хозяйку такъ, что она послѣ 30 лѣтъ жила калѣкой. Съ сыномъ его случилась та же бѣда. И тотъ было сталъ колотить молодицу, а старикъ-то ему: „Слушай, Иванъ, — оставь ее; посмотри на мать: и я смолоду поколотилъ ее за то же, да и жизни не радъ!“ — Такъ и ты“, продолжалъ урядникъ: „жену-то прости, а в.....ка [сына] посылай чаще по дождю...“ — Ладно, ладно, посмотримъ, отвѣчалъ казакъ. — „А въ самомъ дѣлѣ“, спросилъ я, „что ты сдѣлаешь съ в.....комъ [сыномъ]?“ Да что съ нимъ дѣлать? Корми, да отвѣчай за него, какъ за родного. — „Сердитъ“, шепнулъ мнѣ урядникъ: „теперь жена не смѣй и показаться ему, — прибѣтъ до смерти“. Это заставило меня размышлять о простотѣ казачьихъ нравовъ. „Какихъ лѣтъ у васъ женятся?“ — Да лѣтъ 15-ти. — „Не слишкомъ ли рано? Мужъ не сладить съ женой?“ — Свекоръ, если добръ, такъ поможетъ.

Въ рук. № 2383 находится также и первоначальный текстъ предисловія (другой текстъ, болѣе близкій къ печатному, — № 2387 Б):

„Сіи записки, будучи занимательны только для немногихъ, никогда не были бы напечатаны, если бъ къ тому не побудила меня особая причина. Прошу позволенія объяснить ее и для того войти въ подробности очень неважныя, ибо онѣ касаются одного меня.

„Въ 1829 году отправился я на кавказскія воды. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ братомъ и съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей. Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я уже никого изъ нихъ не нашель. Армія выступила въ походъ. Желаніе видѣть войну и сторону малоизвѣстную побудило

меня просить у е. с. графа Паскевича-Эриванскаго позволенія прѣхать въ армію. Такимъ образомъ видѣлъ я блистательный походъ, увѣнчаный взятіемъ Арзрума.

„Журналисты какъ - то о томъ провѣдали. Въ газетѣ (политической) *) побранили меня не на шутку за то, что по возвращеніи моемъ напечаталъ я стихотвореніе, не относившееся ко взятію Арзрума. „Мы надѣялись“, писалъ неизвѣстный рецензентъ, и пр. Одинъ изъ московскихъ журналовъ также поропталъ на пѣвуновъ, не воспѣвшихъ успѣха нашего оружія.

„Я, конечно, не былъ обязанъ писать по заказу гг. журналистовъ; къ тому же, частная жизнь писателя, какъ и всякаго гражданина, не подлежитъ обнародованію. Нельзя было бы, на примѣръ, напечатать въ газетахъ: „мы надѣялись, что г. прапорщикъ такой то возвратится изъ похода съ георгіевскимъ крестомъ; вмѣсто того вывезъ онъ изъ Молдавіи одну лихорадку“. Явно, что цензура этого не пропустила - бы.

„Зная, что публика столь же мало заботится о моихъ путешествіяхъ, какъ и о требованіяхъ рецензентовъ, я не сталъ оправдываться. Но важнѣйшее обвиненіе заставляетъ меня прервать молчаніе.

„Недавно попалась мнѣ въ руки“, и т. д., все предисловіе до конца, безъ перемѣнъ. Въ концѣ — помѣта: 3 апрѣля 1835.

Черновая рукопись части I-й главы, п. з. „Военная Грузинская „дорога“, принадлежащая П. Я. Дашкову и воспроизведенная въ снимкѣ въ Историч. Вѣстн. 1899, т. 76, представляетъ нѣсколько вариантовъ къ позднѣйшему тексту. Именно, стр 466 - 467 нашего изданія изложены въ этой рукописи въ слѣдующей редакціи:

„Переходъ [отъ Европы къ Азіи] отъ сѣвера къ югу дѣлается часть отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую, силу прозябаемости; по широкимъ пажитямъ

Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;

показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ дубравахъ; орлы, какъ часовые, сидятъ на кочкахъ, означающихъ боль-

*) Было: „Сѣверной Пчелѣ“.

шую дорогу, и спокойно смотрятъ на проѣзжающаго. Калмыки разбиваютъ свои войлочатяя кибитки. Татары пасутъ своихъ барановъ и верблюдовъ, оживляя необозримую однообразность степи.

„Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба недвижную массу облаковъ, поразившую мнѣ взоры тому ровно девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это — снѣжныя вершины кавказской цѣпи. Подѣзжая къ Георгіевску, яснѣе увидѣлъ я ихъ свѣтлую цѣпь и темныя массы передовыхъ горъ. Онѣ обнимали всю правую сторону горизонта и ярко рисовались на ясномъ утреннемъ небѣ. Я увидѣлъ остроконечный Бешту, окруженный Ма-шукомъ, Змѣиной и Лысой горою, своими вассалами. На водахъ я нашель большую перемѣну. Въ мое время“, и т. д.

(стр. 467) „...мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ гропинокъ, кустарниковъ и пропастей неогороженныхъ. Этотъ край, конечно, усовершенствовался, но потерялъ и много прелести. Такъ бѣдный молодой шалунъ дѣлается современнымъ человѣкомъ степеннымъ и порядочнымъ, но теряетъ свою прежнюю любезность. Съ неизъяснимой грустію бродилъ я часа три на водахъ и ночью поѣхалъ обратно въ Георгіевскъ берегомъ быстрой Подкумки. Здѣсь, бывало, сиживаль...“ и пр.

Намѣреніе посѣтить Кавказъ явилось у Пушкина еще въ 1827 г.: 8-го мая этого года онъ писалъ изъ Москвы брату Льву, служившему тогда въ нижегородскомъ драгунскомъ полку: „Завтра ѣду въ Петербургъ... Изъ П-бурга поѣду въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во свояси, т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе — въ Грузію, не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевского“. Въ началѣ турецкой кампаніи 1828 г. Пушкинъ просилъ позволенія въ ней участвовать; Бенкендорфъ официально отвѣчалъ ему 20 апр. 1828: „Я докладывалъ Государю Императору о желаніи вашемъ, м. г., участвовать въ начинающихся противъ турокъ военныхъ дѣйствіяхъ. Его Императорское Величество, принявъ весьма благосклонно готовность вашу быть полезнымъ въ службѣ Его, Высочайше повелѣтъ мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что Онъ не можетъ васъ опредѣлить къ арміи, поелику всѣ мѣста въ оной заняты, и ежедневно случаются отказы на просьбы желающихъ опредѣлиться къ оной; но что Онъ не забудетъ васъ и воспользуется первымъ слу-

чаемъ, чтобы употребить отличныя ваши дарованія въ пользу отечества“. (Брюсовъ, Письма П., 49). Получивъ отказъ, П. просилъ отпустить его за границу; на этотъ разъ новый отказъ былъ сообщенъ ему, по порученію Бенкендорфа, лично А. А. Ивановскимъ 23 апрѣля (Рус. Стар. 1874, т. IX, 392). Весной 1829 г. П., повидимому, довольно внезапно и безъ всякихъ приготовленій рѣшилъ отправиться на свой страхъ въ Грузію. Очень вѣроятно, что онъ задумалъ сдѣлать въ Москвѣ предложеніе Н. Н. Гончаровой и, въ случаѣ отказа, уѣхать на Кавказъ, для чего, уѣзжая въ Москву, и запася въ Петербургѣ (5 марта) подорожною въ Тифлисъ и обратно. Выѣхалъ онъ изъ Петербурга 9-го марта. Его предчувствіе оправдалось: попытка сватовства черезъ гр. Ѳ. И. Толстого окончилась неудачно, и 1-го мая П. выѣхалъ изъ Москвы. 3-го или 4-го мая онъ видѣлся въ Орлѣ съ А. П. Ермоловымъ, а 15-го былъ уже въ Георгіевскѣ, гдѣ и началъ журналъ своего путешествія. 26 мая онъ прибылъ въ Тифлисъ, 10 іюня выѣхалъ оттуда, 12-го былъ въ Карсѣ, а на другой день явился въ русскій лагерь на берегу Карсѣ - чая и вмѣстѣ съ нашими войсками двинулся къ Арзруму. 27 іюня онъ присутствовалъ при взятіи этого города и посѣтилъ его вмѣстѣ съ Н. Н. Раевскимъ; 21 іюля выѣхалъ обратно въ Тифлисъ, куда прибылъ 1 августа; 6-го выѣхалъ изъ Тифлиса, 10-го былъ во Владикавказѣ и оттуда поѣхалъ на минеральныя воды, гдѣ и пробылъ до 8 сентября. Въ Москву онъ вернулся около 26 сентября; 12 октября уѣхалъ оттуда въ свое Михайловское и проѣздомъ черезъ Тверскую губ. побывалъ въ имѣніяхъ Вульфовъ — Малинникахъ и Берновѣ. Наконецъ, около 10 ноября, возвратился онъ въ Петербургъ, — и здѣсь прежде всего долженъ былъ считаться съ запросомъ Бенкендорфа отъ 14 окт. за № 4360:

„Государь Императоръ, узнавъ по публичнымъ извѣстіямъ, что вы, м. г., странствовали за Кавказомъ и посѣщали Арзерумъ, Высочайше повелѣтъ мнѣ изволилъ спросить васъ, по чьему позволенію предприняли вы сіе путешествіе. Я же, съ своей стороны, покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили вы сдержать даннаго мнѣ слова и отправились въ Закавказскія страны, не предупредивъ меня о намѣреніи вашемъ сдѣлать сіе путешествіе“. (Брюсовъ, Письма, 50).

Пушкинъ отвѣчалъ, что на Кавказъ отправился для свиданія съ братомъ своимъ, съ которымъ не видался уже пять лѣтъ; что въ Тифлисъ онъ прибылъ, когда войска находились уже въ походѣ, а потому, черезъ друга своего Н. Раевского, испросилъ у гр. Паскевича дозволеніе прибыть въ армію; что, сверхъ того, ему любопытно было взглянуть на театръ войны и на мѣста, которыя могутъ дать ему матеріалъ для сочиненій; что, наконецъ, поведеніемъ своимъ на Кавказѣ онъ не навлекъ на себя никакого нареканія. „Публичныя извѣстія“, о которыхъ говорится въ письмѣ Бенкендорфа, были напечатаны въ журналахъ и газетахъ. Въ Дамскомъ Журналѣ 1829, ч XXVI, № 14, стр. 9, явилось стихотвореніе кн. П. И. Шаликова: „Къ А. С. Пушкину, сказавшему мнѣ, что онъ ѣдетъ въ мое отечество Грузію“. — Въ № 29 „Тифлискихъ Вѣдомостей“ 1829 (28 іюня) читаемъ:

„Надежды наши исполнились. Пушкинъ посѣтилъ Грузію. Онъ не долго былъ въ Тифлисъ; желая видѣть войну, онъ испросилъ дозволеніе находиться въ походѣ при дѣйствующихъ войскахъ и 16-го іюня прибылъ въ лагерь при Инжа-су. Первоклассный поэтъ нашъ пребываніе свое въ разныхъ краяхъ Россіи означилъ произведеніями славнаго его пера: съ Кавказа далъ онъ намъ Кавказскаго Плѣнника, въ Крыму написалъ Бахчисарайскій Фонтанъ въ Бессарабіи — Цыганъ, во внутреннихъ провинціяхъ писалъ онъ прелестныя картины Онѣгина. Теперь читающая публика наша соединяетъ самыя пріятныя надежды съ пребываніемъ А. Пушкина въ станѣ кавказскихъ войскъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подарить насъ изъ стана военнаго? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихіи моря, мы просимъ судьбу сохранить нашего поэта среди ужасовъ брани“

Тамъ же, № 32 (9 августа):

„6 августа А. Пушкинъ, возвратившійся изъ Арзрума, выѣхалъ изъ Тифлиса къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Любители изящнаго должны теперь ожидать прелестныхъ подарковъ, коими геній Пушкина, возбужденный воспоминаніями о Закавказскомъ краѣ, безъ сомнѣнія, надѣлитъ нашу литературу“.

Корреспондентъ „Сѣв. Пчелы“ писалъ изъ крѣпости Владикавказа, 10 августа (Сѣв. Пч. 1829, 12 сент., № 110):

„Сего числа былъ здѣсь проѣздомъ А. С. Пушкинъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ изъ Арзрума и на другой день отправился далѣе, съ намѣреніемъ побывать на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ и потомъ отправиться, черезъ Моздокъ и Кизляръ, въ Астрахань“. (?)

Ссылка Бенкендорфа на эти „публичныя извѣстія“ была, разумѣется, только литературнымъ приемомъ, такъ какъ шефъ жандармовъ о каждомъ шагѣ поэта имѣлъ „извѣстія“ непубличныя. Булгаринъ тотчасъ вслѣдъ за отъѣздомъ Пушкина доносилъ: „Я вамъ сказывалъ, что Пѣпоѣхалъ отсюда въ деревню и одинъ. Вотъ первое о немъ извѣстіе отъ собаченки его, Сомова. Что далѣе узнаю, сообщу. Вспомните при семъ, что у Пѣродной братъ служить на Кавказѣ и что господинъ поэтъ столь же опасенъ pour l'Etat, какъ неочиненное перо. Ни онъ не затѣетъ ничего въ своей вѣтреной головѣ, ни его не возьметъ никто въ свои затѣи. Это вѣрно! Laissez-le courir le monde, chercher des filles, des inspirations poétiques et — du jeu.“ Можно смѣло утверждать, что это путешествіе устроено игроками, у коихъ онъ въ тискахъ. Ему вѣрно обѣщаютъ золотыя горы на Кавказѣ, а когда увидятъ деньги или поэму, то выиграютъ — и конецъ ..“ (Сухомлиновъ, Изслѣд., II, 214). Бенкендорфъ тогда же спрашивалъ спб. ген-губернатора, сообщено ли начальству того мѣста, куда уѣхалъ П., что онъ состоитъ подъ секретнымъ надзоромъ. Такъ какъ П. взялъ подорожную въ Тифлисъ, то о надзорѣ и сообщено было главнокомандующему въ Грузіи гр. Паскевичу. Отъѣздъ поэта въ армію, въ которой находилось въ то время много лицъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ 14 декабря 1825 г., показался подозрительнымъ .. И вотъ, „пока Пушкинъ беззаботно ѣхалъ по степямъ Предкавказья, въ Тифлисъ уже дѣлались о немъ распоряженія. За нѣсколько дней до выступленія въ турецкій походъ, именно 12 мая 1829 г., Паскевичъ приказалъ начальнику своего штаба барону Д. Е. Остенъ-Сакену предупредить тифлискаго военнаго губернатора ген.-адъютанта Стрекалова о предстоящемъ прибытіи въ Грузію „извѣстнаго стихотворца, отставнаго чиновника X класса Александра Пушкина“, и объ учрежденіи за нимъ надлежащаго надзора. Стрекаловъ, въ свою очередь,

предписаль 14 мая тифлисскому гражданскому губернатору, по прибытіи Пушкина обратить на поведеніе его строгое вниманіе и доносить секретно объ образѣ его жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ зналъ объ этомъ отъ своихъ друзей, служившихъ въ штабѣ и въ канцеляріи Паскевича, и принялъ свои мѣры осторожности. Онъ вообще избѣгалъ писанія во время пребыванія на Кавказѣ и пользовался только вѣрными случаями для пересылки своихъ писемъ. Соображеніями осторожности объясняется, по всей вѣроятности, и то, что Пушкинъ, начавъ въ Георгіевскѣ свой дневникъ изложеніемъ мнѣнія о системѣ управленія горами, о способахъ мирнаго покоренія ихъ и т. д., прекратилъ подробныя записи по переѣздѣ черезъ Кавказскія горы и ограничился краткими отмѣтками о лично видѣнномъ, избѣгая всякихъ разсужденій и оцѣнки событій. Та же причина, несомнѣнно, побудила его умолчать и о многихъ встрѣчахъ со старыми друзьями, или скрыть ихъ имена подъ инициалами, которые раскрыты только теперь. Уже послѣ его отъѣзда съ Кавказа, отъ тифлисскаго военнаго губернатора было потребовано донесеніе, „по чьему позволенію извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ предпринялъ путешествіе изъ Тифлиса въ Эрзерумъ“. Представляя Бенкендорфу свои объясненія, Стрекаловъ допосиль, что даже лично обращалъ на образъ жизни Пушкина надлежащее вниманіе“ (Е. Г. Вейденбаумъ, „О пребываніи П. на Кавказѣ въ 1829 г.“, въ сборникѣ: „Кавказская поминка о П.“, Тифл. 1899, стр. 111-112; Рус. Стар. 1879, XXV, 753, и 1880, XXVII, 146-147).

Между тѣмъ, Бенкендорфъ доложилъ о самовольной поѣздкѣ Пушкина государю, который написалъ (20 іюля) слѣдующую записку:

„О Пушкинѣ. Lui faire demander qui lui a permis d'aller à Erzeroum—d'abord c'est hors de la frontière et 2-me il a oublié qu'il doit m'avertir de tout ce qu'il fait en fait de voyage. Cela fera qu'à la première occasion on lui assignera un endroit“.

Результатомъ этой записки и былъ приведенный выше запросъ шефа жандармовъ.

Объ этой поѣздкѣ Пушкина интересныя, но не всегда точныя, свѣдѣнія находятся въ воспоминаніяхъ Н. Б. Потокскаго (Рус. Стар. 1880, XXVIII, 575-584) и М. В.

Юзефовича (Рус. Арх. 1880, III, 430 - 446). Л. Н. Майковъ (Пушк., 378 - 396) напечаталъ записку М. И. Пущина о встрѣчѣ его съ Пушкинымъ за Кавказомъ, присоединивъ къ ней обстоятельный комментарий. Е. Г. Вейденбаумъ, въ „Кавказской Поминкѣ“, кромѣ указанной выше статьи, издалъ все „Путешествіе“ съ подробными примѣчаніями, которыми мы и пользуемся съ благодарностью.

Объясненіемъ къ предисловію Пушкина, написанному шесть лѣтъ спустя послѣ путешествія, служатъ слѣдующія замѣтки „Сѣверной Пчелы“:

1829, № 138: „А. С. Пушкинъ возвратился въ здѣшнюю столицу изъ Арзрума. Онъ былъ на блистательномъ поприщѣ побѣдъ и торжества русскаго воинства, наслаждался зрѣлищемъ, любопытнымъ для каждаго, особенно для русскаго. Многіе почитатели его музы надѣются, что онъ обогатитъ нашу словесность какимъ - нибудь произведеніемъ, вдохновеннымъ подъ тѣнью военныхъ шатровъ, въ виду неприступныхъ горъ и твердынь, на которыхъ мощная рука Эриванскаго героя водрузила русскія знамена“

1830, № 35 (разборъ VII главы Онѣгина): „Итакъ, надежды наши исчезли! Мы думали, что авторъ Руслана и Людмилы устремился на Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на Востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбуждаютъ геній нашихъ поэтовъ: мы ошиблись! Лiry знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей поэзіи появился опять Онѣгинъ, блѣдный, слабый Сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину“, и т. д.

И впослѣдствіи, въ 1836 г., когда „Путешествіе“ явилось въ I-й кн. „Современника“, Булгаринъ въ своей рецензіи (С. Пч. № 129) писалъ: „Есть ли что-нибудь... въ „Путешествіи въ Арзрумъ?“ Виденъ ли тутъ поэтъ съ пламеннымъ восторгомъ, съ сильною душою? Гдѣ геніальные взгляды, гдѣ дивныя картины, гдѣ пламень? И въ какую пору былъ авторъ въ этой чудной странѣ! Во время знаменитаго похода! Кавказъ, Азія и война! Уже въ этихъ трехъ словахъ поэзія, а „Путешествіе въ Арзрумъ“ есть

не что иное, какъ холодныя записки, въ которыхъ нѣтъ и слѣда поэзіи. Новаго здѣсь — извѣстія о тифлисскихъ баняхъ; но люди, бывшіе въ Тифлисъ, говорятъ, что и это не вѣрно¹.

„Путешествіе въ Арзрумъ“ не обратило на себя особеннаго вниманія. Даже Бѣлинскій отнесся къ нему холодно. „Сочиненіе это, — писалъ онъ, — есть одна изъ тѣхъ статей, которыя хороши не по своему содержанію, а по имени, которое подъ ними подписано. Статья Пушкина не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы вы, прочтя ее, могли пересказать, что бы васъ особенно поразило; но ее нельзя читать безъ увлеченія, нельзя не дочитать до конца, если начнешь читать“.

Сочувственно оцѣнила „Путешествіе“ одна читательница, — А. О. Смирнова: „Арзрумъ — вылитый Пушкинъ, когда онъ расположенъ болтать и заинтересовать“, писала она кн. Вяземскому 4 мая 1836 г. (Бартеневъ, Пушк., II, 63).

¹ Викторъ Фонтанье (V. Fontanier, род. 1796, ум. 1857) извѣстный французскій путешественникъ и дипломатъ. Сочиненія его о Востокѣ цѣнятся за точность свѣдѣній и интересъ подробностей. Въ 1825 - 26 г., возвращаясь изъ Персіи, Фонтанье посѣтилъ Закавказье и нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Тифлисъ.

² Капитанъ л.-гв. измайловскаго полка графъ Влад. Алексѣевичъ Мусинъ - Пушкинъ за прикосновенность къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ петровскій пѣхотный полкъ, а затѣмъ въ тифлисскій, расположенный въ Грузіи. Графу Паскевичу было предложено имѣть за нимъ тайный и бдительный надзоръ.

³ Въ Екатериноградской станицѣ, расположенной на лѣвомъ берегу р. Малки, прекращался тогда обыкновенный почтовый трактъ, и дальнѣйшее движеніе къ Владикавказу совершалось подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ. Для этого надо было ждать случая, т. е. или препровожденія почты, или проѣзда какого - нибудь начальника или фельдъегеря. Отсюда и выраженіе ѣхать съ оказіей. Для прикрытія дороги отъ набѣговъ горскихъ хищниковъ были построены между Екатериноградомъ и Владикавказомъ, на лѣвой сторонѣ Терека, укрѣпленія Пришибъ, Урухъ и

Ардонъ. Въ нихъ оказіи останавливались для ночлега и въ нихъ же смѣнялись конвоирующія роты. Въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ были расположены еще вспомогательные укрѣпленные посты: Минаретскій (между Урухомъ и Ардономъ) и Архонскій (между Ардономъ и Владикавказомъ). Здѣсь оказіи останавливались только для кратковременнаго отдыха, въ виду большихъ переходовъ. Всего отъ Екатеринограда до Владикавказа считалось 105 верстъ. Оказія проходила это разстояніе въ четыре дня.

Начиная отъ Екатеринограда, дорога называлась Военно-грузинскою. Название это, совершенно неправильное въ смыслѣ географическомъ, произошло отъ того, что она находилась уже въ томъ районѣ, въ которомъ войска и вообще всѣ служащіе получали усиленное содержаніе, по такъ называвшемуся грузинскому положенію.

⁴ Пушкинъ справедливо хвалитъ красоту долины, въ которой находился Минаретскій укрѣпленный постъ. Здѣсь Терекъ прорывается чрезъ лѣсистый южно-кабардинскій хребетъ. Мѣстность эта, извѣстная подъ названіемъ Тартупъ, т. е. татарскій холмъ, носитъ слѣды древняго городища. На мѣстѣ его высится теперь только одинъ стройный кирпичный минаретъ, но еще въ началѣ текущаго столѣтія были видны здѣсь развалины двухъ христіанскихъ церквей, мечети, башни и слѣды обширнаго кладбища. Городище пользовалось прежде у кабардинцевъ и чеченцевъ величайшимъ уваженіемъ: клятва, произнесенная при Тартупѣ, считалась священной; преступники, прибѣгавшіе подъ защиту Тартупа, были неприкосновенны; здѣсь происходили народныя собранія и приносились жертвы. Ср. III, 595.

⁵ Правильнѣе тамга (тюрко-монгольское слово), т. е. отличительный знакъ, отмѣта.

⁶ Во время кавказской войны горцы официально дѣлились на мирныхъ и немирныхъ. Первые считались русскими подданными, служили въ нашихъ милиціонныхъ частяхъ, вторые состояли съ нами въ открытой войнѣ. Дѣленіе это было очень условно, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ мирные горцы были таковыми постольку, поскольку селенія ихъ были доступны для нашего штыка и пули. Мирные участвовали нерѣдко въ набѣгахъ немирныхъ въ наши предѣлы и даже служили лазутчиками

и проводниками для хищниковъ. Вотъ почему Пушкинъ называетъ ненадежною дружбу мирныхъ черкесовъ.

⁷ Мансуръ (по-арабски значитъ — побѣдоносный) или Шейхъ - Мансуръ, уроженецъ сел. Алды, въ Большой Чечнѣ, по имени Ушурма. Подъ вліяніемъ мусульманской проповѣди, раздававшей изъ турецкой Анапы, Ушурма принялъ званіе шейха съ прозвищемъ Мансура и явился первымъ провозвѣстникомъ среди кавказскихъ горцевъ газавата, т. е. войны за вѣру противъ христіанъ. Начавъ свою дѣятельность въ 1785 г., онъ въ короткое время успѣлъ поднять противъ русской власти чеченскія и черкесскія племена. Подавленіе вызваннаго имъ движенія потребовало величайшаго напряженія всѣхъ нашихъ военныхъ силъ, очень немногочисленныхъ въ то время на Кавказѣ. Испытавъ рядъ поражений, Мансуръ удалился въ Анапу, подъ защиту турецкихъ властей. Когда въ 1791 г. И. В. Гудовичъ взялъ штурмомъ эту крѣпость, Мансуръ оказался въ числѣ плѣнныхъ. Онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, представленъ императрицѣ Екатеринѣ и затѣмъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и скончался 13 апрѣля 1794 г.

Мансуръ еще при жизни своей далъ поводъ ко многимъ фантастическимъ слухамъ и рассказамъ, къ числу которыхъ относится также и приводимое Пушкинымъ извѣстіе о ссылкѣ плѣнника въ Соловецкій монастырь. Въ нашей литературѣ существуетъ восточный романъ В. И. Савинова „Шихъ - Мансуръ“, напечатанный въ „Пантеонѣ“ 1852 г. Наконецъ, въ 1884 г., въ парижскомъ журналѣ „La Nouvelle Revue“ появилась статья А. Ганьера (Gagnière) „Un Mahdi au XVIII siècle“, въ которой сообщается, что Мансуръ былъ не кто иной, какъ бѣглый итальянскій монахъ Жанъ - Батистъ Бозетти. Статья преисполнена самыхъ грубыхъ географическихъ, историческихъ и хронологическихъ ошибокъ. Само собою разумѣется, что монахъ - авантюристъ Бозетти, если таковой дѣйствительно существовалъ, не имѣетъ ничего общаго съ Мансуромъ и что всѣ письма его о подвигахъ на Кавказѣ, приводимыя Ганьеромъ, явно подложны.

⁸ Владикавказъ и теперь еще извѣстенъ у туземнаго населенія подъ тюркскимъ именемъ Капъ - кой или Копъ - кѣй, передѣланномъ русскими въ Капкай. Капу значитъ

ворота, проходъ; кой или кѣй — селеніе. Названіе указываетъ на то, что Владикавказъ расположенъ при выходѣ дороги изъ ущелья на плоскость.

⁹ Ср. Галубъ, III, 595 - 596.

¹⁰ Аманатами назывались на Кавказѣ дѣти вліятельныхъ горскихъ фамилій, которыхъ, по древнему восточному обычаю, брали для обезпеченія преданности тѣхъ родовъ и родовыхъ союзовъ, къ коимъ эти дѣти принадлежали. Такимъ заложникомъ былъ Джемалѣддинъ, старшій сынъ Шамиля, взятый у него въ 1839 г. Обычай этотъ подавалъ не рѣдко поводъ къ обманамъ. Не имѣя возможности уклониться отъ представленія аманатовъ, горцы давали иногда въ заложники дѣтей незначительныхъ по вліянію фамилій. Аманаты содержались въ нашихъ укрѣпленіяхъ, при чемъ предполагалось, что они, научившись русскому языку и узнавъ наши порядки, будутъ содѣйствовать мирному сближенію горцевъ съ русскими. Благая цѣль эта, какъ видно и изъ словъ Пушкина, достигалась только на бумагѣ.

¹¹ Эмилій Карловичъ Шернваль, зять упомянутаго здѣсь графа Вл. Ал. Мусина - Пушкина, братъ извѣстной красавицы Авроры Карловны Карамзиной.

¹² Изъ „Водопада“ Державина:

И ты, о водопадовъ мать!
Рѣка, на Сѣверѣ гремяща,
О Суна!

¹³ Князь Ѳедоръ Александровичъ Бековичъ-Черкасскій, кабардинецъ родомъ, вступилъ на службу въ 1806 г. съ чиномъ губернскаго секретаря и состоялъ при генералѣ Булгаковѣ, затѣмъ переименованъ въ поручики и участвовалъ съ отличіемъ во всѣхъ военныхъ дѣлахъ на Кавказѣ въ началѣ минувшаго столѣтія. Въ 1816 г. переведенъ въ л.-гв. казачій полкъ, сопровождалъ въ Персію Ермолова, въ 1824 г. въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ херсонскаго гренадерскаго полка, въ 1828 г. произведенъ въ генераль-майоры и получилъ въ командование бригаду 21-й пѣхотной дивизіи. Послѣ взятія Карса, 23 июня 1828 г., князь Бековичъ былъ назначенъ начальникомъ Карскаго пашалыка, предсѣдателемъ мѣстнаго правленія и командующимъ войсками въ кр. Карсѣ. Лачиновъ, служившій подъ начальствомъ князя Бековича въ

Карсъ, говорить въ своей „Исповѣди“, что онъ обладалъ особеннымъ даромъ привлекать къ себѣ. Зная съ малолѣтства языки турецкій и арабскій, нравы, обычаи и духъ азіатскихъ народовъ, Бековичъ умѣлъ необычайно искусно управлять и владѣть ими. Подчиненные ему турецкіе чиновники обожали его. („Кавказ. Сборникъ“, I, 188, 189).

¹⁴ Графъ Янъ Потоцкій (1761 - 1815) — талантливый историкъ, лингвистъ, этнографъ, археологъ и естествоиспытатель, одинъ изъ первыхъ научныхъ работниковъ по славяновѣдѣнію. Пушкинъ имѣетъ въ виду его *Voyage dans les steppes d'Astrakan et du Caucase, Par. 1829.*

¹⁵ Персидскій поэтъ Фазиль-ханъ, уроженецъ г. Тавриза, былъ учителемъ дѣтей тогдашняго наслѣднаго принца Аббасъ-мирзы. Въ 1829 г. онъ находился въ составѣ отправленнаго въ Петербургъ персидскаго посольства и высказывалъ желаніе навсегда остаться въ Россіи. За оду, посвященную императору Николаю Павловичу, онъ получилъ перстень и денежную награду, а гр. Хвостовъ привѣтствовалъ стихами своего собрата по Парнассу. Затѣмъ Фазиль-хану предложено было сопровождать Хозрева - мирзу до Грузіи и тамъ объявить о своемъ желаніи остаться въ Россіи гр. Паскевичу. Въ 1838 г. онъ былъ уже въ Тифлисъ. Здѣсь познакомился съ нимъ извѣстный ориенталистъ Н. В. Ханыковъ и хлопоталъ ему мѣсто преподавателя въ училищѣ Алиева ученія, открытомъ въ 1847 г. Въ слѣдующемъ году онъ издалъ на доступномъ простому народу языкѣ сжатое изложеніе всѣхъ главныхъ догматовъ шитскаго вѣроученія. Сборникъ его поэтическихъ произведеній остался въ рукописи, которая нынѣ, кажется, утрачена. Фазиль-ханъ умеръ въ 1852 г., имѣя отъ роду около 60 лѣтъ, и похороненъ на мусульманскомъ кладбищѣ въ Тифлисъ.

¹⁶ Борисъ Гавриловичъ Чиліевъ, родомъ грузинъ, 7 апрѣля 1827 г поступилъ изъ л.-гв. финляндскаго полка майоромъ въ эриванскій карабинерный полкъ; по окончаніи персидской кампаніи назначенъ управляющимъ горскими народами, живущими въ окрестностяхъ военнo-грузинской дороги. Занимая эту должность, жилъ въ сел. Квишетѣ, на Арагвѣ, гдѣ Пушкинъ и ночевалъ у него. Въ мартъ 1833 г. Чиліевъ былъ назначенъ въ чинѣ подполковника командиромъ 42-го егерскаго полка, потомъ получилъ тифлисскій егерскій полкъ, въ 1848 г. произведенъ въ ге-

нераль-майоры и назначенъ начальникомъ лезгинской кордонной линіи.

Въ рук. № 2382, № 106-й, есть черновая упомянутой здѣсь просьбы:

„Нѣсколько путешественниковъ, ѣдущихъ по казенной надобности, находятся здѣсь въ весьма затруднительномъ положеніи, и рѣшились прибѣгнуть къ вашему покровительству, зная по слухамъ вашу снисходительность. Сдѣлайте милость послать къ старшинѣ... Мы готовы заплатить. О семъ просятъ убѣдительнѣйше Бауманъ, графъ Пушкинъ и я. Примите...“

¹⁷ Подполковникъ Николай Гавриловичъ Огаревъ, командиръ піонерной роты путей сообщенія, завѣдовалъ работами на военно-грузинской дорогѣ.

¹⁸ Судя по описанію, рѣчь идетъ о такъ-называемомъ казбекскомъ завалѣ; но въ іюнѣ 1827 г такого завала не было, и, во всякомъ случаѣ, Пушкинъ не могъ видѣть остатки его между сел. Коби и Крестовымъ переваломъ, такъ какъ казбекскій завалъ падаетъ на военно-грузинскую дорогу по Девдоракскому ущелью, между Даріаломъ и сел. Гвелети. Та часть военно-грузинской дороги, о которой говоритъ Пушкинъ, проходитъ по Байдарскому ущелью, извѣстному обиліемъ снѣжныхъ обваловъ. Ущелье это такъ узко, что солнечные лучи проникаютъ въ глубину его только на короткое время. Вслѣдствіе этого снѣгъ лежитъ здѣсь все лѣто, хотя высота мѣста значительно ниже линіи постоянныхъ снѣговъ. Такой остатокъ отъ зимнихъ заваловъ встрѣтилъ и Пушкинъ, поднимаясь вверхъ по Байдарскому ущелью.

¹⁹ Хозревъ-мирза, сынъ персидскаго наслѣднаго принца Аббаса-мирзы, былъ присланъ шахомъ въ Тифлисъ для принесенія извиненій по случаю убіенія Грибоѣдова. Паскевичъ потребовалъ, чтобы Хозревъ-мирза отправился въ Петербургъ, и шахское правительство было вынуждено исполнить это требованіе.

²⁰ Абазъ — 20 коп.

²¹ Правильнѣе Гартискари, поселокъ въ 4 верстахъ отъ Мцхета. Въ 1829 г. находился здѣсь казачій постъ и отсюда шла дорога чрезъ Мухранъ и Самтависи въ гор. Гори.

²² Пріятель Пушкина Николай Николаевичъ Раев-

скій, сынъ извѣстнаго генерала 1812 г., началъ службу въ 1811 г. подпоручикомъ въ орловскомъ пѣхотномъ полку, потомъ перешель въ кавалерію и въ 1826 г., имѣя отъ роду 27 лѣтъ, назначенъ командиромъ нижегородскаго драгунскаго полка. За штурмъ Ахалциха произведенъ въ генералъ-майоры, въ кампанію 1829 г. командоваль кавалеріей, Умеръ въ 1843 г. См. I, 557.

²³ Павелъ Степановичъ Санковскій родился около 1798 г. и происходилъ изъ дворянъ Пирятинскаго повѣта, Полтавской губ. Отецъ его, Степанъ Андреевичъ, былъ въ началѣ минувшаго столѣтія русскимъ резидентомъ при правителѣ Черногоріи. Во время пребыванія въ Корфу, въ 1806 - 1808 гг., эскадры вице-адмирала Сенявина, Санковскій-отецъ своимъ вліяніемъ немало содѣйствовалъ привлеченію черногорцевъ и др. адриатическихъ славянъ къ совмѣстнымъ съ нами дѣйствіямъ противъ французовъ, завладѣвшихъ Далматією и Рагузскою республикою. Павелъ Степановичъ началъ свою службу въ 1814 г. въ министерствѣ полиціи, 1823 г. пріѣхалъ въ Тифлисъ и сначала служилъ въ канцеляріи Ермолова, а въ 1827 г. поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Паскевичу. Скончался 19 октября 1832 г. въ Тифлисѣ. Павелъ Санковскій, какъ и братъ его Андрей, тоже служившій на Кавказѣ въ военной службѣ, получилъ за границей хорошее образованіе и совершенно свободно владѣлъ французскимъ и итальянскимъ языками. Въ исторіи развитія русскаго газетнаго дѣла на Кавказѣ и, слѣдовательно, въ исторіи развитія русской культуры въ этомъ краѣ, онъ занимаетъ видное мѣсто, какъ первый редакторъ первой русской газеты въ Закавказьѣ — „Тифлискихъ Вѣдомостей“, изданіе которыхъ было предпринято по мысли тогдашняго тифлискаго военнаго губернатора генералъ-адъютанта Н. М. Сипягина. Первый листъ газеты, выходившей одинъ разъ въ недѣлю, появился 4 іюля 1828 г. По содержанію газета не имѣла ничего общаго съ обычными тощими губернскими вѣдомостями. Заключая въ себѣ очень много матеріаловъ историческихъ, этнографическихъ и статистическихъ, „Тифлискія Вѣдомости“ того времени не потеряли и теперь еще значенія и интереса. Самъ редакторъ былъ усерднымъ вкладчикомъ газеты и помѣщаль въ ней свои стихи и прозаическія произведенія.

²⁴ Герцогъ Георгъ Кларенсъ, братъ короля Эдуарда IV, по проискамъ своего младшаго брата Ричарда Глостера былъ заключенъ въ Тоузъръ и тамъ утопленъ въ бочкѣ мальвазіи. См. трагедію Шекспира „Ричардъ III“.

²⁵ Не Тбимикаларъ, а Тбилис-калаки. По-грузински тбили или тпили значить теплый, калаки — городъ. Тифлисъ или Типлисъ есть искаженіе перваго слова.

²⁶ Графъ Самойловъ, адъютантъ Ермолова на Кавказѣ, по общему отзыву, былъ необыкновенно щедро одаренъ природою во всѣхъ отношеніяхъ. По словамъ В. Андреева, лично его знавшаго, Самойловъ, при высокомъ ростѣ, обладалъ необыкновенною красотою, ловкостью и силою; по характеру и наружности называли его русскимъ Алкивиадомъ. („Кавказскій Сборникъ“, I, 18, 19). Скупой на похвалы Н. Н. Муравьевъ отмѣтилъ въ своихъ „Запискахъ“ подъ 26 марта 1822 г.: „Прибылъ въ Тифлисъ графъ Самойловъ, тотъ же отличный человекъ, каковъ былъ прежде, и соединяетъ въ себѣ всѣ качества нравственныя и чувственныя“ („Русскій Архивъ“, 1888, I, 117). Отецъ Самойлова, графъ Александръ Николаевичъ, былъ женатъ на старшей изъ пяти сестеръ князя Таврическаго.

²⁷ „О чинъ ассессорскій, толико вождельнный“ — стихъ изъ извѣстной сатиры Нахимова.

²⁸ Генераль - адъютантъ Николай Мартьяновичъ Сипягинъ, 1814-1819 гг. начальникъ штаба гвардейскаго корпуса; 28 марта 1827 г. назначенъ тифлискимъ военнымъ губернаторомъ; скончался въ Тифлисъ 10 октября 1828 г.

²⁹ Генераль-адъютантъ Степанъ Степановичъ Стрекаловъ 21 ноября 1828 г. назначенъ тифлискимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1831 г. переведенъ на такую же должность въ Казань. Умеръ 25 ноября 1856 г.

³⁰ Пушкинъ ошибся: черезъ Безобдалъ перевалилъ онъ не до Гергеръ, а послѣ выѣзда изъ этого укрѣпленія.

³¹ Грибоѣдовъ убитъ 30 янв. 1829. Объ отношеніяхъ его къ Пушкину см. статью И. Розанова въ Пушк. Сборникѣ студентовъ Моск. унив., М. 1900, стр. 100 - 135.

³² Бутурлинъ, штабсъ-ротмистръ л.-гв. уланскаго полка и адъютантъ всемогущаго графа А. И. Чернышева, управлявшаго тогда главнымъ штабомъ. Онъ прибылъ въ дѣйствующій корпусъ за дешевыми отличіями, но подоспѣлъ только къ концу кампаніи. Ему дали подъ команду лету-

чій отрядъ казаковъ, съ которыми онъ разогналъ какую-то бродячую шайку курдовъ или турокъ. Паскевичъ награждалъ его за отличіе владимірскимъ крестомъ и отправилъ въ Петербургъ со знаменами, отнятыми у турокъ въ дѣлѣ при Муха-Эстатѣ. Вскорѣ послѣ того Паскевичъ получилъ изъ Петербурга замѣчаніе за то, что служащіе въ кавказскихъ войскахъ рядовые изъ политическихъ преступниковъ пользуются слишкомъ большою свободою и послабленіями, во вредъ дисциплинѣ. Генераль Н. Н. Раевскій былъ даже подвергнутъ домашнему аресту за приглашеніе разжалованныхъ къ своему столу. Въ кавказскихъ войскахъ считали тогда, и, кажется, не безъ основанія, виновникомъ всей этой тревоги Бутурлина.

³³ Гумри или Гумры, мѣстечко на берегу Арпачая, въ 1837 г. переименованъ въ Александрополь.

³⁴ Ивацъ Григорьевичъ Бурцовъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ, талантливыхъ и храбрыхъ участниковъ персидской и турецкой кампаній 1817 - 1829 гг. на Кавказѣ. Происходилъ изъ дворянъ Рязанской губ., Пронскаго уѣзда, началъ службу въ 1812 г. въ квартирмейстерской части прапорщикомъ, черезъ 10 лѣтъ былъ уже полковникомъ, въ 1824 г. командовалъ украинскимъ, въ 1826 г. колыванскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ 1817 г., служа въ главномъ штабѣ 2-ой арміи, вступилъ въ тайное политическое общество „Союзъ спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“, переименованное потомъ въ „Союзъ благоденствія“. Бурцовъ вышелъ изъ состава этого общества до 1825 г. и вообще не принималъ никакого участія въ совѣщаніяхъ и подготовительныхъ дѣйствіяхъ, закончившихся катастрофою 14 декабря 1825 г. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ отрѣшенъ отъ командованія полкомъ, посаженъ на 6 мѣсяцевъ въ бобруйскую крѣпость и въ 1827 г. опредѣленъ на Кавказъ, сначала въ тифлисскій, потомъ въ мингрельскій пѣхотный полкъ. Въ персидскую войну 1827 г. Бурцовъ былъ употребляемъ, какъ сказано о немъ въ одной изъ реляцій, въ самыхъ важныхъ мѣстахъ. Сверхъ того, Паскевичъ много пользовался имъ и по части генеральнаго штаба. Въ августѣ 1828 г. Бурцовъ получилъ въ командованіе херсонскій гренадерскій полкъ, а 14 апрѣля 1829 г., за освобожденіе Ахалциха, произведенъ въ генераль-майоры. Въ турецкихъ кампаніяхъ 1828 и 1829 гг.

онъ принималъ самое блистательное участіе. Н. Н. Муравьевъ, вообще очень скупой на похвалы, написалъ вѣскольکو восторженныхъ страницъ о Бурцовѣ въ своихъ „Запискахъ“. Лазская пуля положила конецъ блестящей карьерѣ Бурцова: 19 іюля 1829 г. въ дѣлѣ при сел. Хартѣ, близъ Тайбурта, онъ получилъ въ грудь смертельную рану и скончался на третій день.

³⁵ О Вл. Дм. Вольховскомъ см. II, 370 - 371.

³⁶ Михаилъ Ивановичъ Пушинъ, родной братъ лицейскаго товарища Пушкина, Ивана Ивановича, командиръ л.-гв. конно - піонернаго эскадрона, за участіе въ происшествіи 14 декабря 1825 г., по приговору верховнаго уголовного суда, былъ лишенъ дворянства, разжалованъ въ рядовые впредь до отличной выслуги и отправленъ на службу въ краснойрскій гарнизонный баталіонъ, гдѣ, конечно, трудно было найти случай для отличной выслуги. Къ счастью, скоро подошелъ день коронованія императора Николая Павловича, 22 августа 1826 г., и Пушинъ, въ числѣ другихъ разжалованныхъ, былъ переведенъ на Кавказъ, для опредѣленія въ одинъ изъ полевыхъ полковъ. По ходатайству Паскевича, онъ попалъ въ 8-ой піонерный баталіонъ. Здѣсь его знанія, дѣятельность и энергія нашли полный просторъ. Начавъ персидскую кампанію 1827 г. рядовымъ, онъ былъ къ концу турецкой войны поручикомъ и имѣлъ два ордена. При штурмѣ Ахалциха (1828 г.), находясь, какъ и всегда, впереди штурмовой колонны, Пушинъ былъ раненъ пулею въ грудь навывлетъ. Въ 1830 г. покинулъ службу на Кавказѣ по неудовольствіямъ съ Паскевичемъ. Умеръ 25 мая 1869 г. въ должности коменданта бобруйской крѣпости. Любопытныя записки его о службѣ на Кавказѣ напечатаны барономъ Розеномъ въ статьѣ „Декабристы на Кавказѣ“ („Русская Старина“, 1884 г., февраль) и Л. Н. Майковымъ въ статьѣ „О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 г.“ (Пушк., 378 - 396).

³⁷ Семичевъ, ротмистръ ахтырскаго гусарскаго полка, за прикосновенность къ дѣлу о злоумышленныхъ тайныхъ сообществахъ, высочайшимъ приказомъ 7 іюля 1826 г. переведенъ на Кавказъ, въ нижегородскій драгунскій полкъ. Въ маѣ 1829 г., уже въ чинѣ майора, назначенъ эскадроннымъ командиромъ; умеръ отъ холеры въ 1830 г. Семичевъ былъ храбрый офицеръ, участвовавшій въ Отече

ственной войнѣ и получившій тяжелую рану въ Бородинской битвѣ.

³⁸ Подполковникъ Петръ Трофимовичъ Басовъ командовалъ въ кампанію 1829 года донскимъ казачьимъ имени своего полкомъ.

³⁹ Объ участіи Пушкина въ этой перестрѣлкѣ говорится въ „Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 гг.“, соч. ген. Ушакова, изд. подъ наблюденіемъ самого Паскевича, Спб. 1836, т. II, стр. 305:

„Перестрѣлка 14 іюня 1829 года замѣчательна потому, что въ ней участвовалъ славный поэтъ нашъ А. С. Пушкинъ. Онъ прибылъ къ нашему корпусу въ день выступленія на Саганлугъ и былъ обласканъ графомъ Эриванскимъ. Когда войска, совершивъ трудный переходъ, отдыхали въ долинѣ Инжа - су, непріятель внезапно атаковалъ передовую цѣпь нашу, находившуюся подъ начальствомъ подполковника Басова. Поэтъ, въ первый разъ услышавъ около себя столь близкіе звуки войны, не могъ не уступить чувству энтузіазма. Въ поэтическомъ порывѣ онъ тотчасъ выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостахъ. Опытный майоръ Семичевъ, посланный генераломъ Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва настигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ въ ту минуту, когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, столь свойственной новобранцу - воину, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противу непріятельскихъ всадниковъ. Можно повѣрить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ передъ собою незнакомаго героя въ круглой шляпѣ и въ буркѣ. Это былъ первый и послѣдній дебютъ любимца музъ на Кавказѣ“.

По словамъ М. И. Пущина, поэтъ, услыхавъ выстрѣлы въ цѣпи, вскочилъ на коня и исчезъ изъ глазъ своихъ друзей. Семичевъ и Пущинъ отправились на поиски и увидали его скачущаго съ саблею на-голо противъ турецкихъ наѣзтниковъ. Къ счастью, приближеніе уланъ съ Юзефовичемъ, прискакавшимъ на выручку, заставило турокъ удалиться. „Пушкину не удалось попробовать своей сабли на турецкой головѣ, но за то и свою удержалъ онъ на плечахъ“ (Майковъ, Пушк., 388 - 389).

Припоминая впослѣдствіи этотъ случай, Пушкинъ на-

рисоваль себя въ альбомѣ Ел. Ник. Ушаковой — на конѣ, съ пикой и въ круглой шляпѣ и буркѣ.

⁴⁰ Баронъ Остенъ - Сакенъ, штабсъ - капитанъ нижегородскаго драгунскаго полка, легко раненъ ружейною пулею въ ногу 14 іюня 1829 г. — Пушкинъ называетъ его молодымъ въ отличіе отъ ген. - майора Дмитрія Ерофеевича Остенъ - Сакена, бывшаго при Паскевичѣ начальникомъ штаба.

⁴¹ Въ рук. № 2383 находится писанная кѣмъ-то на французскомъ яз. замѣтка о сектѣ язидовъ, которую Пушкинъ, можетъ быть, хотѣлъ перевести и напечатать въ приложеніи къ „Путешествію“.

⁴² Баронъ Борисъ Андреевичъ Фредериксъ — командиръ эриванскаго карабинернаго полка; 19 мая 1829 г. произведенъ въ генераль - майоры и сдалъ полкъ кн. Дадіану. Скончался въ 1874, въ званіи генераль - адъютанта.

⁴³ Николай Николаевичъ Муравьевъ, генераль - майоръ, командиръ кавказской резервной гренадерской бригады. Впослѣдствіи намѣстникъ и главнокомандующій на Кавказѣ.

⁴⁴ См. III, 101: „Делибашъ“.

⁴⁵ Графъ Иванъ Осиповичъ Симоничъ, уроженецъ города Зары въ Иллирии; въ 1812 г. въ составѣ великой французской арміи пришелъ въ Россію, въ сраженіи подъ Краснымъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Казань. Послѣ заключенія Парижскаго мира (1814), не желая служить Австріи, вступилъ въ русскую службу, отправился на Кавказъ и опредѣлился съ чиномъ майора въ грузинскій гренадерскій полкъ. Участвовалъ въ походахъ Ермолова, который очень цѣнилъ его. Въ сраженіи подъ Елисавет - полемъ, 13 сентября 1826 г., получилъ въ лѣвую ногу тяжелую рану, сдѣлавшую его хромымъ на всю жизнь. Въ турецкую кампанію 1829 г. командовалъ грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ; послѣ окончанія войны произведенъ въ генераль - майоры и въ 1833 г. назначенъ посланникомъ въ Персію, откуда отозванъ въ 1838 г. по проискамъ англичанъ. Впослѣдствіи былъ комендантомъ цитадели въ Варшавѣ, гдѣ и умеръ отъ послѣдствій паденія изъ экипажа.

⁴⁶ Это случилось 19 іюня 1829 г. въ Зивинѣ, гдѣ наступившая ночь остановила Паскевича, лично управлявшаго

преслѣдованіемъ бѣжавшихъ турокъ. Пушкинъ не зналъ или, можетъ быть, не могъ отмѣтить въ своемъ дневникѣ подробностей происшествія. Во время отдыха Паскевича замѣтили густой дымъ, валившій изъ одной сакли близъ укрѣпленія, гдѣ былъ турецкій хлѣбный магазинъ. Полковникъ Анрепъ послалъ двухъ нижнихъ чиновъ своднаго уланскаго полка узнать о причинѣ дыма. Оказалось, что въ пустой саклѣ разведенъ огонь, при дальнѣйшемъ же изслѣдованіи открылось, что въ сосѣдней саклѣ, на крышѣ которой отдыхалъ Паскевичъ, находится пороховой складъ. Уланы потушили огонь и предупредили объ опасности, грозившей главнокомандующему. Паскевичъ поспѣшилъ уѣхать, а вслѣдъ за его отъѣздомъ казаки и татары бросились шарить въ саклѣ и своею неосторожностью произвели взрывъ пороха. Такъ рассказано это происшествіе и въ „Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи“, изданной подъ наблюденіемъ самого Паскевича. Но составитель этого труда (Н. Ушаковъ) умолчалъ объ именахъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые спасли Паскевича отъ величайшей опасности. Это были два офицера польскихъ войскъ, лишенные чиновъ и дворянства за принадлежность къ польскимъ тайнымъ политическимъ обществамъ. Одинъ изъ нихъ, графъ Станиславъ Станиславовичъ Карвицкій, богатый помѣщикъ юго-западнаго края, старикъ 60 лѣтъ, былъ опредѣленъ рядовымъ въ борисоглѣбскій уланскій полкъ. Другой, графъ Николай Станиславовичъ Ворцель, воспитанникъ Геттингенскаго университета, имѣвшій въ Киевской и Волынской губерніяхъ 4,000 душъ крестьянъ, попалъ рядовымъ въ бѣлгородскій полкъ. Они сдѣлали всю турецкую кампанію 1829 г. и впослѣдствіи были переведены: Карвицкій въ 44 егерскій, Ворцель въ апшеронскій пѣхотный полкъ.

⁴⁷ Флигель - адъютантъ Романъ Романовичъ Анрепъ, полковникъ бѣлгородскаго уланскаго полка, въ кампанію 1829 г. командовалъ своднымъ уланскимъ полкомъ. По окончаніи турецкой войны былъ произведенъ въ генераль-майоры, уѣхалъ въ отпускъ и умеръ въ припадкѣ сумасшествія (Муравьевъ, Записки, „Русскій Архивъ“, 1893 г., III, 340 - 341).

⁴⁸ Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ былъ тогда поручикомъ бѣлгородскаго полка и адъютантомъ Раевского.

⁴⁹ Пушкинъ не вполне точно передаетъ этотъ эпизодъ

изъ восточнаго романа Моріера (Morier) *The adventures of Haji Baba of Israhan* (1824). Когда персидскій посланникъ Мирза - Фирузъ приказаль отрѣзать уши своему скороходу, то исполнитель наказанія представилъ посланнику два окровавленные ломтика мяса козленка. Романъ „Хаджи - Баба Исфгани“ переведенъ на русскій языкъ барономъ Брамбеусомъ (О. И. Сенковскимъ).

⁵⁰ Турнефоръ (Pitton de Tournetort, 1656 - 1708), ученый ботаникъ и путешественникъ по Малой Азии и Закавказью, авторъ сочиненія „*Relation d'un voyage du Levant*“ (Amsterdam 1718).

⁵¹ Шляпкинъ („Изъ неизд. бум.“, стр. 9) напечаталъ найденный въ бумагахъ Анненкова черновой, исчерканный набросокъ:

Кто бъ ни былъ ты, — ходжа, пловець,
Или ловець, томимый жаждой
Или пастухъ, жилецъ земли,
Или усталый мореходецъ, —
Приди и пей.....
Сей бѣлокаменный фонтанъ,
Стиховъ узоромъ испещренный
Желѣзный ковшикъ на цѣпи
..... прицѣпленный,
..... мусульманъ
..... данъ...

⁵² Это стихотвореніе написано Пушкинымъ 17 октября 1830, въ Болдинѣ; имя поэта - янычара вымышлено. Въ нѣсколько иной редакціи стихотвореніе напечатано нами въ т. II, 143.

⁵³ Василій Дмитріевичъ Сухоруковъ, сотникъ л.-гв. казачьяго полка, былъ удаленъ изъ гвардіи на Кавказъ по неудовольствіямъ съ графомъ А. И. Чернышевымъ, съ которымъ онъ разошелся во взглядахъ при составленіи положенія объ управленіи донскимъ казачьимъ войскомъ. Такъ говорятъ — А. Карасевъ („Русская Старина“, 1871, февр.), Ѡ. И. Шумковъ („Донская Газета“, 1877, № 2) и М. В. Юзefовичъ („Русскій Архивъ“, 1880, III, 431 - 446). Но официальные документы свидѣтельствуютъ, что Сухоруковъ исключенъ изъ гвардіи и отправленъ на Донъ, подъ надзоръ войскового атамана, за прикосновенность къ происшествію 14 декабря 1825 г. Въ 1827 г. Сухорукову было

разрѣшено вступить вновь на дѣйствительную службу въ донской казачій полковника Карпова 2 полкъ, находившійся въ Закавказскомъ краѣ. Здѣсь, какъ человѣкъ образованный и хорошо владѣвшій перомъ, онъ былъ причисленъ къ корпусному штабу и, по порученію графа Паскевича, занялся собираніемъ статистическихъ и др. матеріаловъ для исторіи турецкихъ кампаній 1828 и 1829 гг. Занятія Сухорукова сдѣлались извѣстными въ Петербургѣ, показались подозрительными и поставили Паскевича въ необходимость оправдываться въ томъ, что онъ приблизилъ къ себѣ опального казака. Письменные работы не препятствовали Сухорукову принимать участіе во всѣхъ главныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. За кампанію 1828 г. получилъ онъ владимірскій крестъ 4-й степени съ бантомъ, а за штурмъ Ахалциха награжденъ золотою саблею съ надписью „за храбрость“. Отличія эти не спасли его, впрочемъ, отъ дальнѣйшихъ невзгодъ: въ 1830 г. онъ былъ вновь арестованъ, доставленъ въ Петербургъ и отправленъ на службу въ Финляндію, гдѣ и скончался въ началѣ сороковыхъ годовъ. Въ литературѣ Сухоруковъ извѣстенъ своимъ изслѣдованіемъ о бытѣ донскихъ казаковъ, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“ Корниловича, въ 1824 г.; въ „Тифлискихъ Вѣдомостяхъ“, за 1828 и 1829 гг., имѣется много статей Сухорукова безъ подписи автора; его „Историческое описаніе Земли Войска Донского“ издано въ двухъ томахъ въ Новочеркаскѣ въ 1867 - 72 гг. См. ниже записку Пушкина.

⁵⁴ Пушкинъ ошибся: въ Арзрумъ пріѣзжалъ не мушскій паша просить мѣста для своего племянника, а напротивъ, Ибрагимъ - бекъ, дядя мушскаго Эмина - паши, прибылъ 12 іюля 1829 г. просить графа Паскевича объ устраненіи племянника и о дарованіи ему самому должности паши въ Мушѣ

⁵⁵ Бей - Булатъ — чеченскій разбойникъ и хищникъ, бывший виною многихъ убійствъ и возмущеній въ Чечнѣ въ двадцатыхъ годахъ. Главные начальники, правившіе Кавказомъ до Ермолова, щедрыми подарками и ласками покупали спокойствіе чеченскихъ предводителей. Ермоловъ прекратилъ эти договоры съ разбойниками. Походами въ Чечню онъ заставилъ ихъ смириться и просить пощады. Бей - Булатъ явился съ повинною, былъ принятъ въ службу по милиціи съ чиномъ поручика и жилъ смиренно, пока строи-

лись укрѣпленія на р. Суяжѣ, но потомъ взялся за старое ремесло и сталъ разбойничать по моздокской дорогѣ. Въ 1829 г. Бей - Булатъ, чрезъ шамхала тарковского, завелъ вновь переговоры о подчиненіи русской власти. Паскевичъ вызвалъ его для личныхъ объясненій въ Тифлисъ, но, по случаю начавшихся военныхъ дѣйствій противъ турокъ, чеченскій старшина послѣдовалъ за главнокомандующимъ въ Арзерумъ. Паскевичъ рассчитывалъ, что, продержавъ все лѣто разбойника около себя, онъ заставитъ чеченцевъ быть спокойными и прекратить набѣги на военно - грузинскую дорогу. Этою надеждою объясняются и слова Пушкина: „пріѣздъ Бей - Булата былъ мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду“.

⁵⁶ Абрамовичъ, штабсъ-ротмистръ серпуховскаго уланскаго полка, ординарецъ и приближенный графа Паскевича, человѣкъ очень сомнительной репутаціи и темной карьеры, состоявшій, по общему отзыву, въ должности тайнаго наушника при Паскевичѣ. Впослѣдствіи Паскевичъ взялъ его съ собою въ Варшаву, перевелъ въ гвардію и вывелъ въ большіе чины. О немъ много говорятъ въ своихъ запискахъ Н. Н. Муравьевъ („Русскій Архивъ“, 1894, I, 7, 8, 39, 387) и М. И. Пущинъ, называющій его сокращенно Абр. (Розенъ. Декабристы на Кавказѣ, Рус. Стар. 1884, февраль).

⁵⁷ Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, въ то время рядовой одного изъ полковъ кавказской арміи: онъ былъ разжалованъ за участіе въ дѣлѣ 14 декабря. Умеръ на Кавказѣ въ 1830 г.

⁵⁸ Ср. II, 102: „Монастырь на Казбекѣ“.

⁵⁹ Руфинъ Ивановичъ Дороховъ, сынъ партизана 1812 года генерала Ивана Семеновича Дорохова, хорошо образованный, способный и храбрый, могъ бы сдѣлать блестящую карьеру, если бы не помѣшалъ этому его неукротимый и буйный нравъ. Большую часть своей службы Дороховъ провелъ въ солдатской шинели за дуэли и дерзкія выходки. Разжалованный за поединокъ въ рядовые, Дороховъ попалъ на Кавказъ передъ началомъ персидской войны, былъ опредѣленъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, участвовалъ съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ, при блокадѣ Эривани раненъ пулею въ грудь и произведенъ въ офицеры. Турецкая кампанія 1828 г. доставила ему чинъ поручика и зо-

лотое оружіе. Въ 1833 г. Дороховъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, но въ 1838 г. мы встрѣчаемъ его вновь на черноморской береговой линіи, рядовымъ въ тегинскомъ пѣхотномъ полку. Произведенный за отличіе опять въ офицеры, Дороховъ служилъ въ линейномъ казачьемъ войскѣ и начальствовалъ охотничьими командами. Одну изъ такихъ командъ принялъ отъ раненаго Дорохова Лермонтовъ въ 1840 г. Черезъ 12 лѣтъ, 18 ноября 1852 г., сотникъ владикавказскаго линейнаго казачьяго полка Дороховъ, начальствуя ракетной командой, сложилъ свою буйную голову въ Малой Чечнѣ, въ верховьяхъ р. Гойты, въ несчастномъ для насъ дѣлѣ съ чеченцами, въ которомъ погибъ съ своимъ конвоемъ самъ атаманъ кавказскаго линейнаго войска генераль Круковской. Графъ Л. Н. Толстой воспроизвелъ типическія черты характера Дорохова въ „Войнѣ и мирѣ“ подъ именемъ разжалованнаго офицера Долохова.

⁶⁰ Статья Н. И. Надеждина о „Полтавѣ“ въ Вѣстн. Европы 1829, № 8 и 9.

VIII. Записка о Сухоруковѣ (стр. 521).

Напеч. В. Е. Якушкинымъ — „О Пушкинѣ“, 175, и П. А. Ефремовымъ. — Соч. Пушк., изд. Суворина, 1903, V, 415.

О Сухоруковѣ см. выше, стр. 685, прим. 53. Записка написана въ 1829 г. Пушкинымъ, желавшимъ помочь Сухорукову въ его хлопотахъ о возвращеніи отобранныхъ документовъ, и передана Бенкендорфу, который отвѣчалъ 29 авг. 1831, за № 4426:

„Я сообщилъ г. генераль-адъютанту графу Чернышеву доставленную мнѣ вами, м. г., записку о сотникѣ С-вѣ, изъявившемъ желаніе получить копію съ выписанныхъ имъ въ архивахъ матеріаловъ для составленія исторіи Войска Донскаго, которые онъ, уѣзжая въ 1826 г. въ армію, долженъ былъ, по приказанію генерала Богдановича, передать въ чужія руки, равно какъ и множество пріобрѣтенныхъ имъ древнихъ лѣтописей, повѣстей и поэмъ, относящихся къ сему войску.

„Графъ Чернышевъ отвѣчалъ мнѣ на сіе, что акты, о коихъ упоминаетъ сотникъ С-вѣ, никогда не были его собственностію, ибо они собраны имъ изъ архивовъ Войска и изъ другихъ источниковъ, по приказанію и направленію

его, графа Чернышева; что акты сіи, какъ принадлежащіе къ дѣламъ Комитета объ устройствѣ Войска Донского, никакъ не могли утратиться, но должны быть въ виду начальства, и что, наконецъ, онъ находитъ со стороны сотника С-ва не только неосновательнымъ, но даже дерзкимъ обременять правительство требованіемъ того, что ему не принадлежало и принадлежать не можетъ*.

Позднѣйшее письмо Пушкина къ Сухорукову 1836 см. въ т. VIII. Въ немъ П. говоритъ, что не писалъ С-ву со дня ихъ разлуки въ Арзрумѣ; вѣроятно, онъ не рѣшился извѣстить С-ва о неудачѣ своего ходатайства. (Брюсовъ, Письма, 61 - 62).

¹ Было: книжку.

² Было: Долженъ былъ по приказанію начальства передать въ 1826 г. двумъ есауламъ.

³ Было: переписать.

IX. Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ (стр. 523).

Посм., съ исключеніями; въ полномъ видѣ, съ пропускомъ только двухъ фразъ, — въ Сынѣ Отеч., 1840 № 7; исправлено по рукописи въ изд. Лит. Фонда.

Полная рукопись „Родословной“ не сохранилась: въ Муз. № 2387 А, л. 50, находится начало ея, до словъ: „Мы ведемъ свой родъ...“ Продолженіемъ служитъ отрывокъ, включенный Пушкинымъ въ „Критическія замѣтки“ (№ 2387 Б, лл. 38, 39, 61 об. - 59 об.) и представляющей отличія отъ текста собственно „Родословной“ въ томъ видѣ, въ какомъ она переписана для печати въ № 2395. Наше изданіе (какъ и прежнія) воспроизводитъ именно этотъ послѣдній текстъ, хотя есть основаніе полагать, что этотъ текстъ не принадлежитъ собственно Пушкину, а обработанъ Плетневымъ по замѣткамъ и матеріаламъ, оказавшимся въ бумагахъ поэта: 1) отрывокъ, вошедшій въ „Крит. зам.“, въ этой новой редакціи является нѣсколько исправленнымъ и смягченнымъ; 2) въ бумагахъ Плетнева нашелся писанный его рукою списокъ „Родословной“, ничѣмъ не отличающійся отъ посмертнаго изданія, и, кромѣ того, стилистически исправленные выдержки изъ сохранившагося въ пушкинскихъ рукописяхъ перевода нѣмецкой біографіи Абрама Ганнибала; этимъ выдержкамъ Плетневъ далъ заглавіе: „Дополненія или подробн. [ѣйшія?] текстъ“ (Гротъ, Пушк., 134).

Все это указывает на работу Плетнева надъ текстомъ „Родословной“, а также — и на существованіе недошедшихъ до насъ собственноручныхъ записей Пушкина, касающихся его дѣда Льва Александровича и сыновей Абрама Ганнибала, свѣдѣнія о которыхъ имѣются въ „Родословной“.

Нѣмецкая біографія Абрама Петровича, о которой сказано выше, находится въ рук. № 2387 А, лл. 40 - 45; въ той же рукописи, лл. 28, 29, 56, 57 и 58, находится и переводъ ея, собственноручно переписанный Пушкинымъ; стилистическія и грамматическія неправильности этого списка можно объяснить поспѣшностью и небрежностью; можетъ быть, П. писалъ подъ диктовку переводчика и, во всякомъ случаѣ, не особенно заботился о литературности этого отрывка, видя въ немъ только черновой матеріалъ, которымъ, дѣйствительно, и воспользовался при составленіи „Родословной“. Вотъ этотъ переводъ, съ точнымъ соблюденіемъ особенностей рукописи.

Біографія А. П. Ганнибала.

Абрамъ Петровичъ Аннибалъ былъ дѣйствительно заслуженный Генералъ въ Императорской Русской службѣ, кавалеръ ордена Алекс. Невскаго и Андрея. Родомъ былъ африканскій арапъ изъ Абиссиніи, сынъ въ тогдашнія времена сильнаго владѣльца въ Абиссиніи, столь гордаго своимъ происхожденіемъ, что выводилъ оное прямо отъ Аннибала. Сей Владѣлецъ былъ Вассаломъ Отоманской Имперіи въ концѣ прошедшаго столѣтія, сбунтовавшася (sic) противу Турецкаго Правленія вмѣстѣ со многими другими князьями, утѣсненными налогами. Послѣ многихъ жаркихъ битвъ сила побѣдила. И сей Ганнибалъ 8 лѣтъ, какъ меньшой сынъ Владѣльца вмѣстѣ съ другими знатными юношами былъ отвезенъ въ залогъ въ Константинополь. Жребій сей долженъ былъ миновать отрока, но мать его была послѣдняя изъ 30 женъ Африканскаго Владѣльца — прочія княгини, поддержанныя своими связями, черезъ интриги родственниковъ, обманомъ посадили его на корабль, назначенный для отвоза залоговъ. — Сестра его, единственная, любимая, старѣе его нѣсколькими годами, имѣла довольно духа, чтобы бороться за него — она уступила силѣ, проводила его до лодки, надѣясь просьбами его избавить или изкупить жертвою всѣхъ своихъ драгоценностей. — Но видя, что всѣ ея

старанія были тщетны, бросилась она въ морѣ (sic) и утонула. — Въ самой глубокой старости текли слезы его при воспоминаніи любви и дружбы — и диво всегда живо и ново представлялась ему сія картина. — Вскорѣ послѣ привезень былъ А. въ Константинополь и вмѣстѣ съ другими юношами принять въ сераль Султана, гдѣ пробылъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

Петръ имѣлъ горестъ видѣть, что подданные его опортовали (sic) просвѣщенію; желая (зачеркнуто: имѣть) показать имъ примѣръ надъ совершенно чуждою порокою людей, писалъ къ своему посланнику Шепелеву, чтобы онъ прислалъ ему Арапчинка (sic) съ хорошими способностями — Сей за одно съ Визремъ съ немалой опасностію прислалъ ему трехъ. Между тѣмъ одинъ изъ его братьевъ наслѣдовалъ ихъ престарѣлому Отцу. Въ сіе время посланникъ послалъ Ибрагима Аннибала, другава арапа, и еще одного Рагузинца. Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ и принялся съ большимъ вниманіемъ за его воспитаніе, придерживаясь главной своей мысли. Петръ по своей прозорливости увидѣвъ тотчасъ расположенія дѣтей, [Аннибала] какъ живого, смѣлаго назначилъ въ военную службу, Рагузинца тихаго, разсудительнаго, глубокомысленнаго въ статскую — и сей былъ извѣстенъ въ послѣдствіи подъ именемъ Графа Рагузинскаго. Ганнибаль неразлучный съ Императоромъ спалъ то въ его кабинетѣ, то въ его токарнѣ, и вскорѣ потомъ сдѣлался тайнымъ секретаремъ своего Императора *). — Государь имѣлъ всегда надъ своей постелью аспидную доску; государь писалъ ночью приходившія ему мысли, а Аннибаль утромъ переписывалъ и рассылалъ по разнымъ коллегіямъ. Государь будучи день ото дня болѣе убѣжденъ дарованіями сего юноши и подъ собственнымъ своимъ надзоромъ далъ ему лучшихъ учителей — особенно математиковъ. Сіи занятія продолжались непрерывно, въ самыхъ трудахъ и походахъ Императора до 1707, гдѣ онъ въ Польшѣ крещень Государемъ и королевой Польскою, супругою Августа II. Онъ получилъ имя Петра, но имѣвъ уже привычку называться Ибрагимомъ, съ позволенія Петра подписывался вездѣ Ибрагимомъ — хотя въ книгѣ свидѣтельства церковнаго названъ Петромъ,

*) Сбоку: привезень въ 1696 (г.).

а какъ Императоръ заступалъ ему мѣсто отца — Петромъ Петровичемъ.

Въ сіе время братъ его, полагая его въ Константинополь и вѣроятно побужденный къ тому матерью сего послѣдняго — послалъ братіевъ для искупленія сего новаго Іосифа. — Они приѣхали и въ Петербургъ, но, къ сожалѣнію двухъ братіевъ горячо простившихся на вѣки [Петръ] его не отпустилъ. Въ послѣдствіи старикъ хотѣлъ возобновить требованіе на Африканское владѣніе, но Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ отсовѣтовалъ ему сію странную мысль — говоря „для княжескаго званія нужно и царское богатство“ и старый арапъ съ нимъ согласился. Въ государствѣ, гдѣ такъ хорошо заслуги награждаются, легко было бы Аннибалу имѣть великое богатство естълибъ онъ жилъ съ меньшею разточительностью. Императрица Елизавета отличала его ото всѣхъ, называла братомъ и осыпала его своими милостями. Но онъ никогда ими не пользовался ни для себя, ни для родныхъ, и удовольствовался одними подарками. Послѣ его смерти осталось только 1400 душъ.

Петръ съ удовольствіемъ видѣлъ успѣхи своего ученика и для усовершенствованія въ наукахъ послалъ его съ рекомендательными письмами и съ хорошимъ пенсіономъ къ Регенту, который помѣстилъ его въ *école militaire*, гдѣ онъ окончилъ курсъ математической науки подъ руководствомъ Belior, выпущенъ былъ оттуда офицеромъ артиллеріи, служилъ въ Гишпанской наслѣдственной войнѣ капитаномъ артиллеріи былъ во всѣхъ походахъ, былъ употребленъ въ копаніи минъ, раненъ въ голову въ одномъ подземномъ сраженіи и взятъ въ плѣнъ. Петръ I не спускалъ съ него глазъ, и слышалъ часто свидѣтельства о его прилежаніи, способностяхъ и хорошемъ поведеніи (*sic*), и лѣтъ черезъ 6 вызвалъ его въ Россію.

Но просвѣщеніе, роскошь и самый климатъ Франціи остановило (*sic*) молодого арапа — и для того онъ отлагалъ свое возвращеніе, то подъ предлогомъ болѣзни, то неокончанія наукъ. Петръ угадалъ причину сію, и писалъ Регенту, что онъ Аннибала принуждать никакъ не намѣренъ вступить въ свою службу, что онъ совершенно свободенъ и что предоставляетъ онъ все его совѣсти. Герцогъ показалъ Аннибалу сіе письмо. Аннибалъ немедленно оставилъ службу, благодаривъ Французовъ за ихъ ласки и честь.

Государь поѣхалъ къ нему навстрѣчу съ Екатериной до 27 верстъ (sic) до Краснаго села и сдѣлалъ его (28 лѣтъ) бомбардирской роты Л. Г. Преображенскаго полка, коего полка самъ Петръ былъ капитаномъ, капитанъ - лейтенантомъ, въ коемъ чинѣ могъ онъ Государя всегда видѣть безъ доклада, послѣ былъ онъ употребляемъ въ разныхъ дѣлахъ болѣе и болѣе заслуживая довѣренность Петра. Передъ смертію Петра посланъ онъ былъ для поправки укрѣпленій въ Ригу (зачеркнуто: имѣвъ недостатокъ), при чемъ Государь пожаловалъ ему 2000 червонцевъ Голландскихъ. Петръ умирая просилъ объ немъ свою наслѣдницу и Великую Княжну Елизавету дабы его какъ чужестранца..... Послѣ его смерти возвратился онъ въ Петербургъ, оплакивая съ вѣрными слугами Отечества потерю Государя. Много труда стоило ему получать было (sic) деньги свои, въ чемъ помогла ему Елизавета. Екатерина сдѣлала его учителемъ математики Петра II, коимъ онъ былъ очень любимъ — во всѣ 2 года царствования Екатерины. Послѣ ея смерти Петръ II взшелъ на престолъ и Аннибалъ былъ отдаленъ отъ двора (зачеркнуто: былъ). Меньшиковъ (sic) подъ предлогомъ благовиднымъ сослалъ Африканца на берега Амура, мѣрять Китайскія границы, препорученіе найденое токмо для его удаленія. Послѣ паденія Долгорукіе не почли за нужное призвать Аннибала, онъ все (sic) оставался тамъ *) но Минихъ помогъ ему возвратиться изъ Сибири и спрятанъ былъ въ Перновскомъ Гарнизонѣ Инженернымъ Маіоромъ.

Женился онъ тамъ на дочери Капитана Матѳея фонъ Шеберха — урожденнаго Шведа, женатаго на Лифляндкѣ рожденной фонъ Альбедиль — и вышедъ въ отставку — купилъ онъ себѣ около Ревеля деревню Корикула, гдѣ онъ жилъ съ своею фамиліею.

Елизавету (sic) воцарилась — Аннибалъ написалъ ей только — помяни мя Господи егда etc. — Она тотчасъ подарила ему 600 душъ въ Петербургской губерніи и село Рагола около Ревеля, сдѣлала его бригадиромъ, оберъ-комендантомъ Ревеля, Генераль - Маіоромъ, послѣ Генераль - Инженеромъ, Генераль - Аншефомъ, и Директоромъ каналовъ въ Кронштадтѣ и Ладожскаго сообщенія.

*) Оставлено бѣлымъ болѣе полулиста бумаги.

При Петрѣ III пошелъ онъ въ отставку по болѣзни подагрѣ и кончилъ жизнь философомъ, 1781 14 мая на, 73 (г.) погреб. въ Суйдѣ близъ своей супруги.

Первая жена называлась Авдотья Алексѣевна (греч. исповѣданія), родила ему дочь Авдотю, пострижена въ Тихвинѣ; дочь умерла невѣстою — вторая жена его Христина Регина фонъ - Шеберхъ умерла 13 мая 1781 г. на 76 году, имѣль 11 дѣтей отъ нее (sic).

¹ Ср. „Критич. Забѣтки“, выше, стр. 273 - 274, и „Моя Родословная“, II, 141.

² Описка, вмѣсто: на 83 - мѣ. Абрамъ Петровичъ род. въ гор. Лагонѣ, въ 1698 г.

³ Первою женою Абрама Петровича была Евдокія Андреевна Діоперь, дочь капитана галернаго флота. Она не соглашалась идти за Ганнибала, „понеже арапъ и не нашей породы“; но отецъ принудилъ ее. Вскорѣ мужъ убѣдился, что жена ему измѣняетъ, сталъ ее всячески мучить и бить, держалъ въ заточеніи и, наконецъ, добился того, что ее заключили, въ 1754 г., въ Старо-Ладожскій (а не Тихвинскій, какъ говоритъ Пушкинъ) дѣвичій монастырь, гдѣ она и умерла. Ея печальная исторія, подробно, по документамъ, изложена въ ст. свящ. Опатовича въ Рус. Стар. 1877, т. 18, стр. 69 - 78.

⁴ Проф. Шляпкинъ („Изъ неизд. бумагъ“, 307 - 323) напечаталъ нѣсколько документовъ о Ганнибалахъ, изъ Псковскаго археологическаго музея. Этими документами, въ свое время, пользовался и Пушкинъ, снявшій съ нихъ копии (рук. Моск. Муз. № 2395, л. 399). Прошеніе Абр. Ганнибала объ утвержденіи его въ дворянствѣ и о выдачѣ герба, заключающее въ себѣ автобіографическія данныя, напеч. А. П. Барсуковымъ въ Рус. Архивѣ 1891, II, 101.

Изъ печатныхъ статей о Ганнибалахъ укажемъ: Helbig, *Russische Günstlinge*, 1809, S. 135 (переводъ въ Рус. Стар. 1886, № 4, стр. 105 - 106); Бантышъ - Каменскій, *Словарь достопам. людей*, 1836, II, 12; Д. И. Языковъ въ *Энциклопедич. Лексиконѣ* 1838, XIV, 289; Лонгиновъ въ Рус. Архивѣ 1864, стр. 180 - 191; Хмыровъ, *Историческія статьи*, Спб., 1873, стр. 1 - 66; объ Ив. Абр. Ганнибалѣ (р. 1735, † 12 окт. 1801) Б. - Каменскаго *Словарь достоп. людей*, II, 15. Его письма — въ Рус. Бесѣдѣ 1860, II, 252. — О Петрѣ Абр. — ст. Н. А. Бѣлозерской въ *Истор. Вѣсти.*

1899, № 5. Обь Осипъ Абр. — ст. В. О. Михневича въ Историч. Вѣстн. 1886, № 1.

Х. Программа записокъ (стр. 529).

Анненковъ, Мат., 18-19; Пушк., 28. По подлинной рукописи нап. П. А. Ефремовымъ въ Соч. Пушк., изд. Суворина, V, 553-554.

¹ Ольга Сергѣевна род. 20 декабря 1797.

² Вѣроятно — садъ при домѣ кн. Юсупова въ Москвѣ, въ Харитоньевскомъ переулкѣ. Анненковъ (Пушк., 28) передаетъ семейный анекдотъ изъ жизни Пушкина: „когда онъ былъ еще годовымъ ребенкомъ, няня его встрѣтилась на прогулкѣ въ Юсуповомъ саду съ государемъ Павломъ Петровичемъ, и не успѣла снять шапочку или картузь съ дитяти. Государь подошелъ къ нянѣ, разбранилъ ее за нерасторопность и самъ снялъ картузь съ ребенка, что и заставило Пушкина говорить впослѣдствіи, что его сношенія съ Дворомъ начались еще при императорѣ Павлѣ“. Анекдотъ этотъ недостоверенъ, потому что, какъ указалъ г. Ефремовъ, Пушкинъ былъ привезенъ въ Петербургъ въ первый разъ только въ 1811 г., а императоръ Павелъ со дня рожденія Пушкина и до своей смерти не бывалъ въ Москвѣ. Самъ поэтъ, однако, вѣрилъ разсказу няни: онъ вспоминаетъ объ этомъ разсказѣ въ письмѣ къ женѣ отъ 20-22 апрѣля 1834 г.

³ Землетрясеніе въ Москвѣ было 14 октября 1802 г.

⁴ „Ранняя любовь“ — быть можетъ, воспоминаніе о Машѣ Мертваго, см. I, 437.

⁵ Левъ Сергѣевичъ род. 1806.

⁶ Младшій братъ поэта, умершій пяти лѣтъ въ 1807. См. I, 436.

⁷ Пушинъ въ своихъ запискахъ (Майковъ, Пушк., 45) рассказываетъ, что Пушкинъ, до поступленія въ Лицей, жилъ у дяди Вас. Львовича. Туда къ нему ходилъ и Пушинъ. „Часто, въ отсутствіи дяди, мы оставались съ Анной Николаевной. Она подчасъ насъ, птенцовъ, приголубливала; случалось, что и прибранить, когда мы надѣдимъ ей нашими рановременными шутками. Мы просто наслаждались непринужденностью и нѣкоторою свободою въ обращеніи съ милою дѣвушкой. Съ Пушкинымъ часто доходило до ссоры, иногда она требовала тутъ вмѣшательства и дяди“. Г. Ефремовъ предполагаетъ, что недописанныя

слова, можетъ быть, надо читать: „Война (или возня?) съ Анной Николаевной“.

⁸ Мартынъ Степановичъ Пилецкій - Урбановичъ, первый по времени инспекторъ Лицея, мистикъ и ханжа. О немъ см. I, 501 и Грота, Пушк., 242.

⁹ Первый директоръ Лицея, Василий Ѳедоровичъ Маиновскій, умеръ 23 марта 1814 г.

¹⁰ Преемникомъ Пилецкаго въ должности инспектора былъ Вас. Вас. Чачковъ, котораго вскорѣ смѣнилъ Степ. Фроловъ. См. I, 449.

¹¹ Можетъ быть, — К. П. Бакунина.

XI. Изъ записной книжки (стр. 530).

Библ. Записки 1859. Анненковъ, Воспоминанія и критич. очерки, III, 252. Замѣтка о холерѣ — Мат., 273 (неточно); въ полномъ видѣ, по подлинной рукописи (нынѣ въ Моск. Музеѣ) — въ Рус. Арх. 1899, I.

Анненковъ говоритъ, что эти замѣтки, взятыя Пушкинымъ изъ своей записной книжки, представлены были имъ гр. Бенкендорфу какъ образчики тона и пріемовъ, съ какими П. былъ намѣренъ излагать факты нашей внутренней жизни въ газетѣ, о разрѣшеніи которой онъ въ то время хлопоталъ. Извѣстіе, очень мало вѣроятное. Замѣтки эти находятся въ рук. Муз. № 2387 А, лл. 31, 54 и 55 (Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 552), составленной изъ разныхъ тетрадокъ и листочковъ, сшитыхъ какъ попало (уже послѣ смерти П.), и первоначально были написаны на трехъ страницахъ одного листа. Никакихъ постороннихъ помѣтокъ (кромѣ общей нумераціи) на этихъ страницахъ нѣтъ. За мѣтка о холерѣ осталась у Анненкова и найдена среди его бумагъ, заброшенныхъ въ сарай, вмѣстѣ съ отрывками лицейскихъ записокъ П. и замѣчаніями на Анналы Тацита.

¹ Ср. III, 346: „Не долженъ царскій голосъ на воздѣхъ теряться по - пустому“, и пр.

² Объ Александрѣ Осиповѣ Смирновой см. II, 430.

³ См. II, 524.

⁴ Максимъ Яковлевичъ фонъ-Фокъ, предшественникъ Леонтія Вас. Дубельта, ум. 27 августа 1831.

⁵ Это былъ сосѣдъ Пушкина по имѣнію, Алексѣй Николаевичъ Вульфъ. Въ концѣ 1828 г. онъ поступилъ въ гусарскій принца Оранскаго полкъ и участвовалъ сначала въ турецкой, затѣмъ — въ польской кампаніи 1831 г. См.

статью Л. Н. Майкова: „А. Н. Вульфъ и его дневникъ“, въ сборникъ: „Пушкинъ“, стр. 162 - 222.

⁶ Зачеркнуто: „Какъ послѣ этого не полюбить университетскаго ученія?“

⁷ Зачеркнуто: „народъ ропщетъ, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвѣстности и загадочно-непривычному своему стѣсненію; мятежи вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ нелѣпые“.

⁸ Зачеркнуто: „Я попался въ западню, какъ-то мнѣ будетъ вырваться на волю“.

⁹ Въ Москвѣ жила тогда невѣста Пушкина, Н. Н. Гончарова.

¹⁰ Зачеркнуто: „вывѣдывать о карантинѣ, о начальникѣ“.

¹¹ Зачеркнуто: „вынести положенный срокъ“.

ХІІ. Державинъ (стр. 537).

Посм. — Изд. Лит. Фонда, V, 195.

Эта замѣтка, можетъ быть, предназначалась въ примѣчанія къ изданію Онѣгина 1833 г. См. IV, 184.

ХІІІ. Отрывки изъ дневника (стр. 538).

Подлинная рукопись Дневника, хранящаяся у Александра Александровича Пушкина, старшаго сына поэта, представляетъ переплетенную тетрадь въ 114 стр. in 4°; на переплетѣ ея выставленъ № 2; такая же тетрадь, за № 1, взятая, по смерти Пушкина, вмѣстѣ съ другими его бумагами, въ III отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, не была возвращена наслѣдникамъ поэта, до сихъ не разыскана и, можетъ быть, уже не существуетъ: покойный академикъ Сухомлиновъ, имѣвшій доступъ во всѣ архивы, говорилъ намъ, что онъ всюду тщетно искалъ эту рукопись и ничего не могъ узнать о ея судьбѣ... Отрывки дневника появились впервые, съ дозволенія А. А. Пушкина, въ Рус. Мысли 1880 и Рус. Арх. 1880, II, 488 - 499; одинъ отрывокъ, въ пересказѣ Анненкова, сообщенъ имъ въ статьѣ: „Общественные идеалы Пушкина“, въ Вѣстн. Евр. 1880, № 6 (см. также „Восп. и крит. оч.“, III, 236); еще нѣсколько отрывковъ напечатано племянникомъ Пушкина Л. Н. Павлицевымъ въ Рус. Обзорѣніи 1890 и В. Е. Якушкинымъ въ книгѣ: „О Пушкинѣ“, М. 1899, стр. 167 - 172; наконецъ, П. А. Ефремовъ напечаталъ почти полный текстъ, по копіи, снятой нѣкогда Анненковымъ

(Соч. Пушк., изд. Суворина, 1903. V, [630 - 664]. Этот же текст перепечатывается и нами, съ нѣкоторыми поправками.

„Непремѣнно должно описывать современныя происшествія, чтобы могли на насъ ссылаться“, говорилъ Пушкинъ А. Н. Вульффу (Майковъ, Пушк., 178). Литература мемуаровъ всегда была для Пушкина предметомъ живѣйшаго интереса, — и „недаромъ сберегалъ онъ въ своихъ бумагахъ такой богатый автобіографическій матеріалъ, такую громаду писемъ, замѣтокъ, документовъ всякаго рода, и пр.: поэтъ до самой смерти своей не отступалъ отъ намѣренія представить картину того міра, въ которомъ жилъ и вращался, и потому тщательно сохранялъ всѣ, даже незначительные, источники для будущаго своего труда; но трудъ, разрушенный въ самомъ началѣ, уже не давался ему болѣе въ руки. Нетрудно понять, какой памятникъ оставилъ бы послѣ себя поэтъ нашъ, если бы успѣлъ извлечь изъ своего архива матеріаловъ полныя, цѣльныя записки о своей жизни... При его гениальномъ уменьѣ передавать выраженіе лицъ и фізіономію событій немногими, родовыми ихъ чертами и проводить эти черты глубокимъ, неизгладимымъ рѣзцомъ, — публика имѣла бы такую картину одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ русской жизни, которая, можетъ быть, помогла бы уразумѣнію нашей домашней исторіи начала столѣтія лучше многихъ трактатовъ о ней. Если Муръ говорилъ объ уничтоженныхъ имъ запискахъ Байрона, что онѣ, по жгучести и занимательности своего содержанія, дали бы много безсонныхъ ночей образованнымъ людямъ всей Европы и склонили бы много головъ къ своимъ страницамъ, — то подобную же роль, вѣроятно, играли бы у насъ и цѣльныя записки Пушкина, если бы онѣ существовали...“ (Анненковъ, Пушк., 309). Но и то небольшое, что намъ осталось, полно высокаго интереса историческаго и литературнаго.

¹ Екатерина Андреевна Карамзина — сестра кн. П. А. Вяземскаго, вдова исторіографа. — Жуковский тогда только что вернулся изъ-за границы.

² Графъ Ficquelmont, — австрійскій посланникъ, былъ

женать на дочери пріятельницы Пушкина, Елизаветы Михайловны Хитрово.

³ Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ, генераль - адъютантъ (1785 - 1861), участвовалъ въ турецкой и польской кампаніяхъ и былъ первымъ директоромъ Николаевской Академіи ген. штаба.

⁴ Г. Ефремовъ приводитъ слѣдующее Высочайшее повелѣніе по этому дѣлу: „Г. Рижскому военному губернатору и генераль губернатору Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому. — Разсмотрѣвъ представленный мнѣ вами чрезъ военнаго министра приговоръ представителей дворянства Курляндской губерніи, постановленный надъ преданнымъ мною ихъ сужденію тамошнимъ дворяниномъ, выключеннымъ изъ службы гвардіи подпоручикомъ Рихардомъ фонъ-денъ-Бриненомъ, который слѣдствіемъ и собственнымъ своимъ сознаніемъ изобличенъ въ ложномъ себя именованіи и воровствѣ изъ нѣкоторыхъ С.-Петербургскихъ магазиновъ и у ремесленниковъ разныхъ вещей, и находя приговоръ сей соответственнымъ винѣ подсудимаго и сообразнымъ съ общими государственными узаконеніями, я утверждаю оный въ полной силѣ и сообразно съ тѣмъ повелѣваю: лишивъ подпоручика Рихарда фонъ-денъ-Бринкена чиновъ, дворянскаго достоинства, знаковъ отличія и исключивъ имя его изъ числа дворянъ Курляндской губерніи, отослать его къ командиру отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса для опредѣленія на службу въ одинъ изъ тамошнихъ линейныхъ баталіоновъ рядовымъ безъ выслуги, подъ именемъ Рихарда Егорова, съ воспрещеніемъ навсегда именоваться фамиліею фонъ-денъ-Бринкенъ. Вамъ поручаю привести приговоръ сей въ надлежащее исполненіе. С.-Петербургъ, 23 февраля 1834 г.“

⁵ *Enfants d'Edouard* — трагедія Казимира Делавиня.

⁶ Баронъ Heckeren de Beverwaard, — голландскій посланникъ въ Петербургъ, пріемный отецъ Дантеса - Гекерна, убійцы Пушкина.

⁷ Англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургъ.

⁸ Дмитрій Петровичъ, см. I, 555 - 556.

⁹ „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ напечатана въ „Новосельѣ“, кн. II (1834), стр. 479 - 569.

¹⁰ Наталья Кирилловна Загряжская, дочь гр. Кирила

Григорьевича Разумовскаго, р. 5 сент. 1747, ум. 19 марта 1837. Она приходилась дальней родственницей Пушкину — по женѣ. Нѣсколько ея разказовъ записано поэтомъ въ „Анекдотахъ“ (см. т. VII). „Въ домѣ родственниковъ своихъ, князя и княгини Кочубеевъ, у которыхъ она жила“, говоритъ кн. Вяземскій, „Загряжская была какою-то историческою представительницею временъ и царствій давно прошедшихъ. Она была какъ эти старыя семейныя портреты, писанныя кистью великаго художника, которые украшаютъ стѣны салоновъ новѣйшаго поколѣнія. Наряды, многія принадлежности этихъ изображеній давнымъ-давно отжили; но черты лица, но сочувственное выраженіе фizioноміи, обаяніе творчества, которое создало и передало потомству это изображение, все вмѣстѣ пробуждаетъ вниманіе и очаровываетъ васъ... Вы съ утонченнымъ и почтительнымъ чувствомъ удовольствія вглядываетесь въ эти портреты; вы засматриваетесь на нихъ; вы, такъ сказать ихъ заслушиваетесь. Такъ и Пушкинъ заслушивался разказовъ Натальи Кирилловны: онъ ловилъ въ ней отголоски поколѣній и общества, которыя уже сошли съ лица земли; онъ въ бесѣдѣ съ нею находилъ необыкновенную прелесть историческую и поэтическую...“ См. статью о ней Л. Н. Майкова, Пушк., 397 - 413.

¹¹ Александръ Васильевичъ, статсъ-секретарь Екатерины II, авторъ извѣстныхъ записокъ.

¹² Мартыновъ, ген.-лейтенантъ.

¹³ Перовскій, впоследствии (1855) — графъ, Василій Алексѣевичъ (1794 - 1857), другъ Жуковскаго, былъ въ 1833 г. назначенъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ У него останавливался Пушкинъ проездомъ черезъ Оренбургъ, 18 - 20 сентября 1833 г.

¹⁴ Меншиковъ, Александръ Сергѣевичъ, свѣтлѣйшій князь (1787 - 1866), былъ съ 1830 года финляндскимъ генераль-губернаторомъ.

¹⁵ Скобелевъ, Иванъ Никитичъ (1778-1849), извѣстный военный писатель.

¹⁶ Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій (1800-1868), извѣстный сельскій хозяинъ.

¹⁷ Мятлевъ, Иванъ Петровичъ (1796 - 1844), поэтъ-юмористъ, авторъ „Сенсацій г-жи Курдюковой“ (1840 - 44) и др.

¹⁸ См. IV, 246.

¹⁹ Князь Викторъ Павловичъ Кочубей (1768 - 1834), предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ (съ 1827 г.).

²⁰ Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде (1780 - 1862), былъ съ 1822 по 1852 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ.

²¹ О томъ же происшествіи сообщалъ и кн. Вяземскій А. И. Тургеневу, въ письмѣ отъ 4 янв. 1834 Ост. Арх III, 254.

²² А. Н. Вульфъ, пріѣхавшій въ П-бургъ въ февралѣ 1834 г., записалъ въ своемъ дневникѣ, что Пушкина онъ нашель „мало измѣнившимся отъ супружества, но сильно негодующимъ на царя за то, что онъ одѣлъ его въ мундиръ, — его, написавшаго теперь повѣствованіе о Пугачевѣ и нѣсколько русскихъ сказокъ. Онъ говоритъ, что онъ возвращается къ оппозиціи; но это едва ли не слишкомъ поздно; къ тому же, ея у насъ нѣтъ, развѣ только въ молодежи“. (Майковъ, Пушк., 208). Кн. П. А. Вяземскій писалъ 2 янв. 1834 А. Я. Булгакову*: Александръ Пушкинъ, поэтъ Пушкинъ, теперь — камеръ-юнкеръ Пушкинъ. Что скажетъ о томъ Полевой? Дочь Карамзина, Софья Николаевна, писала И. И. Дмитріеву, что Пушкинъ „крѣпко боялся дурныхъ шутокъ надъ его неожиданнымъ камеръ-юнкерствомъ, но теперь успокоился, ѣздитъ по баламъ и наслаждается торжественною красотою жены, которая, не смотря на блестящіе успѣхи въ свѣтѣ, часто и преискренно страдаетъ мученіемъ ревности, потому что посредственная красота и посредственный умъ другихъ женщинъ не перестаютъ кружить поэтическую голову ея мужа“. (Бартеневъ, Пушк., II, 58 - 59). Наталья Николаевна была представлена ко Двору 17 января 1834.

²³ Кн. Вяземскій говоритъ о Безобразовѣ: „Бѣшенная ревность овладѣла имъ съ перваго дня брака, а, говорятъ,— и до брака, такъ что онъ готовъ былъ на всѣ неистовства и преступленія. Богъ знаетъ, какихъ причинъ не выдумываютъ тому въ городѣ, но я ничего не вижу въ этомъ, кромѣ мономаніи его. Жаль ее сердечно... Кто бы подумалъ, что Люба Хилкова... будетъ героинею подобной трагической повѣсти!“ (Ост. Арх., III, 255).

²⁴ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, членъ Государственнаго Совѣта.

²⁵ Князь Василій Сергѣевичъ Трубецкой (1776-1841), ген.-адъютантъ, сенаторъ, членъ Госуд. Совѣта.

²⁶ Здѣсь Пушкинъ въ первый разъ упоминаетъ имя Дантеса, которому суждено было впоследствии сыграть роковую роль въ его жизни. Баронъ Жоржъ Дантесъ (d'Anthès), усыновленный голландскимъ посланникомъ въ Петербургѣ барономъ Геккерномъ и присоединившій къ своему фамильному имени его имя, родился въ Кольмарѣ, 5 февраля н. с. 1812, поступилъ въ Сенъ-Сирское военное училище 19 ноября 1829 и уволенъ отсюда, по желанію семейства, 19 окт. 1830. Въ 1834 г., 27 января, онъ допущенъ къ офицерскому экзамену въ Военной Академіи, а 30 янв. опредѣленъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Что касается маркиза Пина, то онъ въ гвардію принять не былъ, а поступилъ въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, гдѣ, впрочемъ, оставался недолго: онъ былъ обвиненъ въ кражѣ серебряныхъ ложекъ и долженъ былъ выйти въ отставку. (Бартеневъ, Пушк., II, 69).

²⁷ Скарятинъ, одинъ изъ участниковъ событія 11 марта 1801 г.

²⁸ Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, извѣстный писатель (род. 30 іюля 1803, ум. 27 февр. 1869).

²⁹ Въ этотъ день казнены были пятеро декабристовъ. См. II, 413-414.

³⁰ Объ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой см. II, 430.

³¹ Князь Дмитрій Евсѣевичъ Циціановъ, дядя Смирновой, извѣстный своими необыкновенными разсказами, см. выше, стр.

³² Уваровъ, графъ Ѳедоръ Петровичъ (1773 - 1824), боевой генералъ, одинъ изъ героевъ 1812 года.

³³ Плюшаръ—извѣстный въ то время петербургскій книгопродавецъ. Объ изданіи „Энциклопедическаго Лексикона“ см. разсказъ Н. И. Греча въ Рус. Арх. 1882, II, 275-278.

³⁴ Гаевскій, Павелъ Ивановичъ (1797 - 1875), переводчикъ съ польскаго и французскаго яз.

³⁵ Устряловъ, Николай Герасимовичъ (1805 - 1870), историкъ, профессоръ Спб. унив., издалъ въ 1832 г. „Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ“ (5 томовъ), а въ 1853—„Сказанія Князя Курбскаго“.

³⁶ Кн. Долгорукій, Василій Васильевичъ (1789-1858), оберъ-шталмейстеръ и Спб. предводитель дворянства, вице-президентъ Вольнаго Экономическаго общества.

³⁷ Князь Петръ Ивановичъ Мещерскій былъ женатъ на дочери Карамзина, Екатеринѣ Николаевнѣ.

³⁸ Кукольникъ, Песторъ Васильевичъ (1809 - 1868), извѣстный писатель. Къ этому времени имъ были изданы: „Торквато Тассо“ (1833), „Джакопо Санназаръ“ (1834) и „Рука Всевышняго отечество спасла“ (1834).

³⁹ Графъ (съ 1841 г. — свѣтл. князь) Чернышевъ, Александръ Ивановичъ (1786-1857), былъ съ 1827 г. военнымъ министромъ.

⁴⁰ Гладковъ, Спб. оберъ-полицеймейстеръ.

⁴¹ Диринъ, Сергѣй Николаевичъ, журнальный сотрудникъ и переводчикъ.

⁴² Зайцевскій, Ефимъ Петровичъ (ум. 1860), поэтъ, сотрудникъ „Телескопа“, „Сына Отечества“, „Литер. Газеты“ и альманаховъ.

⁴³ Высочайшее повелѣніе о прекращеніи изданія „Моск. Тел.“ послѣдовало 3 апрѣля 1834 г. См. статью Сухомлинова: „Н. А. Полевой и его журналъ Моск. Телеграфъ“, въ „Изслѣд.“, II, 366-431.

⁴⁴ Княгиня Наталья Петровна Голицына, см. V, 497.

⁴⁵ Въ рукописяхъ Гоголя не оказалось никакихъ слѣдовъ этого сочиненія. См. Соч. Гоголя, изд. 10-е, т. V, стр. 652-653.

⁴⁶ Гр. Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. См. I, 658 - 659.

⁴⁷ Котляревскій, Петръ Степановичъ. См. III, 620.

⁴⁸ Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ. См. II, 557-558.

⁴⁹ Свиньинъ, Павелъ Петровичъ (1788 - 1839), писатель и журналистъ, издавалъ „Отеч. Записки“ (1818-1823) и собралъ музей разныхъ древностей.

⁵⁰ „Мнѣ приходится очень печально расплачиваться за увлеченія своей юности“, писалъ Пушкинъ гр. Строгонову, получивъ эту статью: „объятія Лелевеля кажутся мнѣ тяжелѣе ссылки въ Сибирь. Впрочемъ, благодарю васъ за то, что вамъ угодно было сообщить мнѣ эту статью: она мнѣ послужитъ текстомъ для отвѣда“. — Графъ Григорій Александровичъ Строгоновъ, по матери своей, Елиз. Алекс-

сандр. Загряжской, былъ двоюроднымъ братомъ тещи Пушкина, Натъ Ив. Ганчаровой.

⁵¹ Полевой былъ вызванъ въ Петербургъ для объясненій по поводу напечатанной въ „Телеграфъ“ статьи о драмѣ Кукольника: „Рука Всевышняго отечество спасла“, 21 марта; 31 марта онъ написалъ объясненіе, а на другой день, 1 апрѣля, возвращенъ въ Москву. М. А. Дмитріевъ написалъ по поводу его ареста балладу-пародію „Новая Свѣтлана“, которая напечатана въ Рус. Арх. 1885, I, 649-659.

⁵² Графъ Литта, оберъ-церемоніймейстеръ.

⁵³ Совершеннолѣтіе наслѣдника, в. кн. Александра Николаевича, праздновалось 17 апрѣля 1834 г.

⁵⁴ Мердеръ, Карлъ Карловичъ, генераль-адъютантъ, воспитатель в. кн. Александра Николаевича, р. 1788, ум. 24 марта 1834. См. воспоминаніе о немъ въ Соч. Жуковского.

⁵⁵ Графъ Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ (1771-1825), с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ.

⁵⁶ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о письмѣ П. къ женѣ отъ 20-22 апрѣля, копію съ котораго московскій почтъ-директоръ А. Я. Булгаковъ, пріятель Тургенева и кн. Вяземскаго, препроводилъ Бенкендорфу. Узнавъ объ этомъ, П. умышленно написалъ женѣ, чтобы она была осторожнѣе въ своей перепискѣ, такъ какъ въ Москвѣ состоитъ почтъ-директоромъ негодяй, который не считаетъ грѣхомъ распечатывать чужія письма и торговать собственными дочерьми. Письмо это не дошло ни до Н. Н. Пушкиной, ни до Бенкендорфа. (Рус. Стар. 1880, т. 29, стр. 219). Подобные случаи бывали также и съ Жуковскимъ, который однажды писалъ по этому поводу А. И. Тургеневу: „Что могутъ узнать теперь изъ писемъ? Кто вѣритъ себя почтъ? Что выиграли, разрушивъ святыню, вѣру и уваженіе къ правительству? Это бѣситъ! Какъ же хотятъ уваженія къ законамъ въ частныхъ людяхъ, когда правительство все незаконное себѣ позволяетъ?“ (Соч. Жук., изд. 1878, VI, 415).

⁵⁷ Полетика, Петръ Ивановичъ (1778-1849) хотя не занимался литературою, но находился въ близкихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Карамзина и былъ избранъ въ члены „Арзамаса“, гдѣ получилъ прозвище: „Очарованный Чеднь“, вслѣдствіе своихъ многолѣтнихъ странствованій по

Европѣ и Америкѣ. Въ то время, о которомъ здѣсь говорится, онъ только что вернулся изъ Соед. Штатовъ, гдѣ былъ посланникомъ.

⁵⁸ Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь (1754 - 1838) воспитатель императора Александра I. См. о немъ статью М. И. Сухомлинова, въ „Изслѣд.“, II, 35 - 204.

⁵⁹ У Ек. Андр. Карамзиной.

⁶⁰ Гр. Павелъ Дмитріевичъ. См. I, 549.

⁶¹ Или Бологовской, — тотъ самый, о которомъ упоминается въ рассказѣ Липранди о Кирджали, см. т. VII.

⁶² Открытіе Алекс. колонны происходило 30 августа 1834.

⁶³ Памятникъ въ Тарутинѣ, имѣннй гр. Румянцова, въ честь 1812 г.

⁶⁴ Лексъ, Михаилъ Ивановичъ, см. т. VII.

⁶⁵ Деларю, Михаилъ Даниловичъ (1811 - 1868), поэтъ. Въ „Библ. для Чтенія“ 1834, № 12 (т. VII, стр. 131), напечаталъ слѣдующій переводъ стихотворенія В. Гюго:

К р а с а в и ц ѣ .

Когда бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница, — тогда бъ повергъ я предъ тобой
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру,
За взоръ, за взглядъ единый твой!

И если бъ Богомъ былъ, — селеньями святыми
Клянусь, — я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними —
За твой единый поцѣлуй!

Вниманіе митрополита на эти стихи обращено было Андр. Ник. Муравьевымъ, и пропустившій ихъ цензоръ Никитенко былъ посаженъ на 8 дней подъ арестъ, причемъ Уваровъ сообщилъ ему: „Государь на васъ вовсе не сердитъ. Прочитавъ стихи, онъ только замѣтилъ: „Прозѣваль!“ Но онъ вынужденъ былъ дать удовлетвореніе главѣ духовенства, и притомъ — публичное и гласное“. (Записки Никитенка, I, 345, 346, 350). Деларю, служившій въ канцеляріи военнаго м-ва, былъ немедленно уволенъ. Впослѣдствіи Пушкинъ, т. VI.

(1837), по ходатайству Д. М. Княжевича, онъ получилъ мѣсто инспектора Ришельевского лицея въ Одессѣ. См. Рус. Стар. 1880, т. 29. 217 - 220 и 243 - 246.

⁶⁶ О. Н. Глинка — авторъ многочисленныхъ духовныхъ стихотвореній, въ томъ числѣ — и нѣсколькихъ „переложеній“ псалмовъ.

⁶⁷ Bertrand et Raton, ou l'Art de conspirer, — комедія въ 5 д. Скриба, въ первый разъ представленная на сценѣ Comédie Française 14 ноября 1833 г. Сюжетомъ ея служить исторія извѣстнаго датскаго министра Струэнзе, погибшаго на эшафотѣ въ царствованіе Христіана VII.

⁶⁸ Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій (1787 - 1863), филологъ и гебраистъ, переводчикъ Св. Писанія, профессоръ богословія, съ 1826 г. былъ законоучителемъ наслѣдника престола, Александра Николаевича. Исторія вышла изъ-за его книгъ: „Христіанское ученіе въ краткой системѣ“ и „Начертаніе церковной исторіи“, напечатанныхъ по Высочайшему повелѣнію. Жуковскій говорилъ Павскому: „Ваша религія — другъ просвѣщенія, такая именно, какаѣ должна жить въ душѣ государя“. Главное сочиненіе П. — Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка“ (1841 - 42, 3 тома; 2-е изд., 1850, 4 тома). Обвинительная записка митр. Филарета напечатана, вмѣстѣ съ объясненіями Павскаго, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. 1870; біографія П. — въ Рус. Стар. 1880.

⁶⁹ См II 556 - 557, „На выздоровленіе Лукулла“. Въ „Рус. Стар. 1881, т. XXXI, стр. 617 - 618, разсказывается что Пушкинъ, на вопросъ гр. Бенкендорфа, на кого написаны эти стихи, отвѣчалъ: на васъ. — „Развѣ я король казенныя дрова?“ — А стало быть, Уваровъ король, если принялъ стихи на свой счетъ?

